ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ

Пантелеймон Олександрович Куліш

VE
RI
TAS

в.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

I.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 Марта 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Въ Типографiи Александра Якобсона.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЦѢЛЬ И СОСТАВЪ КНИГИ.

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ Сѣверно-Русскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію, или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ Южно-Русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать, въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ, *Записки о Южной Руси,* въ которыхъ бы каждый просвѣщенный Русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣденій о народѣ, говорящемъ языкомъ

Южно-Русскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны, какъ мною самимъ, такъ и другими лицами. Первый томъ этихъ Записокъ занятъ преимущественно историческами воспоминаніями Малороссійскаго, или Южно-Русскаго народа, которыя представлены въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и снабжены необходимыми поясненіями. Съ одной стороны, это — лѣтопись былого, незаписаннаго старинными людьми; съ другой — это вѣрное отраженіе внутренняго образа Южно-Русскаго племени, какимъ оно было въ-старину и какимъ видимъ его теперь.

О переводѣ Малороссійскихъ думъ и преданій.

Такъ какъ языкъ нашихъ Малороссійскихъ думъ и преданій доступенъ не всѣмъ Великорусскимъ читателямъ, то я счелъ нужнымъ приложить къ нимъ возможно точный переводъ. Я говорю *возможно точный* потому, что передать въ-точности харахтеръ Южно-Русской рѣчи на Сѣверно-Русскомъ языкѣ нѣтъ никакой возможности, по недостатку многихъ сотвѣтственныхъ формъ въ языкѣ Сѣверно-Русскомъ. Часто то, что̀ по-Малороссійски выражается нѣжно и живописно, по-Великорусски выходитъ грубо и вяло. Поэтому многое надобно было оставлять безъ перевода, а иное переводить оборотами, далекими отъ дословной точности. Вообще я долженъ сказать, что весь мой переводъ есть только средство къ

уразумѣнію подлинника, но никакъ не замѣна его для людей, незнающихъ по-Малороссійски. Многое въ Малороссійскомъ языкѣ рѣшительно непереводимо на языкъ Великорусскій; въ этомъ сошлюсь на людей, родившихся на сѣверѣ и изучившихъ нашу южную рѣчь изъ просвѣщенной любознательности. Но, какъ Сѣверный и Южный Русскій народъ есть одно и то же племя, при всемъ различіи своихъ характеровъ, прозведенномъ различіемъ мѣстности и общественной жизни; то, при нѣкоторомъ вниманіи и навыкѣ, Великорусскому уроженцу не трудно понимать смыслъ и красоту Малороссійскаго языка, особенно на бумагѣ.

О Малороссійскомъ правописаніи.

Въ предлагаемомъ изданіи я старался упростить, сколько возможно, Малороссійское правописаніе и приспособить его къ легчайшему произношенію словъ. До сихъ поръ въ Малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ *прийшлú*, *минýли*). Но она до такой степени несвойственна Южно-Русской рѣчи, что Полтавецъ, или Чигиринецъ не можетъ даже въ Великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы, мы,* и. т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ *ми, ви,* но никогда не скажетъ *вы,* или *ми,* такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ Малороссійскомъ языкѣ, котораго образ-

цомъ служитъ для меня наиболѣе общее Малороссіянамъ нарѣчіе, именно Полтавско-Чигиринское, — вовсе нѣтъ звука *ы*, а потому я и исключилъ его изъ своего правописанія. Напримѣръ слово *волы* произносится Малороссіянами похоже на то, какъ еслибы написать это слово Французскими буквами (*voly*). Мягкое *и*, заключающееся въ этомъ словѣ, я выражаю, за неимѣніемъ въ Русскомъ алфавитѣ болѣе соотвѣтствующаго ему звука, осьмеричнымъ *и*; а острое *и* (напримѣръ въ словахъ *кони*) я выражаю десятиричнымъ *і*.

Буква *е* въ Малороссійскомъ языкѣ произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ Великорусскомъ словѣ *дерево*, а близко къ тому, какъ во Французскомъ словѣ *délecter*; и потому слово *дерево* по-Малороссійски надобно произносить такъ, или почти такъ, какъ еслибы оно было напечатано Французскими буквами (*dérévo*). Но есть въ Малороссійскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ Великорусскомъ словѣ *денегъ*. Это *е* я выражаю буквою *є* (напримѣръ въ словѣ *зіллє*).

Къ этому надобно еще прибавить, что буква *о* никогда не произносится какъ *а*, но всегда такъ чисто, какъ во Французскомъ языкѣ.

Многія Малороссійскія слова различаются отъ Великорусскихъ только удареніемъ, и потому Великороссіянинъ, взявшись читать по-Малороссійски, безпрестанно

впадаетъ въ такія непріятныя для слуха ошибки, какъ еслибы кто по-Великорусски читалъ такимъ образомъ: *Прйшла служанкá отъ сóсѣда*. Для устраненія этого важнаго неудобства, я ставлю надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ острое удареніе. А чтобы показать повышеніе и пониженіе голоса разскащика, или декламатора (пѣвцы, читая свои думы, декламируютъ ихъ какимъ-то особеннымъ, какъ-бы заученнымъ способомъ), я ставлю надъ нѣкоторыми словами удареніе тяжелое. Если въ словахъ, имѣющихъ букву *i*, удареніе не поставлено, это значитъ, что его надобно сдѣлать на этой буквѣ. Но въ словахъ, имѣющихъ два раза букву *i*, я ставлю надъ одной изъ нихъ удареніе.

ИЗДАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1.

Изслѣдованія.

Заселеніе праваго берега Днѣпра стараніями Польскихъ пановъ. (Народонаселеніе начало быстро уменьшаться во время войнъ Хмѣльницкаго. — Два послѣднія переселенія. — Запустѣніе западной Украйны. — Новыя поселенія: старосты и магнаты; дворяне; права шляхтѣ на »заложеніе осадъ«; военные колонизаторы. — Зазывы на »слободу«. — Повинности. — Чѣмъ обогащалась шляхта. — Враждебные жизненные элементы. — Сосѣдство Запорожцевъ. — Набѣги гайдамакъ.) Стр. 82 — 93.

Тождество гайдамацкихъ набѣговъ съ войнами Богдана Хмѣльницкаго. Стр. 94, 245, 285.

Когда жилъ и умеръ сотникъ Харкó? Стр. 96 — 99.

Разскащикъ Кондратъ Таранýха Смилянскій. Стр. 99.

Трудность собиранія пѣсенъ и преданій. Стр. 100.

Равнодушіе народа къ исторіи Малороссіи. (Загадочность настоящаго состоянія его духа.) Стр. 121 — 122.

Сбивчивыя понятія нашихъ историковъ о Паліи. (Онъ былъ одинъ изъ колонизаторовъ западной Украйны.) Стр. 128 — 131.

Думы, забытыя народомъ, продолжаютъ иногда существовать въ формѣ прозаическихъ расказовъ, со стихотворными отрывками. Стр. 169 — 170.

Воспоминанія народа объ отдаленнѣйшей Кіевской старинѣ. (Преданіе о морскихъ походахъ первыхъ Кіевскихъ князей, сохранившееся въ формѣ думы.) Стр. 171 — 172.

Историческія думы и пѣсни складываемы были не по воспоминаніямъ о старинѣ, а по свѣжимъ слѣдамъ событій. (Одиссей слушалъ рапсодію о себѣ самомъ. — Рапсодіи народовъ новаго образованія. — Невѣста Тимоѳея Хмѣльницкаго слушала думу о немъ. — Епископъ

Львовскій сложилъ думу о гетманѣ Самойловичѣ. — Пѣсня о Паліи въ Сибири выражаетъ моментъ сочиненія.) Стр. 178 — 180.

Поэтическое творчество Малороссійскаго народа перешло къ его литературнымъ представителямъ. (Аналогія между Гомеровыми ропсодіями и Малороссійскими думами. — Гомеръ и Вальтеръ Скоттъ. — Раздѣленіе народа цивилизаціею есть залогъ высшаго духовнаго развитія. — Вмѣсто бандуристовъ, цивилизованному Малороссійскому обществу нужны поэты.) Стр. 180 — 185.

Сочинителями историческихъ думъ и пѣсень были не нищіе слѣпцы, а очевидцы и участники воспѣтыхъ происшествій. (Разборъ думы о смерти козака бандуриста. — Палій въ Сибири игралъ на бандурѣ.—Популярное изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ.— Слѣпцы–нищіе учились думамъ у козаковъ–воиновъ.) Стр. 185—193.

Эпосъ былъ въ большомъ ходу въ княжеской, а потомъ и въ козацкой Южной Руси. (Молчаніе лѣтописцевъ о думахъ и пѣсняхъ. — Памятникъ эпическаго развитія народной Южно-Руской поэзіи, »Слово о Полку Игоревѣ». — Кѣмъ онъ могъ быть написанъ и какимъ измѣненіямъ могъ подвергнуться. — Остатки славословій князьямъ уцѣлѣли донынѣ въ »щедрівкахъ« . — Высокое совершенство языка Малороссійскихъ женскихъ пѣсень. — Старосвѣтскіе бандуристы пѣли послѣдовательно рядъ историческихъ думъ, подобно Гомеру. — »Послѣдній менестрель« козацкій продаетъ слѣпцу свою бандуру и учитъ его думамъ.) Стр. 193—199.

»Невольницкія« думы сложены самими невольниками. (Въ Турціи образовалась какъ-бы цѣлая нація невольниковъ. — Они безпрестанно мѣнялись ролями съ вольными козаками.) Стр. 211 — 215.

Заслуги собирателей народныхъ пѣсень. Стр. 221.

***Самъ народъ есть лучшій памятникъ своей прошедшей жизни.* Стр. 135.**

2.

Преданія, легенды и повѣрья.

Жидовскіе откупы до Хмѣльницкаго. (Церковные ключи хранились у Жида-откупщика.) Стр. 166.

Пограничные схватки жолнѣровъ съ козаками. (Жолнѣры и и Запорожцы сходились въ одинъ шинкъ и, заспоривъ между собой, дрались на сабляхъ. Отсюда началась козацкая война.) Стр. 110.

Хмѣльницкій и Барабашъ. (Ляхи притѣсняли козаковъ. Козаки жаловались королю. Король далъ козакамъ »права«; но Барабашъ утаилъ ихъ отъ земляковъ. Хмѣльницкій хитростью добылъ отъ Барабаша »права« и ушелъ съ ними въ Сѣчь.) Стр. 166.

Хмѣльницкій въ Запорожской Сѣчи. (Жолнѣры стояли на Запорожьи и брали десятую рыбу на рыбныхъ козацкихъ ловляхъ. Хмѣльницкій истребилъ ихъ.) Стр. 275.

Плата Хмѣльницкаго за плѣнныхъ. (За Ляха платилъ онъ по рублю, а за ксенза по три полтины). Стр. 276.

Хмѣльницкій надъ Случью. (Отобралъ у своихъ козаковъ всѣ деньги.) Стр. 148.

Легенда о Богданѣ Хмѣльницкомъ. (Прогнавши Ляховъ за Случь, онъ поставилъ надъ Случью, на страхъ имъ, вѣтряные барабаны, а самъ поѣхалъ къ королю просить прощенія. — Онъ долженъ былъ узнать короля между двѣнадцатью палачами. — Свиданіе съ королемъ). Стр. 114.

Преступленія и казнь Юрія Хмѣльницкаго. (За разореніе отцовской церкви, онъ осужденъ, до второго пришествія, скитаться въ горахъ и питать своею кровью змѣю.) Стр. 277.

Легенда о Мазепѣ и Паліи. (Мазепа заложилъ Палія кирпичомъ въ столбѣ. Царь Петръ освободилъ Палія, и Палій очаровалъ Мазепино войско.) Стр. 115.

Вторая легенда о Мазепѣ и Паліи. (Степанъ Плаха [Палій]

предсказалъ Царю Петру возстаніе Мазепы. — Петръ заключилъ Палія въ темницу. Если правду онъ пророчилъ, то будетъ жить тридцать лѣтъ однимъ нюхательнымъ табакомъ. — Когда Мазепа дѣйствительно оказался врагомъ Царя Петра, Царь освободилъ Палія изъ темницы, и тотъ очаровалъ приверженцевъ Мазепы. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Малороссіи.) Стр. 117.

Третья легенда о Мазепѣ и Паліи. (Царь Петръ освободилъ Палія изъ Сибири. — Палій ввелъ Царя въ непріятельскій лагерь, и они подслушали, о чемъ совѣщается Мазепа съ Шведомъ и Туркомъ. — Потомъ Палій такъ зарядилъ пушки, что непріятели тотъ-часъ были разбиты. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Гетманщинѣ.) Стр. 123.

Преданіе о сотникѣ Харкѣ. (Онъ обнаружилъ въ своихъ поступкахъ нѣчто, напомнившее Полякамъ Хмѣльницкаго. Его вызвали въ Паволочь и казнили). Стр. 96.

Легенда о сотникѣ Харкѣ. (Поляки сперва приковали коня Харькова цѣпями и тогда только осмѣлились лишить его жизни. Но и тутъ должны были рубить ему голову собственною его саблею, потому что никакое другое орудіе не взяло его.) Стр. 95.

Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 года. (Изъ Запорожской Сѣчи вышло сперва трое гайдамакъ: Шéлестъ, Лусконігъ и Гнида. Они поселились въ Украинскихъ монастыряхъ, и каждый составилъ свою партію между поселянами. — Появленіе »Сѣчи« въ окрестностяхъ Мотренинскаго монастыря. — Взятіе Уманя. — Прощанье Зализняка съ чурою. — Гайдамаки захвачены въ-расплохъ. — Воспоминаніе о казни гайдамакъ.) 293.

Максимъ Шило. (Гайдамаки казнили своего товарища за убіеніе Черкасскаго »губернатора«. — Пріѣздъ Максима Шило въ Черкасскій зáмокъ. — Униженіе предъ нимъ губернатора. — Смѣлость городового козака.) Стр. 241.

О гайдамакѣ Швачкѣ. (Гайдамаки атакованы въ болотѣ близъ Смилой. — Пѣсня о Швачкѣ.) Стр. 135.

Похожденія гайдамакъ въ Каневѣ. (Гайдамака овладѣваетъ конемъ поселянина. — Неживый вознаграждаетъ его мѣднымъ котломъ.— Крещеніе Жидовки въ Каневѣ.) Стр. 151.

Происхожденіе и конецъ гайдамаки Неживого. (Онъ былъ Су́ботовскій горшечникъ.—Его схватилъ обманомъ панъ Шéрба.) Стр. 278.

Гайдамаки въ Жáботинѣ. (Причиною гайдамачества въ Жаботинѣ былъ Жидъ-арендаторъ, насчитавшій на городовыхъ козаковъ плутовскіе проценты.) Стр. 285.

Гайдамаки въ Умани. (Передъ началомъ »Уманской рѣзни«, гайдамаки велѣли Базиліянамъ пройти по улицамъ и отправить торжественные похороны.) Стр. 285.

Воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ Украйнѣ. (Католики обращаютъ »благочестиваго« священника въ уніятство. — »Благочестивые« монахи внушаютъ народу, какъ уничтожить унію. — Жалобы Переяславскому архіерею. — Поляки пыткою принуждаютъ »благочестиваго« священника къ Уніи. — Возвращеніе »благочестія« на мѣсто уніи.) Стр. 261.

Объ уніи и »благочестіи.« (Гоненія противъ »благочестиваго« духовенства. — Принужденіе народа къ уніи.) Стр. 137.

Взглядъ простолюдина на ярмарки по воскреснымъ днямъ и праздникамъ. (Посредствомъ ярмарокъ лукавый отвлекаетъ народъ отъ »благочестія,« такъ точно, какъ прежде посредствомъ уніи.) Стр. 138.

Обезоруженіе поселянъ послѣ Каліивщины. (Десяти хатамъ позволялось имѣть одинъ ножъ и одинъ топоръ.) Стр. 139.

О Базиліянахъ. (Они преподавали по-Польски катихизисъ; а паны поощряли учениковъ деньгами.) Стр. 101.

Воспоминанія о Запорожцахъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. (Запорожцы возвратились изъ Турціи потому, что ихъ мертвецовъ не принимала земля.— Надпись Царя Петра на камнѣ близъ Савуръ-Моги-

Торговля невольницами на Запорожьи. (Запорожцы увозили иногда изъ Украйны дѣвушекъ и потомъ, не зная, куда съ ними дѣваться, продавали Татарамъ). Стр. 102.

О Запорожскихъ химоромникахъ, или каверзникахъ. (Нѣсколько Запорожцевъ сидѣло въ Кіевѣ подъ арестомъ за переманиваніе къ себѣ карабинеровъ. Отъ скуки, они дурачили своихъ сторожей разными фокусъ-покусами, которые принимались за колдовство. — О томъ, какъ Запорожецъ рыдалъ, услышавъ отъ сторожа пѣсню о гайдамакахъ.) Стр. 77.

Преданіе о Козарахъ. (Народъ, въ своихъ преданіяхъ, производитъ Запорожцевъ отъ Козаръ.) Стр. 150.

Хлѣбосольство на Запорожьи. (Никто не смѣлъ попрекнуть пришельца тунеядствомъ.) Стр. 151.

Очаковская бѣда. (Юмористическій разсказъ о томъ, какъ у козаковъ не стало сала, и какъ они воевали, подъ предводительствомъ Потемкина съ Турками.) Стр. 289.

О Татарскихъ плѣнникахъ. (Татары гоняли плѣнныхъ, привязавъ руками къ длинной жерди по нѣскольку человѣкъ. — Лѣсъ Перегонъ.) Стр. 5.

Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга. (Воспоминаніе объ Артипармакѣ, который выводилъ въ Украйну Орду. — Поселяне гнались за Татарами; козаки, встрѣтивъ ихъ, ограбили по-непріятельски.) Стр. 102.

Тревога по случаю Татарскаго набѣга. (Народъ бросился изъ Черкасъ уходить за Днѣпръ. Сторожевые козаки не пустили его на Русскій берегъ.) Стр. 267.

О козацкомъ ополченіи въ 1790-хъ годахъ. (Воспоминаніе о Потемкинѣ, Кречетниковѣ, Нащокинѣ и Леонидовѣ. — Погреба Выдубицкаго монастыря, подрѣзанные Днѣпромъ. — Утайка трети жалованья.) Стр. 67.

О войнѣ съ Польшею въ 1793—1795 годахъ. (Костюшка былъ волшебникъ. — Умыселъ Поляковъ противъ постояльцевъ. — Плѣнные Поляки въ Кіевѣ на работахъ.) Стр. 73.

О новомъ козацкомъ героѣ, Гладкомъ. (Когда онъ родился, земля затрепетала.) Стр. 165.

Объ урочищахъ въ Звенигородкѣ. (Воспоминаніе о древнемъ Звенигородѣ. — Битвы между помѣщиками за границы. — »Грець« въ видѣ кулачнаго боя.) Стр. 104.

Объ урочищахъ въ Смилой. (Юрáсь, Домна и Мóтря, старинные колонизаторы Украйны. — Турецкое поселеніе.) Стр. 142.

Воспоминанія о прежнихъ повинностяхъ, урожаяхъ и цѣнахъ въ западной Украйнѣ. Стр. 143.

Странствованіе по тому свѣту. (Обмиравшая старуха видѣла на томъ свѣтѣ, въ раю, дѣтей своей госпожи. — На ея распросы, разсказываетъ рядъ другихъ видѣній. — Братья-чумаки, превращенные за вражду въ собакъ. — Всѣ подаянія и пожертвованія, сдѣланныя на этомъ свѣтѣ, возвращаются »помершимъ душамъ« на томъ. — Богатые и бѣдные люди, превращенные въ тощихъ и жирныхъ воловъ. — Грѣшникъ страдающій отъ холода посреди пламени. — Грѣшникъ, томящійся жаждою въ источникѣ. — Скупая богачка въ кипящей смолѣ. — Грѣшникъ по поясъ въ раскаленыхъ угольяхъ — Разбойникъ переносящій змѣй изъ одной ямы въ другую. — Перекладина надъ бездною. — Завѣтъ возвращающейся на этотъ свѣтъ душѣ.) Стр. 303.

3.

Думы и пѣсни.

О морскомъ походѣ »старшаго князя«-язычника въ »Христіянскую Землю«. Записалъ А. Шишацкій-Иличъ. Князь предлагаетъ дружинѣ назначить по немъ преемника, на случай его смерти. — Дру-

жина совѣтуетъ князю ѣхать за море жениться. — Снаряженіе въ походъ. — Молитва богу Посвистачу. — Отплытіе Варяго-Русскаго флота. — Предчувствіе Князя. — Буря у Христіянскаго берега. — Сомнѣніе въ могуществѣ и истинности языческаго Бога. — Увѣрованіе въ Бога Христіянскаго. — Возвращеніе домой. — Совѣтъ о принятіи Христіянской вѣры. — Посольство за море для познанія истинной вѣры. — Возвращеніе посольства и торжество.) Стр. 172.

Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ. Записалъ Э. О. Руликовскій. Стр.

Дума о Феськѣ Андыберѣ, записанная П. Кулишемъ и дополненная варіянтомъ М. В. Нѣговскаго. (Козакъ-нетяга гуляетъ одинадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ году приходитъ къ степной кабачницѣ, Настѣ-Горовой. Тамъ застаетъ трехъ Ляховъ, дукъ-срибля̀никовъ. — Насмѣшки ихъ надъ козакомъ и совѣтъ прогнать его въ-зашей. — Настя, степная кабачница, исполняетъ этотъ совѣтъ въ-точности. Но козакъ упирается, руками въ косяки, ногами въ порогъ, а головою въ полку для мисокъ надъ дверью, и даетъ понятіе о своей силѣ. — Двое изъ Ляховъ-дукъ простодушно смѣются надъ комикомъ-великаномъ, но третій хватился за умъ и покупаетъ для него ки́нву пива. — Степная кабачница велитъ служанкѣ принесть самаго негоднаго пива; но та налила самаго лучшаго, называвшагося »пьяное чоло́« и подала козаку, отворачивая носъ отъ ки́нвы съ притворнымъ отвращеніемъ. — Когда у него зашумѣло въ головѣ, онъ началъ гремѣть ки́нвою объ полъ такъ сильно, что въ кабакѣ развалилась печка и помрачила сажею весь воздухъ. — Насмѣшки Ляховъ-дукъ надъ необразованностью козака-нетяги. — Козакъ тѣснитъ ихъ изъ-за стола къ порогу и садится съ лаптями на по̀кутѣ. — Потомъ вынимаетъ изъ-подъ полы »позолоти́стый недоли́мокъ«, гремитъ имъ объ столъ и поетъ пѣсню, на которую являются козаки съ богатыми одеждами. — Дуки поняли тогда, что передъ ними не козакъ-нетяга, а Феско́ Га́нжа Андыбе́ръ, гетманъ Запорожскій, и принялись его угощать. Но онъ проливаетъ напитки на свое дорогое платье, и велитъ козакамъ проучить ихъ по-козацки. Только пощадилъ того, который купилъ для него пива. — Козаки мстятъ дукамъ-богачамъ за то, что они захватили всѣ поля и »лу́ки.«) Стр. 200.

О козацкой жизни. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Козакъ идетъ на войну. — Жена проклинаетъ его. — Козакъ смѣется надъ ея проклятіями. — Въ домѣ у него между тѣмъ все приходитъ въ безпорядокъ и запустѣніе. — Онъ возвращается и обходится жестоко съ женою. — Сосѣдки смѣются надъ ихъ жизнью; но жена козака скрываетъ пороки мужа. — Онъ идетъ въ корчму и грустно смѣется надъ домашней жизнью козака.) Стр. 215.

О смерти козака-бандуриста. Записалъ А. С. Аѳанасьевъ. (Козакъ, вышедъ изъ битвы въ жалкомъ положеніи, выражаетъ свои чувства игрою на бандурѣ и пѣснею. Онъ тоскуетъ о своихъ товарищахъ, предчувствуетъ близкую смерть и прощается съ бандурою.) Стр. 185.

О Марусѣ Богуславкѣ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Невольники томятся у Турокъ въ темницѣ. — Плѣнная дѣвушка изъ Богуслава объявляетъ имъ, что сегодня праздникъ Воскресенія Христова. — Это извѣстіе усиливаетъ ихъ горесть, и они проклинаютъ вѣстницу. — Но она обѣщаетъ освободить ихъ и, исполнивъ обѣщаніе, съ горестью разсказываетъ о своемъ отступничествѣ. — Молитва невольниковъ.) Стр. 210.

О бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова. Записалъ П. Кулишъ. (Изъ Азова уходило трое братьевъ-невольниковъ, двое на коняхъ, а третій пѣшкомъ. — Этотъ послѣдній проситъ конныхъ взять его между лошадей; но старшій братъ сурово отвергаетъ просьбу. — Пѣшій братъ проситъ по крайней мѣрѣ лишить его жизни и похоронить его тѣло; но эта просьба такъ-же отвергнута. — Пѣшій братъ проситъ оставлять для него по степи примѣты. — Конные братья рубятъ по пути вѣтви съ терновника. — Пѣшій находитъ ихъ и превозноситъ доброту братьевъ. — Выѣхавъ изъ зарослей на голую степь, средній братъ предлагаетъ старшему бросать для примѣтъ куски одежды по пути. — Старшій отвергаетъ предложеніе. — Средній одинъ рветъ свою одежду и разбрасываетъ по степи. — Меньшой, пѣшій, подбираетъ ихъ и оплакиваетъ участь братьевъ, которыхъ полагаетъ изрубленными въ куски. — Отдыхаетъ въ изнеможеніи на Осавўръ-могилѣ. — Обращеніе его къ волкамъ и орламъ, которые собрались къ нему на »темный пóхоронъ«. — Обращеніе къ своей участи и смерть. — Раскаяніе старшаго брата. —

Упрекъ средняго. — Ночлегъ надъ рѣчкою Самаркою. — Совѣщаніе, что̀ говорить отцу и матери. — Погоня и смерть.) Стр. 32.

О бурѣ на Черномъ морѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Буря разбила козацкія суда на три части, изъ которыхъ въ третей потопаютъ два брата и каются въ своихъ грѣхахъ. Богъ ихъ спасаетъ отъ смерти; они приплываютъ къ пристани, хватаются руками за камни и признаютъ вліяніе молитвы отца и матери на судьбу дѣтей.) Стр. 28.

О козакѣ Голо́тѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Дополненія и отмѣны противъ списка г. Лукашевича: (¹) Начало сходно съ началомъ думы Андрея Шута о Феськѣ Ганжѣ Андыбе́рѣ. — Въ городѣ Киліи Татаринъ хвалится передъ Татаркою будущею побѣдою надъ козакомъ Голо́тою. — Козакъ не осмѣиваетъ, какъ въ спискѣ г. Лукашевича, наряда Татарина, потому что Татаринъ здѣсь по богатству одежды и вооруженія, представляетъ съ нимъ противоположность [пѣвецъ г. Лукашевича очевидно потерялъ изъ виду это важное обстоятельство и смѣшалъ двѣ оттѣняющія одна другую фигуры.] — Хвастовство Татарина передъ козакомъ. — Битва. — Козакъ одѣвается въ богатыя одежды убитаго врага и воспѣваетъ хвалу Киліинскому полю.) Стр. 15.

О Жидовскихъ откупахъ и о войнѣ изъ-за нихъ. Записалъ П. Кулишъ. Жиды взяли на откупъ всѣ козацкіе шинки, шляхи, церкви и рѣки. — Слухъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ. — Походъ Хмѣльницкаго. — Бѣгство Жидовъ въ Поло́нне. — Хмѣльницкій требуетъ выдачи Жидовъ. — Отказъ. — Пушка-Сирота. — Взятіе и разграбленіе Полоннаго. — Дѣлежъ добычи.) Стр. 56.

О побѣдѣ подъ Корсунемъ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Отмѣны противъ списка г. Копытько (²): Упоминается Стеблевъ. — Козаки поймали Потоцкаго, связали какъ барана и привезли къ Хмѣльницкому. — Ему говорятъ: »Не вмівъ ти есй въ Ка́мяньськімъ Подільці пробува́ти« и пр. — Ляхи упрекаютъ Жидовъ въ возмущеніи козаковъ. — Жиды уходятъ за рѣчку Случь. На Случи обломился мостъ. — Жидъ,

---

(¹) У г. Максимовича этотъ списокъ перепечатанъ въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень«, на стр. 15.

(²) Въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень«, изд. М. Максимовичемъ, стр. 67.

торговавшій мелкимъ крамомъ, не съ зозаками, а »*козакамъ* пятами накивáвъ« .) Стр. 223.

О Бѣлоцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ Поляками. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны противъ списка г. Мурзакевича, напечатаннаго въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 74. Поляки присвоили себѣ козацкихъ женъ. — Хмѣльницкій откладываетъ войну до весны. — Ляхи называютъ козаковъ родными братьями и просятъ выпустить ихъ за Вислу хоть въ однихъ сорочкахъ. — На Вислѣ ломается подъ бѣгущими ледъ. Козаки топятъ Ляховъ, посмѣваясь ихъ нѣжнымъ названіямъ родными братьями, и выражаютъ иносказательно невозможность братства между двумя враждебными политическими обществами.) Стр. 51.

Отрывокъ изъ пѣсни, проклинающей Богдана Хмѣльницкаго за предательство Татарамъ Украинскихъ поселянъ въ неволю. Записалъ П. Кулишъ. Стр. 322.

О войнахъ Хмѣльницкаго. Записалъ П. Кулишъ. (Слухъ о битвѣ за Дашевымъ подъ Сорокою. — Сравненіе Ляха съ козакомъ. — Рѣшимость не допустить Ляха господствовать самовластно въ Польшѣ.) Стр. 271.

О гайдамакѣ Швачкѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Запрожцевъ захватываютъ въ расплохъ. — Швачка связанъ вмѣстѣ съ эсауломъ. — Все имущество гайдамакъ разобрано по рукамъ.) Стр. 135.

О Васюринскомъ, по поводу разоренія Сѣчи. Записалъ П. Кулишъ). Воззваніе къ спокойному великому гетману. — Напрасная просьба къ Царицѣ. — Горесть Запорожцевъ. — Предложеніе Васюринскаго.) Стр. 321.

Надпись на популярномъ изображеніи Запорожца-кобзаря. Записалъ П. Кулишъ. — Воззваніе къ струнамъ. — Неизвѣстность происхожденія Запорожцевъ. — Похвала Запорожской жизни. — Глубокая грусть, въ видѣ шутокъ.) Стр. 315.

О вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны противъ думъ, помѣщенныхъ съ сборникѣ г. Метлинскаго: Достигнувъ

совершеннолѣтія, сыновья вдовы гуляютъ по Крыловскому рынку. — Вдова проситъ Бога покарать ихъ тремя несчастіями: неурожаемъ, неуваженіемъ и нелюбовью добрыхъ людей и несогласіемъ съ женами. — Все это исполняется.) Стр. 19.

О сестрѣ и братѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Пополненія противъ думы, помѣщенной въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича: Братъ иносказательно представляетъ невозможность пріѣхать къ сестрѣ въ гости.— Сестра объясняетъ иносказаніе. — Сравненіе тягости одиночества съ разными явленіями природы.) Стр. 24.

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Въ наше время было бы излишнимъ толковать о томъ, какую важную роль въ народоописаніи играютъ языкъ описываемаго народа и все, что̀ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе на этомъ языкѣ. Простонародные разсказы и пѣсни составляютъ теперь предметъ изученія филологовъ, этнографовъ и историковъ, — не говоря уже о поэтахъ, для которыхъ это живой источникъ свѣжести, силы и разнообразія языка.

Подобно многимъ другимъ, я всегда былъ падокъ на простонародные разсказы; я рано началъ придавать имъ цѣну; но долго оставался въ заблужденіи, что для сохраненія ихъ достаточно одной памяти. Дѣло показало мнѣ не одинъ разъ, что въ памяти сохраняется только духъ и содержаніе разсказа, но формы уступаютъ въ ней мѣсто общимъ формамъ народной рѣчи, которою назвучался слухъ, и теряютъ оттого свой самостоятельный характеръ. Мнѣ стоило иной разъ большого труда припомнить точное выраженіе давно невстрѣчаемаго мною разсканщика, которое могло бы служить для меня опорою въ извѣстномъ случаѣ; и наконецъ я убѣдился, что тутъ нечего полагаться на память, а надобно записывать каждый характерный оборотъ рѣчи въ разсказѣ и каждый переходъ отъ одной мысли къ другой.

Первыя народныя преданія записалъ я такимъ образомъ въ Кіевѣ. Я до сихъ поръ помню очень живо нищаго старика-слѣпца, который подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо *поводиря́*-мальчишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки полотняныхъ шароваръ земляного цвѣта да

обрывки свитки, недоношенной его учителемъ. Обыкновенно слѣпецъ беретъ къ себѣ *въ науку* безроднаго сироту и даетъ ему практическіе уроки нищенства, то есть, учитъ его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и всѣ неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черный день, не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему положенію. Между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкновенною памятью, удерживающею, безъ малѣйшей потери, множество пѣсень и разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ осѣдлой жизни, покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братіею великой знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредясь во всѣ стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на днѣпровскихъ рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волыни и въ Слободской Украйнѣ. Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе геніи, которымъ присвоивалось титло *старéчихъ королей* и которые во всю жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ концахъ Малороссіи собственныя школы. Но эти времена уже прошли. Слѣпые пѣвцы давно ужъ измельчали; вкусъ къ ихъ думамъ и пѣснямъ мало-помалу изчезъ въ народѣ, по мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихотвореніямъ о *Хомѣ и Еремѣ*, о *Дворянкѣ*, вышедшей замужъ за *хліборóба*, и тому подобнымъ. Мой кіевскій нищій не зналъ ужъ ни одной исторической пѣсни, ни одной воинской, или поучительной думы. Я долго подозрѣвалъ въ немъ недовѣрчивость къ моему сочувствію и опасеніе какой-то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у нихъ бываетъ. Я долго пріучалъ его къ себѣ исправною подачею полновѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, изморщенную руку малороссійскаго *старца*, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій поколѣнія новаго, то есть — человѣкъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами

на свое убожество, а звуками и содержаніемъ пѣсень, которыхъ не въ-силахъ была удержать память пѣвца-пахаря, пѣвца-работника, занятая иными заботами. Нищіе нашего времени добываютъ себѣ подачу однообразнымъ канюченьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакого благороднаго чувства.

Такъ перебивался на свѣтѣ и мой старикъ съ своимъ поводиремъ. Но онъ не весь состоялъ изъ заученныхъ, скучныхъ фразъ своего ремесла и изъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ; въ немъ таилось кое-что и лучшее, но только онъ не умѣлъ отыскать его между ненужнымъ хламомъ. Однажды я неожиданно услышалъ отъ него превосходную легенду о Кіевскихъ *Золотыхъ Воротахъ*, которой никогда ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слышалъ. Я заставилъ его повторить ее себѣ нѣсколько разъ; я слѣдилъ за его рѣчью съ карандашомъ въ рукѣ, и вотъ подлинный тонъ и складъ его рѣчи, безъ поправокъ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ. (*)

.... Якъ лихолітте було́, то прийшо́въ чужозе̂мець, Тата́ринъ, и ото́ вже на Вишгородъ бье, а да́лі вже й підъ Кіевъ підступа́е. А тутъ Миха́йликъ ли́царь бувъ, да якъ зійшо̂въ на башту да пусти́въ зъ лу́ка стрілу́, то стріла́ и впа́ла у миску тому́ Тата́рину. Той ско́ро сівъ коло скамьі обідати, тілько що поблагослови́вcь ісги, ажъ та стріла́ такъ и встроми́лась у пече́ню.

»Э«, ка́же, »се жъ тутъ е си́льний ли́царь!... Пода́йте«, ка́же, »мині того́ Миха́йлика, то я одступлю.«

(*) *Переводъ.*—Какъ было *лихолѣтье*, пришелъ чужеземецъ, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь (¹) Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и *благословился* обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ *печеню* (жаркое). »Э«, говоритъ, »да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте«, говоритъ Кіевлянамъ, »выдайте мнѣ Ми-

---

(¹) Великорусское слово *богатырь* не вполнѣ соотвѣтствуетъ малороссій-

Отъ Кияне шушу́-шушу́, и ра̀дятця: А що̀ жъ? оддáймо!«

А Михáйликъ кáже: »Якъ оддастѐ ви менé, то въ остáнній ра̀зъ бу́дете бáчить Золотиі Ворóта.«

Да сівши на коня́, оберну́всь до іхъ да й промо̀вивъ:

»Ой Кия́не, Кия́не, пано̀ве громáда!
Погáна вáша рáда:
Якъ-бй ви Михáйлика не оддавáли,
По̀ки світъ со̀нця, ворогѝ о̀ъ Кѝева не достáли!«

Да взя́въ на рáтище ворóта, — такъ якъ отъ сніпъ святóго жйта візьмешъ, да й поіхавъ у Царігра́дъ черезъ Татáрське вій-сько. А Татáре ёго̀ й не бáчять. Отъ, якъ одкрйвъ ворóта, то чужозéмці ввалѝлись у Кѝевъ да й пішлѝ пóтоптомъ.

А лѝцарь Михáйликъ и до̀сі живé въ Царігрáді; передъ нимъ

хайлика, такъ отступлю.« Вотъ Кіевляне шушу-шушу, и совѣтуются: »Что̀ же? выдадимъ!« А Михайликъ говоритъ: »Какъ выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота.« Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ: »Ой *Кіяне*, *Кіяне*, честна́я *громада!* (¹) неразуменъ совѣтъ вашъ. Когдабъ вы Михайлика не выдавали, — *пока свѣтъ солнца*, не добыть бы врагамъ Кіева!« И поднялъ онъ копьемъ ворота — такъ вотъ, какъ поднимешь снопъ святого *жита* (²) — и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и *пошли по́топтомъ*.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просфорка: больше ничего не ѣстъ. И Золотыя Во-

---

скому *лйцарь* (рыцарь). Слово *витязь* подходитъ къ *лйцарю* ближе; но Великорусскій *витязь* не имѣетъ почти непремѣннаго свойства Малороссійскаго *лйцаря*, именно — сверхъестественнаго могущества, независящаго отъ физической силы и удачи.

(¹) Міръ, мірская сходка. — (²) Житомъ называется въ Малороссіи рожь.

стоїть стака́нчикъ води́, и про́скурка лежи́ть; більшъ ніч́ого не ість. И Золотиі Воро́та стоя́ть у Царігра́ді. И бу́де, ка́жуть, коли́сь таке́ врѐмя, що Миха́йликъ вѐрнетця въ Киевъ и поста̀вить воро́та на свое́ місто. И, якъ, идучи́ хто ми́мо, ска́же: »О Золотиі Воро́та! стоя́ть вамъ изно̀въ тамъ, де стоя́ли«, то зо́лото такъ и засся́е. А якъ же не ска́же, або́ поду́мае: »Ні, вже не бу́ть вамъ у Киеві!« то зо́лото такъ и помѐрхне. (¹)

Вмѣстѣ съ легендой о временахъ отдаленнѣйшей Татарщины, въ умѣ моего Кіевскаго нищаго сохранилось воспоминаніе и о послѣднихъ Татарскихъ набѣгахъ на Южную Русь. Вотъ оно слово въ слово.

ПРЕДАНІЕ О ТАТАРСКИХЪ ПЛѢННИКАХЪ. (*)

Коли́сь-то, ще якъ По́льща панова́ла, — бо тепе́ръ уже́ По́льщи тілько рука̀въ, уве́сь світъ — сви́та, а По́льщи тілько рука̀въ, — По́льща ху́торъ, — такъ Тата́ре набіга́ли. Було́ на-

---

рота стоятъ въ Цареградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: »О Золотыя Ворота! стоять вамъ тамъ опять, гдѣ стояли«, то золото такъ и засіяетъ. Если жъ не скажетъ, или подумаетъ: »Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!« то золото такъ и померкнетъ (¹).

(*) *Переводъ.*—Когда-то, еще какъ *пановала* Польша—теперь вѣдь отъ Польши остался только рукавъ: весь свѣтъ — *свита*, а Польша — только рукавъ, Польша — хуторъ, — такъ набѣгали тогда Татары.

(¹) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ слышалъ эту легенду близъ Кіева нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но не обратилъ на нее должнаго вниманія. Помнитъ только, что въ ней герой преданія называется *Михайломъ Семилѣткомъ*. Извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ эту легенду въ Гво́здовѣ, подъ Кіевомъ, почти слово въ слово такъ, какъ она у меня записана: обстоятельство весьма важное, какъ это увидимъ ниже.

вя́же людей рука́ми до же́ртки ні́зку да й жене́. Отъ же есть и гай *Перегінъ*.

Такъ тоді-то разъ Тата́ринъ та́къ нагна́въ того́ ми́ру, що й землі ва́жко. Отó ночу́ють вони́ въ степу́. Такъ тиі вже до людей говóрять: »Чи вже́ жъ міжъ на́ми нема́ такóго си́льного, щобъ оцю́ сири́цю порва́въ, або́ такóго, щобъ ружже́ замо́вивъ, або́-що? Подава́ймо ми оцю́ мо́ву по всёму́ обществу́ изъ конця́ въ кіне́ць, щобъ такъ якъ оце́.....« (¹)

Подали́ ту́ю мо́ву, оди́нъ по одному́, оди́нъ по одному́. Ажъ оди́нъ и ка́же: »Я«, ка́же, »розвяжу́ и собі, й ва́мъ ру́ки, тілько не ви́дайте мене́«.

»Не бі́йся,« ка́жуть, »аби́ тобі Бо́гъ помага́въ.«

Отó він ста́въ навко́лішки, стену́вся, — сири́ця такъ и тріснула.

»Тепе́ръ же«, ка́же, »оди́нъ одно́му розвязу́йте ру́ки да забіга́йте зъ усіхъ бо́ківъ по частя́мъ та й кричіть: «Сюди́ на́ші! сюди́ на́ші! Забіра́й Ту́рка! бий Ту́рка!«

Коли́ такъ якъ наро́блять кри́ку, — Ту́рки не стя́мились да

Бывало Татаринъ навяжетъ къ жерди людей и гонитъ. Оттого и лѣсъ зовется *Перегонъ*.

Вотъ однажды Татаринъ нагналъ столько народу, что и землѣ было тяжко. Ночуютъ они въ степи; плѣнники и говорятъ между собою: »Неужели между нами нѣтъ такого, чтобъ разорвалъ этотъ ремень, заговорилъ ружье, или что̀ другое? Пустимъ-ка мы эту рѣчь по всему своему *обществу*, изъ конца въ конецъ, чтобъ такъ какъ вотъ...« (¹) Пустили рѣчь одинъ черезъ другого; вотъ и говоритъ кто-то: »Я«, говоритъ, »развяжу и себѣ, и вамъ руки, только не выдайте меня.« — »Не бойся«, говорятъ; »лишь бы тебѣ Богъ помогъ.« Вотъ онъ сталъ на колѣни, встряхнулся — ремень такъ и треснулъ. »Ну, теперь«, говоритъ, »развязывайте одинъ другому руки, забѣгайте со всѣхъ сторонъ *по частямъ* да кричите: »Сюды наши! сюды наши! Бери Турка! бей Турка!« И какъ этакъ подняли крикъ: го, го! го, го! какъ подняли

(¹) Разскащикъ не нашелъ здѣсь словъ для выраженія своей мысли.

въ-ростичъ, а на́ші за ни́ми; побі́ли й поруба́ли, а самі́ додо́му вернýлись.«

Заговоривъ о нищихъ слѣпцахъ, я вспомнилъ о другомъ пріятелѣ моемъ изъ этого класса народа, объ Архипѣ Никонéнкѣ. Бѣдный! его уже нѣтъ на свѣтѣ. Жизнь его была исполнена великихъ огорченій, и онъ не зналъ, онъ не могъ знать, что у него былъ человѣкъ, истинно его любившій. Я видѣлъ его не болѣе трехъ разъ въ одномъ степномъ хуторѣ, не вдалекѣ отъ его родного мѣстечка Оржицы (¹). Приводила его туда четырехлѣтняя хорошенькая, хотя запачканная, дѣвочка, его дочь отъ второго брака. Архипъ былъ чрезвычайно худощавъ, имѣлъ правильныя черты лица и очень пріятный голосъ. Онъ акомпанировалъ себѣ на *лірѣ* (родъ скрипки о трехъ струнахъ, съ колесомъ внутри вмѣсто смычка, какъ у петербургскихъ Савояровъ). Прежде онъ игралъ на настоящемъ національномъ инструментѣ украинскихъ пѣвцовъ, на *ко́бзѣ*, или *банду́рѣ*; но съ нѣкотораго времени перемѣнилъ бандуру на лиру, находя, что лира громче голоситъ и что по-этому на ней можно играть во время свадебъ, гдѣ, какъ извѣстно, у простонародія всегда бываетъ шумъ и гамъ, заглушающій тихое рокотанье бандурныхъ струнъ. Архипъ имѣлъ ту особенность между пѣвцами, что часто останавливался посреди пѣнія и, перебирая струны, примѣнялъ пропѣтый стихъ къ собственному положенію, или извлекалъ изъ пѣсни правоученіе и доказывалъ его практическими примѣрами.

Я не успѣлъ переслушать всѣхъ его думъ; а онъ зналъ ихъ шесть, или семь и пѣлъ очень медленно, потому что, кромѣ размышленій вслухъ, покиваній главою и глубокихъ вздоховъ, ино-

---

крикъ, — Турки не опомнились да въ разсыпную, а наши за ними; перебили и перерубили всѣхъ, а сами воротились домой.

(¹) Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.

гда бывалъ сильно растроганъ содержаніемъ пѣсни; голосъ его дрожалъ всё болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе прерывало на нѣсколько минутъ пѣнье и музыку. Я не предвидѣлъ скорой разлуки съ этимъ прекраснымъ образцомъ Малороссійскихъ слѣпцовъ-музыкантовъ и не торопился выспрашивать у него все, что̀ онъ зналъ, или помнилъ. Мнѣ казалось, что будетъ сдѣлано очень хорошо, если я буду записывать его размышленія и разсказы по мѣрѣ того, какъ они будутъ произвольно высказываться передо мною; и это было бы дѣйствительно сдѣлано очень хорошо, еслибъ внезапная кончина Архипа не разорвала нашей только что начинавшейся дружбы. Теперь у меня отъ знакомства съ о́ржицкимъ бардомъ остались только отрывки изъ его разговоровъ да одна дума, *о козакѣ Голо́тѣ,* ненапечатанная еще ни въ одномъ сборникѣ. (¹)

РАЗСКАЗЫ АРХИПА НИКОНЕНКА О СЕБѢ САМОМЪ. (*)

Я такий бувъ зъ-ма́лечку, що разъ хай проспіва́е, то я ій переймý.

Пе́рше було́ на́шому бра́ту до́бре: якъ узя́въ па́лицю да струме́нтъ, то й пішо̀въ собі куди́ хочъ; ніхто̀ не питáвъ, хто̀ ти такий и звідки. А тепе́ръ, то вже за свій станъ не ході́, ато́ за калаву́ромъ приста́влять. Тоді не було̀ сёго̀, щобъ жени́тьця,

(*) *Переводъ.* — У меня въ дѣтствѣ была такая память, что лишь только кто споетъ, тотъ-часъ и перейму.

Нашему брату было прежде хорошо: взялъ палку и инструментъ (т. е. ко́бзу) да и ступай себѣ, куда вздумалъ. Никто не спрашивалъ: кто ты таковъ и откуда? А теперь, такъ ужъ за свой станъ не ходи,

(¹) Дума, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ сборникахъ г. Лукашевича и г. Метлинскаго, состоитъ только изъ нѣсколькохъ отрывочныхъ стиховъ.

або-що: нашъ братъ увéсь вíкъ ходи́въ си́тий и вкри́тий. А тепéръ хибá въ свою хáту сховáєсся....

Пéрша жíнка въ менé булá дóбра люди́на. Булó, що зароблю, то вонá й заховáє. Отъ иназбірáвъ рублíвъ півторáста (¹), та оцé хáту и ґру́нтъ (²) купи́въ. Хáта въ менé дóбра....

При тíй жíнці одни́хъ сорочóкъ изъ три́дцять нажи́въ. И не питáвъ, и не знавъ, дè вони́ и скíлькі. Скáжешъ тíлько булó: »Дáй бíлу сорóчку« — вонá знáйде й дасть. А цè вже ледáщо! (³) Пóки сижу́ дóма та стережу́, то й ціле; а скóро горíлки вки́нувъ, абó одлучи́всь, такъ усé й перевóдить. Сорочóкъ изъ три́дцять булó — усé попропивáла, тó-що. Оцé чвéртку сóли купи́въ (⁴), то за неділю й немá. Богъ ёгó знáє, якъ мині й віку доживáть. Стáнешъ лáять, — »Я«, кáже, »тебé, сякий, таки́й си́ну, запалю́!« Такъ цу́ръ тобі й пекъ! »Я«, кáже, »тебé, сяки́й, таки́й

ато представятъ за карауломъ. Тогда не нужно было намъ ни жениться, ни что: нашъ братъ весь вѣкъ ходилъ сытъ и покрытъ. А теперь развѣ въ своей хатѣ укроешься отъ непогоды....

Первая жена была у меня добрая душа. Бывало, что заработаю, она и спрячетъ. Вотъ и собралъ рублей полтораста (¹), да вотъ и хату, и *грунтъ* (²) купилъ. Хата у меня славная....

При той женѣ однѣхъ рубахъ нажилъ я до тридцати. И не спрашивалъ, и не зналъ, гдѣ онѣ и сколько. Скажешь только бывало: »Дай чистую рубаху« — она сыщетъ и дастъ. А это ужъ такая дрянь! (³) Пока сижу дома да сторожу, то все и цѣло; а только лишнее выпьешь, или отлучишься, такъ и пошла транжирить. Рубахъ до тридцати было — все пропила, а не то — другимъ путемъ запропастила. Недавно вотъ купилъ четверку (⁴) соли; смотрю — черезъ недѣлю ужъ и нѣту! Богъ знаетъ, какъ мнѣ и вѣкъ свой доживать. Станешь бранить, — »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, подожгу!« Такъ ну тебя къ не-

---

(¹) Разумѣется, ассигнаціями. — (²) Земля подъ хатой, дворомъ, огородомъ и садомъ. Пахотная земля въ полѣ *грýнтомъ* не называется. — (³) Т. е. вторая жена. — (⁴) Четверть пуда.

сину, покину!« Да й покине ледащиця. Отъ и теперъ уже шість неділь нема.... А теперъ зновъ прителішуєтця до мене. Прийшла оце вчора: »Очиний!«

»А що«, кажу »небого? ищѐ не все рознесла? Изновъ до мене, щобъ изновъ що потягти?«

Мовчить, якъ сатана.

Такъ я взявъ, двері очинивъ: »Дѐ ти була?«

»У дочки.«

»Що жъ ти тамъ робила? дѐ пробула, що ти своє время проходила? А теперъ на зіму до мене? Мині нема ні зимі, ні літа — я завсегда въ роботі. Поздоровъ, Боже, миръ — пропитає мене. А ти дѐ валасалася?«

Прийде та оваляшить що-небудь, та й піиде. Сижу самъ собі въ хаті, граю-граю — ніхто не слухае. Хиба віжечки, верёвочку звить унесе. А теперъ, якъ одробились у полі, до й того немає.

Надобно замѣтить, что Архипъ Никоненко пособлялъ своему пѣнію ремесломъ, болѣе нужнымъ для поселянъ: онъ ощупью вилъ веревки. Узнавъ объ этомъ, я отпустилъ ему нѣсколько фунтовъ пеньки и заказалъ свить для меня длинную веревку. Когда работа была представлена, оказалось, что въ ней не до-

---

чистому! »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, брошу!« И точно броситъ негодная. Вотъ и теперь ужъ шесть недѣль, какъ ея нѣту..... А теперь опять присосѣживается ко мнѣ. Приходитъ вчера: »Отвори!« — »А что«, говорю, »голубушка? еще не все растаскала? Опять ко мнѣ, чтобъ опять что-нибудь стащить?« Молчитъ, какъ сатана. Вотъ я дверь отворилъ: »Гдѣ ты была?« — »У дочки.« — »Что же ты дѣлала тамъ? гдѣ ты все это время пробродила? А теперь на зиму ко мнѣ? У меня нѣтъ ни зимы, ни лѣта — я всегда въ работѣ. Дай Богъ здоровье міру — прокормитъ меня. А ты гдѣ шлялась?« Придетъ, стащитъ что-нибудь да и была такова. Сижу одинъ себѣ въ хатѣ, играю на кобзѣ — никто не слушаетъ. Развѣ кто-нибудь возжи, или веревку свить принесетъ. А теперь, какъ покончили въ полѣ работу, такъ и того нѣту.

ставало одной трети вѣсу противъ пеньки. Бѣдный Архипъ былъ этимъ до-того встревоженъ, что не могъ пропѣть думы, безъ того чтобы не останавливаться и не размышлять для себя и для слушателя въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ:

(*) Хто́ жъ се въ мене́ іхъ підчи́стивъ? (¹)...Воно́ й берѐ, да не заразо́мъ, а потро́шку. Ви́дно, бере́, да не ду́рень — розу́мний: щобъ я й не пізна̀въ ще. Са́ме мѐнше, а жмінь шість пропа̀ло. Ой су́киноі ше́льми соба́ки необа́шноі! Колибъ мині ёго́ пійма́ть да провчи́ть — воно́ бъ тоді одсахну́лося. Одного́ я провчи́въ. Отъ, якъ о свято́му Микола̀і... дай, Бо́же, дожда́ть на то̀й годъ... укра̀дено въ мене́ не бага́то — пу́дъ три са̀ла! Дава̀й я ськать, дава́й ськать, — людѐй поіть та випи́тувать; бо такъ нельзя́: ду́рно ніхто̀ не призна̀етця.... Посл́ідні тенеткѝ розо́брано.... Отъ и найшо̀въ. Такъ вінъ ха̀ту та горо́дъ прода̀въ, та мині й заплатѝвъ....

Богъ ёго́ зна̀е, до чого̀ мене́ Богъ доведѐ. Якъ не зароблю́, то лежа̀тиму, по́ки й опу́хну. На Бо́га надіи́ся, а Богъ ніч̀ого не дасть. Пра́вда, воно́ й ска̀зано, що, ка́же, роби́, небо́же, то й

(*) *Переводъ.* — Кто жъ это ихъ у меня подчистилъ? (¹) Кто-то беретъ, да не разомъ, а понемножку. Не дуракъ, видно, беретъ, а умникъ: чтобъ я и не узналъ. По малой мѣрѣ, горстей шесть пропало. А, безсовѣстная собака! когдабы мнѣ поймать да проучить — такъ онъ бы отсталъ отъ меня. Одного этакого я проучилъ. Вотъ, дай Богъ дождать на тотъ годъ, о святомъ Николаѣ, украли у меня — пустяки — пуда три сала! Ну я искать, ну искать, людей поить да выспрашивать: даромъ, вѣдь, никто не признается.... Послѣднее рубище растаскали.... Ну, и нашелъ. Продалъ онъ хату да огородъ, и заплатилъ мнѣ....

Богъ знаетъ, до чего доведетъ Онъ меня. Какъ не заработаю, то буду лежать, пока и опухну. Правда, оно и сказано: *Роби́, небо́же, то й Бо́гъ помо̀же.* Было у меня небольшое хозяйство, и то распол-

---

(¹) Кто укралъ *коно́плі* (пеньку)?

Бо́гъ помо́же. Хазя́йствечко було́, и тѐ ростекло́ся.... До́бре, якъ кому́ е приглѐдіть, а якъ нема̀, то не тре́ба тобі ні́чо́го, якъ на тобі соро́чка. Ходѝ, по́ки съ хребта̀ спаде́, да тоді дру́гу ськай....

Тутъ дітки мале́ньки, а тутъ ще й тимъ пристяза́ють: хло́пець бувъ годъ чотирна́дцяти, того́ взялѝ, нанялѝ за поду́шне. Ось оста́лась оця́ Явдо́шка; пятий годо́къ....Мале́, та якъ що гру́бе ска̀жешъ, то цілий день и нема̀е. Воно́ й ту́тъ бу́де, два ступні одъ ме́не, та не озвѐтця. Тре́ба й ту́тъ терпіть. Лю́де сердѝтимъ мене́ ро́блять. »Слипий«, ка̀жуть, »та сердѝтий.« Пе́рше годъ два́дцять чужѝхъ найма́въ, щобъ водѝли; ну, а вонѝ не булѝ такі, якъ свої. Хло́пець було́ мій у рівъ у такий увопре́, що ста́ну — са́жень косовѝй, та й руко́ю не доста́ну....

Чи воно́ такъ и спѐршу було́, якъ Христо́съ не народѝвся? Ка́жуть, тоді ні пісѐнь, нічо́го не зналѝ. А якъ народѝвсь Христо́съ, то кото́рі дога́дливі бува́ли та христѝлись, такъ святѝми ста́ли; кото́рі жъ плюва̀ли, то ка̀мінемъ ста́ли. Звісно, жилѝ якъ звіръ; то які тутъ пісні?.....

злось. Хорошо, когда есть кому присмотрѣть, а какъ некому, то не нужно человѣку ничего, кромѣ рубахи. Ходи, пока свалится съ хребта, а тогда ищи другой....

Тутъ маленькія дѣтки, а тутъ еще и тѣмъ прижимаютъ: былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати — взяли да наняли за подушное. Теперь осталась вотъ Явдо́шка; пятый годокъ.... Малютка, а скажешь что-нибудь грубое, такъ и изчезнетъ на цѣлый день. Она здѣсь же будетъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, да не откликнется. Надо и тутъ терпѣть. Люди меня сердитымъ считаютъ. »Слѣпой«, говорятъ, »да сердитой.« Прежде, лѣтъ двадцать нанималъ я чужихъ дѣтей водить меня, но тѣ не были такъ злы, какъ свои. Мой мальчикъ бывало затащитъ меня въ такой ровъ, что стану, подниму руку — косая сажень, да и рукою не достану....

Такъ ли оно было и прежде, когда Христосъ не родился? Говорятъ, тогда не знали ни пѣсень, ничего. А какъ родился Христосъ, тогда — кто

Про всѐ мині байдуже, а кобзи якъ-бй на неділю не було, такъ я и гори топлю. А за жінкоюб айдуже. Иноді и въ-ночі встану — граю собі, граю.....

Теперъ, бачте, малі старці настали — нічого не тямлять. Стань ёго вчить, то воно й слухать не хоче. »Се«, каже, »все брехня (¹). Ваші панотці брехали, и вй брешете.« А якъ коли, то, попавши нашого брата на шляху, и попобъють. Яка жъ воно брехня, коли воно такъ именно було? а вони не тямлять, та ще й насъ собивають. Колись такъ було, що намъ казано на глумъ, а ми беремо на умъ: що наче бъ то на шутку, а ми всѐ замічаемо....А теперъ прийде до тебе вчиться.... Якъ же ёго вчить,коли воно.....? Ото добре було, якъ ми покірні були: що намъ скаже на глумъ, а ми беремо на умъ. Ато якъ вйвчитця, якъ хліба випросить, то й потягне собі.... Посадить було коло себе ...такъ якъ оцѐ сидить, такъ и я сяду. Хоть и не га-

---

понялъ дѣло да крестился, тотъ святымъ сдѣлался; а кто плевалъ, тѣ обратились въ камни. Извѣстно, жили, какъ звѣри: какія жъ тутъ пѣсни?

Все мнѣ ни по чемъ, а кобзы пусть только недѣлю при мнѣ не будетъ, такъ *я и горы топлю* (Богъ знаетъ что̀ готовъ дѣлать). А о женѣ мало мнѣ заботы. Иногда встану и ночью, и всё наигриваю себѣ....

Теперь, видите, малые нищіе настали — ничего не смыслятъ. Станешь его учить, а онъ и слушать не хочетъ. »Это«, говоритъ, »все вздоръ (¹). Ваши отцы врали, и вы врете.« А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ. Какой же это вздоръ, коли оно именно такъ было? А они не смыслятъ, да еще и бьютъ насъ. Когда-то водилось такъ, что намъ говорили шутя, а мы мотали на усъ.... А теперь придетъ учиться къ тебѣ.... Какъ же его учить, когда онъ...? То̀ было хорошо, что мы были послушны: намъ скажутъ *на глумъ*, а мы беремъ на умъ. Ато, лишь только выучится, какъ выпроситъ хлѣба, такъ и побрелъ себѣ.. .. Посадитъ бывало кобзарь меня возлѣ себя.. . такъ вотъ какъ Явдошка сидитъ, такъ и я сяду. Хоть и не хотѣлось тогда слу-

---

(¹) Говорится о думахъ и историческихъ пѣсняхъ.

ра́здъ було́ слу́хать ([1]), а тепе́ръ и тѐ до́бре, и ті́мъ заро́бишъ копійку. Чи ска́же що, чи ні — терпи́шъ; а тепе́ръ дити́ни рідноі не на́вчишъ, та́къ у світі наста́ло. Оди́нъ Богъ, одні люде, да не одна́ково стано́витця.«

Вотъ вамъ живая, хоть очень краткая, повѣсть объ одномъ изъ вымирающаго всё болѣе и болѣе поколѣнія пѣвцовъ, которыхъ Архипъ почитаетъ великими, называя своихъ современниковъ *малыми*. Смерть его нанесла великій ущербъ Малороссійской этнографіи. По немногимъ записаннымъ мною отрывкамъ его рѣчей можно предполагать, сколько добра скрывалось въ его головѣ, сокрушенной горемъ и нуждою.

Я записалъ отъ него не одну, а нѣсколько думъ, но только всѣ онѣ, кромѣ одной, извѣстны уже печатно. Впрочемъ Архипъ пѣлъ ихъ съ весьма интересными измѣненіями и дополненіями, и потому я помѣщаю ихъ здѣсь всѣ.

1.

ДУМА О КОЗАКѢ ГОЛОТѢ. (*)

Ой по́лемъ, по́лемъ Килимськимъ,
То шля́хомъ би́тимъ Горди́нськимъ,
Ой тамъ гуля́въ коза́къ Голо́та.

шать, а теперь и то̀ хорошо, и тѣмъ копейку заработаешь. Скажетъ ли суровое слово — терпишь бывало; а теперь родного дитяти не научишь, — такъ стало на свѣтѣ. Всё тотъ же Богъ, всё тѣ же люди, да не попрежнему идетъ все на свѣтѣ.

(*) *Переводъ*. — По Килійскому полю, по Ордынской дорогѣ гулялъ козакъ Голо́та. Не боится онъ ни огня, ни меча, ни болота. На козакѣ

([1]) Т. е. скучно. Говорится о думахъ, которыя и для самого Архипа были уже темны, и потому казались чѣмъ-то страннымъ.

Не боітця ні огня, ні меча́, ні третёго боло̀та.
Пра́вда, на козако̀ві ша̀ти дорогії —
Три семирязі лихії:
Одна́ недо̀бра, друга́ него̀жа,
А тре́тя й на хлівъ незго̀жа. (1)
А ще, пра́вда, на козако̀ві постолѝ вязо̀ві,
А ону̀чи китайча̀ні —
Щи́рі жіно̀цькі рядня̀ні;
Воло̀ки шовко̀ві —
Удво́е жіно̀цькі щи́рі вало̀ві. (2)
Пра́вда, на козако̀ві ша̀пка би́рка,
Зве́рху дірка,
Траво̀ю поши́та,
Вітромъ підби́та,
Кудѝ віе, тудѝ й провіва̀е,
Козака́ моло̀догó прохоложа̀е.

То гуля́е козакъ Голо̀та, погуля́е,
Ні го́рода, ні села̀ не займа̀е, —
На го́родъ Килию погляда̀е.
У го́роді Килії Тата̀ринъ сидѝть борода̀тий,
По гірницяхъ похожа̀е,

одежа дорогая — три ветхія сермяги: одна негодная, другая дрянная, а третья и на хлѣвъ швырнуть не сто̀итъ. На козакѣ лапти вязовые, а онучи китайчатыя — изъ настоящей женской дерюги; оборы шелковыя — изъ чистаго женскаго *валу* вдвое. На козакѣ шапка баранья — сверху дыра; травою шапка сшита, вѣтромъ подбита; куда дуетъ, туда и продуваетъ, молодого козака прохлаждаетъ.

Гуляетъ козакъ Голо̀та, погуливаетъ, ни города, ни села не трогаетъ, на городъ Килію посматриваетъ. Въ городѣ Киліи Татаринъ сидитъ бородатый. Онъ по горницамъ похаживаетъ, съ Татаркой разговари-

---

(1) Ужé й закынуть неспосо̀бна. *Примѣчаніе пѣвца.*

(2) Коза́къ прибіра́всь на прочу̀до; сла́ву свою пуска́въ на ввесь світъ. *Пр. п.*

До Татáрки словàми промовляє:
»Татàрко, Татàрко!
Ой чи ти дýмаешъ те, що й дýмаю?
Ой чи ти бàчишъ те, що я бàчу?«
Кáже: »Татáрине, ой, сідий, бородáтий!
Я тількі бàчу, що ти передо мнóю по гірницяхъ похожáешъ,
А не знáю, щò ти дýмаешъ да гадáешъ.«

Кàже: »Татàрко!
Я тè бачу: въ чѝстімъ пòлі не орѐлъ літáе:
То козáкъ Голóта дóбримъ конѐмъ гуляе.
Я ёгó хóчу живцéмъ у рýки взяти
Да въ гóродъ Килию запродáти,
Ищé жъ имъ передъ великими панáми башàми вихвалáти,
За ёгó мнóго червòнихъ не лічачи брáти,
Дорогиї сýкна не мірячи пощитáти.«

То тée промовлявъ, — дорогé плáтте надівàе,
Чòботи обуваe,
Шлѝкъ бáрхотний на свою гóлову надівáе,
На коня сідàе,
Безпѐчно за козакóмъ Голòтою ганяе.
То козакъ Голóта дòбре козáцький звичай знáе, —
Ой на Татáрина скрѝва, якъ вòвкъ, поглядáе.

ваетъ: »Думаешь ли ты, Татарка, о томъ, о чемъ я думаю? видишь ли ты, чтò я вижу?« — »Нѣтъ, сѣдой, бородатый Татаринъ, я вижу только, что ты по горницамъ похаживаешь, да не знаю, чтò замышляешь.«

»Я вижу, Татарка, не орелъ въ чистомъ полѣ летаетъ: то козакъ Голóта на добромъ конѣ гуляетъ. Хочу я живьемъ его взять и въ городъ Килію продать, хочу похвастать имъ передъ великими панами пашами и набрать за него червонцевъ безъ счету и дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

Сказалъ, и въ дорогое платье одѣвается, въ сапоги обувается, на голову надѣваетъ бархатную шапку, садится на коня и безпечно гоняется за козакомъ Голóтою.

А козакъ Голóта хорошо козацкій обычай знаетъ; онъ посматри-

Ка́же: »Тата̀рине, Тата̀рине!
На віщо жъ ти ва̀жишъ:
Чи на мою̀ ясне́ньвую збро̀ю,
Чи на мого́ коня̀ вороно́го,
Чи на менѐ, козака́ молодо́го?«

»Я«, ка́же, »ва́жу на твою̀ ясне́ньвую збро̀ю,
А ще лу́чче на твого́ коня̀ вороно́го,
А ще лу́чче на тебѐ, козака́ молодо́го.
Я тебе́ хо́чу живце́мъ у ру́ки взя́ти,
Въ горо́дъ Килію̀ запрода́ти,
Передъ великими пана́ми баша̀ми вихваля́ти
И мно́го червѐнихъ не лічачи набра́ти,
Дорогиі су́кна не мірячи пощита́ти.«

То коза́къ Голо́та до̀бре звичай коза́цький зна́е,
Ой на Тата́рина скри́ва, якъ во̀вкъ, погляда́е.
»Ой», ка́же, »Тата̀рине, ой сідий же ти, борода́тий!
Либо́нь же ти на ро̀зумъ небага́тий:
Ще ти козака́ у ру̀ки не взявъ,
А вже за его́ й гро̀ші пощита́въ.
А ще жъ ти міжъ козака́ми не бува̀въ,

ваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина и говоритъ: »На что̀ ты, Татаринъ, мѣтишь: на мою ли блестящую сбрую, на моего ли вороного коня, или на меня самого, козака молодого?«

»Я«, говоритъ, »мѣчу на твою блестящую сбрую, а еще больше на твоего коня вороного, а еще больше на самого тебя, козака молодого. Хочу я тебя взять живьемъ и продать въ городъ Килію, хочу похвастать тобой передъ великими панами пашами и набрать за тебя червонцевъ безъ счету, а дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

А козакъ Голо́та хорошо козацкій обычай знаетъ: онъ посматриваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина: »Эй ты«, говоритъ, »сѣдой, бородатый Татаринъ! не богатъ, видно, ты умомъ-разумомъ: еще ты козака въ руки не взялъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ. Не бывалъ, вѣрно, ты еще между козаками, не ѣдалъ козацкой каши и не знаешь козацкихъ обычаевъ.«

Козáцькоі кáши не ідáвъ
И козáцькихъ звичáівъ не знáешъ.«

То тée промовлявъ,
На присішкахъ ставъ,
Безъ міри пороху підсипáе,
Татáрину гостúнця въ грýди посилáе.
Ой ще козáкъ не примірúвся,
А Татáринъ икъ лихíй мáтері съ конá покотúвся.
Вінъ ёмý віри не донімáе,
До ёгó прибувáе,
Кéлепомъ міжй плечи грімáе,
Колй жъ оглéдитця, ажъ у ёгó й дýху немáе.
Вінъ тоді дóбре дбавъ,
Чóботи Татáрські истягáвъ,
На свої козáцькі нóги обувáвъ;
Одéжу истягáвъ,
На свої козáцькі плéчи надівáвъ;
Бáрхотний шлúкъ издиймáе,
На свою козáцьку гóлову надівáе;
Конá Татáрського за поводй взявъ,
У гóродъ Січй прибувáвъ, (¹)
Тамъ собі пъе-гуляе,

Сказалъ и привсталъ на стременахъ; подсыпалъ пороху не мѣрючи и послалъ въ грудь Татарину гостинецъ. Еще козакъ и не прицѣлился, а ужъ Татаринъ къ нечистому съ коня свалился. Тотъ однакожъ ему не довѣряетъ, приближается и бьетъ его чеканомъ въ спину; посмотрѣлъ— съ него и духъ вонъ. Тогда онъ принимается за дѣло: сапоги съ него стащилъ и на свои козацкія ноги надѣлъ; одежду съ него стащилъ и на свои козацкія плечи натянулъ; бархатную шапку снялъ и на свою козацкую голову надѣлъ. А Татарскаго коня взялъ за повода и прибылъ въ въ городъ Сѣчь (?). Тамъ пьетъ, гуляетъ и Килійское поле славитъ:

(¹) Бóже! дé ті городй, не знáемо, а бачъ, слáва ажъ óтъ до хóдить! *Пр. п.*

Пòле Килiмське хвàлить-вихваляе:
»Ой пòле Килiмське!
Бодáй же ти лiто й зiму зеленiло,
Якъ ти менé при нещасли́вiй годи́нi сподобило!
Дáй же, Бóже, щобъ козакú пили та гуляли,
Хорóшi мúслi мáли,
Одъ мéне бiльшу дóбичу брáли,
Й неприятеля пiдъ нòзi топтáли!«

Слáва не вмрè, не поляже,
Отнинi до вiка!
Дарýй, Бóже, на мнóгi лiта!

2.

ДУМА О ВДОВѢ И ТРЕХЪ СЫНОВЬЯХЪ. (*)

Ой якъ на слáвнiй Украiнi,
Та въ слáвнiмъ гóродi у Крилòвi,
Тамъ жилá старá женá удовá
И мiла въ себé три сини́,
Якъ ясні соколи́.
Зъ малúхъ лiтъ до великого зрóсту (¹) кохàла-годувàла,

»О, будь же ты, Килiйское поле, лѣтомъ и зимою зелено, какъ мнѣ посчастливилось на тебѣ въ трудное время! Дай Богъ, чтобъ козаки пили да гуляли, добро замышляли, еще больше добычи добывали, непрiятеля ногами топтали!«

(*) *Переводъ.* — На славной Украйнѣ, въ славномъ городѣ Крыловѣ, жила старушка вдова, и было у ней три сына, какъ три ясныхъ сокола. Съ малыхъ и до совершенныхъ лѣтъ она ихъ лелѣяла, кормила, чужимъ

(¹) Бачте, до совершéнного умà бъ то. Тàкъ попрóсту вонó. *Пр. п.*

Чужи́мъ рука́мъ на потира́нне не дава̀ла,
Сла́ви-па̀мяти сподіва́лась.

Ско́ро сині поросли̂,
Усі три до ро̀зуму дойшли,
Усі три ко̀ні посідла́ли
И на ри́нокъ Крилівський гуля́ть поїжджа̀ли.
По ри́нку Крилівському проїжджа̀ли.
Ні до́брого, ні худо̀го не вида́ли; (¹).
У домівку приїжджа̀ли,
Ой у домівці не вели́ку за̀знобку счини́ли —
Ма́тку старе́ньку зъ двора̀ вигони́ли:
»Иди́ ти, ма́ти, де йнде пробува́ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вживати,
Бо бу́дуть, ма́ти, въ насъ, жѐни молоди̂,
Дітки мале́нькиі,
Бу́дешъ ти іхъ прокліна́ти —
Ой не бу́дуть вони̂ щастя й до̀лі собі ма́ти.
Ато́ ти йди де йнде пробува́ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вжива́ти.«

То ма́ти се зачува̀е,

рукамъ прикасаться къ нимъ не давала, надѣялась оставить по себѣ добрую славу и память.

Когда сыновья взросли и всѣ трое достигли полнаго разума, сѣдлали они коней и выѣзжали гулять на Крыловскій рынокъ. Проѣхавъ по Крыловскому рынку, не видали ни добра, ни худа и воротились домой; а воротясь, не больно старую мать огорчили — только со двора прогнали: »Ступай, матушка, въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать: будутъ у насъ молодыя жены и малыя дѣти, а ты станешь ихъ проклинать, и не будетъ имъ ни счастья, ни доли. Такъ лучше ступай себѣ въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать.«

Слышитъ это мать, идетъ со двора, спотыкается, за слезами Божьяго

(¹) Не знайшли̂, видно, съ кимъ ні битьця, ні боротьця. *Ир. н.*

Иде̂ зъ двора̀, спотика̀етця,
За слёза̀ми світа Бо́жого не вида̀е,
Синівъ своіхъ клене̂-проклина̀е:
Бода̀й же васъ, сини̂ мої, бідні вдовиченки, у полі
Побило ра̀зомъ три недо̀лі:
Щобъ васъ пѐрва до̀ля побила —
Щобъ Богъ хліба не вродивъ;
А дру̀га до̀ля щобъ побила —
Щобъ не ста́ли васъ люде зна̀ти,
До̀бримъ сло̀вомъ поклика̀ти;
Трѐтя до̀ля щобъ побила —
Щобъ ви у своій домівці на промешка̀нні щастя й до̀лі не ма̀ли!«

То десь узявся близький сусіда,
Ма̀тку старе́ньку изъ землі підійма̀е,
Ху̀стку свою зъ кише́ні винима̀е,
Вдові старій слёзи втира̀е:
»Иди̂ ти, ма̀ти, до мене̂ пробува̀ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вжива̀ти.
Бу̀дешъ ти насъ на все до̀бре наущ́ати,
Бу̀демъ ми тебе́ шанува̀ти й поважа̀ти.«

То ма̀ти йде, спотика̀етця,

свѣта не видитъ, сыновей своихъ проклинаетъ: »Пускай васъ, дѣти мои бѣдныя, постигнутъ въ полѣ три бѣды: первая бѣда — чтобъ вамъ Богъ хлѣба не уродилъ; другая — чтобъ люди перестали съ вами знаться и съ добрымъ словомъ къ вамъ отзываться; а третья — чтобъ вы дома въ въ своемъ житьѣ-бытьѣ счастья-доли не знали!«

Какъ вотъ откуда ни возьмись близкой сосѣдъ; онъ поднимаетъ старую мать съ земли, вынимаетъ изъ своего кармана платокъ и отираетъ ей слезы: »Поди, матушка, ко мнѣ на проживанье; ты будешь у меня спокойно хлѣбъ-соль кушать, будешь насъ учить всему доброму, а мы будемъ тебя почитать и уважать.«

Идетъ мать, спотыкается, за слезами Божьяго свѣта не видитъ. А

За слёза́ми світа Бо́жого не вида́е.
А синъ сиди́ть наймéнший, у кватирку погляда́е,
Изъ ма́тки старéнькоі насміха́етця.
»Ой дивітця«, ка́же, »бра́тця:
Либо́нь же наша ма́ти стара́ поперéдъ на́съ у Жи́да-рандаря́ пробува́ла,
До́бру горілку попива́ла:
Не ду́рно йде, спотика́етця: (1)
Підъ плечéмъ пля́шку несé, або́, мо́же, й дру́гу.« (2)

То живу́ть сини го̀дъ, або два̀, або й три.
За́разъ імъ Богъ погоди́въ —
У по́лі хлі́бъ не вроди́въ.
За́разъ дру̀га іхъ до́ля поби́ла —
Не ста́ли іхъ люде зна́ти,
До́бримъ слòвомъ поклика́ти.
Трѐтя до́ля ихъ поби́ла —
Ой не ста́ли вони́ въ домівці на промешка́нні зъ молоди́ми жёнами щáстя й до̀лі собі ма́ти.

То въ неділю ра́но-поранéньку,

меньшой сынъ сидитъ да посматриваетъ въ *кватирку* (форточку) и подсмѣивается надъ старой матерью: »Посмотрите«, говоритъ, »братцы: видно, наша старуха прежде насъ гостила у Жида-арендатора и пила добрую водку: не даромъ идучи спотыкается. Вѣрно, подъ мышкой тащитъ фляжку, а пожалуй и двѣ.«

Живутъ сыновья годъ, два, или три. Тотъ-часъ Богъ ихъ наградилъ — въ полѣ хлѣбъ не уродилъ; тотъ-часъ другая бѣда ихъ постигла — не стали съ ними люди знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться; и третья бѣда ихъ постигла — не было у нихъ дома счастья съ молодыми женами.

И вотъ рано утромъ въ воскресенье не буйный вѣтеръ шумѣлъ, не

---

(1) Вінъ-то ду́мавъ, що до сусіди йде, то вже зъ пляшкою. *Пр. п.*
(2) Онъ за що ёму́ ста́ло за́пно! *Пр. п.*

Не буйні вітри́ шуміли,
Не дрібні до̀щики накрапа́ли,
Якъ бідні вдовиченки у своєму дворі гомоніли.
»Ходімо,« ка́же, »ми, бра́тте, у чужи́й двіръ
Да упадемо́ ма́тері старе́нькій крижѐмъ до нігъ.
По́ки ми ма́тіръ свою́ поважа̀ли,
По́ти намъ Бо́гъ годи́въ;
А не ста̀ли ми ма̀тки старе́нькоі зна̀ти,
За̀разъ насъ пѐрва до́ля поби́ла —
Богъ хліба не вроди́въ;
А дру̀га до́ля насъ поби́ла —
Не ста́ли насъ лю́де зна́ти,
И до́бримъ сло̀вомъ поклика́ти;
Трѐтя насъ до́ля поби́ла —
Не ста́ли ми въ домівці на промешка́нні зъ молоди́ми жѐнами щастя й до̀лі собі ма́ти.
То йди́ ти, ма́ти, до насъ, стара́я, пробува́ти,
Споко́йно хліба-со̀ли вжива́ти.
Ми своіхъ бу́демъ женъ науща̀ти,
Щобъ на тебе́ не нарікàли.«

То ма́ти стара́я, ой, до Бо́га рỳки здийма́е:
«Ой не услиша́й, Го́споди, клятьби́ моеі,

частый дождикъ кропилъ: то бѣдные вдовины сыновья на своемъ дворѣ говорили: »Пойдемъ, братцы, на чужой дворъ да падемъ старой матери крестомъ къ ногамъ. Пока мы свою мать уважали, до тѣхъ поръ и Богъ намъ помогалъ; а какъ отреклись мы отъ своей матери, тотъ-часъ насъ первая бѣда постигла — Богъ хлѣба не уродилъ; и другая бѣда насъ постигла — перестали съ нами люди знаться и съ добрымъ словомъ къ намъ отзываться; а третья бѣда насъ постигла — нѣтъ намъ дома счастья съ молодыми женами. Такъ воротись ты, старушка матушка, къ намъ на проживанье, кушай спокойно нашу хлѣбъ-соль, а мы станемъ наставлять своихъ женъ, чтобъ тебя не попрекали.«

Тогда старушка мать къ Богу руки подымаетъ: »Боже! не внимай

Що я своіхъ синівъ кляла̀-проклинáла:
У своій голові великий прасу̀нокъ мáла.«

За̀разъ імъ Богъ погодѝвъ —
У пóлі хлібъ уродѝвъ.
За̀разъ іхъ стáли люде знáти,
До̀бримъ сло̀вомъ покликáти.
Стáли вонѝ въ домівці на промешкáнні щáсте й до̀лю собі мáти.

3.

ДУМА О СЕСТРѢ И БРАТѢ. (*)

Ой у неділю рáно-поранéньку,
Ой то рáнніми зоря̀ми,
То не сѝва зозу̀лька закувáла,
То не дрібнá птàшка щебетáла,
Якъ сестра̀ до брáта на чужу́ чужѝну
До̀бримъ здоро̀въямъ покланя̀лася;
Ой кватѝрочку очиня̀ла,
Слова̀ми промовля̀ла,
Слёза̀ми ридáла:
»Бра̀тіку мій рідний,

моей клятвѣ, что проклинала я своихъ сыновей: у меня въ головѣ была тогда великая досада.«

И тотъ-часъ Богъ ихъ наградилъ—въ полѣ хлѣбъ уродилъ; тотъ-часъ люди стали съ ними знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться, и счастливо зажили они дóма.

(*) *Переводъ*. — Въ воскресенье рано поутру, на зарѣ, не сѣрая кукушка куковала, не мелкая пташка щебетала: то сестра брату на чужую сторону привѣтъ посылала. Отворила окно и говоритъ со слезами: »Братецъ мой родной, голубчикъ мой сизокрылой! навѣсти меня на чужой сторонѣ, при моемъ горькомъ гореваньи.«

Якъ голубонько сизий!
Прибудь ти до мене,
Одвідай ти мене
На чужій чужині,
При злій хуртовині,
При нещасливій годині.«

»Сестро«, каже, »мила,
Родино сердешна!
Не могу я до тебе прибувати:
Я проживаю за темними лугами,
За широкими полями,
За бистрими ріками.«

»Братіку милий,
Якъ голубонько сизий!
Прибудь же ти до мене.
Темнії луженьки ясенькимъ соколенькомъ перелети,
Широкії поля малимъ-невеликимъ перепелонькомъ перейди,
Бистрії річеньки й озера білимъ лебедонькомъ перепливи;
Сядь-пади у моімъ дворі сивимъ голубонькомъ,
Головку склони,
Жалібненько загуди. (¹)

»Сестра моя милая, сестра родная, сердечная! не могу я тебя навѣстить: я живу за темными лѣсами (²), за широкими полями, за быстрыми рѣками.«

»Братецъ мой милой, голубчикъ мой сизокрылой! темные лѣса яснымъ соколомъ перелети, широкія поля малымъ перепеломъ перейди, быстрыя рѣки бѣлымъ лебедемъ переплыви; пади сизымъ голубемъ на

(¹) Богъ ёго знае, якъ би то: затужить? *Пр. н.*

(²) Въ подлинникѣ *лугами*; но лугомъ называется въ Украинской народной поэзіи и то, что *мы* разумѣемъ подъ Великорусскимъ словомъ *луг*, и лѣсъ, растущій на низменныхъ, приречныхъ мѣстахъ. Здѣсь слово *лугами* употреблено въ послѣднемъ значеніи.

Нехай я буду вихождати,
Ой по голосу познавати,
Родиною сердешною називати,
И на хлібъ на сіль закликати,
И на здоровъе тебе, брате, буду питати.«

»Сестро«, каже, »мила,
Родино сердешна!
Ой сподівайся мене тоді въ гості,
Якъ будуть о Петрі бистрії ріки-озера замерзати, (¹)
Объ Різдві калина въ лузі процвітати.
Пойди ти, сестро, до тихого Дунаю.
Возьми ти, сестро, піску у білу ручку,
Посій ти, сестро, на камiню:
Коли той буде пісокъ на білому камені зіхожати,
Синімъ цвітомъ процвітати,
Хрещатимъ барвінкомъ біленький камінь устилати,
Разними красними цвитами украшати,
Тоді, сестро, буду до тебе въ гості прибувати,
Твого життя при бідности доглядати.«

»Братіку«, каже, »милий,

моемъ дворѣ, головку склони, жалобно заворкуй. Я выйду, узнаю тебя по голосу, назову близкимъ сердцу роднымъ, зазову на хлѣбъ на соль и стану спрашивать тебя о здоровьи.«

»Сестра«, говоритъ, »милая, сестра родная, сердечная! тогда ожидай меня въ гости, когда о Петрѣ быстрыя рѣки и озера станутъ замерзать, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтать. Поди, сестра, къ тихому Дунаю, возьми, сестра, въ бѣлую руку песку, посѣй его на камнѣ: какъ взойдетъ песокъ на бѣломъ камнѣ, зацвѣтетъ синимъ цвѣтомъ, устелетъ камень крещатымъ *барвінкомъ* и украситъ разными цвѣтами,— тогда, сестра, прибуду я къ тебѣ въ гости и стану заботиться о твоей убогой жизни.«

(¹) А Богъ его знає, коли того й дожидать. А будуть, кажуть, колись, замер-

Якъ голубонько сизий!
Не теперъ я на ногахъ стала,
Одъ старихъ людей приповісти такоі не чувала,
Щобъ о Петрі бистриі ріки-озера замерзали,
Щобъ объ Різдві калина въ лузі процвітала,
Щобъ жовтий пісокъ на білому камені зіхожавъ,
Щобъ синімъ цвітомъ процвітати,
Хрещатимъ барвінкомъ біленький камінь устилати,
Разними красними цвітати украшати:
А лишъ, братіку, тебе до віку не сподівати!
Якъ на празникъ хвалебенъ люде до церкви йдуть,
Якъ бжілки гудуть,
Чужі братіки зихожаютця,
Братъ изъ братомъ,
Сватъ изъ сватомъ, (¹)
Кумъ изъ кумомъ,
Сестра зъ сестрою,
Одно зъ однимъ схожаетця
И празникомъ хвалебнимъ поздоровляетця;
А мене плече зъ плечемъ, пола зъ полою торкае,
И въ вічи не видае. (²)

»Братецъ мой милой, голубчикъ сизокрылой! не сей-часъ я встала на ноги, но не слыхала отъ старыхъ людей, чтобъ о Петрѣ быстрыя рѣки и озера замерзали, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтала, — чтобы желтый песокъ всходилъ на бѣломъ камнѣ, расцвѣталъ синимъ цвѣтомъ, устилалъ бѣлый камень крещатымъ барвинкомъ и украшалъ разными цвѣтами. Никогда мнѣ, мой братецъ, тебя не дождаться! На *хвалебный* праздникъ люди въ церковь идутъ, какъ пчелы гудутъ, сходится братъ съ братомъ, сватъ съ сватомъ, кумъ съ кумомъ, сестра съ сестрою и поздравляютъ другъ друга хвалебнымъ праздникомъ, а меня —

зать річки о Петрі. Буде, та тілько не за сіхъ людей; тоді буде, якъ світъ переміпитця. Люде перемінятця, и світъ перемінитця. *Пр. п.*

(¹) Бачь, яка бъ уже тамъ — подумать — рідня: сватъ изъ сватомъ! *Пр. п.*

(²) Помісь би то не бачить. *Пр. п.*

Ой якъ у на́шого отця́ та й ма́тки пили́ та іда́ли,
Тоді насъ и ку́ми, й побрати́ми до́бре зна́ли;
А якъ насъ пришибла недо́бра годи́на,
Одцура́лась насъ близька́я й дале́кая, вся назва́ная, серде́шная роди́на!
Тя́жко«, ка́же, »бра́тіку!...
Якъ птиці перна́тій въ чи́стімъ по̀лі безъ дре́ва ночува́ти,
Якъ тя́жко та ва́жко живій ри́бі безъ води́ прожива́ти,
Якъ тя́жко та ва́жко білий ка̀мінь зъ сиро́і землі проти се́бе изня́ти, —
Ой такъ тя́жко та ва́жко на чужій чужи́ні безъ кре́вноі роди́ни помира́ти!«

4.

ДУМА О БУРѢ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ. (*)

Ой якъ на Чо́рному мо̀рі,
Та на білому ка́мені,
Тамъ сиди́ть я́сенъ соко̀ленько,
Сму̀тно ма́е,
Жалібне́нько квилить-проквиля́е,
На Чо́рнее мо̀ре ся́е,
Далѐко погляда́е,
Що на Чо́рному мо́рю не до̀бре вчиня́е:

хоть плечо плечомъ, полу полой задѣнетъ, — будто и въ глаза не видитъ. Какъ бывало у нашего отца и матери пивали, ѣдали, тогда насъ и кумовья, и пріятели знали, а какъ пришибла злая бѣда, — отреклась отъ насъ близкая и далекая, вся названная, задушевная родня. И какъ пернатой птицѣ трудно въ чистомъ полѣ безъ дерева ночевать, какъ трудно живой рыбѣ безъ воды дышать, какъ тяжело бѣлый камень съ сырой земли на грудь поднять, такъ тяжело, такъ трудно на чужбинѣ безъ кровнаго родного умирать!«

(*) *Переводъ*. — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ, сидитъ ясный соколъ; сидитъ онъ смутенъ, жалобно стонетъ и смотритъ вдаль на Черное море, что на Черномъ морѣ не добро творится: поднимается

Противну филю зо дна моря знимае,
Судна козацькі на три часті розбивае.
Перву часть ввірвало,
Въ гирло Дунайське замчало;
Другу часть увірвало,
У землю Орабську замчало; (¹)
Третю часть увірвало,
Ой не знало, де подіти,
Середъ Чорного моря утопило.

У тій часті потопало два брати ридненькі,
Товариші сердешні.
Що ні до кого припливути,
Опрощення приняти.
Ті два брати одинъ до одного припливали,
Опрощенне приймали
И словами промовляли,
Слёзами ридали:
Ой не есть то насъ, брате, на Чорному морі супротивна филя потопляе,
А есть то отцева-матчина молитовъ побивае-карае.
Намъ отець-мати позволяли одному въ військо виступати.
А другому дома хліба пахати.

противная волна со дна морского, разбиваетъ козацкія суда на три части. Первую часть оторвало и въ Дунайское устье умчало; другую часть оторвало — въ Арабскую землю унесло; третью часть оторвало и, не зная, куда дѣвать, среди Чернаго моря потопило.

Въ той части потопало два родныхъ брата, два сердечныхъ товарища, и не къ кому имъ приплыть, некому принести исповѣдь. Другъ къ другу они подплывали и со слезами исповѣдь творили: »Это, братъ, не противная волна на Черномъ морѣ насъ потопляетъ, — это насъ отцовская и материнская молитва караетъ. Отецъ и мать одному изъ насъ

(¹) Въ другой разъ онъ пѣлъ:
По-за моремъ розімчало.

А то ми, брáте, недòбре вчиняли —
Обидва кóні посідлàли,
У військо виступáли.
Зъ отцéмъ, зъ мáткою опрощèння не приймáли,
Ще мáтку старéньку зневажàли,
Стрéменемъ у грýди одъ кóней одпихáли.
То щè ми, брáте, недóбре вчиняли —
Мимо цéркви святóі проіжджàли,
За гóрдостю, за пишностю зъ глави шликá не здиймàли.
На себé хрестá не покладàли
И Бóга милосéрдного на пóмічъ не благàли.
То щè ми, брáте, недóбре вчиняли —
По ýлицямъ дóбрими кіньми гуляли,
Дітки малéнькі кіньми розбивáли, (1)
Кровъ Християнську безневѝнно проливáли.
Іхали ми гóродомъ-ýлицею,
Тамъ стояли три жèни стáренькі;
Мóже, дýмали та й гадáли протѝвъ насъ що дòбре сказáти,
Да ми й тамъ за гóрдостю, за пишностю протѝвнимъ слòвомъ одказáли.

позволили въ войско вступить, а другому велѣли дома землю пахать: а мы, братъ, нехорошо поступили: осѣдлали коней, выѣхали въ войско, не простились съ отцомъ и матерью, да еще старую мать оскорбили — стременемъ въ грудь оттолкнули. И тò нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что мимо святой церкви проѣзжая, по гордости и спѣси шапки съ головы не сняли, креста на себя не положили и милосердаго Бога на помочь не призвали. И тò нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что по улицамъ на добрыхъ коняхъ гуляли, малыхъ дѣтей топтали, кровь Христіянскую безъ вины проливали. Ѣхали мы городомъ-улицей; тамъ стояли три старушки, и, можетъ быть, онѣ хотѣли сказать намъ что-нибудь хорошее, но мы по гордости и спѣси отвѣтили имъ грубымъ словомъ. Не спрашивали мы, гдѣ святая церковь, а спрашивали, гдѣ новая корчма. Другіе ко-

---

(1) Колись рóскошъ булá й такáмъ. *Пр. п.*

Не питали церкви святоі
Да питали корчмѝ новоі.
Чужі козакй по церквахъ молебні наймали,
А ми у шинкỳ пъемъ-гуляемъ,
Танці-музйки наймаемъ.
Колйбъ давъ Богъ на суходілъ виступати,
Вже бъ теперъ моглй знати,
Якъ святоі церкви не забувати,
Отця-матку штйть и поважати.«

Стали вонй отцеву й матчину молйтву сохваляти,
Стала на Чорному морю супротйвна фйля утихати,
Ставъ Господь милосердний іхъ визволяти.
Вонй тоді до прйстані прибувають,
За білий камінь рукàми хватаютця,
На суходілъ виступають
И словàми промовляють:
»Которий чоловікъ отця-матіръ шануе-поважае,
Богъ ёмỳ милосердний помагае;
Которий чоловікъ отця-матери не шануе, не поважае,
Нещаслйвий той чоловікъ бувае,
Тàкъ вінъ абй-де марне пропадае.«

заки по церквамъ молебны нанимали, а мы въ корчмѣ пили, гуляли, да музыку нанимали. Когдабы Богъ намъ помогъ выйти на сушу, то теперь мы святой церкви никогда бъ не забывали, а отца и мать почитали.«

Какъ начали они прославлять отцовскую и материнскую молитву, стала на Черномъ морѣ противная волна утихать, сталъ ихъ милосердый Господь спасать. Прибываютъ они къ пристани, хватаются они руками за бѣлые камни, выходятъ на суходолъ и говорятъ: »Кто отца и мать уважаетъ и почитаетъ, тому милосердый Богъ помогаетъ; кто жъ отца и матери не уважаетъ и не почитаетъ — нѣтъ счастья тому человѣку! погибаетъ онъ безъ пути на свѣтѣ!«

5. (1)

ДУМА О БѢГСТВѢ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА. (*)

Якъ изъ землі Турѐцькоі,
Да зъ віри бесурмѐнськоі,
Изъ го́рода изъ Озо́ва не пи́ли-тумани́ встава́ли:
Тіка́въ повчо̀къ,
Мали́й-невели́чокъ, (2)
Тіка́ло три бра́тіки ріднéнькі, (3)
Три това́риші сердéшні.
Два кінних, трéтій піший-піхоти́нець,
За кінними біжи́ть-підбіга́е,
Чо́рний пожа́ръ підъ білі но̀ги підпада́е,
Кровъ слідй залива́е,
За стремѐна хвата́е,
Слова́ми промовля́е:
»Бра́тте ми́ле, бра́тте лю́бе!
Хоть оди́нъ ви милосéрде ма́йте,
Опра́ни кульба́ки (4), до̀бичъ изъ ко́ней скида̀йте,
Менé, бра̀та піхоти́нця, міждо́ ко̀ні берíте,
Хочъ ми́лю верстъ увезíте
И доріженьку у́кажíте.

(*) *Переводъ.* — Изъ земли Турецкой изъ вѣры бусурманской, изъ города Азова не пыль, не туманъ вставалъ: то̀ уходилъ малый отрядецъ—три родныхъ брата, сердечные товарищи. Двое на коняхъ, а третій за ними пѣшкомъ подбѣгаетъ, по выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ, кровью слѣды заливаетъ. Хватаетъ онъ за стремена, говоритъ онъ братьямъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мною сжалится: сбросьте вы съ коней дорогія сѣдла, возьмите меня, пѣ-

---

(1) Се все стародàвні, невóлницькі. *Пр. п.* — (2) Ото̀ вже Богъ ёго́ зна́е, що̀ воно́ зна́чить. *Пр. п.* — (3) Коли́сь-то було́ охо́тне вíйсько, такъ іхъ усіхъ трохъ и за̀брано. *Пр. п.* — (4) Хто̀ ёго́ зна́е, що̀ то було́ такé! *Пр. п.*

Нехай я буду знати,
Куди за вами въ городи Християнські зъ тяжкої неволі втікати.«

То старший братъ згорда словами промовляє:
»Чи подобенство, мій брате,
Щобъ я своє добро Турецьке на шляху покидавъ,
Тебе, трупъ, на коня бравъ?
Одначе ми самі не втечемо,
Ні тебе не ввеземо.
Будуть Кримці та Нагайці, безбожні бусурмени,
Тебе, пішого-піхотинця на спочинкахъ минати,
А насъ будуть кіньми доганяти
И назадъ у Турещину завертати.«

То братъ пішиіі-піхотинець за кінними біжіть-підбігає,
Чорний пожаръ підъ білі ноги підгортає,
Словами промовляє:
»Братте любе, братте миле!
Хочъ одинъ же ви милосердее майте,
Назадъ коней завертайте,
Зъ піховъ шаблі виймайте,
Мині, брату меншому, пішому-піхотинцю, зъ плічъ голову здиймайте,

---

шаго, на коня, провезите меня хоть одну милю и укажите дорогу, чтобъ я зналъ, куда мнѣ за вами уходить изъ тяжкой неволи въ города Христіянскіе.«

На это старшій братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свое Турецкое богатство по дорогѣ разбросалъ, а тебя, ни къ чему годнаго, на коня посадилъ? Равно мы и сами тогда не уйдемъ, и тебя не увеземъ. Быть можетъ, тебя, пѣшаго, безбожные бусурманы, Крымцы да Ногайцы, минуютъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, а насъ, конныхъ, догонятъ и воротятъ въ Турецкую землю.«

Снова пѣшій братъ за конными подбѣгаетъ, по черной выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ: »Братья мои милые! пусть хоть одинъ изъ васъ надо мною сжалится: поверните назадъ коней, выньте изъ ноженъ сабли, снимите мнѣ, пѣшему, голову съ плечъ, похороните въ чистомъ полѣ, не оставьте на поживу звѣрю да птицѣ.«

У чи́стому по̀лі поховайте,
Звіру-птиці на поталу не подайте.«

То брать старшій згорда словами промовляе:
»Чи подобѐнство, брате́, тебе́ рубати?
Одначе шабля не візьме,
Рука не зведе́тця,
Сѐрце не осмілитця
Тебе́ рубати! (¹)
А якъ ти живъ-здоро̀въ бу̀дешъ,
Са̀мъ у зе́млі Христия́нські увійдешъ «

То братъ найме́нший, пішій-піхоти́нець, за кінними біжи́ть-підбігае,
Слова̀ми промовляе:
»Бра́тте ми̇ле, бра́тте любе!
Хочъ оди́нъ же ви милосе́рдее ма́йте,
Бу̀дете до тернівъ, до байра́ківъ прибіга́ти,
Такъ у боки́ забігайте,
Віти терно́ві рубайте,
По шляху́ покидайте,
Мині, бра́ту пішому-піхоти́нцю, на признаку давайте.«

То ставъ братъ ста́ршій та середу́льшій до тернівъ, до байра́ківъ прибіга̀ти, —
У боки́ забіга̀ли,

Опять старшій братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, рубить тебѣ голову? и сабля тебя не возьметъ, и рука не поднимется, и сердце не осмѣлится. А какъ ты живъ останешься, то самъ придешь въ города Христіянскіе.«

Снова меньшой братъ, пѣшій, за конными подбѣгаетъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мной сжалится! Какъ прибудете вы въ терновые буераки, то заѣзжайте по сторонамъ, рубите терновыя вѣтви, разбрасывайте по дорогѣ, оставляйте мнѣ, пѣшему брату, примѣты.«

(¹) Звісно, одна̀ кро̀въ. *Пр. п.*

Віти тернові зелені рубали,
Брату меншому, пішому-піхотинцю, признаку давали.

Да ставъ же братъ найменший, піший-піхотинець, до байраківъ прибігати,
Ставъ віти тернові знахожати,
У руки берè,
Къ сѐрцю кладé,
Словàми промовляе
И слёзàми ридáе:
»Боже мій милий, Сотворителю небесний!
Видно, то мої братіки сюдá зъ тяжкої неволі втікали,
Объ мині велике старàнне мàли.
Колибъ мині Господь помігъ зъ сиі тяжкої неволі Озівськоі втікàти,
Могъ би я своіхъ брàтіківъ при стáрості літъ шановàти й поважáти!«

То ставъ же братъ стáрший та середýльший на полівку избігáти,
На степи високі, на велúкі дорòги росхіднії, — (¹)
Не стáло тернівъ да байрàківъ рубáти;
До ставъ же братъ середýльший до стáршого промовлàти:

Приближаются старшій и средній братья къ терновымъ буеракамъ, заѣзжаютъ по сторонамъ, рубятъ зеленыя вѣтви, оставляютъ меньшому, пѣшему брату примѣты.

Вотъ меньшой братъ, пѣшій, подходитъ къ буеракамъ и начинаетъ находить терновыя вѣтви. Онъ беретъ ихъ въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Боже мой милый, Творецъ небесный! сюда-то, видно, мои братья изъ тяжкой неволи уходили и обо мнѣ заботились. О, еслибы мнѣ помогъ Господь уйти изъ тяжкой неволи Азовской, — почиталъ бы и уважалъ я своихъ братьевъ въ ихъ старости!«

Выѣзжаютъ старшій и средній братъ на поля, на высокія степи, на большія *расходныя* дороги, гдѣ уже не было больше терновника. Тогда средній братъ говоритъ старшему: »Снимемъ-ка, братъ, мы съ себя

(¹) Въ другой разъ онъ пѣлъ:
На вишчні степи Самáрські, на шляхи Мурáвські избігáти.

»Нумъ, бра́те, ми зъ себе́ зеле́ні жупа̀ни скида́ти,
Черво́ну та жо́вту кита́йку видира́ти,
Пішому бра́ту, ме́ншому, на призна̀ку поклада́ти;
Неха́й вінъ бідний зна̀е, куди́ за на́ми, кінними, тіка́ти.«

До ставъ же братъ ста́рший згорда слова̀ми промовля́ти:
»Чи подобе́нство, бра́те, щобъ я свое добро̀ Туре́цьке на шматкѝ дравъ,
Бра́ту ме́ншому на призна̀ки дава́въ?
Якъ вінъ живъ-здоро́въ бу́де,
Такъ са́мъ у зе́млі Христия́нські, безъ на́шихъ призна̀ківъ уся́кихъ, прибу́де.«

До братъ середу́льший милосѐрде ма́е,
Изъ свого́ жупа́на черво́ну та жо́вту кита́йку видира́е,
По шляху́ стѐле-поклада́е,
Ме́ншому бра́ту призна̀ки дава́е.

То ставъ братъ найме́нший, піший-піхо̀тинець, на полівку избіга̀ти,
На степи́ висо́кі, на великі доро̀ги росхідниі, —
Нема́ ні тернивъ, ні байра́ківъ,
Ні́якихъ призна́ківъ.

зеленые *жупа́ны*, станемъ мы изъ-подъ нихъ обрывать красную и желтую китайку и оставлять меньшому брату примѣты; пусть онъ знаетъ, куда за нами, конными, уходить изъ неволи.«

На это старшій братъ гордо отвѣчалъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свою Турецкую одежу въ куски рвалъ, для примѣтъ меньшому брату? Когда останется живъ и здоровъ, то и безъ примѣтъ придетъ въ города Христіянскіе.«

Но средній братъ умилосердился, — обрываетъ изъ-подъ своего жупа́на красную да желтую китайку, стелетъ ее по дорогѣ, оставляетъ меньшому брату примѣты.

Всходитъ меньшой, пѣшій братъ на поля, на высокія степи, на большія расходныя дороги, — нѣтъ ни терновника, ни буераковъ и никакихъ примѣтъ; а находитъ онъ красную да желтую китайку, — беретъ ее

Ставъ червóну китáйку да жóвту знахожàти.
У рýки берè,
Къ сèрцю кладé,
Словáми промовляе
И слёзàми ридáе:
»Що не дýрно жъ ся червóна да жóвта китáйка по шляхý валяетця:
Либóнь моіхъ брàтіківъ на світі немáе:
'Альбо іхъ порýбано,
'Альбо іхъ пострѐляно,
'Альбо у гордý тяжкý позáймано!
Колйбъ я мòгъ дóбре знáти,
Що іхъ порýбано, áльбо пострѐляно,
Могъ би я въ чйстому пóлі тіла шукáти,
Въ чйстому пóлі поховàти,
Звіру-птйці на потàлу не дáти.«

Однó жъ брáта наймéншого, одно безвíддя,
Дрýге безхлібъя,
Трéте те, що тйхий вітеръ зъ нігъ валяе. (¹)
До Осавýръ-могйли прибувàе,
На Осавýръ-могйлу зіхожàе,
Тамъ собі безпéчне девятого дня спочйвокъ мáе,

въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Не даромъ красная да желтая китайка по дорогѣ валяется: видно, нѣтъ моихъ братьевъ на свѣтѣ: или ихъ изрубили, или перестрѣляли, или въ тяжкую неволю снова угнали! Когдабъ я зналъ, что ихъ изрубили, или перестрѣляли, я бы сталъ искать ихъ тѣла въ чистомъ полѣ, я бы похоронилъ ихъ, не далъ бы въ пищу звѣрю да птицѣ.«

Межъ тѣмъ его самаго и жажда, и голодъ одолѣваютъ, и даже тихой вѣтеръ съ ногъ валитъ. Наконецъ приближается онъ къ Савуръ-могилѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ на девятый

(¹) Що тйхий вітеръ, да й тòй валяе: що вже хочъ би тамъ и тіло іхъ було (т. е. братьевъ), такъ вінъ не долженъ нічòго ради дать. *Пр. п.*

Девя́того дня изъ не́ба воді-пого̀ди вижида́е.
Ма́ло-немно́го спочива̀въ,
Къ ёму́ во̀вці-сірохма́нці нахожда́ли,
'Орли-чорнокри́льці наліта́ли, (¹)
Въ голо́вкахъ сіда́ли, —
Хотіли заздалегоди́ живота́ те́мний по̀хоронъ одправля́ти. (²)
Тоді вінъ слова̀ми промовля́е:
»Во̀вці-сірохма́нці, о̀рли-чорнокри́льці,
Го̀сті мої ми́лі!
Хоть ма́ло-немно̀го обождіте,
По́ки коза́цька душа́ зъ тіломъ розлу́читця.
Тоді бу́дете мині зъ ли́ба чо́рні о̀чи висмика́ти,
Біле тіло коло жо́втої ко̀сті оббіра́ти,
И комиша̀ми вкрива́ти.«

Ма́ло-немно́го спочива̀въ...
Отъ, руками не візьме,
Нога́ми не пі́йде,
И я́сно очи́ма на не́бо не згля́не...
На не́бо взира̀е,

день бѣгства — въ девятый день ждетъ дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чернокрыльцы, садились въ-головахъ и надъ живымъ хотѣли уже отправить *темныя похороны*. И говоритъ онъ: »Волки сѣрые, орлы чернокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока козацкая душа разлучится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черные очи выклевывать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами.«

Прошло еще немного времени... уже онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и ясно неба не видитъ... На небо взираетъ, тяжело взды-

---

(¹) Я не ба́чивъ, чи чо̀рні кри́ла въ орлівъ. *Пр. п.*

(²) Бо́же, твоя́ во̀ля! хто ёго́ повига̀дувавъ, хто ёго́ те́е! Що не мо́жна ви́думать би такъ ніко́му въ світі. — (О словѣ *те́мний*:) Се, бачъ, та́йний: то звіръ да пти́ця. *Пр. п.*

Тя̀жко воздихáе:
»Го̀лово моя̀ козáцькая!
Бувáла ти у зѐмляхъ Турéцькихъ,
У вірахъ бесурмéнськихъ;
А тепéръ припáло на безвідді, на безхлі̀бъі погибáти.
Девятий день хліба въ устáхъ не мáю,
На безвідді, на безхлі̀бъі погибáю!«

Тутъ тée промовля̀въ... не чóрна хмàра налітáла, ([1])
Не буйні вітрѝ віну̀ли,
Якъ душá козáцька-молодéцька зъ тіломъ розлучáлась.
Тоді вóвці-сірохмáнці нахожлàли
И óрли-чорнокрѝльці налітàли,
Въ голóвкахъ сідàли,
Зъ либа чóрні óчи висмикáли,
Біле тіло колó жóвтоі кóсті оббірáли,
Жовту кість по-підъ зелéними яворáми розношáли
И комишáми вкривàли. ([2])

А ще ставъ братъ стàрший да середу̀льший до річки Самáрки прибігàти, ([3])

хаетъ: »Голова моя козацкая! бывала ты въ странахъ Турецкихъ, межъ народовъ бусурманскихъ; а теперь пришлось тебѣ погибать на безводьи, на безхлѣбьи. Девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голоду погибаю!«

Сказалъ....и не черная туча налетѣла, не буйные вѣтры подули: то козацкая, молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась. Тогда сѣрые волки сбѣгались, и чернокрылые орлы налетали, въ-головахъ садились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали.

А между тѣмъ старшій и средній братья приблизились къ рѣчкѣ Са-

([1]) До смéрти балáкавъ! *Пр. п.* — ([2]) Оцé вже одногó поховàли. *Пр. п.*

([3]) Щò тутъ рі̀чка Самáрка, чи вжѐ далéко? Ну, да все то чужá землѝ колись булá. *Пр. п.*

Стáла іхъ тéмна нічка обіймáти,
Ставъ братъ стáршиий до середýльшого промовляти:
»Стáньмо, брáтіку, тýта, кòні попасімо:
Тутъ могили великі,
Травá хорòша
И водá погòжа.
Стáньмо тýтечка підождімо,
Пóки сòнце обітріе, (sic)
Чи не прибýде якъ намъ нашъ пішиий-піхотинець.
Тоді на ёгó великє усèрдие мáю,
Усю дòбичъ скидáю,
Ёгó, пішого, міждо кòні хватáю.«

— »Булó бъ тоді, брáте, якъ я казáвъ, хватáти!
Тепéръ девятий дèнь минýвъ,
Якъ хлібъ-сіль івъ,
Вòду пивъ,
Дóсі й на світі немáе.«

Тоді вони кóней пустóпашъ попускàли,
Кульбáки підъ себé послàли,
Рýжжя по комишàхъ поховàли,
Безпèчно спать полягàли,
Світовóі зорі дожидàли.

маркѣ, и захватила ихъ темная ночь. Говоритъ старшій братъ среднему: »Остоновимся, братъ, здѣсь да попасемъ лошадей. Тутъ могилы большія, трава хорошая, вода здоровая. Обождемъ здѣсь до свѣта, не прибудетъ ли къ намъ нашъ пѣхотинецъ. Я бы о немъ позаботился: бросилъ бы всю свою добычу и посадилъ бы его на коня съ собою.«

»Тогда было его взять, когда я говорилъ! А теперь ужъ девятый день, какъ онъ не ѣлъ и не пилъ; вѣрно, ужъ его нѣтъ на свѣтѣ.«

Пустили они коней на пастьбу, положили себѣ сѣдла подъ головы, а ружья спрятали въ камышахъ и спокойно, въ ожиданьи зари, уснули.

Ставъ Бóжий світъ світàти,
Стáли вонѝ на кòні сідáти,
Черезъ річку Самáрку у Християнські зèмлі утікáти, —
Ставъ братъ стáрший до середýльшого промовляти:
»Якъ ми бýдемъ, брàтіку, до отця, до мáтки прибувàти,
Якъ ми імъ бýдемъ повідáти?
Бýдемъ ми, брáте, по прàвді казáти, —
Бýде насъ отець-мáти проклинàти;
А бýдемо ми, брáте, перéдъ отцéмъ, перéдъ мàткою олгàти, —
Такъ бýде насъ Госпóдь милосéрдний и вѝдимо, й невѝдимо карáти.
А хибá, брáте, тàкъ искàжемо:
Що не въ одногó пàна пробувàли,
Не однý невòлю мáли,
И ночнòі добѝ зъ тяжкòі невòлі втікáли,
Такъ ми й до ёго забігàли:
»Устáнь, брáте, зъ нáми, козакáми, зъ тяжкòі невòлі втікáти!«
Либóнь-то вінъ тàкъ исказáвъ:
»Тікàйте жъ ви, брáтця,
»А я бýду тỳтъ оставáтьця,
»Чи не бýду собі лýччого долі-щàстя мáти.« (¹)

Когда жъ стало свѣтать, они осѣдлали коней и пустились уходить въ Христіянскія земли черезъ рѣчку Самарку. Говоритъ старшій братъ среднему: »Когда мы, братъ, воротимся къ отцу и матери, то кàкъ станемъ имъ разсказывать? Скажемъ правду — проклянутъ насъ отецъ и мать; а солжемъ передъ отцомъ и матерью — покараетъ насъ милосердный Господь и видимо, и невидимо. Ужъ развѣ скажемъ такъ, братъ: что не у одного господина, не въ одинаковой неволѣ мы были и уходили изъ неволи ночью; заѣзжали и къ нему: »Вставай, братъ, уходи съ »нами, козаками, изъ тяжкой неволи.« А онъ будто-бы тàкъ отвѣтилъ: »Уходите, братцы, а я останусь здѣсь; не лучше ли мнѣ здѣсь посчаст-

---

(¹) Другой кобзáрь въ Лубенскомъ уѣздѣ, Лексáндра Михайлюкъ, пѣлъ такъ:

Не хòчу, моя велѝка невòля,
А трéте — й коня не мáю.

А бу́де оте́ць-ма̀ти поміра̀ти
И бу́демъ грунта́-худо́бу на дві ча̀сті паюва̀ти, —
И тре́те між̀ъ на̀ми не бу́де міша̀ти.«

Тутъ те́е промовля̀ли,
И не сизі орлѝ заклекота̀ли,
Якъ іхъ Ту́рки-янѝченьки изъ-за могѝли напа̀ли, —
Постреля̀ли, поруба̀ли,
Ко́ні зъ до́биччу наза̀дъ у го́родъ, у Турѐщину позаверта̀ли.

Полегла̀ двохъ братівъ голова́ вѝще річки Сама̀рки,
Тре́тя у Осау́ръ-могѝли.
А сла́ва не врѐ, не поля́же
Однѝні до віка!
А вамъ на мно́гая літа! (¹)

(*) Отакі старці колѝсь бува̀ли (говорилъ Архипъ, пропѣвъ свои думы и покивая печально главою), такѝхъ співа̀ли; такъ и люде іхъ любили! А тепе́ръ ёму́ співа̀й, а воно́ й не слу́хае. Бу-

---

»ливится.« А когда умрутъ отецъ и мать и мы станемъ дѣлиться наслѣдствомъ, то между насъ не будетъ третьяго.«

Лишь только онъ сказалъ, какъ вдругъ — не сизокрылые орлы заклектали—Турки-янычары изъ-за могилы напали, изранили ихъ пулями, изрубили, а коней съ добычею завернули въ Турецкой городъ.

Легли головы двухъ братьевъ выше рѣчки Самарки, а третьяго — у Саворъ-могилы; но слава не умретъ, не погибнетъ отнынѣ и до вѣка. А вамъ многая лѣта!

(*) *Переводъ*. — Такіе-то нищіе когда-то бывали, такія пѣсни пѣли, вотъ и люди ихъ любили! А теперь поешь, и не слушаютъ. Бывало,

---

(¹) Лександра Михайлю́къ пѣлъ:

Дару́й, Бо́же, мѝлості ва̀шій и всёму́ вій́ську Запоро́зькому на мно́гая літа.

Этотъ стихъ переноситъ воображеніе въ то время, когда думы пѣлись »Гетма̀нскимъ« и »Запорожскимъ« козакамъ.

вало, въ кого̀ е̇ снага̀, обійде чи два̀дцять хатъ, чи трѝдцять, а по̀слі вѐрнетця додо̀му: »Запряжѝ, хло̀пче, коня̀, отъ до тако̀го поїдь, до тако̀го поїдь; тамъ мині обіща̀ли.« Поїде хло̀пець, такъ по̀венъ візъ усёго̀ наберѐ.

Нищая братія въ Малороссіи заслуживаетъ особеннаго внимания. Будучи послѣдними въ народѣ по своему убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ работамъ, Малороссійскіе нищіе занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Они почти всѣ слѣпы. Немногіе поступаютъ въ разрядъ нищихъ, то есть, собирателей милостыни, по какому-нибудь калѣчеству; еще меньше — по лукавству и охотѣ къ праздношатательству. Лучшіе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ каждый знаетъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищаго.

Я разскажу здѣсь о моемъ знакомствѣ съ Андреемъ Шутомъ, слѣпымъ пѣвцомъ народныхъ думъ (въ мѣстечкѣ Александровкѣ, Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи), слѣдовательно нищимъ по ремеслу. Имя его сдѣлалось мнѣ извѣстно изъ статьи священника Базилевича, напечатанной въ »Этнографическомъ Сборникѣ«. Помѣщенная въ этой статьѣ дума Андрея Шута дала мнѣ высокое понятіе о достоинствѣ его пѣсень въ историческомъ отношеніи, и я воспользовался первымъ случаемъ завернуть въ Александровку, чтобы познакомиться съ почтеннымъ авторомъ упомянутой статьи. Натурально, одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ былъ объ Андреѣ Шутѣ. Мнѣ отвѣчали, что Александровскій бардъ явится тотъ-часъ къ моимъ услугамъ, что онъ близкій сосѣдъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ другъ дома. Дѣйствительно, не прошло нѣ-

---

кто въ силахъ, обойдетъ двадцать, тридцать хатъ, а потомъ воротится домой: »Запрягай, *хло̀пче*, коня да поѣзжай къ тому и тому; тамъ обѣщали мнѣ.« Поѣдетъ мальчикъ и наберетъ всякаго добра полонъ возъ.

скольких минутъ, какъ Андрей Шутъ отворилъ дверь въ гостинную и привѣтствовалъ насъ громкимъ, чистымъ голосомъ.

Это былъ сѣдой старикъ съ клинообразной бородою, въ сѣрой, новешенькой свитѣ и въ свѣжихъ *постолахъ* (лаптяхъ), которыхъ оборы обхватывали очень красиво его ноги, завернутыя въ бѣлыя онучи. Лицо его было свѣжо, щеки румяны, черты правильны, хотя нѣсколько обезображены оспою, которая лишила его зрѣнія на семнадцатомъ году жизни. Онъ отличался бодрой осанкой и живыми движеніями, показывающими человѣка, постоянно занятого работой.

Андрей Шутъ, сдѣлавшись слѣпцомъ, долженъ былъ уплачивать государственныя подати наравнѣ съ зрячими людьми своего сословія и нашелъ для того необходимымъ выучиться вить веревки и вязать изъ пеньки крестьянскую упряжь. Онъ взялся за свой промыселъ съ такой усидчивостью и проворствомъ, что не только оставался всегда правъ предъ козацкимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, но еще скопилъ денегъ и построилъ себѣ хату. Далѣе — онъ обзавелся женою и зажилъ не хуже зрящаго. Теперь онъ вдовецъ, но у него есть взрослый и уже женатый сынъ, котораго онъ на свой счетъ обучилъ грамотѣ.

Это матеріальная сторона его жизни. Со стороны поэтической и философской, Андрей Шутъ едва ли имѣетъ себѣ равнаго между нищей братіей. Слѣпота развила въ немъ врожденный вкусъ къ пѣснямъ, и онъ, обладая превосходною памятью, усвоивалъ себѣ все, что̀ слышалъ. При его трудолюбіи и способностяхъ, ему не трудно было добыть себѣ бандуру и перенять искусство подъигриваться на ней подъ голосъ. Скоро онъ сдѣлался любимымъ музыкантомъ и пѣвцомъ во всемъ Сосницкомъ округѣ, а можетъ быть и далѣе, и выпускалъ изъ рукъ бандуру только во время постовъ, смѣняя музыку другимъ, болѣе скромнымъ ремесломъ.

Но каковы бы ни были успѣхи Андрея Шута въ пѣсняхъ и въ заработкахъ двоякимъ способомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли наполнить души его. Лучшіе часы своей жизни онъ проводилъ въ

храмѣ Божіемъ, къ которому естественно прилѣпляется человѣкъ въ его положеніи. Чтеніе псалмовъ, молитвъ и церковное пѣніе возвышали его душу надъ нуждами и бѣдствіями преходящей жизни и устремляли ее къ безконечному. Чѣмъ больше входилъ онъ въ лѣта, тѣмъ больше удѣлялъ времени для посѣщенія заутрень, обѣдень, вечерень, всенощныхъ, и вѣрная память его, удерживая весь кругъ церковныхъ чтеній и пѣснословій, безпрестанно наводила его умъ на мысли о спасеніи души. Онъ рѣже прежняго выходилъ съ бандурой за спиною изъ дому на промыселъ, отвергъ всѣ тѣ пѣсни, которыхъ содержаніемъ были шутки, или страстныя движенія сердца, и пѣлъ только псалмы въ честь Іисуса и святыхъ да историческія пѣсни. Наконецъ онъ и совсѣмъ оставилъ бандуру, ограничивъ свои заработки только рукодѣльемъ да смиреннымъ испрашиваніемъ милостыни по праву слѣпоты своей.

Онъ смотритъ на ремесло нищаго, какъ на дѣло богоугодное. По его понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели. Вступя въ этотъ классъ народа, онъ тотъ-часъ научился молитвамъ, которыхъ до тѣхъ поръ не зналъ, и первая его наставница въ пѣсняхъ, какая-то слѣпая старуха, передала ему вмѣстѣ съ пѣснями изустныя преданія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи человѣческомъ и о пришествіи въ міръ Спасителя.

Малороссійское простонародье большею частью погружено въ насущныя нужды свои, до такой степени, что по-видимому теряетъ и самое расположеніе къ умственнымъ созерцаніямъ. На пѣсни подмываетъ его сердце въ періодъ живой молодости, или въ пору случайнаго веселья и горя, а преданія и повѣрья переходятъ у него изъ рода въ родъ только по неотступному требованью врожденной способности къ фантазированью. Нищіе исключаются слѣпотою изъ обыкновенныхъ условій сельскаго быта, какъ-будто для того, чтобы, развивъ, въ своемъ неизбѣжномъ сомоуглубленіи, мыслительныя способности, вносить въ общество поселянъ религіозно-философскую стихію и такимъ образомъ поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной

высотѣ. Напримѣръ, Андрей Шутъ такъ разсказываетъ о своемъ участьи въ распространеніи познаній о Богѣ и поклоненія Ему молитвою.

РАЗСКАЗЪ АНДРЕЯ ШУТА ОБЪ УЧЕНИКѢ ЕГО. (¹)

(*) Есть тутъ у насъ у Верхоліссі козáкъ Мйцъ у пріймахъ. Багáта вдовá тамъ живé, такъ вінъ до ії дочкй у пріийми й приставъ. Пáрень роботящий, такъ вонá ії принялá ёгó у прийми. Да скупá собі бáба, такъ, щобъ не наймáть нáймита, посилáе зятя пáсти кóні. Отъ вінъ и пасé. А тамъ у Верхоліссі обіднівъ одйнъ чоловікъ, а въ ёгó два синй и дві дочкй; такъ одйнъ синъ у людéй служить, а другого нйщий, кобзáръ узявъ, Гордій изъ Ядутъ. За годовйще півторá цілкóвого поступйвъ. Вінъ и живъ при томý нищому два гóди. Да старшині трéба буó погóнича, такъ вінъ изиськáвъ тогó хлóпця да й нанявъ нá годъ. Отъ вінъ и па-

---

(*) *Переводъ.* — Есть тутъ у насъ въ Верхолѣсьи козакъ Мыцъ, *въ пріймахъ*. Живетъ тамъ богатая вдова и приняла его къ себѣ *въ пріймы* (зятемъ). Парень работящій, такъ она и приняла его. Только такая скупая баба, что не хочетъ нанимать батрака, да и посылаетъ зятя пасти лошадей. Пасетъ онъ. А тамъ въ Верхолѣсьи обѣднѣлъ одинъ человѣкъ, и у того человѣка два сына и двѣ дочки; вотъ одинъ пошелъ служить къ хозяину, а другого взялъ къ себѣ нищій, кобзарь, Гордій изъ Ядутъ. Далъ ему на годъ полтора цѣлковыхъ. Мальчикъ и жилъ при томъ нищемъ два года. Но старшинѣ нуженъ былъ погоньщикъ, такъ онъ отыскалъ этого мальчика да и нанялъ на годъ. Вотъ и пасетъ онъ

(¹) Здѣсь приводятся подлинныя слова его; но должно замѣтить, что говоръ Сосницкаго уѣзда отличается произношеніемъ *о* на *а* (напр. вмѣсто *коня́*, тамъ говорятъ *каня*) и остраго *і* на *уэ* (напр. вмѣсто *вілъ* — *вуэлъ*). Звукъ *ѣ* произносится тамъ почти такъ, какъ въ Великороссіи, а не за *і*, какъ пишу я здѣсь, согласно съ общимъ Малороссійскимъ выговоромъ. Есть и еще особенности, но о нихъ распространяться здѣсь не мѣсто. Нѣкоторыя изъ нихъ, непротивныя слуху *степовика́*, удержаны мною, какъ въ разсказахъ, такъ и въ думахъ Андрея Шута.

сè кóней. И Оникúй Мицъ у-кýпі зъ нимъ пасé, да й питáе въ хлóпця: »Ты въ старцяхъ бýвъ?

»Бувъ« , кáже.

»Тебé старці навчúли Бóгу молúтьця?«

»А якъ же?«

»Якú жъ ти молитвú знáешъ?«

»Знáю« , кáже, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую*...«

»*А Помилуй мя, Боже?*«

»*И Помилуй мя, Боже,* знаю,«

»Навчú менé *Помилуй мя, Боже.*«

»Дóбре.«

Отъ и давáй учúть: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши*.... По се місто: *и побѣдиши.* И далóсь ёмý пійтú на косовúцю. Кóсять и горілку пъють, вже звісно. И трéба ёмý похвалúтьця томý старшині!

лошадей. И Оникій Мыцъ пасетъ вмѣстѣ съ нимъ, и спрашиваетъ мальчика: »Ты въ нищихъ былъ?« — »Былъ«, говоритъ. — »Учили тебя нищіе молиться Богу?« — »А какъ же?« — »Какія жъ ты молитвы знаешь?« — »Знаю«, говоритъ, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую*....« — »А *Помилуй мя, Боже?*« — »И *Помилуй мя, Боже*, знаю.« — »Научи меня *Помилуй мя, Боже.*« — »Хорошо.«

Вотъ и началъ учить: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши*.... До сихъ поръ: *и побѣдиши.* И случись ему

»Твій«, каже, »челядинець великого стоїть: вінъ уміе Бо́гу молі́тьця, и мене навчи́въ.«

Що жъ? давай изъ его и зъ того хлопця сміятьця: »Коні пасуть, и Богу молитьця учатця!« ...Хлопець послі сёго годі да й годі вчить, и не сідае коло его — стидитця. Такъ и зоставсь Оникій: *и побідиши*, а більшъ и не вмівъ Богу молитьця; моливсь тілько кусочокъ.

Отъ я разъ пришовъ до его тещи за милостинею, а вінъ седить на лаві да вовну бе. Вінъ и кушнірську роботу знае. Поздоровивъ днемъ.

«Спасибу, діду. Сядь, погомони; давно я тебе бачила.«

Я сівъ.

»Чи не гріхъ«, кажуть, сёгодні робить?« [А тоді чи Сорока Мучениківъ було, чи Олексія Божого Чоловіка.]

»Да може«, кажу, »не буде Олексій гніватьця.«

Изняли якусь річъ про святе. А Оникій у Чепіги, въ козака, у Киселівці вовну бивъ: а въ Чепіги синъ и онукъ пись-

---

быть на косовицѣ. Косятъ, ну, извѣстно, и водку пьютъ. И похвались онъ тому старшинѣ: »Твой«, говоритъ, »*челядинецъ* дорогой человѣкъ: онъ умѣетъ Богу молиться, и меня научилъ.« Что же? всѣ принялись надъ нимъ и надъ тѣмъ мальчикомъ смѣяться. »Лошадей пасутъ, и Богу молиться учатся!«... Мальчикъ послѣ этого полно и полно учитъ, и сѣсть подлѣ него стыдится. Такъ и остался Оникій: *и побѣдиши*, а больше и не умѣлъ Богу помолиться; молился только немножко.

Вотъ однажды пришелъ я къ его тещѣ за милостынею, а онъ сидитъ и перебиваетъ шерсть. Онъ и овчины умѣетъ выдѣлывать. Поздравилъ я ихъ днемъ. »Спасибо, дѣдушка (говоритъ теща). Сядь, поговори съ нами; давно я тебя не видала.« Я сѣлъ. »Не грѣшно ли«, говорятъ, »сегодня работать?« [А былъ тогда день Сорока Мучениковъ, или, кажется, Алексѣя Божьяго Человѣка.] »Да, можетъ быть«, говорю, »Алексѣй не будетъ гнѣваться.«

Завели рѣчь о разномъ святомъ. А Оникій у козака Чепиги

мѐнниі, дакъ вінъ одъ іхъ де-що чувàвъ, да й почàвъ роскá-зувать.

Я слýхавъ–слýхавъ... »Ні«, кажý, »Оникúю, се не тàкъ бу-лó, а òсь якъ. Ось якъ Богъ світъ создáвъ, òсь якú святиі бу-лú. Ти дýмаешъ, я на тѐ кажý, щобъ ти мині милостиню білшу давъ? Ні, вонó именно такъ булó. Отъ спитáй и въ отця Геóргія.«

Тоді вже вінъ гóді роскáзувать да давáй питáть у менѐ. Да идучú у неділю до цéркви, и зáйде до менѐ въ хáту, и давáй про-сить менé: »Навчú менé *Помилуй мя, Боже.* Я знáю тілько ось пóки: *и побідúши.*«

»Вонó«, кажý, »велúке, не скóро нàвчисся.«

»Да мóже такú нàвчимось.«

[А ёмý вже літъ трúдцять бýде.] Давáй я ёгó вчить. Прокажý стихъ. словъ дѐсять, чи що, вінъ іхъ и твердúть цілий тúждень; а въ неділю знóвъ до менé зáйде. Оце булó осіннёго врѐмя, Пилú-півкою, прúйде изъ Верхолісся — пóлемъ да горòдами навпрос-тéць — ще й півні не проспівáють: »Ищé не дзвонúли до ýтрені?«

въ Киселевкѣ перебивалъ шерсть; а у Чепиги сынъ и внукъ грамотные, такъ онъ кое-что слыхалъ отъ нихъ, — вотъ и началъ разсказывать. Я слушалъ, слушалъ... »Нѣтъ«, говорю, »Оникій, это не такъ было, а вотъ какъ. Вотъ какъ Богъ свѣтъ создалъ, вотъ какіе были свя-тые на свѣтѣ. Ты думаешь, я для того тебѣ разсказываю, чтобъ ты мнѣ большую милостыню далъ? Нѣтъ, оно именно такъ было. Спроси хоть и у отца Георгія.« Тогда ужъ онъ полно разсказывать, да началъ у меня распрашивать. Вотъ, идучи въ церковь, въ воскресенье, и заходитъ ко мнѣ въ хату, и давай просить меня: »Научи меня *Помилуй мя, Бо-же.* Я знаю только вотъ до какихъ поръ: *и побѣдиши.*« — »Она«, говорю, »длинна, эта молитва; не скоро научишься.« — »Да, можетъ, какъ-нибудь и научусь.« [А ему уже будетъ лѣтъ тридцать.] Началъ я учить его. Скажу ему стихъ, словъ десять, что ли, — онъ и твердитъ ихъ цѣлую недѣлю, а въ воскресенье опять ко мнѣ заходитъ. Бывало осенью, въ Филиповъ постъ, придетъ изъ Верхолѣсья — полемъ да напрямикъ огородами — и пѣтухи еще не пропоютъ: »Еще не звонили къ зау-

»Ищѐ не скоро̀ й бу̀дуть. Сіда̀й.«

И я̀ вста̀ну. Я на ла̀вці сплю, — такъ, напра̀во.

»Ну, діду, прока̀зуй *Помилуй мя, Боже.*«

Отъ я й прока̀зую, по̀ки до цѐркви задзво̀нять. И до цѐркви йдучѝ, усѐ про се самѐе гово̀римо.

И вже тепѐръ не пропу̀стить не одноѐі слу̀жби, не у̀трені. 'Иноді тѐща ёго̀ й лае: «Чого̀ такѝ тобі знай до цѐркви ходить? Ми жъ такѝ не ходѝли разъ у разъ. Тілько було̀ понесѐ па̀ску. Да й то жилѝ и хлібъ іли.«

»А на̀ що жъ«, ка̀же, »сі церквѝ и все те служѐнне и сла̀ва Госпо̀дня, колѝ намъ не ходѝть того̀ дивѝтьця да слу̀хать?«

То-то не да̀рмо, ма̀буть, чита̀етця: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.*

Такъ проповѣдывалъ Андрей Шутъ, сидя на креслѣ, которое стоитъ именно для него у двери гостинной добраго отца Георгія. Онъ говоритъ скороговоркой, и я не успѣлъ записать многихъ характерныхъ его выраженій, а потому долженъ былъ выбросить изъ своей стенографіи всѣ отступленія, въ которыя онъ любитъ вдаваться по пути главнаго разсказа. Само собою разумѣется, что, съ своей стороны, я помогалъ ему моими вопросами высказы-

---

тренѣ?« — »Не скоро еще будутъ и звонить. Садись!« И самъ я встану. Я на лавкѣ сплю, — такъ, направо. »Ну, дѣдушка, говори мнѣ *Помилуй мя, Боже.*« Я и говорю ему, пока начнутъ звонить къ заутренѣ. И въ церковь идучи, всё объ одномъ и томъ же толкуемъ.

И ужъ теперь не пропуститъ онъ ни одной обѣдни, ни заутрени. Иной разъ теща и бранитъ его: »Зачѣмъ тебѣ то и дѣло въ церковь ходить? Мы не ходили же всякой разъ. Только бывало снесетъ мужъ освятить пасху, и довольно. Однакожъ жили и хлѣбъ ѣдали.« — »А для чего же«, говоритъ, »церкви и все служеніе, и слава Господня, если не ходить намъ смотрѣть и слушать?« То-то, не даромъ, видно, читается: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.*

ваться. Въ этомъ старикѣ мнѣ полюбилась довѣрчивая свобода обхожденія, чуждая впрочемъ и тѣни нахальства. Ему сказали уже, что я изъ Петербурга; онъ очень хорошо понималъ, что съ нимъ говоритъ, какъ бы онъ выразился, не простой человѣкъ; но при всемъ томъ, въ его манерахъ и словахъ не было замѣтно никакого смущенія, которое часто встрѣчаешь въ людяхъ, считающихъ себя Богъ знаетъ почему существами очень ничтожными. Онъ выражалъ только удовольствіе, что съ нимъ бесѣдуютъ люди столичные, люди, по его понятіямъ, не *селюкáмъ* чета, и, отвѣчая на мои вопросы, онъ не упускалъ случая освѣдомиться кой о чемъ и у меня. Разумѣется, мы скоро съѣхали на историческія думы. Андрей Шутъ отзывается съ пренебреженіемъ о пѣсняхъ любовныхъ, обрядныхъ и т. п., но на думы онъ смотритъ, какъ на изустныя сказанія о томъ, что̀ творилось на свѣтѣ въ-старину, и хранитъ ихъ въ памяти съ уваженіемъ. Онъ очень охотно продиктовалъ мнѣ слѣдующіе драгоцѣнные памятники народной словесности: о *Вдовѣ и ея сыновьяхъ;* о *Гáнжѣ Андыбéрѣ;* о *Хмѣльницкомъ и Барабашѣ;* о *Хмѣльницкомъ и Василѣ Молдавскомъ;* о *смерти Богдана Хмѣльницкаго* и объ *Ивасѣ Вдовúченкѣ (Коновчéнкѣ)*. Эти шесть думъ помѣщены мною въ сборникѣ А. Л. Метлинскаго (¹). Здѣсь помѣщаю седьмую думу Андрея Шута, еще нигдѣ ненапечатанную.

ДУМА О БѢЛОЦЕРКОВСКОМЪ МИРѢ И О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЯКАМИ. (*)

Эй чи гарáздъ, чи дóбре нашъ гетьмáнъ Хмелнúцький учинúвъ,
Що зъ Ляхáми, зъ мостúвими панáми, у Бíлій Цéркві замирúвъ?

(*) *Переводъ*. — Хорошо ли нашъ гетманъ Хмѣльницкій поступилъ, что съ Ляхами, вельможными панами, въ Бѣлой Церкви помирился? Онъ

(¹) «Народныя Южнорусскія Пѣсни», стр. 352, — 354, 377 — 399, 413 — 424.

Да велівъ Ляха́мъ, мости́вимъ пана́мъ, по козака́хъ, по мужика́хъ ста́-
ціею стоя́ти,
Да не велівъ вели́кои ста́ціі вимишля́ти.
То ще жъ то Ляхи́, мости́вні пани́, по козака́хъ и по мужика́хъ ста́ціею
поста́ли,
Да вели́кую ста́цію вимишля́ли.
Одъ іхъ ключі поодо́бра́ли,
Да ста́ли надъ іхъ дома́ми господара́ми.
Хазя́іна на конюшню одсила́е,
А самъ изъ ёго́ жоно́ю на подушка́хъ почива́е.

То коза́къ, альбо́ мужи́къ изъ коню́шні прихожда́е,
У квати́рку погляда́е —
Ажъ Ляхъ, мости́вий панъ, ищѐ зъ ёго́ жоно́ю на подушка́хъ опочива́е.
То вінъ оди́нъ осьма́къ у карма́ні ма́е,
Пі́йде зъ тоски́ да зъ печа́лі у каба́къ да й то́й прогуля́е.
То Ляхъ, мости́вий панъ, одъ сна устава́е,
'Юлицею йдѐ,
Каза́въ би якъ свиня̀ нескре́бена попе́реду у́хомъ ведѐ,
Ище́ слу́хае-прослуха́е,
Чи не су́лить ёго́ де коза́къ, альбо́ мужи́къ...

велѣлъ Ляхамъ, вельможнымъ панамъ, у козаковъ и мужиковъ стоять постоемъ, только не велѣлъ имъ вымышлять большихъ поборовъ. Вотъ и размѣстились Ляхи, вельможные паны, у козаковъ и мужиковъ постоемъ, и начали вымышлять большіе поборы. Отобрали у нихъ ключи и сдѣлались въ ихъ домахъ господами. Хозяина Ляхъ на конюшню отсылаетъ, а самъ съ его женой на подушкахъ почиваетъ.

Приходитъ козакъ, или мужикъ съ конюшни, смотритъ въ окно и видитъ — Ляхъ, вельможный панъ, всё еще съ его женой на подушкахъ почиваетъ. Такъ онъ и послѣдній *осьма́къ* (восемь злотыхъ) въ кабакѣ съ тоски, съ печали пропиваетъ.

Встаетъ отъ сна Ляхъ, вельможный панъ, идетъ по улицѣ и, какъ немытая свинья, настороживаетъ ухо: слушаетъ, не осуждаетъ ли его гдѣ-нибудь козакъ, или мужикъ. Входитъ въ кабакъ, и кажется ему, что

У кабáкъ ухождáе, —
То ёму̀ здаётця, що ёго̀ козáкъ мѐдомъ шклянкою, або̀ горілки чàркою витáе,
Ажъ ёго̀ козáкъ межѝ очи шклянкою шмагáе,
Ищѐ стиха словàми промовляе:
»Эй Ляхѝ жъ ви, Ляхѝ,
Мостѝвні панѝ!
Хотя̀ жъ ви одъ насъ ключі поодбирáли,
И стáли надъ нáшими домáми господарàми....
Хотя̀ бъ ви на нáшу кумпàнію не нахождáли.«

Тогді жъ козакѝ стáли у рàді, якъ малиі діти;
Одъ своіхъ рукъ листѝ писáли,
До гетьмáна Хмелнѝцького послáли,
А въ листáхъ пропѝсували:
»Пáне гетьмáне Хмелнѝцький,
Бáтьку Зинòвъ нашъ Чигирѝньский!
Зà що ти на насъ такий гнівъ положѝвъ?
Нà що ти на насъ такий ясѝръ наслáвъ?
Ужѐ жъ ми тепѐръ не въ чому̀ вòлі не мáемъ:
Ляхѝ, мостѝвні пáнѝ, одъ насъ ключі поодбирáли
И стáли надъ нáшими домáми господарàми.«

Тогді-то Хмелнѝцький листѝ читàе,

козакъ привѣтствуетъ его стаканомъ меду, или чаркой водки; а козакъ выливаетъ ему стаканъ въ глаза и спокойно приговариваетъ: »Эхъ вы, Ляхи, вельможные паны! пусть ужъ вы у насъ отобрали ключи и сдѣлались въ нашихъ домахъ господами, но хоть бы въ нашу компанію не лѣзли!«

И собрались козаки на совѣтъ, какъ малыя дѣти; писали *отъ своихъ рукъ* письма и посылали къ гетману Хмѣльницкому: »Панъ гетманъ Хмѣльницкій, отецъ нашъ Зиновій Чигиринскій! за что̀ ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты наслалъ на насъ такое плѣненіе? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли: Ляхи, вельможные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ.«

Стиха словами промовляе:
»Эй козаки, діти, друзі, небожата!
Підождіте ви мало, трохи, небагато, —
Якъ одъ святої Покрови до світлого тридневного Воскресення.
Якъ дасть Богъ, що прийде весна красна,
Буде наша вся голота рясна.«

Тогді-то панъ Хмельницький добре дбавъ,
Козаківъ до сходъ сонця у походъ випровожавъ
И стиха словами промовлявъ:
»Эхъ, козаки, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
На славну Украіну прибувайте,
Ляхівъ, мостивихъ панівъ, у пень рубайте,
Кровъ іхъ Лядську у полі съ жовтимъ пескомъ мешайте,
Віри святої Християнськоі у поругу не подайте!«

Тогді Ляхи, мостивні пани, догадливи бували,
Усі по лісахъ, по кущахъ повтекали.
То козакъ и лісомъ бежить,
А Ляхъ за кущемъ и лежачи дрижить.
То козакъ Ляха за кущемъ знажождае,
Келепомъ межи плечи наганяе

Читаетъ Хмѣльницкій письма и говоритъ: »Эй, козаки, дѣти, друзья мои, голубчики! погодите вы немножко, обождите отъ Покрова до свѣтлаго трехдневнаго Воскресенія. Дастъ Богъ, наступитъ красная весна. тогда вся наша голь пріодѣнется.«

Тогда панъ Хмѣльницкій выслалъ въ походъ козаковъ до восхода солнца и говорилъ имъ: »Эхъ, козаки, дѣти, друзья мои! прошу васъ, постарайтесь, — ступайте на славную Украйну, рубите Ляховъ, вельможныхъ пановъ, до остатка, мѣшайте съ желтымъ пескомъ ихъ Ляшскую кровь, не давайте имъ ругаться надъ святой Христіанскою вѣрой!«

Спохватились тогда Ляхи, вельможные паны, и всѣ разбѣжались по лѣсамъ и кустарникамъ. Козакъ и въ лѣсъ бѣжитъ, а Ляхъ и лежа за кустомъ дрожитъ. Находитъ козакъ Ляха за кустомъ, бьетъ его чека-

И стиха словàми промовляе:
»Эй Ляхи жъ ви, Ляхи,
Мостивиі пани!
Годі жъ вамъ по-за кущàми валятьця,
Пора до нашихъ жінокъ на опочивокъ ити.
Уже наши жінки и подушки поперебивали,
Васъ, Ляхівъ, мостивихъ панівъ, ожидали.«

Тогді-то Ляхи козаківъ рідними братàми узивали:
»Эй, козаки, рідниі братці!
Колибъ ви добре дбали,
Да насъ за Вислу річку хоть у однихъ сорочкàхъ пускали!«

Оттогді-то Ляхамъ Богъ погодивъ,
На Вислі річці лідъ обломивъ.
Тогді козаки Ляхівъ рятовали —
За патли хватали
Да ще й дàлі підъ лідъ підпихали,
И стиха словàми промовляли:
»Эй, Ляхи жъ ви, Ляхи!
Мостивиі пани!
Колись наши діди надъ сіею річкою козаковали
Да въ сій річці скарби поховали.

номъ въ спину и тихо приговариваетъ: »Эй вы Ляхи, вельможные паны! полно вамъ за кустами валяться; пора вамъ идти почивать къ нашимъ женамъ. Уже наши жены и подушки приготовили, васъ, Ляховъ, вельможныхъ пановъ, поджидаючи.«

Тогда Ляхи козаковъ родными братьями называли: »Эй козаки, родные братцы! сдѣлайте вы доброе дѣло, пустите насъ за Вислу рѣку хоть въ однѣхъ рубашкахъ.«

Тутъ Ляхамъ Богъ помогъ — на рѣкѣ Вислѣ ледъ обломалъ. Тогда козаки Ляховъ спасали, за волосы хватали да еще дальше подъ ледъ пихали и тихо приговаривали: »Эй вы, Ляхи, вельможные паны! когда-то наши дѣды надъ этой рѣкой козаковали и въ ней свои скарбы спрятали.

Якъ бу́дете скарби находити,
Бу́демъ зъ ва́ми попола́мъ ділити,
Тогді бу́демъ зъ ва́ми за рідного бра̀та жити.
Ступа́йте! тутъ вамъ доро́га одна̀ —
До са́мого дна̀.«

Дума Андрея Шута, помѣщенная въ »Этнографическомъ Сборникѣ«, напечатана съ нѣкоторыми пропусками и погрѣшностями противъ языка, а потому я, записавъ ее со всею точностію въ Александровкѣ, помѣщаю въ своихъ Запискахъ.

ДУМА О ЖИДОВСКИХЪ ОТКУПАХЪ И О ВОЙНѢ ИЗЪ-ЗА НИХЪ. (*)

Якъ одъ Кумівщини да до Хмелни́щини,
Якъ одъ Хмелни́щини да до Брянщини,
Якъ одъ Бря̀нщини да й до сёго̀ жъ то дня,
Якъ у землі крале́вській да добра̀ не було́:
Якъ Жиди-ранда́ри
Всі шляхѝ коза́цькѝ заранлова́ли,
Що на одній ми́лі
Да по три шинкѝ станови́ли.
Станови́ли шинки́ по долѝнахъ,
Зво́дили що́гли по висо̀кихъ моги́лахъ.
Ище́ жъ то Жиди-ранда́ри
У тому̀ не переста̀ли:

Какъ найдете вы ихъ, то будемъ съ вами пополамъ дѣлиться, и тогда будемъ жить съ вами, какъ съ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна — до самого дна.«

(*) *Переводъ.* — Отъ Куми́вщины до Хмѣльниччины, отъ Хмѣльниччины до Брянщины, отъ Брянщины до нашихъ дней не было добра въ королевской землѣ. Взяли въ аренду Жиды всѣ козацкія дороги, и на одной милѣ становили по три кабака. Становили они кабаки по долинамъ, ставили шесты по высокимъ курганамъ.

На слáвній Украіні всі козáцьки торгй заорандовáли
Да брáли мйто-промйто:
Одъ возовóго
По півъ-золотòго,
Одъ пішого-пішенйці по три дѐнежки мйта брáли,
Одъ неборáка стàрця
Брáли кýри да яйця,
Да ищé питáе:
»Ци номá, кóтикъ, сцѐ цогó?«

Ищé жъ то Жидй-рандáри
У томý не перестàли:
На слáвній Украіні всі козáцьки церквй заорандовáли.
Котóрому бъ то козакý, альбó мужикý давъ Богъ дитйну появйти,
То не йдй до попá благословйтьця,
Да пійдй до Жйда-рандáра, да полóжъ шостáкъ, щобъ позвóливъ цѐркву одчинйти,
Тýю дитйну охрестйти.
Ищé жъ то котóрому бъ то козакý, альбó мужикý давъ Богъ дитйну одружйти,
То не йдй до попá благословйтьця,
Да пойдй до Жйда-рандáра да полóжъ битий тáрель, щобъ позвóливъ цѐркву очинйти,
Тýю дитйну одружйти.

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкіе рынки, и брали мытъ отъ воза по полу-злоту, отъ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги нищаго забирали куръ и яицы, да еще спрашиваетъ: »Нѣтъ ли, голубцикъ, есце цего?«

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкія церкви. Дастъ Богъ козаку, или мужику дитя, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да положи *шестакъ* (шесть злотыхъ), чтобъ позволилъ церковь отворить, дитя окрестить. А кому изъ козаковъ, или изъ мужиковъ дастъ Богъ сына женить, дочь замужъ выдавать, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да положи битый талеръ, чтобъ позволилъ церковь отворить, молодыхъ обвѣнчать.

Ищѐ жъ то Жиди-рандари
У тому́ не перестали:
На сла́вній Украіні всі коза́цьки рѣки зарандова́ли.
Пе́рва на Самарі,
Дру́га на Саксані,
Трѐйтя на Гнилій,
Четве́рта на Пробо́йній,
Пята на річці Ку́десці.
Кото́рий би то коза́къ, альбо́ мужи́къ исхотівъ ри́би влови́ти,
Жінку свою зъ дітьми покорми́ти,
То не йди́ до па́на благослови́тьця,
Да пійди до Жи́да-рандара да поступи ёму́ часть оддать,
Щобъ позво́ливъ на річці ри́би влови́ти,
Жінку свою зъ дітьми покорми́ти.

Тогді жъ то оди́нъ коза́къ ми́мо кабакъ идѐ,
За плечи́ма мушкѐтъ несе́,
Хо́че на річці утя̀ вби́ти,
Жінку свою зъ дітьми покорми́ти.
То Жидъ-рандаръ укварти́рку поглядае,
На Жидівку свою сти́ха сло́вами промовляе:
»Эй Жидівочко жъ моя́ Ра́ся!
Щѐ сей коза́къ ду́мае, що вінъ у кабакъ не всту́пить,

Но и того еще Жидамъ-арендаторамъ было мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкія рѣки. Первая аренда была на Самарѣ, другая на Саксани, третья на Гнилой, четвертая на Пробойной, пятая на рѣчкѣ Ку́дескѣ. Кто изъ козаковъ, или мужиковъ вздумаетъ поймать рыбы, покормить жену и дѣтей, то не ходи къ пану за позволеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да посули ему часть, чтобъ позволилъ въ рѣкѣ рыбы поймать, жену и дѣтей покормить.

Вотъ одинъ козакъ идетъ мимо кабака; за плечами у него мушкетъ. Хочетъ онъ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить. А Жидъ-арендаторъ въ окно посматриваетъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Рася! что̀ этотъ козакъ вздумалъ? что̀ онъ не зайдетъ

За де́нежку горілки не ку́пить,
Мене́, Жи́да-рандáра, не перепро̀сить,
Щобъ позво́ливъ ёму́ на річці утя̀ вбити,
Жінку свою зъ дітьми покорми́ти.«

Тогді-то Жидъ-рандáръ стиха підхождáе,
Козакá за пáтли хватáе.
То козáкъ на Жи́да-рандáра скóса, якъ ведмідь, поглядáе,
Ищé Жи́да-рандáра мости́вымъ пàномъ узивáе:
»Эй Жи́ду«, кáже, »Жи́ду-рандáре,
Мости́вий пáне!
Позвòль мині на річці утя̀ вбити,
Жінку свою зъ дітьми покорми́ти.«

Тогді Жидъ-рандáръ у кабáкъ вхождáе,
На Жидівку свою сти́ха словàми промовля́е:
»Эй Жидівочко жъ моя Рàся!
Буть мині тепе́ръ у Білій Це́ркві настáвнимъ рàвомъ:
Назвáвъ мене́ козáкъ мости́вимъ пàномъ.«

Тогді-то у святи́й божестве́нний день у четвертòкъ,
Якъ Жиди́-рандáри у Білую Цѐркву на сеймъ збирáлись,
Оди́нъ до одногó сти́ха словàми промовля́ли:

въ кабакъ купить за денежку водки и меня попросить, чтобъ я позволилъ ему на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену и дѣтей покормить?«

Потомъ Жидъ-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ на него съ-искоса, какъ медвѣдь, посматриваетъ и Жида-арендатора вельможнымъ паномъ называетъ: »Эй Жидъ-арендаторъ, вельможный панъ! позволь мнѣ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить.«

Воротился Жидъ-арендаторъ въ кабакъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Рася! Быть мнѣ теперь въ Бѣлой Церкви *настáвнымъ рáвомъ*: назвалъ меня козакъ вельможнымъ паномъ.«

И собирались Жиды-арендаторы, въ святой божественный день четвертокъ, на сеймъ въ Бѣлую Церковь, собирались и говорили меж-

»Эй Жидй жъ ви, Жидй-рандàри!
Щò тепе́ръ у васъ на сла́вній Украіні слйшно?«

»Слйшенъ«, говóрить, »тепе́ръ у насъ гетьмáнъ Хмелнйцький:
Якъ одъ Білоі Це́ркви да до слáвного Запорòжа
Не такà стоіть Жидівська сторóжа.«

Тогді озове́тця одйнъ Жидъ Оврàмъ
[У тогó бувъ невелйкий крàмъ, —
Тільки шпильки́ да голкй,
Що ходйвъ по-за Дніпрòмъ да дурйвъ козáцьки жінкй]:
»Эй Жидй жъ ви, Жидй-рандàри!
Якъ изъ Нйзу тйхий вітеръ повіне,
Вся вáша Жидівська сторóжа погйне.«

Тогді жъ то якъ у святйй день божестве́нний у вовтòрникъ
Гетьмáнъ Хмелнйцький козаківъ до схóду сóнця у похòдъ виправля́въ
И стйха словàми промовля́въ:
»Эй козакй ви, діти, дру́зі!
Прошу́ васъ, дóбре дбайте,
Одъ сна вставàйте,
Ру́ський *Очина́шъ* читàйте,

ду собою: »Эй, Жиды-арендаторы! чтò слыхать у васъ на славной Украйнѣ?«

»Слышно«, говорятъ, »у насъ про гетмана Хмѣльницкаго: уже отъ Бѣлой Церкви до славнаго Запорожья не по-прежнему стоитъ Жидовская сторожа.«

Отозвался тогда Жидъ Аврамъ [у него былъ мелкій товаръ, — только шпильки да иголки; ходилъ онъ съ ними за Днѣпромъ и обманывалъ козацкихъ женъ]: »Эй Жиды-арендаторы! какъ подуетъ изъ Низу (т. е. изъ Запорожья) тихій вѣтеръ — погибнетъ вся ваша сторожа.«

Въ святой Божій день вторникъ гетманъ Хмѣльницкій до восхода солнца высылалъ козаковъ въ походъ и говорилъ имъ: »Эй козаки, дѣти, друзья! прошу васъ, постарайтесь: вставайте отъ сна, читайте Русскій

На сла́вну Украі́ну прибува́йте,
Жидів-рандарів у пѐнь рубайте,
Кро̀въ ихъ Жидівську у по́лі зъ жо́втимъ пескомъ меша́йте,
Віри своеі Христия́нськоі у пору́гу не пода́йте,
Жидівському ша́башу не польгу́йте.«

Отогді-то всі Жиди-ранда́ри дога̀дливи бува́ли,
Усі до го́рода Полонно́го повтека̀ли.
Тогді-то Хмелни́цький на сла́вну Украі́ну прибува̀въ,
Не одного́ Жи́да-ранда́ра не застава̀въ.
Тогді-то Хмелни́цький не ни́шний бува́въ,
До го́рода Полонно́го прибува́въ,
Одъ своіхъ рукъ листи́ писа̀въ,
У го́родъ Полонно́го подава̀въ,
А въ листа́хъ прописував:
»Эй Полоня́не, Полоня́нська грома́да!
Коли́бъ ви до̀бре дба́ли,
Жидівъ-ранда́рівъ мині до ру́къ пода́ли.«

Тогді-то Полоня́не ёму́ одписа̀ли:
»Па̀не гетьма́не Хмелни́цький!

Отче нашъ, приходите на славную Украйну, рубите Жидовъ-арендаторовъ до остатка, мѣшайте въ полѣ съ желтымъ пескомъ ихъ Жидовскую кровь, не допустите ругаться надъ своей Христіянской вѣрой, Жидовскаго шабашу не уважайте.«

Спохватились Жиды-арендаторы и всѣ ушли въ городъ Полонное. Пришелъ Хмѣльницкій на славную Украйну и не засталъ въ ней ни одного Жида-арендатора. Онъ не возгордился, пошелъ и къ городу Полонному. Тамъ писалъ письма и посылалъ въ городъ, а въ письмахъ говорилъ: »Эй, Полоняне, *Полонянская громада*! хорошо бы вы сдѣлали, когдабъ Жидовъ-арендаторовъ мнѣ выдали.«

На это Полоняне ему отвѣчали: »Панъ гетманъ Хмѣльницкій! хоть

Хоть бу́демъ оди́нъ на одному̀ лягáти,
А не мо̀жемъ тобі Жидівъ-рандáрівъ до рукъ подáти.«

Отогді-то Хмельни́цький у дру́гий разъ листи̂ писáвъ,
У го́родъ Полонно́го подавáвъ:
»Эй Поло́няне, Полоня̀ньска громáда!
Нехоро̀ша вáша рáда.
Есть у мéне однá пу̀шка Сиротá —
Одчи́нятця вáши залізни шіро́ки воротá.«

Тогді-то якъ у святи́й день божествéнний четверто̀къ
Хмельни́цький до схо́ду со̀нця уставáвъ,
Підъ го́родъ Полянóе бли́жей прибувáвъ.
Пу̀шку Сироту̀ уперéду̀ постановля̀въ,
У го́родъ Поляно́го гости́нця подавáвъ.
Тогді-то Жиди-рандáри
Го́ркимъ го̀лосомъ заволáли:
»Эй Поло́пяне, Полоня̀ська громáда!
Коли́бъ ви до̀бре до̀али,
Одъ По̀льщи воро́та одбивàли,
Да насъ за Ви́слу річку хочъ у одни́хъ сорочкáхъ пускáли!
То бъ ми за річкою Ви́слою пробувàли,

ляжемъ трупами одинъ на другомъ, а Жидовъ-арендаторовъ тебѣ не выдадимъ.«

Хмѣльницкій написалъ къ нимъ въ другой разъ: »Эй Полоняне, Полонянская громада! неразуменъ совѣтъ вашъ. Есть у меня пушка Сирота — отворятся ваши желѣзныя широкія ворота.«

И вотъ въ святой Божій день четвертокъ всталъ Хмѣльницкій до восхода солнца, подошелъ ближе къ городу Полонному, поставилъ впереди пушку Сироту и послалъ Полонянамъ гостинецъ. Тогда Жиды-арендаторы горькимъ воплемъ завопили: »Эй Полоняне, Полонянская громада! сдѣлайте вы доброе дѣло: отворите ворота съ Польской стороны и выпустите насъ за рѣку Вислу хоть въ однѣхъ рубашкахъ. Будемъ мы жить

Да собі дітей дожидáли,
Да іхъ дóбрими ділàми наущáли,
Щобъ на козáцьку Украіну и кривѝмъ òкомъ не поглядáли.«

Отогді-то козакáмъ у гóроді Полонóзі дáна вóля на три часá съ половѝною:
»Пийте-гуляйте,
Колó Жидівъ-рандáрівъ собі здòбу хорóшу мáйте.«

Тогді-то козакѝ у гóроді Полонóзі пили-гуляли,
Здòбу хорóшу собі колó Жидівъ-рандáрівъ мáли;
Обрáтно на славну Украіну прибувàли,
Очертòмъ сідàли,
Сребрó й злáто на три чàсті паёвàли:
Пéрвую часть на Покрòву Січовýю да на Спàса Межигорського оддáли,
Другу часть на медý да на оковѝтій горілці пропивàли:
Трéйтю часть междó собóю, козакáми, паёвàли.
Тогді-то не одѝнъ козáкъ за пáна гетьмáна Хмелнѝцкого Бóга просѝвъ,
Що не одѝнъ Жидівський жупàнъ зносѝвъ.«

Я провелъ двое сутокъ въ Александровкѣ и почти во все это время былъ неразлученъ съ Андреемъ Шутомъ. Пересказать всѣ

за рѣкой Вислою, и когда будутъ у насъ дѣти, то станемъ ихъ учить добру, чтобъ они на козацкую Украйну даже не взглянули косо.«

И дана была тогда козакамъ въ городѣ Полонномъ воля на три часа съ половиною: »Пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ Жидовъ-арендаторовъ.«

И козаки въ городѣ Полонномъ пили, гуляли, отъ Жидовъ арендаторовъ хорошую добычу получили; потомъ пришли обратно на Украйну, садились въ кружокъ и дѣлили серебро-золото на три части; первую часть на *Сѣчевую Покрóву* и на Межигорскаго Спаса отдали, другую на меду да на хорошей водкѣ пропили, а третью между собой раздѣлили. Не одинъ козакъ тогда молилъ Бога о панѣ Хмельницкомъ, одѣваясь въ Жидовскіе кафтаны.

наши бесѣды нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что записано мною очень мало. Но не могу умолчать, что было одно время, когда я привелъ Андрея Шута въ изумленье и восторгъ. Перебирая по начальнымъ стихамъ извѣстныя мнѣ думы — не знаетъ ли онъ ихъ варіянтовъ — я прочелъ ему лучшія наизусть. Онъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ человѣкъ, живущій въ Петербургѣ, человѣкъ не его ремесла, знаетъ такія думы, о которыхъ онъ даже и не слыхалъ! Потребовались объясненія, и мы незамѣтно перешли къ преданьямъ старины, которыя въ его умѣ были перепутаны съ новѣйшими событіями. Тутъ ужъ мнѣ стоило большого труда отвѣчать на его вопросы. Мнѣ предстояла очень длинная лекція, которую не легко прочитать понятнымъ образомъ для простолюдина, хотябы этотъ простолюдинъ былъ и Андрей Шутъ. Я держался въ предѣлахъ времени, близко подходившаго къ началу жизни старика, и сѣдой, но неграмотный, Андрей очутился въ положеніи ребенка, слушающаго воспоминанія дѣдушки. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось. Часто онъ не былъ въ состояніи усидѣть на своемъ мѣстѣ, быстро расхаживалъ сюда и туда, какъ-будто ища чего-то, потомъ останавливался съ полуразинутымъ ртомъ на нѣсколько минутъ и потомъ снова начиналъ ходить, потиралъ руки, упирался въ бока, то садился, то вставалъ и дѣлалъ множество невыразимыхъ движеній. Къ сожалѣнію, я не могъ остаться долѣе въ Александровкѣ, и мы не успѣли наговориться вдоволь, или лучше сказать — наслушаться другъ друга. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, ибо у меня, какъ и у всякаго другого, есть свои помѣхи; но я знаю, что Андрей Шутъ здравствуетъ донынѣ и, судя по крѣпкому его сложенію и по трезвой, примѣрной жизни, будетъ здравствовать долго. Этого пожелаютъ, вмѣстѣ со мною, всѣ цѣнители Малороссійской народной поэзіи, такъ много ему обязанные за сохраненіе отъ забвенія драгоцѣнныхъ памятниковъ былого.

Въ Малороссіи замѣчается чрезвычайное множество слѣпцовъ, и надобно сказать, что почти всѣ они — по крайней мѣрѣ изъ, извѣстныхъ мнѣ — отличаются отъ прочихъ людей своего состоя-

нія высшимъ настроеніемъ ума, или рѣдкимъ благодушіемъ, или наконецъ способностью къ фантастическимъ представленіямъ. Я вспомню здѣсь нѣсколькихъ слѣпцовъ, съ которыми удалось мнѣ познакомиться.

Одинъ изъ нихъ, козакъ Семенъ Юрче́нко, восьмидесяти-лѣтній старикъ въ селѣ Мартыновкѣ, Борзе́нскаго уѣзда Черниговской губерніи, лишась зрѣнія въ пожилыхъ лѣтахъ, продолжалъ управлять своимъ хозяйствомъ съ помощію пріемыша, такъ какъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ милостынѣ. Въ-послѣдствіи онъ прозрѣлъ безъ пособія медицины, но мнѣ не случалось послѣ того его видѣть. О его душевныхъ свойствахъ можно получить понятіе изъ слѣдующихъ его словъ, записанныхъ мною во время долгой бесѣды съ нимъ.

(*) Ми зъ жінкою — нехáй лéгко її душі! — прожилú до ста́ростей своіхъ. А дідúзни було́ довóлі — вíчний покóй прéдкамъ и дідáмъ! — и къ томý ужé прижилú. А ді́то́къ намъ Богъ не давъ. Дакъ отó ми зъ бáбою й порáдились. Такъ воно́ й кáже: »Щó жъ то, старúй? тобі є пóмічъ, а мині немá.«

»Постíй, бáбо, оженю́, такъ и тобі пóмічъ бýде.«

Да отó й оженúли. Отъ и бáбі е пóмічъ. Прáвду кáжуть: ***Що рáда, то не зрáда.*** А воні́, слáва Бóгу, дóбри — щé не огризáютця. А якъ що не тáкъ, то не я втéрплю да й скажý; а якъ

(*) *Перéводъ.* — Мы съ женой — легко будь ея душѣ — прожили до старости. Дѣдовскаго добра было довольно — вѣчный покой предкамъ и дѣдамъ — да къ тому и сами нажили. А дѣтокъ намъ Богъ не далъ. Такъ вотъ мы съ бабой и посовѣтовались. Она и говоритъ: »Что́ жъ это, старикъ? тебѣ есть помочь, а мнѣ нѣтъ.« — »Погоди, баба, женю пріемыша, такъ и тебѣ помочь будетъ.« Вотъ и женили. Есть и бабѣ помочь. Правду говорятъ: »Умъ хорошо, а два лучше.« А молодые, слава Богу, добрыя дѣти — еще не огрызаются. А что́ не по-моему, то я не вытерплю и скажу; а какъ заспорятъ между собой,

між собо́ю заведу́тця, то я й ціпуру̀ покажу́; »Ось я«, кажу́, »васъ помирю!«

А умремо́, то й бу́де імъ худібчина.

*

Спаси́бі вамъ за ягідки́! Понесу́ для вну́ківъ. (¹)

»Чи вони́ жъ тебе́ жа̀лують?« (²)

А якъ же? При́де до мене да ся́де на колінахъ:

»Діду́сечку, голу̀бчику! сліпѐсенький!» да й обниме.

»Да ну, йдіть!«

»Э, ні, діду́сечку, ми тебе́ жа̀луемъ.«

Да якъ ся́де на колінахъ, то й сѐрце радіе.

А другі́ ду́рні: »Чого́ вінъ іхъ жа̀луе? чи вони́ его́ діти?

А я імъ: »Дура̀чество ви гово̀рите! Чоловікъ пта̀шку по́йме, на ру́ку поса̀дить да й ра̀дуетця; а то жъ такі́ Христия́нинъ, своѐ рідне.«

такъ я и палку покажу: »Вотъ я васъ помирю!« А умремъ, такъ имъ и останется хозяйствейцо.«

*

Спасибо вамъ за ягодки! Снесу внукамъ (¹). »А они тебя любятъ?« (²) — Какъ же? Придетъ комнѣ, сядетъ на колѣняхъ: »Дѣдушка, голубчикъ! слѣпенькой!« и обниметъ. »Да ну, подите прочь!« — »Нѣтъ, дѣдушка, мы тебя любимъ.« И какъ сядетъ на колѣняхъ, то и сердце радуется. А глупые люди: »Зачѣмъ онъ любитъ ихъ?« говорятъ: »развѣ они его дѣти?« А я имъ: »Что за вздоръ вы говорите! Человѣкъ поймаетъ птичку, посадитъ на рукѣ и радуется; а это вѣдь Христіянинъ, свое родное.«

(¹) Внуками онъ называетъ дѣтей своего пріемыша.

(²) Вопросъ собесѣдника.

Исторія прошедшей его жизни, характеризующая вообще добрую натуру Малороссійскаго поселянина, выразилась отъ-части въ слѣдующемъ полу-историческомъ его разсказѣ.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАЦКОМЪ ОПОЛЧЕНІИ ВЪ 1790-ХЪ ГОДАХЪ. (*)

Діялось се въ 1790-му рóку. Тогді въ Полщі зробилась завирюха. Міжъ Полщакáми и дóбри люде есть, да чáсомъ діло нишкомъ рóблять. Отъ и вийшовъ укáзъ зобрáть Малороссийськихъ козаківъ. То насъ и зобрáли въ Черпігові въ 1790-му гóді; а 1791-го и 1792-го у Києві вже лáгерами стояли. Изъ трёхъ губéрень насъ нáбрано дéвять тисячъ. Я й знáю, якъ Потёмкинъ набирáвъ насъ. Вінъ бувъ пéрвымъ совітчикомъ у Государúні; а Речéтниковъ бувъ начáлникомъ. Ну, такъ оцé насъ бувáло що неділі смóтрить. На стражениі вінъ багáцько війська потерявъ; про ёгó пролóжена й пісня:

Ой Потёмкинъ генерáлъ
Мнóго війська потерявъ....

(*) *Переводъ.* — Это было въ 1790 году. Тогда въ Польшѣ поднялась сумятица. Между Поляками есть и добрые люди, только иногда исподтишка дѣло затѣваютъ. Вотъ и вышелъ указъ собрать Малороссійскихъ козаковъ. Насъ и собрали въ Черниговѣ въ 1790 году, а 1791-го и 1792-го мы ужъ стояли лагеремъ въ Кіевѣ. Изъ трехъ губерній набрали насъ по девяти тысячъ. Я и помню, какъ Потемкинъ набиралъ насъ. Онъ былъ первымъ совѣтникомъ у Государыни; а Кречетниковъ былъ начальникомъ. Ну, вотъ бывало и дѣлаетъ намъ смотръ каждую недѣлю. Онъ потерялъ много войска въ сраженіи, такъ про него сложили и пѣсню:

Ой Потемкинъ генералъ
Много войска потерялъ....

А Госуда́риня — ска́зано жіно́щина — вона́ ёму́ те й простила. Вінъ сказа́въ ій: »Госуда́риня Екатери́на Алексіевна! неха́й дру́ги кома́ндують іми, а позво́льте изъ трёхъ губе́рній чи́стихъ мині Малороссия́нъ набра́ть.« Отъ вона́—неха́й царству́е—и позво́лила. Вінъ изъ трёхъ губе́рній и набра́въ де́вять ти́сячъ, и изъ Хвастове́ць ти́сячу. Отъ ми ви́шли въ Кие́въ. А тамъ Дніпръ манасти́ръ Ви́дубський підрі́завъ, и погреби́ були́ одкри́ти. То старшии й ка́жуть: »А що̀, козаки́! ка́ша остила—до бурякивъ« Отъ ми тогді до буряківъ, да въ котли́. Тогді жъ я заслабівъ и оста́вся въ обо́зі. Отъ Потёмкинъ перш смотрівъ у Чернігові все військо. Піхо́та жъ махну́ла, а по́ки ми прибули́, вінъ уже́ пересмотрівъ и махну́въ у Петенбу́рхъ. Его́ потрѐбували туди́. Ажъ ось—трѐба!—ука́зъ и пришо̀въ: »Помѐръ Потёмка, помѐръ!« А Леванидовъ же тепе́ръ владіе військомъ, и Рече́тниковъ, и гово̀рять: »Що̀ намъ роби́ть изъ оцімъ ко̀рпусомъ? Чи его́ по пвка́мъ розби́ть — такъ вели́ка си́ла — чи що̀« ? И посла́ли ука́зъ до Цари́ці. А вона́ й однисáла: »На ва́съ оддаюсь, на ва́ше сум-

---

А Государыня — какъ женщина — и простила ему. Онъ ей сказалъ: »Государыня Екатерина Алексѣевна! пускай командуютъ ими другіе, а мнѣ позвольте набрать изъ трехъ губерній чистыхъ Малороссіянъ.« Она — царство ей небесное — и позволила. Онъ и набралъ изъ трехъ губерній девять тысячъ, и изъ Хвастовцовъ тысячу. Вотъ и вышли мы въ Кіевъ. А тамъ Днѣпръ подрѣзалъ Выдубицкій монастырь, и погреба были открыты. Такъ начальники и говорятъ: »А что̀, козаки? каша наскучила — къ буракамъ!« Вотъ мы за бураки да въ котлы. Тогда же я заболѣлъ и остался въ обозѣ. Потемкинъ сперва смотрѣлъ все войско въ Черниговѣ. Пѣхота поспѣшила къ нему, а пока мы прибыли, онъ ужъ кончилъ смотръ и махнулъ въ Петербургъ. Его туда потребовали. Какъ вотъ — нужно же такъ случиться! — указъ и пришелъ: »Померъ Потемка, померъ!« Тогда ужъ войскомъ стали командовать Леонидовъ и Кречетниковъ, и говорятъ: »Что̀ намъ дѣлать съ этимъ корпусомъ? Разбить ли его по полкамъ — такъ сила велика — или какъ-нибудь иначе?« И послали докладъ къ Царицѣ. А она отвѣчала: »Отдаюсь на

лѐние. Того́ вже нема̀, кому̀ я позво́лила зобра̀ть.« А вонѝ й роз-судѝли — нехай̀ царству̀ють: »Пустѝть іхъ у госпо́ду. Па̀ні од-служѝли, тепѐръ пустѝть іхъ на свобо́ду, де хотя̀ прожѝть, — тілько однодво̀рцівъ; а наймитівъ по повка̀мъ, бо ска́же: »Я свое́ одслужѝвъ.«

Ото́ жъ ми й пришлѝ у Кѝевъ 1793-го го́ду…уже́ не трѐба, за-мирѝлось усе́. Тілько Нащо́кинъ… Я єго́ знав̀ и на рундуку̀ сто-я̀въ на часа̀хъ. Разъ иде́ у вѝступцяхъ и сертуку̀ — а бувъ чоло-вічокъ собі невелѝчкий, старѐнький — я и зробѝвъ на калаву̀ръ, а вінъ гово́рить: »Не на̀да, голу́бчикъ.« А вінъ не при кавалѐрні, не що. Отъ, якъ роспустѝли насъ, то вінъ и зложѝвъ муні́цію въ магазѝни. А тоді жъ то потрѐбували въ По̀лщу и попівъ, щобъ пра̀вить по *благоче́стию* для Поля́ківъ, скілько іхъ приверну́лось. Ми жъ ото́ вѝйшли нічч у на майда̀нъ, щобъ позво́дно… А про́тивъ насъ Астраха̀нський повкъ. Отъ и пішлѝ команду́вать: »Палѝ!«… Тріс̀ь! тамъ тріс̀ь! Астраха̀нський повкъ тріс̀ь! До то́го дотріска-лись, що за ру̀лю немо́жна було́ взятьця, та̀къ розогрілась. Ми

насъ. на вашу совѣсть. Нѣтъ ужъ того на свѣтѣ, кому я позволила со-брать.« Вотъ они и разсудили — царство имъ небесное: »Отпустить домой. Послужили Царицѣ, теперь отпустить ихъ на свободу; пускай живутъ, гдѣ пожелаютъ, — но только одныхъ однодворцовъ; а наемни-ковъ — по полкамъ, ато скажетъ иной: »Я свое отслужилъ.«

Вотъ и пришли мы въ Кіевъ въ 1793 году… уже не нужно, все утихло. Только Нащокинъ… Я его зналъ и стоялъ на крыльцѣ у него на часахъ. Разъ онъ идетъ въ туфляхъ и въ сертукѣ — а былъ онъ че-ловѣчекъ небольшой, старенькой — я и сдѣлалъ на-караулъ, а онъ го-воритъ: »Не надо, голубчикъ.« На немъ не было ни кавалеріи, ничего. Вотъ, какъ распустили насъ, то онъ и сложилъ аммуницію въ магази-ны. А въ то время потребовали въ Польшу и поповъ, чтобъ служили по *благочестію* для Поляковъ, сколько ихъ обратилось. Вышли мы на вы-гонъ ночью, чтобы позводно… А противъ насъ Астраханскій полкъ. Вотъ и пошли командовать: »Пали!«… Хлопъ! тамъ хлопъ! Астрахан-скій полкъ хлопъ! До того дохлопались, что нельзя было взять рукою за

жъ холости́ми заря́дами стреля́емо, а изъ Астраха́нського якийсь бойнимъ—тілько зззъ! зззъ! почала́ зи́згать ку́ля. Якъ холости́мъ заря́домъ, то воно́ тілько тріснe; за́разъ вже знать. Отъ ми стоїмо́ да й ду́маемъ: »Тутъ уже́ додо́му бъ то ско́ро йти, а тутъ о́сь яке́ ли́хо!« Тутъ за́разъ нача́лники постереглй да: »По́лно! по́лно!« Ото́ ми й розийшли́сь. А и тогді не безъ заідівъ було́: не дали́ намъ за треть го́да жа́лования.

Пришо́въ же я додо́му. Ну, нічого таіть гріха́: треба засва́татьця одружи́тьця. Бо́гъ же зна, коли́ бу́де тре́ба, бо однодво́рці пови́нни були́, якъ ука́зъ при́де, зно́въ буть на місті. А братъ ка́же: »Я за те́бе послужу́.« Така́ согла́ска вже.

А тутъ донесли́ Госуда́рині — неха́й царству́е — що стрілка́мъ не о́ддано жа́лования. Отъ вона́ й приписа́ла: »Одда́ть жа́лованне!« Ажъ тутъ Левани́довъ кричи́ть: »Пода́й стрілко́въ! пода́й Малороссійскихъ стрілко́въ!« То тутъ ки́дай и печѐне, й варе́не. Левани́довъ: »Пода́й стрілко́въ! въ По́лщі зно́въ закуёвдилось.«

стволъ, — такъ разогрѣлся. Мы же стрѣляемъ холостыми зарядами, а изъ Астраханскаго кто-то боевымъ — только зззъ! зззъ! засвистѣли пули. Когда выстрѣлишь холостымъ зарядомъ, то только треснетъ, а пулю тотъ-часъ узнаешь. Вотъ мы стоимъ и думаемъ: »Скоро и домой бы идти, а тутъ вонъ какая бѣда!« Но начальники тотъ-часъ замѣтили и закричали: »Полно! полно!« Вотъ мы и разошлись. И тогда было не безъ плутней: не выдали намъ жалованья за треть года.

Пришелъ я домой. Ну, нечего таить грѣха: нужно было засвататься, *одружиться*. Но Богъ знаетъ, когда опять понадобятся козаки: вѣдь однодворцы обязаны были опять быть на мѣстѣ, лишь только придетъ указъ. А братъ и говоритъ: »Я послужу за тебя.« Такъ, видите ли, условились.

А тутъ и донесли Государынѣ — царство ей небесное — что стрѣлкамъ не отдали жалованья. Она и предписала: »Отдать жалованье!« Какъ тутъ Леонидовъ кричитъ: »Подавай стрѣлковъ! подавай Малороссійскихъ стрѣлковъ!« Такъ тутъ ужъ бросай и печеное, и вареное. Леонидовъ: »Подавай стрѣлковъ! въ Польшѣ опять заварили кашу.« Вотъ

Отъ же й моиму̀ бра̀ту итѝ бъ служи̇ть, такъ немо̀жна: Леванѝдовъ приписа̀въ: »Безъ моѐі ві̇доми щобъ не переміня̀лись. Чи слі̇пий, чи кривий, щобъ булѝ налѝчно«. Ба̀ба моя́—тогді ще молода̀ — кла̀няетця: »Бра̀тіку, соко̀лику! идѝ ти переміни̇!« А я ёму̀ й тогді ще каза̀въ: »А що̀ жъ, якъ не пійдешъ? хазя̀йку засмути̇шъ и вѝгонишъ. Вона̀ на тѐбе бу̀де пла̀катьця.«

Отъ и списа̀ли на бума̀гу да въ Борзну̀. А въ Борзні Миха̀йло Васѝлёвичъ Часни̇къ комиса̀ромъ бувъ. Пришлѝ до ёго̀ зъ бума̀гою. А вінъ бувъ невелѝчкий, да грубѐнький. »Голу̀бчики«, ка̀же, »не на̀ша сѝла. Сохра̀нь Бо̀же переміня̀тьця! Генера̀ли ка̀жуть — немо̀жна.«

Мы й пішлѝ — нічого робѝть — пішлѝ въ Черніговъ. Намъ и переклѝчка есть, а братѝ за на̀ми йдуть, якъ бурла̀ки. Губерна̀торъ ка̀же: »Не могу̀ я изробѝть нечо̀го.«

Отъ ми зъ Чернігова поверну̀ли въ Кѝевъ. Бра̀тѝ ка̀жуть: »Э, бра̀тця! ви насъ до убѝтку доведетѐ. Ми додо̀му пійдемъ.«

моему бы брату и идти, да нельзя: Леонидовъ предписалъ: »Безъ моего вѣдома чтобъ не перемѣнялись; слѣпой, или хромой — чтобы всѣ были на лицо.« Баба моя — тогда еще молодая — кланяется: »Братецъ, мой соколъ! ступай ты вмѣсто мужа!« А я и прежде говорилъ ему: »Что̀ же, если ты не пойдешь? хозяйку мою опечалишь, а потомъ и изъ дому выгонишь. Она вѣчно будетъ на тебя плакаться.«

Вотъ написали бумагу, да въ Борзну̀. А въ Борзнѣ Михайло Васильевичъ Часникъ былъ коммиссаромъ. Пришли къ нему съ бумагою. А онъ былъ небольшого росту, да толстенькой. »Голубчики мои«, говоритъ, »не наша сила. Боже сохрани перемѣняться! Генералы говорятъ — нельзя.«

Мы и пошли — нечего дѣлать — пошли въ Черниговъ. Намъ есть и перекличка, а братья идутъ за нами, какъ бурлаки. Губернаторъ говоритъ: »Не могу я ничего сдѣлать.«

Вотъ мы съ Чернигова повернули въ Кіевъ. Братья говорятъ: »Эхъ, братцы! вы насъ введете въ убытокъ. Пойдемъ мы лучше домой.« — »Ступайте«, говоримъ. »Что̀ же дѣлать? мы васъ не нево-

»Ідіть«, ка́жемъ. »Щò жъ робить? ми васъ не си́луемъ.«

А въ мого́ бра́та но́ви чо́боти. »На«, ка́же, »бра́те, тобі сі чо́боти, а мині дай старѐньки.«

»Ні«, кажу́, »бра́те; ти до́ма не роздобу́дешъ, а я тутъ безъ чобітъ не бу́ду.«

Инши жъ пішли́, а дру́ги оста́лись зъ на̀ми. А мій братъ ка́же такі: »Учі мене́ свого́ артику́лу, щобъ мене́ послі не били.«

Ажъ ото́ почу́ли, що мо̀жна змипя́тьця. Пита̀ють мого́ бра́та: »Ра́дъ Бо́гу и Госуда́рині слу́жить?«

»Радъ, ва́ше високопроисходи́телство.«

И записа́ли ёго́.

Отъ ми вже бъ то й росхо̀дитьця, ажъ тутъ даганя́ють: »Посто́йте жъ, ище́ не йдіть, бо такъ не ді́йдете.«

И дали́ намъ бума̀гу.

Якъ дали́ ту бума́гу, тогді у насъ изъ бра́томъ сѐрце зомліло. И радъ, и сму́тно на душі. Самъ уго́ру пішо́въ, а ёго́ на́че притопта̀въ. Се́рце оття́къ и оття́къ! Пита́ю: »Щò, братко́? яки́й я?«

»Бі́лий. А я́, братко́?«

»И ти́ бі́лий.«

лимъ.« А у моего брата новые сапоги. »Возьми«, говоритъ, »братъ, себѣ эти сапоги, а мнѣ дай старенькіе.« — »Нѣтъ«, говорю, »братъ, ты дома не добудешь, а я тутъ безъ сапогъ ходить не буду.« Иные ушли, а другіе остались съ нами. А мой братъ говоритъ: »Учи меня своему артикулу, чтобъ меня потомъ не били.« Какъ вотъ услышали, что можно одному идти вмѣсто другого. Спрашиваютъ моего брата: »Радъ Богу и Государынѣ служить?« — »Радъ, ваше высокопревосходительство.« И записали его. Вотъ пришлось намъ и разставаться, какъ тутъ догоняютъ: »Погодите, не уходите еще: такъ не дойдете домой.« И дали намъ бумагу. Какъ дали бумагу, у насъ съ братомъ сердце и заныло. И радъ, и грустно на душѣ. Самъ словно выросъ, а его притопталъ къ землѣ. Сердце такъ и колотится! Спрашиваю: »Что, братецъ? каковъ я?« — »Блѣденъ. А я, братецъ?« —

Ну, щò жъ робúть? Пішлú до Днiпрá, взялú горілки, поцілувáлись, попрощáлись: »Идіть собі зъ Бóгомъ!«

А тутъ (дóма) люде сказáли, що обоіхъ візьмуть; то мáти лéдві хóдить, а жінка тiлько що жúва. Скáзано, бабáмъ повірили.«

Онъ же сообщилъ мнѣ слѣдующія интересныя подробности о послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, показывающія, какъ историческія событія, лица и явленія вѣка представлялись уму простолюдина.

1.

ПРЕДАНІЕ О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЬШЕЮ ВЪ 1792 — 1795 ГОДАХЪ. (*)

Костючка бувъ кролéмъ у Пóлщі. И старúй бувъ, кáжуть, да кáверзникъ велúкий. А якúй кáверзникъ? Посáдять у клітку, а вінъ и втечè. То давъ приkáзъ: »Сю нічъ порізать абó поколóть постоялцівъ; а хто не згýбить, томý самòму гóлову зрубáть.«

А въ одного бувъ кýмъ изъ нáшихъ. Пришóвъ додóму... зві-

»И ты блѣденъ.« Ну, что же дѣлать? Пошли къ Днѣпру, купили водки, и цѣловались, простились. »Идите себѣ съ Богомъ!«

А тутъ (дома) люди сказали, что обоихъ насъ запишутъ въ службу; такъ мать едва движется, а жена чуть жива. Извѣстно, бабамъ повѣрили.

(*) *Переводъ*. — Костюшко былъ королемъ въ Польшѣ. И старъ ужъ былъ, говорятъ, да большой пройдоха. Посадятъ его въ клѣтку — онъ и уйдетъ. Такъ онъ-то далъ приказъ: »Въ эту ночь перерѣзать, или переколоть постояльцевъ; а кто своего постояльца не истребитъ, тому самому срубить голову.«

А у одного Поляка былъ кумъ изъ нашихъ. Пришелъ домой... из-

сно вже, замирилось, то бувъ на гулянці або-що, — ажъ хазяінъ смутнийи, все здихае.

»Чого се ти, куме, смутнийи такийи?«

»А що жъ?« каже, »намъ всімъ приказано оттакъ и такъ зробить. То повечерай, збирай муницю да и втікаймо обидва.«

То той положивъ ложку — уже наівсь! — да до свого товариша: Оттака й така річъ!

»Що ти кажешъ! ходімъ до порутчика.«

Отъ заразъ барабанъ зборъ. Хто вечеравъ, ложку кидавъ, за муницію. Хто спать лігъ, встававъ; хто куди гулять пішовъ, и той прибігъ. Отъ, примірно, Більмачівка недалеко, то й почула барабанный галасъ; Ивангородъ, або Хвастовці недалеко, и тамъ чують, що тревога, збираются й собі въ походъ; а Борзна, такъ трийдцять верстовъ, такъ тамъ нечутно було барабана, то й вирізано всіхъ нашихъ.

Отъ тутъ уже давай збирать козаківъ. Приходимъ у Киевъ, ажъ тамъ уже повни шпаковні. Де Андрей Первозванний, то й тамъ іхъ повно у лёхахъ. Ото, що імъ робіть? Стали вони реш-

---

вѣстно, смирное время, такъ онъ былъ на пирушкѣ, что ли; приходитъ — хозяинъ что-то невеселъ. »Что это ты, кумъ, такъ невеселъ?« — »Что же?« говоритъ, »намъ всѣмъ приказано то-то сдѣлать. Такъ поужинай, собирай аммуницію и уйдемъ оба. »Тотъ положилъ ложку — ужъ и наѣлся! — да къ своему товарищу: такое и такое дѣло. »Что ты говоришь! пойдемъ къ поручику.« Вотъ тотъ-часъ забили сборъ. Кто легъ спать, вставалъ; кто куда гулять ушелъ, и тотъ прибѣжалъ. Вотъ, примѣрно, Бѣльмачовка недалеко, то и услышала барабанный бой; Ивангородъ, или Хвастовцы недалеко — и тамъ слышатъ тревогу, сбираются и себѣ въ походъ; а Борзна, примѣрно, въ тридцати верстахъ — тамъ ужъ не слышно барабана — и вырѣзали всѣхъ нашихъ.

Давай наши собирать козаковъ. Приходимъ въ Кіевъ — тамъ ужъ полны казематы. Гдѣ Андрей Первозванный, и тамъ ихъ (Поляковъ) полны погреба. Что съ ними дѣлать? Обратили ихъ въ арестантовъ.

тáнтами. Було́ пожену́ть чоловіка пятнáдцять на Дніпръ пáлі бить, шійде жъ пятнáдцять чоловіка, а чоловіка сімъ при́де. Тя́гнуть залізну бáбу, щобъ убивáть пáлі, а дáлі й сами́ бо́вть у во́ду своéю во́лею! бо вмирáть — вмирáть. Генерáламъ кáжуть, що оттáкъ и такъ: Поляки́ то́лпятця; а вони́: »Катъ іхъ бери́, нехáй то́плятця.«

Іхъ брáли на допро́съ (¹). »А що́ жъ?« кáжуть, »ми не по своій во́лі: коро́ль велівъ, шля́хта.«

2.

ПРЕДАНІЕ О КОМЫШНИКАХЪ. (*)

Коми́шники тіи жили́ по комишáхъ и очеретáхъ. Було́ идѐ чумáкъ, то ви́скочать, обдеру́ть да й були́ такíи. Ото́ разъ иду́ть чумаки́, отъ іхъ два вискáкуе. Оди́нъ рáтище на доро́зі встромивъ и кричи́ть: »Одъ возівъ, чортя́!«

Бывало погонятъ ихъ человѣкъ пятнадцать къ Днѣпру бить сваи; человѣкъ пятнадцать туда пойдетъ, а человѣкъ только семь воротится назадъ. Тянутъ желѣзную бабу, которою вколачиваютъ сваи, а потомъ бултыхъ въ воду, по своей волѣ; потому что, какъ ни умирать, все равно умирать. Докладываютъ генераламъ, что Поляки бросаются въ воду, а тѣ: »Катъ ихъ бери, пускай бросаются.«

Призывали ихъ къ допросу (¹). »Что же?« говорятъ, »мы взбунтовались не по своей волѣ: король, шляхта велѣли.«

(*) *Переводъ.* — Камышники жили по камышамъ и очеретамъ. Идетъ чумакъ, они выскочатъ, ограбятъ и были таковы. Вотъ однажды идутъ чумаки, какъ и выскочили двое. Одинъ воткнулъ копье на дорогѣ и кричитъ: »Прочь отъ возовъ, чертенята!« Всѣ молодцы такъ и разбѣ-

---

(¹) По дѣлу возстанія.

Усі парубки такъ и порозбігались; а отаманъ и зоставсь.

»Ти отаманъ?«

»Я«, каже.

»Давай гроши.«

»Щò жъ«, каже, »люде добри? ми йидемó підъ хýру, то дè въ насъ тиі гроши?«

«Брèшешъ, вражий сину!«

И ставъ шукать, шукать у возáхъ. Однý шкýру підиявъ — нема. Вінъ до другоі. А отаманъ чумацький, Товстýха, собі ума прибирáе, щò ёмý робить. Винявъ двийло, а гайдамáка до ёгó. Дакъ и тò не худопахóлокъ: якъ ударить! »Эй«, каже, »сюди!«

Отъ хлопці позбігались, потрощили імъ ноги на гáмузъ да й покидали.

»Ой, братці, доколіть насъ!«

»Ні, якъ заробили, такъ и одвічайте.«

У чумаківъ колèса товстиі; то въ колèсахъ булó попродовбуе дирки, да туди гроши положить, да й позабиваé гвіздками; то ёгó хоть якъ хóчъ нехай разбиваé, а гроши è.

жались, а отаманъ и остался. »Ты отаманъ?« — »Я«, говоритъ. »Давай деньги.« — »Что же«, говоритъ, »добрые люди? мы веземъ кладь, такъ что у насъ за деньги?« — »Лжешь, вражій сынъ!« И началъ искать, искать въ возахъ. Приподнялъ одну шкуру — нѣту. Онъ къ другой. А чумацій отаманъ, Товстуха, придумываетъ, что бы съ нимъ сдѣлать. Вынулъ дышло, а гайдамака къ нему. Но и тотъ не плохой парень: какъ хватилъ его! »Эй«, говоритъ »сюда«! Тогда молодцы сбѣжались, изломали имъ ноги въ мязгу и бросили. »Эй, братцы, приколите насъ!« — »Нѣтъ, какъ заслужили, такъ и терпите.«

У чумаковъ колеса толстыя, и они въ колесахъ долбили дыры, клали туда деньги и заколачивали гвоздями; такъ ужъ какъ ни ограбитъ чумака камышникъ, а деньги цѣлы.

3.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖСКИХЪ ХИМОРОДНИКАХЪ, ИЛИ КАВЕРЗНИКАХЪ. (*)

Якъ стояли ми въ Київі, то я зъ другими стражъ державъ. Міжъ нами булѝ Запорозці въ холодниці. Старшій Запорожець у залізахъ седить, а товариство въ колодкахъ. Старшій здоровий, оттакій! да й то не худопахолки.

А Запорозці вольни люде булѝ. Каже: »Хочь до крові нехай бьютця, а колѝ до насъ нема прозьби, то ми й не помагаемъ«. За те, що іхъ изъ степівъ проганяли и добувать не позволяли, то кошовий розсердився, що одъ іхъ увесь степъ одбирали и завоёвувать не позволяли. Тогді імъ такѝ и тіснійше стало, бо вередовать почалѝ. А вонѝ нашій Цариці служили. До іхъ и зъ нашихъ утікали, бо тамъ вольнійшъ було.

Отъ оцей старшій и товариство підмовляли до себе Московського карабинера; а той не пішовъ, да своімъ офицерамъ и объявивъ, то іхъ и позабирали. То було ґоворить: »У насъ оттакъ, батькови

(*) *Переводъ*. — Какъ стояли мы въ Кіевѣ, то я съ другими козаками бывалъ на часахъ. Въ арестантской сидѣли Запорожцы. Старшій Запорожецъ сидитъ въ желѣзахъ, а его товарищи въ колодкахъ. Старшій былъ вотъ этакой толстый, да и другіе не плохіе молодцы.

А Запорожцы были люди вольные. Говорятъ: »Хоть до крови пускай дерутся, а когда къ намъ нѣтъ просьбы, то мы и не помогаемъ.« Кошевой разсердился за то, что ихъ гнали изъ степей и не позволяли воевать. Тогда имъ тѣснѣе таки стало, потому что начали буянить. А они нашей Царицѣ служили. Къ нимъ уходили и изъ нашихъ, потому что тамъ больше было воли.

Такъ этотъ-то старшій и его товарищи переманивали къ себѣ Московскаго карабинера, а тотъ не поддался да своимъ офицерамъ и объявилъ, — вотъ ихъ и арестовали. Бывало онъ говоритъ намъ: »У насъ вотъ такъ, *батьковы дѣти*, водилось: коли пожелалъ — ступай къ

діти, ділялось: коли зажелàвъ, ступàй до насъ; а ні, сказáвъ: »Мині й тутъ добре служить Богу й Цариці за віру »Християнську,« а не підвóдь!«

А на ёмý одéжа слàвна: штаній оксамитни чóрни, кýртка зелèна, а шàпки не бачивъ, — и пе надівàвъ (вінъ), прáвду сказáть.

Оцé за нимъ хóдимо, калаýримо, а вінъ намъ кàже: »Щò ви, бáтькови діти, хòдите за мпóю? Ви бъ три дні надо мнóю стояли, ви бъ думали, що я передъ вàми, а я Бóгъ знáе, де бувъ би!«

Да було своймý товариству, що въ холоднику, гласъ и оддаè: »Седіть«, кáже, »хлóпці; ви шуткýйте, шуткýйте, да ждіть ладý, пóки бумàга прийде зъ пóвку. Побáчимъ, хто виновàтъ: чи ми, що підмовляли, чи вінъ, що насъ підъябедивъ. Не погàне мóре, що собáки хлéпчуть: не погáни й люде, що підъ прикáзомъ седять.«

А вони, скàзано, седять у калаýрні; іхъ и на робóту зъ рештàнтами не виганяли. Тутъ и лòжечко для прàпорщика. То якйй Запорóжець: »Отъ увяжіть менé«, кáже, »въ мішóкъ, чи встережетè менé, що менé бережетé?«

намъ, а нѣтъ — говори: »Мнѣ и тутъ хорошо служить Богу и Царицѣ за Христіанскую вѣру, а не вводи въ бѣду.«

А одежа на немъ славная: штаны бархатные черные, куртка зеленая, а шапки не видалъ я, — и не надѣвалъ онъ, правду сказать. Ходимъ бывало за нимъ, караулимъ, а онъ намъ говоритъ: »Чтò вы, *батьковы дѣти*, ходите за мною? Еслибъ я захотѣлъ, то вы три дня стояли бы надо мною, вы думали бы, что я передъ вами, а я Богъ знаетъ гдѣ былъ бы!« И откликается бывало къ своимъ товарищамъ, чтò сидѣли въ холодной: »Сидите« говоритъ, »ребята; шутите себѣ да дожидайтесь порядка, пока придетъ бумага изъ полка. Посмотримъ, кто виноватъ: мы ли, что подговаривали, или онъ, что наябедничалъ на насъ.« Не оскверненятъ моря собаки тѣмъ, что пьютъ изъ него воду: и людямъ то не въ укору, что сидятъ они подъ арестомъ.« А они, извѣстно сидятъ въ арестантской; ихъ и на работу съ арестантами не гоняли. Тутъ и кровать для прапорщика. Вотъ иной Запорожецъ и говоритъ: »Завяжите меня въ мѣшокъ; убережете ли меня?« — »А почему же?« — »Давайте сюда

»Чо̀мъ?«

.»Кѐте мішо́къ.«

Да и влізе въ мішо́къ, да до сво́лока ёго́ й притя̀гнуть за трямки́; а вінъ изъ-за дверéй и йдѐ да: »Здоро̀ви, вражи сини́! устереглѝ?«

Або́ кото́рий-нéбудь Запоро́жець: »Що, ви ду̀маете, я не зна̀ю, що ви вміете кра̀сти?«

Да разъ до менé: »А на̀ що ти пятака̀ вкравъ?«

Я й не ба̀чивъ пятака́!«

»А ну, скѝнь чо́ботъ!«

Скѝнувъ, ажъ у чо̀боті пята̀къ.

А вінъ: »А, ідя̀ть васъ му̀хи!«

Да й сміетця вра̀жий Запоро́жець. А то вінъ хѝмородою химородивъ. Ска́зано — ка̀верзники.

А ста̀рший було́ лежѝть да: »Гуля̀йте, хло́пці, гуля̀йте да заспіва̀йте лишъ пісню!«

»А якоі«, кажу̀, »вамъ пісеньки заспіва́ть? мо̀же, оттако́і, дя̀дьку, оттако́і?«

А я й не зна̀въ, що вінъ Запоро̀жець: на ёму̀ неякоі кавалéрині нема̀, а въ залізахъ, да ду̀маю: »Та̀къ служа̀щий«, да й заспіва̀въ ёму̀ Запоро́зькоі:

мѣшокъ.« И влѣзетъ въ мѣшокъ, и подтянутъ мѣшокъ къ перекладинѣ; а онъ, какъ тутъ, и идетъ изъ-за двери: »Здравствуйте, вражьи дѣти! а что̀, уберегли?« А иной изъ Запорожцевъ: »Вы думаете, я не знаю, что вы умѣете красть?« Да разъ ко мнѣ: »А зачѣмъ ты укралъ пятакъ?« — »Что̀ вы? я и не видалъ пятака!« — »А сними-ка сапогъ!« Снялъ, а въ сапогѣ пятакъ. Тогда онъ: »А, чтобъ васъ ѣли мухи!« и смѣется, проказникъ. А вѣдь это онъ не съ-проста дѣлалъ: колдовалъ. Извѣстное дѣло — колдуны. А старшій бывало лежитъ да и скажетъ: »Гуляйте, *молодцы*, гуляйте да спойте-ка пѣсню!« — »А какую,« говорю, »спѣть вамъ пѣсню? не хотите ли, дядя, свою вотъ эту?« А я не зналъ, что онъ Запорожецъ: на немъ нѣтъ никакой кавалеріи, и въ желѣзахъ; думаю: »Такъ служащій«, и спѣлъ ему Запорожскую:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка....

То вінъ слу́хавъ-слухавъ, слізми́ облы́вся да мене́ за го́лову: »Ахъ, си́ночку мій! се жъ на́ша ба́тьківщина! се жъ на́ша отцѐвсь-ка пісня! Се не пісенька, се щи́рая пра́вдонька! Такъ ми у своіхъ батьківъ служи́ли, да оце про іхъ и пісню проло́жено!«

Причинъ частой слѣпоты между Малороссійскими простолюдинами я не берусь объяснять. Но приведу коротенькой разсказъ слѣпца Бориса Запа́ры (въ Богуславѣ, Кіевской губерніи) о томъ, отъ-чего, по его убѣжденію, онъ ослѣпъ. На вопросъ мой: »Чи ти сліпи́мъ и роди́вcь?« онъ отвѣчалъ:

»Ні, мене́ ма́ти проклялá. Пришли́ до насъ разъ за поду́шнимъ. А я тоді ще малѐнькимъ бувъ та кажу́: »Ма́мо, да́й хліба!«

А вона́ росѐрдилась та ка́же: »Вра́жа дити́но! я тобі якъ да́мъ хліба, то въ тебе́ й о́чи повила́зять!«

Отъ зъ того́ ча́су якъ почали́, якъ почали́ боліть у мене́ о́чи! а да́лі й зовсімъ ставъ неба́чить. (*)

Замѣчательна его благодарность за сорочку, которую для него купили:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка....

Долго онъ слушалъ, потомъ залился слезами и схватилъ меня за голову: »Ахъ, сынокъ ты мой! вѣдь это наше отцовское наслѣдіе! это отцовская наша пѣсня! Не пѣсня это, а истинная правда! Такъ мы у своихъ отцовъ, служили, и пѣсня эта про нихъ сложена!«

(*) *Переводъ.* — Нѣтъ, меня прокляла мать. Разъ пришли къ намъ за подушнымъ. А я тогда былъ еще мальчишкой и говорю: »Матушка, дай хлѣба.« А она разсердилась и говоритъ: »Чортово дитя! какъ дамъ я тебѣ хлѣба, такъ и глаза у тебя вылѣзутъ.« Съ того времени и начали болѣть у меня глаза, а потомъ я и совсѣмъ ослѣпъ.

Нехáй васъ такъ Сйнъ Бóжий прикрйе, якъ вй оцé менé прикрйете. (*)

Вообще Малороссійскіе простолюдины благодарятъ иногда въ оборотахъ, истинно краснорѣчивыхъ. Одна старуха сказала молодому человѣку:

Нехáй тобі Господь помóже, де ти ступнèмъ стýпишъ и зъ речàми обéрнесся! (**)

Ему же сказалъ однажды старикъ нищій:

Пáночку лебéдочку! щòбъ тебé Госпòдь такъ узрівъ, якъ тй менé вздрівъ! Тілько, пáне, се й твогò, що ти своéю рукòю дасй; это всè не твоé. Гóсподи! постановй се передъ твоéю душéю! (Въ-сторону:) А, людйна жъ предóбра! (***)

Но возвращаюсь къ слѣпцамъ. Въ Звѣнигородкѣ, Кіевской губерніи, я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ лирникомъ Дмитромъ Погорѣлымъ, который объяснялъ свои пѣсни самыми фантастическими разсказами, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Это былъ первый изъ Заднѣпровскихъ пѣвцовъ-нищихъ, котораго я услышалъ. Мнѣ долго не удавалось проникнуть въ глубину Кіевской губерніи, въ мѣста, памятныя исторіи по упорной борьбѣ козаковъ съ Польскою шляхтою. Я не сомнѣвался, что, если на лѣвой сторонѣ Днѣпра поютъ думы о временахъ Хмѣльницкаго,

---

(*) Пускай васъ такъ Сынъ Божій прикроетъ, какъ вы меня прикроете.

(**) Помоги тебѣ Господь, гдѣ бъ ты ногой ни ступилъ и съ рѣчью ни озвался.

(***) Господинъ мой, лебедушка мой! пусть тебя такъ Господь призритъ, какъ ты меня призрѣлъ! только и твоего, чтò ты своей рукою подашь, а остальное все не твое. Господи! поставь все это передъ твоей душою! (Въ-сторону:) А, человѣкъ-то добрый!

то на его родинѣ должны существовать первообразы этихъ думъ и многія другія, намъ неизвѣстныя. Вышло напротивъ: въ Кіевской губерніи я не записалъ ни одной думы, хотя преданія о Хмѣльницкомъ живутъ въ устахъ народа.

Это объясняется не столько недавними событіями *Колійвщины,* которыя вытѣснили изъ памяти Украинскихъ поселянъ картины отдаленнаго времени, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра, начавшимся во времена Хмѣльницкаго и кончившимся при Самойловичѣ. Правый берегъ, преимущественно предъ прочими частями Малороссіи, былъ театромъ войнъ Хмѣльницкаго и чрезъ то, мало-помалу, наконецъ почти совсѣмъ обезлюдѣлъ. Въ продолженіе этихъ войнъ, многія тысячи людей пали на поляхъ битвъ, въ которыхъ участвовали не одни козаки, но и огромныя массы призванныхъ къ оружію поселянъ; другія истреблены Поляками въ селахъ и мѣстечкахъ, взятыхъ приступомъ, а третьи погибли отъ самихъ козаковъ, которые мстили землякамъ своимъ за приверженность къ Полякамъ. Въ то же самое время правый берегъ Днѣпра пустѣлъ отъ переселенія жителей въ другія мѣста, то небольшими, но безпрестанно выходившими партіями спокойныхъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ, или на лѣвомъ, сравнительно безопаснѣйшемъ берегу, то многолюдными »громадами« козаковъ, которые, послѣ какого-нибудь всенароднаго бѣдствія, искали себѣ новыхъ земель для поселенія и такимъ образомъ основали Острогожскія, Сумскія, Ахтырскія и другія слободы. Но въ конецъ обезлюдѣла Западная Украйна въ то время, когда она по-видимому была успокоена отъ потрясавшихъ ее такъ долго войнъ Богдана Хмѣльницкаго и его преемниковъ, то есть, когда отдѣленный отъ Польши лѣвый берегъ Днѣпра образовалъ, подъ протекціей Царя Московскаго, новую »Гетма́нщину«. Туда перешли съ праваго берега вооруженные полки козацкіе; туда переселялись недовольные Польскимъ правительствомъ и невѣрившіе его обѣщаніямъ — забыть давнишнія обиды; туда наконецъ гетманъ Самойловичъ по разореніи Чигирина, а гетманъ Скоропадскій на возвратномъ пути отъ береговъ Прута, переселили всѣхъ, какихъ могли захватить, жи-

телей со всѣмъ ихъ имуществомъ и даже съ деревянными церквами, которыя были разобраны и увезены на возахъ. Эти переселенія сдѣланы были на основаніи Андрусовскаго договора, по которому не только каждый получилъ право переходить со всею движимостію на лѣвый берегъ Днѣпра, но признано даже средствомъ къ сохраненію мира между двумя государствами, чтобы вдоль ихъ границъ лежала безлюдная полоса въ нѣсколько миль шириною. Народъ до сихъ поръ помнитъ эти переселенія и говоритъ: »Се було́ ще до *згóну*«, или: »Се було́ вже після *згóну*«, а весь періодъ воинъ козацкихъ, названный въ Польскихъ хроникахъ hosticum, онъ называетъ въ своихъ преданіяхъ *руйною*.

Такимъ образомъ прекраснѣйшія побережья Днѣпра, почти цѣлые нынѣшніе уѣзды Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, какъ-будто были обречены на вѣчное запустѣніе. Да и весь почти этотъ край превратился въ пустыню, какъ объ этомъ мы знаемъ изъ »Лѣтописи Величка«, который, проходя съ Малороссійскими козаками отъ Корсуня и Бѣлой Церкви на Волынь въ 1705 году, былъ пораженъ безлюдьемъ Западной Малороссіи.

»Поглянувши паки (говоритъ онъ), видѣхъ пространные тогобочніе Украино-Малороссійскіе поля и розлеглые долины, лѣсы и обширные садове, и красные дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлые, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною заросьлые. Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украино-Малороссійская во область пустынѣ Богомъ оставленна и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася.« (1)

Было бы однакожъ дѣломъ неестественнымъ, еслибы страна,

(1) »Лѣтопись Самоила Величка«, т. I, стр. 5.

такъ щедро надѣленная природою, оставалась долго пустынею. Лишь только перестала въ ней свирѣпствовать война, лишь только зазеленѣли пепелища, тотъ-часъ появился на нихъ опять человѣкъ. Всѣ прежніе обитатели Западной Украйны, неотдѣленные отъ нея Днѣпромъ и неудерживаемые какимъ-нибудь насиліемъ, возвращались на дорогую для сердца *бáтьковщину* и *матерíзну*. Владѣтели Украинскихъ старóствъ и помѣстій вспомнили о своихъ правахъ и присылали отъ себя урядниковъ — »губернаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ« — сперва только для занятія земель, а потомъ и для заботъ объ ихъ заселеніи. Нѣкоторыя дворянскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, уцѣлѣвшія или въ глубинѣ Польши, или въ безопасномъ Полѣсьи, возвращались на родину не только сами, но приводили съ собой и подданныхъ, которые состояли какъ изъ Украинскихъ переселенцевъ въ Полѣсье, такъ и изъ природныхъ ***Польщукóвъ***, — и ихъ-то деревушки появились прежде всего на Днѣпровскомъ побережьи. Здѣсь разумѣются преимущественно мѣстности въ верхней Украйнѣ, вокругъ Кіева и Бердичева, гдѣ издавна владѣли землями дворяне средней руки: Залѣскіе, Бѣжинскіе, Проскуры, Олизары, Тышовы-Быковскіе и другіе. Южная же и восточная части Западной Украйны состояли изъ однихъ старóствъ и владѣній магнатскихъ. Уманщина перешла отъ Струсей къ Потоцкимъ, Смилянщина отъ Конецпольскихъ къ Любомирскимъ; и въ этихъ огромныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ »дѣдичи« никогда сами не жили, заселеніемъ земель и устройствомъ ихъ имѣній занимались ихъ урядники и уполномоченные, такъ точно, какъ въ верхнихъ повѣтахъ — сами владѣльцы-дворяне. Въ староства, крулевщины и волости южной и восточной части Западной Украйны такъ-же мало-помалу собирался народъ, то изъ разныхъ скрытыхъ мѣстъ, то изъ дворянскихъ селъ верхней Украйны. Это мы знаемъ изъ процессовъ, часто возникавшихъ здѣсь по подобнымъ случаямъ.

Самымъ дѣятельнымъ моментомъ такой колонизаціи была средина XVIII вѣка, и быстрѣе всего развивалась она въ Уманщинѣ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Салезія Потоцкаго, вое-

воды Русскаго. Въ именіяхъ Любомирскихъ и въ старо́ствахъ Сангушковъ, Яблоновскихъ, Потоцкихъ и другихъ, лучшимъ средствомъ къ заселенію пустыхъ земель была признана раздача шляхтѣ правъ на »заложеніе осадъ« (¹). Такія права получались безъ всякаго затрудненія, и всегда было много на нихъ охотниковъ — то изъ самихъ управителей тѣхъ же владѣній, то изъ арендаторовъ небольшихъ частей ихъ, то изъ разной предпріимчивой шляхты, приливавшей въ Украйну изъ глубины Польши, то наконецъ изъ военныхъ людей отряда, постоянно квартировавшаго на этомъ пограничьи и потому называвшагося *Украинскою партіею*. Эти военные люди, привыкнувъ къ здѣшнему краю, не желая возвращаться въ родныя мѣста и пользуясь свободою заниматься внѣ служебныхъ обязанностей чѣмъ угодно, основывали обыкновенно домы и заводили постоянное хозяйство невдалекѣ отъ становищъ своихъ хоругвей. Всѣ вообще основатели новыхъ поселеній должны были больше всего стараться о привлеченіи къ себѣ людей, и потому каждое поселеніе возникало не иначе, какъ на правахъ *слободы*, то есть увольненія отъ всѣхъ почти повинностей и налоговъ на извѣстное число лѣтъ. Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ — на ярмаркахъ, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ — и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Разумѣется, зажиточный селянинъ не соблазнялся зовомъ *на слободу*. Но во всякомъ селѣ были сироты, обиженные старшими родичами, были бродяги, спустившіе съ рукъ послѣдній достатокъ, были любовники, опасавшіеся разлуки, или страдавшіе отъ преслѣдованій, — много было людей, желавшихъ перемѣнить обстановку жизни. Все это внимало обѣщаніямъ льготъ, какъ сигналу къ освобожденію отъ житейскихъ нуждъ и горестей. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смилянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что, кто придетъ къ

(¹) Osadzić — заселить.

нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, и за такого будетъ стоять.

Когда такимъ образомъ вдоль береговъ Днѣпра, на старыхъ пожарищахъ и развалинахъ, въ углубленіи прохладныхъ, напоенныхъ водою долинъ, запестрѣли землянки, мазанки и срубленныя на живую руку хаты, за Днѣпромъ такъ-же нашлось много людей, которые пожелали пользоваться сравнительно бóльшими льготами у новыхъ владѣльцевъ Западной Украйны. А эти, съ своей стороны, посылали къ нимъ зазывы и облегчали имъ средства къ переселенію. При тогдашнемъ состояніи земской управы и пограничнаго дозора на лѣвомъ берегу Днѣпра, переходъ въ Польскую Украйну былъ такъ же не труденъ, какъ теперь въ другую губернію, и Каневскія, Черкасскія, Чигиринскія пустыни наполнялись всё болѣе и болѣе выходцами изъ противулежащихъ селъ и городовъ Гетмáнщины. У Днѣпровскихъ рыбаковъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о *фигурахъ*, то есть крестахъ съ повѣшенными на нихъ снопомъ жита, цѣпомъ и серпомъ. Такія фигуры выставлялись на береговыхъ возвышенностяхъ въ знакъ того, что нѣкто заселяетъ слободу и приглашаетъ къ себѣ поселянъ на извѣстныхъ льготахъ. Льготами было увольненіе »подданныхъ« отъ чиншей и всякихъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, что̀ собственно и называлось *слобóдою*. Чтобы всякому прохожему и проѣзжему было ясно, на сколько именно лѣтъ дана »слобóда« какому-нибудь селу, на выгонѣ становили столбъ, на-подобіе креста, въ котораго перекладину вколачивались деревянные колышки. По истеченіи каждаго года, одинъ колышекъ выбрасывался, а по прошествіи всѣхъ лѣтъ, слобожане обязаны были платить чиншъ владѣльцу земли и отбывать повинности. (¹)

Повинности Украинскимъ »подданныхъ« были довольно легкія: въ казну вносилось только *подымное*; панщины назнача-

---

(¹) На Волыни и въ Полѣсьи такія села назывались *волицами* и *вульшками*, отъ воли, а въ Украинѣ *слободами* отъ свободы. (»Opis Powiatu Wasylkowskiego«, przez E. Rulikowskiego, str. 27.)

лось не болѣе двѣнадцати дней въ году съ хаты, такъ какъ тогдашняя система хозяйства не требовала болѣе рабочихъ дней. Хлѣба сѣяли мало, ибо Черноморская торговля хлѣбомъ не существовала вовсе, и панскіе доходы извлекались преимущественно изъ выкармливанія скота, изъ меду, воску, сала, винокуренія въ небольшихъ размѣрахъ и т. п. Губернаторы и другіе панскіе урядники обогащались подарками, которые народъ имъ дѣлалъ, по стариннымъ обычаямъ, всякой разъ, когда имѣлъ какую-нибудь надобность во »дворѣ«, а такъ-же разнаго рода торговлею, болѣе, или менѣе позволительною, — преимущественно доставкою фуража Русскимъ войскамъ, которыя въ то время постоянно находились на границахъ, или въ самыхъ предѣлахъ Турціи. Они посылали такъ-же на Запорожье разнаго рода жизненныя потребности, которыя покупались за безцѣнокъ въ краю, почти баснословно плодородномъ, а продавались, или промѣнивались на лошадей дорого и потому приносили огромныя выгоды. Шляхта обогащалась такимъ образомъ сама собою и не имѣла побужденій ни въ обычаяхъ, ни въ какой-либо нуждѣ обременять поселянъ работами. По-этому новыя села достигали цвѣтущаго состоянія довольно скоро, а въ-слѣдствіе того народопаселеніе края росло какъ-бы какимъ чудомъ. Все способствовало здѣсь благосостоянію народа. Но, подобно всякому юному обществу, Украинцы отличались беззаботностію касательно будущаго, не собирали хлѣба въ прокъ, полагаясь на плодородіе почвы, даже не пахали на зиму (¹), и потому иногда неурожайный годъ вдругъ поражалъ ихъ всѣми ужасами голода. Въ исторіи земледѣлія на Украйнѣ представляются намъ двѣ противоположности: или необыкновенно низкія цѣны, или совершенный недостатокъ хлѣба, голодъ и даже моръ отъ голоду. Но эти бѣдствія происходили единственно отъ тогдашняго состоянія этой страны и ни коимъ образомъ не относятся къ Польскимъ дворянамъ, которые уже въ другой разъ были ея колонизаторами.

(¹) Пахать на зиму начали Украинцы только съ XIX столѣтія.

Изъ мѣстныхъ документовъ отдаленнаго времени, когда Польское дворянство безразлично состояло изъ Русскихъ »благочестивыхъ« и Польскихъ католическихъ фамилій, мы видимъ, до какой степени этотъ край былъ безлюденъ. Короли Александръ и Казиміръ Ягеллонъ, даруя какому-нибудь князю во владѣніе здѣшнія земли на разстояніи отъ Синюхи до Тыкича и отъ Роси до устья Тясмина, именовали на этихъ земляхъ всего только какихъ-нибудь двоихъ, троихъ подданныхъ; а лѣтъ черезъ сто, или полтораста, мы находимъ Западную Украйну уже очень многолюдною областью, и самыя войны Богдана Хмѣльницкаго служатъ тому доказательствомъ. Пятидесяти-лѣтній періодъ hosticum, или *руины*, съ изложенными выше обстоятельствами, превратилъ снова Западную Украйну въ пустыню; а черезъ полъ-вѣка Польское, уже чисто католическое дворянство сдѣлало ее опять многолюдною областью. Въ смыслѣ колонизаторовъ, магнаты и шляхтичи дѣйствовали безукоризненно: они и не могли дѣйствовать иначе, ибо въ такомъ случаѣ земли ихъ оставались бы незаселенными пустынями. Но, вводя начала гражданственности въ новое населеніе Украйны, они неизбѣжно должны были ввести въ нее и латинскую, или по крайней мѣрѣ уніятскую Церковь. Собственно говоря, это было явленіе очень обыкновенное, а не какая-нибудь систематическая пропаганда. Польскіе колонизаторы Украйны, привлекая народъ на свои земли, должны были наконецъ позаботиться и о религіозныхъ его нуждахъ. Они строили въ селахъ церкви и водворяли при нихъ уніятскихъ священниковъ. Можетъ быть, единственный изъ колонизаторовъ Украйны, занимавшійся ея заселеніемъ съ серьезными и обдуманными видами, Салезій Потоцкій, видя совершенный недостатокъ духовенства въ новыхъ »осадахъ«, вызвалъ сюда викарія уніятской митрополіи, ксенза Рыло, и велѣлъ ему посвятить разомъ шестьдесятъ священниковъ. Въ другихъ селеніяхъ устроивались парафіи сами собою, и въ нихъ водворялись приходскіе священники, то уніятскіе, то »благочестивые«. Появлялись такъ-же — хотя очень рѣдко — и монашескія общества католическія, то возвращаясь на развалины —

часто только на мѣста — прежнихъ своихъ монастырей, основанныхъ еще до Хмѣльницкаго, то будучи вызваны вновь кѣмъ-нибудь изъ колонизаторовъ. Такъ въ Смилой существовалъ маленькій монастырь Капуцыновъ, въ Ржищевѣ — Тринитаръ, въ Лысянкѣ — Францысканцевъ. Многочисленнѣе и многолюднѣе другихъ были монашескія общества Базиліянъ, которые почти исключительно завѣдывали всѣми школами на Украйнѣ. Эти школы, открытыя для каждаго безъ исключенія, соединяли въ себѣ молодежь всѣхъ сословій и состояній. Сюда приходили и »паничи«, сыновья помѣщиковъ, земскихъ урядниковъ и панскихъ управителей, и поповичи, и дѣти убогой шляхты, мѣщанъ и даже сельскихъ мужиковъ, которые имѣли средства и желаніе приготовить своихъ сыновей какъ-бы къ чему-то высшему. Такія школы естественно были самою сильною пропагандою уніятскаго вѣроисповѣданія. А между тѣмъ на Украйнѣ и въ то время было не безъ »благочестиваго« духовенства, которое съ своей стороны имѣло на нее вліяніе. Выше уже сказано, что нѣкоторыя парафіи заняты были священниками »благочестивыми«. Основатели селъ, не смотря на то, что сами были католики, ни мало тому не противились; а нѣкоторые, желая понравиться народу и внушить ему къ себѣ особенную приверженность, выбирали ему священниковъ по его желанію. Владѣтель Смилянщины былъ до такой степени благосклоненъ къ Греко-Русскому духовенству, что уніятскія консисторіи постоянно жаловались на его пристрастіе. Греко-Русскіе монахи пустынно-жительствовали во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ, или занимая старинные монастыри, по лѣсамъ и Тясминскимъ островамъ, или разсѣявшись небольшими обществами по уединеннымъ пустынямъ. Все свѣтское и монашествующее духовенство »благочестивое« находилось подъ властью Кіевскихъ митрополитовъ и Заднѣпровскихъ архіереевъ; отъ нихъ оно было сюда присылаемо (¹), къ нимъ обращалось по дѣламъ

(¹) Впрочемъ много приходило священниковъ изъ Молдавіи и Валахіи, и надобно сказать, что между этими пришельцами были люди весьма сомнитель-

своимъ, хотя въ то же время не могло не признавать власти Польскаго правительства, живя въ Польской провинціи.

И вотъ на Украинской почвѣ, столько разъ облитой кровью, стали опять одинъ въ виду другого непріязненные жизненные элементы: народности Польская и Русская, вѣроисповѣданія латинское и »благочестивое«. Нетрудно дагадаться, что отсюда неизбѣжно должны были возникать ежедневные столкновенія и споры. Народъ здѣшній, не смотря на то, что едва только поселился на своихъ давнихъ пепелищахъ, принесъ съ собой неблагопріятныя для Поляковъ воспоминанья и понятія; преданіе о войнахъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, было свѣжо; поводы къ козацкимъ возстаніямъ не только не были позабыты, но еще усилены очарованіемъ прошедшаго. Все это оживало при всякомъ удобномъ случаѣ и поддерживало чувство природнаго разъединенія между шляхтою и простонародьемъ. Собранное въ села и мѣстечка населеніе не могло все, до одного человѣка, быть спокойнымъ и земледѣльческимъ обществомъ. Въ немъ отзывались привычки къ бродячей и своевольной жизни; а недостатокъ *полиціи*, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, вообще въ Польшѣ и особенно въ провинціяхъ, столь отдаленныхъ и вновь организующихся, способствовалъ какъ нельзя болѣе ко всякого рода безпорядкамъ. Гайдамачество, то есть открытый грабежъ, было въ Украйнѣ явленіемъ весьма обыкновеннымъ, и такъ какъ оно совершалось въ смыслѣ нѣкоторой какъ-бы праведной мести убогаго надъ богатымъ, козака надъ Ляхомъ, то не знало никакого стыда, ни узды въ своихъ неистовствахъ. Въ наше время странно это слышать, но внутреннія и внѣшнія обстоятельства Западной Украйны XVIII вѣка сами породили — и должны были неизбѣжно породить — такое явленіе. Господствующій классъ ея населенія состоялъ изъ католиковъ; чернорабочій — изъ послѣдователей Греко-Рус-

ныхъ качествъ. Поселяне вѣрили имъ на слово, что они посвящены тамъ-то и тамъ-то; но участіе, какое они принимали въ возбужденіи черни противъ католиковъ и уніятовъ, заставляетъ догадываться, что это были за люди.

ской Церкви; между ними посредствующій, торговый, факторскій классъ, простиравшій свои жадныя руки ко всѣмъ предметамъ сбыта и потребленія, ко всѣмъ ввознымъ и вывознымъ товарамъ, состоялъ исключительно изъ Евреевъ. Шляхетство подчинялось нравственному вліянію ксензовъ, въ то время какъ многочисленный чернорабочій классъ, говорившій на своемъ языкѣ, имѣлъ свое собственное духовенство. Это духовенство посвящалось большею частію въ подвластномъ Россіи городѣ Кіевѣ, или въ Переялавѣ за Днѣпромъ и переносило оттуда въ народъ идею объ отрозненности отъ братій, живущихъ подъ державою Царя православнаго, подъ гетманствомъ единородца и единовѣрца, подъ управленіемъ старшинъ и пановъ, молящихся въ одной и той же церкви съ народомъ. Поселяне простодушно называли своихъ священниковъ *попами благочестивыми*, а свою вѣру *благочестіемъ*, и этимъ не говоря говорили, что католическіе и уніятскіе попы нечестивы, а католическая вѣра и унія — нечестіе.

Всѣ эти обстоятельства отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ въ сосѣдней области, подвластной безженному Запорожскому *кошу* и населенной разсѣянными на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ *пала́нками* и хуторами, которые образовались изъ выходцевъ Польской и Московской Малороссіи, недовольныхъ житьемъ на родинѣ. Эти выходцы унесли съ собою въ степи воспоминанія о всеобщей войнѣ »благочестивыхъ« съ католиками и угнетенныхъ съ угнетателями, подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго. Для нихъ не существовалъ новый порядокъ вещей на поприщѣ побѣдъ »козацкаго батька«, между Черкасами и Чигириномъ, между Бѣлою Церковью, Корсунемъ и Уманемъ. Къ нимъ доходили вѣсти только о томъ, что на берегахъ Роси и Тясмина, которыхъ обагренныя кровью воды воспѣты бандуристами въ энергическихъ думахъ, по-прежнему господствуетъ Ляхъ, или — что̀ все одно у нихъ значило — панъ, по-прежнему верховодитъ ксензъ, по-прежнему обираетъ »добрыхъ людей« Жидъ, и сердце одичалыхъ степныхъ рыболововъ, пасичниковъ и чабанóвъ билось такою жъ фанатическою ненавистью

къ этимъ тремъ классамъ Украинскаго населенія, какъ и во времена Перебійноса. Между Украйной Польскаго государства и Запорожьемъ никогда не прекращались сношенія, и »добрые молодцы« являлись почти на каждой ярмаркѣ въ Уманѣ и въ другихъ городахъ съ произведеніями своихъ зимовниковъ, хуторовъ и паланокъ. Они пригоняли туда лошадей, привозили рыбу, мѣха и тому подобные товары, и не всѣ выручаемыя деньги пропивали на Украинскимъ рынкахъ. За свою выручку они добывали въ *Польшѣ*, какъ называли они этотъ край, хорошее оружіе и богатую конскую сбрую, порохъ, свинецъ, водку, сукно, одежу и прочая, а остальное серебро и золото увозили въ кожаныхъ *чересахъ* (поясахъ) на Запорожье, чтобы было что̀ оставить по себѣ на похороны и поминовеніе козацкой души, у которой бывало не безъ грѣховъ, или про запасъ на черный день. Это оружіе, эти одежды и деньги, вывезенныя изъ »Польши« , возжигали въ душахъ Запорожскихъ гультаевъ чувство, которое превращало ихъ религіозную ненависть къ католикамъ и Жидамъ въ фанатизмъ и подстрекало ихъ всего сильнѣе къ удалому набѣгу на помѣщичьи, старостинскія и церковныя имущества, въ подражаніе Хмѣльницкому.

Такимъ-то образомъ начались набѣги Запорожской вольницы, извѣстной подъ именемъ *гайдамакъ*, на земли, едва только заселенныя стараніями Польскаго дворянства. Письменныя преданія не сохранили воспоминаній о первыхъ гайдамацкихъ набѣгахъ; но можно смѣло утверждать, что эти набѣги совпадаютъ съ началомъ колонизаціи Уманскаго, Чигиринскаго, Черкаскаго и другихъ округовъ. Старосты, губернаторы и помѣщики Украинскіе противопоставляли имъ свои надворныя хоругви, въ которыхъ начальствовала шляхта, а рядовые набирались какъ изъ шляхты, такъ и изъ простыхъ поселянъ, и которыя составляли гарнизоны по крѣпостямъ, подъ названіемъ городовыхъ козаковъ. Кромѣ того Польская »юнацкая« молодежь, любя военное ремесло по духу тогдашней жизни, приходила на Украйну со всей Польши, чтобы участвовать въ борьбѣ здѣшнихъ хоругвей съ гайдамака-

ми. Лишь только получалось извѣстіе о соединеніи гайдамакъ въ большую толпу и появленіи Запорожцевъ, надворные козаки и то, что̀ называлось Украинскою партіею, предпринимали противъ нихъ экспедицію и пускали въ ходъ свои военныя хитрости. Но у гайдамакъ всегда были на Украйнѣ тайные доброжелатели, дававшіе имъ во̀ время вѣсть о засадахъ, о сильныхъ и слабыхъ мѣстахъ, а подъ-часъ и убѣжище въ своихъ домахъ и даже монастыряхъ. По-этому почти каждый гайдамацкій набѣгъ увѣнчевался кровавыхъ успѣхомъ, и иногда въ одну ночь изчезали многочисленныя семейства католиковъ и Жидовъ, а ихъ зáмки и дома превращались въ кучи пепла. Съ своей стороны Польскія ополченія, преслѣдуя гайдамакъ въ самую глубь Запорожскихъ степей, наѣзжали на Запорожскія паланки и убивали кого могли, не находя явно виновныхъ. Это влекло за собой обоюдныя жалобы Русскаго и Польскаго правительствъ. Наряжались, какъ обыкновенно водится, коммиссіи для рѣшенія спорныхъ пунктовъ; но, пока судебная процедура совершалась съ торжественной своей медленностью, молодцоватые Польскіе дворяне съ одной стороны и неумогонные гультаи съ другой расправлялись собственными средствами; а потому мелкая война, можно сказать, кипѣла безпрестанно на Польскомъ пограничьи. Запорожскій кошъ, мстя Полякамъ за ихъ *подъѣзды*, потакалъ »добрымъ молодцамъ« въ ихъ *промыслахъ* и, безъ сомнѣнія, самъ направлялъ эти промыслы; а старосты, губернаторы и пограничные паны, не признавая надъ собой никакой власти, поступали безъ всякихъ оглядокъ и даже не оправдывались, подобно кошу, невозможностью обуздать своевольныя партіи удальцовъ. Такъ подготовлена была кровавая драма 1768 года, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Коліивщины....

Заведя рѣчь о Дмитрѣ Погорѣломъ и его склонности къ фантастическимъ представленіямъ, я незамѣтно зашелъ въ область недавней исторіи края, и сдѣлалъ не лишнее дѣло. Безъ этого взгляда на прошедшее, многое въ моихъ разсказахъ о Звенигородскомъ

слѣпомъ пѣвцѣ и о другихъ пѣвцахъ и разскащикахъ правой стороны Днѣпра было бы понятно не для всѣхъ моихъ читателей. Преданіями о набѣгахъ гайдамакъ полны всѣ головы въ Западной Малороссіи, способныя удерживать преданія. Тамошніе простолюдины, потерявъ въ своихъ бѣдствіяхъ и переселеніяхъ цѣпь старинныхъ воспоминаній, ставятъ *Хмельнищину* рядомъ съ *Колійвщиною* и, перезабывъ патріотическія думы о первыхъ козацкихъ войнахъ, воспѣваютъ стариннымъ складомъ пѣсень и старинными ихъ напѣвами подвиги новыхъ героевъ козачества, Харка, Швачку, Зализняка, Гонту и другихъ. Еслибы эти герои успѣли въ своихъ препріятіяхъ такъ какъ Хмѣльницкій, духъ пѣсенности проявился бы здѣсь, безъ сомнѣнія, въ болѣе роскошныхъ и самостоятельныхъ формахъ, и предшественники Зализняка и Гонты на поприщѣ гайдамачества непремѣнно явились бы въ такомъ же поэтическомъ свѣтѣ, какъ Наливайко, Сомко-Мушкетъ и Острянина. Но какъ этого не случилось и возстаніе Зализняка и Гонты было напраснымъ порывомъ Украинцевъ къ самодѣятельности, то въ пѣсняхъ о гайдамакахъ послышался только какъ-бы отголосокъ музы прежняго козачества, а изъ дѣйствующихъ лицъ кровавой гайдамацкой драмы блескомъ поэзіи озарились только немногія. Остальныя, извѣстныя намъ по преданіямъ, какъ напримѣръ Чуприна и Чортоусъ, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ риѳмованнымъ двустишіемъ. Зато нѣкоторыя лица, невписанныя въ исторію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризъ популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ сотникъ Жаботинскій Харко́, о котораго подвигахъ мы не знаемъ ровно ничего, воспѣтъ не хуже самого Зализняка въ пѣснѣ, записанной Черноморцемъ Варениномъ въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ (1). Эту самую пѣсню

(1) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 425.

пѣлъ мнѣ въ Звѣнигородкѣ лирникъ Дмитро Погорѣлый съ нѣкоторыми отмѣнами ([1]). Но его комментаріи интереснѣе самой пѣсни. Именно:

ЛЕГЕНДА О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

....У Па́волочі булá у ёгó хрещéна мáти, зъ вели́кого покоління пáні; то вінъ-то надіявся, що ёгó тамъ не зáймуть, та напи́вшись дóбре, якъ лігъ спáти, тогді та пáні: »Тепѐръ«, кáже, »Ляшки́, мáете часъ, оступáйте Харкá!« То Ляхи́ за ёгó.

Отъ же щѐ бъ вони́ ёгó не стрáтили, коли́бъ ёгó коня́ не приковáли: кінь би ёгó ви́зволивъ, не дáвъ би ёмý пропáсти; вінъ би й гýби, й зýби усімъ порозбивáвъ и буди́нокъ розвали́въ, бо то кінь бувъ лицáрський. Ато взяли́ бісові Ляхи́ та й приковáли за чоти́ри ноги́ у стáні. То кінь, якъ почýвъ Харкóву кровъ, то давáй иржáти; та вже нічóго не врáдивъ. А Ляхи́, якъ стáли Харкá рубáть, то рубáли ажъ три дні, та ніякъ не порубáють; и

(*) *Переводъ.*—....Въ Паволочи была у него крестная мать, госпожа знатнаго рода; онъ и надѣялся, что его тамъ не тронутъ, да, хорошенько подгулявши, какъ уснулъ, она и говоритъ: »Теперь«, говоритъ, »Ляхи, самая пора, окружите Харка!« Ляхи и бросились къ нему. Но и тутъ еще не сгубили бы его, еслибъ не приковали его коня: конь бы его выручилъ; онъ бы и губы, и зубы всѣмъ расшибъ и домъ разрушилъ бы, затѣмъ что то былъ конь богатырской. А то чортовы Ляхи взяли да и приковали его по всѣмъ четыремъ ногамъ въ конюшнѣ. Конь, какъ почуялъ кровъ Харкову, началъ ржать, но ужъ ничего не сдѣлалъ. А Ляхи, какъ стали рубить Харка, то рубили цѣлыхъ три дня, да ни какъ не изрубятъ; и сабля иззубрилась пуще желѣза: наконецъ догада-

([1]) См. тамъ же, стр. 427. Еще одинъ варіантъ, записанный Зоріаномъ Ходаковскимъ, напечатанъ въ «Укр. Нар. Пѣсняхъ», изд. Максимовичемъ. М. 1834; стр. 121.

ша́бля позубйлась гіршъ, якъ залізо; та вже дорозумова́лись, щобъ руба́ть ёго́ ёго́ жъ ша́блею. А въ ёго́ ша́бля була́ лица́рська; то та ша́бля ёго́ й побідйла.

Сотникъ Харко́ представляетъ загадочное явленіе въ исторіи Польской Украйны. Н. А. Маркевичъ въ своей »Исторіи Малороссіи« (т. II, стр. 659) упоминаетъ о его возстаніи подъ 1765, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на неизданную статью М. А. Максимовича о Коліивщинѣ. Г. Скальковскій въ »Наѣздахъ Гайдамакъ« не говоритъ о немъ ни слова, хотя не долженъ былъ пропустить его безъ вниманія уже по одному тому, что о немъ поются пѣсни, изъ которыхъ одна была напечатана г. Максимовичемъ задолго до выхода въ свѣтъ книги г. Скальковскаго. Можно бы думать, что сотникъ Харко́ былъ предшественникъ Мартына Бѣлуги въ Жаботинской сотнѣ и погибъ незадолго до возстанія своего преемника, по темному подозрѣнію въ какихъ-то замыслахъ. Но въ мѣстечкѣ Смилой я встрѣтилъ старика, Кондрата Тарану́ху, который зналъ его лично и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ десять послѣ Коліивщины. Вотъ этотъ разсказъ.

ПРЕДАНІЕ О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

Я са́мъ знавъ Харка́. Вінъ бувъ со́тникомъ у Жа́ботині. Вони́ зъ Леле́кою ви́йшли сюди́, якъ Моска́ль розруйнова́въ Січъ, та й пожени́лись у Жа́ботині. Леле́ка жъ ставъ господарова́ть: млини́

лись, что его надобно рубить его же саблею. А у него сабля была богатырская; она-то его и побѣдила.

(*) *Переводъ*. — Я самъ зналъ Харка. Онъ былъ сотникомъ въ Жаботинѣ. Онъ да Лелека вышли изъ Сѣчи, когда ее разорили, и женились въ Жаботинѣ. Лелека сталъ хозяйничать: держалъ на откупу

державъ, скотъ продававъ, то-що; а Харко зробивсь сотникомъ у Жаботині, и у ёго було сорокъ чоловікъ козаківъ. То було до панівъ посилае: »Я васъ«, каже, »заслоняю й стережу, а ви мині давайте кошту и провизії.« То пани було й присилають ёму въ Жаботинъ.

Бравий бувъ козакъ! Було іде — жупанъ голубий на-версі, красний на-споді, чоботи сапъянці, шапка чорна, похилиста; самъ чоловікъ плечистий, русявий, повновидий. Було разъ проіде сивимъ конемъ, у другий воронимъ, у третій буланимъ, у четвертый білимъ... той же єдноралъ! а козакъ! А було до войни такий жвавий, що вже зъ нимъ козаки нічого не боятця. Назадъ *Отче нашъ* переговоривъ — ступай сміло: куля не візьме.

И пішла вже така слава, що супротивъ ёго ніхто не встоіть. То Ляхи й думають собі: »Отъ же ми ёго, вражого сина, годуемо, та вигодуемо такого гайдамаку, якъ Хмельницький. То була Хмельничина, а ще буде Харківщина!«

Да й прислали до ёго въ Жаботинъ: »Просить панъ до Наволочи въ гості.«

мельницы, торговалъ скотомъ и тому подобное; а Харко сдѣлался сотникомъ въ Жаботинѣ, и у него было сорокъ козаковъ. Онъ бывало посылаетъ къ панамъ: »Я васъ«, говоритъ, »заслоняю и берегу, а вы за то поставляйте мнѣ содержаніе и провизію.« Паны и присылаютъ бывало все это ему въ Жаботинъ.

Славный козакъ былъ! Бывало ѣдетъ — жупанъ голубой на немъ сверху, красный подъ-исподью, сапоги сафьянцы, шапка черная на-бокъ, самъ онъ человѣкъ плечистый, русоволосый, полнолицый. Бывало одинъ разъ проѣдетъ на сѣромъ конѣ, въ другой на вороном, въ третій на буланомъ, въ четвертый на бѣломъ... точно генералъ... а козакъ! А на войнѣ такой былъ дока, что съ нимъ козаки ничего не боялись. Проговоритъ наизворотъ *Отче нашъ* — ступай смѣло: пуля тебя не тронетъ.

И пошла ужъ такая слава, что противъ Харка не устоитъ никто. Вотъ Ляхи и думаютъ: »Кормимъ мы этого вражьяго сына, да пожалуй выкормимъ такого разбойника, какъ Хмѣльницкій. Тогда была *Хмельничина*, а теперь будетъ *Харківщина*!« И прислали къ нему въ Жа-

Вінъ и поіхавъ....

А я зъ Леле́кою до́бре знавсь таки́. Зъ Харко́мъ — нічого хва́стать, а зъ Леле́кою ми таки́ до́бре гуля́ли. То вінъ са́мъ мині роска́зувавъ: »Я«, ка́же, »ёму́ й каза́въ: »»Эй, не ідь, бга́»те!«« [А Леле́ка той корта́вивъ тро́хи] »»Эй«, кажу́, »не ідь, »бга́те! бо не ду́рно кінь на воро́тяхъ спотика́етця.«« [А Харко́ якъ виізди́въ до Па́волочи, то кінь на воро́тяхъ спіткну́вся].

»Ні, якъ таки́ не слу́хать панівъ? Воні́ мене́ й году́ють, и все.«

Ну, було́-жъ ёму́ хочъ не напива́тьця, було́ ёму́ лить у кишѐню; хустки́ въ ёго́ були́ — було́ ёму́ въ хустки́ лить, то бъ ёго́ таки́ не взяли́. Ато якъ напи́всь, то ёго́ пъяно́го взяли́ къ чо́рту та й стра́тили.

Какъ ни обстоятельно опредѣлено здѣсь время появленія Харка въ Жаботинѣ, но я не совсѣмъ довѣряю Кондрату Тарану́хѣ. Онъ знавалъ сотника Харка послѣ 1775 года (годъ разоренія Сѣчи), а со мной бесѣдовалъ въ 1843 году. Если онъ былъ въ какомъ-нибудь 1776 году хоть двадцатилѣтнимъ парнемъ, для того чтобы послѣ *гуля́ть до́бре* съ Лелекою, товарищемъ Харка, то во время знакомства со мною ему должно́ было быть не менѣе 87 лѣтъ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь. Правда, мнѣ

ботинъ: »Проситъ тебя панъ въ Паволочь въ гости.« Онъ и поѣхалъ. А мы съ Лелекою были хорошіе пріятели. Съ Харкомъ — нечего хвастать, а съ Лелекою мы таки славно кутили. Такъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ: »Я«, говоритъ, »и говорилъ ему: »»Эй, не ѣзди, бгатъ!«« [А Лелека тотъ немного картавилъ] »»Эй«, говорю, »не ѣзди, бгатъ! не да»ромъ конь твой въ воротахъ спотыкается.«« [Какъ выѣзжалъ Харко́ въ Паволочь, то конь въ воротахъ споткнулся.] »Нѣтъ, ка́къ можно ослушаться пановъ? Они меня и кормятъ, и все.« Ну, хоть-бы онъ не напивался! надобно было ему выливать вино въ карманъ; были у него платки — надобно было въ платки выливать, такъ его всё бы еще не взяли. Ато какъ напился, такъ его соннаго и отправили къ чорту.

указали въ Смилой на Кондрата Таранýху, какъ на человѣка *древняго,* но, войдя къ нему въ хату, я нашелъ его за шитьемъ какой-то одежи, и на мой взглядъ ему было не больше 60 лѣтъ. По своему обыкновенію, я развязалъ ему языкъ и заставилъ смотрѣть на себя благосклонно штофикомъ водки, вынутымъ изъ кармана. Тутъ явился пріятель Таранýхи, по ремеслу бондарь. Они куликнули вдвоемъ очень исправно, и, подкуражившись, старикъ, вѣроятно, присвоилъ себѣ, для большаго эффекта, разсказъ своего отца, или другого старожила, который точно могъ знать Харка и добре гулять съ Лелекою даже и гораздо прежде разоренія Сѣчи. Пріурочить же преданіе о Харкѣ къ этому событію онъ могъ потому, что послѣ него появилось въ Украйнѣ много Запорожцевъ, и разсказы о томъ, какъ они содержали въ наймѣ мельницы и торговали скотомъ, были, вѣроятно, въ числѣ первыхъ воспоминаній юности Таранýхи. Какъ бы то ни было, только сотникъ Харкó долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ никакъ не послѣ разоренія Сѣчи, и вотъ тому доказательства. Во первыхъ, тогда уже наступило спокойствіе въ Украйнѣ, невозмущаемое никакими возстаніями со стороны городовыхъ, или надворныхъ козаковъ и казнями со стороны Поляковъ. Во вторыхъ, въ преданіи Таранýхи Ляхи опасаются, чтобы Харкó не сдѣлался вторымъ Хмѣльницкимъ, тогда какъ имъ было бы ближе и естественнѣе сравнивать его съ Зализнякомъ и Гонтою, если-бы онъ существовалъ послѣ Коліивщины. Наконецъ въ третьихъ, пѣсня о Харкѣ, сложенная послѣ разоренія Сѣчи, не могла бы сдѣлаться народною пѣснею въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Ее занесли туда Запорожцы, свято хранившіе пѣсенныя воспоминанія о своихъ *батькáхъ,* какъ это видно изъ словъ Запорожскаго химородника, приведенныхъ въ разсказѣ Семена Юрчéнка (¹).

(¹) См. выше, стр. 80.

Я думаю, немногіе изъ тѣхъ, кто самъ не пробовалъ собирать въ народѣ пѣсни и преданія, знаютъ, съ какими препятствіями сопряжено это по-видимому не очень мудреное дѣло. Заходите вы въ какую угодно хату и попросите спѣть самую общеизвѣстную пѣсню, — вамъ будутъ отвѣчать: »Хибá ми пъяні, щобъ співáли?« или что-нибуь подобное. Нищій же пѣвецъ, встрѣченный на дорогѣ, попотчиваетъ поэтически настроеннаго путешественника семинарскими псалмами, или какою-нибудь »Чечоточкою«; пѣсни *козацкія* и *невольницкія* онъ оставитъ для пріятеля, а на распросы о старинѣ навѣрное будетъ отвѣчать: »Якъ намъ, пáне, тée знать, що діялось у старовинý? ми люде недàвніі«. Но какимъ образомъ сблизиться съ каждымъ бродягою, распѣвающимъ свои пѣсни на *прúспахъ* мужичьихъ хатъ, и съ каждымъ сѣдоусымъ, недовѣрчивымъ старикомъ, который, можетъ быть, въ молодости самъ былъ гайдамакою? Не каждый приметъ за благо вашу чарку горилки, какъ Таранýха, не каждый пустится тотъ-часъ въ раздобары о томъ, что̀ не относится къ *дѣлу*. Нужно имѣть въ запасѣ много времени, чтобы пріучить къ себѣ простолюдина и ему понравиться. А между-тѣмъ почти всѣ мы, антикваріи, этнографы и любители сельскихъ нравовъ, вырываемся изъ городовъ на короткій срокъ; намъ некогда даже надышаться воздухомъ полей, луговъ и лѣсовъ; безконечныя заботы сложной цивилизованной жизни преслѣдуютъ насъ всюду и отвлекаютъ отъ самыхъ пріятныхъ предпріятій. Мы дѣлаемъ на лету свои наблюденія, торопливо записываемъ пѣсни отъ старой ключницы въ родномъ домѣ, или думу случайно сблизившагося съ нами нищаго пѣвца, и тѣмъ оканчиваемъ свою попытку къ этнографическому изслѣдованію своей родины. Я самъ долженъ сознáться со стыдомъ, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи только сотую часть того, что̀ имѣлъ бы возможность сдѣлать, еслибъ не гонялся за разными, менѣе важными интересами жизни. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ собралъ я главную массу своихъ записокъ. Въ-теченіе этого долгаго періода человѣческой жизни я былъ, волею и неволею, занятъ иного рода дѣлами и

только изрѣдка прибавлялъ что-нибудь къ своимъ этнографическимъ матеріаламъ. Но я надѣялся, что въ это время кто-нибудь изъ Малороссіянъ приготовитъ къ печати подобный трудъ, къ которому и я могъ бы примкнуть съ своимъ только лишь начатымъ сборникомъ. Ничего подобнаго однакожъ между собирателями народныхъ преданій и повѣрій не случилось, или по крайней мѣрѣ до меня не дошелъ слухъ о такомъ трудѣ. Видя, какъ медленно идетъ разработка нашей этнографіи и надѣясь оживить своимъ примѣромъ другихъ, я рѣшился издать эти Записки, не держась въ нихъ никакого плана, ни системы, которые были бы возможны только при несравненно большемъ накопленіи матеріаловъ. Я включаю сюда все, что̀ нахожу въ своихъ записныхъ книжкахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено туда, предоставляя каждому рыться въ моемъ несортированномъ скарбѣ и находить между множествомъ для него ненужнаго что̀-нибудь и пригодное, — подобно тому, какъ я рылся въ памяти стариковъ, старухъ, пахарей, чабановъ, старосвѣтскихъ, почти неграмотныхъ пановъ и престарѣлыхъ монаховъ.

На основаніи такого объясненія, я помѣщу здѣсь безъ связи нѣсколько выписокъ изъ книжки, которая была у меня въ рукахъ во время моихъ бесѣдъ съ Дмитромъ Погорѣлымъ.

1.

О БАЗИЛІЯНАХЪ. (*)

Базиляне у̀чать було̀ по-По̀льскій, и кото̀рий хло̀пчикъ, або̀ дівочка ска̀же Бо̀же прика̀заніе, то стросцѝна ([1]) дасть пятака̀, грив-

(*) *Переводъ*. — Базиліяне бывало учатъ народъ вѣрѣ по-Польски, и который мальчикъ, или дѣвочка, проговоритъ заповѣдь, тому жена ста-

([1]) Жена старосты.

ню, абó хрèстикъ. Скáзано — манила. У однóго хлóпчика спитáла: »На щò тебé Богъ создáвъ?«

А вінъ кáже: »Щобъ пáнщину робйвъ.«

Томý далá срібного злòтого.

2.

ТОРГОВЛЯ НЕВОЛЬНИЦАМИ НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Тогді тàкъ булó, що оцé підмòвить дівку, завезè на Запорóжжя, продáсть, а самъ вèрнетця. Мині одйнъ признавàвсь: »Я«, кáже, »продàвъ Вáрку, то й кàюся, и не бýду до віку женйтьця.«

И не женйвся.

3.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ТАТАРЪ ПОСЛѢ НАБѢГА. (**)

....А той Артйпармакъ такйй бувъ, що водйвъ Ордý по всій Украіні. То де позвòлено булó ясйръ брать, то й брàли. Булá тáя

рóсты давала по пятаку, по гривнѣ, или по крестику. Извѣстное дѣло — заманивала. — У одного мальчика спросила: »На чтò тебя создалъ Богъ?« А онъ отвѣчалъ: »Работать на пановъ.« Такъ этому дала она серебряный злотый.

(*) Въ то время водилось такъ, что подобьетъ какой-нибудь повѣса дѣвушку, увезетъ на Запорожье, продастъ (Татарамъ), а самъ воротится домой. Мнѣ одинъ человѣкъ признавался: »Я«, говоритъ, »продалъ Варвару, и до сихъ поръ каюсь, и ужъ никогда не женюсь.«

И не женился.

(**).... Тотъ Артипармакъ водилъ Орду по всей Украинѣ, и гдѣ позволено было ей брать плѣнныхъ, тамъ и брала она. Была та Орда въ

Ордá въ Капýстиній, и въ 'Іркахъ, и въ Калнѝболотахъ. А тутъ нарóдъ зійшóвся зъ ціпàми: »Ходімо, вѝбъемъ врáжу Ордý, щобъ ії й дýху не булó!«

А Артѝпармакъ сказàвъ: »Не займàйте, бо пýшки на васъ наведý и всіхъ вѝбъю, а Ордá зостáнетця ціла.«

Та й повернýвъ на Криві Коліна, да тамъ ужé не знàю, де вінъ ії дівъ. Мáбуть, де взявъ, тудѝ й вѝвівъ.

А въ насъ тогді бувъ козáкъ Кýзубъ. Той и кáже: »Поідемо, брàтці, за Ордóю, чи не достáнемо по червінцю.«

Отъ мій бáтько, да щè одѝнъ чоловікъ, да той Кýзубъ сіли на кóней та й поіхали. Приіхали въ 'Ірки, ажъ тілько въ одній хáті три Татàрюги сидять посерéдъ хáти гóлиі и гріютця колó огню, бо се булó въ-зимку, и люлькѝ кýрять. Отъ нàші іхъ повбивàли та, не знайшóвши при нихъ нічóго — бо скàзано голóта — и повернýли додóму. Колѝ жъ зустрічáють ватáгу козаківъ: тè-жъ ідуть на чáти.

»Здорòві, козакѝ!«

»Здорòві!« кáжуть нàші.

Капустной, и въ Иркахъ, и въ Кальнѝболотахъ. Народъ собрался съ цѣпами: »Пойдемте, перебьемъ вражью Орду, чтобъ и духу ея не осталось!« Но Артѝпармакъ сказалъ: »Не троньте, ато наведу на васъ пушки и всѣхъ перестрѣляю, а Орда останется цѣла.« И повернулъ на Кривыя Колѣна, и не знаю ужъ, гдѣ онъ тамъ ее дѣвалъ. Видно, откуда взялъ, туда и вывелъ.

А у насъ былъ тогда козакъ Кýзубъ. Онъ и говоритъ: »Поѣдемъ, братцы, въ погоню за Ордой, не добудемъ ли по червонцу.« Вотъ мой отецъ, да еще одинъ человѣкъ, да тотъ Кýзубъ сѣли верхомъ и поѣхали. Пріѣхали въ Ирки, смотрятъ — только въ одной хатѣ три Татарина сидятъ голые среди хаты, грѣются у огня — это было зимою — и курятъ трубки. Наши ихъ перебили и, не найдя при нихъ ничего — извѣстно, голь — воротились домой. Какъ встрѣчаютъ ватагу козаковъ: тоже ѣдутъ на поиски. »Здравствуйте, козаки!« — »Здравствуйте!« говорятъ наши. »А гдѣ вы были?« — »Да вотъ«, говорятъ, »ѣздили за

»А дѐ ви булѝ?«

»Та оцѐ«, ка́жуть, »їздили за Ордо́ю.«

»А щѐ ви тамъ ба́чили?«

»Нічо́го. Трохъ го́лихъ Тата́ръ убѝли та й верну́лись зъ поро́жніми рука́ми.«

»Дава́йте жъ сюди́, вра́жі сини́, и своі́хъ ко́ней!«

Та й побра́ли въ нихъ ко́ней. А воні́ сердѐшниі му́сили йти додо́му пішки. То сміху́, сміху́ опісля́ зъ того́ було́! Отта́къ вою́й Орду́! До́вго смія́лись, якъ було́ зберу́тця у кунпа́ниі.

4.

ПРЕДАНІЯ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ. (*)

Черезъ Звенигоро́дку течѐ невели́чка річка *Погѝбна*. Та и ввесь байра́къ зовѐтця Погѝбна. Колѝсь тамъ булѝ велѝкиі ло́зи. Отъ Татарва́ якъ набі́гла, то кілько чоловікъ схова́лось та й сидя́ть у тихъ ло́захъ. Колѝ жъ дѝвлятця, ажъ Татарю́га пійма́въ чоловіка та й ведѐ чере́зъ місто́къ. То воні́ й ка́жуть: »Отъ погѝбне чоловікъ ні за соба́ку!«

Ордой.« — »Что жъ вы тамъ видѣли?« — »Ничего. Троихъ голыхъ Татаръ убили и воротились съ пустыми руками.« — »Подавайте жъ намъ, вражьи сыны, и своихъ лошадей!« И забрали лошадей у нихъ. А они бѣдняги принуждены были воротиться домой пѣшкомъ. Такъ ужъ сколько было смѣху послѣ! Вотъ какъ воюютъ съ Ордою! Долго смѣялись, какъ соберутся бывало въ компаніи.

(*) *Переводъ.*—Черезъ Звенигородку течетъ небольшая рѣчка *Погибна*. Да и весь оврагъ называется Погибною. Когда-то росли въ немъ густыя лозы, и во время Татарскаго набѣга нѣсколько человѣкъ тамъ спрятались. Смотрятъ — Татаринъ поймалъ человѣка и ведетъ черезъ мостикъ. Они и говорятъ: »Вотъ погибнетъ человѣкъ ни за собаку!« А

А одѝнъ ка̀же: »Побіжу̀ я ёго̀ обороню̀; у менѐ ціпъ е.«

Да зъ ціпомъ до того̀ Тата̀рина вѝскочивъ та и вбѝвъ Татарина, и чоловіка однявъ.

То вже тогді тѝі люде й ка̀жуть: »Отъ же, якъ мавъ чоловікъ погѝбнути, то неха̀й лу̀чче річка зовѐтця Погѝбною, щобъ тутъ ужѐ нікòли люде не погиба̀ли!«

А оцюдѝ черѐзъ го̀ру есть о̀зеро *Топѝло*. Тамъ хлòпець чищò втопѝвсь, та й прозвàли Топѝломъ. А вонò такъ, що якъ літо жаркѐ, то все й вѝсохне.

А за тіѐю долѝною, черезъ стрѐлицю [1]—урòчище *Коза̀цький Курінь*. Якъ булò ще тутъ колѝсь старòство, то булò старостя̀нськиі козакѝ стережу̀ть дубѝни.

А ще есть тутъ у Ґудзі̀вці могѝла *Звенѝгородъ*. Бòгъ іі зна̀е, чогò вона̀ такъ зовѐтця. Тілько ка̀жуть, що Звенѝгородъ бувъ колѝсь коза̀чий гòродъ: одъ жа̀дного двора̀ коза̀къ вихòдивъ. И на са̀мій оттій могѝлі су̀дъ стоя̀въ, бо гòродъ далѐко росхòдився. А въ Ґудзі-

---

одинъ говоритъ: »Побѣгу я обороню его; у меня цѣпъ есть.« Выскочилъ съ цѣпомъ къ Татарину и убилъ Татарина, а человѣка выручилъ. Тогда тѣ люди говорятъ: »Вмѣсто того, чтобъ человѣку погибнуть, пусть лучше рѣчка называется Погѝбною, чтобъ ужъ никогда въ ней люди не погибали!«

А здѣсь за горой есть озеро *Топѝло*. Тамъ мальчикъ, что-ли, утопъ, отъ-того и прозвали озеро Топѝломъ. А оно въ жаркое лѣто высыхаетъ до дна.

А за той долиной, пройдя лѣсокъ, — урочище *Козацкій Курень*. Какъ было еще тутъ когда-то старóство, то бывало старостинскіе козаки сторожатъ дубовый лѣсъ.

А есть еще тутъ въ Гудзіевкѣ могила *Звенѝгородъ*. Богъ знаетъ, отъ-чего она такъ называется. Говорятъ только, что Звенигородъ былъ когда-то козачій городъ: всякій дворъ поставлялъ козака. И на самой этой могилѣ стоялъ судъ: городъ далеко раскидывался. А въ Гудзіевкѣ

---

[1] Жидкій лѣсокъ.

івці живъ колйсь чоловікъ Сӳдзь, то одъ ёго́ вже и вся слобода́ Сӳдзіёвкою прозва́лась.

Ще *Шуга́йлова* моги́ла есть. А назва́лась вона́ Шуга́йловою ще тогді, якъ Украіною князі пра́вили ([1]). То було́ оце́ якъ ста́нуть грянйчитьця, то село́ на село́ йде. Той ка́же: »Сюдй грянйця!« а той каже: »Сюдй!« Такъ одйнъ коза́къ, Шуга́йло, вйскочивъ коне́мъ на моги́лу, а ёго́ зъ того́ бо́ку кӯлею якъ далй, такъ вінъ зъ коня́. Тамъ ёго́ й закопа́ли, и моги́ла зъ того́ ча́су якъ Шуга́йлова, то й Шуга́йлова.

А у са́мому го́роді, оце́ са́ме, де городнйчий живе́, зове́тця *Натяга́йлівка*. Що було́ якъ бъе́тця навкула́чки пара́фия на пара́фию, то якъ доженӳть до того́ міста, то вже до́бре за чубй натяга́ють; отъ и Натяга́йлівка.

А де тепе́ръ живе́ Головачѐвський, то зва́вся *Грѐцький Куто́къ*. Було́ якъ збира́ютця на грець, чи то, бачъ, навкула́чки,

---

жилъ когда-то человѣкъ Гудзь, такъ по немъ и вся слободка прозвалась Гудзіевкой.

Еще есть *Шуга́йлова* могила. А назвалась она Шуга́йловою еще тогда, когда Украйной управляли князья. Вотъ бывало какъ начнутъ спорить за границы, такъ село и идетъ на село. Одинъ говоритъ: »Тутъ граница!« а другой: »Тамъ!« Вотъ одинъ козакъ, Шуга́йло, взбѣжалъ верхомъ на могилу, а его какъ хватила пуля съ противной стороны, такъ онъ съ коня. Тамъ и погребли его, и могила съ того времени прозвана Шуга́йловой.

А въ самомъ городѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ городничій, урочище *Натяга́йловка*. Бывало, какъ выйдетъ одна парафія противъ другой на-кулачки, да какъ нагонятъ другъ друга на этомъ мѣстѣ, такъ ужъ за чубы порядкомъ натягаютъ; вотъ и Натяга́йловка.

А гдѣ теперь живетъ Головачѐвскій, то мѣсто звалось *Грѐцкій Куто́къ*. Бывало, какъ соберутся на *грець*, то есть на-кулач-

---

([1]) На вопросъ мой: »Якиі князі?« Дмитро отвѣчалъ: »Поляки«.

то зійдутця на той кутокъ самиі стариі та й розкладають раду, якъ зайти, чи зъ того, чи зъ того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бокахъ итй; и такъ собі тайно змовлятця да потімъ уже й пускають дітвору, ажъ поки й до старихъ дійде. Було оце такий старий чоловікъ буде, якъ я, то бороду въ зуби та й пішовъ гулять зъ кулаками; та часомъ старий бьетця ще лучче молодого. Теперъ якъ гулять, то йдуть або на музики, або у шинкъ, а тогді — то все навкулачки. Оце зострінутця де-небудь хлопці:

»Здоровъ, брате!«

»Здоровъ!«

»А давай навкулачки!«

»Давай!«

Той того въ груди, а той того. (¹)

А по сей бікъ Погибноі — *Кучугурівка*. Колись сее місто було зовсімъ пусте. То якийся чоловікъ прийшовъ, чи зъ Бердичова, чи що, на слободу та й сівъ собі коло Погибноі. Ото призивають его пани: »Якъ тебе зовуть?«

ки, то самые старые бойцы сойдутся въ этомъ куткѣ и держатъ совѣтъ между собою, какъ заходить, съ той, или съ другой стороны, кому впереди, кому позади, кому по сторонамъ идти, и, условившись между собой, пускаютъ сперва мальчишекъ въ драку, а потомъ доходитъ дѣло и до старшихъ. Бывало выйдетъ на-кулачки такой старикъ какъ я, — бороду въ зубы и пошелъ гулять съ кулаками, и иной разъ старый дерется лучше молодого. Теперь сбираются гулять туда, гдѣ музыка, или въ корчму, а тогда — всё на-кулачки. Встрѣтятся гдѣ-нибудь мальчишки: »Здравствуй, братъ!« — »Здравствуй!« — »Давай на-кулачки! — Давай!« и тотъ-часъ одинъ другого въ грудь.

А по сю сторону Погибной — *Кучугуровка*. Мѣсто это было когда-то совсѣмъ пусто; наконецъ приходитъ какой-то человѣкъ *на слободу*

(¹) Этимъ поясняется примѣчаніе Архипа Оржицкаго на стр. 20.

»Олійникъ.«

»Э, тре́ба тобі дру́ге прізвище дать, щобъ тебе́ твої пані́ звідти не взялі́« . (¹)

»Та я« , ка́же, »пано́ве, на таки́хъ кучугу́рахъ сівъ, що ніхто́ не за́йде, ні заіде« .

»Ну, будь же ти Кучугу́ромъ« .

»Якъ Кучугу́ръ, то й Кучугу́ръ, да опісля́ и ввесь той куто́къ назва́вся Кучугу́рівкою.

А по то̀й бікъ річки Звенигоро́дки зове́тця місто *Ця̀півка*. То̀жъ була́ коли́сь пусти́ня, а одинъ чоловікъ изъ жінкою прийшо̀въ на слобо́ду жъ таки́ та й сівъ собі оди́нъ одни́мъ за річкою. Такъ було́ жінка ёго́ вийде въ-ра́нці та на куре́й: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люде зъ сёго́ бо́ку, сміютця було́ та й прозва̀ли того́ чоловіка Ця́помъ, а одъ Ця́па и ввесь куто̀къ ставъ Ця́півка.

А ще, якъ іхати на Кални́болота, то, одъ го́рода версто́въ пять, стоіть ка́мень *Пи̇санка,* що си́ни́ поста́вили коли́сь надъ

изъ Бердичева, что ли, и поселяется возлѣ Погибной. Вотъ и призываютъ его къ себѣ паны: »Какъ тебя зовутъ?« — »Олійникъ.« — »Нѣтъ, надобно тебѣ дать другое прозвище, чтобъ твои господа не взяли тебя оттуда.« (¹)— »Да вѣдь я«, говоритъ, »господа, поселился на такихъ *кучугу́рахъ* (²), что ко мнѣ нѣтъ никакого доступа.« — »Ну, будь же ты Кучу́гуромъ.« И пошелъ онъ называться Кучугуромъ, а потомъ и весь ту́тъ конецъ назвался Кучугуровкою.

А по ту сторону рѣчки Звенигородки зовется мѣсто *Ця́пивка*. Тоже было когда-то пустошью, и пришелъ одинъ человѣкъ съ женой на слобо́ду же и поселился особнякомъ за рѣчкою. Вотъ бывало жена его выйдетъ утромъ изъ хаты и зоветъ куръ: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люди съ этой стороны бывало смѣются и прозвали того человѣка Ця́помъ, отъ Ця́па и весь околотокъ началъ называться Ця́пивкою.

А еще по дорогѣ въ Кальни́болота, верстахъ въ пяти отъ города,

---

(¹) Чтобы уразумѣть это мѣсто, надобно оглянуться на стр. 84 — 86.

(²) Мѣсто, гдѣ горы нагромождены кучами.

батькомъ. Пи́санка той бувъ ро́домъ изъ Стебно́го [дві версті одъ Звенигоро́дки], стари́й, діди́зний чоловікъ; и таки́й, ка́жуть, бувъ коза́къ, що нехай до его́ стреля́е, то ру́ку наста́вить да й ку́лі вертáе наза́дъ. Якъ ще були́ козаки́ у старосціни Солтико́вої, то вже було́ безъ его́ не пiйдуть грянúчитьця, бо не іхъ бу́де си́ла. А якъ же Пи́санка е̇, то вже йдуть сміло. Такъ отъ надъ тимъ-то Пи́санкою и стоіть той ка́мінь Пи́санка.

Изучая воспоминанія нашихъ современниковъ о недавней старинѣ, мы получимъ возможность представить себѣ ясно положеніе дѣлъ въ эпохи отдаленнѣйшія, о которыхъ до насъ дошли только немногія лѣтописныя и архивныя извѣстія, въ смыслѣ живописи исторіи. Между положеніемъ Западной Украйны въ концѣ прошлаго столѣтія и положеніемъ Украйны Обѣихъ Сторонъ Днѣпра до возстанія Хмѣльницкаго существуетъ параллель, взаимно объясняющая обѣ одна отъ другой отдаленныя эпохи. Напримѣръ, изустные разсказы о томъ, какъ въ-старину *граничились* сосѣди помѣщики, или старосты (что̀ въ этомъ случаѣ значило почти одно и то же) совпадаютъ съ документальными преданіями о пограничной войнѣ Адама Киселя съ Іеремією Вишневецкимъ. Документы объ этомъ у меня въ рукахъ, и я ихъ напечатаю въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

стоитъ камень *Пúсанка:* когда-то сыновья поставили его надъ отцомъ. Писанка тотъ былъ родомъ изъ Стебно́го [въ двухъ верстахъ отъ Звенигородки], старый, дѣдовскихъ временъ человѣкъ, и такой былъ козакъ, что ты стрѣляй въ него, а онъ руку подставитъ и возвращаетъ тебѣ пули. Когда еще служили козаки у жены старо́сты, Солтыковой, то бывало безъ него никогда не выступятъ драться съ сосѣдями за границу: не на ихъ сторонѣ будетъ сила. А съ Писанкой идутъ смѣло. Такъ надъ тѣмъ-то Писанкой и стоитъ тотъ камень Писанка.

5.

ПОГРАНИЧНЫЯ СХВАТКИ ЖОЛНѢРОВЪ СЪ КОЗАКАМИ. (*)

Есть десь річка Жовтѐнька. То по однý стóрону, на зáходъ сóнця, стоя́ли жовніри, а проти́въ сóнця стоя́ли Запорóзці. Изїй-дутця було́ въ шинкъ на дешéву горілку. То жовніри, а то козакѝ; у рядý сидя́ть собі. Та якъ напъютця горілки, то й заведýт-ця би́тьця за грянѝцю, та чáсомъ котóрий котóрого й зарубáе. А дáлі вже тàкъ завели́сь, що стáли й дýже би́тьця, и проженýть бувàло жовнірівъ ажъ гѐть за слóбоду, а въ слободі позабірàють усé та й вѐрнутця. То жовніри проси́ли короля́, щобъ постáвлено імъ пéвну грянѝцю. Отъ корóль и кàже козакáмъ: »Прижеиіть тихъ жовнірівъ ажъ у Варшàву.« Отъ вонѝ якъ пригнàли, то корóль и кàже отáману: »Чимъ тебé награди́ть? Отъ тобі нагрáда: де побáчишъ Жѝда, або багáтого мужикà, то печѝ й дерѝ.« Такъ оттогді-то бувъ Нечàй и Хмельни́цький.

Отбросивши въ этомъ преданіи конецъ, въ которомъ грубѣй-шій смыслъ гайдамачества смѣшанъ съ неясными воспоминаніями

(*) *Переводъ.*—Есть гдѣ-то рѣчка Желтенькая (Желтыя Воды). На западной сторонѣ стояли *жолнѣры* (Польскіе солдаты), а на восточной Запорожцы. Соберутся бывало въ кабакъ на дешевую водку и сидятъ рядомъ; да напившись и начнутъ драться за границу и иного на смерть изрубятъ. Наконецъ ужъ такъ раззадорились, что стали драться не на шутку, и прогонятъ бывало козаки жолнѣровъ далеко за слободу, а слободу разграбятъ и воротятся. Такъ жолнѣры просили короля, чтобъ опредѣлилъ имъ точную границу. Тогда король и говоритъ козакамъ: »Гоните жолнѣровъ въ самую Варшаву«, и когда козаки ихъ пригнали, то король и говоритъ отаману: »Чѣмъ тебя наградить? Вотъ тебѣ награда: гдѣ увидишь Жида, или богатаго мужика, жарь его и грабь.« И вотъ тогда-то были Нечай и Хмѣльницкій.

о Хмѣльницкомъ, обращу опять вниманіе читателя на̀ параллель между концомъ и началомъ козачества, которая въ немъ высказывается. ***Дикое Поле*** было ареною борьбы между злоупотребленіями пановъ и реакціею козачества, стоявшаго за равновѣсіе сословій. Что̀ разсказано здѣсь Дмитромъ Погорѣлымъ въ сбивчивыхъ припоминаньяхъ слышаннаго, то въ думѣ о Ганжѣ Андыбѣрѣ [1] облечено въ поэтическія краски; но обѣ повѣсти, по характеру событій, могли бы имѣть мѣсто какъ во времена Наливайка, такъ и во времена Зализняка.

Отъ пребыванія моего въ Звенигородкѣ въ записной моей книжкѣ остались еще два разсказа очевидца о Запорожцахъ, съ помѣткою: »Па́січникъ изъ Кременчуга.« Теперь уже я не могу припомнить, какъ я встрѣтился съ этимъ пасичникомъ; но разсказы его не нуждаются въ характеристикѣ разсказщика.

1.

ЗАПОРОЖЦЫ НА СВОИХЪ РЫБНЫХЪ ЛОВЛЯХЪ. (*)

Я служи́въ два го́ди у Берисла́ві, а тамъ недале́ко ри́бні заво́ди Запоро́зькиі. То було́ якъ прийдешъ у заво́дъ, то вони́ тебе́ не ста́нуть пита́ть, що̀ ти за чоловікъ, а за́разъ: »Да́йте лишъ козаку́ попоісти, та й горілки ча́рку піднесі́ть, бо вінъ, мо́же, зда́лека йдѐ, то втоми́всь.«

(*) *Переводъ*. — Я служилъ два года въ Бериславѣ, а оттуда недалекѣ были Запорожскіе рыбные *заводы*. Бывало, какъ придешь на заводъ, то Запорожцы не спрашиваютъ, что̀ ты за человѣкъ, а тотъчасъ: »Дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте; можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ.« А когда поѣшь, то еще ложись

---

[1] См. ниже.

Отъ якъ наісйсь, то ще ляжъ одпочйнь, да тогді вже питáють: »Хтò ти такий? Мóже, робòти шукáешъ?«

Отъ й скáжешъ: »Шукáю.«

»Такъ и въ нáсъ е робóта; приставáй!«

То й пристáнешъ, и чáсомъ за місяць рублівъ двáдцять заробишъ.

А нарóдъ бувъ усé роскòшний. Шиі такиі, що хочъ обідде гни. Ужé вони до себé якого-нéбудь не прийимуть. А ўси дòвгі, що ажъ за ўши позаклáдують. У неділю булó зберўтця гулять; то багáтиі особо, а вбóгиі особо. Багáтиі й шатèръ собі напнўть и справлáють бáлъ: горілку пьють, у кáрти, а найбільше въ шáшки, грáють. На кòбзі булó лірникъ імъ грáе, підобгáвши нóги, а вони танцюють. Пійде булó навприсядки, то гèть обійде — чòртъ знáе де. То вже нарóдъ муштрòваний бувъ! Абó кòлесомъ пійде... то чòртъ ёгó знáе, якъ вінъ тамъ кóтитця: зовсімъ якъ кóлесо! (¹)

отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: »Кто ты таковъ? Не ищешь ли работы?« Ну, скажешь имъ: »Ищу.« — »Такъ и у насъ есть работа; приставай къ намъ.« Пристанешь бывало на работу и иной разъ въ мѣсяцъ рублей двадцать заработаешь.

Народъ былъ, эти Запорожцы, дородный. Шеи у нихъ — хоть ободье гни. Ужъ они въ свое общество какую-нибудь дрянь не примутъ. А усы такіе длинные, что за уши закладывались. Въ воскресенье соберутся бывало гулять: богатые особо, а бѣдные особо. Богатые разобьютъ палатку и дѣлаютъ балъ: водку пьютъ, играютъ въ карты, а всего больше въ шашки. Кобзарь бывало играетъ имъ на кобзѣ, поджавши подъ себя ноги, а они танцуютъ. Пустится бывало въ-присядку, то далéко, чортъ знаетъ какъ далеко, обойдетъ кругъ. Тò ужъ народъ былъ ученый! Или какъ пойдетъ колесомъ кататься... то чортъ его знаетъ, какъ онъ катится: ну, колесо да и только! (¹)

(¹) То, чтò разсказывается здѣсь объ отособленіи богатыхъ и убогихъ, восиѣто въ пѣснѣ, напечатанной въ сборникѣ г. Метлинскаго, на стр. 449.

Тéмна хмáра наступáе, ставъ дóщикъ иттú,
Благословú, отáмане, намéтъ напястú!

2.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЦѢЛОМУДРІЕ. (*)

Роска́зувала одна́ стара́ ба́ба, що, ка́же, якъ була́ я дівкою, то, ка́же, Запоро́жецъ ставъ зо мно́ю жартува́ть. А дру́гий стоіть да й ка́же: »Вра́жий си́ну! на́ що ти зъ дівкою жарту́ешъ? хиба́ тобі нема́ молоди́ці?«

»Я«, ка́же, »тілько та́къ.«

Да ви́нявъ зъ кише́ні таку́ хоро́шу шовко́ву ху́стку! да й ка́же: »На́ жъ тобі, бісова дівко, носи́. Се тобі за тѐ, що съ тобо́ю пожартова̀въ.«

(*) *Переводъ.* — Разсказывала одна старуха, что когда я, говоритъ, была дѣвушкою, то Запорожецъ началъ заигрывать со мной. А другой стоитъ и говоритъ: »Вражій сынъ! зачѣмъ ты съ дѣвушкою шалишь? развѣ мало тебѣ молодицъ?« — »Я«, говоритъ, »только такъ.« Потомъ вынулъ изъ кармана такой славный шелковый платокъ! и говоритъ: »Возьми, чортова дѣвка, и носи. Это я за то тебѣ даю, что пошалилъ съ тобой немножко.«

Ой напяли́ козаче́ньки червонний намѐтъ.
Беру́ть вони́ вино́, пиво и соло́дкий медъ.
Усі пани́, усі дуки́ въ намѐту сіли,
На́ше бра́ття сірома́шня та й не посміли,
Взяли́ ква́рту ме́ду зъ жа́рту, на дощі сіли.
Иде коза́цький отама́нъ, ста́ло ёму́ жа̀ль;
Взявъ изъ се́бе голуби́й жупа̀нъ, намъ намѐтъ напъя̀въ —
Иде́ бага́чъ, та йде дука́чъ, пъянъ валя́етця,
Зъ коза́цького отама́на насміха́етця:
»За що та́я голо́тонька напива̀етця!« (Тутъ пропускъ.)
Оди́нъ веде́ за чупри́ну, други́й ду́ла бъе;
»Не йди́ туди́, вра́жий си́ну, де голо́та пъе!«

А вже въ іхъ та̀къ (разсказывалъ мнѣ *Климъ Біликъ* въ Куме́йкахъ), що якъ садови́шъ, то садови́ багатого и вбо́гого; а якъ же ні, то й хазя́іна по гру́дяхъ: »Ма́тері твоі́й бісъ! бага́того, такъ и тракту́ешъ, а мене́, такъ и ні!«

Такъ какъ я, по поводу исторіи сотника Харка, разсказалъ уже о своемъ знакомствѣ съ древнимъ человѣкомъ мѣстечка Смилой, Кондратомъ Таранýхою, то, чтобъ не возвращаться къ нему послѣ, завернемъ въ его низенькую хату и послушаемъ его разсказовъ.

1.

ЛЕГЕНДА О БОГДАНѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ. (*)

Хмельни́цький пèрвый підня́въ гайдамáкъ. Написáвъ таки́й листъ, що: »Гей! хтò до менè пристáне?« та й назбирàвъ козаківъ. Якъ назбирàвъ, то й почали́ різати Ляхівъ и Жидовý. А якъ побáчить булó хорóшу пáні, абó Жидівку, то зми́луетця та й перехри́стить у свою̀ віру. И панівъ перехри́щувавъ... Отъ, якъ стàвъ воёвáть, якъ стàвъ воёвáть, то повоёвáвъ Ляхівъ ажъ по Случъ; одіслàвъ ві́йсько додòму, а надъ Слýччу постáвивъ вітряній барабáни. Щò подмè вітеръ, то Ляхи́ дýмають, що у козáцькому ві́йську въ трýби грáють, да й боятця йти́ за Случъ. А Хмельни́цький тимъ чáсомъ бáчить, що багáцько ли́ха наробѝвъ, та взявъ да й полізъ до короля̀ прохáти ми́лости. А корóль нарядѝвъ одинáдцять катівъ у королèвське плáтте, а сáмъ дванàдцятий

(*) *Переводъ*. — Хмѣльницкій первый поднялъ гайдамакъ. Написалъ онъ такую бумагу, въ которой сказано: »Эй, ко мнѣ, молодцы!« и собралъ вокругъ себя козаковъ. Собралъ — и давай съ ними рѣзать Ляховъ и Жидовъ. Но когда увидитъ бывало красивую пани, или Жидовку, то умилосердится и перекреститъ въ свою вѣру. И пановъ перекрещивалъ.... Вотъ, какъ принялся воевать, то завоевалъ у Ляховъ землю по самую Случь; потомъ отослалъ войско домой, а надъ Случью поставилъ вѣтрянные барабаны. Вѣтеръ подуетъ, а Ляхи думаютъ, что то въ козацкомъ войскѣ играютъ въ трубы, и боятся идти за Случь. А Хмѣльницкій между тѣмъ увидѣлъ, что надѣлалъ бѣды, и полѣзъ къ королю просить милости. Вотъ король нарядилъ одинадцать палачей въ

ставъ. Якъ прилізе Хмельницький до якого ката, заразъ ёму голову одтять. Отъ же Хмельницький не полізъ и до одного ката, да прямо до короля. Прилізъ до ёго рачки и впавъ у ноги. То король піднявъ ёго за голову та й сказавъ: »Ой ти, сваво́льнику! багацько ти невинних душъ занапастивъ!«

2.

ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛИѢ. (*)

Мазепа боявся Палія, щобъ вінъ ёго не звоёвавъ, та взявъ ёго да й замуровавъ у стовбъ у такий, що тілько маленьке віконце, а то ввесь замурований; и якъ хто подасть у те віконце шматокъ хліба, то тілько вінъ и живъ. Отъ, замуровавши Палія, и ставъ Мазепа воёвать зъ Царемъ. А тогді ще Московськоі землі бувъ тілько одинъ рукавъ та й годі. А се вже теперъ такъ Государь розжився: давъ Господь милосердний, що позавоёвувавъ собі и городівъ, и земель. А тогді Московськоі землі було тілько такъ,

---

королевское платье, а самъ сталъ между ними двѣнадцатый, и велѣлъ — лишь только Хмѣльницкій прилѣзетъ къ которому-нибудь палачу, тотъчасъ отсѣчь ему голову. Но Хмѣльницкій не полѣзъ ни къ одному палачу, а прямо къ королю. Прилѣзъ къ нему на черверенькахъ и упалъ къ ногамъ. Тогда король поднялъ его за голову и сказалъ: »Ахъ, ты, *своевольникъ!* много ты невинныхъ душъ погубилъ!«

(*) *Переводъ.* — Мазепа боялся Палія, чтобъ онъ его не побѣдилъ, и заложилъ его въ каменномъ столбу, въ которомъ было только маленькое окошечко. Кто-нибудь подастъ кусокъ хлѣба въ окошко — тѣмъ только и питался Палій. Засадивши Палія въ столбъ, началъ Мазепа воевать съ Царемъ. А въ то время Московской земли былъ только одинъ рукавъ. Это ужъ теперь такъ Государь разжился: помогъ Ему Господь милосердый завоевать городовъ и земель. А тогда Московской земли бы-

якъ на рука̀въ. Отъ зовсімъ ужé Мазéпа одоліва́е Царя̀. А Царь якъ дочу̀всь, що въ такімъ и такімъ містéчку заму̀рóванъ у стовбъ Палій, зáразъ, послáвъ такѝхъ, що розру̀йновáли геть чѝсто той стовбъ. Отъ, якъ вѝпустили Палія̀, то вінъ ажъ тремтѝть увéсь, та̀къ ослáбъ. То Царь му̀сивъ прохáти у Мазéпи на дванáдцять день згóди, поки одха̀явъ Палія̀. А якъ одха̀явъ, то Палій сівъ на коня̀ да объіхавъ кругóмъ Мазéпине військо, да якъ поста̀вивъ оттáкъ (¹) ра̀тище, то імъ здалóсь, що то лісъ стоітъ. Отъ вонѝ и почалѝ іхаті черезъ той лісъ, схиля̀ючись; а Паліѐви козакѝ дава̀й рубáть імъ гóлови. А Мазéпа постерігъ, що лѝхо, да якъ уда̀рить у тарабáни: »Гей, бра̀тці, втіка̀йте, бо ще старѝй собáка жѝвъ!«

Здѣсь кстати привести другую легенду о тѣхъ же лицахъ, записанную мною со словъ П. Е. Чуйкевича, который слышалъ ее отъ чабана близъ Новой Басани, Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи. Въ ней фантастическій элементъ преобладаетъ надъ историческимъ еще въ сильнѣйшей степени, и самыя имена переиначены. Семенъ Палій обращенъ въ Степана Плаху, а Мазепа

ло не больше, какъ рукавъ. Вотъ Мазепа совсѣмъ одолѣваетъ Царя. А Царь услышалъ, что въ такомъ-то мѣстечкѣ заложенъ въ столбъ Палій, и тотъ-часъ послалъ разорить тотъ столбъ дочиста. Какъ выпустили Палія, то онъ весь дрожитъ, такъ ослабъ. Поэтому Царь принужденъ былъ просить у Мазепы на двѣнадцать дней перемирія, пока Палій не оправился. А лишь только оправился, — сѣлъ на коня, объѣхалъ кругомъ Мазепино войско и какъ поставилъ вотъ этакъ (¹) копье, то имъ показалось, что тò лѣсъ стоитъ. Вотъ и ѣдутъ они черезъ тотъ лѣсъ наклоняясь, а Паліевы козаки давай рубить имъ головы. Спохватился Мазепа, что бѣда, и ударилъ въ барабаны: »Эй, братцы, уходите: еще старый песъ живъ!«

(¹) Тутъ Тарану̀ха протянулъ ру̀ку такъ, какъ будто держалъ отвѣсно, упертый въ землю, копье.

является крестнымъ сыномъ царя Петра, Мазепенкомъ. Между г. Чуйкевичемъ и чабаномъ завязался какъ-то разговоръ о старинѣ, и молодой путешественникъ хотѣлъ прислужиться старому пастуху своими книжными свѣдѣніями. Но старикъ не повѣрилъ, чтобъ исторія Мазепы и Палія совершилась такъ просто и попотчивалъ его произведеніемъ народной фантазіи, которому не достаетъ только стихотворной формы, чтобы быть эпосомъ.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ. (*).

У Мазéпи родúвся сúнъ. Царь Петрó бувъ кýмомъ. Отъ, якъ ужé булú на підпúтку, то Петрó и призвàвъ до себé козакá Степáна Плáху. [А той Степáнъ Плáха такúй бувъ чоловікъ, що знавъ усé, щò бýде наперéдъ за сто літъ.]

»Скажú«, кáже, »Степáне Плáхо, щò зо мнóю бýде?«

»А òтъ що зъ тобóю бýде, Цáрю«, кáже Плáха: »черезъ трúдцять рікъ твій хрищéникъ воèвàтиме на тéбе.«

»Брèшешъ, Степáне!« кáже Петрó: »чи мòжна, щобъ моé дитя́ підняло́ на менé рýки?«

Да й звелівъ забúть Плáху въ кайдàни и посадúть у темнúцю, — не давя́ть ёмý ні пúти, ні їсти,, тілько ріжóкъ зъ тобáкою положúти біля ёго.

(*) *Переводъ.* — У Мазепы родился сынъ. Царь Петръ былъ кумомъ. Вотъ, когда ужъ подгуляли, Петръ и призвалъ къ себѣ козака Степана Плаху. [А Степанъ Плаха былъ такой человѣкъ, что зналъ все, что̀ будетъ за сто лѣтъ впередъ]. »Скажи«, говоритъ, »Степанъ Плаха, что̀ со мною будетъ?« — »Вотъ что̀ съ тобою будетъ, Царь«, говоритъ Плаха: »черезъ тридцать лѣтъ твой крестникъ будетъ воевать противъ тебя.« — »Лжешь, Степанъ!« говоритъ Петръ: »можно ли, чтобъ мое дитя подняло на меня руки?« И велѣлъ забить Плаху въ колодки, посадить въ темницу и не давать ему ни пить, ни ѣсть, только положить возлѣ него рожокъ съ табакомъ. »Вотъ«, говоритъ, »тебѣ,

»Отъ же«, ка́же, »тобі, Степа́не, ріжо́къ тоба́ки. Колй твоя̀ пра̀вда, то ти въ темни́ці бу̀дешъ жить три́дцять літъ одно́ю тоба̀кою; а колй брехня̀, то згйнешъ.«

Посадѝвъ та й байду̀же опісля́ на того́ Пла̀ху.

А Мазе́пенко тимъ ча́сомъ ростѐ, и, скоро спо̀внилось ёму̀ три́дцять літъ, за́разъ зібра́въ свою́ ватагу — га́йда въ степъ! да й забушова̀въ. »Гей«, ка́же, »Ца́рю! дава́й на погуля́нне!«

Петро́ жахну̀вся: знавъ, що ніяко́ю си́лою не одоліе. Мазе́пенко бо сей такйй бувъ ло́мусъ, що поста̀вивъ пу̀шку на доло́ні та якъ стрѐливъ изъ Бико́ва, то досяѓъ ажъ у Остѐръ и розби́въ у Острі цѐркву. И до̀сі стоіть та це́рква розбйта.

Узялй Царя́ Петра́ ду̀мки та га̀дки; суму̀е на столи́ці, не мо́же жа̀дноі ра̀ди приложйти. Колй жъ де взявсь старйй салда̀тъ: »А що̀«, ка́же, »Ца́рю! ба̀чъ тепе́ръ, що пра́вду каза́въ Степа́нъ Пла́ха?«

»Якйй Степа́нъ Пла́ха?«

»А забу̀въ христйни въ Мазе́пи? Тамъ Степа́нъ Пла́ха тобі

Степанъ, рожокъ табаку. Коли твоя правда, то ты будешь жить въ темницѣ тридцать лѣтъ однимъ табакомъ; а коли ложь, то погибнешь.« Посадилъ и позабылъ о Плахѣ.

Между тѣмъ Мазепенко (сынъ Мазепы) ростетъ и лишь только исполнилось ему тридцать лѣтъ, тотъ-часъ собралъ свою ватагу — гайда въ степь! и забушевалъ: »Эй«, говоритъ,« Царь! выѣзжай на *погулянье*!« Петръ ужаснулся; зналъ, что никакою силою не одолѣетъ его. Этотъ Мазененко былъ такой громадина, что поставилъ пушку на ладони да какъ выстрѣлилъ изъ Быкова, то досягнулъ до самого Остра и разбилъ въ Острѣ церковь. И до сихъ поръ стоитъ въ Острѣ разбитая церковь. Призадумался Петръ, горюетъ, сидя въ столицѣ, не можетъ ничего придумать. Какъ откуда ни возьмись старый солдатъ: »А что̀, Царь«, говоритъ онъ, »теперь видишь, что Степанъ Плаха говорилъ правду!« — »Какой Степанъ Плаха? — »А развѣ ты позабылъ крестины у Мазепы? Тамъ Степанъ Плаха сказалъ тебѣ, точно въ глазъ попалъ, что

сказáвъ, якъ у óко влiпи́въ, що твiй хрiщéнихъ черезъ три́дцять лiтъ воёвàтиме на тéбе.«

То Петрó ажъ за гóлову вхопи́всь: »Зàразъ, зáразъ ви́пустить ёгó зъ темни́цi!«

Пришли́ до Степáна царськiї слýги, та якъ глянули на ёго, то ажъ за сèрце iхъ заколупи́ло. На томý Степáну Плáсi вже тiлько кóжа да кóсти; увéсь ажъ мòхомъ обрiсъ, и бородá до пóяса. Бiля́ ёгó рiжóкъ, тiлько въ рiжкý вже пýсто. Якъ-би́ ще днèмъ, абó двомà опiзни́вcь Петрó, то тiлько бъ и бàчили Степáна Плáху.

Оттó зáразъ розби́ли на ёмý кайдáни, понеслú на носи́лкахъ до Петрá, бо куди́ вже самóму ёмý йти! Принеслú до Царя́, то Царь ажъ слiзмú вми́вся. »Простú«, кажé, »менé, Степáне, за твою́ оби́ду! Пришлóсь и мини́ тепéръ крýто: Мазéпенко гасáе по степý та кли́че на погуля́нне.«

То Плàха тогдi: »Не жури́сь, Цáрю; ви́зволю тебé зъ бiди́, дай тiлько мини́ ви́гулятьця на вóлi.

Отъ и пiшòвъ гуля́ть. Пъе дèнь, пъе дрýгий, пъе трèтiй; и якъ ви́гулявсь, то берé зъ собóю одинáдцять козакiвъ, а самъ два-

---

твой крестникъ чрезъ тридцать лѣтъ будетъ воевать противъ тебя.« Тогда Петръ схватился за голову: »Тотъ-часъ, тотъ-часъ выпустить его изъ темницы!«

Пришли къ Степану царскiе слуги, взглянули на него, — у нихъ и сердце заболѣло.

На Степанѣ Плахѣ уже только кожа да кости; весь онъ обросъ мохомъ, и борода до пояса. Возлѣ него рожокъ, только въ рожкѣ ужъ пусто. Еслибъ еще днемъ, или двумя опоздалъ Петръ, то не застали бы въ живыхъ Степана Плахи. Тотъ-часъ разбили на немъ колодки и понесли на носилкахъ къ Петру — куда ужъ ему самому идти! Принесли къ Царю — Царь слезами облился. »Прости меня«, говоритъ, »Степанъ, за твою обиду. Пришлось и мнѣ теперь плохо: »Мазепенко разъѣзжаетъ по степи и зоветъ на *погулянье*.« Тогда Плаха: »Не горюй, Царь, выручу я тебя изъ бѣды, дай только мнѣ оправиться на волѣ.« Вотъ и пошелъ гулять. Пьетъ одинъ день, пьетъ другой, пьетъ третiй; и когда

надцятий, та й гайда въ степъ. Скоро забачивъ Мазепенкову ватагу, заразъ узявъ та її объїхавъ її кругомъ. Якъ объїхавъ, то козакú Мазéпенкови мовъ подуріли и стáли одúнъ одного колóть да рубáть. А Мазéпенко навтікачà; а Степáнъ Плáха съ козакáми за нúмъ. Скóро настúгъ, зàразъ ёгó и проколòвъ спúсомъ. Тілько то бісова тварь! Изожрàвъ одúнъ списъ, изожрàвъ другий, изожрàвъ трèтій, и такъ усі одинáдцять списівъ поївъ; та вже якъ удàривъ ёгó Плáха своімъ дванáдцятимъ, тогді вже ёму й капутъ. А пóтімъ узявъ Степáнъ Плáха Мазéпенка, спалúвъ та й пóпелъ по степу розвіявъ.

Отъ за тогó-то врàжого Мазéпенка розгнівався дуже Царь Петрó на Вкраіну. Зàразъ шле укáзъ, щобъ рубáли въ пень увéсь нарóдъ.

Ужé й шàблі повиймáли, щобъ рубáть. А тутъ усюди въ трубú та въ жоломійки смутно та жáлібно вигравàють, а по церквáхъ молèбні прáвлять, щобъ одвернувъ Госпóдь гнівъ царськúй.

Ажъ ось шле Петрó другий укáзъ: велúть всімъ гóлови здиймáть.

оправился, беретъ съ собой одинадцать козаковъ, а самъ садится на коня двѣнадцатый, и гайда въ степь! Лишь только увидѣлъ Мазепенкину ватагу, тотъ-часъ и объѣхалъ ее кругомъ. Объѣхалъ — тогда Мазепенкины козаки словно обезумѣли и стали одинъ другого колоть да рубить. Мазепенко — бѣжать, а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ, и лишь только настигнулъ, тотъ-часъ и прокололъ его копьемъ. Да то была бѣсова тварь! Проглотилъ одно копье, проглотилъ другое, проглотилъ тертье, и такъ всѣ одинадцать копій переѣлъ; но какъ ударилъ его Плаха своимъ двѣнадцатымъ, тогда ужъ ему и конецъ. А потомъ взялъ Степанъ Плаха Мазепенка, сжегъ и пепелъ развѣялъ по вѣтру.

За того-то окаяннаго Мазепенка разгнѣвался крѣпко Царь Петръ на Украйну. Тотъ-часъ посылаетъ указъ, чтобъ рубили до остатку весь народъ. Уже и сабли вынули, чтобъ рубить. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ отвратилъ Господь гнѣвъ царскій. Какъ вотъ, посылаетъ

То вже й ша́блі поодпуска́ли, та щѐ такі́ голі́въ не здийма́ють. А тутъ усю́ди въ тру́би та въ жоломі́йки сму́тно та жа́лібно виграва́ють, а по церква́хъ молѐбні пра́влять, щобъ поми́ловавъ Госпо́дь неви́нниі ду́ши.

Колі́ жъ шле Петро́ трѐтій ука́зъ: проща́е ввесь наро́дъ. Тогді вже всю́ди ско́ки та музи́ки. Звесели́вся ввесь лю́дъ Христія́нській.

Легенды объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, уклоняясь отъ точныхъ датъ и фактовъ, тѣмъ не менѣе интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не принявъ во вниманіе того и другого, мы не проникнемъ въ самыя тайныя причины историческихъ явленій въ Малороссіи и, изображая событія народной жизни, будемъ, такъ сказать, скользить по поверхности. Каждый, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею Южно-Русскаго племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе противорѣчатъ тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыя онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ (¹) и историковъ. Народъ какъ-будто стоитъ въ сторонѣ и смотритъ на свою исторію (или на то, что̀ называютъ его исторіею), какъ на что-то внѣ его происходящее. Душа его всегда остается спокойною, о чемъ

Петръ другой указъ: велитъ всѣмъ головы снимать. Уже и сабли отпустили, но всё еще не снимаютъ головъ. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ Господь помиловалъ невинныя души. Наконецъ посылаетъ Петръ третій указъ: прощаетъ весь народъ. Тогда ужъ всюду танцы да музыка. Возрадовался весь людъ Христіанскій.

(¹) Не такихъ, разумѣется, какъ Самовидецъ, этотъ Несторъ Малороссійской исторіи.

бы ни разсказывалъ онъ въ своихъ преданіяхъ. Вы не замѣтите въ немъ ни тѣни политическихъ страстей, волновавшихъ такъ долго Малороссію. Онъ даже не сохранилъ чувства, которое можно бы назвать героическимъ. Онъ простодушно славитъ сильнаго, онъ смиренно клонитъ голову передъ всякою бурею въ родѣ той, какую воздвигла его фантазія въ легендѣ чабана о Мазепѣ и Паліи, и чаетъ своего спасенія отъ Бога, а не отъ людей. Какъ все это произошло въ немъ? Ужъ конечно не отъ упадка моральныхъ силъ, ибо самыя сказанія и пѣсни его о самомъ себѣ исполнены поэтической свѣжести, показывающей, что это племя находится еще въ періодѣ возможности высокаго нравственнаго развитія. Состарѣлости въ немъ вовсе незамѣтно. Откуда же на почвѣ, сплошь напоенной кровью, усѣянной костями, стрѣлами и »переколотыми шаблюками«, явилось племя такъ глубоко спокойное, хотя въ то же время оживленное неослабнымъ стремленіемъ къ лирическому выраженію своего настоящаго и эпическому — былого? Подобные вопросы неизбѣжно должны возникнуть въ умѣ этнографа въ-слѣдствіе изученія изустной словесности Малороссійскаго народа, а возникнувъ, они поведутъ его къ новому пересмотру всего, что̀ ни происходило въ Малороссіи. Восходя въ старину по доступнѣйшимъ для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало-помалу разложимъ массу Южно-Русской исторіи на ея элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣточа. Этимъ свѣточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставитъ насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ его прошедшемъ, въ связи съ жизнію политической, которая, находясь подъ условіями жизни народной, въ свою очередь оказываетъ на нее болѣе или менѣе замѣтное вліяніе.

Есть у меня еще одна легенда о Мазепѣ и Паліи, записанная въ селѣ Кумейкахъ, между Каневомъ и Черкасами, отъ глубокаго старика, *Клима Білика*. Въ ней Царь Петръ омалоро́ссія-

нен̂ъ народнымъ воображеніемъ еще болѣе, нежели въ двухъ первыхъ, и ни одной чертой не отчужденъ отъ родныхъ героевъ.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛІИ. (*)

Бувъ-то такий Мазе̂па, такий-то гетьма̂нъ, що й Ца̂рь ёго̂ ба̂тюшкою звавъ. А Кочубе̂й да Искра довідались, що вінъ хо̂че зъ Шве̂домъ бить на восто̂чного Царя̂, та й пішли̂ до Царя̂ до восто̂чного: »Эй«, ка̂жуть, »Ца̂рю восто̂чний! хо̂че Мазе̂па на тебе̂ би̂ть.«

А Царь не понявъ віри. »Чи мо̂жна«, ка̂же, »щобъ вінъ на мене̂ бивъ?«

Отъ же и въ пісні співа̂ють:

»А Царь«, ка̂же, »віри не понявъ
Та наза̂дъ іхъ одісла̂въ.« (¹)

Тількі що вони̂ одішли̂, ажъ біжи̂ть гоне̂ць до Царя̂: »Становітця«, ка̂же, «на бата̂лію, ато Мазе̂па би̂тиме на васъ!«

(*) *Переводъ*. — Былъ когда-то гетманъ Мазепа, котораго и Царь называлъ батюшкой. А Кочубей съ Искрой узнали, что онъ хочетъ воевать съ Шведомъ противъ восточнаго Царя и пошли къ Царю восточному: »Гой ты, Царь восточный!« говорятъ они, »хочетъ Мазепа воевать противъ тебя.« Но царь имъ не повѣрилъ. »Можно ли«, говоритъ, »чтобъ онъ противъ меня воевалъ?« Поэтому и въ пѣснѣ поютъ:

А Царь віри не понявъ
Та наза̂дъ іхъ одісла̂въ. (¹)

Только-что они отошли, какъ скачетъ гонецъ къ Царю: »Готовьтесь къ битвѣ«, говоритъ: »Мазепа на васъ ударитъ!« Царь изумился:

(¹) Пѣсня эта напечатана во второмъ сборникѣ г. Максимовича, 1834 года, стр. 110 — 111.

То Царь тоді зумився. »Біжи жъ«, каже, »чи не наженёшъ іхъ! біжи якъ можна, щобъ вінъ іхъ не потративъ!«

Коли жъ прибіжить, ажъ імъ уже й голови одтято.

Ото, якъ ставъ бить Мазепа на Царя, то Богъ знае, що й робить. Ажъ на розділъ на церкву постягувавъ у Батурині пушки да бивъ. Такъ избивъ, що вже — каже козакъ (¹) — такъ наше військо завертілося, що пропадать да й тілько!

Царь бідкаетця. »Чи нема«, каже, »въ нашому царстві такого чоловіка, щобъ знавъ, якъ одоліть Мазепу? Нехай обзиваетця«, каже, »буду жаловать ёго.«

А одинъ старий Запорожець осміливсь та й каже: »Пійду я до Царя та й скажу, що у насъ есть такий, Палій Семенъ.«

[А первый Императоръ такий жорстокий бувъ, що тілько збреши, то й голову зніме.]

Та й пішовъ.

»А чого ти«, каже, »козаче, прийшовъ?«

»Прийшовъ«, каже, »я, Царю, порадить тебе, що есть у насъ такий чоловікъ, Семенъ Палій. Вінъ одоліе Мазепу.«

»Скачи«, говоритъ, »вслѣдъ за ними! спѣши какъ только можно, ато онъ ихъ погубитъ!« Прискакалъ гонецъ, а имъ ужъ головы отсѣкли.

Вотъ, какъ началъ Мазепа воевать противъ Царя, то Богъ знаетъ что и дѣлать. Въ Батуринѣ встащилъ онъ пушки на самый *раздѣлъ* на церковь и всё стрѣляетъ. Такъ избилъ, что — говоритъ козакъ (¹) — наше войско совсѣмъ завертѣлось; погибать да и только. Царь безпокоится. »Нѣтъ ли«, говоритъ, »въ нашемъ царствѣ такого человѣка, который бы зналъ, какъ одолѣть Мазепу? Пусть обозвется«, говоритъ, »я его пожалую.« Тогда одинъ старый Запорожецъ осмѣлился и говоритъ: »Пойду я къ Царю и скажу, что есть у насъ такой человѣкъ — Палій Семенъ.« [А первый Императоръ былъ такой строгій, что только солги, то и голову сниметъ.] И пошелъ. »А зачѣмъ ты, козакъ, пришелъ?« говоритъ Царь. — »Пришелъ я, Царь, посовѣтовать тебѣ, что

(¹) Отъ котораго слышалъ это преданіе разскащикъ.

А Царь ка́же: »Нема́ Палія́, стра́чений.«

»Ни, Ца́рю, жи́въ, тілько на Сибе́рі.«

Отто́ посла́ли по его по́шту таку́ о́гненну, що й пти́ця не злети́ть. Примча́ли до Царя́: »Эй«, ка́же, »Палію, Палію Семѐне! о̂тъ ца́рство втра́тимъ!«

А вінъ ка́же: »Не біи́сь, коли́ я заі́ду, то ще бу́де по-на́шому.«

Ото́ за́разъ ему́ і́сти.

»Ні«, ка́же, »неха́й задзво́нять до слу́жби Бо́жоі« .... ([1])

»Тепе́ръ«, ка́же, »дава́йте мині коня́!«

Пішо̂въ до стані, такъ не доберѐ собі коня́. Струснѐ за гри́ву, то такъ и впадѐ. »Ні«, ка́же, »Ца́рю, нема́ въ те́бе тако́го коня́.«

А Царь розгніва́вськ: »Якъ-то нема́? я Царь, та нема́ въ мене́ коня́ для те́бе?«

у насъ есть такой человѣкъ — Семенъ Палій. Онъ одолѣетъ Мазепу.« А Царь говоритъ: »Палія нѣтъ ужъ на свѣтѣ.« — »Нѣтъ, Царь, онъ живъ, только въ Сибири.«

Вотъ послали за нимъ огненную *почту*, быстрѣе птицы. Примчали Палія къ Царю: »Эй, Палій Семенъ!« говоритъ Царь, »вотъ потеряемъ царство!« А онъ говоритъ: »Не бойся, какъ *зайду*, то еще будетъ по нашему.« Тотъ-часъ дали ему поѣсть. »Нѣтъ«, говоритъ онъ, »пускай сперва благовѣстятъ къ Божіей службѣ.« .... ([1])

»Теперь«, говоритъ, »давайте мнѣ коня!« Пошелъ въ конюшню — не можетъ найти по себѣ коня. Встряхнетъ за гриву — конь такъ и повалится. »Нѣтъ«, говоритъ, »у тебя, Царь, нѣтъ по мнѣ коня.« Царь разсердился: »Какъ нѣтъ? я Царь, и у меня нѣтъ для тебя коня?« —

([1]) Точками отдѣленъ здѣсь одинъ моментъ дѣйствія отъ другого. Разскащикъ не счелъ нужнымъ говорить о томъ, что̀ само собою разумѣется, т. е. ,что желаніе Палія было исполнено, и онъ молился въ церкви.

»Нема́«, ка́же. »Пустіть мене́ въ коза́цьке військо, то я собі вйберу коня.«

Пійшо́въ у коза́цьке військо; гля́не, ажъ ёго́ коне́мъ во́ду везу́ть. Вінъ ажъ запла́кавъ: »Я«, ка́же, »въ неволі, и кінь мій у нево́лі!«

Сівъ на коня, то кінь підъ нимъ, такъ якъ ор́елъ!

»Тепе́ръ«, ка́же, »поідьмо, Ца́рю, у Мазе́пине військо, то почу́емъ, що́ про тебе́ гово́рять.«

А Палій такий лицарь бувъ, що не вольшѐбствомъ, а а́нгельскимъ чи́номъ воёва́въ, — такий, що іздить по чужо́му війську — ніхто́ ёго́ й не ба́чить; а якъ гля́не кому́ въ вічі, то зъ-ро́ду не вйдержить.

Поіхали, ажъ сидять у наме́ті тро́е: Мазе́па, Шве́дъ и Туре́цький Баша́, та й ка́жуть: »Оце́ зобъе́мъ усе́ ёго́ військо та й ца̀рство ёго́ на́-трое розділимъ.«

»Бачъ«, ка́же, »Ца́рю, що̀ гово́рять!«

Мазе́па жъ и Туре́цький Баша́ не ба́чили Царя́ зъ Палíе́мъ, а Шведъ постерігъ, що се щось не пе́вне, та й вйстреливъ на Палія́ зъ рушнйці.

Такъ Палій оберну́всь до Царя́ та й ка́же: »Якъ-бй не стара́ шку̀ра, то бъ, мо́же, й пробйвъ би. Вра́жий синъ и сѐ до́брий!«

»Нѣту«, говоритъ Палій. »Пустите меня въ козацкое войско, такъ я выберу по себѣ коня.« Пошелъ Палій въ козацкое войско, смотритъ — его конь везетъ воду. Онъ и заплакалъ: »Я«, говоритъ, »въ неволѣ, и конь мой въ неволѣ!« Но какъ сѣлъ онъ на коня, то конь подъ нимъ — словно орелъ! »Теперь поѣдемъ, Царь, въ Мазепино войско, такъ услышишь, что̀ про тебя говорятъ.« Поѣхали, смотрятъ — сидятъ въ палаткѣ втроемъ Мазепа, Шведъ и Турецкій Паша и говорятъ: »Истребимъ все его войско и царство между собой раздѣлимъ.« — »Видишь, Царь, что̀ говорятъ!« Только Мазепа и Турецкій Паша не видѣли Царя и Палія, а Шведъ смекнулъ, что это что̀-то неспроста и выстрѣлилъ по Палію изъ ружья. А Палій повернулся къ Царю и говоритъ: »Еслибъ не старая кожа, то, можетъ, и пробилъ бы. Хорошъ и этотъ бестія.«

Ідуть звідти ужé, а Запорóзці сидять да въ кáрти гуляють.

А Палій кáже: »Здорóві, панй молодці! чи бýдемъ битьця, чи бýдемъ мирйтьця?«

А одйнъ Запорóжець кáже: »Се Палій поіхавъ!«

»Дè тобі«, кáжуть, »у чóрта той Палій тутъ бýде!«

Колй жъ вінъ уіхавъ у своé вíйсько, та й клейнóди свої вистáвивъ. Такъ вонй й похолóнули.

А Мазéпа одъ Палія бувъ навчéнъ (¹). Такъ Царь кáже: »Що жъ, Палію? ти ёмý нічóго не зрóбишъ, бо й вінъ одъ тебé навчéнъ.«

»Ні«, кáже, »Цáрю, хочъ вінъ и навчèнъ одъ мéне, да я ёмý не сказáвъ усіéі прáвди.«

Отъ и взявъ заряжáть пýшки нáвхрестъ: та тудй, а та тудй; та тудй, а та тудй. »Тепéръ«, кáже, »стреляйте, то не багáто зостáнетця.«

Якъ удáрили жъ, то такъ якъ билйна на пожарйщі зостáнетця, то такъ съ тогó вíйська зостáлось. Отъ и погнáли Мазéпу...

Ѣдутъ уже оттуда, а Запорожцы сидятъ и играютъ въ карты. »Здравствуйте, паны молодцы!« говоритъ Палій. »Что̀, будемъ биться, или мириться?« А одинъ Запорожецъ говоритъ: »Это Палій поѣхалъ!« — »Кой чортъ Палію быть здѣсь!« Какъ тутъ онъ въѣхалъ въ свое войско и знаки свои выставилъ. Они такъ и обмерли.

А Мазепа былъ *наученъ* Паліемъ (¹), а потому Царь и говоритъ: »Что же, Палій? тебѣ съ нимъ не справиться: вѣдь ты самъ его научилъ.« — »Нѣтъ, Царь«, отвѣтилъ Палій, »хоть я и научилъ его, да не всему.« И началъ заряжать пушки накрестъ, одну сюда, а другую туда, одну сюда, а другую туда. »Теперь«, говоритъ, »стрѣляйте; немного ихъ останется.« Выпалили изъ пушекъ, и осталось отъ того войска столько, сколько остается травы послѣ пожара. Вотъ и погнали Мазепу...

(¹) *Навче́нъ* здѣсь значитъ наученъ *характе́рству*, то есть чародѣйскому искусству воевать.

Такъ хотівъ Царь за Мазе́пу усю Гетьма́нщину вигубить, да ото́ й ка́же Палію, якъ уже́ побили Мазе́пу: »Ну, тепе́ръ, Палію Семе́не, чого́ ти одъ мене́ хо́чешъ? чи вели́кого па́нства, чи зла́та, чи що́?«

А вінъ ка́же: »Що́ жъ, Ца́рю? я бу́ду проси́ть тебе́ объ одну́ річъ; подару́й мини!«

»Що́ таке́? кажи́.«

»Не плюндру́й«, ка́же, »Гетьма́нщини.«

»Ну«, ка́же, »до́бре; для те́бе дару́ю.«

Наши историки почти такъ же неясно понимали обстоятельства, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Палій, какъ и простолюдины. Виною тому, между прочимъ, недостаточное знакомство наше съ Польской литературой, въ которой, независимо отъ ошибочныхъ иногда взглядовъ на событія, изображено множество обстоятельствъ, вводящихъ историка въ познаніе дѣйствительнаго положенія вещей. Недавно Эдуардъ Руликовскій напечаталъ въ Варшавѣ прекрасную монографію Васильковскаго уѣзда (Opis Powiatu Wasylkowskiego), въ которой приведено, между прочимъ, двѣ-три страницы изъ записокъ Отвиновскаго (1), проливающія свѣтъ на обстоятельства, способствовавшія появленію въ исторіи такой личности, какъ Палій. Онѣ согласны съ тѣмъ, что́ мною высказано выше, на стр. 84—85, о заселеніи праваго берега Днѣпра послѣ *руйны* и *зго́ну*. Палій у Отвиновскаго является колонизаторомъ

Царь за Мазепу хотѣлъ опустошить всю Гетманщину и когда ужъ разбили Мазепу, — говоритъ Палію: »Ну, Палій Семенъ, чего ты отъ меня хочешь? высокихъ почестей, богатства, или чего другого?« А онъ говоритъ: »Нѣтъ, Царь: я попрошу тебя объ одномъ дѣлѣ; исполни это.« — »Что́ же такое?« — »Не опустошай«, говоритъ, »Гетманщины.« — »Ну«, говоритъ Царь, »быть по твоему!«

---

(1) Pamiętniki Otwinowskiego.

опустошенной войною страны, — такимъ точно, каковы были въ Украйнѣ Польскіе старосты, съ своими »губернаторами, экономами, лѣсничими« и другими *официалистами,* или помѣщики, владѣвшіе землею по праву наслѣдства и пожалованія. Разница только въ томъ, что его право владѣть населенными имъ землями должно было прекратиться съ окончаніемъ Турецкой войны, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующаго разсказа Отвиновскаго.

»Во время Турецкой войны, когда король Янъ III освобождалъ изъ-подъ Турецкаго ига Брацлавскую Украйну, уступленную Туркамъ по договору 1686 года, — козаками, участвовавшими въ этой войнѣ, предводительствовалъ Палій. Король Янъ III утвердилъ его въ этомъ начальничествѣ и, сверхъ того, подъ условіемъ военной службы съ извѣстнымъ числомъ козаковъ въ эту компанію, позволено было ему *осадить* (заселить) пустыя Хвастовскія земли, принадлежавшія Кіевскимъ епископствамъ, и пользоваться всякими доходами до самого окончанія войны съ Турками. Дѣйствительно Палій, во все продолженіе этой войны, въ точности выполнилъ возложенную на него обязанность, то приводя по нѣскольку тысячъ козацкаго войска въ генеральный лагерь, то истребляя, зимою въ Подоліи на переправахъ, хищныхъ Татаръ. Не смотря на то, по окончаніи войны, Рѣчь Посполитая, не нуждаясь болѣе въ службѣ Палія противъ Турокъ, потребовала возвращенія Хвастова. Но Палій, не слушаясь гетманскихъ повелѣній, не только не хотѣлъ возвратить Хвастовскихъ земель, но овладѣлъ еще и другими, сосѣдними землями, изъ которыхъ позволялъ великимъ панамъ брать едва малую часть доходовъ; свои же доходы употреблялъ на содержаніе козаковъ. Почему на мирномъ сеймѣ 1699 года опредѣлено отобрать у Палія эти имущества силою оружія. Въ то время Кіевскій епископъ, Гомолинскій, выслалъ двоихъ своихъ духовныхъ для отобранія у Палія своихъ земель. Палій посадилъ ихъ сперва подъ стражу, а потомъ прогналъ изъ Хвастова, говоря, что онъ »поселился въ »вольной козацкой Украйнѣ, на которую Рѣчь Посполитая не имѣ»етъ никакого права, а имѣетъ право только онъ, какъ истинный

»козакъ и гетманъ козацкаго народа.« Гетманъ Яблоновскій приказалъ генералу Брандту, стоявшему въ Бѣлой Церкви, схватить Палія и представить къ нему. Брантдъ прислалъ нѣсколько человѣкъ, которые спрятались въ лѣсу возлѣ пасикъ, а въ Хвастовъ отправили одного Жида, чтобы онъ, торгуя у Палія медъ, выманилъ его изъ города къ пасикамъ. Но эта хитрость не удалась, ибо Палій, подгулявъ на то время, остался самъ въ городѣ, а къ пасикамъ выслалъ своего пасынка, Семашка. Когда онъ былъ уже въ четверти мили отъ Хвастова, одинъ изъ пасичниковъ далъ знать Палію о засѣвшихъ въ лѣсу людяхъ, которые закрыли себя и своихъ лошадей вѣтвями. Узнавъ объ этомъ, Палій тотъ-часъ послалъ къ Семашку хлопца съ предостереженіемъ о засадѣ. Семашко въ ту же минуту отрубилъ на полѣ Жиду голову и, возвратясь какъ можно скорѣе въ городъ, сдѣлалъ вылазку съ нѣсколькими сотнями конницы и истребилъ притаившихся въ лѣсу Брандтовыхъ рейтаръ. Послѣ этого произшествія, гетманъ Яблоновскій немедленно выслалъ вторично къ Хвастову 4,000 войска; а Палій велѣлъ жителямъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень съ женами и дѣтьми уходить въ Хвастовъ и сдѣлалъ ниже стараго города пригородокъ, въ который было ввезено множество хлѣба въ снопахъ и сѣна и сложено въ скирды на случай долгой осады. Но когда *кварцяное* войско подступило и пришелъ на другую ночь съ двумя стами гренадеръ оберстерлейтенантъ Гольцъ и зажегъ гранатами скирды въ пригородкѣ, гдѣ и козаковъ много погибло, Палій черезъ нѣсколько дней окупился, выдавши нѣсколько бочекъ денегъ гетманамъ, а Польское войско оставлено зимовать по мѣстечкамъ около Хвастова.«

Этотъ послѣдній фактъ сомнителенъ. Еслибы Яблоновскій снялъ осаду за деньги, то не располагалъ бы своего войска на зимнія квартиры вокругъ Хвастова. Гораздо вѣроятнѣе, что Поляки, будучи не въ силахъ ничего сдѣлать съ осажденными, старались овладѣть по крайней мѣрѣ не-Хвастовскими имѣніями, признававшими власть Палія, и заняли ихъ своимъ войскомъ. Но и въ этомъ они не успѣли. Палій вездѣ ихъ колотилъ, прогналъ

изъ подвластныхъ себѣ селъ и въ 1702 году овладѣлъ Бѣлою Церковью, по праву »истиннаго козака и гетмана козацкаго народа«. Только подозрительная зависть Мазепы сокрушила этого полудикаго *лицаря,* посмѣвавшагося безсилію Польскихъ правителей и, въ предѣлахъ полуразрушеннаго ихъ государства, создавшаго нѣчто въ родѣ независимаго княжества. Палій, по словамъ его современника Самоила Величка, желая быть подъ властью Русскаго Царя, »склонялся подъ рейментъ Мазепинъ, пріѣздячи до него въ Батуринъ съ праздничными привѣтствами и отъ него розные отбираючи подарунки« (1). Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ былъ схваченъ Мазепою и обвиненъ передъ Царемъ Петромъ въ намѣреніи подражать Богдану Хмѣльницкому не только относительно Поляковъ, но такъ-же и Русскихъ. Заключеніе его въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе на Полтавскихъ боевыхъ равнинахъ воспѣты въ прекрасныхъ пѣсняхъ и думахъ, доказывающихъ, что Палій обладалъ свойствами, привлекающими любовь народа, и составлялъ противоположность съ нелюбымъ ему Мазепою....

Однакожъ онъ отвлекъ насъ далеко въ сторону отъ разсказовъ Тарану́хи.

Гайдамакъ Тарану́ха не могъ видѣть самъ, но долженъ былъ слышать о нихъ преданія очевидцевъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ онъ могъ припомнить только немногое, такъ какъ теченіе бесѣды не навело его на обстоятельства, съ которыми въ его памяти вязались разсказы старожиловъ. Выписываю изъ дорожнаго моего альбома и это немногое, продолжая прерванную нумерацію.

(1) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, стр. 550.

3.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ СМИЛОЙ. (*)

Гайдама́ки дра́ли Смілу разівъ три, чи що. У пе́рвий разъ якъ прийшли́, то па́ні захова́лась у лёху́, а па́нна у гру́бі; тілько па́нну такі́ знайшли́ и за́мокъ розгра́били. А по́тімъ узяли́ па́нну и хло́пця Θедірку та ви́вели ажъ до Кури́ловоі моги́ли, а тамъ вата́жко змиловавсь та й ка́же: »Иди́ жъ, па́нно, та моли́ за мене́ Бо́га, ато́-бъ ти на сі́й моги́лі полягла́!«

И хло́пця Θедірку пусти́ли. А се було́ зімо́ю. Па́нна жъ такі́ хочъ у черевичкахъ бігла по снігу́, а Θедірка бо́сий.

А въ дру́гий разъ прихо́дивъ вата́жко Вовчо́къ, та й ставъ коло́ Костянти́нова, у Шолу́дьковімъ садку́; душъ іхъ деся́токъ тілько. Стоіть вінъ тамъ, а повкъ Поляківъ, почу́вши, що тутъ гайдама́ки зібра́лись, притягну́въ ажъ изъ Білоі Це́ркви та й наткну́всь на той садо́къ. А Вовчо́къ якъ ви́скочить звідти, то жовніри наза́дъ!

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили Смилу раза три, или больше. Когда пришли они въ первый разъ, то *па́ні* спряталась въ погребѣ, а *па́нна* въ печкѣ; но панну гайдамаки всё таки отыскали и за́мокъ разграбили. А потомъ взяли панну и мальчика Θедорку и вывели къ самому Курилову кургану; тамъ отаманъ умилосердился надъ ними и говоритъ: »Ступай, панна, да моли за меня Бога, а не будь это я, то лежать бы тебѣ на этомъ курганѣ.« И мальчика Θедорку отпустили. А было это зимою. Панна по крайней мѣрѣ въ башмачкахъ бѣжала по снѣгу, а Θедорка босикомъ.

А въ другой разъ приходилъ въ Смилу отаманъ Вовчо́къ и остановился возлѣ Константинова, въ Шолудьковомъ садикѣ; было съ нимъ только человѣкъ десять. Стоитъ онъ тамъ, а отрядъ Поляковъ, услыхавъ, что тутъ собрались гайдамаки, пришелъ изъ самой Бѣлой Церкви да и наткнулся на этотъ садикъ. Вдругъ Вовчо́къ выскакиваетъ оттуда. *Жолнѣры* назадъ. А Вовчо́къ былъ и самъ маленькаго росту — только

А Вовчо́къ той и са́мъ невели́чкий—тілько плечи́стий ше́льма—и на невели́чкому ко́нику, та якъ узя́въ іхъ гнать, то такъ ра́тищемъ и на то́й, и на то́й бікъ іхъ и кладе́. А на ёму́ бувъ кажано́къ (1); то зъ-підъ того́ кажанка́ кровъ такъ и ллетця, що по ра́тищу біжи́ть у рука́въ. Та якъ догна́въ до Сміля́нськоі гре́блі и вони вско́чили въ Смілу, тогді верну́всь та й ка́же: »Ота́къ Вовчо́къ! жене̇ Ляхівъ повчо́къ!«

Этотъ разсказъ напомнилъ пріятелю Тарану́хи, бондарю́, кое-что изъ слышаннаго имъ о гайдамакахъ, и онъ принялъ нить исторической нашей бесѣды такимъ образомъ:

ВСТРѢЧА ПАСИЧНИКА СЪ ГАЙДАМАКОЮ. (*)

Роска́зуваъ мині оди́нъ дідъ, що—ка́же—сижу́ я въ па́сіці, колй жъ чортъ несе̇ бурла́ку. Уве́сь обша́рпаний.

»Здоро́въ, діду!«

»Здоро́въ!«

»А що̇ бу́демо роби́ти? дава́й на сорочки́ міня́тьця!«

Я вже зляка́вся. »Дава́й«, кажу́.

плечистая бестія—и на маленькомъ конѣ. Какъ принялся онъ гнать ихъ, то на обѣ стороны копьемъ такъ и кладетъ. На немъ былъ *кажано́къ* (1), изъ-подъ котораго такъ и льется кровь, что̇ текла по копью въ рукавъ. Пригналъ къ Смилянской плотинѣ, они вскочили въ Смилу, а онъ воротился и говоритъ: »Вотъ такъ Вовчо̇къ! гонитъ Ляховъ полчокъ!«

(*) *Переводъ.* — Разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ: Сижу я, говоритъ, въ пасикѣ, какъ и несетъ нечистый ко мнѣ бурлака. Весь оборванный. »Здорово, старикъ!« — »Здравствуй!« — »А что̇ будемъ дѣлать? давай мѣняться рубашками!« Я ужъ испугался. »Давай«, говорю,

---

(1) Родъ куртки, или полукафтанья изъ кожи.

Оддáвъ ёму́ сорóчку.

Вінъ скйнувъ тéе ря́мъе, надівъ сорóчку: »Давáй и штани!«

Оддáвъ я й штани.

»Давáй, діду, мéду!«

Я — кáже — ажъ тремчу́ ввесь зъ переля́ку. Пішóвъ, одрізавъ ёму́ зáбоцень такóго вже гáрного, гречáного!

Вінъ наївсь та й кáже: »Чи ти, діду, знáешъ Вóвчу Гать?« (¹)

»Знáю.«

»Отъ же«, кáже, »тамъ е пенёкъ дубóвий, обшмóрганий колёсами. То ти зáвтра встáнь до сходъ сóнця, та піййди туди́, та одлічи́ три ступні, и вйкопаешъ тамъ грóші. Отó тобі за тè, що ти менé приодівъ и нагодовàвъ.«

Пішóвъ я на дру́гий день, ажъ спрáвді повнісинький у́лень самйхъ пятаківъ!

Понравился Кондрату Тарану́хѣ пріятельскій разсказъ. Онъ пожалѣлъ, что съ нимъ никогда не случилось ничего подобнаго тому, чтò съ пасичникомъ, и какъ-то невзначай припомнилъ еще кое-что о гайдамакахъ, а именно:

и отдалъ ему свою рубашку. Онъ сбросилъ свое лохмотье, надѣлъ рубашку. »Давай и штаны!« Отдалъ я и штаны. »Давай, старикъ, сотовъ.« Я, говоритъ, весь дрожу отъ страху. Пошелъ и вырѣзалъ ему сбоку въ ульѣ самыхъ лучшихъ, гречневыхъ сотовъ. Онъ поѣлъ и говоритъ: »Знаешь ты, старикъ, Волчью Гать?« (¹) — »Знаю.« — »Тамъ«, говоритъ, »есть дубовый пень, обтертый осями. Встань завтра до восхода солнца, поди туда, отсчитай три шага и выроешь деньги. Это тебѣ за тò, что ты меня пріодѣлъ и накормилъ.« Пошелъ я на другой день — въ самомъ дѣлѣ полнехонькой улей чистыхъ пятаковъ!

(¹) Въ Черкасскомъ уѣздѣ, близъ села Дубіивки.

4.

О ГАЙДАМАКѢ ШВАЧКѢ. (*)

Гайдама́ки де́рли наро́дъ рокíвъ, мо́же, зъ де̇сять, ажъ по́ки мап-дебу́рия ([1]) ста́ла. Тогдí стíйчики, що за́мку стереглú, и засту́кали їхъ отту́тъ у ло́захъ. А колíя́мъ нíчимъ стреля́ть, — ку́ль нема́; то оце́ вúрíже зъ лозú та й хре́стикъ нарíже, та й стреля́е. Шва̀чка їми дово́дивъ. Есть про ёго́ й пíсня. Колú хо́чете, то й заспíва̀ю:

Ой на коза̀ченькíвъ, ой на Запоро́зцíвъ та приго̀донька ста́ла:
Ой у се̇реду та й у обíднíй часъ їхъ Москва̀ забра́ла.
Кри̇кнувъ Шва́чка та на осау́лу: »Изъ ко̀ней додо́лу!
Охъ и не да̀ймося, пано́ве моло́дцí, ми Москаля̀мъ у нево̀лю!«
Моска́лики у̇мнí, Москалí розу́мнí, ро̀зуму добра́ли:
Ой напере́дъ Шва̀чку изъ осау́лою до-ку́пи звяза́ли.
Охъ извяза̀ли и попарова́ли й на возú покла́ли,

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили народъ лѣтъ, можетъ, десять, пока не установилась *магдебургія* ([1]). Тогда замковая стража и захватила ихъ здѣсь въ лозахъ. А у разбойниковъ пуль не было, нечемъ стрѣлять; такъ они рѣжутъ изъ лозы пули, нарѣзываютъ на нихъ крестики и стрѣляютъ. Предводительствовалъ ими Швачка. Есть про него и пѣсня. Коли хотите, я спою.

»Постигло несчастье козаковъ Запорожцевъ: въ среду, въ обѣднюю пору, захватили ихъ въ плѣнъ *Москали*. Крикнулъ Швачка асаулу: »Долой съ лошадей! Не дадимся, паны молодцы, въ неволю *Москалямъ!*« Но *Москали* были люди умные, придумали, что̀ сдѣлать: прежде всего связали Швачку вмѣстѣ съ асауломъ. Потомъ перевязали попарно гайдамакъ, положили на возы и повезли въ тюрьму изъ Богуслава въ Бѣлую Цер-

---

([1]) Подъ этимъ словомъ разсказчикъ разумѣетъ военныя мѣры, принятыя Польскимъ правительствомъ для возстановленія порядка въ Украйнѣ.

Изъ Богуславья до Білоі Цèркви іхъ у невòлю забрàли.
Охъ дè жъ вàші, панóве молóдці, вороніі кóні?
Ой нàшиі кòні въ пàна на припóні, а самі ми въ невòлі!
Охъ а дè жъ вàші, панóве молóдці, а срібнiі ỳзди?
Ой нàшиі ỳзди въ кòнехъ на запỳзлі, а самі ми у пỳжді!
Охъ а дè жъ вàші панóве молóдці, яснéнькиі спйси?
Ой нàшиі спйси вже въ пàна у стрісі, а самі ми у лісі!
Охъ а дè жъ вàші, панóве молóдці, грімкиі рушнйці?
Ой нàші рушнйці въ пàна у світлйці а самі ми въ темнйці!
Охъ а дè жъ вàші, панóве молóдці, голубиі жупàни?
Ой нàші жупàни поносили пàни, а самі ми пропàли!
Охъ а дè жъ вàші, панóве молóдці, чòботи сапъянці?
Ой нàші сапъянці позабірàли райці у неділеньку врàнці!
Охъ пошлімо гàлку, охъ пошлімо чòрну, а до Січи рйбу істи,
Охъ нехàй донесé, охъ нехàй донесé до кошовòго вісти.
Охъ ужé жъ гàльці, охъ ужé чóрній та назàдъ не вертàться:
Ой ужé жъ нàмъ, панóве молóдці, изъ кошовимъ не видаться! (¹)

ковь. Гдѣ же ваши, паны молодцы, вороные кони? »»Наши кони стоятъ »привязанные у пана, а мы сидимъ въ неволѣ!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, серебрянные узды? »»Нашими уздами взнузданы кони, а мы терпимъ нуж»ду!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, громкія ружья? »»Наши ружья у пана »въ свѣтлицѣ, а мы сидимъ въ темницѣ!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, голубые жупаны? »»Наши жупаны износили паны, а мы пропали!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, сапоги сафьянцы? » »Наши сафьянцы забрали судьи, »поутру въ воскресенье!«« Пошлю я черную галку въ Сѣчь ѣсть рыбу, пускай передастъ кошевому вѣсти. Ужъ той черной галкѣ назадъ не воротиться, а намъ, паны молодцы, съ кошевымъ не видаться.« (¹)

(¹) Отрывокъ этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 128, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываетъ тѣсную связь между гайдамацкими набѣгами и кошемъ.

»Ну, скажи́, будь ла́ско (спросилъ бондарь), гайдама́ки якъ иду́ть було́, то й пісні співа́ють?«

»Ні, гайдама́ка йде ти́хо (отвѣчалъ Тарану́ха). А се вже вони́ тогді співа́ли, якъ у нево́лі сиділи.«

Не худо было бы представить людямъ, никогда небесѣдовавшимъ по-пріятельски съ Малороссійскими поселянами, все теченіе разговора между мной, Тарану́хой и бондаремъ. Но я въ то время рѣдко записывалъ фразу за фразой, отъ-части по трудности такого дѣла, а отъ-части потому, что полагался на свою память. Можетъ быть, я бы и припомнилъ его ранѣе двѣнадцати лѣтъ; но теперь я долженъ ограничиться только тѣмъ, что̀ сохранилось въ моей записной книжкѣ, то есть воспоминаніями, къ которымъ приводилъ Тарану́ху нашъ разговоръ. Вотъ они.

5.

ОБЪ УНІИ И БЛАГОЧЕСТІИ. (*)

До́вго тяга́лись по Вкраїні тиі колії, та опісля́ вже почали́ усю́ди іхъ хвата́ть, и якъ ста́ла мандебу́рия на нихъ, то ста́ли гони́тельства и на попівъ благочести́вихъ. Люде́й гони́ли си́лою на присягу; то й ба́тько присяга́въ на унію. А де-которі не хотіли та хова́лись. Не хотіли лама́ти віри, а жда́ли тако́го вре́мя, що зно́въ бу́де благоче́стие. И я тогді роди́вся, якъ мандебу́рия

»Ну, скажи пожалуйста (спросилъ бондарь) гайдамаки пѣли пѣсни на походѣ?« — »Нѣтъ, (отвѣчалъ Тарану́ха) гайдамаки идутъ, бывало, тихо. Это они пѣли, уже сидя въ неволѣ.«

(*) *Переводъ.* — Долго таскались по Украйнѣ эти разбойники, а потомъ ужъ начали ихъ хватать и какъ появилась противъ нихъ *магдебургія*, то начались гоненія и на *благочестивыхъ* поповъ. Людей гоняли насильно къ присягѣ; и отецъ мой присягалъ на *унію*. А иные не хотѣли и прятались. Не хотѣли нарушать вѣры и ожидали такого време-

вста́ла. То ба́тько не хотівъ хрести́ть мене́ увъ унія́та, а хоті́ли везти́ ажъ у Виногра́дський манасти́ръ, та вже я́кось знайшли́ попа́ ту́та и въ-ночі та́йно охристи́ли.

Такъ Польша до конца политическаго своего существованія осталась вѣрна религіозной іерархіи, за которую получила столько жестокихъ, но напрасныхъ уроковъ! Разсказъ Тарану́хи, имѣющій всю цѣну лѣтописи, относится къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія.

6.

ВЗГЛЯДЪ ПРОСТОЛЮДИНА НА ЯРМАРКИ. (*)

....А якъ уже́ забра́ла край Цари́ця, та ста́ло всю́ди благоче́стие, тогді и́родъ у пе́клі й ту́жить оди́нъ до дру́гого: »Отъ ли́хо! всю́ди благоче́стие стало! Тепе́ръ уже́ нельзя́ ніко́го ні на гріхъ, ні на що́ підвести́: у бу́день бу́дуть робі́ть, а въ неділю по церква́мъ ході́ть.«

А дру́гий ка́же: »Не жури́сь, бра́те: ми таки́хъ на іхъ панівъ на́шлемъ, що въ неділю не бу́дуть по церква́мъ ході́ть, а зро́блять усю́ди по неділямъ я́рмарки; то й самі́ ніко́ли не бу́дуть у це́ркві, и наро́дъ бу́де ярмаркова́ти.«

ни, когда опять настанетъ *благочестіе*. И я тогда родился, когда появилась *магдебургія*. Отецъ не хотѣлъ крестить меня у уніата, а хотѣлъ везть въ Виноградскій монастырь; наконецъ нашли какъ-то здѣсь попа и крестили меня тайно ночью.

(*) *Переводъ*. — ...Когда ужъ овладѣла краемъ Царица и установилось всюду *благочестіе*, черти въ аду начали горевать: »Вотъ намъ бѣда! всюду *благочестіе!* Теперь ужъ никого нельзя искусить на грѣхъ: въ будни станутъ работать, а по воскресеньямъ ходить въ церковь.« А другой чортъ говоритъ: »Не горюй, братъ: мы нашлемъ на нихъ такихъ

Отъ же й справдилось диявольске слово! Теперъ у насъ що неділя, що свято, то й ярмарокъ, не въ тімъ, то въ тімъ селі.

7.

ОБЕЗОРУЖЕНІЕ ПОСЕЛЯНЪ ПОСЛѢ КОЛИВЩИНЫ. (*)

Після гайдамаччини, якъ уже Ляхи стали зновъ правити Вкраіною, то було на десять хатъ одинъ ніжъ и одна сокира: боялись, щобъ знову народъ не збунтовавсь. Оце ввійде жовніръ у хату: »А, ти, мужику, сизматику! у тебе два ножі, galgанъ, гайдамака!« Візьме и пропало.

8.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЩЕГОЛЬСТВО. (**)

Було що року наіздять на ярмарокъ у Смілу Запорозці зъ Січи. Приіде було іхъ чоловікъ дванадцять, тринадцять. А нарядъ на іхъ такий, що, Боже, твоя воля! Золото та срібло! Оце шапка на

господъ, что не будутъ по воскресеньямъ ходить въ церковь, а заведутъ вездѣ въ эти дни ярмарки, такъ и сами никогда въ церковь не заглянутъ, и народъ будетъ весь на ярмаркахъ.« Что же? вѣдь исполнилось дьявольское слово! Теперь у насъ что воскресенье, что праздникъ, то и ярмарка, не въ одномъ, такъ въ другомъ селѣ.

(*) *Переводъ.* — Когда послѣ *гайдамаччины* начали опять Ляхи управлять Украйной, то на десять хатъ опредѣлено было имѣть по одному ножу и по одному топору: боялись, чтобъ опять не взбунтовался народъ. Взойдетъ бывало *жолнѣръ* въ хату: »А, мужикъ, еретикъ! у тебя два ножа, негодяй, гайдамака!« Взялъ — и пропало.

(**) ***Переводъ.*** — Бывало каждый годъ пріѣзжаютъ Запорожцы въ Смілу на ярмарку, — человѣкъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Боже, твоя воля! Золото да серебро! Шапка на Запо-

ёму́ бу́де оксами́тна, червона, зъ ріжками, а око́личка — такъ па́льці на три — або́ си́ва, або́ чо́рна; на спо́ді у ёго́ жупа́нъ — самий чи́стий карма́зинъ, якъ ого́нь, що й очи́ма не зогля́нешъ; а зве́рху черке́ска зъ вилётами або́ си́ня, або́ голуба́; штани́ суко́нни си́ні, широ́кі, такъ и вися́ть ажъ почти́ по передка́хъ; чо́боти черво́ні; а на ляду́нці або́ зо́лото, або́ срібло́; и черезплі́чники, то й тѐ все позоло́чуване; ша́бля при боку́ вся бу́де въ зо́лоті — ажъ гори́ть. А якъ иде́, то й до землі не доторка́етця. А оце́ було́ ся́дуть на ко́ней та по я́рмарку — якъ йскри сяють! Ки́пе оце́ було́ бриль та й не допу́стить: підбіжи́ть коне́мъ та й ухва́тить. А ско́ро въ кого́ впа́въ, то вже оце́ йдуть, пьють и гуля́ють за ёго́ гро́ші. А хра́брость, така́ хра́брость! Бу́ло́ йде, то ій Бо́гу до землі не доторка́етця! тілько шамъ, шамъ, шамъ, шамъ — пішо́въ гуля́ть!

Сва́тають було́ дівча́тъ. Мою́ сестру́ засва́тали; то ко́ней у ба́тька поодгодо́вували, самі неділь зо́ дві погуля́ли, та по́тімъ: »Поідемо жъ ми за свиді́тельствомъ та бу́демо вінча́тьця.«

Якъ поіхали, то тілько й ба́чили.

рожцѣ бархатная, красная, съ углами, а околышъ — пальца въ три шириною — сѣрый, или черный; съ-исподи у него жупанъ изъ самаго дорогого краснаго сукна, — горитъ, какъ огонь, просто — глаза ослѣпляетъ; а сверху черкеска съ вылётами, или синяя, или голубая: штаны суконные синіе, широкіе — такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ золото, или серебро; даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ золотѣ — такъ и горитъ. Идетъ и земли не касается. А какъ сядутъ на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ, то словно искры сверкаютъ. Взброситъ бывало Запорожецъ шляпу и не допуститъ упасть: подлетитъ на конѣ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товарищей. А ужъ какая храбрость! Бывало идетъ Запорожецъ, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается! Только шелеститъ платьемъ и пошелъ, и пошелъ.

Сватаютъ бывало дѣвушекъ. И мою сестру сосватали да откормивши у отца лошадей и говорятъ: »Поѣдемъ теперь за свидѣтельствомъ и будемъ играть свадьбу.« Уѣхали — и поминай какъ звали.

9.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖЦѢ ВАСЮРИНСКОМЪ. (*)

Якў жъ вамъ тепе́ръ пісню заспіва́ть? Хиба́ про Васюри́нського?

Васюри́нськиі козарлю́га все пъѐ та гуля́е,
Ота́мана кошово́го ба́тькомъ назива́е:
»Позво́ль, ба́тьку ота́мане, намъ на ба́шті ста́ти....

Васюри́нський, зна́ете, той бувъ таки́й сильний, що якъ причаща́етця, то чоти́рі чоловіки держя́ть попа́, щобъ не впавъ одъ ду́ху. Таки́й бувъ лицарь, що тілько дхнѐ, то одъ само́го ду́ху не встоішъ на нога́хъ. Якъ прийшли́ Москалі Січъ жакува́ти, то вінъ проси́въ, щобъ тілько позво́лено ёму́ стать на ба́шті: »Ми«, ка́же, »ста́немо съ кулака́ми, то ні списъ, ні ку́ля не візьме.«

А опісля́, якъ поба́чили, що Москва́ вже все позабіра́ла, то сіло іхъ со́рокъ ти́сячъ на човни́ та й поіхали до Ту́рка.

(*) ***Переводъ.*** — Какую же теперь вамъ пѣсню спѣть? Развѣ про Васюринскаго?

»Васюринскій *козарлюга* (козакъ-громадина) все пьетъ да гуляетъ, кошевого отамана отцомъ называетъ: »Позволь, отецъ нашъ отаманъ, взойти намъ на башню...«

Видите ли, этотъ Васюринскій былъ такой силачъ, что во время причащенія, четыре человѣка поддерживали священника, чтобъ не упалъ отъ его духу. Такой былъ онъ богатырь, что только дохнетъ — не устоишь на ногахъ отъ одного дыханія. Когда пришли *Москали* разорять Сѣчь, онъ просилъ, чтобъ только позволили ему взойти на башню: »Мы«, говоритъ, »станемъ съ кулаками — и ни копье, ни пуля не возьметъ насъ.« А потомъ какъ увидѣли Запорожцы, что *Москали* все ужъ захватили, то сорокъ тысячь ихъ сѣли на лодки и поплыли къ Турку.

Я не преминулъ случая распросить Тарану́ху объ урочищахъ въ Смилой, такъ какъ съ ихъ названіями всегда соединяются какія-нибудь историческія воспоминанія, или характеристическіе случаи обыденной жизни. Вотъ его слова.

10.

ПРЕДАНІЕ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ СМИЛОИ. (*)

Не зна́ю, чи згада́ю всі вро́чища, бо е въ насъ іхъ до ка́та. Оце́ за́разъ *'Юрова Гора́*. Було́ у яко́гось па́на тро́е діте́й; то синъ Юра́сь збудова́въ собі домо́къ на 'Юровій Горі — ще й до́сі слідъ знать; а одна́ дочка́, До́мна, гре́блю Смілянську си́пала; а дру́га, Мо́тря, Мотре́нинъ манасти́ръ збудова́ла.

А зновъ есть, версто́въ, мо́же, пятна́дцять одъ Сміло́і, *Ге́русівъ Яръ*. Тамъ, ка́жуть, Ту̀рки коли́сь сиділи. И колѐдязь тамъ есть, уве́сь ви́кладенъ ка́мнемъ; а глибо́кий таки́й, що росска́зувавъ Смілянський таки́ нашъ чоловікъ, що — ка́же — разъ якъ одвали́въ ка́мінь та якъ ки́нувъ туди́, то летівъ, летівъ та тілько — дзеннь!

А ще есть *Бараба́шиха* яръ, версто́въ де́сять одъ Сміло́і. Тамъ коли́сь коза́къ Бараба́шъ сидівъ.

(*) ***Переводъ.*** — Не знаю, вспомню ли всѣ урочища: ихъ у насъ бездна. Вотъ здѣсь *Юрова Гора.* У какого-то господина было трое дѣтей: сынъ Юрій выстроилъ себѣ домикъ на Юрьевой Горѣ, — до сихъ поръ примѣтенъ слѣдъ; одна дочь, Домна, насыпала Смиля́нскую плотину; а другая, Матрена, построила Матренинъ монастырь.

Далѣе, верстахъ, можетъ, въ пятнадцати отъ Смилой, *Ге́русовъ Яръ*. Тамъ, говорятъ, жили когда-то Турки. Есть тамъ и колодезь, весь выложенный камнемъ, и такой глубокой, что — разсказывалъ мнѣ одинъ Смилянской человѣкъ — разъ, говоритъ, я отвалилъ камень да какъ бросилъ туда, то долго, долго летѣлъ и наконецъ зазвенѣлъ, ударившись въ воду.

Есть ищé *Холóдний Яръ*, дáвній дýже.....

А колó 'Юрового дóму есть, на горі таки́, моги́ла; зовéтця *Роскóпана*...... Отъ ії й ви́дно звідсі. Та и зъ Черкáсъ, скóро ви́йдешъ за цáрину, зáразъ и ви́дно.

11.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕЖНИХЪ ПОВИННОСТЯХЪ, УРОЖАЯХЪ И ЦѢНАХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ УКРАЙНѢ. (*)

Тогді, було́, даси́ два рублі *чѐнши* посéсорові, та одбýдешъ дванáдцять день *шáрварку*, грéблю бъ то гати́ть, а тамъ ужé що загадáють; та *возовѐ* одбýдешъ, шість візъ привезéшъ колòдъ; та заплáтишъ *коменнòго* півкóпи грóшей, та *òсипу* кóрець жи́та, та півкóрця овсá и ячмѐню, та й сиди́шъ дóма. А пáнщини ні́якої не було́. Тілько толóкою було́ зòремъ лапъ посéсорові, та ви́жавши складéмъ и звòзимъ та й гóді. Оцé, було́, при́йде до хáти: »Прохáвъ панъ на толóку орáть, [абó тамъ жать, чи коси́ть].«

Есть еще яръ *Барабашиха*. Жилъ тамъ когда-то козакъ Барабáшъ.

Есть *Холодный Яръ*, очень старинный..........

А возлѣ Юрового дому есть на горѣ жъ могила *Раскопанная*...... Вотъ и видать ее отсюда. Да и изъ Черкасъ, только выйдешь за *цáрину* (полевыя ворота), тотъ-часъ и видать.

(*) *Переводъ.* — Тогда бывало дашь два рубля *чи́ншу* поссессору, да двѣнадцать дней отбудешь *шáрварку*, стало быть, чинить плотину, или вмѣсто того что-нибудь другое дѣлать: да *возовое* отбудешь — привезешь шесть возовъ лѣсу; да *коменнóго* заплатишь двадцать-пять грошей, да четверть ржи, да полъ-четверти овса и ячменю, а потомъ и сиди дома. Барщины никакой не было. Только бывало гуртомъ вспашемъ большую ниву для поссессора, потомъ сожнемъ и свеземъ — и только. Придетъ бывало прикащикъ къ хатѣ: »Просилъ панъ гуртомъ орать [или жать, или сѣять],« и на такой зовъ бѣгутъ изъ хаты двое, или трое рабочихъ,

То зъ хáти двà, або̀ трѝ біжѝть, и въ одѝнъ день збо̀блять толо̀кою, що тре́ба, та й напъютця, й наідя̀тця въ посе́сора; ще й музѝки гра́ють. До̀бре було̀ жить!

Урожа̀і булѝ кудѝ про̀ти тепе́решніхъ! Зна́ете, степѝ булѝ во̀льнні, бо ще Сміля̀нки, Рохмистрівки и Ковалѝхи тогді не було̀, то по̀ля було̀ дово̀лі. Ро̀ківъ дѐсять, або̀ пятна̀дцять перело̀гомъ лежѝть; та якъ зо̀решъ на новині та посієшъ кавунівъ, то вро̀дять такії, що зъ землі не знімешъ. А на дру̀гий годъ посієшъ пшенѝці, або̀ жѝта. То, було̀, якъ зало̀жишъ чотѝрі па́рі волівъ та день попоо̀решъ, то вро̀дить тобі на одні́мъ дні кіпъ со̀рокъ, да такѐ густе́, що було̀ кіпъ чотѝрі за̀ день на́жнешъ; а тепе́ръ попога́няйся, по̀ки на́жнешъ и дві ко̀пи. Та було оце́ попоо̀решъ ро̀ківъ три та й пуска́ешъ зновъ на перелігъ, а оре́шъ новину̀. А тепе́ръ якъ воно̀ бу̀де родѝть, колѝ що ро̀ку все на одні́мъ місті о̀рють? Изъ копѝ, було̀, набере́шъ чѐтверть, якъ до̀брий ко̀лосъ.

А ціни о̀сь які булѝ. Мішо̀къ грѐчки такѝй, що четвериківъ два, — трѝ копійки; про̀са, овса́, ячме́ню — трѝ копійки; жѝта

сдѣлаютъ гуртомъ въ одинъ день, что̀ нужно, напьются и наѣдятся у поссессора, — и музыка, бывало, играетъ. Хорошо было жить!

Урожаевъ нечего и сравнивать съ теперешними. Степи, видите ли, были тогда еще свободны, потому что не было еще тогда ни Смиля̀нки, ни Ротмистровки, ни Ковалихи, такъ пахатной земли было сколько угодно. Бывало, лѣтъ десять, или пятнадцать лежитъ земля въ пару, а потомъ какъ вспашешь на новинѣ да насѣешь арбузовъ, такъ уродятъ такіе арбузы, что съ земли не подимешь. А на другой годъ сѣешь бывало пшеницу, или рожь. То бывало, какъ запряжешь четыре пары воловъ да поработаешь день, то получишь урожая копъ сорокъ, и такая густая пашня, что въ день нажнешь копы четыре. Года черезъ три опять бывало пускаешь подъ паръ, а новь пашешь. А теперь куда ему родить, когда каждый годъ пашутъ всё на томъ же мѣстѣ? Изъ копы бывало получишь четверть, если колосъ хорошъ.

А цѣны были вотъ какія. Мѣшокъ гречи четверика въ два стоилъ три копейки; проса, овса, ячменя — три копейки; ржи три мѣры въ

ко́рець у Смі́лій — два́дцять копі́ёкъ, а въ Білазеръе повезй, то трй гро́ші; пшени́ці ко́рець — со́рокъ копі́ёкъ; візъ кавунівъ — гри́вня.

Еслибы въ каждомъ селѣ я находилъ по одному Кондрату Тарану́хѣ, то сборникъ мой былъ бы преисполненъ интереснѣйшихъ въ своемъ родѣ вещей, а совокупность ихъ представила бы живое изображеніе Украинскаго народа, съ его воспоминаніями, пѣснями, образомъ мыслей и способомъ выраженія ихъ. Но жатва моя часто была такъ-же скудна, какъ и у г. Скальковскаго, который, собираясь писать »Наѣзды Гайдамакъ«, »нарочно посѣщалъ (говоритъ онъ) почти всѣ тѣ мѣста Западной Украйны, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ« (стр. 144), но не записалъ *ни одной* пѣсни о гайдамакахъ, *ни одного* преданія объ ихъ похожденіяхъ. Я проѣхалъ города: Васильковъ, Бѣлую Церковь, Таращу, Каневъ и посѣтилъ множество лежащихъ между ними селъ, но часто, на большихъ разстояніяхъ и при многочисленныхъ попыткахъ расположить стариковъ и старухъ къ говорливости, встрѣчалъ только тупоуміе, озабоченность текущими дѣлами, ничѣмъ несмягчаемую угрюмость, а иногда и подозрительность, которыя доводили меня до отчаянія. Надобно было довольствоваться только характеристическими фразами, которыя народъ разсыпаетъ въ своихъ разговорахъ, не зная имъ цѣны, и моя записная книжка въ этихъ мѣстахъ или оставалась пустою, или наполнялась отрывками въ родѣ слѣдующихъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ. (¹)

У ха́ті въ ії, якъ у віно́чку; хлі́бъ ви́печений, якъ со́нце; сама́ сиди́ть, якъ квіточка.

Смилой — двадцать копеекъ, а въ Бѣла́зерьи три гривны; пшеницы три мѣры — сорокъ копеекъ; возъ арбузовъ — гривна.

(¹) Прелесть этихъ выраженій могутъ чувствовать только знающіе Малороссійскій языкъ; переводить ихъ было бы напрасно.

Мо́же вінъ таку̀ пісню зна́е, що якъ-би заспіва̀въ, то й вѐлосъ би завъя́въ!

А чомъ ви, хло́пці, не оретѐ? — Да, дядьку, свя́то. — Якѐ свя́то? — Чересло́ й лемішъ изня́то!

Хочъ у сту̀пу всадіть да пирога̀ми году̀йте, все бу̀ду однáка. (1)

Вамъ хочъ го̀лову пробий, то не вго́дишъ.

Не по чимъ и бъѐ, якъ не по́ голові! (2)

Якъ розгуля́етця пого́да та протѝвъ вітру якъ поженѐ бурунѝ, то дубъ гра́е по буруна́хъ то вго́ру, то внизъ якъ візъ по балка́хъ.

Кровъ дзюрѝть, булькотѝть зъ спини.

Велѝка бува́е чубанѝна на вкуля́чкахъ, а ѝнший довідаетця, що й молотѝть немо́жна: помякча̀ть ре́бра!

Пѐкъ ёму, моя̀ ма́ти рідна! по́ночі зовсімъ не ба́чу.

Пошлѝ тобі, Бо́же, на сімъ світі па̀нство, на тімъ світі вічнее ца̀рство!

Е що̀ й істи, й пити, е по чому̀ й походѝти, тілько ні на чому гара́здъ гостѐй посадити. (3)

Такъ якъ ка́жуть за двана́дцять миль киселю істи, ні зъ сёго́, ні съ того́ приіхала до менѐ кума̀ зъ Ніженя.

Чого̀ ти на менѐ дѝвися, якъ чортъ на попа́?

Я живу̀ якъ у рѐшеті: відки вітеръ подмѐ, то по́вні ха́ти.

Якъ у воді не безъ чо̀рта, такъ у велѝкого па́на не безъ Жида.

Идѐ Москаля̀ такъ якъ травѝ.

Якъ же мині знать, кото́рий мині годъ? Якъ родѝвся, то безъ па̀мяти бувъ; якъ рісъ, то ро̀зуму не мавъ; а якъ ужѐ до ро̀зуму дойшо̀въ, тоді бъ то й лічѝть, та бага́цько літъ уплило́.

На̀ що ти тамъ ячмінь посіявъ? — Да тамъ, па́не, така̀ люба ріля̀, що дитѝна вѝросла бъ, колѝ-бъ посадѝвъ!

---

(1) Т. е. не сдѣлаюсь полнѣе.

(2) Въ томъ-то и дѣло! отъ этого-то все и зависитъ!

(3) Говорила хозяйка немеблированной свѣтлицы.

Оттамъ, матінко, лихіі люде! якъ напало на мене семеро перекупокъ, то ледві одгризлась.

Якъ занедужавъ, то такъ не хочетця вмирать! чи ми жъ кому приклонимося? чи ми обідець исправимъ, чи ми чужого чоловіка погодуемъ, коли ми такі бідні?

Такъ холодно, що якъ-би не вмівъ дрижать, то змерзъ би,
Такъ болить, що якъ-би не вмівъ стогнать, то вмеръ би.

Вода чиста якъ слеза. Дівка — якъ тополя. Гарна, хочъ води напийсь. Швидкий, якъ мотиль. Проворний, якъ вітеръ у полі. Сидить, якъ грибъ. Хлопець молодий, якъ барвінокъ. Повнолиций, якъ місяць. Росте, якъ зъ води. Щебече, якъ ластівка. Похожае, якъ пава. Соколъ, не парубокъ! Пъяний, якъ нічъ. Надувсь, якъ сичъ. Біга, якъ дзиґа. Боретця, якъ рябець. Пнетця, якъ жаба на купу. Вертитця, якъ шкуратъ на огні. Величаетця, якъ порося на орчику. Дивитця, якъ теля на нові двері. Цапкомъ ставъ (¹). Мовчить, якъ стіна. Ходить, такий якъ квачъ (²). Гострий, якъ бритва. Вьетця, якъ гадина. Весела, якъ ясочка. Тепло, якъ у вусі. Добре, якъ у Бога за дверима. Житте ему, якъ у Христа за пазухою.

Байструкъ, та росте якъ струкъ!

Отъ якъ вихоръ злетить да летить не звісно куди, то такъ наше добро ростеклось, — якъ слиня по воді.

Такъ якъ вода зъ відра тече, а воно схне, то такъ вона сохнула въ нашихъ очахъ, — скорій, ніжъ поліно въ печі.

Ти мене слухай, а своімъ робомъ не ходи.

Тутъ теши да теши, а тамъ треба пупъ напять. (³)

Инший такий е, що въ мене, каже, світлійше око попросить; а другий: А въ мене світлійше вкрасти.

Треба робить потай-Бога, щобъ и чортъ не знавъ.

(¹) Уперся, какъ козелъ.
(²) Т. е. такъ пьянъ.
(³) Говорено при сравненіи плотницкой работы съ косовицею.

Якъ увійде въ комо́ру, то хочъ-би́ гадю́ка лежа́ла, то зогна́въ би да вкравъ.

Хиба́ на́довго стари́й же̇́нитця? або́ са́мъ умре́, або́ жінка поки́не.

Чого̇́ ти тру́сисся, якъ сичъ на него́ду?

Діла робы́ть не хдочешъ, а пи́ка — хочъ пацюки́ бий.

Ой, місяцю-місяцю! світишъ, та не гріешъ, — даре́мне въ Бо́га хлібъ іси́. Я давъ би дві зімі за одно́ літо.

Душа́ не сусідъ: іі не ви́прешъ. ([1])

Зна́йте мене́ перепеча́йку, що на воро́тяхъ тісто!

Господь милосе́рдний ніко̇ли не спить: у того́ щасте одбира̇е, а тому́ да̇е.

Тамъ тако̇го наговори́въ, що й класти нікуди.

Ідьте, се́рдечко, навпрямѐць, а тамъ живе́ть Андрій Швець; а тамъ — кру́то собъ — живе́ть Кули́наВаку́ленкова: іі чоловіка торікъ взяли́ въ Москалі. А тамъ прова̇ллечко, а за прова́ллечкомъ — гулькъ — по горо́ду хо́дить си́ва коби́ла, а на при́зьбі лежи́ть руда́ соба́ка. Ото́, се́рдечко, й ота̇манъ живе́ть.

По части преданій, въ этихъ мѣстахъ записано у меня очень мало. Помѣщаю выписки изъ дорожнаго альбома.

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ. (*)

...Якъ ста̇въ Хмельни́цький надъ Слу́ччу, на горі, то обобра́въ своѐ військо та̇къ, що не зоста́лось у козаківъ гро́шей ні въ кишѐняхъ, ні заши́тихъ. ([2])

(*) *Переводъ.* — Когда Хмѣльницкій расположился надъ Случью на

([1]) Говорится о голодѣ.

([2]) Разсказывалъ одинъ старикъ въ Корсунѣ. Этотъ старикъ былъ единствен-

2.

О ЗОЛОТОЙ ГРАМОТѢ. (*)

Ляхи́ взяли́ся гнать на благочѐстие. »Чого̀ вони́«, ка́жуть, »на на́шій землі живу́ть, а *благочестѝвого Государя́* поминаю́ть?« И дава́й головки́ лупи́ть благочестѝвимъ. Ото́ спали́ли першъ тѝтаря въ Мліеві, а да̀лі й хуторки́ чернѐчі Мотрѐнинські попали́ли. А въ тому́ манастирі бувъ гу́менъ... охъ, забу́въ же я, я́къ его́ зва̀ли! (¹) Ба́чить, що ли́хо Ляхи́ ро́блять, полу́плять го̀лови благочестѝвимъ; а писа́ка до́брий бувъ, та якъ удра̀въ *Золоту́ Гра́моту!* А Макси́мъ Залізня́къ приіхавъ на поклонѐние, а вінъ ёму́ й піднісъ: »Вели́къ світъ Госуда́риня (²) вели́ть різать Жи́да й

горѣ, то обобралъ свое войско такъ, что не осталось у козаковъ денегъ ни въ карманахъ, ни зашитыхъ въ одеждѣ.

(*) *Переводъ.* — Ляхи начали преслѣдовать *благочестіе.* »Зачѣмъ они«, говорятъ, »живучи на нашей землѣ, молятся въ церкви за *благочестиваго Государя?«* И давай головушки снимать *благочестивымъ.* Сперва сожгли ктитора въ Мліевѣ, а потомъ пережгли и монашескіе Матренинскіе хуторки. А въ Матренинскомъ монастырѣ былъ игуменъ.... ахъ, позабылъ я его имя! (¹) Видитъ онъ, что Ляхи дѣлаютъ бѣдовое дѣло — перегубятъ *благочестивыхъ,* — и хватилъ *Золотую Грамоту...* писака былъ онъ славный. Въ это время пріѣхалъ на поклоненіе Максимъ Зализнякъ; онъ и поднесъ ему: *»Великъ свѣтъ* Государыня (²) велитъ рѣзать Жида и Ляха до послѣдней ноги,

---

ный человѣкъ съ *оселедцемъ,* котораго я встрѣтилъ въ своей жизни. Въ Черниговской губерніи оставляемыя у хлопчиковъ на головѣ чуприны, называютъ *леверже́тъ.*

(¹) Мельхиседекъ Яворскій.

(²) Это выраженіе встрѣтилось мнѣ въ одной пѣснѣ:

Вели́кий світъ на̀ша ма́ти! жа̀лю наробѝла. —
Сла́вне військо Запоро́зьке та й занапастѝла!

Ляха́ до ноги́, щобъ и не смерділи на Вкраїні.« Якъ гукну́въ Залізня́къ на охо́тника, такъ такъ и повали́въ наро́дъ, — уся́ Смілянщина й Чигири́нщина. Якъ пішли́ ви́нники, то́-що, тогді вже *веліла ма́ти й ва̀лъ бра́ти*. (¹)

3.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАРАХЪ. (*)

Запоро́зці перше зва́лись Коза́ри (²) и сиділи въ Ка́неві, по́тімъ въ Рома́нкові, по́тімъ у Старо́му Кодаку́, а да́лі ни́жче Никопо́ля. Служи́ло іхъ три́ у короля́. Коро́ль заплати́въ двомъ жа́лованне, а трете́му сказа́въ: »Отъ же я двомъ заплати́въ грішми, а ти, коли хо́чъ, иди́ въ Ка́невъ, осади́ собі тамъ сло́боду.« Отъ вінъ пішо́въ та й завівъ тамъ Січъ. (³)

чтобъ и духу ихъ не было въ Украйнѣ«. Кликнулъ кличъ Зализнякъ — народъ такъ и повалилъ къ нему со всей Смілянщины и Чигиринщины, и какъ зашевелились винокуры и другіе этакіе люди, тогда ужъ нечего было Ляхамъ и думать о защитѣ.

(*) *Переводъ*. — Запорожцы назывались прежде Козарами (²) и жили въ Каневѣ, потомъ въ Рома́нковѣ, потомъ въ Старомъ Кодакѣ, а наконецъ ниже Никополя. Король заплатилъ двоимъ (предводителямъ) жалованье, а третьему сказалъ: »Я заплатилъ двоимъ деньги, а ты, коли хочешь, ступай въ Каневъ и засели тамъ себѣ слободу«. Онъ пошелъ и основалъ тамъ Сѣчь. (³)

(¹) Разсказывалъ тотъ же старикъ въ Корсунѣ.

(²) Замѣчу по случаю этого преданія, что увеличительное отъ слова *козакъ* — *козарлюга*, а уменьшительное ласкательное — *козу́ря*. Примѣры:

Васюри́нській козарлю́га все пъе та гуля́е...

Лу́чче бъ, козу́рю, моглі́ мої о́чі на поти́лиці ста́ти....

(³) Не относится ли къ тремъ войскамъ Рѣчи Посполитой — Коронному, Литовскому и Запорожскому? — Преданіе записано въ Корсунѣ.

4.

ХЛѢБОСОЛЬСТВО НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Въ Запорóжжі ніхтó булó не скáже старóму: »Дýрно хлібъ ісú.« Приідь, рáтище встромú, янчáрку повісь та й лежú собі хочъ три місяці, пий и іжъ готóве. Тiлько встань, Бóгу помолúсь; колú е грóші, идú въ корчмý — горілку пий. А якъ же скáже хто: »Дýрно хлібъ ісú«, то козакú такъ и нападýть: »А ти вже закозаковáвся, сякúй-такúй сúну!« ([1])

5.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ КАНЕВѢ. (**)

»Щó то, діду, за гайдамáччина булá?« ([2])

Проклята булá! Самовóльці такі булú, що... Невірне такъ

(*) *Переводъ.* — Въ Запорожьи никто бывало не смѣетъ сказать старому человѣку: »Ты даромъ хлѣбъ ѣшь.« Пріѣзжай туда всякъ, воткни въ землю копье, повѣсь саблю и лежи себѣ хоть три мѣсяца, — пей и ѣжь все готовое. Только и дѣла, что встань да помолись Богу; а когда есть деньги, ступай въ корчму пить водку. Если же кто скажетъ: »Даромъ хлѣбъ ѣшь«, то козаки тотъ-часъ и накинутся: »А ты ужъ закозаковался, сякой, такой сынъ!«

(**) *Переводъ.* — »Чтó это, старикъ, было за гайдамачество такое?« ([2])

Проклятое было! Своевольники такіе были, что.... И какъ просла-

---

([1]) Записано въ Корсунѣ.

([2]) Вопросъ путешественника.

було́ прославилось! Якъ попъѐтця, то ёму́ не кажи́ ні зло́го, ні до́брого, — така̀ соба́ча ю́ха!

Були́ ми зъ ба́тькомъ у ярмарку підъ Мо́шнами, на Свяну́ Неділю, то іхъ и наткну̀въ хтось, що въ Біл́ика кінь до́брий есть. А мого́ ба́тька й торкну́ли: »Утіка̀й, Дми́тре, ато́ бу́де тобі ли́хо!« То ба́тько якъ ру́шивъ зъ я̀рмарку! Добігає до сёго́ хреста́, що підъ містомъ стоіть, огляне́тця, ажъ вінъ лети́ть изъ узво́зу, такъ якъ воро́на. И до села̀ не допусти́въ, нагна́въ. А тутъ череда̀ хо́дить. То ба́тько ви́кинувъ коня́ та й пусти́въ у че́реду.

Гаия̀вся вінъ, ганя̀вся за тимъ коне́мъ; ганя̀вся-ганя̀вся, — не піймав̀ъ; та ажъ до ха̀ти прийшо́въ до ба́тька: »Иди́, си́ну вра́жий, та коня̀ мині дай!«

То ба́тько му́сивъ самъ лови́ть коня̀ и одда́въ ёму́.

»Ну, при́йдешъ же у Ка́невъ, то тамъ Неживи́й тобі запла́тить.«

Прийшо́въ ба́тько въ Ка̀невъ, ажъ Ка̀невъ уже́ спа́ленъ. Атамъто пани́ зроби́ли собі за̀мочокъ та ажъ у три́ ряди́ па́лями обгоро́ди́лись и запѐрлись тамъ. А гайдама̀ки дава̀й соло́му вози́ть, та

вилась было эта сволочь! Какъ напьется, то не смѣй сказать ему ни злого, ни добраго, — такіе собаки!

Случилось мнѣ съ отцомъ быть на ярмаркѣ подъ Мо́шнами о Святой. Имъ и сказалъ кто-то, что у Бѣлика конь добрый. А моему отцу и шепнули: »Уходи, Дмитрій, ато не миновать тебѣ бѣды!« Отецъ скорѣе съ ярмарки. Доскакалъ до креста, что̀ стоитъ подъ городомъ, оглянется — летитъ за нимъ гайдамака съ горы, какъ ворона. Не допустилъ отца и до села, нагналъ. Тутъ близко ходило стадо. Отецъ отпрегъ коня и пустилъ въ стадо. Сколько ни гонялся гайдамака за конемъ, не поймалъ; наконецъ пришелъ къ самой хатѣ, къ отцу: »Поди, вражій сынъ, отдай мнѣ коня!« Тогда отецъ принужденъ былъ самъ поймать коня и отдалъ ему. »Ну, приходи ты въ Каневъ«, сказалъ гайдамака, »тамъ Неживый тебѣ заплатитъ.« Пришелъ отецъ въ Каневъ, а Каневъ уже выжженъ. Паны сдѣлали тамъ себѣ острожекъ, окружили его въ три ряда частоколомъ и заперлись. А гайдамаки натаскали соломы, зажали,

якъ запалйли, то все тамъ и съ панáми, и зо всімъ такъ огнéмъ и взялóсь. У якóгось пáна кінь бувъ, óгиръ такйй, що пять сотъ рублівъ вартъ, а сідлó самè пять сотъ рублівъ вáрте булó; такъ завелй тогó коня ажъ у островй у лугъ, а гайдамáки й тáмъ найшлй... Такъ отó прихóдить бáтько въ Кáневъ, а гайдамáки посадйли дванáдцять Жидівокъ у-рядъ, та зáйде зъ бóку та й бъè зъ пистóля. Усіхъ вйбили; а до однієі три рáзи примéръ робйли, такъ не спáлить та й гóді. Отъ и пішлй до отáмана: »Щò тутъ робйть, пáне отáмане? три рáзи робйли примéръ до Жидівки — не спалйло.«

»А щò жъ? мóже, вонá схóче вйхриститьця?«

»Хòчешъ вйхриститьця?«

»Хóчу«, кáже. »Я вже и *Вірую во едйного Бóга* знáю.«

Отъ и почалй затязці збірáть христйни. Де молодйцю попадуть: »Идй кумòю!« А самй кýмами. А пóслі якъ стáли даровáть своій хрищéниці, то наскидáли самйхъ денежóкъ стілько, що й конèмъ не повезéшъ.

И дóбра молодйця зъ тиеі Жидівки вййшла; віру нáшу опіслй

и все вмѣстѣ съ панами сгорѣло. У одного пана былъ такой жеребецъ, что стоилъ рублей пять-сотъ, да сѣдло стоило пять сотъ рублей. Этого коня отвели далеко въ острова на лугу, но гайдамаки и тамъ его нашли. Вотъ приходитъ батько въ Каневъ; смотритъ — гайдамаки посадили двѣнадцать Жидовокъ рядомъ и стрѣляютъ по нимъ изъ пистолета, зашедши сбоку. Всѣхъ перестрѣляли, а къ одной прицѣливались три раза, но порохъ никакъ не вспыхивалъ. Гайдамаки пошли къ отаману: »Что намъ дѣлать, панъ отаманъ? три раза прицѣливались мы къ Жидовкѣ — не вспыхнуло«. — »Что же? можетъ, она захочетъ креститься?« — »Хочешь креститься?« — »Хочу«, говоритъ. »Я ужъ и *Вѣрую во единаго Бога* знаю.« Вотъ и начали гайдамаки сбирать крестины. Встрѣтятъ молодицу: »Иди кумою!« а сами кумовьями. Потомъ начали дарить свою крестницу и набросали ей столько однѣхъ денежекъ, что коню не подъ силу было бы свезти. И добрая женщина вышла изъ той Жидовки; вѣру нашу потомъ хорошо соблюдала и была очень набожна.

хороше́ держа́ла и така́ була́ богомільна. Було́, тілько задзво̀нять до це́ркви, то и йде.

Такъ ото́ ба́тько ї приступи́въ до тихъ затя́зцівъ. А вони́ у Нетере́бці ви́рвали каза̀нъ: »На жъ тобі«, ка́жуть, »оце́й каза́нъ.« Ба́тько взя́въ каза̀нъ, а Нетере́бці опісля́ прийшли́ та й узяли́.

Такѐ-то прокля́те було̀ та гайдама́ччина! Бага̀то нако́іли ли́ха. А опісля́ ще пани́ та Жиди́ наро́дъ де́рли. Прѝйде: »Се тобі гайдама̀ки дали́, або́ ти са̀мъ гайдама́чивъ!« та й берѐ, що зу̀здрить. Таке́-то! (¹)

6.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ, ОБЪ ИХЪ НРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ. (*)

Козаки́ підъ Мазе́пою змінйли та й пішли́ підъ Ту́рка. Ту́рокъ давъ імъ зе́млю и все. Коли́ жъ умѐръ коза́къ, а земля́ й ви̇кинула; уме́ръ дру́гий — и друго̀го ви́кинула, трѐтій — ви́кинула й трѐ-

---

Только бывало начнутъ благовѣстить, тотъ-часъ и идетъ въ церковь. Приступилъ отецъ къ гайдамакамъ; а они въ то время вынули изъ печи въ винокурнѣ въ Нетеребкѣ котелъ. »Возьми«, говорятъ, »себѣ этотъ котелъ.« Отецъ, и взялъ, а Нетеребцы потомъ отъ него и отобрали.

Такое-то проклятое дѣло было гайдамачество! Много натворили бѣды гайдамаки, а потомъ еще паны да Жиды грабили народъ. Придетъ панъ, или Жидъ: »Это тебѣ гайдамаки дали, или ты самъ гайдамачилъ?« и беретъ, что̀ ни увидитъ. Такая-то бѣда!

(*) *Переводъ.*—Козаки въ гетманство Мазепы измѣнили и поддались Турку. Турокъ далъ имъ землю и все. Только — умеръ одинъ козакъ, а земля и выбросила его; умеръ другой — и другого выбросила, тре-

---

(¹) Разсказывалъ въ Кумейкахъ Климъ Бѣликъ.

тего. Такъ вони тоді: »Эй, братці сердечнні! вернімось, бо насъ тутъ и земля не приймае.« А Царь Петро вже зазиває. »Вернітця«, каже, »не буде вамъ ніякоі кари, ні упоминку.« Такъ вони й вернулись. То іхавъ разъ батько поузъ Савуръ-Могилу, а тамъ великиі шляхи йдуть: одинъ у Московщину, а другий у нашу сторону. То міжъ тими шляхами, коло тиі Савуръ-Могили камінь великий лежить. А зъ нимъ ходивъ тоді на Дінъ Василь Куценко, письменний. Такъ батько каже; »Иди лишъ, Василю, прочитай, що на тімъ камені написано.« А той пішовъ та й прочитавъ: »Проклятъ, проклятъ, проклятъ, хто буде одъ Запорозцівъ одбірать землю, поки світъ сонця!« Государь таке заклятте положивъ. (¹)

Мій батько таки водився зъ тими Запорозцями. Бувало, то

тій — выбросила и третьяго. Тогда они: »Эй, братья милые! воротимся въ отечество: насъ тутъ и земля не принимаетъ.« Между тѣмъ Царь Петръ зоветъ къ себѣ: »Воротитесь«, говоритъ, »не будетъ вамъ никакой кары, ни упрека.« Однажды отецъ мой ѣхалъ мимо Савуръ-Могилы, гдѣ проходятъ большія дороги: одна въ Московскій край, а другая въ нашу сторону, и между тѣхъ дорогъ, возлѣ Савуръ-Могилы, лежитъ большой камень. Съ отцомъ ходилъ тогда на Донъ Василій Куценко, грамотный человѣкъ. Отецъ и говоритъ: »Поди-ка, Василій, прочитай, что на томъ камнѣ написано.« Тотъ пошелъ и прочиталъ: »Проклятъ, проклятъ, проклятъ, кто будетъ отбирать у Запорожцевъ землю, *пока свѣтъ солнца*!« Такое заклятіе Государь положилъ. (¹)

(¹) Любопытно было бы знать, какимъ побужденіемъ управлялся Василь Куценко, читая на камнѣ то, чего на немъ не было написано. Отецъ разскащика ходилъ на Донъ около того времени, когда у Запорожцевъ шли споры съ Сербскими поселеніями за земли. Василь Куценко могъ посѣщать ихъ рыбные »заводы« для заработковъ, подобно Кременчугскому пасичнику (см. выше, стр. 111) и наслушаться тамъ разсказовъ объ ихъ мнимыхъ правахъ. Идучи степью съ чумаками, онъ передавалъ имъ то, что видалъ и слыхалъ во время своихъ странствованій въ разныхъ мѣстахъ, и естественно соблазнился ролью человѣка, который умѣетъ заставить другого разинуть ротъ. Чтобъ еще больше поразить простодушныхъ своихъ слушателей, онъ импровизировалъ надпись на камнѣ; а отецъ Клима Бѣлика принялъ его продѣлку за чистую монету.

горілку, то́-що во́зять у Січъ. Роска́зуе було́, що, ка́же, якъ привезе̇шъ горілку, то й прийде купова́ть, и за́разъ бере̇ волочо́къ, тяга́е, са́мъ пъе и душъ де́сять часту́е. Хто стоіть, жо́дного часту́е. Уже́ жъ ти ёму́ не кажи́ нічо́го. То ви́пъютъ такъ якъ на корхъ зъ бо́чки, та тоді вже́: »Запла́тимъ же, пани́ молодці, за горілку«, та й заку́пить усі бочки́, и вже запла́тить до́бре. А якъ же бъ що сказа́въ, той стоявъ би тамъ не знать до́ки, та, мо́же, й наза́дъ повізъ би горілку. »Не йдіть«, ка́жуть, »до вра́жого си́на купова́ть: ча́рки горілки жа́луе.«

Жва́вий наро́дъ бувъ! Було́ якъ пійде коне́мъ, то не та́къ, якъ на́ші, а такъ, якъ па́нъ: коли́бъ струсну́вся! Такъ и пізна́ешъ ёго́ оддалеку́.

Разъ стою за ворітьми́, ажъ іхъ іде тро́е, а за ни́ми по одному́ коню́ підъ въюками, и що тамъ срібла́ въ тихъ въюкахъ! Такъ ду́маю, що четвери́къ на жо́дному.

»Здоро́въ«, ка́жуть, »хлопча́!«

Мой отецъ водился таки съ Запорожцами. То водку, то что-нибудь другое возилъ онъ въ Сѣчь. Бывало разсказываетъ: Какъ привезешь водку, вотъ и приходитъ Запорожецъ покупать и тотъ-часъ беретъ *волочо́къ* (цилиндрическую стклянку на снуркѣ), опускаетъ въ бочку, пьетъ самъ и потчиваетъ человѣкъ десять товарищей. Кто бы тутъ ни случился, каждаго потчиваетъ. И ужъ не говори ему ни слова. Выпьютъ Запорожцы изъ бочки водки пальца на четыре, и тогда ужъ говорятъ: »Ну, паны молодцы, заплатимъ теперь за водку«, купятъ всѣ бочки и ужъ хорошо заплатятъ. А когдабы что̀-нибудь сказалъ имъ непріятное, то и стоялъ бы съ водкой Богъ знаетъ сколько времени, а пожалуй и уѣхалъ бы не продавши. »Не покупайте«, говорятъ Запорожцы, »у вражьяго сына: онъ чарки водки жалѣетъ.«

Удалый народъ былъ! Ѣдетъ бывало верхомъ, такъ ужъ не по нашему, а погосподски: и не встряхнется! Издали его узнаешь.

Разъ я стою за воротами, смотрю — ѣдетъ трое Запорожцевъ и ведутъ по коню подъ вьюками... сколько тамъ серебра въ тѣхъ вьюкахъ! Думаю, четверикъ на каждомъ. »Здорово, хлопче!« говорятъ мнѣ.

»Здорові!«

»А де тутъ Дмитро́ Біликъ живе?«

»Оце́«, кажу́, »й Біликъ.«

»А до́ма?«

»До́ма.«

Заіхали, пообідали въ ба́тька та й поіхали.

А то воні́ верта́лись изъ По́льщи. Ка́жуть ба́тькові: »Уже́, Дми́тре, надра́ли; бу́де зъ насъ, поки й на́шого віку.«

Не одну́ жъ По́льщу воні́ дра́ли: було́ й на́шимъ одъ іхъ ли́хо. Ні харчі, було́, не провезе́шъ, нічо́го. Роска́зувавъ ба́тько, що йдемо́ — ка́же — зъ Запоро́жжя. А братъ до бра́та на Запоро́жже ходи́въ, такъ вінъ ёму́ два во́зи ри́би накла́въ. Идемо́ зъ Запоро́жжя, ажъ ди́вимся — ра́тище на шляху́ встро́млене. Уже́ жъ и не йди́ да́льше, ато́ якъ ви́скочать прокля́ті коми́шники, то недо́вго на світъ диви́тимесся. Зупини́ли волі́, ажъ и іде іхъ три. Два жъ стоіть на ко́няхъ, а оди́нъ до во́за: »Розшнуро́вуй візъ, вра́жий си́ну!«

Розшнурова́въ.

Вінъ и поча́въ изъ во́за ри́бу викида́ть. А въ другому во́зі

»Здравствуйте!« — »А гдѣ Дмитрій Бѣликъ живетъ?« — »Вотъ онъ живетъ«, говорю. »А до́ма?« — »Дома.« Заѣхали къ намъ, отобѣдали у отца и поѣхали. Они въ то время возвращались изъ Польши. »Набрали мы, Дмитрій, добычи!« говорили они отцу. »Будетъ съ насъ, пока живы.«

И не одну Польшу они грабили: доставалось отъ нихъ и нашимъ. Бывало, ни харчи не провезешь, ничего. Разсказывалъ отецъ: Ѣдемъ — говоритъ — разъ изъ Запорожья, а съ нами одинъ человѣкъ ходилъ къ брату на Запорожье, такъ тотъ нагрузилъ ему два воза рыбою. Ѣдемъ изъ Запорожья, смотримъ — копье на дорогѣ воткнуто. Это значитъ: не ходи дальше, ато какъ выскочатъ проклятые камышники, то недолго будешь послѣ того глядѣть на Божій свѣтъ. Остановили воловъ, смотримъ — ѣдетъ трое камышниковъ. Двое остались на коняхъ, а третій соскочилъ и къ возу: »Разшнуровывай возъ, вражій сынъ!« Чумакъ разшнуро-

спись стримівъ. Візъ бувъ очеретомъ укритий, и списъ у ёму стримівъ. Той чумакъ дививсь-дививсь, далі якъ ухопить списъ та якъ суне того комишника підъ бікъ, — такъ и пронявъ.

»А йдіть«, каже, »й ви сюди! [на тихъ уже, що на коняхъ сидять] И вамъ те буде!«

То тиі бачать, що се не промахъ, та й звомпили. »Що жъ?« кажуть, »ми бачимо, що вінъ, вражий синъ, глумитця.«

Та й оружже поодкидали.

»Сховаймо«, кажуть, »ёго, братці: то не падлюка, то Християнинъ«.

Угорнули въ рядно — рядно въ того чоловіка взяли — та й заховали.

Тоді питаютця: »Хто жъ ти такий?«

»Я«, каже, »оттакий и такий. Ходивъ до брата въ гості.«

»Знаемо«, кажуть, »того козака. Щобъ же тебе! коли-бъ ти намъ хочъ слово сказавъ, що ти ёго братъ, ми бъ тебе й не чіпали.«

валъ. Онъ и началъ выбрасывать изъ воза рыбу. А въ другомъ возѣ было воткнуто копье. Возъ былъ покрытъ очеретомъ и копье въ немъ торчало. Чумакъ сперва смотрѣлъ, ничего не говоря, на камышника, потомъ какъ схватитъ копье да какъ пырнетъ его въ бокъ — такъ и проколол. »А подите«, говоритъ, »и вы сюда! [къ тѣмъ, видите ли, что сидѣли на коняхъ] Подите, я и вамъ то же сдѣлаю!« Видятъ камышники, что это то-же молодецъ, и струсили. »Что же?« говорятъ, »мы видимъ, что онъ, вражій сынъ, глумится«, и отбросили въ-сторону оружіе. »Похоронимъ«, говорятъ, »его, братцы: вѣдь это не падаль, а Христіянинъ.« Завернули въ толстый холстъ — холстъ взяли у того человѣка — и похоронили. Потомъ спрашиваютъ: »Кто же ты таковъ?« — »Я«, говоритъ, »такъ и такъ называюсь. Ходилъ къ брату въ гости.« — »Знаемъ«, говорятъ, »того козака. О, чтобъ тебя! колибъ ты намъ хоть слово сказалъ, что ты его братъ, мы бъ тебя и не трогали.« И поѣхали отъ насъ.

Да й поіхали. (¹)

Такий-то народъ бувъ! Якъ не краде Запорожецъ, то й кажуть ёму: »Доки ти, вражий сину, будешъ лежати? И чарки горілки ні за що випіть.«

Нашъ родичъ Яцько бувъ у Запорозцяхъ; то було росказуе. Пішли ми — каже — ажъ за Богъ-ріку, надъ Тилигулъ, коней красти. Глянемъ, ажъ такий табунъ коней ходить! Отъ я прилізъ, ажъ Нагаець вартовий спить и віжки замотавъ коло руки. Я якъ сунувъ ёго списомъ! а вінъ бувъ у панцирі, то спись такъ и закорчився. Вінъ якъ схопитця та до мене! то якъ-бй не було ножа, то зарізавъ би вражий синъ. Ато я якъ черкну ёго ножемъ по горлу, то вінъ такъ и повались.

А вже въ Січъ баба не ходи. Хочъ-бй сестра, хочъ-би рідна мати — не пустять. Такъ, чортъ знае по-якому жили тиі Запорозці: самі собі якъ бурлаки. Бувъ одинъ Запорожецъ Нагаець та и внадивсь до паламарки. Коло Січи тамъ десь у сельці паламаръ

Таковъ-то народъ были эти Запорожцы! Если Запорожецъ не крадетъ, то ему говорятъ: »Долго ли ты, вражій сынъ, будешь лежать на боку? И чарки водки не на что выпить.« Нашъ родственникъ Яцко былъ въ Запорожцахъ и бывало разсказывалъ намъ: Пошли мы — говоритъ — разъ за самый Бугъ-рѣку, выше Тилигула, красть лошадей. Смотримъ — такой славный табунъ лошадей ходитъ! Подползъ я къ нимъ, смотрю — сторожевой Ногаецъ спитъ и вожжи намоталъ на руку. Я какъ пырну его копьемъ! но онъ былъ въ панцырѣ, — копье такъ и свернулось. Вскочилъ онъ да ко мнѣ... и не будь при мнѣ ножа — зарѣзалъ бы вражій сынъ. Ато я хвать его ножомъ по горлу — онъ такъ и повалился.

А ужъ бывало баба въ Сѣчь не ходи. Будь хоть сестра, будь хоть родная мать — не пустятъ. Чортъ знаетъ, какъ жили эти Запорожцы, — холостяками, какъ бурлаки. Былъ одинъ Запорожецъ, по прозванію Но-

---

(¹) Эта сцена напоминаетъ разсказъ Семена Юрченка о камышникахъ (см. выше, стр. 75). Оба разсказчика передали мнѣ какъ видно одно и то же приключеніе; но Юрченко, очевидно, повторилъ его, какъ отдаленное эхо, а Бѣликъ былъ ближе къ дѣйствующимъ лицамъ.

живъ, такъ вінъ до паламáрки и вна́дився. А Запорóзці пронюхали та й пішли́ до кошовóго: »Такий намъ стидъ рóбить Нагáець, пáне бáтьку: унáдивсь«, кáжуть, »до паламáрки, такъ якъ той собáка!«

»Постійте жъ«, кáже, »пани́ молодці«, я козака́ надéжного пошлю́, нехáй присочить ёгó, тоді вже бýде ёмý сýдъ и роспрáва.«

Отó Нагáець поіхавъ изъ Січи, а козáкъ собі. Приіхавъ до паламáрки: »Одчини!«

Не одчиняе.

Вінъ якъ сунè двери ногóю — двéри такъ и вивалились. У хáту, — ажъ вінъ тамъ за зáпонкою.

»А щò ти тутъ рóбишъ, сякий-такий сину?«

Якъ узявъ бить ёго нагаéмъ!

А той прóситця: »Бра́те мій рідний! ужé хочъ бий, тілько пáнові бáтьку не яси!«

[А тамъ ужé такè чóртове заведéние, що сімъ разъ якъ удáрить киемъ, то вже хліба не істимешъ.]

Такъ щò жъ? у такóго одмóлисся? И нагаéмъ вибивъ, и ко-

гаецъ и повадился ходить къ пономарихѣ. Возлѣ Сѣчи жилъ пономарь, такъ онъ къ пономарихѣ и повадился. А Запорожцы провѣдали да и пошли къ кошевому: »Какой намъ стыдъ дѣлаетъ Ногаецъ, пане батько! повадился ходить къ пономарихѣ, словно песъ какой!« — »Погодите же, паны молодцы«, говоритъ кошевой, »я пошлю надежнаго козака, пусть онъ его подкараулитъ, а потомъ ужъ будетъ ему судъ и расправа.« Вотъ Ногаецъ изъ Сѣчи, а козакъ за нимъ. Пріѣзжаетъ къ пономарихѣ: »Отвори!« Не отворяетъ. Онъ толкнулъ въ дверь ногою — дверь такъ и вывалилась. Входитъ въ хату, смотритъ — Ногаецъ тамъ за занавѣскою. »А что ты дѣлаешь тутъ, сякой, такой сынъ?« и давай стегать его нагайкою. А тотъ упрашиваетъ его: »Братецъ ты мой родной! бей меня, только не сказывай пану батьку!« [А ужъ у нихъ такой чертовскій обычай, что какъ ударитъ семь разъ дубиною, то хлѣба не будешь больше ѣсть.] Что же? напрасно и упрашивать! И нагайкой от-

шовому зъясовавъ. Ну, звісно вже: заразъ до стовба та киями. Заведужавъ сердешний Нагаець одъ такої бані та и вмеръ незабаромъ.

Уже що бойкий людъ бувъ, то такъ! Разъ ходивъ изъ батькомъ у Січъ изъ горілкою мій рідний дядько. Отъ и питаютця: »Що се, Дмитре, съ тобою?«

»Та се«, каже, »мій шуринъ, моеі жінки братъ.«

»Якъ ёго зовуть?«

»Хома.«

»Не вклепались же«, каже, »й ви, що ёму таке имя дали: вінъ на Хому й походивъ, дияволівъ синъ!«

А разъ таки добре допекли моиму батькові. Сидить вінъ изъ ними въ лёху та й пьють. А вони й давай ёго на сміхъ підіймать: »Ге, васъ«, кажуть, »тамъ у Польщи [а се бъ то, бачъ, на Вкраіні] миромъ не мажуть, а гусячимъ саломъ.«

А батько, не довго говоривши, схопивсь та на базарі купивъ хліба та й пішовъ до кошового.

Кошовий вислухавъ. »Ишъ«, каже, »вражі сини! а вони жъ

стегалъ, и кошевому донесъ. Ну, разумѣется: тотъ-часъ привязали къ столбу Ногайца и наказали дубьемъ. Заболѣлъ бѣдняга Ногаецъ отъ такой бани и умеръ вскорѣ.

Что за бойкій народъ былъ эти Запорожцы! Разъ ходилъ въ Сѣчь съ водкою мой родной дядя при отцѣ. Они и спрашиваютъ: »Что это за человѣкъ съ тобою, Дмитрій?« — »Это«, говоритъ, »мой шуринъ, братъ моей жены.« — »А какъ его зовутъ?« — »Ѳома«. — »Ну«, говорятъ, »вы не ошиблись, давши ему такое имя: онъ, чортовъ сынъ, и похожъ на Ѳому!«

А разъ задѣли таки моего отца за живое. Сидитъ онъ съ ними въ погребу и пьетъ водку. Только они и давай надъ нимъ подсмѣиваться: »Васъ«, говорятъ, »тамъ въ Польшѣ [а это, выходитъ, на Украйнѣ] помазываютъ не миромъ, а гусинымъ жиромъ.« Отецъ, не говоря дурного слова, вскочилъ съ своего мѣста, купилъ на базарѣ хлѣба и пошелъ къ кошевому. Кошевой выслушалъ. »Вишь«, говоритъ, »вражьи дѣти! а они откуда наплодились? И они же вышли изъ мужиковъ, а те-

изъ чого поплодились? И вони жъ изъ мужикивъ породились, а теперъ уже тилько ихъ миромъ мазано! А пийди«, каже на козака, що при ёму бувъ, »пийди лишень помири ихъ.«

Прийшовъ козакъ изъ батькомъ до лёху: »А чого«, каже, »ви тутъ, вражі сини, змагаетесь?«

А вони: »Сядь, сядь, батьку, чарку горілки випий.«

Отъ винъ посидивъ трохи. »Що жъ«, каже, »я дармо чоботи топтавъ для васъ? Положіть по рублю!«

Усі вийняли по рублю й положили ёму въ шапку. И батько мусивъ положить рубля. Такъ розсудивъ, дияволивъ синъ!

Ато, кажуть, ще-то въ-старовину одибравъ кошовий що найкращий народъ та одижнийи та й пославъ до короля. Отъ Ляхи бачать, що въ ихъ уси оттакелезни: »Чого бъ«, кажуть, »дать имъ исти? Даймо имъ сметани.«

Дали сметани. А Запорозци кажуть: »У насъ не дають сметани напередъ; мёдъ напередъ дають.«

»Ну, дать имъ мёду!«

Дали мёду. А вони якъй попоили мёду та позакручували уси: »Теперъ«, кажуть, »давайте й сметани!«

перь ужъ только они и помазаны мvромъ! Ступай«, говоритъ къ козаку, что былъ при немъ, »ступай, помири-ка ихъ«. Пришелъ козакъ съ отцемъ въ погребъ. »А что вы«, говоритъ, »вражьи дѣти, спорите тутъ?« А они: »Сядь, батько, сядь, выпей чарку водки.« Вотъ онъ посидѣлъ немного. «Что же?« говоритъ, »я даромъ для васъ сапоги топталъ? Положите мнѣ сюда по рублю.« Всѣ вынули по рублю и положили ему въ шапку. И отецъ принужденъ былъ положить рубль. Такъ разсудилъ, чортовъ сынъ!

Ато, говорятъ, еще въ старину выбралъ кошевой самыхъ лучшихъ, самыхъ щеголеватыхъ Запорожцевъ и послалъ къ королю. Видятъ Ляхи, что у нихъ усы вотъ этакіе, большущіе, и говорятъ: »Чего бы дать имъ поѣсть! Дадимъ имъ сметаны«. И дали сметаны. А Запорожцы говорятъ: »У насъ не подаютъ сперва сметану; сперва подаютъ соты.« — »Ну, дать имъ сотовъ.« Подали сотовъ. Они поѣли и закрутили

А підъ той часъ неприятель прислáвъ Ляхáмъ лýкъ: »Якъ не натягнете«, кáже, »сёгó лýка, то становітця на батáлію.«

Отъ Ляхи прóбовали — ніхтó не натягне.

А одінъ Запорóжець: »Ось кéте«, кáже, »лишéнь сюдú!«

Узявъ, такъ и натягнувъ той лукъ.

»Дайте жъ«, кáже, »тепéръ мині штáбу заліза.«

Та взявъ та кругóмъ шиі тому послóві обгорнýвъ та ії завернýвъ; такъ якъ отъ снопъ завертáешъ, що перевéсло скрýтишъ, такъ вінъ ту штáбу завернýвъ.

»Колú одвèрнете«, кáже, »ви сю штáбу, то ми на батáлію зъ вáми стáнемъ.«

Якúй же ёгó чортъ одвéрне? Хибá бъ гóлову одкрутúвъ! Мóже, якъ приіхавъ, то, мóже, чóртъ знáе дóки пиляли. Не мóжна ні лягтú, нічóго.

Э, здорóвий нарóдъ бувъ! Ужé якъ зруйновали Січъ, то одінъ такúй бувъ здорóвий, що дýхомъ убъé чоловіка. Якъ пішóвъ причащатьця та дýху не втаівъ, то трóхи священникъ не впавъ нáвзнакъ.

вверхъ усы. »Теперь«, говорятъ, »давайте и сметаны!« А въ это время прислалъ непріятель Ляхамъ лукъ. »Коли не натянете«, говоритъ, »этого лука, то выходите на бой.« Долго пробовали Ляхи — нѣтъ, никто не натянетъ лука. Тогда одинъ Запорожцевъ: »Дайте-ко«, говоритъ, »его сюда!« Какъ взялъ, такъ съ-разу и натянулъ. »Теперь подайте«, говоритъ, »мнѣ полосу желѣза.« Взялъ онъ желѣзную полосу, обвилъ вокругъ шеи послу и завернулъ; такъ вотъ какъ снопъ свяжешь и завернешь связку, такъ онъ завернулъ ту полосу. »Коли развернете«, говоритъ, »вы эту полосу, то выйдемъ съ вами на бой.« Кой чортъ развернуть! Развѣ съ головой вмѣстѣ открутить! Какъ воротился посолъ домой, то, можетъ, чортъ знаетъ сколько времени пилили желѣзо. Нельзя ни прилечь, ни что.

Эхъ, народъ былъ дюжій! Когда разорили Сѣчь, такъ одинъ былъ такой силачъ, что однимъ дыханіемъ убилъ бы человѣка. Какъ подошелъ къ причастію, да не затаилъ дыханіи, то едва священникъ не упалъ на-

»Хто ти« , каже, »старче, такий? признайся.«

»А що жъ« , каже, »батюшка? я отой и той.«

»Зийди жъ« , каже, »зъ сёго града, бо тілько дознаютця, то пропадешъ.« (¹)

Ще скоро рознеслась чутка, що Запорожже зруйнують, то Гетьманці було Запорозцямъ співають:

Вражі сині Запорозці не добре вчинили:
Степъ широкий, край веселий та й занапастили.

То Запорозці було злятця! Воні бъ то й били іхъ, такъ и то жъ народъ военний. Хочъ и по шинкахъ було зострінутця, то не дуже було страшно. (²)

А було якъ очортіе Запорозцямъ у Січі горілку пить, то й понаіжджають у гості на Вкраіну, або на Гетьманщину. Приіжджають

взничъ. »Кто ты таковъ, старикъ?« говоритъ онъ, »признайся.« — »Что же«, говоритъ, »батюшка? я такой-то«. — »Изыди же«, говоритъ, »изъ сего града, ато, какъ узнаютъ о тебѣ, то погибнешь.« (¹)

Еще лишь только разнесся слухъ, что Запорожье разорятъ, то гетманскіе козаки припѣваютъ бывало Запорожцамъ:

Вражі сині Запорозці недобре вчинили:
Степъ широкий, край веселий та й занапастили.

Запорожцы, бывало, бѣсятся на *Гетманцевъ* за эту пѣсню. Они пожалуй и поколотили бы ихъ, да и то былъ народъ военный. Хоть и въ кабакѣ встрѣтятся было съ Запорожцами, то не очень трусили. (²)

А ужъ, бывало, какъ опротивѣетъ въ Сѣчи водка Запорожцамъ, то и наѣдутъ въ гости на Украйну, а не то — на Гетманщину (т. е. на

(¹) Прошу читателя припомнить преданіе Тарануxи о козарлюгѣ Васюринскомъ (см. выше стр. 141). Очевидно, что дѣйствительно на Запорожьи существовало лицо, производившее сильное впечатлѣніе на умы. Подъ физическою силою надобно разумѣть здѣсь нѣчто и другое.

(²) Вѣроятно, этою пѣснею дразнили *отставныхъ* Запорожцевъ. Ея продолжіжее показываетъ, что она сложена *послѣ* разоренія Сѣчи.

було̀ й до мого̀ ба̀тька. То імъ же до̀бре, що ѐ за що пить, а ба̀тько зъ нѝми та̀къ було̀ укача̀етця въ довгѝ, що ну! Якъ позъіздя̀тця було̀, то й гово̀рять: »На̀ше Запоро̀жже та̀къ изведѐтця, що чортма̀тиме ні̀чо̀го!« Такъ самі̀, було̀, й гово̀рять. Отъ же и звело̀сь.

Якъ ужѐ въ Січъ Моска̀ль порѝнувъ, то вонѝ дра̀ла, а Моска̀ль: »Біжі̀ть та коло̀ Кизикермѐна ланцю̀гъ перекѝньте черѐзъ Дніпръ! якъ бу̀дутъ утіка̀ть, то зъ пу̀шокъ на і̀хъ!« А вонѝ вербу̀ зруба̀ли та й пустѝли по Дніпру̀. То верба̀ вда̀рилась объ ланцю̀гъ, а пу̀шки — гу, гу! А Запоро̀зці тоді̀: »Оттепѐръ, бра̀тця, гребі̀ть!« та й утеклѝ одъ Москаля̀. (1)

7.

ПОВѢРЬЕ О НОВОМЪ КОЗАЦКОМЪ ГЕРОѢ ГЛАДКОМЪ. (*)

Тоді, якъ була̀ та война̀ (2) зно̀въ незна̀ть чого̀ наро̀дъ изтрусну̀вся. Було̀ ка̀жуть: »Се, вѝдно, десь такѝй лѝцарь уродѝвся, що

лѣвый берегъ Днѣпра). Пріѣзжаютъ бывало и къ моему отцу. Ну, имъ-то не бѣда — есть на что̀ пить, а отецъ бывало вкатается въ такіе долги, что ну! Какъ съѣдутся бывало, то и говорятъ: »Наше Запорожье такъ изведется, что ни чорта не останется!« такъ сами бывало и говорятъ. И подлинно вѣдь извелось.

Какъ бросились *Москали* въ Сѣчь, такъ они бѣжать, а тѣ посылаютъ отъ себя: »Поскорѣе перебросьте возлѣ Кизикермена цѣпь черезъ Днѣпръ! и какъ станутъ уходить, палите изъ пушекъ!« А Запорожцы срубили вербу и пустили по Днѣпру. Ударилась верба объ цѣпь, а пушки — гу, гу! Тогда Запорожцы: »Теперь, братцы, гребите!« и ушли отъ *Москалей*. (1)

(*) *Переводъ*. — Въ ту войну опять не вѣсть отъ чего народъ встре-

---

(1) Разсказщикъ (Климъ Біликъ) смѣшалъ здѣсь бѣгство Запорожцевъ въ Турцію съ выступленіемъ Запорожскихъ *чаекъ* въ морской походъ.

(2) Съ Польшею, 1792 — 1795.

вся земля́ затруси́лась!« Ажъ тоді са́ме, якъ була́ ота́ заверю́ха, той Гла́дкий-то народи́всь.

8.

ЖИДОВСКІЕ ОТКУПЫ ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО. (*)

Було́ коли́сь такъ — ище́ пере́дъ Хмельни́ччиною — що церко́вні ключі були́ въ Жи́да. Якъ чого́ тре́ба до це́ркви, то йди вже до Жи́да да торгу́йся, що вінъ візьме. То зъ того́-то й ли́хо счало́ся.

9.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ. (**)

Ста́ли Ляхи́ ду́же вже паляга́ть на козаківъ. Прийшло́ іхъ у Запоро́жжа по два Ляхи́ на одного́ козака́. То козаки́ сла́ли до короля́ листи́, що такі намъ збитки ро́блять, що не мо́жна ніякъ прожити. Такъ коро́ль и да́въ імъ права́. А Бараба́шъ схова́въ та ні-

---

вожился. Бывало говорятъ: »Это, видно, гдѣ-то родился такой богатырь, что вся земля затряслась!« Анъ въ это самое время, въ эту бурю, тотъ Гладкій-то родился.

(*) *Переводъ.*—Когда-то водилось такъ — еще до Хмѣльниччины — что церковные ключи хранились у Жида. Коли нужно отворить церковь, то ступай къ Жиду да торгуйся, что̀ онъ возьметъ за это. Изъ-за этого-то и бѣда началась.

(**) *Переводъ.* — Ляхи начали ужъ больно налегать на козаковъ. Какъ пришло въ Запорожье по два Ляха на одного козака, то козаки посылали къ королю жалобы, что они дѣлаютъ имъ великія разоренія и что нѣтъ житья козакамъ. Тогда король и далъ козакамъ права. А Ба-

кому й не показавъ. Отъ Ляхи козаками й орудують. А Хмельницький бувъ при Барабашеві за писаря въ Чигирині. Самъ у Суботові сидівъ, а туди іздивъ на писарство. Отъ, якъ родилась у Хмельницького дитина, то вінъ кумомъ узявъ гетьмана. Якъ же впоівъ гетьмана добре, тоді вийнявъ у його зъ кишені хустку, и перстень зъ руки знявъ, та й посилае до Чигирина свого джуру. »Два коні бери та біжи въ Чигиринъ по права!«

Приїждже той джура до гетьманши: »Пані! заілись изъ гетьманомъ пани, — порубають; такъ дайте тії права, що одъ короля!«

»Оттамъ же«, каже, »вони въ стані підъ ворітьми, въ глухімъ кінці у пуздерку, въ землі.«

Просинаетця гетьманъ: »Ой куме«, каже, »куме! була въ мене хустка въ кишені, а теперъ нема! бувъ у мене перстень щирозлотий на руці, а теперъ нема!«

рабашъ спряталъ ихъ да никому и не показалъ. Ляхи и ворочаютъ козаками, по своей волѣ. Въ это время Хмѣльницкій былъ при Барабашѣ писаремъ въ Чигиринѣ. Жилъ онъ въ Суботовѣ, а туда ѣздилъ на службу. Когда у Хмѣльницкаго родился ребенокъ, онъ просилъ гетмана (т. е. Барабаша) кумомъ, и какъ напоилъ хорошенько гетмана, то вынулъ у него изъ кармана платокъ, снялъ съ руки перстень и посылаетъ въ Чигиринъ своего *джуру* (слугу): »Возьми двухъ коней да скачи въ Чигиринъ за правами!«

Пріѣзжаетъ джура къ гетманшѣ: »Пани! повздорили съ вашимъ мужемъ паны, — изрубятъ въ куски; дайте права, что король прислалъ!« — »Вотъ тамъ«, говоритъ, »въ конюшнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ (¹) они въ погребцѣ лежатъ въ землѣ.«

Просыпается гетманъ: »Эй«, говоритъ, »кумъ мой, кумъ! былъ у меня въ карманѣ платокъ, а теперь нѣту! былъ у меня на рукѣ перстень изъ чистаго золота, а теперь нѣту!« — »Это«, говоритъ Хмѣль-

---

(¹) Глухимъ концомъ воротъ называется та часть, въ которой находится пятка, или петли.

»То«, каже, »мій хлопець роздягавъ тебе, якъ клавъ у ліжко, то повиймавъ.«

А самъ усё позирае въ вікно. Коли жъ гляне гетьманъ, ажъ хлопець повівъ у стаию коня такого, що тілько — хахъ, ха, хха, хха! (¹) Тоді вже й постерігъ, що Хмельницькій посилавъ по права.

»Ой Хмелю«, каже, »Хмелику!
Вчинивъ еси ясу
И поміжъ панами велику трусу.
Лучче було бъ тобі брать сукна не мірячи,
А гроші не лічачи;
Лучче бъ було тобі съ панами добре поживати,
Аніжъ теперъ по лугахъ Базалугахъ потирати,
Комарівъ, якъ ведмедівъ, годовати!

Гетьманъ же іде додому, а вони съ хлопцемъ, коней сідлають та ідуть у Січъ. Приіхали; вдарили въ котли; зибрались козаки. Вінъ вичитавъ одинъ указъ — не слухають; вичитавъ дру-

---

ницкій, »мой мальчикъ раздѣвалъ тебя, какъ укладывалъ въ постель, да и снялъ.« А между тѣмъ безпрестанно посматриваетъ въ окно. Смотритъ гетманъ — мальчикъ повелъ въ конюшню такого коня, что только — хахъ, ха, хха, хха! (¹) Тогда онъ и смекнулъ, что Хмѣльницкій посылалъ за правами.

»Ой ты, Хмѣль«, говоритъ, »Хмѣль! сдѣлалъ ты огласку и встревожилъ сильно пановъ. Лучше было бы тебѣ брать отъ нихъ сукна безъ мѣры и деньги безъ счету; лучше бы тебѣ жить съ панами въ добромъ согласіи, чѣмъ теперь скитаться по луговымъ лѣсамъ Базавлукамъ и откармливать комаровъ, какъ медвѣдей!«

Ѣдетъ гетманъ домой, а Хмѣльницкій съ мальчикомъ сѣдлаютъ коней и ѣдутъ въ Сѣчь. Пріѣхали; ударили въ котлы; собрались козаки. Прочиталъ Хмѣльницкій одну бумагу — не согласны; прочиталъ дру-

---

(¹) Этими междометіями разскащикъ выражаетъ тяжелое дыханіе коня, прибѣжавшаго съ гону.

гий — не слу̀хають; та вже якъ трѐтій прочита̀въ, тоді всі й ста̀ли на бата̀лію. (¹)

Въ этомъ преданіи замѣтны слѣды думы, которая была его первоначальною формою. Стихи, приведенные разскащикомъ, не принадлежатъ ни къ одному изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ думы о Хмѣльницкомъ и Барабашѣ, и составляютъ, какъ видно, уцѣлѣвшій обломокъ забытаго речитатива; иначе разскащикъ не перешелъ бы къ нимъ отъ прозы, не сказавши, что вотъ-де поютъ объ этомъ такъ-то, или чего-нибудь подобнаго. Но, кромѣ стихотворной части преданія, и самая сцена между кумовьями намекаетъ на стихотворный складъ рѣчи.

То же самое можно сказать и о легендѣ про Золотыя Ворота (см. выше, стр. 4). Ея четверостишіе:

Ой Кия̀не, Кия̀не, пано̀ве грома́да!
Пога̀на ва́ша ра́да:
Якъ-бй ви Миха̀йлика не оддава̀ли,
По́ки світъ со̀нця, ворогѝ бъ Киева не доста̀ли...

встрѣтилось въ думѣ о Жидовскихъ откупахъ (см. выше, стр. 62), въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно:

Эй, Полоня̀не, Полоня̀нська грома́да!
Не хоро̀ша ва́ша ра́да ...

Но изъ этого не слѣдуетъ, что разскащикъ взялъ это четверостишіе изъ думы и перенесъ въ легенду. Это, напротивъ, значитъ, что оно сложено очень давно и обратилось въ общее мѣсто, ка-

---

гую — не согласны, да ужъ какъ третью прочиталъ, тогда всѣ вышли на бой.

(¹) Разсказывалъ Климъ Біликъ.

кихъ много и въ Гомерѣ, и въ нашихъ рапсодіяхъ. Для народа эти общія мѣста не кажутся скучными повтореніями, какими были бы въ поэзіи образованнаго общества. На нихъ отдыхаетъ вниманіе слушателей, какъ на промежуточномъ рокотаньи струнъ, и народу пріятно между новыми для него стихами встрѣчать давно извѣстные. Постигая это поэтическимъ чутьемъ, пѣвцы нашихъ Украинскихъ думъ ни мало не стѣсняются заимствованіемъ готовыхъ оборотовъ рѣчи и даже поэтическихъ образовъ изъ извѣстныхъ народу речитативовъ (¹). Перенести же куплетъ изъ думы о новѣйшемъ событіи въ легенду о событіи древнемъ было бы для разсказщика дѣломъ неестественнымъ, потому что вообще человѣческой натурѣ свойственно новое строить изъ развалинъ стараго, но не подпирать старое выемками изъ новаго. Самъ авторъ »Слова о Полку Игоревѣ« говоритъ, что хорошо бы начать пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ *старыми словесы*, какъ пѣвалъ Боянъ, только разсказать въ ней *былины сего времени*; и ни одна исторія литературы не представляетъ примѣра, чтобы въ какую-нибудь сказку, легенду или балладу народъ вставилъ стихи изъ произведенія новѣйшаго.

Тутъ является вопросъ: Если легенда о Золотыхъ Воторотахъ есть старинное стихотворное произведеніе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ кусокъ, говорящій о его первоначальной формѣ; то какъ же это случилось, что изъ всей до-козацкой эпической поэзіи память народа сохранила только одинъ этотъ искаженный

(¹) Запѣвъ думы о походѣ на Поляковъ (»Укр. Нар. Пѣсни«, изд. Максимовича, стр. 26):

Ой пишлы́ козакы́ на чотирі поля́,
Що на чоти́рі поля́, а на пя́те на Подо̀лье...

взять изъ думы на побѣду Чигиринскую (тамъ же, стр. 23), въ которой онъ тоже былъ заимствованіемъ, въ качествѣ общаго мѣста изъ неизвѣстной намъ думы. Это видно изъ того, что сперва оба враждебные стана поставлены одинъ противъ другого, и когда ужъ дошло до битвы, тогда говорится:

Отсе́ жъ и пішли̂ на̂ші на чотирі поля́,
Що на чоти́рі поля́, а на пятее на Подо̀лье.
Ляхівъ на всі сто́рони, по всімъ хреста̀мъ колоти́ли...

обломокъ? На это можно отвѣчать, что мы еще далеко не привели въ извѣстность всего, что̀ дошло до насъ изъ отдаленной старины нашей посредствомъ памяти народа, какъ это, между прочимъ, доказывается такими неожиданными находками, какъ дума о Га̀нжѣ Андыбѐрѣ, или нѣкоторыя другія думы, помѣщенныя въ этой книгѣ. Но даже и въ настоящее время это не единственное поэтическое воспоминаніе народа о томъ, что̀ предшествовало козачеству. Недавно А. В. Шишацкій-Иличъ записалъ въ селѣ Красиловкѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи думу, относящуюся къ морскимъ походамъ язычниковъ Варяго-Руссовъ въ Грецію. Дума эта, какъ видно, давно уже вышла изъ употребленія у бандуристовъ, которыхъ умы увлекались современными имъ событіями козацкой исторіи и, подобно легендѣ о Золотыхъ Воротахъ, обратилась въ изустный разсказъ, потерявъ множество стиховъ своихъ и характеристическихъ подробностой. Она сдѣлалась достояніемъ старухъ, которыя, проводя почти все свое время за валеньемъ *валу* или пряжею *во̀вны*, пересказывали ее, вмѣстѣ съ разными сказками, своимъ внучатамъ. Этимъ бѣднымъ путемъ пѣснь какого-то »соловья стараго времени« дошла до насъ уже въ убогомъ и жалкомъ видѣ. По ея вялому речитативу, по неточности многихъ словъ и выраженій, видно, что »вѣщіе персты« давно уже не вторили ей на »живыхъ струнахъ« и что только тихое жужжанье старушечьяго веретена сопровождало заученную и плохо понимаемую рѣчь разскащицы. 85-лѣтняя старуха *Гу̀йдиха,* передавшая ее г. Шишацкому-Иличу, уже не существуетъ, и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей — сколько мы его знаемъ — не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-то языческихъ плавателяхъ по »круглому« морю, занимательнаго только для просвѣщеннаго человѣка. Страшно подумать, сколько еще и въ наше время гибнетъ сокровищъ народнаго духа, по недостатку такихъ людей, какъ Шишацкій-Иличъ! Открытіемъ этого памятника Южно-Русской народной поэзіи онъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя »Слова о Полку Игоревѣ.«

Интересно во многихъ отношеніяхъ введеніе разскащицы въ стихотворную часть ея сказанія. Сама она не придавала никакой важности словамъ своимъ, называя ихъ *верзя́каньемъ*, и находилась, вѣроятно, въ такомъ состояніи, какъ одна старуха-сказочница, которая говорила о себѣ: »За ста́ростю ма́ло вже що памята́ю; мовъ сплю, або́ пъя́на, або́, здає́тця, пере́дъ ва́ми стою да й бре́шу̀ зъ голови́, чого́ зъ ро́ду й не чу́ла.« Она сохранила въ памяти свое сказаніе не иначе, какъ съ того времени, когда, будучи ребенкомъ, слушала *въ за́печку* какую-нибудь 80-лѣтнюю старуху. Поэтому въ ея словахъ слышатся намъ преданія Екатерининскаго вѣка, когда еще существовала Сѣчь Запорожская; а старуха, отъ которой сама она переняла древній речитативъ, могла видѣть собственными глазами людей, слышавшихъ пѣвцовъ первыхъ временъ козачества. (¹)

ДУМА-СКАЗАНІЕ О МОРСКОМЪ ПОХОДѢ »СТАРШАГО КНЯЗЯ«-ЯЗЫЧНИКА ВЪ »ХРИСТІЯНСКУЮ ЗЕМЛЮ.« (*)

Стари́і лю́де ка́жуть, що коли́сь були́ лю́де зовсі́мъ не таки́, якъ (²), тепе́реньки: були́, ка́жуть, и вели́киі и гонкиі та́къ, що

(*) *Переводъ.* — Говорятъ старые люди, что когда-то народъ былъ совсѣмъ не томъ, что̀ теперь: былъ крупенъ и такой рослой, что нога,

---

(¹) Перепечатываю ее изъ № 16 »Черниговскихъ Губерискихъ Вѣдомостей« 1855, гдѣ она неосновательно названна »*Сказкою* про бога Посви́стача«, въ противорѣчіе словамъ самого г. Шишацкаго-Илича, что »дума заключаетъ въ себѣ не фантазію, или же мысли объ извѣстныхъ историческихъ, или семейножитейскихъ фактахъ, несуществующихъ во времени, а самый фактъ.« (Примѣч. 5) Кромѣ того, въ думѣ этой описываются главнымъ образомъ похожденія князя съ дружиною, а не дѣйствія бога Посви́стача, и потому не слѣдовало называть ее такъ, какъ она названа первымъ издателемъ.

(²) Въ правописаніи держусь того же правила, которое соблюдено мною въ редакціи думъ Андрея Шута Александровскаго.

одна́ нога́, примі́рно сказа́ть, намъ по плечѐ досяга́ла, а въ на́шихъ хата̀хъ тепе́реньки імъ и жить би не по мі́рі. Ска̀зано, пора́ одъ пори́ усе́ ма̀лятця. Коли́сь, ка̀жуть... Богъ-то ёго́ зна́е уже́, колі́ се бу́де... зросту́ть таки́ лю́де, якъ у насъ мура́шки, да тогді уже́, поговóрують, и коне́ць світу бу́де. Бачъ, ка̀жуть старі́і лю́де... да Богъ-то ёго́ зна́е, відкуля́ вони́ се́е уже́ зна̀ють: чи то̀ імъ уже́ та́кеньки праді́ди роска́зували, чи ина̀къ якъ, Госпо̀дь іхъ зна́е... якъ—то воно́ бу́де таке́, що лю́де такъ изживу́тця, що якъ комашки́ ти ста́нуть! Аже́ жъ, якъ подиви́тьця на тепе́решнёго чоловіка, дакъ ище́ либо́нь не шви́дко таке́ мале́ переро́битця, и світъ ище́ замі́сь до̀вго стоя́ть бу́де. Не намъ, бачъ, дожда̀ть сёго́: хиба́ вже діти на̀ши, чи вну́ки, або́ да̀лі.

Да то ска̀зано, що лю́де си вели́кіі були́ зовсі́мъ не те, що ми́, Христия́не: у іхъ и бо̀га я́кось и́накъ зва̀ли — ка̀жуть, ***По̀свистачъ*** яки́сь. Вінъ, ка̀жуть-то, установля̀въ годи́ну усю́ди, а більше нечо̀го и не зна̀въ: объ дру́гімъ чі́мъ дру́гіі зна̀ли и поря̀докъ свій дава̀ли.

примѣрно сказать, досягнула бы намъ до плеча, а въ нашихъ хатахъ ему и жить теперь было бы не по мѣрѣ. Извѣстно, что̀ дальше, то всё народъ мельчаетъ. Говорятъ, когда-то... Богъ знаетъ только, когда это будетъ... явятся такіе люди, какъ теперь муравьи, да тогда ужъ, сказываютъ, и конецъ свѣта настанетъ. Видишь, говорятъ старые люди... только Богъ ихъ знаетъ, откуда они все это знаютъ: такъ ли ужъ имъ прадѣды разсказывали, или какъ-нибудь иначе... какъ оно этакъ сдѣлается, что люди изживутся и станутъ, какъ муравьи! Вѣдь, какъ посмотрѣть на нонѣшняго человѣка, то, кажется, не скоро бы всему этакъ выродиться, и свѣту, кажись, стоять бы еще долго. Не намъ, видишь, дожить до этого: развѣ доживутъ наши дѣти, или внуки, или далѣе.

Ну, извѣстно, эти большіе люди были совсѣмъ не то, что̀ мы, Христіяне: у нихъ и бога какъ-то иначе звали: богъ у нихъ былъ, говорятъ, какой-то *По́свистачъ*. Онъ, говорятъ, устанавливалъ всюду погоду, а больше ни о чемъ не заботился; объ иномъ прочемъ заботились другіе и распоряжались по-своему.

Та́къ-то було́ коли́сь, про що вамъ стара́ Гу́йдиха верзя́кае.(1) Сѣ́азано: *Старо́му брехáть — не ці́помъ махáть.*

Отó, кáжуть... слу́хайте жъ, бо се вже справедна́ кáзка почина́етця... у сіхъ вели́кихъ людéй старшиї якийсь бувъ князь, да заду́мавъ вінъ жени́тьця, щобъ по собі було́ когó на ца́рстві зоста́вить. Ставъ сей князь людéй своіхъ ззива́ть. Зийшли́ся усі старйі, розу́мни гóлови, що совітъ дава́ли своіму́ князю. Вінъ імъ и ка́же:

»Оцé, слу́ги мої вірнi, намъ трéба зна́ть,
Кого́ пóслі мéне на ца́рство зоста́вить,
Щобъ ва́ми, розу́мними голова́ми, дóбре-предóбре пра́вить;
Ча́сомъ (2) моéі смéрти, щобъ ви зна́ли.
Кого́ царёва́ть поста́вить.«

От ёму́ й ка́жуть:
»Ще ти, нашъ ста́рший князю, на́ша голова́ наро́дна,
Ще ти са́мъ мо́жешь до́брий совітъ дать,
И своімъ ро̀зумомъ помірковáть.
А колй дозво̀лишъ, такъ ми тобі о̀тъ що ска́жемъ:
Не прикажй насъ казни́ть и руба́ть,
А позво́ль тобі кра́сную княгі́ню доста́ть,

Такъ-то было когда-то все это, что̀ вамъ старая Гу́йдиха болтаетъ. Извѣстно, *старо́му брехáть — не ціпомъ мáхать.*

Ну, вотъ, говорятъ... слушайте же: это ужъ настоящая сказка начинается... у этихъ большихъ людей былъ какой-то старшій князь, и вздумалъ онъ жениться, чтобъ было кого оставить по себѣ на царствѣ. Сталъ этотъ князь людей своихъ сзывать. Сошлися всѣ старыя, умныя головы, что̀ давали совѣты своему князю. Онъ и говоритъ имъ. (3)

(1) При этомъ разсказщица улыбнулась. *Прим. Ш.-И.*

(2) Въ-случаѣ.

(3) Языкъ самой думы такъ близко подходитъ къ обще-употребительному Русскому языку, что сплошной переводъ былъ бы излишнимъ. Я объясню только нѣкоторыя мѣста и отдѣльныя слова.

Позво́ль карабе́лі струга́ть
Да на сі́не мо̀ре виїжджа̀ть.«

Тутъ ста́ршиі̆ князь усміхну̀вся...
Повелі̀въ караблі снаряжа̀ть
И нові̆ будова̀ть, (¹)
А въ караблі̆ військо наса́жувать
И кадкі̆ мѐду уставлять,
Щобъ було́ съ чимъ по сі́нёму мо̀рю гулять,
Да кра́сную княгі́ню затрима̀ть и шанова̀ть. (²)

Якъ зобра́ли жъ да збудова́ли караблі̆,
Тогді ставъ князь у волосяну́ да̀ху одяга́тьця (³)
Да золоті́мъ чересло́мъ (⁴) підперя̀зуватьця. (⁵)
Ста́ли вірнії слу́ги ёго́ на майда̀нахъ грома́дитьця (⁶)

(¹) И новые строить.

(²) Угощать и потчивать.

(³) Въ мохнатую даху одѣваться. — *Даха* или *даху* — по-Монгольски, а *дага* — въ Иркутской и Томской губ. — родъ шубы, шерстью наружу. («Матеріалы для Сравнительнаго и Объяснительнаго Словаря», стр. 195.) Попросту — даха значитъ бурка съ *кобенякомъ* (капюшономъ), какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка пѣсни, записанной г. Шишацкимъ-Иличемъ въ селѣ Чемерѣ, Козелецкаго уѣзда:

Обу́въ но́ги не въ ремінь, не въ ремінь,
А въ чо̀боти изъ сапъяну, изъ сапъяну,
Ши́тиі̆ чѐресъ все шовка̀ми — кругомъ ста́ну.
Одя́гъ плѐчи не въ жупа̀нъ, не въ жупа́нъ,
Надівъ *да̀ху,* ставъ якъ па̀нъ, ставъ якъ панъ.
Во̀вна звѐрху такъ и ма̀е, такъ и ма́е.
Зза́ду ко́бень такъ и гра̀е, такъ и гра́е;
А рука́ва да широ̀киі, широ̀ки:
Зада́сть мо̀лодъ всякіі̆ ді̀вонці моро̀ки...

Г. Шишацкій-Иличъ прибавилъ къ этому отрывку слѣдующее объясненіе: На мой вопросъ: «Что̀ такое даха?» пѣвецъ этой пѣсни отвѣчалъ мнѣ: «Хутряна́ звірёва сви̇та, ті́льки во̀вною до вѐрху, себъ-то инача́ кожу̀хъ, да ті́льки ду́же коро̀тка. Ка̀жуть, була́ ся одѐжина ажъ ві́шше вко̀лішокъ; изза́ду на́че кобеня̀къ, а рука́ва широ́ки да такъ и ма̀ялись по вітру, а на ру́ки не вдяга̀лись. Я, бачъ, не ба̀чивъ, а ка̀жуть такъ.»

(⁴) *Чересло́* или *чѐресъ* — кожаный поясъ, въ которомъ обыкновенно носили деньги. — (⁵) Опоясываться. — (⁶) На выгонахъ собираться.

Да своймý бóгу Посвистачу молитьця,
Щобъ вінъ імъ годину давъ
Да мóря не турбовáвъ. (1)

Стáли за сімъ воні збирàтьця
Да карабéлі свої у мòре випускáть.
Стáли карабéлі свої чáйми (2) підимáть;
Якъ стáдо лебедівъ воні одъ бéрега одпливáли,
По синёму мóрю якъ бжòли (3) сновáли,
Що ажъ мóре собóю, ненáче хмàрами (4) тими, крийма укривáли.

'Іде князь стáрший зъ своімъ військомъ по крýглому мóрю до землі Християнськоі,
Щобъ тамъ у лякъ своіми караблями усіхъ постановити (5)
И собі крáсную княгиню въ замýжже достáти.
Якъ стáли воні до Християнськоі землі доіжджàти,
Стáло стáршого князя удáле сéрце недòбре зачувáти,
И кàже вінъ своімъ рáднимъ слугáмъ: (6)
»Эй ви слýги мої, рàти вірнії!
Щось моя душá недòбре чýе:

---

(1) Не волновалъ.

(2) Слово, и Малороссіянамъ уже непонятное. По смыслу—мачты и паруса.— (3) Пчелы. — (4) Тучами. — (5) *У лякъ постановити* — привести въ ужасъ. —

(6) Эти два слова, можетъ быть, пѣлись старосвѣтскими баянами—*ратнымъ слугамъ*. Поправка позднѣйшихъ пѣвцовъ, или разскащиковъ имѣетъ свое основаніе и не уклоняется отъ смысла «старыхъ словесъ». Чуры у козаковъ были не только *ратными*, но и *радными* слугами (т. е. слугами-совѣтниками). Это не были конюшіе, или разсыльные, это были повѣренные величайшихъ тайнъ. Хмѣльницкій послалъ своего чуру къ женѣ Барабаша за бумагами, отъ которыхъ зависѣла судьба Малороссіи. Чура Палія, Стоусь, послѣдовалъ за нимъ въ Сибирь. Въ думѣ Андрея Шута о Хмѣльницкомъ говорится (Сборн. Метлинск. стр. 391):

Тогді жъ то не моглй знáти ні сóтники,
Ні полкóвники,
Ні чўри козáцькиі,
Ні мýжи громáдськиі,
Що нашъ панъ Хмельницький — —
У гòроді Чигрині задýмавъ вже й загадáвъ.

Що ні сòнъ не йде, ні хліба иззісти,
Ні водѝ испити...
Колибъ намъ чáсомъ [1] оттýтъ своіхъ дýшъ не положѝти!

Тогді старѝ гóлови стáли князя резòнити,
Що на сѝнёму мóрю імъ нічого боятись:
Бачъ, вонѝ свогó бóга Посвѝстача прохáли мòря не турбовáти.

Якъ тільки жъ до бéрега Християнського вонѝ стáли доплиBáть,
Ставъ чóрний орéлъ надъ мóремъ літáть,
А літáвши, ставъ вінъ гòлосомъ казáть: [2]
»Пхе, Рýська кòсть пáхне!«
Ставъ нарóдъ Християнсьский до мóря зихòдитьця
Да Бòга свогó прохáть,
Щобъ вінъ карабéлі врáжеськи вітромъ розогнáвъ,
Чи водóю потопѝвъ.
Ставъ Богъ Християнськии бýрю піднимàти
Да крýглее сѝне мóре изъ свогó лòжа вивертàти.
Тогді караблі по мóрю безъ ладý гуляли,
Чáйми іхъ вітромъ ламáло
Да по воді роскидáло.
Стáло вѝйсько князя стáршого у мòрі потопáть,
Ставъ тогді стáрший князь своімъ рáднимъ слýгамъ казáть:
»Эй ви, слýги мої вірнії! [3]
Не есть се богъ нашъ Посвѝстачъ Богъ настоящий,
Що вінъ сééі бýри не втишѝвъ,
Да нáши караблі въ такій сѝлі потопѝвъ.
Десь нашъ богъ Посвѝстачъ спàвъ,
Чи въ Макòши [4] гулявъ....
Есть-то Богъ настоящий
Богъ Християнський!«

Тогді стáрший князь кораблі свої остáнні завертàвъ,

---

[1] Подъ-часъ. — [2] Говорить.
[3] Этотъ стихъ подтверждаетъ предъидущее замѣчаніе.
[4] Макоша — Славянскій богъ тишины.

Да назàдъ одпливàвъ.
Якъ приïхавъ князь стáрший у свою невірную зèмлю,
Ставъ вінъ совітъ старúхъ людéй ззивàть да збирáть,
Да въ Християнську зèмлю посилáть,
Щобъ вонú тамъ віру займáли
Да Християнського Бóга и собі Бóгомъ зазнáли.

Дòвго старú гóлови мовчáли.
Однú своró стáршого князя одъ сёéі дýмки одвертàли,
Другиі самú еобі нарекáли,
А трéйті стáли стáршого князя вàжить, (1)
Щобъ швúдче човнú бударáжить (2)
Да у Християнську зèмлю одпливáть.

Стáли вонú виïжджàть,
Стáли тогді усі пúръ пировáть,
Да кріпкимъ мéдомъ дорòгу поливàть.
Не день и не двà вонú такъ гуляли,
Пóкіль ажъ посланці зъ стáршимъ княземъ назàдъ повертáлись.
У дудкú грáли
И въ брязкúти (3) бряжчáли...

Я тамъ булá,
Медъ-винó пилá,
По бороді теклó,
Да въ рòті не булó.
Зъ барúлечка горілочка буль-бýль,
А нáшимъ ворогáмъ сімъ дуль! (4)

Въ какое время была сложена эта дума?

Кто будетъ утверждать, что, хотя она относится и къ стариннымъ событіямъ, но сложена во времена козачества, тотъ не

---

(1) Убѣждать. — (2) Ладьи снаряжать. — (3) Бренчалки. — (4) Кукишей. — По древности воспоминанія, рядомъ съ этой думою должно поставить отрывокъ пѣсни о *разореніи Кіева Батыемъ*. (См. въ приложеніяхъ).

представитъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Я напротивъ полагаю, что она современна самому событію, въ ней воспѣтому, и только съ теченіемъ времени утратила мѣстами старинныя формы рѣчи: забывая ихъ понемногу, пѣвцы могли замѣнять утраченныя слова и выраженія соотвѣтствовавшими имъ изъ современнаго языка, подобно тому какъ и въ наше время общепонятные синонимы, а такъ-же Великорусскія слова и иногда цѣлыя рѣченія подмѣшиваются къ старинному языку думъ. (1)

Описывая странствованія Одиссея, Гомеръ заставляетъ его слушать рапсодіи, въ которыхъ воспѣваются его же подвиги. Изъ этого видно, что, по убѣжденію Гомера, героическія пѣсни слагаемы были Греческимъ народомъ на основаніи молвы, только что поражавшей его воображеніе. Рапсодіи народовъ Германскаго племени тоже слагались при жизни дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, или непосредственно послѣ ихъ смерти. На этомъ основаніи и Шиллеръ заставляетъ своего Рудольфа прослезиться въ день коронаціи отъ пѣсни о собственномъ подвигѣ благочестія. То же самое надобно сказать о произведеніяхъ Провансальскихъ трубадуровъ, объ Испанскихъ и о Шотландскихъ балладахъ. Наши пѣвцы такъ-же слагали свои думы непосредственно вслѣдъ за событіями, которыя давали строй ихъ мыслямъ, или въ честь, а пожалуй и въ порицаніе живущихъ лицъ. Такъ въ »Краткой Исторіи о Бунтахъ Хмѣльницкаго« , написанной современникомъ этихъ »бунтовъ« , говорится (на стр. 44), что невѣста Тимоѳея Хмѣльницкаго, наканунѣ свиданія съ нимъ, приказывала пѣть себѣ *о немъ* »думу козацкую« ; а въ Лѣтописи Величка (стр. 536) упомянуто, что епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, на досаду гетману Самойловичу, »зложилъ собою думу альбо пѣснь« о Вѣнской войнѣ.

---

(1) Недавно я слушалъ лирника Ѳедора Кононѐнка, въ селѣ Александровкѣ, Лубенскаго уѣзда. Въ думѣ объ Ивасѣ Вдовиченкѣ, онъ въ первый разъ пропѣлъ: *шáпку изъ головй знимáе,* а въ другой: *шликъ изъ главй здиймáе.* На вопросъ мой: отчего онъ неодинаково поетъ? онъ отвѣчалъ: »То я попрóстому співавъ, а ви оттáкъ записуйте: *шликъ изъ главй здиймáе.*«

Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири (1) говоритъ:

Ой де жъ то панъ Палій Семéнъ *тепéра* жури́тця!

Она сравниваетъ Мазепу, который, пожертвовавъ ду́шою, носитъ шитую золо́томъ свиту, съ Паліемъ, бѣдствующимъ въ Сибири:

Той, ду́шу закла́вши, свиту, ба́чъ, гапту́е,
А той по Сибіру — мовъ въ лу́зі дубу́е...

и унылымъ своимъ складомъ, чуждымъ всякаго утѣшенія, выражаетъ, что во время ея сочиненія Палій не былъ еще возвращенъ изъ Сибири, а Мазепа находился на верху своего могущества.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: Кто были слагатели историческихъ думъ и пѣсень?

Судя по нынѣшнимъ ихъ пѣвцамъ, можно бы было полагать, что такіе же слѣпцы были и ихъ авторами. Но отъ-чего же они теперь не сложили думы на 1812-й, или 1831-й годъ, въ подобіе тому, какъ нѣкогда кто-то сложилъ:

Шве́дського ро́ку, нещасли́вого літа:....?

Отъ-чего Гладкій, при рожденіи котораго затрепетала земля (см. выше, стр. 165), не воспѣтъ нищими слѣпцами такъ, какъ Палій, вѣрный слуга Царя Петра? Мнѣ скажутъ, что этому причиною общій упадокъ Малороссійскаго народнаго творчества, происходящій въ-слѣдствіе обобщенія національностей, или, что причиною этому отсутствіе старосвѣтской централизаціи Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отъ-части, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный

(1) «Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимовичемъ, стр. 113.

ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ — цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній Малороссійскаго поэтическаго генія и ни коимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики, или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ Греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ — отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи. Наши рапсодіи, въ которыхъ разсказываются такія подробности, какъ напримѣръ:

Пéрва (аренда) на Самáрі,
Дрýга на Саксáні,
Трéйтя на Гнилій,
Четвéрта на Пробóйній,
Пята на річці Кýдесці (¹)...

или:

Гóродъ Сорóку у неділю рáно задобідде взявъ,
На рінку обідъ пообідавъ,
Къ полýдній годині до гóрода Січáви припáвъ,
Гóродъ Січáву огнéмъ запалівъ и мечéмъ исплюндровáвъ (²)...

наши рапсодіи суть наши поэтическія лѣтописи. Гомеръ, сложившій Иліаду лѣтъ черезъ полтораста по разореніи Трои, не могъ иначе помнить всѣхъ Данайскихъ кораблей и разныхъ народцевъ съ ихъ исторіями, какъ посредствомъ подобныхъ обстоятельныхъ

(¹) См. выше, стр. 58.
(²) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 393.

рапсодій, въ которыхъ фантазія пѣвца опиралась безпрестанно на собственныя его воспоминанія. Онъ былъ Вальтеромъ Скоттомъ Греческой старины. Онъ собралъ память многихъ людей въ одну память и творчество многихъ умовъ въ одинъ умъ, сообщилъ всему этому единство представленія и слилъ отдаленнѣйшія преданія, легенды и пѣсни съ собственными впечатлѣніями, воспоминаніями и разсказами очевидцевъ ближайшей къ нему старины. Великія явленія въ исторіяхъ литературъ не повторяются въ точной параллели между собою, но, по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общаго; и потому наши пѣсни, сложенныя народомъ, послужатъ, — если не послужили уже отъ-части — къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго, въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго, цивилизованнаго общества. Мы и народъ — одно и то же, по нравственному развитію Малороссійскаго населенія, но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша построена прямо на началахъ его изустной *словесности* (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣе своихъ предшественниковъ, Украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части Малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ-уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?... Но возвратимся еще къ непрерывности народнаго поэтическаго творчества.

Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что̀ сюда относится, и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была

расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ Малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ *народной* жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое изчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни; а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создаетъ для себя новыя и новыя формы. Что̀ выйдетъ изъ Малороссійскаго цивилизованнаго общества, по-видимому совершенно отрѣшившагося отъ своего прошедшаго и доходящаго до безобразія въ стремленіи къ обобщенію съ общечеловѣческою жизнью, — мы не знаемъ, но не можемъ потерять (ибо не потеряли до сихъ поръ) вѣры, что эта сумятица понятій и убѣжденій, которая поражаетъ насъ въ его массахъ и отдѣльныхъ личностяхъ, подъ видимою своею безпорядочностію скрываетъ вѣрный ходъ къ высшему духовному развитію. Притомъ же никогда не должно терять изъ виду, что залоги грядущей жизни часто скрываются глубоко въ *народѣ* (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ) и что жизнь, составляя вообще тайну для ума чоловѣческаго, и тутъ не легко дается ему досмотрѣться до дѣйствительныхъ двигателей общественнаго развитія. Исторія ужъ много разъ изумляла насъ обнаруженіемъ глубоко вкоренившейся новой жизненной силы подъ омертвѣлыми, почти неподвижными остатками прошедшаго порядка вещей и слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій; но она еще никогда не отступала отъ законовъ преемства между стариною и новымъ временемъ. А потому и въ нравственной исторіи Южно-Русскаго племени движенія человѣческаго духа въ формахъ былого пе должны остаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій.

Итакъ вотъ мой отвѣтъ на вопросъ: почему современные слѣпые пѣвцы-нищіе не творятъ новыхъ думъ подъ-стать старымъ:

Spiewak niestety! spiewać nie mam komu.... (¹)

Поколѣніе простолюдиновъ отрѣшилось отъ своего прошедшаго въ-слѣдствіе новаго порядка вещей, по которому не масса народа, управляемая инстинктомъ, а извѣстное, ограниченное число людей, стремясь къ ясно понимаемымъ цѣлямъ, творитъ историческія обстоятельства. Оно отвыкло питаться поэтическою пищею воспоминаній, потому что новая обстановка жизни, мало-помалу подавила въ немъ симпатію къ тому, что̀ не напоминаетъ ему его положенія. Поэтому дума бандуриста, сложенная въ эпоху Хмѣльницкаго, производитъ слабое впечатлѣніе на народъ; а какъ поэтъ есть только собиратель въ одинъ фокусъ народныхъ чувствъ и мыслей, то и нѣтъ для бандуриста-простолюдина достаточнаго возбужденія на творчество. Мало того: онъ даже забываетъ заученныя отъ другихъ думы, по причинѣ апатіи и невниманія своихъ слушателей, какъ это выразилъ и самъ Архипъ Оржицкій, сколько былъ способенъ выразить (см. выше, стр. 13 — 14). Люди же новаго образованія, въ которыхъ возродилась сила народнаго духа, съ своей стороны не могутъ удовлетвориться воззрѣніемъ темнаго простолюдина на жизнь, и потому самому не даютъ ему поэтическаго возбужденія къ творчеству. Имъ нужны уже *поэты*, въ новомъ значеніи слова, — люди, окруженные одинаковымъ съ ними горизонтомъ, и творенія этихъ поэтовъ, даже ненапечатанныя, они знаютъ наизустъ, а произведенія ихъ, по обширности и формѣ неудобныя для сохраненія въ памяти, переписываютъ съ пожертвованіемъ значительнаго времени и издержекъ. Не говорю уже о сочиненіяхъ на Велико-русскомъ и на Польскомъ языкахъ такихъ писателей, какъ Гоголь и Богданъ Залѣскій. Бандура и пѣніе сдѣлались ненужными, по совершенству изложенія,

(¹) Т. е. Увы, я пѣвецъ, и некому мнѣ пѣть!

возбуждающаго внутреннею своею гармоніею поэтическое сочувствіе въ обществѣ: явленіе такъ-же не новое между народами.

Но одни ли только слѣпцы были въ-старину Малороссійскими рапсодами? Нѣтъ, и вотъ тому доказательства:

1. Въ думѣ о смерти козака-кобзаря, записанной г. Аѳанасьевымъ между Пырятиномъ и Прилуками ([1]), изображается козакъ, который вышелъ изъ битвы на израненномъ конѣ, съ переломаннымъ копьемъ, потерявъ саблю и выстрѣлявъ всѣ заряды. Онъ утоляетъ свою скорбь пѣснею о приближающейся смерти и игрою на бандурѣ, которую называетъ вѣрною подругою и къ которой обращается, какъ къ существу чувствующему. Изъ этой думы видно, что бандура бывала иной разъ такою жъ принадлежностью козака въ дорогѣ, какъ и люлька, ибо она названа *подорожнею,* и когда козакъ лишился всего, то —

Тількі й зостáлась ёмý *бандýра* подорóжняя
Та у глибóкій кишéні *люлька*-бурýнька.

Уже это сближеніе бандуры съ люлькою, которая, по извѣстной пѣснѣ, для козака нужнѣе жинки ([2]), показываетъ, какою употребительною вещью была она въ тѣ времена, когда человѣкъ жилъ на конѣ и не имѣлъ другой словесности и другого свидѣтельства о своихъ подвигахъ, кромѣ пѣсни. Но всего лучше прочитаемъ самую думу, которая не для всякаго памятна по сборнику.

ДУМА О СМЕРТИ КОЗАКА-БАНДУРИСТА. (*)

Ой на Татáрськихъ полѧ́хъ,
На козáцькихъ шляхáхъ,

(*) *Переводъ.* — На Татарскихъ поляхъ, на козацкихъ дорогахъ

([1]) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 443.
([2]) Мині зъ жінкою не возйтьця,
А тютю́нъ та люлька козакý въ дорóзі знадобйтця.

Не вовки́-сіроманці квилять-проквиляють,
Не орли́-чорнокрильці клекочуть и підъ небесами літають:
То сидить на могилі козакъ старесенький,
Якъ голубонько сивесенький,
У кобзу граe-вигравае,
Голосно співае...

Кінь біля ёго постріляний, порубаний,
Ратище поламане.
Піхви безъ шаблі булатноі,
У ладівниці ні однісенького набою.
Тількі й зосталась ёму бандура подорожняя,
Та у глибокій кишені люлька-бурунька,
Та тютюну півъ-папушки.

Козакъ серде́га люлечку потягае,
У кобзу грае-вигравае,
Жалібно співае:
»Гей, братця, пани молодці,
Козаки Запорозці!
Де ви ся повертаете.
Якъ ви ся маете?
Чи до Січи-матери прибуваете?

не сѣрые волки воютъ, не чернокрылые орлы клохчутъ и подъ небесами летаютъ: то сидитъ на курганѣ престарѣлый козакъ, сѣдой какъ голубь; онъ играетъ на кобзѣ, онъ громко поетъ...

Подлѣ него израненный пулями и саблями конь, изломанное копье, ножны безъ булатной сабли, и ни одного заряда въ ладункѣ. Только и осталась у него дорожная бандура да въ глубокомъ карманѣ бурая трубка, да полъ-папуши табаку.

Козакъ бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поетъ: »Гой вы, братцы, паны молодцы, козаки Запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? каково вамъ поводится? Возвращаетесь ли вы къ матери-Сѣчи, побиваете ли дубьемъ враговъ Ляховъ, загоняете ли въ по-

Чи до Січи-матери прибуваете,
Чи Ляхівъ-ворогівъ киями покладаете?
Чи Татаръ бусурменівъ малахаями, якъ череду, у полонъ заганяете?
Колибъ мині Богъ помігъ старі ноги росправляти,
За вами поспішати,
Може бъ ще я здужавъ на останку віку вамъ заграти,
Голосно заспівати!
Нехай би моя кобза знала,
Що мене рука Християнська поховала!
Ато пропаде моя кобза ні за собаку:
Лежатиме сама собі у степу, вивернувши угору с...!
А вже мині старенькому безъ кобзи пропадати:
Не зможу я по степахъ чвалати.
Будуть мене вовки-сіроманці зустрівати,
Будуть дідомъ за обідомъ коня мого заідати.
Кобзо жъ моя, дружино вірная,
Бандуро моя малёваная!
Де жъ мині тебе діти?
А чи у чистому степу спалити?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могилі положити?
Нехай буйний вітеръ по степахъ пролітае,
Струни твоі зачіпае,

лонъ нагайками бусурмановъ Татаръ, какъ стадо! Когдабы помогъ мнѣ Богъ расправить старыя ноги и поспѣшить за вами, то, можетъ быть, я бы еще былъ въ силахъ заиграть и громко запѣть вамъ при концѣ жизни! Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука Христіянская! Ато пропадетъ моя кобза ни за собаку: будетъ валяться въ степи, опрокинувшись къ-верху задомъ! Приходится мнѣ, дряхлому, погибать безъ кобзы: не въ силахъ я тащиться по степи. Повстрѣчаютъ меня сѣрые волки; конь мой будетъ имъ обѣдомъ, а я, старикъ, закускою. О кобза, подруга моя вѣрная, бандура ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебя? Сжечь ли мнѣ тебя и развѣять пепелъ по вѣтру, или положить на курганѣ? Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по степямъ, пусть

Смутнéсенько, жалібнéсенько грáе-вигравáе.
То, мóже, подорóжні козакú біґтимуть близéнько,
Почýють, що ти грáешъ жалібнéнько,
Привèрнуть до могúли....« (1)

Итакъ въ первыя времена козацкаго рыцарства бандура была не случайною вещью у воина; иначе она бы не была названа въ думѣ подорожнею и не упоминалась бы рядомъ съ люлькою.

2. Когда средоточіемъ Малороссійской національности, вмѣсто Запорожья, или *Полей*, сдѣлались *Города*, Запорожье и сюда перенесло многія черты свои. Бандура сдѣлалась на Украйнѣ общеупотребительнымъ инструментомъ у всѣхъ, кто самъ себя называлъ *козакомъ*, или кого другіе такъ называли. Чтобы въ козацкій вѣкъ и въ козацкомъ обществѣ называть себя козакомъ, или отъ другихъ получить такое названіе, для этого нужно было имѣть всѣ отличительныя свойства козацкаго характера, а въ томъ числѣ и искусство выраженія козацкихъ чувствъ. Объ этомъ мы можемъ догадываться по недавнимъ, существовавшимъ еще на на-

задѣваетъ твои струны и грустно, жалобно на нихъ наигрываетъ Можетъ быть, проѣзжіе козаки будутъ скакать близко; можетъ быть, услышатъ твой жалобный голосъ и поворотятъ къ кургану...«

(1) Думу эту надобно отнести къ первымъ временамъ козачества, когда убѣжищемъ Малороссійской національности была *Січь-мáти*, или *Полá*, какъ называлось вообще Запорожье, и когда съ одной стороны наши степные рыцари отражали напоръ невѣрныхъ Татаръ на Христіянскія земли, а съ другой боролись за свое существованіе съ Польскими коронными гетманами, которые, не зная какъ согласить поступки Запорожцевъ съ общими интересами государства, не разъ готовы были уничтожить ихъ совершенно. Всѣ думы временъ Хмѣльницкаго имѣютъ своею почвою *Городá*, или собственно *Украйну*, и не говорятъ ничего о враждѣ къ Татарамъ, которые въ то время были союзниками козаковъ. Всѣ послѣ Хмѣльницкаго сложенныя думы такъ сильно проникнуты духомъ партій, что ни одинъ бандуристъ не могъ бы сложить пятидесяти стиховъ, не упомянувъ въ нихъ ни объ одномъ изъ лицъ, подъ знаменами которыхъ дѣйствовали тогда раздробленные интересы Малороссіи.

шей памяти бандуристамъ не-слѣпцамъ и не-нищимъ: они были именно тѣ люди въ народѣ, которыхъ выразительно называли *козаками*. Это были большею частью удалые, молодцоватые парубки, которые, женясь и сдѣлавшись степенными людьми, только подъ веселую (попросту — пьяную) минуту брались за бандуру и плясали подъ нее съ чаркою на головѣ, а иной разъ и плакали. Теперь ужъ эти козаки между козаками измельчали, въ-слѣдствіе перехода дѣятельной силы народнаго духа въ другой классъ общества; бандуры ихъ раскололись въ щепья, и они — если чувствуютъ въ себѣ музыкальныя способности — дѣлаются свадебными музыкантами на скрипкахъ и басахъ. Но въ-старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гуслямъ, которыя, по преданію о Царѣ Давидѣ, были присвоены особамъ духовнаго сана, или тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для буйной козацкой, подъ-часъ цинической поэзіи [1]. Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири показываетъ, какое важное значеніе имѣла бандура въ жизни козака. Въ этой пѣснѣ, исполненной глубокой грусти, какъ по содержанію, такъ и по напѣву, представляется козацкій предводитель тоскующимъ въ удаленіи отъ родины и отъ восхода до захода солнечнаго бродящимъ по Сибирской пустынѣ:

Висóко сóнце схóдить, низéнько ложи́тця;
Ой десь-то панъ Палій Семéнъ тепéра жури́тця?
Висóко сóнце схóдить, низéнько захóдить:
Ой десь-то панъ Палій Семéнъ по Сибíру брóдить!

Онъ ищетъ утѣшенія въ религіи; онъ чувствуетъ приближеніе старости и кается въ грѣхахъ своихъ:

---

[1] Еще недавно на гусляхъ игривали въ Малороссіи дворяне стараго вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпого пѣвца-нищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

»Ой чу́ро мій, чу́ро, мій вірний Стоу́сю!
Ой ходімо у каплицю, Бо́гу помолюся.
Ой Бо́гові помолюся, святи́мъ поклонюся:
Зледащівъ же я, пону́рий, старѐнькимъ здаюся,
Старѐнькимъ здаюся, молитися му́шу!
Хай ми́лує Милости́вий мою́ грішну ду́шу!«

Это одно средство къ облегченію *пону́рой* души изгнанника, такъ какъ религіозное начало, то есть стремленіе къ безконечному, лежитъ въ основѣ Малороссійскаго характера. Но человѣкъ не можетъ оставаться долго на высотѣ религіознаго возношенія души къ Богу; земная тоска имѣетъ всегда свою долю въ душѣ его:

Пішо́въ панъ Палій Семе́нъ Бо́гові молйтьця, —
Не то Бо̀гові молйтьця, а не то журйтьця.

Отводомъ этоіі тоски служитъ человѣку философія, которая въ ней самой беретъ свое начало, но, развиваясь болѣе и болѣе, возвращаетъ человѣку утраченное спокойствіе. Палій естественно долженъ былъ въ своемъ одиночествѣ утолять душевную скорбь философскими сѣтованіями, отъ которыхъ одинъ только шагъ до высшаго утѣшенія (хотя этотъ шагъ дѣлаютъ немногіе). Но посмотрите, что̀ служитъ ему органомъ скорби: бандура и пѣсня:

Прийшо́въ панъ Палій додо̀му да й сівъ у паміті,
На банду́рці виграва́ѐ: »Ли́хо жи́ти въ світі!«
Той, ду́шу закла́вши, свиту, ба́чъ, гапту́е,
А той по Сибіру мовъ у лу́зі дубу́е!«

Бандура здѣсь упомянута не для украшенія стиха. Строгій характеръ исторической Малороссійской пѣсни вообще, и этой въ особенности, не допускаетъ никакихъ украшеній, въ противорѣчіе дѣйствительности. Исчисленіе вещей и предметовъ природы въ нашихъ пѣсняхъ основано всегда на исторической истинѣ: фантазія пѣвца свято ее уважаетъ, и это составляетъ одно изъ су-

щественныхъ достоинствъ Малороссійскаго эпоса. Пѣвецъ, изображая Палія съ бандурою въ рукахъ по возвращеніи съ молитвы, не могъ бы не чувствовать неестественности этого положенія, еслибъ оно не было въ обычаяхъ того времени и не согласовалось съ понятіями народа о томъ, какъ долженъ проводить свое время въ Сибири такой рыцарь, какъ Палій. А два способа душевнаго изліянія, религіозный и поэтическій, взятые въ пѣснѣ и поставленные рядомъ, показываютъ, что бандура и пѣсня заступали въ-старину второе мѣсто послѣ возношенія души къ Богу въ молитвѣ.

3. Въ старосвѣтскихъ мѣщанскихъ и козацкихъ свѣтлицахъ можно до сихъ поръ встрѣтить изображеніе Запорожца во всей красѣ его. Онъ сидитъ, сложивъ накрестъ ноги, и играетъ на бандурѣ; подлѣ него, въ лѣсу, пасется конь, а вдали на деревѣ виситъ ногами къ-верху Жидъ, а иногда и Ляхъ. Г. Скальковскій, съ свойственнымъ ему искусствомъ объяснять козацкую исторію, замѣчаетъ въ своей книгѣ: »Наѣзды Гайдамакъ« (стр. 153), что висящая на деревѣ фигура есть козакъ и что она представляетъ изображеніе участи, которая ожидаетъ въ Польшѣ всякаго гайдамацкаго предводителя. Но въ стихахъ, списанныхъ имъ же съ такой картины и помѣщенныхъ вслѣдъ за объясненіемъ, Запорожецъ выражаетъ торжество свое надъ Поляками и Жидами и безпечно шутитъ по-Запорожски съ читателемъ:

Въ мéне ѝмя не однò, а есть іхъ до-кàта;
Такъ зовýть, якъ набіжѝшъ на якóго свáта:
Жѝдъ зъ бíди за рідного бàтька почитáе,
Милостѝвимъ добрòдіемъ и Лѧ̀хъ назиáе.
А ти якъ хòчъ назовѝ — на всё позволяю,
Аби-бъ тільно не крàмаремъ, бо за те полàю.

Эти надписи имѣютъ множество варіантовъ, но всѣ онѣ, какъ видно, пошли отъ одного стихотворенія какого-нибудь маляра, который »удралъ« для кого-то Запорожца со всѣми его принадлеж-

ностями и выразилъ его философію въ полукнижныхъ виршахъ. ([1]) Одна надпись начинается такъ:

Струни мої золотиї! заграйте мні стиха,
Ачей ([2]) козакъ-нетяжище позабуде лиха....

Это двустишіе напоминаетъ общій тонъ пѣсни о Паліи и назначаетъ бандурѣ ея обычную роль въ жизни козака. Народъ полюбилъ изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ; а если полюбилъ народъ, это значитъ, что изображеніе похоже на свою натуру, то есть, что съ понятіемъ о Запорожцѣ въ умѣ народа непремѣнно соединялась бандура. Но этотъ инструментъ не имѣлъ для него смысла балалайки. Воззвавъ къ своимъ золотымъ струнамъ, Запорожецъ выражаетъ глубокую тоску о своей бурлацкой, бѣдственной, хоть и разгульной подъ-часъ жизни. Хоть онъ и говоритъ, что у нихъ въ Сѣчи *гладко пьють, якъ зъ лука бьють* съ утра до ночи; хоть онъ и хвалится своими молодецкими подвигами; но тутъ же, въ комическихъ краскахъ, изображаетъ безсиліе грядущей старости, — разумѣется, одинокой и безпріютной посреди черстваго *товариства*, и во всей стихотворной рѣчи его слышится то же самое, что выражала и бандура Палія, именно: *Лихо жити въ світі!*... Таково было значеніе бандуры для козака въ старыя времена, таково оно, въ понятіи народа, и до сихъ поръ. Это органъ для выраженія глубокихъ душевныхъ движеній, а не веселый инструментъ для танцевъ, хотя веселость, или комизмъ въ Малороссійскомъ характерѣ всегда идетъ объ руку съ грустью (какъ это доказалъ и нашъ Гоголь), и бандуристъ *зъ журби* можетъ ударить плясовую, какъ-бы желая закружиться въ вихрѣ танца и позабыть на время тоску свою.

4. Если, такимъ образомъ, старый воинъ, въ послѣдній свой

([1]) Вспомнимъ Запорожца, который рисовалъ костюмы для «Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи», Ригельмана. Такой мастеръ могъ сочинить изображеніе Запорожца-кобзаря и стихи подъ нимъ, которые сдѣлали народною и самую картину. — Полную надпись помѣщаю въ приложеніяхъ. — ([2]) Авось-либо.

часъ, обращался къ бандурѣ съ рѣчью, какъ къ живому существу, и передавалъ ей грусть о близкой кончинѣ вдали отъ товарищей; если изгнанникъ въ Сибири выражалъ этимъ органомъ свои мысли и чувства на тему: *Лйхо жйти въ світi!* если чубатый Запорожецъ взывалъ къ золотымъ струнамъ въ надеждѣ позабыть, при звонѣ ихъ, о своихъ бѣдствіяхъ: то какъ не заключить, что такія думы, какъ о дарахъ Баторія, какъ о походѣ Серпяги, или о походѣ Сомка Мушкета, или о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами? Владѣя инструментомъ и глядя на событія сквозь призму цвѣтистаго Украинскаго воображенія, неужели они только повторяли думы слѣпцовъ, а сами ихъ не складывали? Гораздо естественнѣе было слѣпцамъ, посѣщая козацкіе таборы и бесѣды для милостыни, наслушаться козацкихъ пѣсень и потомъ распѣвать ихъ на *прйспахъ* подъ сельскими хатами. Имъ принадлежатъ, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельностью описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операцій войны показываютъ, что онѣ вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явленій. (¹)

5. Такъ какъ думы слагались немедленно послѣ всякаго событія, потрясавшаго »козацкій народъ«, и какъ многія лица, владѣвшія бандурою, безъ сомнѣнія, импровизировали подъ нее свои впечатлѣнія и воспоминанія, подобно Палію въ Сибири, или старому козаку, вышедшему изъ битвы на израненномъ конѣ; то можно судить, какое обиліе произведеній эпической изустной поэзіи существовало въ длинный періодъ времени отъ морскихъ походовъ первыхъ Кіевскихъ князей до переходной эпохи, въ которую народное

(¹) Напомню читателю стихъ изъ пѣсни, о которой буду говорить подробно ниже:

Не попустімо Ляхові Польщи!

Бандуристъ-слѣпецъ сказалъ бы: *Не попусти, Бóже!* или: *Не попустіте, козакй!*

творчество сдѣлалось достояніемъ людей новаго вѣка. Лѣтописцы наши вовсе не упоминаютъ о думахъ, такъ какъ-бы ихъ никогда и не пѣлось; но они молчатъ и о пѣсняхъ, которыми до сихъ поръ сопровождается каждое обстоятельство въ жизни Малороссійскихъ поселянъ. Будучи почти исключительно отшельниками, они до временъ Хмѣльницкаго едва считали нужнымъ записывать въ своихъ *кронічкахъ*, что въ такомъ-то году была война *Круковщина*, а въ такомъ *Таборщина*, и т. д. Только эпоха Хмѣльницкаго вовлекла иноковъ и всѣхъ грамотныхъ людей въ интересы козачества и заставила ихъ кой о чемъ пораспространиться. Но существованіе, въ формѣ думы, такого стариннаго воспоминанія, какъ походы нашихъ аргонавтовъ, показываетъ, что она ведетъ свое начало съ того времени, когда въ мирномъ племени Полянъ образовалось воинственное и предпріимчивое общество, подъ предводительствомъ Балтійскихъ Руссовъ. Разумѣется, старыя риѳмованныя, или тоническія сказанія слагались для извѣстнаго класса слушателей и въ этомъ классѣ сохранялись посредствомъ одной памяти. Грамота въ то время была такимъ дѣломъ, которое можно было употребить только для переписки священныхъ книгъ, для сохраненія договорныхъ статей да для записыванія, что такой-то князь сѣде на такомъ-то столѣ, а такой-то пріиде войною на такого-то. До инока, погребеннаго заживо въ пещерѣ, не доходили воинственныя пѣсни княжеской дружины; если же онъ и слышалъ ихъ, появляясь изрѣдка на княжескомъ дворѣ, то осуждалъ, какъ суету мірскую, вмѣстѣ съ *сопѣлями* и *гуслями*, которыя имъ вторили. Времена удѣловъ благопріятствовали еще менѣе сохраненію на бумагѣ старинныхъ думъ. Только необъяснимая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну думу *о полку Игоревѣ*, но и та дошла до насъ въ искаженномъ видѣ. Понятія тогдашнихъ переписчиковъ допускали измѣненія въ чужомъ сказаніи по собственному вкусу, и какой-нибудь Владимірецъ, добиваясь отъ поэмы лѣтописнаго интереса, могъ потрудиться надъ старой, или оригинальной рукописью по-своему, чтобы разоблачить ее отъ риѳмъ, которыя только случайно кое-гдѣ уцѣлѣли. Но,

может быть, это было совсѣмъ иначе: может быть, уроженецъ безриѳменной страны слыхалъ рапсодіи южныхъ пѣвцовъ и, въ подражаніе имъ, сложилъ полу-думу, полу-лѣтопись объ Игорѣ, не усвоивъ себѣ южной риѳмы. Противъ этихъ парадоксовъ можно возразить только парадоксами, потому что область старосвѣтской поэтической дѣятельности на Руси расширяется вокругъ »Слова о Полку Игоревѣ« темною пустынею, въ которой только гдѣ-товдали слышенъ голосъ Бояна, *соловья стараго времени*... Для состязающихся нѣтъ никакихъ опоръ, ни орудій. Дѣло кончается на догадкахъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. Положимъ, что »Слово о Полку Игоревѣ« есть произведеніе, независящее отъ думъ; но способность Южно-Русскаго племени къ эпическому творчеству не могла пробудиться только съ возрожденіемъ княжескихъ дружинъ подъ формами козачества. Существуя въ эту эпоху, она должна была существовать и въ эпохи отдаленнѣйшія, какъ тому служитъ доказательствомъ и приведенная выше дума объ аргонавтахъ Южно-Русскихъ. Если же при жизни козаковъ объ ихъ подвигахъ уже слагались думы, то почему было князьямъ не получать подобной хвалы отъ современныхъ имъ Бояновъ? Объ этомъ ясно говорится въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«: *....пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславличю.* Или: *О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ!... пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку.* Самый заключительный куплетъ поэмы: *Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побороя за Христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!* очень похожъ на окончанія многихъ нашихъ думъ, и всего болѣе на заключительные стихи думы о Паліи и Мазепѣ:

Дай, Бо́же, честь и хвалу́
Свiтъ пра́ведному Государю́,
Та й Семе́ну Палiю́, превели́кому па́ну,
Що не давъ Шве́ду Христiя́нъ на пота́лу!

Ой дай, Боже, усімъ Христія́намъ мно́гая літа
Та щасли́вого прожи́тия у сімъ світі! (¹)

Да и до сихъ поръ еще остались въ народѣ слѣды старинныхъ славословій князьямъ, то есть предводителямъ войска. Въ *щедрый вечеръ,* наканунѣ новаго года, толпа народа, подойдя къ окну дома, котораго хозяина зовутъ, положимъ, Александромъ, поетъ:

Сла́венъ, сла́венъ да панъ Олекса́ндра!
Ще́дрий ве́чіръ!
Ой чимъ же вінъ сла́венъ? трома́ города́ми.
Ще́дрий ве́чіръ!
Тромя́ города́ми, своіми сина́ми.
Ще́дрий ве́чіръ!

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе городовъ, которыми обыкновенно бываютъ Кіевъ, Черниговъ и тотъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ, и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу. Къ сожалѣнію, я не помню словъ этой *щедрівки,* слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома. Но каждый согласится, что она изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ. Что̀ значитъ припѣвъ: *Ще́дрий ве́чіръ?* Не было ли въ-старину опредѣленныхъ вечеровъ, въ которые князья слушали собственное славословіе и *щедро* угощали, или награждали пѣвцовъ, какъ это и теперь дѣлается хозяиномъ дома, которому *щедру́ютъ*? (²)

Итакъ, по одному уже обычаю слагать думы въ честь князьямъ, а потомъ въ честь козацкимъ *ли́царямъ* и по легкости Малороссійскаго речитатива, можно заключить, что пѣсенность въ старыя времена Южной Руси была въ сильномъ развитіи, и что эпосъ былъ такъ употребителенъ между рыцарствомъ, какъ ли-

(¹) «Запорожская Старина», изд. Срезневскаго, т. II, стр. 75.
(²) Трубадуры по оканчаніи своихъ пѣсень восклицали: Largesse! largesse!

рическая поэзія — между женщинами. Но здѣсь представляется еще одно заключеніе. Въ женскихъ пѣсняхъ языкъ, независимо даже отъ дивной текучести стиха, обработанъ до изумительной степени совершенства. Вы не встрѣтите слова, сколько-нибудь вялаго, или плохо подобраннаго. Какъ зерна въ хорошемъ колосѣ, такъ слова въ лучшихъ, неискаженныхъ еще нашихъ пѣсняхъ, набраны всё здоровыя, звучныя и полновѣсныя. Въ изложеніи замѣтенъ строгій вкусъ; въ звукоподражаніяхъ языкъ доведенъ до послѣдней своей гибкости, съ сохраненіемъ въ то же время мужественнаго, густого тона. Какъ произошли всѣ эти явленія? Неужели языкъ женскихъ пѣсень обработывался отдѣльно и дошелъ самъ собой до такого совершенства? Или женщины наши заговорили о своихъ чувствахъ только со временъ козачества, и въ короткое время, безъ пособія письменности, успѣли возвести рѣчь свою на такую высокую степень красоты? Нѣтъ, тутъ надобно предполагать трудъ нѣсколькихъ столѣтій, и исторія другихъ языковъ показываетъ, какъ медленно совершается подобная обработка. Собственно женщинамъ нашимъ принадлежитъ только несравненная ни съ чѣмъ пѣвучесть стиха, но мужественный звонъ его и сила его словъ находятся въ явномъ соотношеніи съ языкомъ думъ и мужскихъ пѣсень. Дума была первою формою, изобрѣтенною нашими древними Боянами, для того, чтобы *ущекотать,* подобно соловью, какой-нибудь побѣдоносный полкъ съ его княземъ, и безчисленныя битвы старосвѣтскихъ дружинъ давали имъ поводъ къ безчисленнымъ славословіямъ, въ свободной формѣ думы. Немудрено, что эти славословія, наполненныя собственными именами, какъ и поэма объ Игорѣ, и наши историческія думы, были перезабыты, когда въ гражданской жизни Южныхъ Руссовъ случился перебой, разогнавшій и истребившій талантливыхъ пѣвцовъ ихъ, и что они воскресли только съ козачествомъ. Подобное явленіе совершается передъ нами и въ настоящее время, не смотря на то, что все населеніе Малороссіи остается на мѣстѣ и что только новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ.

Приведу еще два факта изъ исторіи Южно-Русской народной

словесности, въ доказательство того, что эпосъ былъ развитъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ въ древней, а потомъ и въ козацкой Руси и что Боянами не были нищіе (которыхъ одна необходимость заставляетъ изучать козацкія думы), а сами рыцари, сами дѣятели и свидѣтели геройскихъ подвиговъ.

6. Мнѣ неоднократно случалось слышать отъ старыхъ людей, что въ-старину появлялись иногда въ какомъ-нибудь пиршественномъ, или иномъ сборищѣ странствующіе пѣвцы, которые въ-теченіе нѣсколькихъ часовъ, а иногда и цѣлаго дня занимали общество пѣснями о старинѣ, и что эти пѣсни перебирали одного гетмана за другимъ, описывая старыя войны и приключенія. Къ сожалѣнію, случайные свидѣтели такихъ явленій не знали имъ цѣны, или даже находились еще въ дѣтскомъ возрастѣ и, только по соображенію съ позднѣйшими понятіями о народной поэзіи, догадывались, что передъ ними въ то время происходило. Сами нынѣшніе пѣвцы историческихъ думъ, какъ Андрей Александровскій и Архипъ 'Оржицкій, вспоминаютъ о своихъ наставникахъ, что они знали думы о многихъ гетманахъ и что передали имъ только нѣкоторыя. Ни одинъ бандуристъ не сказалъ еще мнѣ, что онъ изучилъ *всѣ* думы своего учителя. Зная по извѣстнымъ намъ пьесамъ, какъ удобно историческія событія, со всѣми мелочными обстоятельствами, укладываются въ форму думы, мы можемъ, со всѣмъ правдоподобіемъ, заключить, что память старосвѣтскихъ бандуристовъ хранила въ себѣ риѳмованныя лѣтописи былого, въ которыхъ исторія фактовъ сочеталась съ исторіей души народа. Эти лѣтописи едва-ли не навсегда утрачены, по милости старинной схоластической образованности, которая считала достойными памяти потомства только свои бездушныя произведенія.

7. Въ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ Кутѣ живетъ зажиточный старикъ-слѣпецъ Ригоренко, которому въ его молодости одинъ Запорожецъ продалъ свою осьмиструнную бандуру. Эта бандура была неразлучною спутницею жизни »добраго молодца« до разрушенія и по разрушеніи Сѣчи. Онъ рѣшился разстаться съ нею единственно изъ крайней нужды

въ деньгахъ и разстался со слезами и съ причитаньями, похожими на причитанья по мертвомъ:

»Ти жъ булá моéю втіхою (говорилъ онъ), ти жъ розважáла менé у всякій пригóді. Багáто людéй вельмóжнихъ, багáто лицáрства слáвного и всякого нарóду правослáвного слýхали твоіхъ пісéнь! Де ти не бувáла, якóі пригóди не дознáла? Чи рáзъ же ти мою гóлову и зъ шинку визволяла? Чи рáзъ же ти въ застáві лежáла, та й нігдè жъ ти не застряла! А тепéръ довелóсь мині съ тобóю розлучáтись, за чотирі карбóвании рублі тебé въ чужі рýки оддавáти, та й по вікъ вішний, мóже, тебé не видáти!« и т. п.

Запорожецъ, по словамъ Ригорéнка, зналъ безчисленное множество пѣсень и думъ о старинѣ и нѣкоторыя передалъ ему. Ригорéнко усвоилъ бы ихъ и всѣ, но Запорожецъ умеръ, не успѣвъ передать ему всего, чтò зналъ и, можетъ быть, скомпоновалъ собственнымъ *замышленіемъ*. Свѣжая пора жизни самого ученика его прошла, какъ сонъ; наступившая старость, вмѣстѣ съ перемѣною вкуса слушателей, затмила въ его памяти и то, чтò зналъ онъ. Когда познакомился съ нимъ ревностный собиратель пѣсень М. В. Нѣговскій, его бандура съ оборванными струнами давно уже валялась въ коморѣ на полицѣ, и охладѣвшій къ своему ремеслу пѣвецъ съ трудомъ могъ припомнить нѣсколько думъ, которыя были переданы ему Запорожцемъ. Эти немногіе остатки отъ пѣсень *послѣдняго менестреля* козацкаго чрезвычайно, однакожъ, важны и въ своемъ разрозненномъ и искаженномъ видѣ. Они расширяютъ передъ нами область фантазіи старосвѣтскихъ пѣвцовъ нашихъ и сильно говорятъ воображенію о тѣхъ утраченныхъ рапсодіяхъ, къ которымъ они примыкали если не по содержанію, то по характеру поэтической живописи. Принося отъ лица всѣхъ цѣнителей памятниковъ нашей народной поэзіи благодарность г. Нѣговскому за доставленіе мнѣ этихъ драгоцѣнностей, помѣщаю ихъ въ моемъ сборникѣ. Одна изъ нихъ, о *Гáнжѣ Андыбéрѣ* извѣстна уже по моему списку, напечатанному въ сборникѣ пѣ-

сень А. Л. Метлинскаго (стр. 377); но г. Нѣговскій открылъ весьма важный варіантъ этой думы, въ которомъ многія мѣста написаны гораздо сильнѣе, нежели въ речитативѣ Андрея Шута. Зато онъ слабѣе въ цѣломъ и въ немъ потеряна основная мысль рапсодіи — вражда войсковой черни къ *дýкамъ*, захватившимъ въ свои руки лучшія земли и угодія. Тотъ и другой речитативы имѣютъ полную свою цѣну только въ совокупности, и такъ какъ дума Андрея Шута напечатана уже въ ея первоначальномъ видѣ, то я, не опасаясь исказить ее неудачными вставками, дополнилъ ее здѣсь лучшими мѣстами изъ списка г. Нѣговскаго; а чтобы чрезъ то не скрыть отъ читателей всѣхъ отличій и этого списка, помѣщаю изъ него въ приложеніяхъ все, что̀ не вошло въ сдѣланное мною дополненіе думы Андрея Шута.

1.

ДОПОЛНЕННАЯ ДУМА О ГАНЖѢ АНДЫБЕРѢ. (*)

Ой по̀лемъ, по̀лемъ Килиімськимъ,
Битимъ шля̀хомъ Ордиінськимъ,
Гей гуля̀въ, гуля̀въ бідний коза̀къ-нетя̀га сімъ го̀дъ и чотирі,
Та потеря̀въ съ-підъ себе́ три ко̀ні вороніі.
На двана̀дцятий годъ повертáе —
Коза̀къ-нетя̀га до го̀рода Черка̀съ прибува̀е.
На козаку̀, бідному нетя̀зі,
Три сірома̀зі,
Опанчѝна рогозова̀я,

(*) *Переводъ*. — По Килійскому полю, по торной Ордынской дорогѣ, гулялъ бѣдный козакъ-*нетяга* (бездомный) семь лѣтъ и четыре и потерялъ троихъ верховыхъ вороныхъ коней. Наступаетъ двѣнадцатый годъ — козакъ-нетяга прибываетъ къ городу Черкасамъ. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ три сермяги, эпанчишка изъ ситника, поясишка изъ хмѣлю. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ сафьянцы — видать пяты и пальцы;

Поясйна хмеловáя
На козакý, бідному нетязі, сапъянці —
Видні пяти и пáльці,
Де стýпить — бóсоі ногй слідъ пише.
А ще на козакý, бідному нетязі, шáпка-бирка —
Звéрху дірка,
Хýтро гóле, окóлиці Бігъ-мáе;
Вонá дощéмъ покрйта,
А вітромъ, на слáву козáцьку, підбйта.

Ищé жъ то козáкъ, бідний нетяга, до гóрода Черкáсъ прибуває,
Нáсті Горовóі, кабáшниці степовóі, шукáе-питáе.
Скóро козáкъ, нетяга Нáсті Горовóі, кабáшниці степовóі-допитáвся,
Зáразъ у світлйцю вбрáвся.
Тамъ пилй три Ляхй,
Дýки-срібляникй:
Пéрвий пивъ Гаврйло Довгопóленко Перейславський,
Другий пивъ Вийтéнко Ніженський,
Трéтій пивъ Золотарéнко Черніговський. [1]
Отъ вони пилй-підпивáли,

гдѣ ни ступитъ — слѣдъ босой ноги оставляетъ. А еще на бѣдномъ козакѣ-нетягѣ баранья шапка — сверху дыра, мѣхъ вылѣзъ, околышка нѣту; дождемъ шапка покрыта, а вѣтромъ, на козацкую славу, подбита.

Прибываетъ бѣдный козакъ-нетяга въ городъ Черкасы и спрашиваетъ, гдѣ живетъ Настя Горовая, кабачница степная. Лишь только отыскалъ ее, тотъ-часъ ввалился въ свѣтелку. Тамъ пили три Ляха, дýки-богачи: первый Гаврило Довгопóленко Переяславскій, другой Войтéнко Нѣжинскій, третій Золотарѐнко Черниговскій. Пьютъ они, гуляютъ и под-

---

(1) Въ думѣ Ригорéнка эти имена переиначены, а именно: ***Киевський Вийтéнко***, ***Перейславський Суддéнко***, ***Гаврйло Крилівський Довгопóленко.*** Я удержалъ имена, исчисленныя Андреемъ Шутомъ, потому что они складомъ своимъ напоминаютъ народныя названія полковниковъ. На примѣръ, Василій Золотаренко назывался въ народѣ ***Васютою Ніженськимъ***, Мартинъ Пушкарь — ***Мартйномъ Пушкарéмъ Полтáвськимъ***, и т. д.

Съ козака́-нетя́ги насміха́лись,
На шинка́рку поклика́ли:
»Гей шинка́рко Горова́я,
На́сте молода́я!
До́бре ти дба́й —
Намъ соло́дкі меди́, окови́ту горі́лку щѐ підсипа́й,
Сего́ козака́, пресу́чого си́на, у поти́лицю съ ха̀ти випиха́й;
Бо десь він̀ъ по ви́нницяхъ, по брова̀рняхъ валя́вся,
Опали́вся, оша̀рпався, обідра́вся,
До насъ прийшо̀въ добува̀ти,
А въ и́ншу корчму́ бу́де нести́ пропива̀ти.«

Тоді шинка́рка Горова̀я,
На́стя, каба́шниця степова́я,
Козака́-нетя́гу за́ чубъ бра̀ла,
Въ поти́лицю съ ха̀ти вибива̀ла.
То коза́къ-нетя̀га до́бре дба̀е,
Коза́цькими пя́тами опина̀е.
По́ти пя̀вся,
По́ки до поро̀га добра́вся.
Коза́цькими пя́тами за порігъ зачепа́е,
А коза́цькими рука́ми за одвірки хапа́е,
Підъ мі́сникъ го̀лову коза́цьку молоде́цьку хова́е.

Тоді два Ляхи́, ду́ки-сріблянники́, на ёго́ поглядà̀ли,

смѣиваются надъ козакомъ-нетягою и говорятъ: »Эй *шинка́рка* (продавица напитковъ) Горовая, Настя молодая! прибавь намъ сладкихъ медовъ и доброй водки, а этого каналью козака вытолкай въ-зашей изъ хаты. Онъ валялся гдѣ-то по винокурнямъ, по пивоварнямъ, кругомъ обгорѣлъ, оборвался и пришелъ къ намъ на заработки, а заработавши пропьетъ не въ твоей, а въ другой какой-нибудь корчмѣ.«

Тогда шинкарка, Настя Горовая, кабачница степная, беретъ козака-нетягу за чубъ и толкаетъ въ-зашей изъ хаты. А козакъ-нетяга упирался козацкими пятами, пока дошелъ до порога; а тамъ зацѣпился ко-

Зъ ёго насміхали,
А третій, Гаврило Довгополенко Переяславський, бувъ обатний:
Изъ кармана *людську денежку* виймавъ,
Насті кабашній до рукъ добре оддававъ,
А ще стиха словами промовлявъ:
»Гей«, каже, »ти, шинкарко молода, ти, Насте кабашна!
Ти«, каже, »до сіхъ біднихъ козаківъ-нетягъ хочъ злая, да й обашна:
Колибъ ти добре дбала,
Сю денежку до рукъ приймала,
До погреба одходила,
Хочъ нороцового пива уточила,
Сему козаку, бідному нетязі, на похмілле живітъ ёго козацький скрепила.

Тоді Настя Горовая,
Шинкарка степовая,
Сама въ лёхъ не ходила,
Да наймичку посилала:
»Гей, дівко наймичко!
Добре ти вчини,
Кінву-чвертівку въ руки вхопи

зацкими пятями за порогъ, схватился козацкими руками за косяки. а козацкую, молодецкую голову спряталъ подъ *мисникъ*. (¹)

Смотрять на него Ляхи, дуки-богачи, и смѣются. Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгополенко Переяславскій, былъ человѣкъ толковый: онъ вынулъ изъ кармана *людскую денежку*, подалъ Настѣ кабачной и сказалъ: »Эй ты, молодая шинкарка, ты, Настя кабачная! ты хоть и зла на этихъ бѣдныхъ козаковъ-нетягъ, но разсудлива. Возьми-ка эту денежку, поди въ погребъ, наточи хоть мартовскаго пива, чтобъ этотъ бѣдный козакъ-нетяга подкрѣпилъ на похмѣльи свой козацкій животъ.

Не пошла Настя Горовая, кабачница степная, сама въ погребъ, а послала служанку: »Эй, дѣвушка-служанка! захвати-ка съ собой чет-

(¹) *Мисникъ* — полка надъ дверью, для мисокъ. Здѣсь выражается высокій ростъ козака-нетяги, который досягнулъ головой до полки (а полка обыкновенно находится подъ самымъ потолкомъ), и не только досягнулъ, но еще наклонился, чтобы спрятать голову отъ Насти.

Та въ лёхъ убіжи,
Та вісімъ бочокъ мини,
А зъ девятоі поганого пива наточи.
Якъ маемъ ми ёго свинямъ виливати,
То будемъ ми ёго на такихъ нетягъ роздавати.«

Тоді дівка наймичка у лёхъ убігала,
Та девять бочокъ минала,
Та зъ десятоі *пъяного чола* меду наточила.
Та въ світлицю вхождае,
Свій нісъ геть одъ кінви одвертае,
Буцімъ-то те пиво воняе.

Якъ подали козаку въ руки ту кінву,
То вінъ ставъ біля печи
Та й почавъ підпивати пивце грече.
Взявъ, разъ покоштувавъ, у-друге напився,
А въ-трете якъ узявъ ту кінву за ухо,
То зробивъ у тій конівці сухо.
Якъ ставъ козацьку хміль голову розбірати,
Ставъ козакъ конівкою по мосту добре погрімати,

вертную *конву*, бѣги ты въ погребъ и, миновавъ восемь бочекь, наточи изъ девятой негоднаго пива. Чѣмъ выливать намъ его свиньямъ, то лучше будемъ раздавать этакимъ козакамъ-нетягамъ.«

Побѣжала наемница въ погребъ, миновала девять бочекъ, а изъ десятой наточила меду — *пьянаго чела*. Воротилась въ свѣтелку и отворачиваетъ носъ отъ конвы, точно какъ-бы пиво воняло.

Подали козаку въ руки конву; онъ сѣлъ возлѣ печи и началъ тянуть пиво на-славу. Отвѣдалъ разъ, потянулъ въ другой разъ, а за третьимъ взялъ конву за ухо и осушилъ до дна.

Когда началъ хмѣль одолѣвать козацкую голову, началъ козакъ коновкою гремѣть по полу; начали тогда у дукъ-богачей чарки и фляжки прыгать со стола, а шинкаркина печка распалась на десять частей, разлетѣлась по хатѣ и за сажей не взвидѣли дуки-богачи Божьяго свѣту.

Стáли въ дýківъ-срібляниківъ изъ столá чарки й пляшки скакáти.
И стáла шинкáрська грýба на дéсять штукъ скрізь по хàті летáти.
Не стáли тоді Ляхи́, дýки-срібляники́, за сáжею світу Бóжего видáти.

Тоді ті Ляхи́, дýки-срібляники́, на ёгó поглядàли,
Словáми промовляли:
»Десь сей козáкъ-нетяга нігдé не бувàвъ,
Дóбрихъ горілòкъ не пивáвъ,
Що ёгó й погáне пúво опъянúло!«

Якъ ставъ козáкъ-нетяга тéе зачувàти,
Ставъ на Ляхівъ грізно гукàти:
»Гей ви, Ляхòве,
Врáзькі синòве!
Икъ порòгу посувáйтесь,
Мені, козакý-нетязі, на пóкуті місце попускáйте.
Посувáйтесь тісно,
Щобъ булó мені, козакý-нетязі, де на пóкуті изъ лáнтями сісти!«

Тоді Ляхи́, дýки-срібляники́, дóбре дбáли,
Дáльше икъ порóгу посувàли,
Козакý-нетязі більше місця на пóкуті попускàли.

Тоді козáкъ-нетяга на пóкуті сідáе,

Смотрятъ они тогда на него и говорятъ: »Видно, этотъ козакъ-нетяга нигдѣ не бывалъ и хорошей водки не пивалъ, что опьянѣлъ и отъ негоднаго пива!«

Слышитъ это козакъ-нетяга и грозно говоритъ Ляхамъ: »Эй вы, Ляхи, вражьи дѣти! подвигайтесь къ порогу, давайте мнѣ, козаку-нетягѣ, *на пóкутѣ* (подъ образами) мѣсто; помѣщайтесь за столомъ потѣснѣе, чтобъ было гдѣ мнѣ, козаку-нетягѣ, сѣсть на пóкутѣ съ лаптями!«

Тогда Ляхи, дýки-богачи — нечего дѣлать — подвинулись дальше къ порогу и дали козаку-нетягѣ больше мѣста на пóкутѣ.

Исъ-підъ полй позлотистий недолимокъ виньмáе,
Шинкáрці молодій за цéберъ мéду застановляе.

Тоді ті Ляхй, дýки-срібляники, на ёгó поглядàли,
Словàми промовляли:
»Гей, шинкàрко Горовáя,
Нàсте молодáя,
Кабàшнице степовáя!
Нехáй сей козáкъ, бідний нетяга, не мáетця въ тебé сéі заставщини викупляти,
Намъ, дýкамъ-срібляникáмъ, нехáй не зарікáетця волй поганяти.
А тобі, Нáсті кабáшній, грýбъ топити.«

Оттоді-то козáкъ, бідний нетяга, якъ ставъ сіі словá зачувàти,
Такъ вінъ ставъ чересòкъ виньмáти,
Ставъ шинкáрці молодій, Нáсті кабáшній, увéсь стілъ червінцями устилáти.

Тоді дýки-срібляники, якъ стáли въ ёгó червінці зоглядáти,
Тоді стáли ёгó витáти
Мѐдомъ шклянкою
И горілки чàркою.
Тоді й шинкàрка Горовáя,

Садится козакъ-нетяга на покутѣ, вынимаетъ изъ-подъ полы золоченый чеканъ и отдаетъ шинкáркѣ въ залогъ за ушатъ меду.

А дуки-богачи на него посматриваютъ и говорятъ: »Эй шинкарка Горовая, Настя молодая, кабачница степная! пускай этотъ козакъ, бѣдный нетяга, не надѣется выкупить у тебя этотъ закладъ, пускай не *зарекается* (не даетъ обѣта, что не будетъ) погонять у насъ воловъ, а у тебя, Насти кабачной, печей топить.«

Слышитъ эти слова козакъ, бѣдный нетяга, выпулъ кожаный поясокъ и устлалъ молодой шинкáркѣ, Настѣ кабачной, весь столъ червонцами.

Тогда дýки-богачи, увидѣвъ у него червонцы, начали потчивать его стаканомъ меду и чаркой водки. Тогда и шинкáрка Горовая, Настя мо-

Пастя молодая,
Истиха словами промовляе:
»Эй, козаче«, каже, »козаче!
Чи снідавъ ти сёгодні, чи обідавъ?
Ходи зо мною до кімнати,
Сядемъ ми съ тобою поснідаемъ,
Ли пообідаемъ.«

Тогді-то козакъ, бідний нетяга, по кабаку походжае,
Квартирку одчиняе,
На бистриі ріки погдядае,
Кличе, добре покликае:
»Ой ріки«, каже, »ви, ріки Низовиі,
Помошниці Дніпровиі!
Теперъ або мене зодягайте,
Або до себе приньмайте!«

Оттоді одинъ козакъ иде,
Шати дорогиі несе,
На ёго козацькі плечи надіе;
Другий козакъ иде,
Боти сапъянові несе,
На ёго козацькі ноги надіе;
Третій козакъ иде,

лодая, говоритъ ему потихоньку: »Эй козакъ ты, козакъ! завтракалъ ли ты сегодня, обѣдалъ ли? пойдемъ со мной за перегородку, сядемъ съ тобой, позавтракаемъ, или пообѣдаемъ.«

А козакъ, бѣдный нетяга, по кабаку похаживаетъ, отворяетъ окошко, на быстрыя рѣки посматриваетъ, громкимъ голосомъ покрикиваетъ: »Ой рѣки, вы, рѣки Низовыя, помощницы Днѣпровыя! теперь меня или приодѣньте, или къ себѣ примите!«

Тогда одинъ козакъ идетъ, дорогое платье несетъ, на его козацкія плеча надѣваетъ; другой козакъ идетъ, сафьянные сапоги несетъ, на его козацкія ноги надѣваетъ; третій козакъ идетъ, козацкую шапку несетъ, на его козацкую главу надѣваетъ.

Шличòкъ козáцький несé,
На ёгó козáцьку глàву надіé.

Тоді дýки-срібляники стúха словáми промовлàли:
»Эй не èсть же се, брáтці, козáкъ, бідний нетяга,
А есть се Фесько Ганжа Андибéръ,
Гетьмàнъ Запорòзький!...
Присýнься ти до насъ«, кáжуть, »блúжче,
Поклóнимось ми тобі нúжче,
Бýдемъ рáдитьця, чи гарáздъ-дóбре на слáвній Украіні проживàти.«
Тоді стáли ёгó витáти мèдомъ шклянкою
И горілки чàркою.

То вінъ тée одъ дýківъ-срібляниківъ приймàвъ,
Самъ не випивàвъ,
А все на своі шàти проливàвъ:
»Эй шáти моі, шàти! пúйте-гуляйте:
Не менè шанýють, бо вàсъ поважають.
Якъ я васъ на собі не мавъ,
То й чèсти одъ дýківъ-срібляниківъ не знавъ.«

Тоді-то Фесько Ганжа Андибéръ, гетьмáнъ Запорóзькій, стúха словàми промовляе:
»Эй козаки«, кáже,« діти, дрýзі, молòдці!

Тогда дýки-богачи потихоньку перемолвились: »Эхъ, братцы! это не козакъ, бѣдный нетяга, а Фесько Ганжа Андыбéръ, гетманъ Запорожскій!... Придвинься«, говорятъ, »къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже и будемъ совѣтоваться, все ли хорошо у насъ идетъ въ славной Украйнѣ.« И потчиваютъ его стаканомъ меду и чаркой водки.

Принимаетъ онъ все это отъ дукъ-богачей, да не пьетъ, а проливаетъ на свою одежу: »Эй ты, одежа моя, одежа! пей, веселись! не меня потчиваютъ, тебя почитаютъ. Какъ не было тебя на мнѣ, то не было мнѣ и чести отъ богачей.«

Наконецъ Фесько Ганжа Андыбéръ, Запорожскій гетманъ, говоритъ:

Прошу̀ я васъ, до́бре доа́йте,
Сіхъ ду̀ківъ сріблянииківъ за́ ліо́ъ, на́че волівъ, изъ-за стола́ вивождайте,
Передъ вікнами покладайте,
У три берёзини потягайте,
Щобъ воні́ мене́ споминали,
Мене́ до віку памятали!«

Тілько Гаврила Довгопо́ленка Переяславського за те улюби́въ,
Край се́бе сядови́въ,
Що вінъ ёму́ за свою́ де́нежку пива купи́въ.

Тогді жъ то козакй, дітя, дру̀зі, моло́дці, до́бре доа́ли,
Сіхъ ду̀ківъ сріблянииківъ за́ ліо́ъ брали,
Изъ-за стола́, на́че волівъ, вивождали,
Пере́дъ вікнами покладали,
У три бере́зини потягали.
А ще стиха словами промовляли:
»Эй ду̀ки«, ка́жуть, »ви, ду̀ки!
За вами всі луги̇ и лу̀ки. —
Нігде на́шому бра́ту, козаку̀-нетя́зі, ста́ти
И коня́ попа́сти!«

»Эй вы, козаки, дѣти, друзья, молодцы! прошу васъ, берите за чубъ этихъ дукъ-богачей и выводите, какъ воловъ, изъ-за стола, кладите вы ихъ передъ окнами и валяйте въ три березовыя палки! пусть они меня помнятъ и до смерти не забываютъ!«

Только Гаврила Довгопо́ленка Переяславскаго за то полюбилъ и возлѣ себя посадилъ, что онъ купилъ ему пива за свою денежку.

Тогда козаки, дѣти, друзья, молодцы, дукъ-богачей за чубъ брали, изъ-за стола, какъ воловъ, выводили, передъ окнами клали и въ три березовыя палки валяли, да еще приговарили: »Эхъ дуки, вы, дуки! захватили вы всѣ луга и лу́ки, — негдѣ нашему брату, козаку-нетягѣ, остановиться и коня выпасти!«

2.

ДУМА О МАРУСѢ БОГУСЛАВКѢ. (*)

Що на Чорному морі,
На камені біленькому,
Тамъ стояла темниця камяная.
Що у тій-то темниці пробувало сімъ-сотъ козаківъ,
Біднихъ невольниківъ.
То вони трйдцять літъ у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного у вічи собі не видають.

То до іхъ дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Прихождае,
Словами промовляе:
»Гей козаки,
Ви, бідниі невольники!
Угадайте, що въ нашій землі Християнській за день тепера?«

Що тоді бідні невольники зачували,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку,
По річахъ познавали,

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семь-сотъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видятъ.

И приходитъ къ нимъ дѣвушка-*бранка* (взятая въ неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говоритъ имъ: »Эй козаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской?«

Слышатъ это бѣдные невольники, узнаютъ дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку, по голосу и говорятъ: »Эй дѣвушка-бранка, Ма-

Словàми промовляли:
»Гей дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко!
Почімъ ми можемъ знати,
Щò въ нашій землі Християнській за дèнь тепера?
Що тридцять літъ у неволі пробуваемъ,
Божого світу, сонця праведного у вічи собі не видаемъ.
То ми не можемо знати,
Щò въ нашій землі Християнській за дèнь тепера.«

Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Тее зачуває,
До козаківъ словàми промовляе:
»Ой козаки,
Ви, бідниі невольники!
Що сегодня у нашій землі Християнській Великодная субота,
А завтра святий празникъ, роковий день Великъ-день.«

То тоді ті козаки тее зачували,
Білимъ лицемъ до сирої землі припадали,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку,
Клялй-проклинали:

руся, поповна Богуславка! почемъ намъ знать, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской? мы тридцать лѣтъ сидимъ въ неволѣ и Божьяго свѣта, праведнаго солнца не видимъ. Не знаемъ мы, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской.«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ козакамъ: »Ой козаки, бѣдные невольники! сегодня въ нашей землѣ Христіянской страстная суббота, а завтра святой праздникъ, годовой день *Велйкъ-день*.«

Услыхавъ это, козаки пали бѣлымъ лицомъ на землю и прокляли дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку: »О, чтобъ ты, дѣвушка-

»Та бодай ти, дівко бранко.
Марусю, попівно Богуславко,
Щастя й долі собі не мала,
Якъ ти намъ святий празникъ, роковий день Великъ-день сказала!«

То тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Тее зачувала,
Словами промовляла:
»Ой козаки,
Ви, бідниі невольники!
Та не лайте мене, не проклинайте;
Бо якъ буде нашъ панъ Турецький до мечети відъїжджати,
То буде мині, дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславні,
На руки ключі віддавати;
То буду я до темниці прихождати,
Темницю відмикати,
Васъ всіхъ, біднихъ невольниківъ, на волю випускати.«

То на святий празникъ, роковий день Великъ-день,
Ставъ панъ Турецький до мечети відъїжджати,
Ставъ дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключі віддавати.

бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имѣла ни счастья, ни доли! зачѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой праздникъ, годовой день Великъ-день!«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ имъ: »Ой козаки, бѣдные невольники! не браните меня, не проклинайте! Какъ будетъ ѣхать нашъ Турокъ-господинъ въ мечеть, то отдастъ мнѣ на руки ключи; тогда я приду къ темницѣ, отопру темницу и выпущу всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю.«

И вотъ въ святой праздникъ, въ годовой день Великъ-день, выѣзжаетъ Турокъ-господинъ въ мечеть и отдаетъ ключи на руки дѣвушкѣ-бранкѣ,

Тоді дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка.
До́бре доа́е —
До темниці прихождає,
Темницю відмикає,
Всіхъ козаківъ,
Біднихъ нево́льниківъ,
На во́лю випускає,
И слова́ми промовляе:
»Ой козаки,
Ви, бідниі нево́льники!
Кажу́ я вамъ, до́бре доа́йте,
Въ городи Християнськi утікайте;
Тільки прошу́ я васъ, одного́ го́рода Богусла́ва не минайте,
Мое́му ба́тьку й ма́тері зна́ти дава́йте:
Та неха́й мій ба́тько до́бре доа́е,
Гру́нтівъ, вели́кихъ мае́тківъ неха́й не збуває,
Вели́кихъ ска́рбівъ не збірає,
Та неха́й мене́, дівки бра́нки,
Мару́сі, попівни Богусла́вки,
Зъ нево́лі не викупає:
Бо вже я поту́рчилась, побусурме́нилась,
Для ро́скоши Туре́цькоі,
Для ла́комства неща́сного!«

Марусѣ, поповнѣ Богуславкѣ. Тогда она приходитъ къ темницѣ, отпираетъ темницу, выпускаетъ всѣхъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю и говоритъ: »Козаки, бѣдные невольники! уходите вы въ Христіянскіе города: но прошу васъ, не минуйте города Богуслава и дайте знать моему отцу и матери: пускай мой отецъ не продаетъ земель и имущества, пускай не собираетъ великихъ сокровищъ и не выкупаетъ изъ неволи меня, дѣвушки-бранки, Маруси, поповны Богуславки. Я ужъ отуречилась, обсурманилась, ради роскоши Турецкой, ради несчастнаго лакомства!«

О Боже! освободи насъ, всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ, изъ тяжкой

Ой визволи, Бо̀же, насъ всіхъ, біднихъ нево̀льниківъ,
Зъ тяжко̀і нево̀лі,
Зъ віри бусурме́нськоі,
На я̀сні зо̀рі,
На тѝхі во̀ди,
У кра̀й весе́лий,
У мѝръ хреще́ний!
Вѝслухай, Бо̀же, у про̀зьбахъ щирихъ,
У неща̀снихъ молитва̀хъ
Насъ, біднихъ нево̀льниківъ!

Молитва, заканчивающая эту думу, представляетъ для изучающаго исторію Южно-Русской народной словесности весьма важное обстоятельство. Въ ней говорится: »Вѝзволи, Бо̀же, *на̀съ*, — вѝслухай, Бо̀же, *на̀съ*, біднихъ нево̀льниківъ.« Такъ какъ Турецкіе пристани и рынки были наполнены »ясы́ромъ« Татарскимъ и плѣнниками, захваченными на сушѣ и на морѣ, то надобно предположить, что въ Турціи существовала, такъ сказать, цѣлая нація Южныхъ Руссовъ, и что эта нація, соединенная языкомъ, вѣрою и воспоминаніями о родинѣ, подобно Евреямъ, плакавшимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, имѣла свою невольницкую исторію и поэзію. Бандуристы до сихъ поръ раздѣляютъ свои пѣсни (называя такъ и думы) на *козацкія*, которыя имѣютъ своею сценою Украйну, и на *невольницкія*, которыя описываютъ пребываніе козаковъ на Турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у Турокъ и Татаръ. Невольницкихъ пѣсень должно́ было быть очень много, потому, что отдаленіе отъ родины служило для плѣнниковъ безпрестаннымъ возбужденіемъ къ воспоминаніямъ о »ясныхъ зоряхъ, о тихихъ водахъ, о веселомъ краѣ, о крещеномъ мірѣ«, и что эти пѣсни были вмѣстѣ и молитвами, какъ это видимъ и изъ думы о Марусѣ

неволи, изъ земли бусурманской! возврати насъ къ яснымъ зо̀рямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межь народъ крещеный! выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!

Богуславкѣ. Вникнемъ въ народныя наименованія пѣсень *жінóцкими, козáцкими* и *невóльницкими*. Жинóцкихъ не поютъ козаки (или вообще — мужчины); козацкихъ не поютъ женщины: поэтому и невольницкія должны были пѣться, а слѣдовательно и слагаться, невольниками. Здѣсь получаютъ важный смыслъ слова Кондрата Таранýхи (см. выше, стр. 137): »Гайдамáка йдé (булó) тихо. А се вже воні́ тогді співáли, якъ у невóлі сиділи.« Чтобы не оставить мѣста для возраженій, скажу, что въ невольницкихъ пѣсняхъ надобно различать два рода: *плачи*, къ которымъ принадлежитъ дума о Марусѣ Богуславкѣ, и *славословія*, къ которымъ относится дума о Кішкѣ Самійлѣ. Эти послѣднія слагались естественно дома, въ честь героевъ, и состоятъ больше изъ торжественныхъ сценъ, нежели изъ жалобъ, но слагались однакожъ людьми, попробовавшими »Турецкой каторги«, какъ это видно изъ множества мелочныхъ обстоятельствъ, которыя ввертываются только въ рѣчь очевидца; и кто знаетъ, гдѣ они были больше въ ходу: между невольниками, которыхъ сéрдца они такъ близко касались, или между козаками вольными? Можетъ быть, тѣ и другіе, мѣняясь ролями, мѣнялись и своими пѣснями о неволѣ, и взаимно прибавляли въ нихъ цвѣтовъ своихъ.

3.

ДУМА О КОЗАЦКОЙ ЖИЗНИ. (*)

Не одинъ козáкъ самъ собі шкóду шкóдивъ,
Що відъ молодóі жінки у військо хóдивъ.
Ёгó жінка клялà - проклинáла:
»Бодáй тебé, козáче сіромáхо, побийло въ чистому пóлі
Три недóлі:

(*) *Переводъ*. — Не одинъ козакъ дѣлалъ тѣмъ себѣ вредъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ. Жена проклинала его: »Чтобъ тебя,

Перша недо́ля — щобъ підъ тобо́ю до́брий кінь приста́въ;
Дру́га недо́ля — щобъ ти козаківъ не догна́въ;
Тре́тя недо́ля — щобъ тебе́ козаки́ не злюби́ли
И въ куріпь не пусти́ли!«

А коза́къ до́бре дба́е,
На жінку не потура́е,
Жінці віри не дійма́е;
Коне́ві часте́нько зеле́ного сіна підклада́е,
Жо́втого вівса́ підсипа́е,
Холо́дною крени́шною водо́ю коня́ напува́е;
У похо́дъ выступа́е.

Госпо́дь ёму́ да́въ,
Що підъ нимъ до́брий кінь не приста́въ:
Вінъ козаківъ догана́въ;
Що его́ козаки́ злюби́ли,
До себе́ въ курінь пусти́ли,
Ще й ота́маномъ настанови́ли.

козакъ-сѣрома́ха (¹), постигли въ полѣ три недоли: первая недоля — чтобъ подъ тобой добрый конь присталъ; другая недоля — чтобъ ты козаковъ не догналъ: третья недоля — чтобъ тебя козаки не полюбили и въ курень не пустили.«

А козакъ на то не смотритъ, женѣ не вѣритъ, коню частёхонько зеленаго сѣна подкладываетъ, желтаго овса подсыпаетъ, холодною, ключевою водой наповаетъ и въ походъ выступаетъ.

Господь ему помогъ: подъ нимъ добрый конь не присталъ; онъ козаковъ догналъ: козаки его полюбили, къ себѣ въ курень пустили, еще и отаманомъ сдѣлали. Тогда козакъ разсказываетъ товарищамъ свою

(¹) Когда *сірома́ха*, или *сірома́нець* говорится о волкѣ, то разумѣется сѣрый цвѣтъ его шерсти: но когда о человѣкѣ, то выражается косвеннымъ образомъ понятіе о его убожествѣ, непозволяющемъ носить цвѣтной одежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается человѣку что-то волко-образное, бродячее, бездомное. *Сірома́*, въ собирательномъ смыслѣ, значитъ — голь, или — чернь.

Тоді козáкъ у вiйську пробувáе,
Свою новину козакáмъ оповідáе:
»Слýхайте, панóве молóдці,
Якъ-то жинóцька клятьбá дýрно йдè:
Такъ, якъ мимо сухé дерево вітеръ гудé;
Жинóцькі слёзи дурні — якъ водá тічé.«

Жінка въ корчмі пилá та гуляла,
Та домівки не знáла,
Мовъ іі хáта къ нечистій мáтері пýсткою завоняла.
Скóро стáла козакá съ похóду сподівáтись,
Стáла до домівки прихождáти,
Стáла въ печі ростоплáти,
Стáла той бóрщъ кислий,
Оскóмистий чортъ-зна-колйшній,
Изъ-підъ лáви виставляти,
Стáла до пèчи приставляти,
Оттймъ борщéмъ хотіла козакá привітáти.

Скóро стáвъ козáкъ съ похóду прибувáти,
Ставъ до новйхъ ворітъ до лáманихъ доiжджáти;
Вінъ съ коня — не вставáе,
Кèлепомъ нові лáмані ворóта відчиняе,
Козáцькимъ гóлосомъ гукáе:

исторію: »Послушайте, паны молодцы, какъ женское проклятіе въ ничто обращается: все равно какъ вѣтеръ прошумитъ мимо сухого дерева; а женскія глупыя слезы — какъ вода текутъ.«

Межъ тѣмъ жена въ корчмѣ пьетъ-гуляетъ, не сидитъ дома, и хата у ней воняетъ ужъ пустынею. Когда же начала ожидать козака съ походу, воротилась домой, принялась топить въ печи, вытащила изъ-подъ лавки кислий, оскомистый, чортъ знаетъ когда сваренный борщъ и поставила въ печь, чтобъ попотчивать этимъ борщомъ козака.

Возвращается козакъ съ походу, подъѣзжаетъ къ новымъ разломаннымъ воротамъ; не вставая съ коня, отворяетъ чеканомъ новыя разломанныя ворота и козацкимъ голосомъ покрикиваетъ.

Скóро стáла козáчка козáцький гóлосъ зачувáти,
То воná не стáла противъ нёго дверми́ вихождáти,
Стáла, мовъ си́вою голу́бкою, въ вікнò вилітáти.
Тогді козáкъ дóбре дбáе,
Хорошéнько іі кèлепомъ по плéчахъ привітáе,
Карбачèмъ по спи́ні затинáе.

Тогді козáчка у хáту вбігàла,
Бу́цімъ нéхотя той борщъ поліномъ штиркну́ла,
Ну́ ёгó къ нечи́стій мáтері! у пічъ обертáла,
Нови́й борщъ уновъ вари́ти зачинáла;
До скри́ні тяглá,
Не прóстого, лляного полотнá три́дцять лòктівъ узялá;
До шинкáрки тяглà,
Три квáрти не прóстоі горілки, окови́ти узялá,
Зъ мéдомъ та съ пéрцемъ розогрівàла,
Отти́мъ козакá частувàла та витáла.

Оттó ви́йшла козáчка на дру́гий день за ворóта,
Ажъ сиди́ть жінóкъ превели́кая рóта.
А скáзано: жінки́ — якъ сорòки:
Однá на одну́ зглядàли

Лишь только козачка услышала козацкій голосъ, то не вышла къ козаку навстрѣчу въ дверь, а вылетѣла, какъ сизая голубка, въ окно. Тогда козакъ хорошенько ее чеканомъ по спинѣ привѣтствовалъ, а въ добавокъ еще и нагайкою.

Вбѣжала козачка въ хату, сунула, какъ будто нечаянно, полѣномъ и опрокинула въ печи къ нечистой матери борщъ. Потомъ давай варить новый борщъ; бросилась къ сундуку и вынула тридцать локтей не простого, льняного полотна; побѣжала къ шинкáркѣ и купила три кварты не простой, доброй водки; разогрѣла ее съ медомъ да съ перцемъ и угостила козака.

Вотъ на другой день вышла козачка за ворота, смотритъ — сидитъ цѣлая толпа женщинъ. А извѣстно, женщины — что сороки: одна на

Та й козáчку осуждáли,
Та й козáчці не казáли.
Однá таки старýшка не втèрпіла
И козáчці сказáла:
»Гей козáчко, козáчко!
Десь твій козáкъ нерáно съ похòду прибувáвъ,
Що по-підъ очúма дòбрі гостúнці подавáвъ.«

То козáчка дòбре дбáла,
По своёму козакá покривáла:
»Чи ви жъ то, жіночки-голýбочки, не знáете,
Що мій козáкъ нерáно съ похòду прибувáвъ,
Застáвивъ менé въ печі потопúти,
Вечèряти варúти.
А я пішлá по дрòва,
Та не втрáпила по дрòва,
А втрáпила по лучúну,
Попідбивáла собі òчи на ключúну.
Роблю жъ я таки те ремéство синúло,
Такъ вонó мині дòбре въ знáки вдалóся:
Якъ я ёгó мішáла, такъ вонó міні за òчи взялóся.«

А козáкъ седúть у корчмі та медъ-винó кружáе,
Корчмỳ сохваляе:

другую взглянули и козачку между собой осуждали, но козачкѣ того не сказали. Только одна старушка не утерпѣла и сказала козачкѣ: »Эй козачка, козачка! видно, твой козакъ поздо съ походу воротился, что привезъ тебѣ подъ глаза такихъ гостинцевъ!«

А козачка по-своему козака покрывала: »Развѣ вы, голубушки-сосѣдушки, не знаете, что мой козакъ поздо съ походу пришелъ и заставилъ меня въ печи топить, вечерю готовить? а я пошла за дровами, да не туда потрафила и подбила себѣ глаза, ударившись объ жердь. Да еще я занимаюсь ремесломъ синельнымъ; ужъ оно мнѣ порядкомъ надоѣло: какъ я помѣшивала краску, такъ запачкала себѣ подъ глазами.«.

А козакъ сидитъ въ корчмѣ, медъ, вино пьетъ, корчму восхваляетъ:

»Гей ко̀рчмо, ко̀рчмо-княгѝне!
Чо̀мъ-то въ тобі коза̀цького добра̀ бага̀то гине?
И сама̀ есѝ неоша̀тно хо̀дишъ,
И на̀съ, козаків-нета̀гъ, підъ-случа̀й безъ свито̀къ во̀дишъ.
Зна̀ти, зна̀ти коза̀цьку ха̀ту
Скрізь деся̀ту:
Вона̀ соло̀мою не покрѝта,
Прѝспою не осѝпана,
Коло двора̀ нечѝста-ма и кола̀,
На дрівітні дровъ ні поліна.
Седѝть въ ній коза̀цька жінка, околіла.
Зна̀ти, зна̀ти коза̀цьку жінку,
Що всю зіму бо̀са хо̀дить,
Горшко̀мъ во̀ду но̀сить,
Поло̀никомъ діти напува̀е!«

Вотъ еще одна изъ тѣхъ счастливыхъ находокъ, которыя, въ послѣднее время, такъ расширили кругъ нашихъ понятій о Малороссійской народной поэзіи. Честь и хвала г. Нѣговскому за его подвигъ! Спасти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста — а это время близко — и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни станутъ искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго соби-

---

»Эй ты, корчма, корчма-княгиня! зачѣмъ въ тебѣ много козацкаго добра погибаетъ? и сама ты не щеголяешь, и насъ, козаковъ-нетягъ, иной разъ безъ *свитокъ* (сермягъ) оставляешь. Замѣтна казацкая хата межь десятью хатами: она соломой не покрыта, завалиной не обсыпана, возлѣ двора нѣтъ ни кола, на дровосѣчнѣ нѣту дровъ ни полѣна. Сидитъ въ той хатѣ козцкая жена, околѣвши отъ холоду. Узнаешь тотъ-часъ и козацкую жену: она всю зиму ходитъ босая, она носитъ воду горшкомъ, она поитъ дѣтей изъ ложки!«

рателя произведеній народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія — не то ли самое, что пріютить живую душу, которая безъ нашей заботливости изчезла бы съ лица земли? Расширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній — не значитъ ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значитъ ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсень, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва-ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лукашевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ.

Читая думу о домашней жизни козака, не должно забывать, что она передана бандуристу Ригоре́нку Запорожцемъ. Чтѐ же это такое? сочиненіе Гетма́нскаго козака, перенесенное на Запорожье, или взглядъ Запорожца на жизнь козака-Гетма́нца?... Запорожье такъ сильно централизовалось само въ себѣ, что не могло усвоить пѣсни, выражающей чуждый ему взглядъ на вещи. Но если это — дума Запорожская, то зачѣмъ въ ней описывается не та жизнь, которая окружала »братчиковъ«? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно вчитаться въ думу. Первые два стиха:

Не одинъ коза́къ самъ собі шко́ду шко́дивъ,
Що відъ молодо́і жінки у військо хо́дивъ...

выражаютъ позднее раскаяніе одинокого »сѣромахи«, очутившагося безъ жены, безъ дома и безъ всякого имущества (кромѣ развѣ бандуры подорожней да люльки-буру́ньки) посреди такихъ же бѣдныхъ забіякъ. Это — невольный вздохъ по прежнемъ, счастливомъ состояніи и вмѣстѣ исходный пунктъ речита-

тива. Выразивъ передъ слушателями такую мысль, можетъ быть, съ неосторожною искренностью, онъ продолжаетъ развивать ее, скрывая подъ комическими о́бразами горькую правду. Это — исторія юноши, который со всѣмъ пыломъ первой любви предался молодой женѣ, но въ которомъ потомъ проснулась страсть къ молодечеству, къ козакова́нью, къ *лица́рству*. Онъ началъ пропадать надолго изъ дому и шляться въ наѣздахъ на чужія земли. Жена безъ мужа — не хозяйка: у ней и печь по нѣскольку дней не топится, и борщъ плѣснѣвѣетъ подъ лавкою. Возвратясь домой, козакъ съ грустью и съ досадой видитъ вездѣ запустѣніе, колотитъ молодую жену, обращаетъ ее изъ подруги въ трепетную рабыню и, отвыкнувъ отъ тихой домашней жизни, отправляется гулять въ корчму. Тамъ онъ распиваетъ медъ и вино и по-видимому веселится, но въ буйныхъ рѣчахъ его слышны сарказмы на самого себя. Никто лучше его не чувствуетъ, какъ у него въ домѣ пусто и грустно. Онъ знаетъ, что не жена причиною этого запустѣнія и что она даже старается скрывать его собственную безпорядочность передъ сосѣдями. Онъ видитъ ясно, до чего она доведена его разгульною жизнью; но онъ ужъ не властенъ надъ самимъ собою. Корчма тянетъ его къ себѣ волшебною силою, и бѣдняга съ лирическимъ смѣхомъ восклицаетъ:

Гей ко̀рчмо, ко́рчмо-княгѝне!
Чомъ-то въ тобі коза́цького добра̀ бага́то гѝне?
И сама̀ есѝ неоша́тно хо̀дишъ,
И на̀съ, козаківъ-нетягъ, підъ-случа́й безъ свито̀къ во̀дишъ!

Гдѣ ему дѣваться послѣ того, какъ онъ пропьетъ все, что̀ только можно пропить? Работать онъ отвыкъ, отъ козакова̀нья отстать не хочетъ. Разумѣется, всего проще и удобнѣе идти ему туда, гдѣ не спрашиваютъ: откуда и зачѣмъ пришелъ? гдѣ не говорятъ: *Ду́рно хлі́бъ ісѝ!* и куда прійдя, воткни *ра́тище* въ землю, повѣсь *янча́рку* (саблю) да и живи на готовомъ хлѣбѣ. (См. выше, стр. 151). Козакъ въ послѣдній разъ покидаетъ молодую жену

и навсегда расторгаетъ связи съ обществомъ, котораго онъ былъ негоднымъ членомъ. Онъ освобождается отъ всѣхъ обязательствъ, тяготившихъ его на Украйнѣ; онъ могъ бы быть спокоенъ и веселъ, какъ ребенокъ... Но тайный червь грызетъ его сердце, и онъ, подъ видомъ похвальбы своимъ молодечествомъ, разсказываетъ исповѣдь своей недостойной жизни. Таково, по-моему, происхожденіе и таковъ смыслъ этой драгоцѣнной думы.

4.

ДУМА О ПОБѢДѢ ПОДЪ КОРСУНЕМЪ. (*)

. . . . (¹)

Ой обозвéтця панъ Хмельнúцький,
Отáманъ-бáтько Чигирúнськiй:
»Гей дрýзi молóдцi,
Брáття козакú Запорóзцi!
Дòбре дбáйте, бáрзо гадáйте,
Изъ Ляхáми пúво варúти зачинáйте.
Ля̀дський сòлодъ, козáцька водà;
Ля̀дськi дрòва, козàцькi трудà.«

Ой съ тогó пúва
Зробúли козакú зъ Ляхáми превелúкее дúво.
Пiдъ гóродомъ Кóрсунемъ вонú стàномъ стáли,

(*) *Переводъ*. — Отозвался панъ Хмѣльницкiй, отаманъ-отецъ Чигиринскiй: »Эй, друзья молодцы, братья козаки Запорожцы! подумайте хорошенько и начинайте варить пиво съ Ляхами. Ляшской солодъ, козацкая вода; Ляшскiя дрова, козацкiе труды.«

Съ того пива сдѣлали козаки съ Ляхами превеликое диво. Подъ го-

---

(¹) Начало этой думы (до 9-го стиха), забытое Ригорѐнкомъ, взято мною изъ варiанта г. Копытько, напечатаннаго въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень« М. Максимовича (стр. 67).

Підъ Стеблёвомъ вонй сòлодъ замочйли;
Ще й пùва не зварйли,
А вже козакй Хмельнйцького зъ Ляхáми бáрзо посварйли.
За ту брàжку
Счинйли козакй зъ Ляхáми велйку дрàчку;
За той *мòлотъ*
Зробйли Ляхй съ козакáми превелйкий кòлотъ;
А за той незнàть-якйй квàсъ
Не одногò Ляхá козáкъ, якъ-бй скýрвого сйна, за чýба стрясъ.
Ляхй чогóсь догадàлись,
Відъ козаківъ чогóсь утікàли.
А козакй на Ляхівъ нарікàли:
Ой вы, Ляхóве,
Пéські синóве!
Чомъ ви не дожидàете,
Нáшого пùва не допивáете?«

Тогді козакй Ляхівъ доганяли,
Пáна Потóцького піймàли,
Якъ баранà звязàли,
Та передъ Хмельнйцького гетьмáна примчàли:
»Гей пàне Потóцький!
Чомъ у тéбе й дóсі рòзумъ жінóцький?

родомъ Корсунемъ они станомъ стали, подъ Стеблевымъ они солодъ замочили, и не успѣли еще сварить пива, а ужъ крѣпко съ Ляхами повздорили. За ту бражку сильно подрались козаки съ Ляхами; за тотъ *мóлотъ* поднялась у Ляховъ съ козаками страшная схватка; а за тотъ негодный квасъ не одного Ляха козакъ за чубъ, какъ негодяя, встряхнулъ. Ляхи что-то смекнули и отъ козаковъ чего-то уходили; а козаки Ляховъ попрекали: »Ой вы, Ляхи, собачьи дѣти! чтò вы не ожидаете и нашего пива не допиваете!«

Догнали козаки Ляховъ, поймали пана Потоцкаго, связали, какъ барана, и привезли къ гетману Хмѣльницкому: »Эй ты, панъ Потоцкій! что у тебя до сихъ поръ умъ женскій? Не умѣлъ ты сидѣть въ Камен-

Не вмівъ ти еси въ Ка́мянськімъ Подільці пробува́ти,
Печéного поросяти, кýриці съ пéрцемъ та зъ шапра́номъ ужива́ти,
А тепе́ръ не зумієшъ ти зъ на́ми, козака́ми, воюва́ти
И житнеї соломахи зъ тузлуко́мъ (¹) (уплітáти).
Хиба́ велю́ тебе́ до рукъ Кримському ха́ну да́ти,
Щобъ навчи́ли тебе́ Кримські пагаї сирої кобилини жова́ти!«

Тогді Ляхи́ чогось догадáлись,
На Жидівъ нарікáли:
»Гей ви, Жидо̀ве,
Пога̀нські синóве!
На̀ що-то ви вели́кий бунтъ, тревòги зривáли,
На ми́лю по три корчми́ стано́ви́ли,
Вели́киі мèта брáли:
Відъ возово́го —
По півъ-золото̀го,
Відъ пішого — по два гро̀ши,
А ще не минáли й сердéшного ста́рця —
Відбірáли пшонò та яйця!
А тепéръ ви тиі скáрби збірáйте
Та Хмельни́цького іднáйте;

скомъ Подольцѣ да ѣсть жаренаго поросенка и курицу съ перцемъ да съ шафраномъ: куда же тебѣ съ нами, козаками, воевать и питаться ржаною саламатой съ разсоломъ! Ужъ не велѣть ли мнѣ выдать тебя Крымскому хану? пусть научатъ тебя Крымскія нагайки жевать сухую конину!«

Тогда Ляхи что-то смекнули и Жидовъ попрекали: »Эй вы, Жиды, языческіе дѣти! зачѣмъ вы подняли этотъ страшный бунтъ, эту тревогу! зачѣмъ вы на одной милѣ становили по три корчмы! зачѣмъ брали большой мытъ: отъ воза по полу-злоту, отъ пѣшаго по два гроша, не пропускали и бѣднаго нищаго, отбирали отъ него пшено и яйца! Соби-

---

(¹) Сирівцèмъ, розсòломъ на рибу. *Прим. и.*

Ато, якъ не бу̀дете Хмельни́цького іднáти,
То не зарікáйтесь за річку Вѝслу до Полòнного прýдко тікáти.«

Жидóве чогóсь догадáлись,
На річку Слу̀чу тікáли.
Котóрі тікáли до річки Слу̀чи,
То погубѝли чо̀боти й онýчи;
А котóрі до Прýта,
То булá відъ козаківъ Хмельни́цького доріженька бàрзо крýта.
На річці Слу̀чі
Обломѝли містъ идýчи,
Затопѝли усі клейно̀ди
И всі Ля́дські бу̀бни.
Котóрі бігли до річки Ро̀сі,
То зостáлися го̀лі й бóсі.

Обізвéтця пѐрвий Жидъ, Гѝчикъ,
Та й хапàетця за бѝчикъ.
Обізветця дру̀гий Жидъ, Шлёма:
»Ой я жъ пакъ не бу̀ду на сàбасъ дóма!
Трѐтій Жидъ озовéтця, Оврáмъ:
»У мéне невелѝкий крамъ:
Шпѝлькѝ, голкѝ,

райте же теперь свои сокровища да смягчите Хмѣльницкаго, ато придет-ся вамъ уходить опрометью за Вислу въ Полонное!

Жиды что-то смекнули и уходили къ рѣкѣ Случи. Кто уходилъ къ Случи, тѣ растеряли сапоги и онучи! кто уходилъ къ Пруту, тѣмъ пришлось на дорогѣ отъ козаковъ Хмѣльницкаго очень круто. Какъ переходили черезъ рѣчку Случь, обломался мостъ, и потонули всѣ драгоцѣнности и всѣ Ляшскіе бубны. Кто бѣжалъ къ рѣкѣ Роси, тѣ остались голы и босы. Вскрикнулъ первый Жидъ, Гичикъ, и схватился за бичикъ. Вскрикнулъ другой Жидъ, Шлёма: »Ой не быть мнѣ къ шабашу дома!« Вскрикнулъ третій Жидъ, Аврамъ: »У меня мелкій *крамъ* (товаръ): шпильки, иголки, кремни да трубки. Я свой крамъ сложилъ въ

Креміння, люлькй.
Такъ я свій крамъ
У коробочку склàвъ,
Та козакáмъ пятами накивáвъ.« (1)
Обізвéтця четвèртий Жидъ, Давйдко:
»Ой брáте Лéйбо! ужè жъ пакъ изъ-за горй козáцькі корогвй видко!«
Обізвецця пятий Жидъ, 'Юдко:
»Нýмо до Полóнного утікáти прýдко!«

Тогді Жидъ Лéйба біжйть,
Ажъ живітъ дріжйть;
Якъ на шкóлу поглянe,
Ёгó сèрце Жидівське зівяне:
»Эй шкóло жъ моя, шкóло мурòвана!
Тепéръ тебé ні въ пàзуху взяти,
Ні въ кишèню сховáти,
Алé жъ доведéтця Хмельнйцького козакáмъ на срàчъ, на балàки покидáти!«

Отсé, панóве-молóдці, надъ Полóннимъ не чóрна хмàра вставáла;
Не однà пàні-Ляшка удовóю зостàлась.
Озовéтця однà пàні-Ляшка:

коробокъ, и ушелъ отъ козаковъ. »Вскрикнулъ четвертый Жидъ, Давидко: »Ой, братъ Лейба! уже видать изъ-за горы козацкія хоругви!« Вскрикнулъ пятый Жидъ, Юдко:» Ой уйдемъ поскорѣе въ Полонное!«

Жидъ Лейба бѣжитъ, и животъ у него дрожитъ. Какъ взглянетъ на школу, такъ его Жидовское сердце запоетъ: »Эй ты, школа моя, школа каменная! ни въ пазуху тебя не забрать, ни въ карманъ тебя не спрятать! придется тебя подарить козакамъ Хмѣльницкаго на самую поносную потребу!«

И не черная туча, паны молодцы, встала надъ Полоннымъ; не одна пани-Полька осталась вдовою. Вскрикнула одна пани-Полька: »Нѣту

---

(1) Этотъ стихъ исправляетъ несообразность списка г. Копытько. Тамъ сказано:

Съ козакáми пятами накивàвъ.

»Нема́ мого́ па́на 'Яна!
Десь ёго́ звяза́ли козакі́, якъ-бі́ бара́на,
Та повелі́ до свого́ гетьма́на.«
Озове́тця дру́га па́ні-Ля́шка:
»Нема́ мого́ па́на Кардаша́!
Десь ёго́ Хмельни́цького козакі́ повелі́ до свого́ коша́.«
Озове́тця тре́тя па́ні-Ля́шка:
»Нема́ мого́ па́на Яку́ба!
Десь (узялі́) Хмельни́цького козакі́ та либо́нь повісили ёго́ десь на ду́бі.«

Возращаюсь къ моимъ записнымъ книжкамъ.

Малороссіянинъ-старикъ большею частью угрюмъ и важенъ, особенно съ человѣкомъ не своего званія, и отъ котораго, притомъ, онъ ни сколько не зависитъ. Но, переправляясь, въ десяти верстахъ ниже Канева, черезъ Днѣпръ на лодкѣ, я нашелъ въ своемъ сѣдоусомъ Харонѣ веселаго балагура, и въ моей записной книжкѣ осталось два изъ его разсказовъ.

1.

МАЛОРОССІЙСКОЕ НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ. (*)

Якъ бувъ я ще па́рубкомъ, а дідъ тоді ще невели́чкимъ бувъ, а ба́тька ще на світі не було́, то діду́сь покі́йникъ, було́, пита́етця: »А що́ бу́демъ, си́ну, роби́ти? зіма́ холо́дна.«

моего пана Яна! видно, связали его козаки, какъ барана, и повели къ своему гетману«. Вскрикнула другая пáни-Полька: »Нѣтъ моего пана Кардашá! видно, козаки Хмѣльницкаго увели его въ свой станъ«. Вскрикнула третья пáни-Полька: »Нѣтъ моего пана Якýба! видно, взяли его козаки Хмѣльницкаго и повѣсили на дубѣ.«

(*) Оставляю эту статью безъ перевода, потому что всѣ ея достоинства заключаются въ комическихъ, неудобныхъ для передачи на другомъ языкѣ выраженіяхъ и въ непереводимой игрѣ словъ.

То я, було́, діда ра́жу: »Поідьмо«, кажу́, »діду́сю, въ лісъ да нарубáемъ дро́въ.«

»Поідьмо, такъ и поідьмо.«

А въ насъ бичéчки невели́чкі собі були́, такъ — мо́жна на при́горщъ було́ взять. Поіхали въ лісъ. Дивлюсь, ажъ ломáччя такá вели́ка ку́па! Я сту́къ соки́рою въ те ломáчче! а ведьмідь звідтиля́, съ того́ ломáччя! Коли́ я въ те ломáччe, ажъ шéстеро я́ецъ. Якъ узяли́ ми зъ дідомъ, то дру́ччемъ на візъ не скоти́ли, да вже я лéдьві не лéдьві въ шáпку забрáвъ; такі вели́кі.

Отто́ принісъ додо́му. А въ насъ, якъ на те, прáвда, свиня́ квоктáла. Отъ я підсипавъ підъ ту свиню́, а вонá й ви́лупила мині шість волівъ, такъ якъ соколівъ.

Тоді вже якъ узяли́ ми зъ дідомъ тими́ волáми по́ле орать да хлібъ сіять... да и вроди́ло жъ до́бре! Ви́йдемъ, було́, зъ дідомъ нá поле, то то чужѐ, а то не нáше; то чужѐ, а то не нáше.

Якъ узяли́ жъ ми женцівъ збірáть, такъ, Боже мій милости́вий! що́-то ми того́ женця́ зобрáли! ажъ одну́ бáбу. Якъ понажинáла вонá намъ кіпъ... Боже милости́вий, скілько кіпъ!

А дідъ покійникъ и питáетця въ мене́: »Де жъ ми«, кáже, »сину, бу́демъ скирти́ складáти?«

А я кажу́: »Аже́ жъ у насъ ко́менъ вели́кий, то на ко́мені скирти́ складемо́, а на печі молоти́тимемъ.«

Якъ же вклю́нулася та проклятá ку́зька, миши, да тáкъ же вклю́нулася! А въ насъ, признáтьця, кітъ до́брий бувъ. Якъ махну́въ вінъ по ко́мену, якъ удáрить хвосто́мъ, а нáши скирти́ да въ поми́йницю!...

А тутъ уже́ й бáтько підрісъ. Дакъ мáти, було́, все лю́бить моло́ко пáрене, а ми все ки́сле. То мáти, було́, по селу́ пáрить-пáрить, а ми въ зáпічку ки́снемъ-ки́снемъ!

А бáтько, прáвда, рибáлка до́брий бувъ: ки́не у́дочку въ чужу́ бу́дочку, то й тя́гне не кожу́хъ, тáкъ сви́точку.

Отъ ми й розжили́сь. Такъ бáтько й кáже: »У тебе́ мáти вмéрла, а въ мéне жінка, то постáвимо обідъ.«

Якъ узяли́ жъ ми збірáть людей на обідъ, да съ таки́мъ дого-

во́ромъ, щобъ була́ своя́ ло́жка, и хлібъ, и сіль. Ото́ якъ найшло́ наро́ду, такъ, Бо́же милости́вий! ажъ два чоловіка. Дакъ ба́тько й ка́же: »Засо́лимъ же оце́ озерце́, то вийжте щерби́чку, а наспо́ді бу́де ри́бка.«

Дакъ ті лю́де не здя́ковались.

2.

СѢРЫЕ ГУСИ ИЗЪ БѢЛОЙ РУСИ. (*)

Ото́ о́ре чоловікъ у по́лі, ажъ іде Царь. Чоловікъ дохо́дить до шля́ху, а Царь зове́ ёго́: »Діду«, ка́же, чи якъ тамъ.

»Чого́, па́не?« [бо тоді ще не було́ сіхъ благоро́дий, а за́просто *па́не* да й тілько.] »Чого́«, ка́же, »па́не?«

»Чи давно́, діду, на горі ляглй снігй?«

»Давно́, па́не: го́дівъ пятна́дцять, або́ й два́дцять.«

[А се бъ то, бачъ: чи давно́ голова́ посивіла?]

»Э!« ду́мае собі Царь. »А чи давно́«, ка́же, »пішла́ вода́ съ-підъ гіръ?« [Зъ ви́шчого, бачъ, ро́зуму закида́е кручка́. Зна́ешъ, у стари́хъ люде́й, такъ слёзи зъ оче́й иду́ть.]

»Давно́«, ка́же, »го́дівъ деся́токъ бу́де.«

(*) *Переводъ.* — Пашетъ въ полѣ мужикъ, смотритъ — Царь ѣдетъ. Мужикъ подходитъ (за плугомъ) къ дорогѣ, а Царь зоветъ его: »Старикъ!« говоритъ, — или какъ-нибудь иначе его назвалъ. — »Чего, панъ?« [Въ то время еще не было *благородій*, а просто *панъ*, да и все тутъ]. »Чего, панъ?« говоритъ мужикъ. »Давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга?« — »Давно, панъ: лѣтъ будетъ пятнадцать, или двадцать.« [А оно, видишь, значитъ: давно ли голова посѣдѣла?] »Э!« думаетъ про себя Царь. »А давно ли«, говоритъ, »пошла изъ-подъ горъ вода?« [Закидываетъ, видишь, крючекъ съ высшаго ума-разума. У старыхъ, значитъ, людей слезы изъ глазъ текутъ.] »Давно«, говоритъ мужикъ: »лѣтъ десять ужъ будетъ.« — »О, да это не простакъ стари-

»Э, да се жъ и дідъ собі вдався!»… Питаетця ще: »Чи багато на небі звіздъ?«

Каже: »Пасъ воли да все лічивъ, а передъ світомъ заснувъ, то й не долічивъ.«

»Оцё знайшовъ діда!« думае собі. »Гляди жъ«, каже, »чоловіче, залетять сірі гуси зъ Білоі Русі, то піддери хорошенько!«

»Добре«, каже, »якъ живъ буду, то піддеру.«

И поіхавъ собі….

Ото прийшовъ у сенатъ. А тамъ старикй такиі сидять… звісно сенатори. Отъ вінъ заразъ: »А чи давно лягли снігй на горахъ?«

Тиі тамъ думали-думали. А вже бачить, що вже старі, да нічого не втнуть… Вони тамъ до книгъ, вони до Богословиі; перекидають, книжки ламають: Оттакъ Богъ создавъ небо, оттакі річки… Ні, не втнуть!

»Эге!« каже, »пошліть до такого й такого старичка—вінъ скаже.«

Ну, а грошей до смутку въ тихъ членівъ. Отъ вони вибрали поштаря, дали ёму кілько тамъ тисячъ: »Дуй!«

чокъ!« думаетъ Царь и спрашиваетъ еще: »Много ли на небѣ звѣздъ?« — »Пасъ«, говоритъ, »я воловъ и считалъ, а передъ разсвѣтомъ уснулъ и не дочелъ.« — »Ну, потрафилъ я на старика!« думаетъ Царь. »Смотри же, мужичокъ«, говоритъ онъ ему, »какъ залетятъ сюда гуси изъ Бѣлой Руси, то поддери хорошенько!« — »Хорошо«, говоритъ тотъ, »коли живъ буду, то поддеру.«

Царь и поѣхалъ своимъ путемъ. Пришелъ въ сенатъ. А тамъ все старики сидятъ… извѣстно, сенаторы. Онъ тотъ-часъ: »А давно легли снѣга на горахъ?« Тѣ долго думали. А Царь видитъ: и старики, да ничего не могутъ сказать ему… ужъ они и въ книги, ужъ они и въ Богословію заглядывали: перелистываютъ, ломаютъ книги: »Вотъ какъ Богъ міръ сотворилъ, вотъ такія и такія рѣки«… Нѣтъ, ничего не сдѣлаютъ да и только. »То-то!« говоритъ Царь. »А вотъ пошлите къ такому-то старику — онъ вамъ скажетъ, въ чемъ дѣло.« Ну, разумѣется, денегъ

Убігъ той у сельцé, спитáвсь: »Чи живъ такúй и такúй старúкъ?«

»Живъ«, кáжуть.

До ёгó зáразъ: »Здорóвъ, діду!«

»Здорóвъ, пáне!«

»Пустú на кватéру.«

»'Ідьте, пáне.«

»Сіно, овéсъ ѐсть?«

»Есть, пáне.«

»Ну, такъ пустú на кватѐру.«

»'Ідьте«, кáже, »пáне.«

Отó заіхавъ. Зáразъ послáвъ за горілкою [що трéба якось-нéбудь кручкà закúнуть. А якъ якòго, то й горілкою не обмáнишъ]. Питàетця отó: »Чи знàешъ, діду, давнò на горі ляглú снігú?«

»А якъ же не знать?«

»А чи знáешъ«, кáже, »давнò пішлá водá съ-підъ гіръ?«

»Да знàю«, кáже, »колú й водà, колú й щò.«

А тутъ тогó й приіхавъ.

Кúнулось діду въ гóлову: »Оцé, мóже, той пàнъ прислáвъ!«

»Щò«, кáже, »тобі дать, щобъ сказáвъ?«

бездна у этихъ *членовъ*. Выбрали они почтаря, дали ему нѣсколько тысячъ: »Валяй!«

Прискакалъ почтарь въ деревушку, спрашиваетъ: »Живъ такой-то старикъ?« — »Живъ«, говорятъ. Тотъ-часъ къ нему: »Здорово, старикъ!« — »Здорово, панъ!« — »Позволь въѣхать на дворъ.« — »Въѣзжайте, панъ.« — »Сѣно, овесъ есть?« — »Есть, панъ.« — »Ну, такъ позволь въѣхать на дворъ.« — »Въѣзжайте, панъ.« Въѣхалъ почтарь къ нему. Тотъ-часъ послалъ за водкою [Надобно, видите ли, какъ-нибудь зацѣпиться. А иного и съ водкой не проведешь]. Вотъ и спрашиваетъ: »Знаешь ли ты, старикъ, какъ давно легли снѣга на горѣ?« — »Какъ не знать?« — »А знаешь, какъ давно пошла вода изъ-подъ горъ?« — »Знаю«, говоритъ, »и это, и все.« [А онъ затѣмъ и пріѣхалъ.] Старикъ и смекнулъ: »Видно, это тотъ панъ прислалъ!« — »Чтó

»Тисячу рублівъ«, каже, »то скажу.«

Тягне той тисячу съ кармана: »Кажи, старикъ!«

А дідъ: »Постій«, каже, »захова́ю гроши въ комору.«

Захова́въ.

»Ну«, каже, »старикъ!«

»Ото такъ, пане: Оце, що снігй впали, то то наша голова посивіла...«

Той дивитця: »Оце«, каже, »такъ!«

»А то«, каже, »що вода пішла съ-підъ гіръ, то то въ старого чоловіка — такъ хочъ-би и въ мене — слёзи почали йти зъ очей...«

Той тоді: »Господи! оце такъ!« каже.

»Відкиля«, каже, »ви, пане?«

Каже: »Зъ Петинбурха.«

»Ге!... Якъ«, каже, »іхавъ колись якийся панъ; я«, каже, дохожу до шляху, а вінъ почавъ мене питать, а я ёму одвічавъ. Питавъ: »»Чи давно нагорахъ снігй лягли!«« А я ёму одвічавъ: »»Годівъ съ пятнадцять, або й зъ двадцять.«« Питавъ: »»Чи давно »пішла вода съ-підъ гіръ?«« А я ёму оттакъ, оттакъ одвічавъ. То вінъ

ты возьмешь за то, что скажешь мнѣ?« — »Тысячу рублей дашь, такъ скажу.« Вытаскиваетъ почтарь тысячу рублей: »Говори, старикъ!« А старикъ: »Погоди«, говоритъ, »спрячу сперва деньги въ *комору* (чуланъ).« Спряталъ деньги. »Ну, старикъ!« — »Вотъ въ чемъ дѣло, панъ. Выпали снѣга, — это значитъ — наша голова посѣдѣла.« Тотъ смотритъ на него: »Вотъ те на!« говоритъ. »А вода пошла изъ-подъ горъ, — это значитъ — у старика, вотъ хоть у меня, слезы начали идти изъ глазъ«... А почтарь: »Господи! вотъ те и загадка!« — А откуда вы, панъ?« спрашиваетъ мужикъ. »Изъ Петербурга.« — »Аа!« говоритъ. »Проѣзжалъ здѣсь какой-то панъ; я«, говоритъ, »подхожу къ дорогѣ, а онъ началъ меня спрашивать, а я ему отвѣчалъ. Спросилъ онъ: »»Давно ли на горахъ снѣга легли?«« а я отвѣчалъ: »»Лѣтъ пятнад»цать, или двадцать.«« Спросилъ: »»Давно ли пошла вода изъ-подъ горъ?«« а я ему такъ-то отвѣчалъ. Такъ онъ и говоритъ мнѣ: »»Смотри же, ста-

и сказа́въ: »»Гляди́ жъ, діду, залетя́ть гу́си зъ бі́лоі Ру́сі, то пidде-»ри́ хороше́нько!«« А я ёму́ й кажу́: »»Якъ бу́ду живъ, то піддеру́.««

Тоді той пошта́рь наза́дъ: »Отта́къ и такъ, пано́ве!«

Тйі ажъ за го́лову вхопи́лись: »Що́ бъ намъ було́ такъ каза́ть! Мужи́къ, да давъ Царю́ одвітъ!«

Эге́, и зъ на́шимъ бра́томъ ча́сомъ не жарту́й!

Надобно сознаться откровенно, что, странствуя изъ села въ село по Малороссійскимъ губерніямъ въ періодъ моей юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгриваетъ мелкими отрывками цѣлое Малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы; и то, что̀ внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ — непреодолимымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была всё-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть

»рикъ: какъ залетятъ къ тебѣ гуси изъ Бѣлой Руси, то поддери ихъ хоро-»шенько!«« А я сказалъ ему: »»Коли буду живъ, то поддеру.««

Тогда почтарь назадъ: »Вотъ въ чемъ дѣло, господа!« Тѣ и за голову схватились: »Ну, какъ это намъ не пришло въ мысль! Мужикъ далъ Царю отвѣтъ, а мы не дали!«

Да, и съ нашимъ братомъ иной разъ не шути!

Малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины. Но самъ народъ — такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣянныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія.

Я уже былъ въ Бѣлой Церкви, въ Корсунѣ, въ Кумéйкахъ, гдѣ борьба племенныхъ убѣжденій запечатлѣна смертью многихъ тысячъ ихъ защитниковъ. Наконецъ я въѣхалъ въ Черкасы, — городъ, по которому старинные Великороссіяне называли всѣхъ своихъ южныхъ соплеменниковъ ***Черкасами***. Съ какого времени утвердилось на сѣверѣ мнѣніе, выражаемое этимъ именемъ, неизвѣстно; но замѣчательно, что неграмотные обитатели Малороссіи никогда не усвоивали себѣ имени ***Черкасъ***, точно такъ же, какъ и имени ***Русскихъ***. Малороссійскіе простолюдины, на вопросъ: »Откуда вы?« будутъ отвѣчать: Изъ такой-то губерніи; но на вопросъ: »Кто вы? какой народъ?« не найдутъ другого отвѣта, какъ только: ***»Люде тàкъ собі нарóдъ та й гóді.«*** — »Вы Русскіе?« — ***»Ні.«*** — »Хохлы?« — ***Якìі жъ ми Хохли́?«*** (Хохолъ — слово бранное, и они его отвергаютъ). — Малороссіяне? » — « ***Щò то за Маросия́не? намъ ёгó й вùмовить трýдно«*** (Малороссіянинъ—слово книжное, и они его не знаютъ). Словомъ, земляки наши, предоставляя называть себя Русью, Черкасами и чѣмъ угодно, сами себя называютъ только ***людьми*** и не присвоиваютъ себѣ никакого собственнаго имени... Но возвратимся къ городу Черкасамъ.

Относительно населенія и устройства домовъ и улицъ, это такой же городъ, какъ и всѣ уѣздные города въ Малороссіи. Тѣ же усилія человѣка вытѣснить украшенія природы, ничѣмъ не замѣ-

нивъ ихъ; та же дисгармонія въ быту высшаго сословія и удаленіе отъ сельской простоты низшаго; та же архитектура домовъ, занимающая уродливую средину между національною хатою и иноземнымъ стилемъ построекъ. Я воображаю себѣ положеніе этнографа, живущаго въ столицѣ и пріѣхавшаго сюда на почтовыхъ, съ цѣлью изучить Малороссійскіе нравы въ самомъ гнѣздѣ Малороссійской народности, собрать пѣсни, повѣрья и преданія о старинѣ на мѣстахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи. Онъ необходимо долженъ занять квартиру въ домѣ Жида, или Великороссіянина, потому-что коренные жители уступили пришельцамъ первенство въ промышленности, слѣдовательно и въ богатствѣ. Сами они живутъ въ чистенькихъ, но убогихъ хаткахъ, въ которыхъ барину-этнографу было бы крайне неудобно провести нѣсколько дней. Расположась въ своей квартирѣ, онъ приступаетъ къ справкамъ о старикахъ, которые могли бы поразсказать ему о прежнихъ временахъ. Ему указываютъ на извѣстныя лица между мѣщанами, и они, по его приглашенію (которое принимаютъ за требованіе) являются. Это — сѣдые старики съ длинными бородами и волосами, похожіе скорѣе на монастырскихъ отшельниковъ, нежели на мірянъ, которые обыкновенно бороды брѣютъ и носятъ усы. Видъ ихъ внушаетъ далекому путешественнику уваженіе. Онъ усаживаетъ ихъ у себя на стульяхъ и начинаетъ распрашивать о старинѣ, о пѣсняхъ, объ обрядахъ и тому подобномъ. Старики, вовсе неожидавшіе отъ столичнаго господина подобныхъ распросовъ, дивятся его рѣчамъ, взглядываются между собою, значительно покачиваютъ головами, какъ-бы говоря: »*О, да се дóбра казючка*!« и отвѣчаютъ на его вопросы уклончиво и безтолково, такъ что онъ, потерявъ съ ними безъ пользы часъ, или два, отпускаетъ ихъ во-свояси. Въ городѣ между тѣмъ распространяется слухъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ Москвы, или изъ Кіева и потребовалъ къ себѣ такихъ-то людей. Досужія головы дѣлаютъ на счетъ цѣли его пріѣзда самыя дикія заключенія. За нимъ слѣдятъ глазами изо всѣхъ домовъ, лишь только онъ появится на улицѣ. Всѣ на сторожѣ; всѣ опасаются

съ его стороны какихъ-то тайныхъ, непріязненныхъ дѣйствій: и этнографъ нашъ, проскучавъ сутки двои-трои въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ ему нечего было дѣлать съ жителями высшаго и низшаго сословій, уѣзжаетъ съ немногими нотабенками въ своей книжкѣ и съ общимъ впечатлѣніемъ пошлости, безцвѣтности и безхарактерности Малороссійскаго населенія уѣздныхъ городовъ.

А сущность дѣла совсѣмъ не та. Простолюдины-горожане конечно теряютъ у насъ много того, что̀ составляетъ прелесть общаго характера поселянъ; они *цивилизуются,* въ худшемъ значеніи этого слова, и забываютъ свой языкъ, свои обряды, пѣсни и преданія. Но между ними можно иной разъ встрѣтить людей стараго вѣка, къ которымъ не пристанетъ никакая цивилизація, или простаковъ, неспособныхъ гоняться за корыстью и въ сношеніяхъ съ пра̀солами усвоивать себѣ ихъ вкусъ относительно одежды, ухватокъ и языка. Только этихъ людей надобно поискать прилежнѣе, а найдя, умѣть обойтись съ ними. Какъ это дѣлается, я не знаю рецепта и, въ утѣшеніе всѣхъ выступающихъ на трудное поприще народоизслѣдователя, скажу, что не разъ я самъ игралъ роль столичнаго этнографа; не разъ я чувствовалъ себя пристыженнымъ и раздосадованнымъ послѣ неудачныхъ попытокъ завязать довѣрчивый разговоръ съ сѣдобрадыми старцами; не разъ я уходилъ изъ хаты поселянина съ сознаньемъ неумѣнья показать себя тѣмъ, что̀ я есть, и съ увѣренностью, что подалъ своимъ посѣщеніемъ поводъ къ безпокойному подозрѣнію себя въ томъ, къ чему я неспособенъ, а пожалуй и къ простодушнымъ насмѣшкамъ надъ тѣмъ, что̀ было мною говорено отъ искренняго сердца.

Въ Черкасахъ, однакожъ, этого со мною не случилось. Едва успѣлъ я осмотрѣть городъ, какъ очутился самымъ естественнымъ путемъ посреди свидѣтелей старины и добродушнѣйшихъ о ней разсказщиковъ. Пробравшись изъ центра города въ тѣ улицы, которыя напоминаютъ деревенскіе виды и выходятъ въ поле, или оканчиваются какой-нибудь пустынной рощею, косогоромъ съ старыми грушами и т. п., я остановился у колодца и началъ

наблюдать приходящій къ нему народъ. Для полупразднаго заѣзжаго это лучшіе пункты въ селахъ и въ похожихъ на села городахъ. У колодцевъ почти всегда ростутъ вербы, или другія деревья, о которыхъ, разумѣется, никто не прилагалъ и не прилагаетъ попеченія. Усѣвшись въ тѣни этихъ деревъ, вы ужъ получаете въ глазахъ приходящихъ за водой значеніе человѣка, занятаго своимъ дѣломъ, а не празднаго вывѣдывателя подноготной: вы отдыхаете, и, въ качествѣ отдыхающаго человѣка, вамъ можно балагурить съ приходящими, какъ балагурятъ они между собою, и вы не удивите никого вопросомъ о Гайдамакахъ, о Запорожцахъ, о Хмѣльницкомъ и о чемъ вамъ угодно, лишь бы только не рѣзко перейти къ такому вопросу. Въ вашемъ положеніи это естественно: вы отдыхаете, и вамъ скучно молчать.

Въ такомъ выгодномъ положеніи находился я, когда, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ дѣйствующихъ лицъ у колодца, пришелъ за водой сѣдоусый человѣкъ, въ суконномъ жилетѣ, очевидно передѣланномъ изъ солдатскаго мундира. Онъ отличался необыкновенною говорливостью, такъ что не пропустилъ ни одной дѣвушки, ни одной молодицы изъ стоявшихъ у колодца (а поселянки наши всегда любятъ постоять съ порожними и полными ведрами въ этомъ мѣстѣ встрѣчъ и пересказыванья новостей) и приправлялъ свои вопросы и отвѣты такими пословицами и поговорками, отъ которыхъ всѣ единодушно хохотали. Рѣдко можно встрѣтить у насъ между стариками такое веселое выраженіе лица, какъ у этого говоруна. Онъ слылъ у своихъ сосѣдей за *шутника* и за такого человѣка, съ которымъ забудешь, зачѣмъ ходятъ къ колодязю. Такъ объявили о немъ другъ другу носильщицы воды и разбрелись въ разныхъ направленіяхъ по зеленымъ взгорьямъ, перекидываясь съ нимъ еще и издали шутками и остротами.

Я попросилъ у него напиться воды и былъ спрошенъ, откуда я. (Онъ тотъ-часъ увидѣлъ, что я человѣкъ заѣзжій.) Я выдалъ себя за живописца, ѣдущаго изъ Кіева въ несуществующее на картѣ село расписывать иконостасъ. Это одна изъ лучшихъ рекомендацій въ глазахъ Малороссійскаго простолюдина, такъ какъ онъ

распространяетъ святость иконъ и на самое ремесло иконописца. Разговоръ зашелъ о Кіевѣ, въ которомъ рѣдкій изъ поселянъ не былъ на богомольи, потомъ о городахъ по пути къ Кіеву и наконецъ о Черкасахъ. Старикъ указалъ мнѣ, гдѣ стоялъ за́мокъ, то есть деревянный острожокъ, окруженный валомъ и рвомъ, и намекнулъ на нѣкоторыя обстоятельства прежнихъ временъ тономъ человѣка, слыхавшаго довольно разсказовъ о старинѣ. Любопытство мое было возбуждено въ высшей степени, но я казался спокойнымъ и не спѣшилъ его расспрашивать. Наконецъ онъ объявилъ, что жинка ждетъ его съ водою и что пора уже обѣдать. Я поднялся съ нимъ вверхъ по покатой улицѣ, продолжая бесѣдовать о его хатѣ, которою онъ былъ очень доволенъ, о его левадѣ, или огородѣ, которымъ онъ былъ такъ-же очень доволенъ, и о его жинкѣ, которою онъ былъ довольнѣе всего. Жинка его была въ молодости горничной дѣвушкой у какой-то барыни, и Василь Судде́нко (имя старика) гордился не мало женидьбой на такой знатной, или вѣрнѣе — на такой образованной особѣ.

»Отъ моя́ ха́та!« (говорилъ онъ, указывая рукой черезъ плетень, въ которомъ сдѣланъ былъ перелазъ.) »Тутъ у мене́ всѐ коло́ ха́ти, чого́ душа̀ бажа́е. Отъ и ку́ри хо́дятъ, отъ и теля́, — а коро́ву ви́гнали въ че́реду — отъ у мене́ й жито росте́ передъ ха̀тою... ви́йди съ ха́ти та й жни... уся́ благода́ть Бо́жа!

Я попросилъ позволенія зайти къ нему, и этимъ очень одолжилъ его. У него и у самого была уже такая думка, чтобъ зазвать меня къ себѣ обѣдать, да какъ-то не осмѣлился, потому что не зналъ, каково оно мнѣ покажется. Онъ человѣкъ простой, хоть и цеховой мѣщанинъ, хоть и портной, а не то, чтобы такъ себѣ *поки́дька*; но всё же видитъ — человѣкъ я не ихъ званія; можетъ быть, привыкъ сидѣть за столомъ съ великими панами; такъ оно какъ-то показалось ему и *сумнительно*.

»А жінка моя́ (продолжалъ онъ) ва́ритъ борщъ такі́й, що

хочъ би и городничому. Вона́ у панівъ до́вго жила́ и понаучувалась усякихъ па́нськихъ роскошівъ.«

Дѣйствительно борщъ оказался такимъ, что хоть бы и городничему; но апетитъ мой сильно пострадалъ отъ волненія, съ которымъ я слушалъ разсказы Василя Судде́нка о его отцѣ, служившемъ въ городовыхъ козакахъ во время Коліивщины. Эти разсказы были исполнены для меня неописаннаго очарованія: я слышалъ въ нихъ еще незамолкнувшій голосъ былой жизни, о которой до насъ дошли только книжныя извѣстія. Василь Судде́нко пересказывалъ рѣчи отца, принятыя имъ съ впечатлительностью дѣтства и, можетъ быть, заимствовавшія оттѣнокъ его собственнаго воображенія. Когда я сказалъ, что все это такъ интересно, что жаль было бы перезабыть — а у меня-де плохая память — и принялся записывать, Василь Судде́нко объявилъ мнѣ, что, если я такъ люблю разсказы о старинѣ, то мнѣ надобно послушать его тестя, Харка́ Цехми́стера, который самъ видѣлъ Зализняка́ и зазнаетъ Богъ знаетъ какія времена.

Черезъ нѣсколько времени явился къ намъ и Харко́ Цехми́стеръ, старикъ самой почтенной наружности — въ черной свитѣ съ кобенякомъ, съ бѣлою, длинною бородою. Онъ былъ ужъ очень старъ, но держался на ногахъ крѣпко, говорилъ чрезвычайно ясно и, когда описывалъ что-нибудь поражавшее его въ молодости, глаза его оживлялись юношескимъ огнемъ. Онъ былъ не прочь познакомиться съ моимъ штофикомъ, который давно уже стоялъ на столѣ и съ которымъ Василь Судде́нко вступилъ въ самыя пріятельскія отношенія. Память его не только не пострадала отъ хмѣлю, скоро подѣйствовавшаго на его престарѣлую голову, но еще отъ него прояснилась, и онъ припоминалъ самыя мелкія подробности изъ своихъ давнишнихъ впечатлѣній. Не нужно, я думаю, увѣрять, что я провелъ время въ обществѣ этихъ друзей самымъ пріятнымъ образомъ. Я просидѣлъ съ ними до сумерекъ, не выпуская карандаша изъ рукъ, и ушелъ, обѣщавъ явиться къ нимъ на другой день. Харко Цехми́стеръ тоже далъ слово обѣдать завтра у своего зятя. Такъ я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ,

до тѣхъ поръ, пока не записалъ всего, что̀ хранилось у него въ памяти. Утромъ я приводилъ въ порядокъ свою стенографію, а потомъ отправлялся въ хату Василя Судде́нка, какъ на университетскую лекцію, и пополнялъ всѣ неполныя, или темныя мѣста при вторичныхъ распросахъ. Читатель увидитъ, стоило ли поить запеканкою Черкаскихъ разскащиковъ. Что̀ касается до меня, то ихъ бесѣды дѣйствовали на мое воображеніе такъ сильно, что я нѣсколько дней не могъ ни о чемъ другомъ думать, и лица, выведенныя ими на сцену въ ихъ повѣствованіяхъ, рисовались передо мной, какъ живыя. Вотъ эти повѣствованія.

МАКСИМЪ ШИЛО. (1)

(*) ....Почу́вши губерна́торъ (2) Роско́вськиий, що гайдама́ки деру́ть одно́го чоловіка, Шра́ма... а той Шрамъ держа́въ у ёго на оре́нді корчму̀ въ Ру́ській Поля́ні... то вінъ, почу́вши, що Шра́ма деру́ть, поіхавъ ёго́ обороня́ти. А оди́нъ гайдама́ка изъ вікна́, не допусти́вши ёго́ до оре́нди, и вбивъ зъ рушни́ці. То вони́ самі сколо́ли того́ гайдама́ку. »О, вра́жий синъ!« ка́жуть, »до́брого па́на стра́тивъ!« та взялй та й сколо́ли (3). Идо́сі хрестъ стоіть надъ тимъ губерна́торомъ у Ру́ській Поля́ні.

(*) *Переводъ.* — ....Какъ услышалъ *губернаторъ* (2) Роско̀вскій, что гайдамаки грабятъ одного мужика, Шрама... а тотъ Шрамъ имѣлъ отъ него въ арендѣ корчму въ Русской Полянѣ... такъ онъ, узнавши, что Шрама грабятъ, и поѣхалъ оборонять его. Тутъ одинъ гайдамака, не допустивъ его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно изъ ружья и убилъ его. Такъ они сами закололи того гайдамаку. »Ахъ, вражій сынъ!« говорятъ, »добраго пана сгубилъ!« и закололи гайдамаку (3). До сихъ поръ стоитъ крестъ надъ тѣмъ губернаторомъ въ Русской Полянѣ.

---

(1) Разсказъ Василя Судде́нка.

(2) Т. е. управитель.

(3) Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія.

А потімъ бувъ губернáторомъ панъ Сѐльский. То за сёгó вже губернáтора приїхавъ отáманъ Шѝло, зъ ватáгою — душъ, мóже, зъ сóтню. Менé ще тогді на світі не булó, а роскáзувавъ те все покійникъ бáтько. Приїхали — кáже — вонѝ підъ (замковý) брáму та й кричять, щобъ одчинѝли. А губернáторъ злякáвсь та й звелівъ одчинѝти, хочъ у зáмку булó не безъ нарóду А я — кáже — бувъ на той часъ дóма. Прибігáю до зáмку, ажъ ужé менé не пускáють. Я до частокóлу. Дивлюсь скрізь щілину, ажъ губернáторъ стоїть на колінахъ передъ Максѝмомъ Шѝломъ; а той сидѝть на коні, якъ разъ прóти мѐне, и читáе ёмý укáзъ нібито одъ Царѝці, щобъ різать усіхъ Ляхівъ и Жидівъ, щобъ и на світі іхъ не булó. А я собі дýмаю: »Ось постóй лишъ, я тобі дамъ не такóго укáзу!« та, просýнувши въ щілину рушнѝцю, тілько що хóчу стрѐлить прямо ёмý въ грýди, а кінь махнѐ головóю, то й нельзя влýчить. Я знóвъ переждý, пóки кінь понýритця, та що хóчу стрѐлить, то вінъ знóву й махнѐ головóю. А літне, знаете, врѐмя, сáме передъ Трóйцею, то мýхи конѝ кусáють.

Колѝ жъ прибігáе то-жъ изъ міста повкóвникъ замковѝй, Па-

А потомъ былъ губернаторомъ панъ Сельскій. При этомъ ужъ губернаторѣ пріѣхалъ (въ Черкасы) отаманъ Шило съ ватагою, душъ, можетъ, во сто. Меня тогда еще на свѣтѣ не было, а разсказывалъ мнѣ объ этомъ покойный отецъ. Подъѣхали — говоритъ — они къ (замковымъ) воротамъ и кричатъ: »Отворите!« Губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хоть въ зáмкѣ было не безъ людей. А я — говоритъ — былъ на то время дома. Прибѣгаю къ зáмку — меня ужъ не пускаютъ. Я къ частоколу. Смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣняхъ передъ Максимомъ Шиломъ; а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ противъ меня, и читаетъ ему указъ будто-бы отъ Царицы, чтобъ рѣзать всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, такъ чтобъ и на свѣтѣ ихъ не было. А я думаю: »Погоди-ка, я тебѣ дамъ не такого указу!« и, просунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь и махнетъ головой, такъ и нельзя потрафить. Я опять подожду, пока конь потупитъ голову, и только что хочу выстрѣлить, онъ опять и махнетъ головой. А вре-

цина Францишекъ: »Бога бійся, Омельку, не стреляй! Ходімо перше роспитаемось.«

Пішли, стали стучать. Впущено насъ у башту.

Отъ батько (¹) піднявъ підъ руки губернатора и каже: »Устань, пане! щò ти передъ ледащомъ оце робишъ? Да ви іхъ не слухайте: се гайдамаки! Вистреляймо іхъ, вражихъ синівъ!«

Губернаторъ и вставъ.

А Максимъ и каже батькові: »Хтò ти за чоловікъ?«

А батько каже: »А тобі когò треба?«

»Ти, видно, Омелько Судденко?«

»Такъ, Омелько Судденко.«

А батько та бувъ перваий на всю губернію стрілець. То вже Максиму сказано: »Стережись, Максиме, Омелька Судденка, бо той чоловікъ тебе зъ світу зжене.«

То Максимъ и каже батькові: »Не стреляй же, брате, сёгò хлопця свинцёвою кулею, а стреляй срібною.«

мя, видите ли, лѣтнее, какъ разъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ мухи кусаютъ коня.

Какъ тутъ прибѣгаетъ изъ города замковой полковникъ, Францишекъ Пацына: »Ради Бога, Омелько, не стрѣляй! пойдемъ сперва разузнаемъ, въ чемъ дѣло.« Пошли мы, начали стучать въ ворота. Пропустили насъ черезъ башню...

Тогда отецъ (¹) поднялъ губернатора и говоритъ: »Встань, панъ! что это ты дѣлаешь передъ негодяемъ? Не слушайте ихъ: это гайдамаки! Перестрѣляемъ ихъ, вражьихъ дѣтей!« Губернаторъ всталъ. А Максимъ говоритъ отцу: »Что ты за человѣкъ?« А отецъ говоритъ: »А тебѣ кого нужно?« — »Ты, вѣрно, Омелько Судденко?« — »Такъ, Омелько Судденко.« А отецъ, видите ли, былъ первый стрѣлокъ во всей *губерніи*; такъ Максиму кто-то и сказалъ: »Берегись, Максимъ, Омелька Судденка: этотъ человѣкъ сгонитъ тебя со свѣта.« Вотъ Максимъ

(¹) Здѣсь разсказщикъ перестаетъ повторять слова отца и начинаетъ говорить о немъ въ третьемъ лицѣ.

А батько каже: »Моли Бога за пана полковника, ато досі и одъ свинцёвоі ти на коні не сидівъ би; та ще — що кінь головою махавъ... Виколімъ«, каже, »іхъ, панове!«

Отъ наші й заходились коло гайдамакъ. А Максимъ и каже: »Що жъ, панове? що съ того, що ви насъ виколете? Насъ е багацько, то виколють и васъ. Я не по своій волі приіхавъ: мене послано.«

Наші пораховали-пораховали та й випустили іхъ.

Гайдамаки стали на кватирі у Андрійця, коло Тройці. А опісля присилае Максимъ козака зъ запискою до замку: просить губернатора вийти за хвіртку на тайну розмову. Губернаторъ вийшовъ безъ оружжя, а батько зъ нимъ при пистолетахъ. И Максимъ вийшовъ самъ безъ оружжя, а козакъ зъ нимъ при пистолетахъ. »Не знаю«, каже, »що мині й говорить своиму старшому. Зъідь«, каже, »зъ Черкасъ, а я скажу, що дома не заставъ.«

Губернаторъ послухавъ та и зъіхавъ. А гайдамаки порозби-

и говоритъ отцу: »Не стрѣляй же, братъ, этого парня свинцовой пулей, а стрѣляй серебряною.« А отецъ говоритъ: »Молись Богу о панѣ полковникѣ, ато не сидѣть бы тебѣ на конѣ и отъ свинцовой пули; да еще благодари Бога за то, что конь головой махалъ. Переколемъ«, говоритъ, »ихъ, господа!« Вотъ наши и приступили къ гайдамакамъ. Тогда Максимъ говоритъ: »Что же, господа? что въ этомъ проку, что вы насъ переколете? Насъ много — переколютъ и васъ. Я не по своей волѣ пріѣхалъ: меня прислали.« Наши подумали, подумали и выпустили ихъ.

Гайдамаки заняли себѣ квартиру у Андрійца, около Троицы. Потомъ присылаетъ Максимъ къ замку козака съ запиской: проситъ губернатора выйти за калитку для тайныхъ переговоровъ. Губернаторъ вышелъ безъ оружія, а отецъ при немъ съ пистолетами. И Максимъ вышелъ самъ безъ оружія, а при немъ козакъ съ пистолетами. »Не знаю«, говоритъ, »что и сказать мнѣ своему старшему. Уѣзжай изъ Черкасъ, а я скажу, что дома не засталъ.« Губернаторъ послушался его и уѣхалъ. А гайдамаки переколотили бочки съ водкой, ограбили зажиточныхъ людей и убрались изъ Черкасъ.

вáли зъ горілкою бочки́, пограбили бага́тихъ людéй та й потягнýли съ Черкáсъ.

Въ этомъ преданіи гайдамаки являются не защитниками единовѣрцевъ и мстителями за претерпѣнныя ими притѣсненія, а грабителями ихъ имуществъ. Но это неизбѣжное зло при всякомъ возстаніи черни. Сторону Запорожскихъ выходцевъ приняли прежде всего бѣдняки, приняли недовольные существующимъ порядкомъ вещей, обиженные своими хозяевами »наймыты«, а такъ-же воры и разбойники. Для этого сброду гайдамачество было войною бѣдныхъ противъ богатыхъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, служа прежде у зажиточныхъ мѣщанъ и поселянъ, мстили имъ потомъ за какія-нибудь дѣйствительныя, или кажущіяся обиды и устремляли на нихъ жадную толпу голышей. Самовидецъ, описывая, въ своей лѣтописи, возстаніе черни подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго, говоритъ, что въ то время всѣ люди »значные«, то есть, отличавшіеся достаткомъ и заслугами, терпѣли »великую тýгу и наруганія« отъ простыхъ людей, а особливо отъ гультайства, то есть, отъ броварниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймытовъ и пастуховъ, такъ что находили спасеніе отъ побоевъ и грабительства только въ томъ, что сами вступали въ козацкое войско. (¹) Это говорится о 1648 годѣ. На другой годъ уже не нужно было такого возбужденія къ увеличенію козацкаго войска: тогда уже »усе, що живо, поднялося въ козацтво«, такъ что едва можно было найти въ какомъ-нибудь селѣ такого человѣка, который бы не пошелъ самъ, или не снарядилъ сына въ войско; если же самъ былъ не въ-силахъ, то посылалъ слугу-пáрубка. Многіе же шли со двора всѣ, оставивъ на хозяйствѣ одного только человѣка. Даже въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, присяжные бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли въ козаки. »А то усе дѣялось (говоритъ Самовидецъ) за-для того, же прошлого року збогатилися

(¹) »Лѣтопись Самовидца«, стр. 11, ст. 1.

шарпаниною добръ шляхетскихъ и Жидовскихъ и *иныхъ людей, бываючихъ на прехоженствѣ.*« ([1])

Такъ всегда бываетъ въ народныхъ возстаніяхъ: люди, стремясь сознательно и бесознательно къ преобразованію гражданской жизни, управляются чаще всего эгоистическими и корыстными побужденіями.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера представляетъ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда гайдамаки были направлены на грабежъ наймытомъ, озлобленнымъ противъ хозяина.

НОЧНОЙ НАѢЗДЪ ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдама́ки прихо́дили въ Черка́си разівъ, мо́же, пять, — и́ноді въ-дѐнь, а и́ноді въ-ночі, и́ноді въ вели́кій, а ча́сомъ въ невели́кій ку́пі. Разъ іхавъ Тишко́ Гараси́менко съ хло́пцемъ изъ я́рмарку; колй жъ гля́дь, ажъ по Медве́довському шля́ху ідуть на ко́няхъ. Ажъ ось прибігá до во́за коза́къ: »Що̀ за люде« ?

»Изъ Черка́съ. Булй на я́рмарку.«

Коза́къ верну́всь до ота́мана и одвісти́въ. Тогді ота́манъ присла́въ дво́хъ уже́ гайдама́къ.

Отъ — ка́же (Гараси́менко) — мене́ взялй та й звяза́ли поясомъ, а хло́пцеві звеліли поганя́ть ко́ней. Ідемъ за ни́ми ажъ

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки приходили въ Черкасы разъ пять, — иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, иногда небольшою купою. Разъ ѣхалъ съ ярмарки Грицко́ Гарасименко съ мальчикомъ; смотритъ — по Медвѣдовской дорогѣ ѣдутъ верховые. Только прибѣгаетъ къ возу козакъ. »Что̀ за люди?« — »Изъ Черкасъ. Были на ярмаркѣ.« Козакъ воротился къ отаману и передалъ ему этотъ отвѣтъ. Тогда отаманъ прислалъ двоихъ уже гайдамакъ.

Взяли меня — говоритъ (Гарасименко) — и связали поясомъ, а

([1]) Тамъ же, стр. 14, ст. 2.

до го́рода. Прiхавши близѐнько, ста́ли. Ота́манъ за́разъ: «Съ ко́ней!«

Усi й позла́зили съ ко́ней.

»Припада́йте до землi!«

Поприпада́ли усi ниць. И хло́пець излiзъ зъ во́за та й собi припа́въ ниць. А я лежу́ звя́заний на во́зi та й дивлю́сь. А вiнъ щось тамъ собi ми́мрить-ми́мрить [се вже, бачъ, вiнъ ворожи́въ, чи бу́де вда́ча], а далi: »Встава́йте!«

Уста́ли, посiда́ли на ко́ней та й поiхали по-за го́родомъ. Ко́ней зоста́вили за ца́риною, а самi пiшли́ въ го́родъ. И менѐ везу́ть, у во́зi. А хло́пець, ще за го́родомъ, уста̀въ зъ во́за, нiби про се́бе, та й пiшо̀въ собi. А воня́ й байду́же за хло́пцемъ.

Iдемъ — ка́же — пря́мо до Дри́ги. [А Дри́га живъ напро́тивъ того́ двора́, де тепе́ръ городни́чий.] Вiзъ оста́вили за ворiтьмi, а самi до бра́ми. Оди́нъ за́разъ перско́чивъ черезъ частоко́лъ та й одчини́въ бра́му. А я — ка́же — лежу́ у во́зi, та все минi й ви́дно. Отъ — ка́же — гайдама́ки ви́кресали бага́ття. А оди́нъ злiзъ на причiлокъ, та перелiзъ черезъ ха́ту та й одчини́въ две́ри. А я — ка́же — дава́й зсо́вувать зъ себѐ по́ясъ, та й розвяза́вся;

мальчику велѣли погонять лошадей. Ѣдемъ за ними къ самому городу. Подъѣхавъ близко, остановились. Отаманъ тотъ-часъ: »Съ лошадей!« Всѣ слѣзли съ лошадей. »Ложитесь на землю!« Всѣ пали ничкомъ. А я лежу на возу, связанный, и смотрю. Онъ что-то долго бормоталъ про себя [это онъ, видите ли, гадалъ, будетъ ли удача], а потомъ: »Вставайте!« Всѣ встали, сѣли на лошадей и поѣхали вокругъ города. Лошадей оставили за *ца́риною* (за полевыми воротами), а сами пошли въ городъ. И меня везутъ на возу. А мальчикъ, еще за городомъ всталъ съ воза и побрелъ себѣ. А имъ и нужды нѣтъ, что онъ ушелъ.

Ѣдемъ — говоритъ — прямо къ Дригѣ. [А Дрига жилъ противъ того двора, гдѣ теперь городничiй живетъ]. Возъ оставили на улицѣ, а сами къ воротамъ. Одинъ тотъ-часъ перескочилъ черезъ частоколъ и отворилъ ворота. А я — говоритъ лежу на возу, и все мнѣ видать, что̀ они дѣлаютъ. Вотъ — говоритъ — гайдамаки высѣкли огня. Одинъ взлѣзъ на

та вже покинувши й коней зъ вòзомъ, добігъ до дзвиници, та вдàривши разівъ зó три въ дзвóна, та зъ дзвиниці.

Біжу по-узъ дядьківъ двіръ. А дядько на той часъ згодився на дворі: »Хтò то такий? Чи се ти, Тишкó?«

»Я«, кажу.

»Чогò се ти біжишъ?«

»Ховайтесь«, кажу: »гайдамáки Дригу дерýть!«

Отъ дядько порозбýжувавъ своіхъ та, запéрши ворóта, и хòдять пó двору на вáрті. А до Дриги боятця йти: такий бувъ страхъ!

А гайдамáки положили Дригу дóлі та, насипавши ёму на гóлу спину пóроху, запалили и дрáли греблóмъ, щобъ признáвсь, де тиі червінці, що колись ганявъ у Шлёнськe воли та заробивъ. А міжъ ними та бувъ наймитъ Дриги; такъ той усé й вйказавъ. И пóти дрáли, пóки старá не внеслá въ хáту горшкá зъ червінцями.

причілокъ (1), перелѣзъ по чердаку въ сѣни и отворилъ наружную дверь. А я — говоритъ — началъ сдвигать съ себя поясъ, освободилъ руки, бросилъ лошадей съ возомъ и пустился бѣжать къ колокольнѣ; а ударивши раза три въ колоколъ, побѣжалъ далѣе. Пробѣгаю мимо дядина двора. А дядя на то время случился на дворѣ: »Кто это?« спрашиваетъ. »Это ты, Тишкó?« — »Я«, говорю. »Чего это ты бѣжишь?« — »Спрячьтесь«, говорю: »гайдамаки Дригу грабятъ!« Дядя разбудилъ своихъ домашнихъ и, заперши ворота, принялся съ ними караулить на дворѣ. А къ Дригѣ боялись идти: такой былъ страхъ!

Межъ тѣмъ гайдамаки положили Дригу на полу и, насыпавши ему на голую спину пороху, зажгли и царапали скребницею, чтобъ сказалъ, гдѣ червонцы, которые онъ когда-то взялъ въ Шлёнскѣ за воловъ. Съ ними былъ Дригинъ наемникъ; онъ-то и объявилъ имъ объ этомъ. И до тѣхъ поръ мучили, пока старуха не принесла въ хату горшка съ червонцами.

---

(1) *Причілкомъ* называется узкая сторона параллелограма, составляющаго хату. Балки, поддерживающія крышу, на причилкѣ выдвигаются далеко впередъ.

Гайдама́ки не займа́ли замко́вихъ козаківъ, и козакй іхъ не займа́ли. Тілько отó Роско́вський угна́вся бувъ за ни́ми въ Ру́ську Поля́ну, то ёго́ и вбйли. Се було́ о́сь якъ. Гайдама́ки напа́ли на двіръ Олексійця у Біла́зеръі, а само́го ёго́ не заско́чили. А вінъ, притаівшись підъ повіткою, и чу́е, що ще хо́чуть итй въ Ру́ську Поля́ну до Шра́ма. То вінъ звідти та до па́на, та й роска́завъ, що отака́ й така́ річъ. Оттогді-то Роско́вський и вгна́вся за ни́ми въ Ру́ську Поля́ну.

Случалось, что въ гайдамаки шелъ такой наймытъ, который жилъ въ добромъ согласіи съ своимъ хозяиномъ. Тогда онъ не только служилъ отводомъ хищничества товарищей для бывшаго хозяина, но еще выражалъ ему благодарность за его хлѣбъ-соль. Одинъ изъ такихъ случаевъ пересказалъ мнѣ Василь Судде́нко; а именно:

НАЙМЫТЪ-ГАЙДАМАКА. (*)

Почу́вши, що гайдама́ки ободра́ли Дри́гу, та ще й на дру́гихъ людéй похваляютця, утіка́въ черезъ Дніпръ у ду́бі Суту́ла Гара́сько, зъ жінкою и зъ дити́ною [бувъ у ёго́ сино́къ Андрійко]. То се вже

Гайдамаки не трогали замковыхъ козаковъ, и козаки ихъ не трогали. Только вотъ Роско́вскаго убили, чтò погнался за ними въ Русскую Поляну. Это вотъ какъ было. Гайдамаки напали на дворъ Олексійца, въ Била́зерьи, да самого Олексійца не захватили. Онъ притаился подъ навѣсомъ и слышитъ, что сбираются еще идти въ Русскую Поляну къ Шраму. Вотъ онъ оттуда къ пану и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Тогда-то Роско́вскій и погнался за ними въ Русскую Поляну.

(*) *Переводъ.* — Когда ограбили гайдамаки Дригу и начали хвалиться сдѣлать то же съ другими, Гара́сько Суту́ла, услышавъ объ этомъ, уходилъ черезъ Днѣпръ на лодкѣ съ женой и съ мальчикомъ [былъ у не-

---

такъ что крыша образуетъ родъ навѣса, и если дыра подъ этимъ навѣсомъ не застлана, то и можно съ причилка взлѣзть на чердакъ.

той Андрій Сутуленко роскáзувавъ, що — кáже — трéба буló намъ переіздить черезъ Дніпръ у чóвні; а бáтько й коня на пóводі за чóвномъ вівъ. То я боявсь, щобъ кінь не перевернувъ чóвна, та й ставъ плáкать. То бáтько й покинувъ менé на бéрезі. »Пропадáй же«, кáже, »врáжа дитино!« [А знáе, що дитя не де дінетця, бо гайдáмаки дітéй не займáли.] Отъ я — кáже — переночовáвъ у садкý, а пóтімъ пішóвъ до бáби. Бáба менé нагодовáла; я й гуляю собі. Колú жъ дивлюсь — идé наймитъ нашъ, що пристáвъ у гайдамáки. Ужé собі й жупáнъ, добувъ.

»Здорóвъ«, кáже, »Андрію!«

»Здорóвъ.«

»А бáтько дé?«

»Отáмъ и тáмъ«, кажý; »а я въ бáби.«

[А бáба вбóга булá, то й не ховáлась одъ гайдамáкъ.]

»На жъ«, кáже, »тобі грóшей, та не давáй нікóму, а несú до бáби.«

Та й почáвъ мині кидать у пáзуху пятакú зъ обóхъ кишéнь. Пóвну пáзуху — кáже — мині насипавъ.

го сынокъ Андрійко]. Онъ-то, этотъ Андрій Сутуленко, и разсказывалъ мнѣ объ этомъ. Надобно — говоритъ — было намъ переправиться черезъ Днѣпръ на лодкѣ; а отецъ и коня въ поводу за лодкой велъ. Я боялся, чтобъ конь не опрокинулъ лодки, и началъ плакать. Отецъ и бросилъ меня на берегу. »Пропадай же«, говоритъ, »вражье дитя!« [Зналъ онъ, что дитя никуда не дѣнется, потому что гайдамаки дѣтей не трогали.] Вотъ я — говоритъ — переночевалъ въ садикѣ, а потомъ и пошелъ къ бабушкѣ. Бабушка меня накормила. Я и играюсь себѣ. Только смотрю — идетъ нашъ батракъ, что присталъ къ гайдамакамъ. Ужъ и жупанъ себѣ добылъ. »Здорово, Андрей!« говоритъ. »Здорово!« — »А отецъ гдѣ?« — »Тамъ-то и тамъ-то«, говорю; »а я у бабушки.« [Бабушка была женщина убогая, то и не пряталась отъ гайдамакъ.] »Возьми же«, говоритъ, »себѣ эти деньги, да не давай никому, а снеси къ бабушкѣ.« И началъ бросать мнѣ въ пазаху пятаки изъ обоихъ кармановъ. Полную пазаху — говоритъ — мнѣ насыпалъ.«

Между стариками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о гайдамакахъ, я встрѣтилъ только одного, видѣвшаго кого-нибудь изъ ихъ предводителей, и это былъ Харко́ Цехмистеръ. Онъ имѣлъ лѣтъ десять отъ роду въ 1768 году, когда Зализнякъ приходилъ съ своимъ войскомъ въ Черкасы, и память его сохранила всѣ обстоятельства, сопровождавшія наѣздъ гайдамакъ, сколько было доступно ихъ для наблюденій мальчугана. Разсказъ его вводитъ насъ въ исторію мелочей событія, которыя даютъ возможность сдѣлать заключеніе объ общемъ характерѣ козацкихъ войнъ въ Польской Украйнѣ.

ПРЕБЫВАНІЕ МАКСИМА ЗАЛИЗНЯКА ВЪ ЧЕРКАСАХЪ. (*)

....Са́ме въ Петрівку, у пе́рвий день, у понеділокъ, пріїхали двана́дцять затязцівъ на розвідини. Пострічáли Андріїця та й роспитують:

»Дѐ тутъ оттакий-то війтъ?«

»Я«, ка́же Андрієць.

»Веди́ жъ насъ до себе́ на кватиру.«

Зазва̀въ іхъ до себе́ на квати́ру. Послáли до па́на Се́льського въ за̀мокъ, щобъ давъ напитківъ. Той імъ за́разъ и прислáвъ, бо всі боялись гайдама́ківъ. Отъ вони́ пъють да й ка̀жуть: »Нехай вра̀жий Ляхъ дае́, а по́слі звя̀жемъ ёго́ та й повезѐмъ до коша́.«

А Андрієць, почу̀вши се́е, та въ за̀мокъ: »Бережи́сь«, ка̀же, »па́не: отака́ й така̀ річъ.«

(*) *Переводъ*.... Въ самый Петровъ постъ, въ первый день, понедѣльникъ, пріѣхало человѣкъ двѣнадцать гайдамакъ на развѣдки. Встрѣтили они Андріїца и спрашиваютъ: »Гдѣ живетъ такой-то войтъ?« — »Я«, говоритъ Андріецъ. »Веди же насъ къ себѣ на квартиру.« Зазвалъ онъ ихъ къ себѣ на квартиру. Оттуда они послали къ пану Сельскому въ за̀мокъ, за напитками. Тотъ и прислалъ имъ тотъ-часъ, потому что всѣ боялись гайдамакъ. Пьютъ они и говорятъ: »Пускай вражій Ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ его и увеземъ въ свой станъ.« Услышавъ это, Андріецъ побѣжалъ въ за̀мокъ: »Берегись, панъ«, говоритъ онъ: »вотъ что́

То панъ Се́льськии и запѐрсь у за́мку. А гайдама́ки повертілись по-підъ частоко́ломъ та й верну̀лись до коша́. А ко́шемъ воні́ стоя́ли тогді цілиі су́тки у Вели́кихъ Ку́рганівъ.

А такі́й бувъ наро́дъ шале́ний, ти́і затя́зці, що оце́ іде по у́лиці та вба̀чить у дворі чоловіка, то ви́ме пистоле́тъ та й кричи́ть: »У ха̀ту, муре́ю! ато́ запалю!« То чоловікъ схи́лится та підъ повітку.

....На дру́гий день у Петрівку рознесла́сь по Черка́самъ чу́тка, що йде якє́сь віи́сько. А ми тогді булі́ ще хло́пцями. То лю́де боятця, а намъ байду́же: ска́зано — діти.

»Побіжи́мъ, побижи́мъ, що̀ тамъ за віи́сько!«

Побігли за Біла́зерську ца̀рину, ажъ спра̀вді йде віи́сько, такі́ настоя́ще. Попе́реду іде ота́манъ на була́німъ коні, у карма́зині. Ша́пка на ёму́ си́ва, чо́боти сапъя̀нці, по́ясъ шалѐвий; за по́ясомъ пистолѐтъ; при боку́ ша̀бля. Ото́ жъ бувъ самъ Макси́мъ Залізня̀къ. Не стари́й ище́ чоловікъ, літъ, мо́же, сорока́, а мо́же, й більшъ; на виду́ по̀вний, круглови́дий, уро́дою хоро̀ший,

---

я слышалъ!« Тогда панъ Сельскій и заперся въ за́мкѣ. А гайдамаки повертѣлись подъ частоколомъ и воротились въ свой станъ. А craномъ они стояли тогда цѣлыя сутки у Великихъ Ку́ргановъ.

Такой шальной народъ былъ эти гайдамаки, что когда ѣдетъ бывало по улицѣ и увидитъ на дворѣ мужика, то, вынувши пистолетъ, и кричитъ: »Убирайся въ хату, сермяжникъ, ато выстрѣлю!« Наклонится человѣкъ да скорѣе и спрячется подъ навѣсъ.

......На другой день Петрова поста разнесся по Черкасамъ слухъ, что идетъ какое-то войско. Мы тогда были еще мальчиками. Взрослые боятся, а намъ и нужды мало: извѣстно — дѣти. »Побѣгимъ, побѣгимъ, что̀ тамъ за войско!« Побѣжали мы за Бѣла́зерскую *ца́рину* — въ самомъ дѣлѣ идетъ войско, настоящее войско. Впереди ѣдетъ отаманъ, на буланомъ конѣ, въ красной одеждѣ. Шапка на немъ сѣрая, сапоги сафьянцы, поясъ шалевой; за поясомъ пистолетъ; сбоку сабля. То и былъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старый еще человѣкъ былъ, лѣтъ, можетъ быть, сорока, а, можетъ, и больше; полный, круглолицый, собой

на взростъ невеликий, та плечистий; у̂си русяві невели́чкі; за у̂хомъ оселе̂дець. А за нимъ усе́ по два̀, усе́ по два̀, зъ ра́тищами, и у передніхъ паръ, мо́же, у трёхъ, ратища́ зъ корогóвками двойча́тими, такъ що оце́ половйна бу́де біла, а половйна кра̂сна, а знóву половйна жóвта, а половйна чóрна, абó червóна, абó сйня. А по са́мому за̂ду йде чоловікъ зъ деся́токъ пішо безъ ра́тищъ и безъ усё-го, а тілько колкй позасма̀лювали та й иду̂ть. То вже вінники, тó-що, що попристава̀ли въ гайдама́ки.

Отъ ми й ста̀ли коло шля́ху, по пра̂ву ру̂ку, и шапкй позніма́ли. А вінъ, порівня́вшись изъ на̂ми, та й ка́же: »Здорóві, сучакй!«

А ми ка́жемо: »Здорóві, па́не!«

»А щò ви? не орете́?«

»Ні, па̀не.«

»А ми жъ оце́ почалй ора́ти!«

Та й поіхавъ у го́родъ черезъ ту у̂лицю, де тепе́ръ старйй база̂ръ, та по-за Пацйною, де тепе́ръ живе́ 'Ищенко, що слу̂жить у су̂ді; и приіхали вонй пря́мо до за̀мку, черезъ містъ. Ба̂шта була̀ одчи́нена. Я вже не ба́чивъ, хтò іі одчинйвъ. Уіхали въ за̀мокъ,

---

пригожій, росту небольшого, но широкоплечій; усы у него русые, небольшіе, за ухомъ *оселе́децъ* (длинный чубъ). А за нимъ ѣдутъ всё по два въ рядъ съ копьями, и у переднихъ паръ, можетъ, у трехъ копья съ двойчатыми значками: одна половина значка бѣлая, а другая красная, а тамъ опять половина желтая, а другая черная, или красная, или синяя. А въ самомъ хвостѣ идетъ человѣкъ десять пѣшихъ безъ копей и безъ всего, съ одними только обожженными на концахъ кольями. То ужъ были винокуры и тому подобные, что пристали къ гайдамакамъ.

Мы остановились подлѣ дороги, направо, и шапки сняли. А онъ, поравнявшись съ нами, говоритъ: »Здорово, *сучакй!*« А мы говоримъ: »Здравствуй, панъ!« — »А чтò вы? не пашете?« — »Нѣтъ, панъ.« — »А мы ужъ начали пахать!« И поѣхалъ въ городъ по той улицѣ, на которой теперь старый базаръ, а потомъ позади Пацы̀ны, гдѣ теперь живетъ 'Ищенко, чтò служитъ въ судѣ; и пріѣхали они прямо въ за̀мокъ, черезъ мостъ. Башня была отворена. Я ужъ не видѣлъ, кто ее отворилъ.

сами́ ста́ли въ ряди́, а ратищá въ ко́зла поста́вили. А Залізня́къ кри́кне: »Съ ко́ней!«

Оть вони́ позліза́ли и поприв'я́зували ко́ней коло́ коню́шні у коновя́зей. А ота́манъ, зъ десятьма́, мо́же, чоловіками, пішо́въ пря́мо до поко́івъ. А назу́стрічъ ёму́ ви́йшло съ поко́івъ чоловіка тѐ-жъ изъ де́сять, зъ ота́маномъ Бу́зькомъ, изъ Цеса́рськоі Слободи́. Позніма́ли передъ нимъ шапки́. И вінъ, прийшо́вши до нихъ бли́жче, знявъ ша́пку та за́разъ и надівъ; а вони́ усі передъ нимъ безъ шапо́къ.

»А здоро́ві«, ка́же, »коза́цтво!«

»Здоро́въ, ота́мане ба́тьку!«

»А де вашъ ота́манъ?

Оть ота́манъ до ёго́ й ви́скочивъ съ ку́пи, безъ ша́пки. А вінъ и собі ша́пку знявъ. Обняли́сь, поціловáлись.

»Ну, просіть же на квати́ру.«

Пішли́ въ поко́і.

А пани́ вже давно́ убра́лись на той бікъ Дніпра́, — ище́ якъ почу́ли одъ Андрійця, що гайдама́ки похваля́ютця іхъ перевяза́ть.

Одби́ли шпи́клірӂъ соки́рою. Шука́ють, чого́ імъ тре́ба.

Въѣхали въ за́мокъ, сами стали въ ряды, а копья поставили въ ко́злы. Зализнякъ крикнулъ: »Съ лошадей!« Гайдамаки слѣзли съ лошадей и привязали ихъ возлѣ конюшни у коновязей; а самъ онъ, съ десятью, что ли, человѣками, пошелъ прямо къ покоямъ. Навстрѣчу ему вышло оттуда тоже человѣкъ десять, съ отаманомъ Бу́зькомъ, изъ Цесарской Слободы. Сняли передъ нимъ шапки. И онъ, подойдя ближе, снялъ шапку и тотъ-часъ опять надѣлъ; а они такъ и остались съ открытыми головами. »Здорово, козаки!« сказалъ онъ имъ. — »Здравствуй, батько отаманъ!« — »А гдѣ вашъ отаманъ?« Отаманъ выскочилъ къ нему изъ купы, безъ шапки. Онъ тоже снялъ шапку. Обнялись, поцѣловались. »Ну, просите же на постой,« сказалъ онъ, и пошли всѣ въ покои. А паны давно ужъ убрались на ту сторону Днѣпра, — еще тогда, какъ услышали отъ Андрійца, что гайдамаки сбираются перевязать ихъ. Тутъ гайдамаки отбили въ подвалѣ дверь топоромъ и ищутъ, чего имъ надо.

А чоловікъ изъ сімъ затязцівъ пішли до орѐнди.

А ми, хлопята: »Ходімъ, ходімъ за ними!«

Отъ одѝнъ попа̀въ десь сокиру та по замку̀ торо̀хъ! Замо̀къ такъ и роспа̀вся. Тогді дава̀й руба̀ть у бочка̀хъ обручі. Горілка такъ и потекла̀ съ коміръ по косого̀ру.

А жінки згріба̀ють пісокъ, та спиняють ту горілку, та беру̀ть пригорщами та въ го̀рщики й збіра̀ють скрізь намітку.

А гайдама̀ки жіно̀къ не займа̀ють; и вбо̀гихъ людѐй не займа̀ють; тілько бага̀тихъ гра̀били, а Ляхівъ и Жидову̀ різали. То всі Жидѝ повтіка̀ли зъ го̀рода и панѝ. А панівъ тогді у насъ було̀ трѝ: панъ Сѐльський, губерна̀торъ; — Пацѝна, полко̀вникъ, и Жуко̀вський, лісни̇̀чий.

Отъ я, подивѝвшись на се чу̀до, прийшо̀въ додо̀му, ажъ панотѐць поіхавъ у лісъ изъ двома̀ наймита̀ми, а до̀ма зоста̀лась папіма̀тка та па̀рубокъ Сідоголо̀вка. Прихо̀жу въ ха̀ту, ажъ ма̀ти пла̀че.

»А дѐ ба̀тько?«

»И вжѐ, сѝнку, поіхали!«

Колѝ жъ ба̀тько — не зна̀ю вже, чого̀: чи розду̀мавсь, чи що̀ —

А человѣкъ семь отправились въ *аренду* (питейный домъ). »Пойдемте и мы за ними!« сказали мы, мальчишки, другъ другу, и пошли.

Тамъ одинъ гайдамака схватилъ топоръ и брякъ по замку! Замокъ такъ и развалился. Тогда онъ и принялся рубить обручи въ бочкахъ. Водка такъ и потекла по косогору. А женщины дѣлаютъ изъ песку запруду, останавливаютъ водку, черпаютъ горстями и цѣдятъ сквозь серпянку. Гайдамаки не трогали женщинъ; и убогихъ людей не трогали; только богатыхъ людей грабили, а Ляховъ и Жидовъ рѣзали. Потому-то всѣ Жиды и паны ушли изъ города. Пановъ же тогда было у насъ три: панъ Сельскій, губернаторъ, — Пацына, полковникъ, и Жуковскій, лѣсничій.

Ну, посмотрѣлъ я на это чудо и пришелъ домой; пришелъ, а ужъ отецъ поѣхалъ въ лѣсъ съ двумя батраками, а дома осталась только мать да работникъ Сѣдоголовка. Прихожу въ хату — мать плачетъ. »А гдѣ отецъ?« — »И, сынокъ! ужъ поѣхали!« Какъ тутъ отецъ — не знаю ужъ, зачѣмъ: раздумалъ, что ли — воротился, доѣхавъ до самой горы,

вернувся ажъ изъ-підъ горй, одъ цèркви. Тілько що випрягáють кóней, ажъ ось идè лейстрóвий городськúй козáкъ Головкó; ведé у двіръ двóхъ гайдамáкъ та й кáже: »Кáжуть, цехмúстре, що въ васъ е чóботи-сапъянці, що ви робúли панáмъ!«

»Ні«, кáже, »немá: я робúвъ та давнò.«

Отъ ёгó й повелú у зáмокъ до самóго Залізнякá.

Панотéць опісля вже роскáзувавъ, що — кáже — скóро ввійшлú въ будúнокъ, то я — кáже — и вбáчивъ, що Бýзько отáманъ заховáвсь у кімнáту. А Залізнякъ и кáже: »Тú цехмúстеръ шéвський?«

А я кажý: »Я, пáне.«

»У тебé есть чóботи-сапъянці, що ти робúвъ панáмъ.«

»Робúвъ, отáмане, та давнò, а тепéръ немá.«

А Бýзько крізь щілину зъ кімнáти й шèпче щось.

А Залізнякъ и ýхо приложúвъ та й кáже: Не знáю, хто брèше, чи той, чи той. Ну, ступáй собі!«

Бáтько додóму, та за кóней, та скорійшъ зъ дворá! Поіхали зъ двомá парубкáми въ лісъ и тамъ дрáли лýбъе, ажъ пóки гайдамáки повіялись изъ Черкáсъ.

чтò у церкви. Только начали выпрягать лошадей, какъ идетъ реестровой городской козакъ Головкó; ведетъ онъ съ собой двоихъ гайдамакъ и говоритъ: »Цехмистеръ, у васъ, говорятъ, есть сапоги-сафьянцы, что вы шили для пановъ.« —»Нѣтъ«, говоритъ отецъ, »нѣту: я шилъ сапоги, но давно.« Вотъ и повели его въ зáмокъ къ самому Зализняку. Отецъ послѣ ужъ разсказывалъ, что — говоритъ — какъ только взошли въ хоромы, то я — говоритъ — и увидѣлъ, что Бýзько отаманъ спрятался за перегородку. А Зализнякъ говоритъ: »Ты сапожницкой цехмистеръ?« А я говорю: »Я, пане.« — »У тебя есть сапоги-сафьянцы, что шилъ ты для пановъ.« — »Шилъ я, отаманъ, да давно, а теперь сапогъ у меня нѣту.« А Бýзько и шепчетъ что-то сквозь щель изъ *комнáты*. Зализнякъ и ухо приложилъ, и говоритъ: »Не знаю, кто лжетъ, тотъ, или другой. Ну, ступай себѣ!« Тогда отецъ домой, забралъ лоша-

Якъ поіхавъ панотéць, то я хожý по хáті, а пáрубокъ, Сідоголóвка 'Яковъ, шивъ чóботи прóтивъ окнá, а пані-мáтка тèжъ пóралась у хáті. Колú жъ гайдамáки, идучú мимо окнá: »*Пýгу!*«

А пáрубокъ бувъ колúсь на Запорóжжі, то й одвітивъ ёму: »*Козáкъ зъ Лýгу!*«

Ажъ ось и йдýть у хáту два затязці изъ Головкóмъ Ивáномъ, та одúнъ на порóзі у хáту зъ пистолéта — бехъ!

Панімáтка такъ и затрусúлась.

А дрýгий гайдамáка й кáже: О, врáжий сúну! злякáвъ молодúцю!«

»А ну«, кáжуть, »одчиняй, нéне, комóру, бо Бýзько казáвъ, що йменно е сапъянці.«

Одчинúли.

»Одмикáй скрúню!«

Одимкнýли.

Копáлись-копáлись, — нічóго не взялú; не знайшлú чобітъ та й пішлú собі.

Якъ пішлú, то пáрубокъ Сідоголóвка зновъ сівъ та й стáвъ кончáть чóботи. Колú жъ прихóдить щè одúнъ, у Жидівському кап-

---

дей и скорѣй со двора! Поѣхалъ онъ съ двумя парнями въ лѣсъ и драли тамъ лубья, пока гайдамаки убрались изъ Черкасъ.

Какъ уѣхалъ отецъ, то я хожу по хатѣ, а парень нашъ, Яковъ Сѣдоголовка, шьетъ сапоги у окна, а мать тоже чѣмъ-то занимается. Вдругъ гайдамака закричалъ, проходя мимо окна: »*Пугу!*« А батракъ нашъ былъ когда-то на Запорожьи, такъ и отвѣтилъ: »*Козакъ съ Лугу!*« Вотъ и идутъ въ хату двое гайдамакъ съ Иваномъ Головкóмъ, и одинъ изъ нихъ бухъ изъ пистолета на порогѣ! Мать такъ и затрепетала. А другой гайдамака говоритъ: »Эхъ ты, вражій сынъ, испугалъ молодицу!« — »Нутка«, говорятъ, »отворяй, матушка, *комóру*: Бýзько говорилъ, что именно есть у васъ сапоги-сафьянцы.« Отворили. »Отпирай сундукъ!« Отперли. Они рылись, рылись, но ничего не взяли; не нашли сапоговъ и ушли прочь.

Какъ ушли, то парень Сѣдоголовка опять усѣлся и принялся доканчивать сапоги. Какъ тутъ проходитъ еще одинъ гайдамака, въ Жидов-

танку̂ — на гру̂дяхъ и не схôдитця — и въ постôликахъ саморібкахъ.

»Кому̂ се ти чôботи шиешъ?«

»Собі.«

»Ну лишъ«, ка́же, »дошива́й.«

Да й сівъ на ла́ві и ждавъ, ажъ пóки Сідоголóвка доши́въ.

»А щô, доши́въ?«

«Доши́въ.«

»Ну, нà жъ тобі оці постóлики, а я надіну твоі чôботи. А ти собі поши́ешъ.«

Надівъ и пішôвъ собі.

Въ описанномъ здѣсь походѣ Зализняка есть черта, переносящая насъ въ тотъ моментъ возстанія Богдана Хмѣльницкаго, когда у него было больше войска, нежели оружія. Я говорю о гайдамакахъ, вооруженныхъ, на первый разъ, только кольями. Въ думѣ о Хмѣльницкомъ и Василіи Молдавскомъ (¹) изображена та же самая картина, что̂ и въ разсказѣ Харка Цехмистера, а именно:

За імъ козакѝ йдуть,
'Яко ярая пчолà гуду̂ть.
Котóрий козáкъ не міе въ себé шáблі булáтноі,

скомъ кафтанѣ — на груди и не сходится — и въ самодѣльныхъ *постолахъ* (²). »Для кого это ты сапоги шьешь?« — »Для себя.« — »Нутка«, говоритъ, »доканчивай.« И сѣлъ на лавкѣ и ожидалъ, пока Сѣдоголовка кончилъ. »А что̂, кончилъ?« — »Кончилъ.« — »Ну, возьми же себѣ эти *постóлики*, а я надѣну твои сапоги. Ты сошьешь себѣ другіе.« Надѣлъ и ушелъ изъ хаты.

(¹) »Народныя Южнорусскія Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 391.

(²) Постолами называются и лапти, и черевыки, сдѣланные изъ одного куска кожи. Эпитетъ *самодѣльныхъ* показываетъ, что дѣло идетъ не о лаптяхъ, которые каждый самъ для себя дѣлаетъ.

Пищáлі семипядноі,
Той козáкъ кий на плéчи забірáе,
За гетьмáномъ Хмельнйцькимъ увъ охóтне вíйсько поспішáе.

Вообще трагедія 1768 года была повтореніемъ незабытой еще борьбы козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ, каковы бы ни были причины столь ужаснаго ожесточенія гайдамакъ. Вся разница въ томъ, что планъ главныхъ двигателей Коліивщины не достигъ своего полнаго развитія и что они ошиблись въ своихъ надеждахъ на союзниковъ. Такая участь могла бы постигнуть и Хмѣльницкаго, и тогда онъ былъ бы причисленъ къ разряду разбойниковъ, какъ Зализнякъ и Гонта.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера показываетъ, что дѣйствія гайдамакъ не всегда управлялись корыстными видами и что они имѣли сношенія съ лицами разныхъ классовъ общества, въ разныхъ городахъ Украйны.

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамáки наробúли багáто шкóди въ 'Умані. А вже якъ стáвъ писáть корóль до Мáтушки: »Велúкъ світъ Мáтушко! щó оцé рóбитця въ Пóльщі, що якиісь бурлáки розбивáють нарóдъ?« то вонá якъ послáла повкъ легкокóнний, а дрýгиі Донцівъ; то гайдамáки й порізнúлися.

Стоя́ли вонú въ Розсóшинцяхъ, а Дóни тудú прийшлú та й кáжуть: »Примíте й нáсъ; ми до васъ пристáнемо.« Тиі й при-

---

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки надѣлали много бѣды въ Умани. Но, какъ началъ писать король къ Матушкѣ: »Великъ свѣтъ Матушка! что это дѣлается въ Польшѣ? какіе-то бурлаки разбойничаютъ въ народѣ«; такъ она и послала одинъ полкъ легконный, а другой — Донцовъ. Тогда гайдамаки и разрознились.

Стояли они въ Розсóшинцахъ, какъ пришли туда Донцы и говорятъ: »Примите и насъ къ себѣ; мы къ вамъ пристанемъ.« Тѣ и приняли. А

нялй. А Дони іхъ половили та й повязали. То Донський повковникъ пише до Матушки: »Що зъ ними робить?« А вона ёму одписала: »Кому шкоду зробили, тому й у руки оддайте.«

То вже якъ воні утікали на Низъ, то чоловікъ десять іхъ плило по Дніпру, та й пристали дубомъ коло Черкасъ, и прийшли на базаръ, та, взявши перехриста писаря, що бувъ при панахъ, повели черезъ річку Солоницю до Дніпра, та руки ёму поясомъ звязали, очи завязали білою хусткою и сказали ёму: »Стань навколішки.« Вінъ ставъ, а одинъ зайшовъ ззаду та бехъ ёго зъ рушниці въ спину! вінъ такъ и впавъ навзнакъ. А самі сіли въ дуба та й поплилй. А люде зійшлися, заховали того перехриста и хрестъ поставили. И довго той хрестъ стоявъ, та вже водою вимило, бо Дніпръ розливаетця ажъ підъ самий городъ.

Есть историки, приписывающіе кровопролитія 1768 года какой-то необъяснимой кровожадности Украинской черни, — какъбудто человѣкъ можетъ сдѣлаться кровожаднымъ безъ внѣшнихъ причинъ, которыя доводятъ его до рѣшимости убить другого, или погибнуть. Украинскій простолюдинъ доказываетъ статистически, что въ его натурѣ всего менѣе наклонности къ человѣкоубійству,

---

Донцы ихъ переловили и перевязали. Тогда Донской полковникъ пишетъ къ Матушкѣ: »Что съ ними дѣлать?« А она ему отвѣчала: »Кому сдѣлали вредъ, тому и отдайте ихъ въ руки.«

Вотъ, какъ ужъ уходили они на Низъ, то человѣкъ ихъ десять плыло по Днѣпру и причалили лодкой подлѣ Черкасъ, и пришли на базаръ, а тамъ взяли перекрещенца, что при панахъ былъ, повели черезъ рѣчку Солоницу къ Днѣпру, связали ему поясомъ руки, завязали бѣлымъ платкомъ глаза и сказали: »Стань на колѣни.« Онъ сталъ, а одинъ зашелъ сзади и выстрѣлилъ ему въ спину изъ ружья. Онъ такъ и упалъ навзничь. Тогда гайдамаки сѣли на лодку и поплыли. А люди сошлись, схоронили того перекрещенца и крестъ надъ нимъ поставили. И долго стоялъ тотъ крестъ; наконецъ вымыла его изъ земли вода, потому что Днѣпръ въ разливѣ подходитъ подъ самый городъ.

что желаніе овладѣть чужимъ имуществомъ весьма рѣдко искушаетъ его на этотъ грѣхъ и что только подъ вліяніемъ такихъ страстей, какъ гнѣвъ, мщеніе, ревность, онъ забываетъ о грѣхѣ и убиваетъ человѣка. Масса народа измѣняется медленно въ своемъ характерѣ, и нынѣшній Малороссіянинъ всё тотъ же человѣкъ, какимъ онъ былъ въ 1768 году. Если же въ то время легко было Запорожцамъ поднять его на кровавое дѣло, то это значитъ, что онъ былъ ужъ подготовленъ другими обстоятельствами къ Коліивщинѣ. Я ужъ отъ-части выставилъ пружины, которыми приведены были зъ движеніе страсти толпы народной въ Украйнѣ. Теперь представлю фактъ, показывающій съ одной стороны сильно возбужденные къ борьбѣ за вѣру умы простонародья, а съ другой неблагоразумныя мѣры мѣстныхъ властей къ утвержденію въ Украйнѣ уніи, или, можетъ быть, личный фанатизмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсказъ Харка Цехмистера о преслѣдованіи ревнителей *благочестія,* при всей узости его горизонта, вноситъ нѣкоторый свѣтъ въ исторію этого края, которую съ одной стороны затмили безусловные порицатели гайдамакъ, а съ другой люди, видѣвшіе въ Польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ однихъ тирановъ и фанатиковъ. Хотя этотъ разсказъ относится, какъ видно, ко времени, послѣдовавшему за Коліивщиною, но изъ него можно заключить и о временахъ, предшествовавшихъ ей.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЕЛИГІОЗНЫХЪ СМУТАХЪ ВЪ УКРАЙНѢ. (*)

У Миколаі бувъ свящѐникъ, Остáнъ Каря́ка. Поляки́ давáй ёгó підбивáть, щобъ поіхавъ у Пóльщу да вúсвятився на Унію: »Поідь, Остáне, *тóбѣ лѣпѣи бéндзѣ.*« Вінъ и поіхавъ, вúсвя-

(*) *Переводъ.* — Въ Никольской церкви былъ священникъ, Евстафій Каряка. Поляки стали подбивать его, чтобъ поѣхалъ въ Польшу и *высвятился на унію*: »Поѣзжай, поѣзжай, Евстафій, тебѣ лучше будетъ.« Онъ и поѣхалъ, посвятился и воротился уніатомъ. Вотъ въ Троицко

тивсь и вернувся вже уніятомъ. Отъ у Тройці благочёстие, а въ насъ Унія, — роківъ, може, й скількі. То якъ пійдемъ було у який манастиръ говіть, то ченці насъ и наўчують: »Избунтуйтесь«, кажуть, »та до преосвященного добийтеся, то буде и въ васъ благочёстие.«

А ся епархія тягнула тогді до Переяслава. А въ Переяславі преосвященний бувъ Гервасій. Отъ батько мій и поіхавъ туди изъ парубкомъ Шпакомъ: »Ваше преосвященство! ми приіхали просити, нехай и въ насъ буде благочёстие, якъ и въ людей; ато у насъ Унія, що ми іі й терпіти не можемо.«

А преосвященний и каже: »Дітки! просіте Каряку, нехай до мене приде, то я ёго поблагословлю на благочёстие.«

А панотець каже: »Святий владико! ми всіею громадою просили, а вінъ не йме віри. »»Тогді««, каже, »»у васъ буде благо«чёстие, якъ у мене поросте на долоні волоссе!««

То преосвященний и каже: »Люде добрі! обождіть же; вінъ схаменетця, та не въ пору. Ідьте«, каже, »дітки додому, а священникъ вамъ буде.«

церкви *благочестіе*, а у насъ унія, и такъ прошло лѣтъ, можетъ быть, нѣсколько. Вотъ, какъ пойдемъ бывало въ какой-нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ и учатъ: »Взбунтуйтесь«, говорятъ, »да къ преосвященному добейтесь, такъ и у васъ будетъ *благочестіе*.«

А эта епархія принадлежала тогда къ Переяславу. А преосвященнымъ въ Переяславѣ былъ Гервасій. Вотъ отецъ мой поѣхалъ туда съ работникомъ Шпакомъ: »Ваше преосвященство! мы пріѣхали просить, чтобъ и у насъ было *благочестіе*, какъ у другихъ людей; ато у насъ унія, которой мы и терпѣть не можемъ.« Преосвященный и говоритъ: »Дѣтки! просите Каряку, пускай ко мнѣ пріѣдетъ; я благословлю его на *благочестіе*.« А отецъ говоритъ: »Святой владыка! мы просили его всѣмъ обществомъ, да онъ не вѣритъ. Онъ говоритъ: »»Тогда у васъ »будетъ *благочестіе*, какъ у меня на ладони выростутъ волосы!«« Вотъ преосвященный и говоритъ: »Люди добрые! обождите же; онъ опом-

А въ Рéвовці та бувъ тогді молодúй піпъ, Максúмъ Левúцький. То Ляхú ёгó мордовáли, щобъ приставъ на Унію: жáръ за халяви сúпали и на кóлесо тяглú; а вінъ утікъ та въ Переяславъ до преосвящéнного. Тамъ ёгó панотéць и бáчивъ.

Да тамъ же у Переяславі бувъ тогді у преосвящéнного и тúтаръ изъ Мліева. Узявъ Лядський антимúнсъ изъ цéркви та й привізъ до преосвящéнного. То панотéць и тогó тамъ бáчивъ.

Отъ, якъ сказáвъ преосвящéнний, що »ідьте«, кáже, »додóму, а піпъ вамъ бýде«, то панотéць и поіхавъ назáдъ изъ Шпакóмъ. А тогді перевóзъ бувъ тілько въ Сокúрній та въ Дóмінтахъ, атó скрізь по сей бікъ стоя́ла на бекéтахъ стрáжъ Пóльска, а по той — Гетьмáнці на радýтахъ. То оцé, булó, въ ночі й кричáть — намъ у Черкáсахъ и чутнó — оцé одúнъ: »Слáвенъ гóродъ Петинбýрхъ!« а дрýгий: »Слáвенъ гóродъ Переяславъ!« Усé городá величáли: такé-то, бачъ, булó гáсло.

Такъ булó тогді тілько два перевóзи. Заплáтишъ булó *индýту*, то й пропýстять. Отó мій панотéць у Дóмінтовъ, ажъ тутъ

нится, да не въ пору. Поѣзжайте«, говоритъ, »дѣтки, домой; священникъ вамъ будетъ.«

А въ то время былъ въ Ревовкѣ молодой попъ, Максимъ Лѣвицкій. Ляхи его мучили, чтобъ сдѣлался уніятомъ: сыпали за голенища раскаленные уголья и на колесо тянули; но онъ ушелъ и явился въ Переяславѣ къ преосвященному. Тамъ мой отецъ и видѣлъ его. Былъ на ту пору въ Переяславѣ и ктиторъ изъ Мліева. Онъ взялъ Ляшскій антиминсъ изъ церкви и привезъ къ преосвященному. Такъ отецъ и его видѣлъ тамъ.

Ну, вотъ, какъ сказалъ преосвященный: »Поѣзжайте домой, а попъ вамъ будетъ«, то отецъ и поѣхалъ назадъ съ Шпакóмъ. Переправа черезъ Днѣпръ была тогда только въ Сокирной да въ Дóмонтовѣ. По сю сторону стояла вездѣ на пикетахъ Польская стража, а по ту — Гетмáнцы на редутахъ. Ночью бывало и кричатъ — намъ въ Черкасахъ и слышно — одинъ: »Славенъ городъ Петербургъ!« а другой: »Славенъ городъ Переяславъ!« Всё города славили: такой, видишь, сигналъ былъ. Такъ два перевоза только было тогда. Заплатишь бывало *индукту*

одъ бра́та посланѐць. Братъ заплати́въ чоловіку тому́ та й перека́зуе: »Неха́й«, ка́же, »не іде въ Черка́си, бо вже Ляхи́ провідали, то стережу́ть на доро́зі, щобъ пійма́ть.«

То ба́тько съ Шпако́мъ у Богу́шкову слобідку, та наня́въ рибалку, щобъ ёго́ перевізъ по́тайно на сей бікъ, а ко́ней изъ Шпако́мъ поки́нувъ.

Прийшо́въ додо́му, ажъ тутъ ли́хо: шука́ють ёго́ Ляхи́, щобъ стра́тити. То вінъ до зятя, та й живъ тамъ зъ місяць у за́городі, по́ки все втихоми́рилось.

Якъ утихоми́рилось, то й ставъ панотѐць жить до́ма вже; тілько всѐ ще опа́сувавсь. Колй жъ присила́е разъ за нимъ панъ шваѓрони́стий. А тогді у насъ у Черка́сахъ кома̀нда стоя́ла, то панотѐць лядунки́ обшива́въ. Отъ вінъ и пішо́въ до того́ шваѓрони́стого, са́ме туди́, де тепе́ръ суда̀ стоя́ть.

Прихо́жу — ка́же — я туди́, ажъ дивлю́сь — привезли́ Мліевського ти́тара, що у преосвящѐнного я ба́чивъ. Ру́ки наза̀дъ звя́зані, и самъ привя́заний до полу́драбка. Я — ка́же — якъ по-

---

такъ и пропустятъ. Пріѣзжаетъ отецъ въ Домонтовъ, какъ тутъ отъ брата гонецъ. Братъ нанялъ гонца и передалъ черезъ него на словахъ: »Пускай«, говоритъ, »не ѣдетъ на Черкасы: уже Ляхи провѣдали и караулятъ на дорогѣ, чтобъ поймать.« Тогда отецъ со Шпако́мъ въ Богу́шкову слободку; нанялъ тамъ рыбака, чтобъ переправилъ его тайно на сю сторону, а лошадей и Шпака́ оставилъ за Днѣпромъ. Пришелъ домой — бѣда: ищутъ его Ляхи, чтобъ извести. Онъ къ зятю, и жилъ тамъ съ мѣсяцъ въ загородѣ, пока все успокоилось.

Какъ успокоилось, то началъ отецъ жить уже дома; только всё еще опасался. Какъ присылаетъ за нимъ однажды панъ эскадронный. Въ то время стояла у насъ въ Черкасахъ команда, и отецъ обшивалъ для ней ладунки. Пошелъ онъ къ эскадронному, на то самое мѣсто, гдѣ теперь присутсвенныя мѣста стоятъ. Прихожу — говоритъ — туда, смотрю — привезли Мліевскаго ктитора, что̀ видѣлъ я у преосвященнаго. Руки у него связаны назади, а самъ онъ привязанъ къ телегѣ. Я — говоритъ — какъ увидѣлъ, такъ и замеръ: думалъ, что и меня затѣмъ

бачивъ, то и вмѐръ: думавъ, що й менѐ оцé за тимъ призвáли. Колй жъ вихóдить швагронйстий: »Ну, цехмйстеръ, глядй, щобъ у сéреду булй лядункй!«

»Бýдуть,« кажý, »вельмóжний пáне!«

А вінъ: »Идй жъ«, кáже, »та щобъ булй!«

Отъ у менé й на душі — кáже — трóхи одлягло. Скорійшъ звідти: нехáй вамъ бісъ!

А тйтара тогó повезлй въ Мліевъ, да отó, що ѐсть тамъ коло Мліева грéбелька и вéрби, то тамъ ёгó на вербі повісили за рýки и усякъ мордовáли. Оцé конóплями обмотáють, та смолóю обмáжуть, та й запáлять. А пóтімъ, замордовáвши, гóлову ёмý одрубáли та й вйставили на вйгоні, на висóкій пáлі. А въ ночі щось укрáло тýю гóлову та й одвезлó ажъ у Переяславъ до преосвящéнного. То преосвящéнний ще лýчче почáвъ старáтьця, щобъ бýло благочѐстие.

Ажъ ось разъ прихóдить чоловікъ до панотця: »Идіть«, кáже, »пáне цехмйстре, якийся піпъ приíхавъ та зовé васъ.«

Пішóвъ панотéць, ажъ то той самйй Максймъ Левйцький, що бувъ у преосвящéнного!

призвали. Какъ тутъ выходитъ эскадронный: »Ну, цехмистеръ, смотри же, чтобъ у тебя были къ середѣ ладунки готовы!« — »Будутъ«, говорю, »вельможный панъ!« А онъ: »Ступай же«, говоритъ, »да чтобъ были!« У меня — говоритъ отецъ — и на душѣ немного легче стало. Скорѣе оттуда: ну васъ къ чорту!

А того ктитора повезли въ Мліевъ, и есть тамъ возлѣ Мліева плотинка и вербы; то на тѣхъ вербахъ повѣсили его за руки и всячески мучили. Обмотаютъ пенькою, обмажутъ пеньку смолой и зажгутъ. А замучивши, отсѣкли ему голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ столбѣ. Но кто-то ночью укралъ ту голову и свезъ въ Переяславъ къ преосвященному. Тогда преосвященный началъ больше прежняго стараться, чтобъ у насъ было благочестіе.

Какъ вотъ однажды приходитъ къ отцу одинъ человѣкъ. »Подите«, говоритъ, »сюда, панъ цехмистеръ: пріѣхалъ какой-то попъ и зоветъ

»Люде дóбрі«, кáже, »оцé прислáвъ менé преосвящéнний, щобъ я бувъ у васъ попóмъ.«

А нáші кáжуть: »Дóбре, бáтюшко! ми тогó бажáемъ.«

»Ходімъ же«, кáже, »въ цéркву.«

Пішлй въ цéркву. Вінъ одпрáвивъ акáфистъ; посвятйвъ цéркву; обійшлй кругóмъ цéркви; а пóтімъ и кáже: »Люде дóбрі, дáйте жъ мині кватйру. Въ менé и жінка е, и діточóкъ двóе.«

Отъ нáші далй ёмý обществóмъ хáту. А пóтімъ ужé вінъ посилáвъ у Рéвівку підвóду; то привезлй ёмý й попадю, и дітéй двóе. Дочкá булá Явдóха, да синóкъ Леськó.

То якъ поживъ той піпъ у насъ рóківъ зó два, то ёгó зробйли протопóпою, а післá тáкъ розжйвся, що булó берлйномъ іздить. Бýдка зъ вікнами, и кóні въ-прóстяжъ. То оцé одйнъ на коні сидйть, а дрýгий колó бýдки, а самъ у бýдці, та ще й за бýдкою одйнъ.

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что очень мало удѣлилъ времени на распросы Харка Цехмистера о старинѣ, торопясь

васъ къ себѣ.« Пошелъ отецъ, смотритъ — это тотъ самый Лѣвицкій, что былъ у преосвященнаго! »Люди добрые«, говоритъ, »прислалъ меня преосвященный, чтобъ я былъ у васъ попомъ.« А наши говорятъ: »Хорошо, батюшка! мы того и желаемъ.« — »Пойдемте же«, говоритъ, »въ церковь.« Пошли въ церковь. Онъ отслужилъ акафистъ; освятилъ церковь; обошли вокругъ церкви; а потомъ и говоритъ: »Люди добрые! дайте же мнѣ квартиру. У меня есть жена и двое дѣтокъ.« Наши дали ему отъ общества хату. А потомъ уже онъ посылалъ въ Рéвовку подводу; привезли ему попадью и двое дѣтей. Дочка была у него Евдокія да сынъ Алексѣй. И какъ пожилъ у насъ тотъ попъ года два, то сдѣлали его протопопомъ; а потомъ такъ разбогатѣлъ, что бывало ѣздитъ въ каретѣ. Будка съ окнами, и лошади въ-простяжъ. Одинъ человѣкъ сидитъ на конѣ, другой возлѣ будки, самъ онъ въ будкѣ, а одинъ человѣкъ еще и сзади будки.

поспѣть въ другія мѣста и воображая встрѣтить еще много подобныхъ стариковъ. Дѣло, однакожъ, показало, что это была одна изъ счастливѣйшихъ моихъ находокъ и что никто изъ моихъ разскащиковъ съ ясностью рѣчи, благодушнымъ тономъ и простымъ, истинно лѣтописнымъ краснорѣчіемъ Харка Цехмистера не соединялъ его глубокой старости и разнообразія дѣтскихъ впечатлѣній.

Вотъ еще живая картина Татарскаго набѣга, сохранившаяся въ его памяти, или лучше — навернувшаяся ему на память во время нашихъ дружескихъ бесѣдъ.

ТРЕВОГА ПО СЛУЧАЮ ТАТАРСКАГО НАБѢГА. (*)

Ще до Коліівщини пішла́ разъ по Черка́самъ чу́тка, що Орда́ йде, и вже недале́ко. А се було́ зімо́ю. То наро́дъ такъ и хря́снувъ на той бікъ. А тамъ збіглось деся́тківъ пять Гетьма́нськихъ козаківъ на Кру́чину реду́ту [выще села́ Па́ньского]: »Стійте! нема́ ука́зу!« Не пуска́ють черезъ гряни́цю. А наро́дъ спе́рся на лёду, то лідъ ажъ реве̇. Крикъ, гвалтъ, діти пла́чуть. Біда така́я скбілась на лёду́, що, Бо́же, твоя́ во́ля! Те саночка́ми самоту́жки, а въ кого́ волй, то на вола́хъ; а хто ко́ні ма́е, то кіньми. Тутъ и коро́ви, тутъ и ове́чки, тутъ и збіжже всяке.

(*) *Переводъ.* — Еще до Колівщины разнесся разъ по Черкасамъ слухъ, что идетъ Орда, и ужъ недалеко. Было это зимою. Народъ такъ и ринулся на ту сторону Днѣпра. А тамъ сбѣжалось десятковъ пять Гетманскихъ козаковъ на Кру́чинъ редутъ [выше села Панскаго]: »Стойте! нѣтъ указа!« и не пускаютъ черезъ границу. Народъ стѣснился на льду до-того, что ледъ началъ трещать. Крикъ, шумъ, дѣти плачутъ. Бѣда такая сотворилась на льду, что, Боже, Твоя воля! Одинъ санки везетъ на себѣ; а у кого есть волы, тотъ ѣдетъ на волахъ: а у кого есть лошади, тотъ на лошадяхъ. Тутъ и коровы, тутъ и овцы, тутъ и всякое зерно.

Ото́ жъ, зупинивши наро́дъ на ле́ду, оди́нъ коза́къ побігъ до суда́ въ Золотоно́шу, чи мо́жна пусти́ть; а на́ші лю́де сіли на ко́ней та побігли ажъ до Смілянського мо́сту, чи йде орда́. То прибіга́е Гетьма́нець: »Мо́жна!« Ажъ тутъ и на́ші верну́лись: »Нема́ Орди́!«

А вона́ таки́ бу́ла́, да тілько розгра́била Жу́равку да Бо́втишку — тамъ десь коло́ Ка́мянки — та й верну́лась.

Изъ Черкасъ я отправился въ Чигиринъ, ни сколько не сомнѣваясь, что по дорогѣ туда и въ самомъ городѣ соберу много преданій о козацкой старинѣ. Но поиски мои, уже по своему свойству, были подвержены случайностямъ охоты. Иногда въ теченіе многихъ дней и при всевозможныхъ съ моей стороны стараніяхъ, я не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы могъ, или захотѣлъ, разсказать мнѣ что-нибудь достойное стенографіи. Въ Чигиринѣ я не записалъ ни одного преданія, ни одной пѣсни. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: городъ въ Малороссіи не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ селомъ относительно разсказовъ о старинѣ, и громкое имя Чигирина не связано въ умѣ его жителей (разумѣется, простолюдиновъ: до прочихъ мнѣ не было дѣла) ни съ какими историческими воспоминаніями.

Тѣмъ не менѣе мѣстность его заняла меня живѣйшимъ образомъ. Я обошелъ его разрушенныя земляныя укрѣпленія, его окрестности, гдѣ много разъ воздвигались шанцы и батареи, направленные противъ Чигиринской горы, на которой теперь едва замѣтны

И вотъ, остановивъ народъ на льду, одинъ козакъ поскакалъ въ Золотоношу узнать, можно ли пропустить черезъ границу; а наши люди сѣли на лошадей и поскакали къ Смилянсокму мосту — идетъ ли Орда. Возвращается Гетма́нецъ: »Можно!« А тутъ и наши воротились: »Нѣтъ Орды!«

А Орда точно приходила; но только разграбила Журавку да Бо́втышку — тамъ гдѣ-то около Камянки — и воротилась.

слѣды за́мка; наконецъ отправился пѣшкомъ къ Су́ботову, родному селу Богдана Хмѣльницкаго.

Я шелъ вдоль камышчатой рѣчки Тя́смина, по тропинкѣ, пролегающей у подошвы возвышенностей праваго берега. Эти возвышенности покрыты на своихъ скатахъ садами и левадами, непрерывающимися почти до самого Су́ботова. Переходя изъ одного сада въ другой, изъ одной левады въ другую, я видѣлъ на взгорьи бѣлыя хаты хуторянъ и заходилъ въ нихъ подъ предлогомъ усталости; но вездѣ находилъ жизнь новую, съ заботами о ежедневныхъ потребностяхъ; старина не оставила въ нихъ для меня ни одного беззубаго старика, который бы, чавкая и покашливая, поразсказалъ мнѣ о томъ, что̀ было интересно въ его молодыя лѣта. Никто ничѣмъ не далъ мнѣ почувствовать, что я стою на Чигиринской почвѣ, вблизи мѣста рожденія и частной жизни самаго характернаго представителя стараго козачества.

Въ Су́ботово я пришелъ уже вечеромъ, переночевалъ въ домѣ діакона и только на другой день могъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Хмѣльницкаго (отъ него не осталось уже никакихъ слѣдовъ), построенную имъ церковь и самое село. Надобно сказать, что въ мѣстоположеніи Су́ботова, на взгорьяхъ и низкихъ берегахъ Тя́смина, есть что-то переносящее въ старину. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не могъ такъ живо вообразить Богдана Хмѣльницкаго, какъ здѣсь. Надобно же было еще случиться, что, проходя по улицѣ, я повстрѣчалъ косаря, чрезвычайно похожаго лицомъ на изображенія *козацкаго батька*! Онъ не слишкомъ торопился на косовицу и, кажется, обрадовался случаю промедлить въ селѣ. Опершись живописно одной рукой на плетень и держа косу въ другой, онъ началъ бесѣдовать со мной о Су́ботовской старинѣ. Съ одной стороны передъ нами развивалась перспектива Тя́смина съ его камышами, съ другой — на горѣ виднѣлась озаренная солнцемъ церковь Богдана Хмѣльницкаго и возвышенность, занятая нѣкогда его домомъ, а теперь покрытая скирдами, »экономическаго« хлѣба. Косарь имѣлъ ясное понятіе о личности Хмѣльницкаго и вспоминалъ о немъ, какъ о недавнемъ владѣтелѣ Су́бо-

това. Я рѣдко встрѣчалъ между поселянами человѣка, который бы такъ живо сочувствовалъ козацкимъ войнамъ. Обыкновенно они не знаютъ, что̀ дѣлалось въ отдаленную старину; если же и разсказываютъ сбивчивыя преданія о ней, если и поютъ пѣсни, то всё таки теряютъ связь между былымъ и нынѣшнимъ. Но чаще всего они равнодушны ко всему, что̀ ни происходило прежде въ Малороссіи. Напротивъ, Су́ботовскій мой знакомецъ весь оживлялся, вспоминая времена козацкой славы, которая —

Сама́ себе́ на сміхъ на дава̀ла,
Неприятеля підъ нѐги топта́ла,

и до-того увлекся разговоромъ съ человѣкомъ не его сословія и не его лѣтъ, что позабылъ о своемъ намѣреніи идти косить. Я видалъ только пьяныхъ земляковъ своихъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа и могъ бы подумать, что онъ тоже пьянъ, но было еще очень рано.

Не помню, какимъ образомъ мы свели рѣчь на то, чтобы идти къ нему въ хату; но только, возвратясь туда, косарь мой уже не заботился о косовицѣ и принялся потчивать меня всѣмъ, что̀ у него было лучшаго въ хозяйствѣ. Мѣстомъ моего завтрака избрана была пустая, прохладная хата, обращенная въ комору. Стуломъ служилъ мнѣ бочонокъ, столомъ — опрокинутая кадушка. Мой штофикъ оказался здѣсь никакъ не лишнею вещью, и скоро я увидѣлъ себя окруженнымъ довольно многочисленнымъ собраніемъ. Къ хозяину пришли его родные, или сосѣди; я, разумѣется, предложилъ имъ выпить и съ разу попалъ къ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Они усѣлись вокругъ меня—кто на мѣшкѣ муки, кто на занесенной дорожною пылью мазни́цѣ, кто на порожнемъ ульѣ, и начались раздобары обо всемъ, кромѣ косовицы. Пропѣто было и нѣсколько пѣсень, между которыми замѣчательнѣйшая помѣщена въ сборникѣ г. Метлинскаго. Такъ какъ она напечатана тамъ не вполнѣ, то прилагаю ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была пропѣта мнѣ въ Су́ботовѣ.

ПѢСНЯ О ВОЙНАХЪ ХМѢЛЬНИЦКАГО.

Ой почувайте и повидайте,
Щò на Вкраіні постáло:
Що за Дáшевимъ, підъ Сорóкою
Мнóжество Ляхівъ пропáло!

Перебийнісъ прóсить немнóго —
Трохъ козàченьківъ зъ собóю;
Рубáе мечéмъ гòлови съ плечéй,
А рéшту тòпить водòю:

»Ой пийте, Ляхи, води калюжи
Болотяниі,
А що пивáли по тій Вкраіні
Меди та вѝна ситниі!«

Та по чімъ козáкъ слáвенъ?
Наівся рѝби и соломàхи зъ водóю;
Зъ мушкéтомъ стàне — а сéрце вѝне,
А Ля́хъ одъ дỳху вмирáе.

Ой чи бàчъ, Ля́ше, що панъ Хмельни́цький
На Жóвтімъ Піскý підби́вся?
Семи козаківъ, дóбрихъ юнáківъ,
Ти й за Вѝслою не скри́вся.

Ой чи бàчъ, Ля́ше, що козáкъ пля́ше
На воронімъ кóню передъ тобóю?
Ти, Ля́ше, зля́кнешъ и съ коня̀ спàднешъ,
Самъ присѝплесся землёю.

Ой чи бàчъ, Ля́ше, що по Случъ нáше,
По Костянýю Моги́лу?

Якъ не схотіли, забунтова́ли
Та й утеря́ли Вкраіну.

Ой нави́сли Ляхи́, нави́сли,
А якъ воро́ни на вишні....
Не попустімо Ляхові По́льщи
По́ки на́шоі жизно́сти!

Я считаю не пустымъ обстоятельствомъ, что эта пѣсня записана отъ жителей Су́ботова. Больше нигдѣ не встрѣчалъ ея ни самъ я, ни другіе собиратели пѣсень. Въ ней отразились понятія современниковъ Хмѣльницкаго о козацкихъ войнахъ съ панами. Третій куплетъ:

Ой пи́йте, Ляхи́, води́ калю́жи
Болотяні́і,
А що пива́ли по тій Вкраіні
Меди́ та ві́на ситні́і!

выражаетъ, что́ была для пановъ Украина: мѣсто попоекъ и пресыщенія. Народъ долженъ былъ только поставлять для нихъ *меди́ та ві́на ситні́і*, а объ его нуждахъ и потребностяхъ никто не заботился. Слѣдующій куплетъ:

Та по чімъ коза́къ сла́венъ?
Наівся ри́би и солома́хи зъ водо́ю;
Зъ мушке́томъ ста́не — а се́рце вя́не,
А Ляхъ одъ ду́ху вмира́е...

представляетъ противоположность между роскошнымъ паномъ и неприхотливымъ козакомъ, который по-неволѣ долженъ былъ питаться только рыбою да соломахою. Но не смотря на то, что у него отъ голоду *вянуло сердце*, мужественный духъ его былъ смертоносенъ для изнѣженнаго пана. Въ стихѣ:

Семи ко́заківъ, до́брихъ юна́ківъ,

заключается намекъ, что у Хмѣльницкаго было семь сподручниковъ, пріобрѣвшихъ такую популярность, какъ и Перебійнос, Нечай, Морозенко, и называвшихся *козаками* по-преимуществу. (¹)

Далѣе стихи:

Якъ не схотіли, забунтовали —
Та й утеряли Вкраіну…

указываютъ на сопротивленіе пановъ политикѣ Владислава IV. Наконецъ въ послѣднихъ стихахъ:

Не попустімо Ляхові Польщи,
Поки нашоі жизности!

выражается взглядъ козаковъ и самого Хмѣльницкаго на Малороссію. Они считали ее такою же частью Польскаго государства, какъ Мазовія, Познань и пр., и возстаніе ихъ было сперва только усиліемъ *не попустить Ляху* (а *Ляхъ* и *панъ* на ихъ языкѣ значило одно и то же, ибо *Ляхи* у нихъ были Острожскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе, и другія Южно-Русскія семейства) *верховодить* въ Рѣчи Посполитой.

(¹) Ой якъ оглянетця *козакъ* Перебийнісъ на лівее плече —
Ажъ изъ-підъ Дашева та до Волохова кривавая річка тече.

—

Чи не той то хміль, хміль, що високо вьѣтця?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що зъ Ляшками бьѣтця?
Чи не той то хміль, хміль, а що въ пиві грае?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшківъ рубае?
Чи не той то хміль, хміль, що у пиві кисне?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшеньківъ тисне?

—

Морозенко *козаченько* якъ макъ роспукався,
Морозенко *козаченько* въ неволю попався.

—

Прощай, прощай, Морозенку, ти, найславний *козаче!*
За тобою, Морозенку, вся Вкраіна плаче.

Что̀ касается до преданій о старинѣ, что Су̀ботовскіе собесѣдники мои признавали себя народомъ молодымъ, который мало что̀ помнитъ, и, въ отвѣтъ на мои распросы, безпрестанно толковали мнѣ о какомъ-то Оме́лькѣ Каплау̀хомъ, какъ о самомъ старомъ человѣкѣ въ Су̀ботовѣ. Отъ него пошли у нихъ всѣ старосвѣтскія пѣсни и всѣ воспоминанія о прежнихъ временахъ. Мнѣ единогласно совѣтовали обратиться къ нему, и я тѣмъ охотнѣе внялъ этому совѣту, что гости мои (ибо штофикъ *меня* обратилъ въ хозяина) сдѣлались черезъ-чуръ шумны и мѣшали одинъ другому говорить. Еслибы я, съ опытною предусмотрительностью, не принялъ надлежащихъ мѣръ, они бы всѣ шумно послѣдовали за мной къ Омельку Каплаухому. Но я устроилъ такъ, что, по моемъ уходѣ, центромъ ихъ соединенія оставалась ***пля̀шка горілки,*** и отправился безъ помѣхи къ патріарху Су̀ботова, въ сопровожденіи одного только хозяина гостепріимной хаты.

Мы застали Омелька Каплаухаго сидящимъ на порогѣ его сѣней, съ маленькимъ внучкомъ на рукахъ. Бѣлая борода его пріятно смѣшивалась съ нѣжными бѣлокурыми волосами малютки. Морщинистый лобъ, украшенный лысиною, выражалъ миновавшія тяжкія заботы жизни и тихое успокоеніе, или, пожалуй, онѣмѣніе сердца въ старости. Онъ посмотрѣлъ на меня, по-видимому, безъ всякаго вниманія и, отвѣчая на мой привѣтъ слабымъ голосомъ, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Но тутъ мой проводникъ подошелъ къ нему и сказалъ, съ таинственнымъ видомъ, нѣсколько словъ, которыя долетѣли до моего слуха и объяснили мнѣ настоящую причину, почему Суботовскіе мои пріятели такъ усердно домогались, чтобъ я повидался съ Омелькомъ Каплаухимъ. Меня приняли здѣсь за что-то въ родѣ переодѣтаго Гаруна-Альрашида; а какъ Омелько Каплаухій у нихъ слылъ умнѣйшею головою въ селѣ, то они надѣялись, что онъ лучше всѣхъ ихъ воспользуется моимъ появленіемъ. Это обстоятельство, неважное само по себѣ, обнаруживаетъ весьма замѣчательную черту Украинскаго характера. Простолюдинъ нашъ, при всемъ равнодушіи къ тому, что̀ передъ нимъ происходитъ, чрезвычайно склоненъ къ мечтатель-

ности и часто изъ ничего извлекаетъ великолѣпныя надежды: новое доказательство юности племени, предчувствующаго лучшую жизнь впереди.

Въ Омелькѣ Каплаухомъ произошла вдругъ рѣзкая перемѣна. Онъ суетился въ своей хатѣ (которая была наполнена только маленькими внучатами, такъ какъ все остальное семейство было въ полѣ) и заговорилъ со мной языкомъ еще свѣжаго человѣка. Отъ моего предложенія выпить онъ отказался, потому что съ молодыхъ лѣтъ пересталъ употреблять хмѣльное. Я тоже отказался отъ завтрака, который онъ предложилъ мнѣ. Мы отпустили моего проводника къ его веселой братіи и бесѣдовали мирно вдвоемъ, усѣвшись подъ старой грушею. Дѣти играли вокругъ насъ. Неподвижный воздухъ въ тишинѣ нагрѣвался солнцемъ.

Къ сожалѣнію, Омелько Каплаухій не охотно углублялся въ старину и говорилъ всё о современныхъ интересахъ села Суботова, которые мало меня занимали. Въ записной моей книжкѣ сохранилось только четыре историческія его воспоминанія, а именно:

I.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ. (*)

....Та й поіхавъ у Січъ тимъ бо́комъ Дніпра́. Приіхавъ до Січи, ажъ тамъ стоіть жовнірство и бере́ одъ козаківъ деся́ту ри́бу. Отъ Хмельни́цькяй, показа́вши та́йно Запоро́зцямъ короле́вськнй листъ, усовітовавъ імъ, якъ збу́ти жовнірівъ: »Я«, ка́же, »вийду на майда́нъ та й зачну́ крича́ти: *У ра́ду! въ ра́ду! въ*

(*) *Переводъ.* — ....И поѣхалъ въ Сѣчь той стороною Днѣпра. Пріѣхалъ въ Сѣчь, — тамъ стоятъ *жолнѣры* и берутъ съ козаковъ десятую рыбу. Хмѣльницкій показалъ тайно Запорожцамъ королевскій листъ и присовѣтовалъ имъ, какъ избавиться отъ *жолнѣръ*. »Я«, говоритъ, »выйду на площадь и начну кричать: *Въ ра́ду! въ ра́ду! въ ра́*

ра́ду! а ви візьміте підъ по́лу по дрючку́, и якъ жовніри прийдуть безъ шабе́ль у ра́ду, то ви на іхъ зъ дрючка́ми да всіхъ и перебийте.«

Такъ и ста́лось. Да по́тімъ якъ пішо́въ воёва́ти Хмельни́цькій, то розби́въ Ляхівъ и на Жо́втій Воді, и коло Ко́рсуня, та загна́въ ажъ за Слу́чъ, та й сказа́въ: *»Зна́й, Ля́ше, по Слу́чъ на́ше!«*

Извѣстіе о *десятой рыбѣ*, упоминаемой въ этомъ преданіи, находится въ одной только »Лѣтописи Самовидца« (стр. 7, ст. 1): »Которые зась на рыбу хожували козаки за порога, то на Кодаку на комисара рыбу десятую отбѣрали.«

2.

ПЛАТА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢННЫХЪ. (*)

Якъ воёва́въ Хмельни́цькій зъ Ляха́ми, то вся́кому, хто пійма́е Ляха́, обіща́въ дава́ть за ко́жного по рублю́, а за ксёнза по три ко́пи. То, якъ пійма́е було́ коза́къ Ляха́, то виголить ёму́ на голові ли́сину та й ска́же: Гляди жъ ти мині, вра́жий Ля́ше! тілько ска́жешъ, що ти не ксёнзъ, то за́разъ духъ съ тебе́ вонъ!«

ду! (т. е. Собирайтесь на вѣче, на совѣтъ), а вы возьмите подъ полу по дубинкѣ и какъ придутъ *жолнѣры* въ раду безъ сабель, вы бросьтесь на нихъ съ дубинками и перебейте всѣхъ.« Такъ и сдѣлали. А потомъ, какъ пошелъ воевать Хмѣльницкій, то разбилъ Ляховъ и на Желтыхъ Водахъ, и подъ Корсунемъ; потомъ прогналъ ихъ за самую Случь и сказалъ: *»Зна́й, Ля́ше, по Слу́чъ на́ше!«*

(*) *Переводъ.* — Какъ воевалъ Хмѣльницкій съ Ляхами, то всякому, кто поймаетъ Ляха, обѣщалъ давать по рублю за каждаго, а за ксенза по три полтины. Вотъ бывало поймаетъ козакъ Ляха, пробрѣетъ ему на головѣ лысину и скажетъ: »Смотри же, вражій Ляхъ! только ска-

Отъ и приведѐ до Хмельни́цького.
»Хто̀ ти такий?«
»Ксёнзъ.«
То Хмельни́цький вийме съ кишéні три кóпи та й дасть.

3.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И КАЗНЬ ЮРІЯ ХМѢЛЬНИЦКАГО. (*)

Хмельничéнко побусурмáнившись збивъ пýшкою зъ гори́ Валкá (¹) вѐрхъ зъ бáтьківськоі цéркви, хотячи́ довідатись бáтьківськихъ грóшей, що, кáжуть, були́ замурóвані на гориці, на цѐркві. Вінъ би то прийшóвъ за ними́ й до Сýботова, та боявся, бо тутъ стояло військо; то вже зъ злóсті хотівъ розбить цѐркву.

Хмельничéнко живѐ ще й дóсі. Наші стари́і чумаки́ розскáзували, що бáчили ёгó въ гóрахъ на своі óчи, и сáмъ вінъ казáвъ, що: »Я си́нъ Хмельни́цького.« Ёгó ссе гáдина, и вінъ бýде мý-

жешь, что ты не ксензъ, то тутъ и духъ съ тебя вонъ »И приводитъ его къ Хмѣльницкому. »Кто ты таковъ?« — »Ксензъ.« Хмѣльницкій вынетъ бывало три полтины и дастъ козаку.

(*) *Переводъ*. — Сынъ Хмѣльницкаго, какъ обусурманился, то сшибъ куполъ съ отцовской церкви, выстрѣливъ изъ пушки, съ горы Валка (¹). Онъ хотѣлъ добраться до отцовскихъ денегъ, что̀ были, говорятъ, заложены кирпичомъ на церкви. Онъ бы пришелъ за ними и въ Сýботовъ, да боялся: тутъ войско стояло; и потому съ досады хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

Онъ до сихъ поръ живъ. Наши старые чумаки разсказывали, что видѣли его въ горахъ своими глазами, и самъ онъ говорилъ имъ: »Я сынъ Хмѣльницкаго.« Его сердце сосетъ змія, и будетъ онъ мучиться и бро-

(¹) Въ двухъ верстахъ отъ Сýботова.

читись и блукáти поміжъ горáми ажъ до Страшнóго Сýду; а тогді вже Госпóдь ёгó прости́ть, що побусурмáнивсь и хотівъ розби́ть бáтьківську цéркву.

4.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И КОНЕЦЪ ГАЙДАМАКИ НЕЖИВОГО. (*)

Неживи́й роби́въ коли́сь горшки́ у Артéма ганчарá, и всè булó кáже: »Я хочъ на оди́нъ дèнь, а бýду пáномъ.« Пóтимъ вінъ бувъ у Мотрéнинському лісý, а звідти пішóвъ на Кáневъ, и ви́різавши тамъ Ляхівъ и Жидівъ, поверну́въ на кварти́ри до Чигрина́. А въ Gалаgáнівці да живъ панъ Щѐрба. Оттóй-то й запроси́въ ёгó до себé въ гóсті. Неживи́й зъ усімú козакáми своіми пішóвъ до Gалаgáнівки; козаківъ же зостáвивъ по сèй бікъ грéблі, а самъ зъ дванадцятьмá отаманáми пішóвъ пішо до Щѐрби. Отъ Щéрба, побáчивши, що вінъ у двóрі безъ війська, зáразъ якъ кри́кне своимъ: »Беріть ёгó!« Тутъ ёго и злáпали. А військо, почýвши, що отаманівъ позабірано, зáразъ усé порозбігáлось.

дить въ горахъ до Страшнаго Суда; а тогда ужъ ему Господь проститъ, что онъ обусурманился и хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

(*) *Переводъ.* — Неживый работалъ когда-то горшки у Артемія горшечника, и всё бывало твердитъ: »Я хоть на одинъ день. а буду паномъ.« Потомъ онъ проживалъ въ Мотренинскомъ лѣсу, а оттуда пошелъ въ Каневъ и, вырѣзавши тамъ Ляховъ и Жидовъ, воротился на квартиры въ Чигиринъ. Тамъ въ Галагáновкѣ жилъ панъ Щéрба, и зазвалъ его къ себѣ въ гости. Неживый пошелъ къ Галагановкѣ со всѣми своими козаками; козаковъ онъ оставилъ по сю сторону плотины, а самъ съ двѣнадцатью отаманами пошелъ пѣшкомъ къ Щéрбѣ. Щéрба видитъ, что онъ на дворѣ безъ войска, тотъ-часъ и крикнулъ своимъ: »Схватить его!« Тутъ его и схватили. А войско, узнавъ, что отамановъ перехватили, тотъ-часъ все разбѣжалось.

Омелько Каплаухій заложилъ, по моей просьбѣ, пару воловъ въ длинный возъ, наполненный сѣномъ, и свезъ меня въ ближайшее село по направленію къ Мотренинскому монастырю, у котораго гайдамаки, во время Коліивщины, заложили свой кошъ, или сборное мѣсто. Разставшись съ нимъ со всею нѣжностью, какую мы питали другъ къ другу, по совершенно различнымъ причинамъ, я прошелъ до монастыря пѣшкомъ и, не смотря на то, что явился въ смиренномъ видѣ странника, нашелъ у монаховъ самое радушное гостепріимство. Случаю угодно было, чтобъ я толкнулся въ дверь именно къ такому человѣку, какого мнѣ было нужно. Меня встрѣтилъ старикъ самой ласковой, благосклонной наружности, и мнѣ довольно было сказать, что я путешественникъ, изучающій остатки старины, чтобъ поставить его въ самыя прямыя съ собой отношенія. Онъ понялъ желаніе молодого человѣка видѣть мѣста, столь извѣстныя въ исторіи Коліивщины, и, кажется, былъ очень доволенъ, что нашелъ самаго внимательнаго слушателя его собственныхъ воспоминаній о гайдамакахъ, по разсказамъ очевидцевъ. Рѣчь его отличалась комическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ шутка вмѣшивалась, незамѣтно для него самого, во всѣ его бесѣды. Это смягчало суровость общаго тона преданій о гайдамакахъ и придавало его повѣствованіямъ пріятную игривость. Передаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были мною записаны.

1.

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (*)

Якъ зібрáлись гайдамáки у Мотрéнинському лісý, то зробíли собі Січъ. Вибрали такé місто, що зъ трёхъ бóківъ байрáки, а съ четвéртого постáвили бáшту. Кругóмъ обрубáлись лісомъ. По

(*) *Переводъ*. — Какъ собрались гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то сдѣлали себѣ Сѣчь. Выбрали они такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ буераки, и поставили съ четвертой стороны башню. Кругомъ сдѣ-

серéдині насйпали грóшей и нйткою перехрестйли, да й прибйли її колóчками у чотирёхъ містáхъ. И козáкъ кругóмъ хóдить. Оцé жъ у одномý байрáці *Січъ*, а въ дрýгому, на Бóйковій Луці, *Склйкъ*. А Склйкомъ звáвся казáкъ, що висівъ на дýбі, и коло ёгó дóвбня. А то для тóго, що, скóро якá тревóга, абó-що, зáразъ прибіжйть козáкъ та дóвбнею й почáвъ валя́ть; а казáнъ на ввесь лісъ ревé. То вже де бъ котóрий козáкъ не бýвъ, скорійшъ збігáютця до-кýпи. Да тутъ же зáразь коло Склйка бувъ у дубрóві *Знáчокъ*, — таке-то, бачъ, обзнáчене кругóмъ місце, де іхъ кóні пáслись. А одъ Знáчка, верстóвъ три икъ Жáботину, булó *Гýльбище*, на висóкій могйлі, такъ що якъ зійдешъ тудй, то ввесь Жáботинъ якъ на долóні. Посхóдять булó на ту могйлу, балáкають, у кáрти грáють, співають пісèнь усякихъ. Рідко булó якйй день вйберетця, щобъ тамъ нікóго не булó.

Отó Ляхй якъ почýли, що въ лісý зібрáлись гайдамáки, то й прийшлй, душъ іхъ сóтня, на кóняхъ и зъ орýжжемъ, підъ брáму въ манастйрь. Чéнчики війшли до іхъ съ хлібомъ и зъ сіллю.

лали засѣку. Посреди Сѣчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прикрѣпили нитку въ четырехъ мѣстахъ колышками. И часовой кругомъ ходитъ. Вотъ въ одномъ буеракѣ *Сѣчь*, а въ другомъ, на Бóйковой Лукѣ, *Скликъ*. Скликомъ (созывателемъ) назывался у нихъ котелъ, что висѣлъ на дубу, и подлѣ него долбешка. Это для того, что лишь только какая-нибудь тревога, что ли, тотъ-часъ прибѣжитъ козакъ и давай валять въ котелъ долбешкой. Тогда ужъ, гдѣ бы кто ни былъ, всѣ сбѣгаются въ одно мѣсто. Тутъ же, рядомъ со Скликомъ, былъ у нихъ *Знáчокъ*, — такое, видишь, обозначенное кругомъ мѣсто, гдѣ паслись лошади. А верстахъ въ трехъ отъ Значка, къ Жаботину, было *Гýльбище*, на высокомъ курганѣ. Какъ взойдешь на могилу, то весь Жаботинъ — какъ на ладони. Взойдутъ бывало на тотъ курганъ, разговариваютъ, въ карты играютъ, поютъ разныя пѣсни. Рѣдко бывало случится день, въ который бы тамъ кого-нибудь не было.

Вотъ, какъ услышали Ляхи, что въ лѣсу собрались гайдамаки, то и пришли — человѣкъ сто, на коняхъ и съ оружіемъ — къ монастыр-

»А дѐ гайдамáки, *сизматúки ви пшеклѣнти?*«

Ченчики бідниі трýсятця: »Не знàемо, вельмóжниі паний.«

»Не знàете, *дáлдани!* охъ, ви, *дáлдани,* не знàете! *пшеклѣнти хлóпи!*«

И давàй шукáть по манастирéві. Шукáли всюди, заглядували и за иконостàсъ — немà! Такиі-то навиженниі Ляхи́! Отó бъ дурниі були́ Запорóзці, щобъ ховáлись за иконостàсъ! Імъ у лісý найлýчча схóванка.

Шукàють Ляхи́ гайдамàкъ, а отáманъ, скóро почýвъ про се, зáразъ и послàвъ двохъ козаківъ у Замя́тницю. Тиі, прибігли туди́, давàй колóть орандаря́ и всіхъ Жидівъ.

А мужики́ прийшли́ до корчми́, да й питàютця: »А щò, панóве? чи нàша віра?«

»Ажежъ бàчъ, що вáша: не колòли бъ Ляхівъ да Жидівъ.«

То мужики́ іхъ и не займàють, а ще до іхъ пристають.

А Ляхи́ тимъ чáсомъ пóраютця все ще въ манастирі. Якъ ось прибігъ и зъ Замя́тниці вістовий: »Панóве! гайдамáки Замя́тницю вúрізали!«

скимъ воротамъ. Монахи вышли къ нимъ съ хлѣбомъ и солью. »А гдѣ гайдамаки, проклятые вы еритики?« Бѣдняжки чернецы трепещутъ: »Не знаемъ, вельможные паны.« — »Не знаете, канальи? охъ, вы, канальи, не знаете! проклятые Хамы!« И давай искать въ монастырѣ. И въ церкви искали вездѣ, заглядывали и за иконостасъ — нѣту! Такіе глупые Ляхи! Чтò за дураки были бы Запорожцы, чтобы имъ прятаться за иконостасъ! Имъ въ лѣсу самое лучшее убѣжище.

Ищутъ Ляхи гайдамакъ; а отаманъ, какъ только услышалъ объ этомъ, тотъ-часъ и послалъ двоихъ козаковъ въ Замятницу. Тѣ прискакали туда, давай колоть арендатора и всѣхъ Жидовъ. А мужики пришли къ корчмѣ и спрашиваютъ: »А чтò, господа? наша вѣра?« — »Сами видите, что ваша: иначе не кололи бъ мы Ляховъ да Жидовъ.« Мужики ихъ и не трогаютъ, а еще къ нимъ пристаютъ.

А Ляхи между тѣмъ суетятся въ монастырѣ. Вдругъ прискакалъ изъ Замятницы вѣстовой: »Господа! гайдамаки Замятницу вырѣзали!« Ля-

Ляхи́ дра̀ла! да до Жа̀ботина. А ота́манъ пішо̀въ за ни́ми да й порозставля̀въ круго́мъ Жа́ботина козаківъ. То оце́ ви́скочить изъ лісу коза́къ, повертитця-повретитця на коні передъ Жа́ботиномъ, да знов и поіде въ лісъ. То Ляхи́ ду́мають: »Оце́ жъ круго́мъ Жа́ботина вже стоя́ть по́ лісу гайдама̀ки!«

Да покинувши Жа̀ботинъ, да въ Смілу. Кома́нда жъ ру̀шила въ Смілу, а намі́сникъ, съ козакомъ Лопа́тою, що бувъ опісля́ чу̀рою у Залізняка́, такъ намісникъ изъ сімъ-то сами́мъ Лопа́тою — у Ка́мянку; бо тамъ вінъ живъ, и була́ тамъ у його сотня лейстро́вихъ козаківъ.

Отъ и питáетця намісникъ у ота́мана тихъ козаківъ: »А що̀, ота́мане? чи мо̀жна стать про́тивъ гайдама́къ?«

»Мо́жна, ба́тьку, тілько що іхъ ку̀ля не бере́.«

То намісникъ, якъ почу̀въ се́е, то побілівъ якъ ху̀стка, да й ка̀же: »Ку̀ля не бере́? ку̀ля не бере́?... Такъ іхъ — ти ка́жешъ — ку̀ля не бере́?«

Да вже боітця и ота̀мана, и одъ його̀ одхо̀дить, да все тілько:

хи тогда драла! и поскакали въ Жаботинъ. А отаманъ пошелъ вслѣдъ за ними и разставилъ вокругъ Жаботина козаковъ. Вотъ козакъ выскочитъ изъ лѣсу, проѣдемъ взадъ и впередъ на конѣ передъ Жаботиномъ да опять и скроется въ лѣсу. Ляхи и думаютъ: »Это значитъ, гайдамаки стоятъ уже въ лѣсу вокругъ Жаботина!« и, оставивши Жаботинъ, пустились въ Смилу.

Команда выступила въ Смилу, а намѣстникъ, съ козакомъ Лопатою, который потомъ былъ слугой у Зализняка, — въ Камянку: тамъ онъ, видите, жилъ, и была у него тамъ сотня реестровыхъ козаковъ. Пріѣхалъ и спрашиваетъ у отамана тѣхъ козаковъ: »А что̀, отаманъ? можно ли намъ стать противъ гайдамакъ?« — »Можно, батько; только то бѣда, что ихъ пуля не беретъ.« Какъ услышалъ это намѣстникъ, такъ и побѣлѣлъ, точно платокъ, и говоритъ: »Пуля не беретъ? пуля не беретъ?... Такъ ты говоришь — пуля не беретъ?« И боится ужъ самого отамана, пятится отъ него и все только твердитъ: »Пуля не беретъ!

»Кýля не берé! кýля не берé!... Гмъ! кýля не берé!... Такъ ти кáжешъ, отáмане, що іхъ кýля не берé?«

»А не берé, бáтьку.«

»Эгé! кýля не берé!... эгé! эгé!«

Да, сівши на кóней зъ Лопáтою, да въ Смілу.

Лопáта жъ попèреду біжить изъ списомъ, а намісникъ за нúмъ.

Колú жъ, не доіжджáючи корчмú Сумськóі, наганяе іхъ гонéць: »Пáне наміснику! гайдамáки Кáмянку ріжуть!«

Намісникъ кúнувсь, якъ опáрений, въ Смілу; а Лопáта зъ тимъ гонцéмъ и зостàвсь.

А гайдамáки, стóячи коло Кáмянки, послáли до лейстрòвихъ, визивáючи отáмана до порàди. Отáманъ лейстрóвий вúйшовъ до гайдамáцького отáмана; то сей и кàже: »Щò? ви бýдете зъ нáми бúтьця, чи ні? Ми не по своій вóлі прийшлú. Глядіть, щобъ не булó й вàмъ такóго лúха, якъ Ляхáмъ.«

И показáвъ лейстрóвому отáману бумáгу. Якъ показáвъ, то й Каменськáя сóтня пристáла до гайдамáкъ.

пуля не беретъ!... Гмъ! пуля не беретъ!... Такъ ты говоришь, отаманъ, что ихъ пуля не беретъ?« — »Не беретъ, батько.« — »Да, да! пуля не беретъ!... да! да!« И сѣвши на коней съ Лопатою, пустился въ Смилу.

Лопата скачетъ впереди съ копьемъ, а намѣстникъ за нимъ. Какъ догоняетъ ихъ, не доѣзжая до Смилянской корчмы, гонецъ: »Панъ намѣстникъ! гайдамаки Камянку рѣжутъ!« Намѣстникъ бросился, какъ будто его обварили кипяткомъ. въ Смилу, а Лопата съ гонцомъ и остались.

Гайдамаки же, стоя въ Камянкѣ, послали къ реестровымъ козакамъ и просили къ себѣ ихъ отамана на совѣтъ. Реестровой отаманъ вышелъ къ гайдамацкому отаману. Тогда этотъ говоритъ: »Что? будете вы съ нами драться, или нѣтъ? Мы не по своей волѣ пришли. Смотрите, чтобъ и вамъ не было такой бѣды, какъ Ляхамъ.« И показалъ реестровому отаману бумагу. Какъ показалъ, то и Камянская сотня пристала къ гайдамакамъ.

2.

МЕСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА. (*)

Якъ стояли гайдамáки у Мотрéнинському лісі, то одинъ отáманъ назвáвъ за щось козакá Жидомъ. »Эхъ ти« , кáже, »Жидъ!«

А той козáкъ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« да зъ пистолéтомъ до ёгó.

А отамáнъ бувъ характèрникъ. »А що?« кáже, »ти менé бýдешъ стреляти?« да й грýди розхрíставъ. »Стреляй« , кáже, колú хóчешъ!«

»А тó жъ не встрèлю? Мóже, дýмаешъ — не візьме?« Да — бехъ! Той и вúвернувсь.

Отъ козакú до ёгó зъ дубúнами, за те, що застрéливъ отáмана. А вінъ: »Постривáйте« , кáже, »панóве; слýхайте лишъ, щó тутъ міжъ нáми булó за діло. Дè жъ вúдано, щобъ козакá зъ Жидомъ рівняти? То и всі ви Жидú, колú я Жидъ!«

То козакú, роспитáвши и вúслухавши всю причúну, сказáли: »Правда. Ледáчому ледáча й смèрть.«

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то одинъ отаманъ назвалъ за что-то козака Жидомъ. »Эхъ ты« , говоритъ, »Жидъ!« А тотъ къ нему съ пистолетомъ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« Но отаманъ былъ *характèрникъ* (чародѣй). »Чтò?« говоритъ, »ты будешь стрѣлять въ меня?« и грудь передъ нимъ открылъ. »Стрѣляй« , говоритъ, »коли хочешь!« — »Ато не выстрѣлю? Можетъ быть, думаешь, не возьметъ?« и выстрѣлилъ. Тотъ и упалъ навзничь. Вотъ козаки къ нему съ дубьемъ, за то, что застрѣлилъ отамана. А онъ: »Постойте« , говоритъ, »господа; выслушайте прежде, чтò между нами было. Слыханное ли дѣло, чтобъ козака съ Жидомъ равняли? Такъ и всѣ вы Жиды, коли я Жидъ!« И козаки, распросивъ и выслушавъ все дѣло, сказали: »Правда, правда. По дѣломъ ему, негодному.«

3.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТИНѢ. (*)

Въ Жáботині Жидъ поналічувавъ на людéй стілько дóвгу, що стáло вже не въ моготý й виплатитьця: мóже, въ дèсятеро більшъ ніжъ воні булú виновáті. То козакú Жаботúнські не хотіли платить; кáжуть: »Присягнú!« А вінъ, невіра, взявъ да й присягнýвъ. Отоді вже платú якъ хóчъ! Отъ пять козаківъ поробúли собі малéнькі списú, щобъ підъ пóлу мóжна взять, да й пришлú до ёгó ввéчері, якъ вінъ сáме сівъ вечèряти. А Жидівка наділа дорогúй очіпокъ, що воні проклятні нóсять. Отъ одúнъ козáкъ узявъ да списомъ підъ той очіпокъ и сýне. А Жидъ: »Сцó ти, сцó ти, сéльма ти? Якъ ти сміесъ!« А вінъ ёгó якъ порнè списомъ! Тогді й Жидівку й Жиденятъ переколóли.

4.

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНѢ. (**)

Якъ узялú гайдамáки 'Умань, то сіли на стольцяхъ середъ гóрода да й звеліли позвáть панотців. Отъ и привелú до іхъ Ба-

---

(*) *Переводъ.* — Въ Жаботинѣ Жидъ столько присчиталъ людямъ долгу, что не подъ силу ужъ было и выплатить: можетъ, въ десять разъ больше противъ того, сколько они были должны. Жаботинскіе козаки не хотѣли платить, и говорятъ: »Присягни!« А онъ, невѣрный, взялъ да и присягнулъ. Тогда ужъ плати, какъ хочешъ! Вотъ пять козаковъ сдѣлали себѣ небольшія копійца, чтобъ можно было взять подъ полу и пришли къ нему ввечеру, какъ только онъ сѣлъ за ужинъ. А Жидовка надѣла дорогой чепецъ, что онѣ, проклятыя, носятъ. Вотъ одинъ козакъ взялъ да копьемъ подъ тотъ чепецъ и подсовываетъ. А Жидъ: »Сто ты, сто ты, сельма? Какъ ты смѣесъ?« Онъ его какъ пырнетъ копьемъ! Тогда и Жидовку, и Жидинять перекололи.

(**) ***Переводъ,*** — **Какъ взяли гайдамаки Умань, то сѣли на стульяхъ посреди города и велѣли позвать къ себѣ духовныхъ. Привели къ**

зилянъ. То отáманъ и кáже: »А щó, панотці? ми васъ завсегдá слýхаемъ? послýхайте жъ ви насъ хочъ рáзъ, а ми васъ нагрáдимó.«

Тйі бідниі трýсятця; кáжуть: »Щó звелитé, вельмóжнii пані?«

»Отъ що: візьміть вй хрестй да пройдіть по ýлицямъ и одпрáвте пóхоронъ.«

Базиляне побрáли хрестй, хóдять по ýлицямъ, прáвлять пóхорони. А нарóдъ плáче по всёмý гóроду. И самі Базиляне прáвлять да й плáчуть.

Якъ кóнчили, отáманъ награди́въ іхъ червінцями да й кáже своімъ: »А щó, хлóпці? бáчте, пани́ у якйхъ хорóшихъ жупáнахъ хóдять? А ви, бідáхи, чáсомъ и сорóчки не мáете. А нýте лишéнь, берітесь за діло!«

Отъ тутъ ужé й пішлá різня́.

5.

ИСКУСЪ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО. (*)

Запорóзці, якъ підмóвлять, було́ до себé на Січъ якóго хлóпця зъ Гетьмáнщини, то пéрше прóбують, чи годйтця буть Запо-

---

нимъ Базиліянъ. Отаманъ и говоритъ: »Ну, чтó, *панъ-отцы*? мы васъ слушаемся; послушайтесь же вы насъ хоть одинъ разъ, а мы васъ наградимъ.« Тѣ, бѣдные, дрожатъ и говорятъ: »Чтó прикажете, вельможные паны?« — »Вотъ чтó: возьмите вы кресты, пройдите по улицамъ и отправьте похороны.« Базиліяне взяли кресты, ходятъ по улицамъ, отправляютъ похороны. А народъ плачетъ по всему городу. И сами Базиліяне, отправляя похороны, плачутъ. Когда кончили, отаманъ наградилъ ихъ червонцами и говоритъ своимъ: »Ну, чтó, молодцы? видите, какіе хорошіе жупаны на панахъ? А у васъ, бѣдныхъ, иной разъ и рубашки нѣту! А нуте-ка, принимайтесь за дѣло!« Тутъ ужъ и пошла рѣзня.

(*) *Переводъ.* — Какъ сманятъ бывало Запорожцы къ себѣ въ Сѣчь

ро̀зцемъ. Отто́ звеля́ть ёму̀ вари́ти ка̀шу: »Гляди́ жъ, вари́ такъ, щобъ и не сира̀ була́, щобъ и не перекипіла. А ми пійдемъ косить. То ти, якъ уже́ бу̀де гото́ва, вийди на такий-то курга̀нъ, да й зови́ насъ; а ми почу̀емо, да й прийдемъ «

Отъ поберу̀ть ко́си да й пійдуть ніби-то косить. А дѐ въ чо́рта імъ хо̀четця косить! Заберу̀тця въ коми́шъ да й лежя̀ть. То оце́ хло́пець, звари́вши ка̀шу, вийде на могилу и за̀чне гука́ти. А вони́ й чують, да не озива̀ютця. То винъ гука̀е-гука́е, да дава̀й пла̀кать: »Отъ занесла́ мене́ нечи́ста си́ла міжъ сії Запоро́зці! Лу̀чче бъ було́ до́ма сидіти при ба́тькові да при ма́тері. Ато́ ще перекипи́ть ка̀ша, то прийдуть да битимуть вра̀жі сини́! Ой бідна жъ моя́ голо́вонько! чого̀ мене́ понесло́ міжъ сії Запоро́зці!«

То вони́, лѐжачи въ траві, ви́слухають усе́ да й ка̀жуть: »Ні, се не на̀шъ« ! А да́лі вѐрнутця до куреня̀, да даду̀ть тому̀ хло́пцеві коня̀ и гро́шей на доро́гу, да й ска̀жуть: »Ідь собі къ нечи́стому! намъ таки́хъ не трѐба.«

А якъ-же́ кото́рий уда̀стця ростор́о́пний и дога́дливий, то вий-

---

какого-нибудь парня изъ Гетма́нщины, то сперва пробуютъ, годится ли онъ въ Запорожцы. Прикажутъ ему, напримѣръ, варить кашу: »Смотри же ты: вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипѣла. А мы пойдемъ косить. Когда будетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ.« Возьмутъ косы и пойдутъ какъ-будтобы косить. А кой чортъ хочется имъ косить! Залѣзутъ въ камышъ и лежатъ. Вотъ парень сваритъ кашу, выходитъ на курганъ и начинаетъ звать. Они и слышатъ, но не откликаются. Зоветъ онъ ихъ, зоветъ, а потомъ въ слезы: »Вотъ занесла меня нечистая сила къ этимъ Запорожцамъ! Лучше было бы сидѣть дома при отцѣ, при матери. Еще перекипитъ каша; придутъ и поколотятъ вражьи дѣти! О, бѣдная моя головушка! кой чортъ занесъ меня къ этимъ Запорожцамъ!« А они лежа въ травѣ, выслушаютъ все это и говорятъ: »Нѣтъ, это не нашъ!« Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ: »Ступай себѣ къ нечистому! намъ такихъ ненадо!«

Но который молодецъ удастся расторопный и смѣтливый, тотъ, взо-

шовши на могилу, кликнè разівъ зó два: »Гей, панóве молодці! идіте кáши істи!« да якъ не озиваютця, то вінъ: »Чóртъ же васъ бери́, колй мовчитé! бýду я й сáмъ істи.« Да ще передъ одхóдомъ удáрить на могилі гопакá: »Ой тýтъ мині погуляти на простóрі!« Да, затягнýвши на ввесь степъ козáцьку пісню, и пійде собі до куреня, и давáй уплітáти кáшу.

То Запорóзці, лéжачи въ траві, й кáжуть: »Оце нáшъ!« Да, побрáвши кóси, и йдýть до куреня. А вінъ: »Де васъ у біса носйло, панóве? Гукáвъ-гукáвъ, ажъ охрйпъ; да щобъ кáша не перекипіла, то я почáвъ сáмъ істи.«

То Запорóзці споглянуть одйнъ на одногó да й скáжуть ёмý: »Ну, чýро, вставáй! гóді тобі буть хлóпцемъ: тепéръ ти рівний намъ козáкъ.«

И приймáють у товарйство.

Старинные Малороссійскіе балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда смѣшныя небылицы, въ которыхъ сами играли роль трусовъ, или глупцовъ. Это — прямая противоположность любимымъ разсказамъ Польской шляхты о своей храбрости и умѣ. Изъ всѣхъ пороковъ, хвастовство личными достоинствами наименѣе распространено между Малороссіянами. Слѣдующій разсказъ мо-

---

шедши на курганъ, крикнетъ раза два: »Эй, паны молодцы! идите кашн ѣсть!« и какъ не откликнутся, то онъ: »Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! буду я и одинъ ѣсть кашу.« Да еще передъ отходомъ пріударитъ на курганѣ *гопака́* (танецъ): »Ой тутъ мнѣ погулять на просторѣ!« И, затянувши на всю степь козацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда Запорожцы, лежа въ травѣ, и говорятъ: Это нашъ!« и, взявши косы, идутъ и себѣ къ куреню. А онъ: »Гдѣ васъ чортъ носилъ, господа? Звалъ я васъ, звалъ, и охрипъ, да потомъ, чтобъ не простыла каша, началъ самъ ѣсть.« Переглянутся между собой Запорожцы и скажутъ ему: »Ну, чýра (слуга), вставай! полно тебѣ быть *хлóпцемъ* (мальчикомъ, парнемъ): теперь ты равный намъ козакъ.« И принимаютъ его въ товарищество.

его незабвеннаго пріятеля въ Мотренинскомъ монастырѣ характеризуетъ бесѣды нашихъ старосвѣтскихъ военныхъ людей.

6.

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА. (¹)

Бува́въ тутъ коли́сь ча́сто у насъ у манастирі полко́вникъ коза́цький съ того́ бо́ку Дніпра́; зва́вся Перепели́ця. То було́ якъ за́чне роска́зувати про да́вніи во́йни, такъ умо́ра да й тілько. Що́ — ка́же — тепе́ръ за во́йни? То якъ коли́сь на́ши Задніпря́нські козаки́ воёва́ли, такъ та́къ! То — ка́же — наро́дъ хра́брий и до войни́ тя́жко спосо́бний. Якъ згада́ю — ка́же — собі, що якъ бу́въ я со́тникомъ, то ході́ли ми съ світлі́йшимъ князе́мъ Потёмкинимъ ажъ на край світа, підъ Оча́ківъ, де, каза́ли намъ, що жі́нки́ якъ перу́ть, то праники́ на не́бо кладу́ть: та́къ не́бо тамъ низе́нько. То на́шому коза́цтву и хотілось поба́чити тако́го ди́ва, и стра́шно було́ такъ дале́ко одъ до́му одбива́тись. Да що́ жъ ма́ешъ роби́ти, коли́ прика́зъ!

Отто́, ще, мо́же, ти́жнівъ за два́ до похо́ду, жінки́ дава́й усячину гото́вить у доро́гу: грінки́ суши́ть, са́ло въ возы́ укла́дувати. Нариштова́ли по́вніи ма́жи. Посхо́дились усі ро́дичи. Пла́чъ, жа́ль такий по всёму́ селу́, що Го́споди! Дѐ жъ бакъ! не близькі́й світъ до Оча́кова, де не́бо вже такъ низѐнько, що бабі́ праники́ кладу́ть, перучи́ на ри́чці. Проща́лись зъ на́ми більшъ якъ ти́ждень; провожа́ли за ца́рину гурбо́ю, съ чарка́ми, съ пляшка́ми. Пла́кали, якъ по мѐртвихъ, що й са́мъ я тро́хи сплакну́въ, а съ козаківъ дѐ-які й гѐть-то зарю́мали.

Отъ же й пішли́ ми до того́ Оча́кова, на край світа. Пришли́, ажъ ні: не́бо ще не ду́же ни́зько, а хиба́ тро́хи ни́жче, якъ у насъ. »Ну«, ка́жемо, »сла́ва жъ тобі, Го́споди! ще, ви́дно, не ту́тъ край світу.«

(¹) Я не рѣшился передать по-Великорусски этотъ юмористическій разсказъ, опасаясь, чтобы мой переводъ не былъ передразниваньемъ, какъ это часто случается съ переводами Малороссійскихъ комическихъ и патетическихъ пьесъ.

Стáли ми стоя́ти підъ тимъ Очáковомъ, да ажъ обри́дло — тáкъ дóвго. Котóрому козакóві пóвні саквй жінка тютюну́ напхáла, абó рігъ тобáки набйла, то все те повикýрували й повинюхували. Дýже дóвго щось стоя́ли. Приняли́ й хóлоду й гóлоду, бо стóяли въ шатрáхъ, якъ Цигáне, и не булó тамъ ні борщу́, ні варе́никівъ, а все тілько грінкй зъ сáломъ іли. Отакé-то ли́хо! Ажъ ось не стáло вже ставáть и сáла, а тілько самі грінкй позоставáлись. Щó тутъ чини́ти? Колйбъ ще козакй зъ гóлоду не попропадáли, то якъ тогді й додóму вертáтись? Бідá!... Повісили нáші носи́, зовсімъ змарніли; тілько що дихáние въ тілі, бо скáзано — щó зъ сами́хъ грінóкъ за смакъ?

Отъ я, взя́вши зъ собóю пи́саря сóтенного да осаýла, да й пішли́ до світлíйшого прохáти, щобъ позвóливъ послáти підвóди додóму за сáломъ. Прихóдимъ, ажъ світлíйший стоїть на рундуку́ и люльку кýрить. Поклони́лись ёмý. А вінъ: »Штó ви, хахлй?....« да такъ и ляпнувъ по-Москóвськи.

Оввá, якъ же погáно злáявъ! О, цýръ же ёмý, якъ негáрно!

»Вáша світлость! бідá прийшлá козакáмъ!«

»Какáя бідá?....« изнóвъ такъ и загнýвъ намъ по-Москóвськи на всю гýбу.

А, якъ же паскýдно лáетця! Да нічого робйти.

»Бідá«, кажý, »ваша світлость: козакй зъ гóлоду мруть!«

»Кáкъ зъ гóлоду, праклятиі хахлй?«

»Мрýть, вáша світлость: самі грінкй зостáлись увъ обóзі, а сáла вже забýли, й якé вонó.«

Ще я й не доказáвъ, а вінъ: »Вóнъ, хахлй!.... Ребя́та! вазьміте іхъ!«

Тутъ Москвá якъ вйскочить да за нáсъ, а ми, підобрáвши пóли, навтікачá! А врáжий Москáль, такъ якъ репъя́хъ, и вчéпитця, що гéть ёгó проволочéшъ, мóже, гóней зó двое. Утеклй насйлу.

»Эгé, панóве!« кажý опісля́ своімъ, »оцé вамъ наýка, щобъ брáли сáла ще більшъ, ніжъ хліба, атó бáчъ, якé лйхо!«

Отó вже стоімó ми собі хйрні, імó тйі грінкй. Якъ ось

ста́ла чу́тка, що Ту̀рки йдуть підъ Оча́ківъ. Посила́е мене́ світлійший зъ со́тнею попѐреду, а самъ му́сить би то йти за на̀ми. Поїхали ми да й ду̀маемъ собі: »Отепѐръ же, ма́буть, прийшла́ на насъ оста́тня годи́на!«

'Ідемъ, блука̀емъ по̀ полю, якъ неприка́яниі. Коли́ жъ де ні візьми́сь у степу́ ку́рява така́, на́че чия́ вели́ка панщина́ почала́ віяти жито на току́ въ сто лопа́тъ. Оце́ жъ Ту̀рки йдуть! Що̀ тутъ у Го́спода чини́ти? Стреля̀ть би то до̀ нихъ, хочъ и дале́ко, щобъ почу̀въ світлійший да йшовъ скорійшъ на підмо̀гу. Такъ що̀ жъ? по̀ки ще прийде, то Ту́рки насъ пошаткують на капу́сту. А хочъ и ні, то, якъ підоспіють на́ші, то всѐ таки намъ ли́ха конѐмъ не объїхати: тре́ба бу́де стоя́ти спѐреду, то всі й пропадемо̀ ні за соба́ку. Що̀ тутъ у Бо́га діяти? Дивлюсь, ажъ місто̀къ надъ ярко̀мъ... »Бра́тця!« кажу́, »схова̀ймось підъ сей містокъ! Неха̀й чѐрті бъютця, а ми пересидимъ тутъ лиху́ годи́ну да й живі додо́му вѐрнемось.«

Козаки́ за́разъ мене́ й послу̀хали. Збились у-ку́пку коло ме́не, такъ якъ бжо̀ли коло ма́тки. Сидимо̀: коли́ жъ земля́ и звідси и звідти гуде́, такъ ніби дві хма̀рі наступа́ють — одна́ зъ за̀паду, а дру́га одъ схо̀ду со́нця. Якъ зійшо́вся жъ Моска́ль изъ Ту̀рками, якъ ста́ли би́тись, то — Го̀сподн, твоя̀ во̀ля! и роди́лись, и христи́лись, тако́го стра́ху не ба́чили. А да́лі чу́емо, що Моска́ль перейшо̀въ черезъ місто́къ да й погна̀въ Ту́рка.

Отъ ми тогді съ-підъ мостка́. Ди́вимся, ажъ ко́ні такъ и гра́ють круго́мъ насъ по̀ полю, а Ту́рки, що тріски́ на дрівітні, валя́ютця ку̀пами, а де́-які пора́нені хо̀дять поміжъ ни́ми и самі не зна́ють, куди́ йти, бо й си́ли, й сміло́сті вже чортъ-ма́е, а напу́жані такъ, якъ овѐчки одъ во̀вка: що якъ розженѐ ста́до, то ще до̀вго дурнії стоять, ви́лупивши о̀чи, по го́рахъ, а пасту́хъ хочъ гука́й, хочъ не гука́й.

»Беріте іхъ!« кри́кнувъ я на своіхъ, »вяжіть вра́жихъ Ту́рківъ, по̀ки імъ ду̀хъ не одихне́! ловіть ко́ней!«

Отъ мої козаки́ дава́й іхъ батова́ти! и набатова́ли со́тепь зо̀ дві, и гро̀шей по̀вні кишѐні понабіра́ли.

»Тепе́ръ же« , кажу́ , »хло́пці , звѐрнемъ у бікъ зъ доро́ги да одпочи́немъ тро́хи де-не́будь у байра́ці, бо, мо́же, втоми́лись, ганя́ючись за кіньми ; а на́дъ-вечіръ вѐрнемось до світлі́йшого.«

Такъ и зроби́ли. А якъ усе́ вгамова́лось и самъ світлі́йший вернувсь до ла́геря, то й ми на́дъ-вечіръ причвала́ли. Прихо́димо до ґа́нку, ажъ вінъ стоїть, зъ лю́лькою такі́ въ зуба́хъ. За́разъ, якъ поба́чивъ насъ, такъ и загну́въ намъ по-Моско́вськи : А што ви, хахли́?......«

О, цу́ръ же ёму́, якъ негарно ла́етця! Овва́!

»Да ми оце́ прийшли́ спита́тись, ва́ша світлость, кому́ одда́ть на ру́ки плінних?«

»Каки́хъ плінних, праклятті чуби́?«

»Да отъ же, ба́чите, що ми ходи́ли увъ объіздъ изъ своє́ю со́тнею, то якъ напа́ли на насъ Ту́рки , а ми якъ почали́ іхъ стреля́ти та руба́ти, то й самихъ розігна́ли , и двісті плінних узяли́, тілько шко́да, що всі пора́нені.«

»А людей ско́лька патеряна?«

»Ні одного́ , ва́ша світлость ! уся со́тня, сла́ва Бо́гу, жива́ й ціла.«

»Тьфу́, праклятті хахли́! двѣсті плѣнних и са́ми цѣли ! Забра́ть у нихъ плѣнних ! Пашли́ . . . . глу́пиі чуби́ !«

Такъ намъ загну́въ на проща́нне да й одпусти́въ, спаси́бі ёму́.

То вже тоглі моі козакі й ка́жуть : »Яки́й-то тобі , па́не со́тнику, Бігъ ро́зумъ давъ ! Якъ-би́ тебе́ не послу́хали , то всі бъ, мо́же, ма́рне пропа́ли; а тепе́ръ, сла́ва Бо́гу, и до́бичи по́вні ру́ки, и самі зоста́лись жи́ві й здоро́ві !«

Послѣ пріятнаго пребыванія въ Мотренинскомъ монастырѣ, наступили для меня опять безплодныя странствованія между Украинскими поселянами, чему впрочемъ были виною обстоятельства, не позволявшія мнѣ проживать долго на одномъ мѣстѣ и чрезъ то сближаться съ народомъ. Одинъ только разсказъ Ивана Бурдуна, стараго бондаря въ мѣстечкѣ Александровѣ, вознаградилъ меня за долгіе мои переѣзды по Чигиринщинѣ. Вотъ онъ.

ВЕРБОВКА ВЪ ГАЙДАМАКИ И РАЗВЯЗКА УМАНСКОЙ ТРАГЕДІИ 1768 ГОДА. (*)

Роскáзуе булó покiйний нашъ Глáдкий, що гайдамáкъ зъ самого почáтку прийшлó зъ Сiчи въ Мотрéнинъ манастúръ тiлько трú, — нiби-то на поклонéние. И такъ собi нiби нiкчѐмний нарóдъ, вахлаi такi... хóдять булó схилúвшись. Одúнъ же пiшóвъ у Лебедúнськiй манастúръ, — звáвся Демя́нъ Гнúда; а дрýгий, на прiзвище Лусконiгъ, пiшóвъ у Мошѐнський манастúръ; а трéтiй, Шѐлестъ, зостáвся тутъ, у Мотрѐнином у. Живé — кáже — гóдiвъ зó два и всé рóбить ратищá, скупóвуе жупàни, шаровàри, шапкú, чóботи. То, якъ хто спитàе: »Нá що се, брáте?« — »Се«, кáже, »подáмъ у Сiчъ гостúнця, бо тамъ усé тée дорогѐ, а нарóдъ знай прибувàе, то трýдно на одѐжу.«

Ми жъ тому́ й вiримъ: дýмаемъ, що спрàвдi то вiнъ хóче подáти у Сiчъ гостúнця. Колú жъ иду́ — кáже — я разъ до цéркви у Мотрѐнинъ манастúръ, ажъ вiнъ, тóй Шéлестъ, стоiть на стéзцi, сáме на Спáсовiмъ Яру̀, и вже въ жупàнi. Бо пéрше, бу-

---

(*) *Переводъ*. — Разсказываетъ бывало покойный нашъ Гладкiй, что гайдамакъ съ самаго начала пришло изъ Сѣчи въ Мотренинскiй монастырь только трое — какъ-бы на поклоненiе. И такъ себѣ какъ-будто ни къ чему годный народъ, такiе вахлаи ... ходятъ бывало согнувшись. Одинъ пошелъ въ Лебединскiй монастырь, — звался онъ Демянъ Гнúда; другой, по прозванiю Лусконiгъ, пошелъ въ Мошенскiй монастырь; а третiй, Шéлестъ, остался тутъ, въ Мотренинскомъ. Живетъ онъ — говоритъ — года два и всё дѣлаетъ копья, скупаетъ жупаны, шаровары, шапки, сапоги; и когда спроситъ кто-нибудь: »На чтò это, братъ, тебѣ?« — »Это«, говоритъ, »пошлю въ Сѣчь гостинецъ; тамъ все это дорого, а народъ всё прибываетъ, такъ трудно достать одежды.«

Мы тому и вѣримъ: думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ это онъ хочетъ послать въ Сѣчь гостинецъ. Какъ иду — говоритъ — я разъ въ церковь, въ Мотренинъ монастырь, смотрю — онъ, этотъ Шéлестъ, стоитъ на тропинкѣ, какъ разъ на Спасовомъ Яру, и ужъ въ жупанѣ. Преж-

ло́, хо́дить у невірне́нькій свиточці, а тепе́ръ вже — ка́же — на ёму́ жупа́нъ, си́ні штани́, ша́пка до́бра, ша́бля припа́сана, за по́ясомъ пистолѐти, — геть все чи́сто.

»Здоро̀въ«, ка́же, »бра́те Анто́не!«

»Здоро̀въ!«

»Пристава́й«, ка́же, »въ козаки́!«

А я ка́жу: »Що̀ жъ? у мене́ й ба́тько, й ма́ти, и брати́ есть, то бу́дуть мене́ ла̀ять.«

»Да пристава́й«, ка́же: »у насъ бу́де до̀бре, въ насъ та̀къ бу́де, въ насъ та̀къ бу́де. Ми, по́ки віку, козаки́ козака́ми бу́демо.«

А мині стра̀шно; я й кажу́: »Намъ и та̀къ до́бре.«

»Да пристава́й!«

Я щѐ таки́ боюсь.

А вінъ: »Иди́ лише́нь до во́за.«

Иду́, ажъ и візо̀къ за де́ревомъ стоїть. А коло возка́ Жидъ и Ляхъ лежя́ть повя̀зані. Я якъ подиви́всь на нихъ: »Э, се жъ уже́ щось не до̀бре, колі́ вя́жуть!« да й страхъ мене́ ще більший узя́въ.

А вінъ тя́гне зъ возка́ бокла́гу. »Пий«, ка́же, »горілку!«

де бывало ходитъ въ дрянной свиточкѣ, а теперь ужъ — говоритъ — на немъ жупанъ, синіе штаны, хорошая шапка, сабля припоясана, за поясомъ пистолеты — все, какъ слѣдуетъ. »Здорово«, говоритъ, »братъ Антонъ!« — »Здорово!« — »Приставай«, говоритъ, »въ козаки!« А я говорю: »Что̀ же? у меня и отецъ, и мать, и братья есть; будутъ меня бранить.« — »Приставай«, говоритъ: у насъ хорошо тебѣ будетъ, у насъ будетъ такъ-то и такъ-то. Мы, пока живы, будемъ козаками.« А мнѣ страшно, я и говорю: »Намъ и такъ хорошо.« — »Да приставай!« Я все боюсь. А онъ: »Поди-ка сюда къ возу.« Иду, глядь — и тележка стоитъ за деревомъ. А подлѣ тележки лежатъ связанный Жидъ и Ляхъ. Я, какъ посмотрѣлъ на нихъ: »Э, плохо дѣло, когда ужъ вяжутъ!« и еще большій страхъ на меня нашелъ. А онъ тащитъ изъ тележки *боклагу* (плоскій бочонокъ). »Пей«, говоритъ, »водку!« А я го-

А я кажу: »Щò жъ, брáте? ще рáно, ще тільно до церкòвъ задзвонили.«

»Да пий«, кáже, »брáте! *Одинъ тому часъ, що бáтько въ плáхті.*« (¹)

Якъ узявъ, якъ узявъ коло мéне впадáть, — я, нічого робить, напивсь трòхи.

»Пий ищé!«

Я щè напився.

»Приствáй«, кáже, »брáте!«

А я всè таки боюсь.

Тогді вінъ насипавъ на долòню пòроху, да ростèръ-ростèръ зъ горілкою, да помàзавъ мене по виду, то такà зàразъ охòта взялá, що тільно дай списъ у рýки, здаèтця бъ, пішòвъ да й душивъ би всякого.

Вінъ зàразъ мині жупàнъ, шàблю, пистолèти припасàвъ, убрàвъ менè зовсімъ по-козàцьки, и рàтище давъ.

»Ходімо жъ«, кáже, »за клèна, да тамъ и стій, да хтò бъ ні йшовъ, хтò бъ ні іхавъ — бери й вяжи.

ворю: »Чтò же, братъ? еще рано, еще только что поблаговѣстили въ церквахъ.« — »Да пей, братъ!« говоритъ: *»одинъ тому часъ, що бáтько въ плáхті.«* (¹) Какъ началъ онъ этакъ меня ублажать, я — нечего дѣлать — выпилъ немного. »Пей еще!« Я еще выпилъ. »Приставай, братъ!« говоритъ. А я всё таки боюсь. Тогда онъ насыпалъ на ладонь пороху, растеръ его съ водкой и какъ намазалъ мнѣ лицо, такъ мнѣ тотъ-часъ такая пришла охота, что только дай въ руки копье, — кажется, пошелъ бы и душилъ всякаго. Онъ далъ мнѣ тотъ-часъ жупанъ, саблю, привѣсилъ пистолеты, нарядилъ меня совсѣмъ по-козацки и копье далъ. »Теперь«, говоритъ, »пойдемъ за этотъ кленъ, тамъ стань и, кто бы ни шелъ, кто бы ни ѣхалъ, бери всякаго и вяжи. Пошелъ я — го-

---

(¹) Пословица, относящаяся къ обычаю переодѣваться въ разныя платья на другой день сватьбы. Отецъ новобрачной переодѣвается женщиною и надѣваетъ *плáхту* (тканую юбку).

Пішо̀въ — ка́же — я за кле́на; колѝ жъ дивлю̀сь, ажъ усю̀ди вже козакѝ й стоя̀ть по-за дерева̀ми. [А вінъ-то хотівъ, щобъ ніхто́ не давъ звістки у Жа̀ботинъ кома̀нді.]

Поста̀вивъ мене́: »Глядѝ жъ, до̀бре пильну̀й, щобъ ніхто́ не пройшо̀въ, ні проіхавъ.«

Отъ я посто̀явъ тамъ тро́хи, по̀ки той ча̀дъ пройшо̀въ, да по̀тімъ якъ оду̀маюсь, якъ схоплю̀сь на ра́тище, да якъ пущу̀сь додо̀му!

Прибігъ, а ба̀тько: »Дѐ се ти бувъ?«

»Біда̀«, кажу̀, »та́ту! Ше́лестъ козаківъ уже́ збіра̀е!«

Отъ ба̀тько пола̀явъ мене́ тро́хи да й ка́же: »Хова̀йся жъ, вра́жий сѝну! ато̀ бу́де тобі одъ ёго̀ лѝхо!«

То я якъ пішо̀въ хова̀тьця, то хова̀вcь ажъ три го̀ди.

А Ше́лестъ якъ почу̀въ, що вже кома́нда про ёго̀ зна̀е и пішла́ на Ведмѐдівку, на Писа́рську Га̀ть, то зобра̀въ, са́ме на Свя̀ту́ Неділю, двісті козаківъ, да пря̀мо у манастѝръ. Да чу̀дно, що дѐ тиі козакѝ удру̀гъ узяли̇сь, дѐ вонѝ й ко̀ней набра̀ли, и усёго̀! А наро̀дъ тілько що зъ цѐркви піча̀въ вихо̀дить, ажъ сіі назу̀-

---

ворить (Гладкій) — за кленъ; смотрю — уже вездѣ козаки стоятъ за деревьями. [А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не передалъ вѣсти командѣ въ Жа́ботинъ.] Поставилъ онъ меня. »Смотри же, хорошенько сторожи, чтобъ никто не прошелъ и не проѣхалъ.« Вотъ я постоялъ немного, пока тотъ угаръ прошелъ, а потомъ какъ опомнюсь, какъ прыгну, опершись на копье, какъ прибѣгу домой! Прибѣжалъ, а отецъ: »Гдѣ это ты былъ?« — »Бѣда«, говорю, »*та́то!* Ше́лестъ козаковъ ужъ собираетъ!« Отецъ побранилъ меня немного и говоритъ: »Скройся же, вражій сынъ, ато будетъ тебѣ отъ него бѣда!« Я, какъ пошелъ скрываться, то цѣлыхъ три года прятался.

А Ше́лестъ, какъ услышалъ, что уже команда про него знаетъ и пошла на Ведме́довку, на Писа́рскую Гать, то собралъ, въ самую Святую Недѣлю, двѣстѣ козаковъ и прямо въ монастырь. И дивно, оттуда тѣ козаки тотъ-часъ явились, гдѣ они добыли лошадей и всего! Народъ только что началъ выходить изъ церкви, а они навстрѣчу. Народъ такъ и

стрічъ. То нарóдъ такъ и шарáхнувъ зъ манастиря: »Э, се жъ Гайдамáки!« А Шéлестъ и почáвъ гулять съ козакáми. Музики, пісні, тáнці!

А ченці нічóго імъ; сидять собі по кéлияхъ, бо давнó ще про тée знáли. Ще, скóро Шéлестъ прийшóвъ у Мотрéнинській лісъ... а тамъ тогді булй великиі трущóби, гущинá непроходима, и живъ тамъ у лісý одинъ чернéць — ще й дóсі кéлийка стоіть — то вінъ и сказáвъ тому ченцéві: »Иди«, кáже, »звідсі, óтче; тутъ тобі не жить, бо тутъ козакй бýдуть; тутъ бýде такè, тутъ бýде такè.« То чернéць и зійшóвъ съ тогó міста и вкопавъ собі у дрýгімъ місті печéру, — такъ, мóже, якъ до тогó плетня по-підъ землéю муръ стоіть.

Отъ же, погулявши-то тамъ Шéлестъ съ козакáми, и повівъ іхъ у лісъ на Січъ. А тамъ есть такé місто у Мотрéнинському лісý, що и звідсі байрáкъ, и звидти байрáкъ, а по серéдині такъ якъ шпиль стоіть. То вонй на тімъ шпилику обрубáлись и жилй гóдівъ зó три. Оцé, булó поіде іхъ чоловікъ дéсять, пятнáдцять, да

бросился уходить изъ монастыря. »А, это гайдамаки!« А Шéлестъ и ну гулять съ козаками. Музыка, пѣсни, танцы!

Чернецы же ничего имъ; сидятъ себѣ въ кельяхъ: они давно про то знали. Еще какъ только пришелъ Шéлестъ въ Мотренинскій лѣсъ.... а тамъ были тогда большія трущобы, густота непроходимая, и жилъ тамъ въ лѣсу одинъ чернецъ — и до сихъ поръ еще стоитъ келійка — такъ онъ и сказалъ тому чернецу: »Поди«, говоритъ, »отсюда, отче; тутъ не жить тебѣ, затѣмъ что здѣсь будутъ козаки, тутъ будетъ то и то.« Такъ чернецъ и сошелъ съ того мѣста и вырылъ себѣ въ другомъ мѣстѣ пещеру, — такъ, можетъ, какъ вонъ до этого плетня, стоитъ подъ землею стѣны.

Вотъ, погулявши тамъ Шéлестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ Сѣчь. А тамъ есть въ Мотренинскомъ монастырѣ такое мѣсто, что съ одной и съ другой стороны буеракъ, а посрединѣ — точно шпиль стоитъ. На томъ шпилѣ они сдѣлали засѣку и жили года три. Бывало поѣдетъ человѣкъ десять, пятнадцать ихъ, схватятъ какого-нибудь человѣка

попаду́ть яко́го чоловіка, и дава́й му́чить, щобъ каза́въ, у кого́ е гро́ши, або́ хоро́ша одѐжа; да прийдуть у ночі да й деру́ть; такъ що вся́ку ніч було́ лю́де вибіра́ютця спать у буръя́нъ. Тілько ча́сомъ и въ буръяні знахо́дили. А кома́нда до іхъ не прихо́дила, бо й сама́ боя́лась. Да що́ тамъ тиі й кома́нди було́!

Отто́ якъ зібра́лось іхъ у ко́жному манастирі по триста чоловікъ, то й Залізня́къ зъ Запоро́жжя приіхавъ, да зобра́вшись до-ку́пи, усіхъ девять-со́тъ чоловікъ, и ру́шили въ По́льщу. Прийшли́ въ Тальнѐ, а тамъ я́рмарокъ: то я́рмарокъ такъ и суну́въ! А Залізня́къ посла́въ завертать: »Не бійтесь, лю́де до́брі, не бійтесь: ми васъ не зачѐпимъ; гуля́йте собі й базару́йте!«

А зъ Тально́го пішли́ до 'Уманя. И та́мъ тѐжъ я́рмарокъ. Да якъ поба́чили, що йде Залізня́къ, то я́рмарокъ у за́мокъ и запѐрсь. А вони́ за́мокъ узялй да й вирізали усіхъ Ляхівъ и Жидівъ. То каза́въ мині Лопа́та [а той Лопа́та да бувъ три го́ди чу́рою при Залізняку́], то каза́въ, що отта́къ изъ за́мку кровъ бігла. ([1])

и давай мучить, чтобъ говорилъ, у кого есть деньги, или хорошая одежа: а потомъ придутъ ночью и грабятъ; такъ что всякую ночь бывало люди уходятъ спать въ бурьянъ. Но иногда и въ бурьянѣ гайдамаки ихъ находили. Команда же къ нимъ не приходила: затѣмъ что и сама боялась. Да сколько было всего той команды!

Вотъ, какъ собрались въ каждомъ монастырѣ по триста человѣкъ козаковъ, то и Зализнякъ изъ Запорожья пріѣхалъ; собрались они всѣ, девять-сотъ человѣкъ, и двинулись въ Польшу. Пришли въ Тальнé, а тамъ ярмарка; ярмарка такъ и рынулась прочь! Зализнякъ послалъ козаковъ воротить ее назадъ: »Не бойтесь, люди добрые, не бойтесь: мы васъ не тронемъ; гуляйте себѣ и торгуйте!«

А изъ Тального пошли къ Уманю. И тамъ тоже ярмарка. Какъ увидѣли, что идетъ Зализнякъ, то ярмарка заперлась въ за́мкѣ. А гайдамаки взяли за́мокъ и вырѣзали всѣхъ Ляховъ и Жидовъ. Разсказывалъ мнѣ Лопата, [а тотъ Лопата былъ три года *чурой* (слугой) при Зализнякѣ], что вотъ какъ изъ за́мка кровь бѣжала. ([1]) Завладѣвъ Уманемъ,

---

([1]) Разскащикъ показалъ на косточку ноги.

Отъ, якъ опановали 'Умань, то й поставили усюди свій караулъ. Коли жъ и ідуть два Дони: одинъ ніби-то старшúй, а другий простий. Залізнякъ прийнявъ іхъ за гостей; угощáе такъ, що куди! Ажъ ось, трóхи згодомъ, іде знóвъ три Дóни. Вінъ и тйхъ приннявъ. Коли жъ іде чоловіка вже пять гусаръ. Тогді вінъ и постерігъ ужé, що бідá бýде, да й зовè Лопáту, свогó чýру. А се самъ Лопáта й роскáзувавъ мині.

»Иване!« кáже.

А я — кáже — кажý: »Чогó бáтьку?«

»Идй лишъ«, кáже, »сюдй!«

Я — кáже — й пішóвъ, такъ изъ-за грýби въ грáпськихъ домáхъ.

Вінъ узявъ, розщепнýвъ каптанóкъ, розщепнýвъ чéресъ коло сéбе, такъ якъ кйчка набйтий червінцями. »На«, кáже, »тобі сей чéресъ; якъ вйвезешъ, то бýдешъ менé згáдувать.«

»А вй жъ, бáтьку?«

»Э, ми«, кáже, »тýтъ пропадемó!«

Ужé постерігъ сердéшний.

Кажý: »Якъ же я звідсі вййду?«

поставили вездѣ свой караулъ. Какъ вотъ — и ѣдутъ два Донца: одинъ какъ-бы старшина, а другой простой. Зализнякъ принялъ ихъ какъ гостей: такъ угощаетъ, что куды! Какъ вотъ, спустя немного времени, ѣдутъ опять трое Донцовъ. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ вотъ ѣдетъ человѣкъ уже пять гусаръ. Тогда онъ и догадался, что будетъ бѣда, и зоветъ къ себѣ Лопату, своего чуру. А это самъ Лопата и разсказывалъ мнѣ. »Иванъ!« говоритъ. А я — говоритъ — говорю: »Что, батько?« — »Поди-ка«, говоритъ, »сюда!« Я — говоритъ — и пошелъ такъ, изъ-за печки въ графскихъ хоромахъ. Онъ разстегнулъ полукафтанье, разстегнулъ на себѣ *чéресъ* (кожанный поясъ), такъ какъ на хомутѣ кичка, набитый червонцами. »Возьми«, говоритъ, »себѣ этотъ чересъ; коли вывезешь, то будешь вспоминать меня.« — »А вы, батько?« — »Э что! намъ«, говоритъ, »тутъ погибать!« Уже догадался сердечный. »Какъ же«, говорю, »мнѣ отсюда выдти?« — »Возьми«, говоритъ, »моего коня за по-

Каже: »Візьми мого коня да веди до води. Якъ стануть тебе питать: Куди йдешъ? то ти скажи, що поведу батькового коня наповати, то вони й пустять.«

Коли жъ я вигляну съ хати, ажъ уже вяжуть гайдамакъ. И оцé звяжуть двохъ за руки, спинами одинъ до одного, да й мішокъ землі на рукахъ положять; то вони бідниі й стоять такъ по двое вкупі. А я взявъ коня да й веду. А вже всюди Московська сторожа стоіть; и питають мене: »Куди йдешъ?«

»Поведу«, кажу, »батькового коня наповать.«

То вони й пустили.

Отъ я напоівъ коня, и вже бъ то треба мині втікати; да такъ мині стало ёго жаль! Думаю собі: »Вернусь!«

Тілько що вибрівъ зъ води, ажъ біжить зъ міста козакъ, уже на Жидівскому коні: »Куди?«

»Поведу батькові коня.«

»Уже«, каже, »батька чортъ узявъ, и тебе візьме.«

Да рвоне въ мене зъ рукъ того коня, а мині кінувъ Жидівського. »Нумъ«, каже, »втікати!«

Кинулись ми втікать, а за нами два Дони. То гнались за на-

водья. Когда спросятъ тебя: Куда идешь? то ты скажи, что ведешь *батькина* коня къ водопою; такъ они тебя и пропустятъ.«

Посмотрѣлъ я изъ хаты — уже вяжутъ гайдамакъ. Свяжутъ двоихъ руками и спинами одинъ къ другому да и земли мѣшокъ положатъ; такъ они бѣдные и стоятъ вмѣстѣ. А я взялъ коня и веду. А всюду уже Московская сторожа стоитъ; и спрашиваютъ меня: »Куда идешь?« — »Поведу«, говорю, »батькина коня къ водопою.« Они меня и пропустили.

Вотъ я напоилъ коня, и ужъ нужно бы мнѣ уходить, но такъ стало мнѣ жаль *его?* и думаю себѣ: »Ворочусь!« Только что выбрелъ изъ воды, какъ скачетъ изъ города козакъ — уже на Жидовскомъ конѣ: »Куды?« — »Поведу батьку коня.« — »Уже«, говоритъ, »батька чортъ взялъ, и тебя возьметъ!« и вырвалъ у меня изъ рукъ коня, а мнѣ бросилъ Жидовскаго. »Уходи«, говоритъ, »со мной!« Поскакали мы опрометью,

ми одъ півдня́ до самóі нóчи, да вже ажъ коло Тальнóго згуби́ли насъ у лісу́. А ми іхали додóму двóе су́токъ, блука́ли все по за́куткахъ и нічогісінько не іли. А всюди вже стоіть сторóжа: лóвлять гайдама́къ. Приіхали ніччу до Кальни́хъ Болóтъ, а коза́къ ка́же: »Ось потрива́й лишъ, я тутъ брóдъ зна́ю.« (1)

Ста́ли брісти́, а кóні въ воді якъ захлюпоста́ли, то тутъ за на́ми: »Лови́! лови́!«

Ми по кóняхъ! А коза́къ хотівъ ра́тище попра́вить, да якъ підпе́ръ мене́ підъ че́ресъ, — такъ и перерізавъ. Че́ресъ у вóду тілько бря́зь!... пропа́ли грóши!

А ми, якъ ускóчили въ лісъ, то поляга́ли на кóней да тілько нога́ми поганя́емъ, — неси́ куди́ хочъ! Да якъ приіхали додóму, то ще дóвго я хова́всь, пóки усовітовали ба́тьку люде пійти́ до губерна́тора да сказа́ть, що я на тімъ бóці жи́то перевіва́въ. То ще му́сивъ ба́тько іздити на той бікъ за свидітельствомъ одъ грома́ди, да, напоівши грома́ду, й привізъ мині тée свидітельство. То вже тогді я міжъ люде показа́всь.

а за нами вслѣдъ два Донца. И гнались они за нами до самой ночи, да ужъ подлѣ самого Тального потеряли насъ въ лѣсу. Мы ѣхали домой двое сутокъ, бродили всё по скрытнымъ мѣстамъ и ничего, ничего не ѣли. А вездѣ ужъ стоитъ сторожа: ловятъ гайдамакъ. Пріѣхали ночью къ Кальни-Болотамъ; козакъ и говоритъ: »Погоди-ка, я тутъ бродъ знаю.« (1) Начали мы бресть, а лошади въ водѣ заполоскались, такъ тутъ за нами: »Лови! лови!« Мы по лошадямъ! А козакъ хотѣлъ копье поправить, да какъ подсунулъ мнѣ подъ чéресъ — такъ и перерѣзалъ. Чересъ въ воду — только брякъ!... пропали деньги! А мы, какъ вбѣжали въ лѣсъ, то прилегли на коняхъ и только ногами погоняемъ — неси, куда хочешь! И какъ пріѣхали домой, то еще долго я прятался, пока люди присовѣтовали отцу пойти къ губернатору и сказать, что я на той сторонѣ (Днѣпра) жито вѣялъ. Такъ отецъ принужденъ былъ ѣздить на ту сторону за свидѣтельствомъ отъ *громады* (общества) и, напоивши громаду, привезъ мнѣ свидѣтельство. Тогда только я появился между людьми.

---

(1) Черезъ рѣчку Гнилый Тикичъ.

Оттакѐ-то колись діялось! Лопа́та вже той давно́ вмеръ, и слу̀хъ затихъ объ гайдкма́кахъ. Да бувъ я разъ у Манастири́щі; а за Манастири́щемъ есть я̀ми глибо́киі; то я ставъ да й дивлюсь: що бъ се за я̀ми були? Коли жъ идѐ старий чоловікъ. »Діду́сю!« кажу́, »що оце́ за я̀ми такі?«

»А ти«, ка́же, »хиба́ не тутѐшній?«

»Ні«, кажу́, »я здалѐка, ажъ изъ Чигири́нського повіту.«

»Оце́ жъ«, ка́же, »ва́ші Чигири́нські гайдама́ки лежя́ть. Тутъ іхъ пору̀бано ажъ де́вять-со́тъ; и якъ навали́ли землéю, то кровъ изъ ямъ свиста́ла вгору заввишки съ чоловіка. А чи ба́чишъ три хрести́ гень-гѐнь стоя́ть? Ото́ лежять іхъ ватажки́. Тамъ порозстре́лювали Ше́леста, Лусконо́га и Гни́ду.

Тотъ же старикъ сообщилъ мнѣ воспоминаніе о поединкахъ у Запорожцевъ, совершенно для насъ новое.

ПОЕДИНКИ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ. (*)

Запоро́зші, ско́ро було́ заспо́рять, за́разъ на поеди́нокъ на пистолѐти. Розстѐлють бу́рку; оди́нъ на одному̀ ріжку̀ ста́не,

---

Такія-то дѣла когда-то творились! Лопата тотъ давно ужъ умеръ, и слухъ замолкъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ Монастырищѣ; а за Монастырищемъ есть глубокія ямы. Я сталъ и смотрю: что́ бы это были за ямы? Какъ вотъ идетъ старикъ. »Дѣдушка«, говорю, »что́ это за ямы такія?« — »А ты«, говоритъ, »развѣ не здѣшній?« — »Нѣтъ«, говорю, »я издалека, изъ Чигиринскаго повѣта.« — »Это«, говоритъ, »ваши Чигиринскіе гайдамаки лежатъ. Тутъ девятистамъ имъ отсѣкли головы, и какъ навалили землею, то кровь изъ ямы свистѣла къ-верху вышиной въ человѣка. А видишь ты вонъ, вонъ три креста стоятъ? То лежатъ ихъ отаманы. Тамъ разстрѣляли Ше́леста, Лусконо́га и Гни́ду.«

(*) *Переводъ*. — Запорожцы лишь только бывало повздорятъ, тотъ-часъ и выходятъ на поединокъ на пистолетахъ. Раскинутъ бурку; одинъ

а дру́гий на дру́гому, да й стреля́ють. Ото́ въ іхъ тілько й суда́.

Помѣщенныя въ этомъ томѣ думы и преданія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, въ какомъ свѣтѣ представляется Малороссійскому простолюдину историческая старина его и въ какихъ формахъ онъ передаетъ ее будущимъ поколѣніямъ. Но чисто фантастическій міръ Малороссіянина-поселянина гораздо шире и роскошнѣе міра фактовъ. Чтобъ дать читателямъ понятіе о силѣ воображенія и живописности мечтаній моего родного племени, помѣщу, въ заключеніе перваго тома Записокъ моихъ, одинъ изъ фантастическихъ народныхъ разсказовъ, не рѣшаясь однакожъ переводить его, изъ опасенія впасть въ несоотвѣтственный подлиннику тонъ рѣчи, что̀ было бы почти неизбѣжно.

СТРАНСТВОВАНІЕ ПО ТОМУ СВѢТУ. (¹)

Мо́же, не було́ ii на всёму́ світі кра́щихъ-діто́къ, якъ у на́шоі па́нii. Було́ въ ii дві до́чечки. Ста́ршеньку зва́ли Ганну́ся, а ме́ншеньку Катру́ся. И що́ жъ то були́ за дітки, коли́ бъ ви іхъ

станетъ на одномъ углу, а другой на другомъ, и стрѣляютъ. Вотъ у нихъ и вся расправа.

(¹) Желаніе народа проникнуть въ тайны загробной жизни удовлетворяется у насъ въ Малороссіи разсказами стариковъ и старухъ, которые *обмирали*, т. е. лишались на время признаковъ жизни. На распросы окружающихъ, что̀ съ ними было во время ихъ обмиранья, они не обинуясь отвѣчаютъ, что были на томъ свѣтѣ, и разсказываютъ разныя видѣнія, сообразныя съ понятіями слушателей о наказаніяхъ за злыя и наградахъ за добрыя дѣла. Я полагаю, что эти разскащики и разскащицы не совсѣмъ ясно сознаютъ свой обманъ, такъ какъ сами они ни мало не сомнѣваются въ возможности своихъ видѣній. Образы мукъ и радостей загробныхъ напечатлѣны у нихъ въ воображеніи съ дѣтства; они только приспособляютъ ихъ къ лицамъ, отшедшимъ въ вѣчность изъ ихъ околотка, подобно тому, какъ Данте, въ своей поэмѣ, сажалъ въ адъ и въ рай Флорентинцевъ и Итальянскихъ героевъ. Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на

ба́чили! Якъ дві зи́рочкі Бо́жі на не́бі. Отъ же не до́вго й повтіша́лась ними́ бідна на́ша па́ні: забра́въ іхъ обо́хъ Госпо́дь милосе́рдний; бо се вже звісна річъ, що Госпо́дь кра́ще собі бере́, а пло́хше лю́дямъ оставля́е. И що́ жъ то попопла́калась и по вбива́лась за ними́ на́ша па́ні! Правди́во ска́зано, що якъ ма́ти пла́че, то мовъ річка ллетця.

Ото́ жъ разъ привели́ до не́і одну́ на́шу таки́ ба́бу, стару́ престаре́незну, що неда́вно обмира́ла и на тімъ світі була́, и все́ ба́чила, що́ тамъ діетця съ поме́ршими ду́шами, — чи не потішить вона́ іі яко́ю звісткою. Привели́, то Явдо́ха на́ша приступи́ла таки́ до па́ніі та й ка́же: »Добро́дійко! ось прийшла́ стара́ Дуби́ниха, що обмира́ла й на тімъ світі була́, и все ба́чила, що тамъ ро́битця съ поме́ршими ду́шами. Спита́ли бъ ви іі, чи не потішить вона́ васъ яко́ю звісткою.«

То па́ні підвела́ тро́хи го́лову та й ди́витця на ту Дуби́ниху... А Дуби́ниха стоіть передъ не́ю стара́, престаре́незна, ажъ страшна́: ска́зано — съ то́го світу пове́рнена.

»Такъ ти на тімъ світі була́?«

»Була́, моя́ добро́дійко.«

»Що́ жъ ти тамъ ба́чила?«

»Усе́ ба́чила, добро́дійко, що діетця съ поме́ршими ду́шами.«

»А ба́чила жъ ти тамъ мою́ Ганну́сю й Катру́сю?«

простые умы свидѣтельство старика, или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости: слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа; и, если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ, въ болѣзненномъ состояніи мозга, легко можетъ выдавать то, что́ рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ. Повѣрья о *померших душахъ* слышалъ я въ разныя времена, отъ разныхъ лицъ. Они обыкновенно сходны между собою въ общемъ и варируются только въ частностяхъ. Я собралъ граціознѣйшія черты этихъ разсказовъ въ послѣдовательную повѣсть о загробной жизни, и такимъ образомъ предлагаемая статья получила нѣкоторую обработку, которой обыкновенно нѣтъ въ неримованныхъ созданіяхъ народной фантазіи. Надѣюсь, однакожъ, что моя компиляція сдѣлана въ духѣ народной поэзіи и не уменьшила цѣны игрѣ необразованнаго воображенія.

»Ба́чила,« ка́же, »й Ганну́сю, ба́чила й Катру́сю«....

Па́ні ажъ зъ ліжка скочила: »Щὸ жъ вони́ тамъ ро́блять?«

»Ма́ти Бо́жа панчішку плете́, а вони́ передъ не́ю золоті клубо́чки держя́ть.«

Такъ таки́ й ка́же: »Ма́ти«, ка́же, »Бо́жа панчішку плете́, а вони́ передъ не́ю золоті клубо́чки держя́ть.

Па́ні моя́ якъ почу́ла се, то зъ ра́дості й сло́ва не ви́мовить; а да́лі якъ ки́нетця навко́лішки передъ о́бразомъ... А въ не́і въ опочива́льні о́бразъ стоя́въ, вели́кий да га́рний: намалёвана Пречи́ста зъ дити́ною: мовъ жива̀ ди́витця зъ малёва́ння. Якъ ки́нетця вона́ передъ той о́бразъ, якъ зціпить ру́ки, якъ запла̀че! А ми всі сто́ячи й собі запла́кали.

»Ма́ти«, ка́же, »Бо́жа, Цари́це небе́сна! ой ѝкъ же ти мое́ се́рце втішила, що ти моіхъ діто́къ, якъ сиріток, приголу́била!

Та пла̀че жъ то гірко, та все дя́кує! А ми й собі сто́я пла́чемо.

Да́лі ото́ вже вгамова̀лась, перепла́кала та й веселійша тро́хи ста́ла. Роспи́тує въ тиеі Дуби́нихи: »Бабу́сю«, ка́же, »голу́бонько! скажи́ жъ мині, щὸ тамъ ище́ діетця съ поме́ршими ду́шами?«

»Ой па́ні«, ка́же, »зозу́ле моя́! чи мо̀жна жъ те язико̀мъ зговори́ти, щὸ тамъ на тімъ світі діетця? Хоча́-бъ, здае́тця, не пивъ и не івъ, а все роска́зувавъ, то й тоді бъ не переговори́въ усёго...

»Ото́«, ка́же«, якъ при́йшла́ вже мині годи́на вмира̀ти, то смерть и ста̀ла съ косо́ю въ мене́ въ нога́хъ. Якъ ста̀ла, то но́ги такъ и похоло̀ли.«

А ми стоімо́, та слу́хаючи моро́зъ такъ и пішо̀въ у насъ поза спи́ною.

»Да́лі«, ка́же, »и живітъ, и ру́ки, и все такъ и похоло̀ло... Дивлю́сь, ажъ вона́ вже въ мене́ въ голова̀хъ. Якъ замахнѐ косо́ю, то душа́ тільки пу́рхъ! такъ якъ пта́шка ви́летіла та й полетіла, полетіла по ха́ті, и сіла въ кутку́ на о̀бразі, підъ са́мою сте́лею. А гріхи́ ста̀ли на поро́зі та й не пуска́ють души́ съ

хáти. Отъ, я«, кáже, »бáчу, що нікуди вийти; дивлюсь, ажъ вікнó очинене. Я — пурхъ у вікнó! и пішлá, пішлá пóлемъ. Лéгко та любо мині тáкъ, мовъ зáразъ на світъ народилась. Дивлюсь, ажъ не самá я йду, а ведé менé якиися дідъ, а куди вінъ менé ведè, боюсь спитáтись.

»Идемó, коли жъ гризутця два собáки надъ шляхомъ, тáкъ гризутця, тáкъ гризутця! А дідъ и кáже: »»Се не собáки, се два »брати, що погризлись та й побились, идучи стèпомъ. То Богъ и »сказáвъ: Коли вже й рідні брати бъютця, то де жъ буде те »добрó міжъ людьми? Нехáй же«« , кáже, »»стáнуть вони собáками и »гризутся, пóки не буде іхати Мартиримянъ.«« Такъ и стáлось по Бóжому. Ми вже й минули іхъ, а вони всè вищять та гризутця.

»Идемó«, кáже, »стèпомъ; коли жъ яма такá глибочѐнна, що й днá невидно. Дідъ кáже: »»Лізь!«« А я боюсь. »»Лизь!«« кáже. Мусила я полізти. Гляну, ажъ се вже другий світъ. Скрізь сидять помéршиі души, усé по статтямъ: молодиі въ молодій статті, е стариі въ старій, и хто якъ на сімъ світі заслуживъ, те й на тімъ світі приймáе. Хто старцямъ милостиню подавáвъ, то все те передъ імъ и лежить: чи шматóкъ хліба, чи кільцé ковбáски, чи эáла кришéникъ, то все такъ на столáхъ передъ ними й лежить; а хто не давáвъ, то тáкъ сидять.

»Идемó«, кáже, »ажъ хóдять воли въ такóму спашу, що й рігъ невидно съ трави, а самі худі, худі, якъ дóшка. А біля іхъ хóдять воли по самій землі — ні травинки підъ ногáми немá, да жиръ ажъ по землі тиліпáетця. Отъ дідъ и кáже: »»Оцé««, кáже, »»що худиі воли, то то багáті люде, що жили самі въ рóскоші, а »біднимъ не помагáли; а ситні воли, то то бідні люде, що одъ »свогó рóта одиймáли та старцямъ изъ послідньóго давáли. Отъ »же вони тепéръ и ситі й напóені, а тиі по рóги въ спашу, та худі, »якъ дóшка.«« Тáкъ-то на сімъ світі и багáтиі, й хорóшиі, й ща-

сливні — усі помру́ть, усѐ минéтця. Скáзано: *Сей світъ — якъ мáківъ цвітъ, день цвітѐ, а въ-ночі опадѐ!*

»Идемó«, кáже, »ажъ міжъ двомá дубáми гори́ть у пóломъі чоловікъ и кричи́ть: »»Ой, прóбі! укри́йте менé, бо замéрзну! ой »укри́йте менé, бо замéрзну!«« Дідъ и кáже: »»Оцé««, кáже, »»той »чоловікъ, що проси́вся до ёгó зімою въ хáту подорóжній, а на »дворі булá метѐлиця та хуртови́на, а вінъ не пусти́въ, дакъ той »и змѐрзъ підъ ти́номъ. Оцé жъ тепѐръ вінъ гори́ть у пóломъі, »а ёму́ щѐ здаéтця, що хóлодно, и терпи́ть вінъ таку́ му́ку, якъ »той подорóжній терпівъ одъ морóзу.««

»Идемó«, каже, »дальшъ, коли́ жъ лежи́ть чоловікъ коло кри-ни́ці; течé ёму́ рівчáкъ черезъ ротъ, а вінъ кричи́ть: »»Прóбі! дáйте »напи́тьця! прóбі! дáйте напи́тьця!«« Дідъ и кáже: »»Сей««, кáже, »»не давъ чоловікові въ жнивá води́ напи́тьця. Жавъ вінъ на ни́ві, »ажъ идé стáрчикъ дорóгою, а жарá вели́ка, Спáсівська. »»Ой««, »кáже, »»чоловіче дóбрий! дáй, ра́ди Христá, води́ напи́тьця!«« А »вінъ ёму́: »» Оцé жъ для тéбе вивізъ! Ви́ллю на ни́ву, а не дамъ »»такóму дармоі́ду, якъ ти!«« То отъ, теперъ ёму́ рівчáкъ черезъ »гóрло біжи́ть, а вінъ щѐ пить прóсить, и до віку вічного бу́де »ёму́ такъ жáрко да тя́жко, якъ тому́ стáрцеві, що йшовъ до-»рóгою.««

»Идемó«, каже, »ажъ кипи́ть у смолі жінка, а передъ нéю цибу́лька лежи́ть. Дідъ и кáже: »»Се««, кáже, »»му́читця такъ мáти »вáшого старóго ти́таря Они́сима, що булó все старцівъ году́е »та бідни́мъ помагáе, а нікóли жóдноі душі не обіди́въ и ні въ »одному́ слóві не збрехáвъ. Булá вонá багáта, та скнáра, що одъ »нéі ніхтó й хліба кускá не бáчивъ. Отó разъ полóла вонá цибу́лю, »ажъ идé поузъ ворѐ дідъ–стáрець. »»Подари́««, кáже, »»пані-»мáтко, рáди Христá!«« Вонá ви́рвала стрілку: »»Прийми́««, кáже »стáрче Бóжий.«« Тілько жъ одъ неі й бáчили. Отъ, якъ умѐрла, »то вже звісно — тутъ своя́ дорóга, а тамъ тебé поведу́ть. Взяли́

»ії небогу та й потяглй въ пекло. А Онисимъ и побачивъ зъ неба, »що вона велику муку приймае, та й каже: »»Боже мій милий, »»Спасе мій Христе! за всю мою щирость, за всю мою правду, »»зроби мини таку ласку: нехай и моя мати буде въ раю зо мною.«« »А Христосъ и рече ёму: »»Ні««, каже, »»Онисиме! вельми »»грішна твоя мати. Візьми хиба оту цибульку, що лежить передъ »»нею, та коли витягнешъ ії съ тиі бездни, то нехай и вона буде »»въ раю съ тобою.«« Узявъ вінъ тую стрілочку та й подавъ ма- »тері. Схопилась вона за неі... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне »съ пекла! бо що-то Божому святому? Ажъ ні: якъ поначіплюва- »лись ій и въ плахту, и въ намітку грішнні души, що бъ и собі съ »того пекла вибратьця, то й не здержала тая цибулька: перерва- »лась, а вона такъ и бовтнула въ гарячу смолу!««

»Идемо«, каже, »ще дальшъ, ажъ стоіть по поясъ у жару, такъ якъ горщокъ на припічку, нашъ покійний Бабинець, що ще якъ парубкомъ бувъ, то обмиравъ. Я й пізнала ёго. »»За що се ти««, кажу, »»Семене, таку муку приймаешъ?«« — »»Що жъ««, каже, »»бабусю? якъ обмиравъ я парубкомъ, то ходивъ усюди по дру- »гому світу, усякі муки бачивъ, а далі зайшовъ до якогось діда. »Сидить и все до купи лика звязуе. Оце одріже одъ жмутка два »шматочки, та звяже до-купи та й повісить на кілочку, одріже, »»звяже та й повісить на кілочку. »»Дидусю!«« кажу, »»що оце »»ви робите?«« — »»Се««, каже, »»я пари парую.«« — »»А »»моя жъ пара тутъ есть?«« — »»Есть««, каже: »»ось де«« та й, »звязавъ и повісивъ на кілочку. »»Якъ же мини пізнати свою »»пару?«« — »»А ось якъ: Якъ підешъ ти на святкахъ у корчму »»та заграють музики, то вона перша піде въ танець, бо вона »»охоча до музикъ: ото жъ твоя й пара.«« А я, грішний, и по- »думавъ: »»Коли жъ буде хороша, то буду сватать, а якъ-же по- »»гана, то візьму каменя зъ собою та и вбъю.«« Узявъ каме- »ня и пішовъ до корчми. Коли жъ, скоро заграли музики, ажъ и »вийшла, та така жъ нечумазна! Я якъ хряпну ії каменемъ по го- »віло, а самъ навтікача! Та якъ пішовъ, то волочивсь років,

»може зо два, и вже де не сватавсь? ніхто не йде та й не йде за »мене. То я собі й думаю: »»Пійду ще въ инше село, та зачну »»свататься съ крайнеі хати, не минаючи жодноі; може, чи не »»оддасть хто.«« Иду, ажъ стоіть сельце. Отъ я въ крайню ха- »ту. Дивлюсь — дівчина гарна, чи вже, може, такъ мині тогді »здалось. Ставъ сватать — оддали. Ото жъ и ставъ я жить изъ »нею. Та разъ у свято зібрались жінки до-купи пообідавши, та »й ськаютця собі підъ хатою у холодку. А одна ськае моій жін- »ці въ голові та й питае, а я й чую: »»Чого се««, каже, въ тебе »»шрамъ у голові?«« — »»Се я««, каже, »»ще дівкою гуляла »»разъ на святкахъ у корчмі; а одинъ вражий синъ здурівъ, чи »»впився, — ухопивъ каменюку та мене по голові; то трохи не вмер- »»ла; та вже якось одхаяли.«« А я слухаю та й догадавсь, що се »та сама, що звязавъ мині Богъ у пару!... Отъ за те-то я теперъ »у жару по поясъ стою, що пішовъ противъ Божоі волі.««

»Идемо«, каже, »ще дальшъ, ажъ гайдамака, такий старий та здоровенний, гадъ руками зъ ями до ями носить, а черті остями его поганяють. Дідъ и каже: »»Сей««, каже, »»багацько натворивъ »гріхівъ на тімъ світі, и покуту велику видержавъ, — и поку- »та его не слобонила. Тяжко великі гріхи его! за те вінъ и му- »читця гіршъ надъ усі грішниі души. Довго розбивавъ вінъ на- »родъ, різавъ старого й малого, далі одумавсь та й пішовъ спо- »відатьця. Прийшовъ до одного попа: »»Висповідай мене, па- »»ноче, та накинь яку покуту«« — »»Які жъ твоі гріхи?«« — »»Оттакі й такі: багацько я душъ изъ світа зогнавъ, и отця й ма- »»тіръ убивъ.«« — »»Э, на такі гріхи нема въ мене покути!«« »Вінъ узявъ та и вбивъ того попа. Иде до другого: »»Висповi- »»дай мене, паноче, та накинь покуту.«« — »»Які жъ твоі грі- »»хи?«« — »»Оттакі й такі.«« И той каже: »»Нема на іх »»покути.«« Вінъ и того вбивъ. Дали бачить, що ніхто его не »висповідае, почувъ, що есть десь такий піпъ, що ще мале́нь- »кимъ батько продавъ его нечистому, за те, що помігъ у дорозі »вирятовати воза съ калюжи; такъ вінъ и въ пеклі вже бувъ, та

»якось викрутивсь звидти и зробивсь попомъ. »»Пійду жъ«« , каже, »»я шукать сёго попа: сей уже певне пакине на мене покуту.«« »Иде, ажъ той піпъ и іде ёму назустрічъ. Питаетця: »»Чи ти бувъ »»у пеклі?«« — »»Бувъ.«« — »»А чи бачивъ же ти тамъ мій па- »»трету, мою душу?«« — »»Бачивъ.«« — »»Щожъ вона тамъ »»робить?«« — »»Гадъ«« , каже, »»руками зъ ями до ями но- »»сить, а чорти остями ii поганяють.«« (¹)— »»Ну«« , каже, »»ко- »»ли ти вже и съ того світу вернувсь, то ти на мене накинешъ »»покуту.«« — »»Які жъ твоі гріхи?«« — »»Оттакі й такі: ба- »»гацько я душъ изъ світа зогнавъ и отця й матіръ убивъ.«« — »»Э, тяжкиі«« , каже, »»твоі гріхи!«« Та повівъ ёго на го- »ру, на могилки, та й каже: »»Візьми жъ«« , каже, »»ти оцю яблу- »»неву палку; вона мині ще одъ мого діда досталась; та по сади »»іі оттутъ на могилкахъ, та чи бачишъ гень-гень у полі крини- »»ця? Ходи ти рано й вечіръ до тиі криниці, носи воду ротомъ »»и поливай сю палку. Коли вона прийметця и виросте зъ неі »»яблуня, и поспіють яблука, и ти іхъ усі струсишъ, тогді спа- »»дуть съ тебе и всі гріхи твоі.«« Сказавъ та й поіхавъ собі. »Ото жъ, роківъ, може, черезъ тридцять, іде знов той піпъ черезъ »той лісъ, мимо тихъ могилокъ, іде, та такъ ёму звідкись запахли »яблука! Гляне, ажъ на могилкахъ така хороша та ряснa яблуня »стоіть! а на яблуні яблучка все срібні, тілько двое золотихъ; а »підъ яблунею сидить дідъ, сивий, сивий, якъ молоко. Побачивъ »попа, пізнавъ, да тілько рукою на яблуню скинувъ: вже й слова не »промовить. Тогді піпъ: »»Эге! та се жъ«« , каже, »»той гай- »»дамака, що я покуту накинувъ?... »»Ну«« , каже, »»труси.««

(¹) См. Дантовъ »Адъ«, пѣснь XXXIII: »Какъ! сказалъ я: ты уже умеръ?—Онъ же въ отвѣтъ: Я не знаю, какимъ образомъ тѣло мое еще живетъ на землѣ. Эта Птолемея отличается тѣмъ, что часто душа падаетъ въ нее, прежде нежели Атропосъ дастъ ей толчокъ. Чтобы ты охотнѣе освободилъ глаза мои отъ застывшихъ слезъ, знай, что лишь только душа согрѣшитъ предательствомъ, въ чемъ виновенъ и я, тѣло ея дѣлается немедленно добычею демона, который управляетъ имъ до послѣдняго дня жизни, а душа падаетъ въ этотъ ужасный ледникъ и, можетъ быть, тамъ на верху еще кажется въ живыхъ тѣло души, которая дрожитъ позади меня.«

»Струснýвъ дідъ я́блуню, — усі серíбні я́блука обсúпались, а »двóе золотúхъ висúть. Чогó вже не робúвъ вінъ? якъ не збивáвъ? »висять та й висять!... »»Оцé жъ««, кáже, »»твоі два гріхú ви »»сúть, що ти отця́ й мáтіръ убúвъ.«« Та, набрáвши въ хýсточку »яблукъ, и поіхавъ собі. А гайдамáка тамъ и сконáвъ. И мý»читця оттýтъ вінъ гірше надъ усіхъ грішниківъ, и нікóли не »бýде ёмý пільги. Усімъ бýде колись пільга, а ёмý не бýде.««

»Идемó«, кáже, »дальшъ, ажъ лежúть черезъ провáлле клá»дочка такá хисткá, що вся такъ и колúшетця. А прóвалле такé глибочéнне, що й днá не вúдно, — тілько щось гудé, такъ якъ у котлі кипúть. Якъ ступúла я на ту клáдочку, якъ хитнýсь, то трóхи, трóхи не впáла. И впáла бъ такú, колúбъ дідъ не вхопúвъ за рукáвъ. »»Э, ні!«« кáже, »»ще тобі не порá тудú: ще ти вéр»неся на тóй світъ. Багáто тамъ людéй погубля́ свої дýши то »лáйкою, то бійкою, то скнáростю, то крáжею, то душогýб»ствомъ безбóжнимъ. Отъ же, якъ вéрнеся,«« кáже, »»то гледú »мині, роскажú людямъ про все, щó тутъ бáчила; нехáй вонú знá»ють, щó то за мýки пекéльнії, нехáй памятáють на прáведний »судъ Бóжий; бо вже««, кáже, »»мýченикъ Ивáнъ у Киеві, въ пе»чéрахъ, по шию въ землі стоіть; а якъ увійде зовсімъ у зéмлю, »тогді ніколи бýде кáятьця.««

И багáто, багáто роскáзувала про той світъ старá Дубúниха. Не мóжна всёгó тогó жáднимъ рóзумомъ збагнýти. А пані слýхаеслýхае, да знову: »Бабýсю-голýбонько! а дітóкъ же моіхъ якъ ти бáчила?« А вонá: »Да я жъ кажý тобі, моя добрóдійко, що бáчила я іхъ вúсоко, вúсоко въ раю Бóжому. Мáти Бóжа панчíшку плетé, а вонú передъ нею золотúі клубóчки держя́ть.«

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ О РАЗОРЕНІИ КІЕВА БАТЫЕМЪ.

Да не славнійшій гóродъ Медвѣдівка изъ своіми городáми,
Якъ славнійшій Пилйпъ Орлйвъ зъ двомá козакáми:
Одйнъ Грицькó, дрýгий Андрій, на віру гонйтель,
Всімъ городáмъ Украінськимъ вінъ бувъ розорйтель.

. . . .

Въ неділю рáно-порапéньку у всі дзвòни дзвóнять,
И старйі, и малйі въ весь гòлосъ голóсять,
На коліна упадàють и Бòга прóсять:
»Поможй намъ, Бóже, Кйевъ гóродъ боронйти,
Дождемó Пéршоі Пречйстоі, бýдемъ обідъ становйти.«

. . . .

Въ неділю рáно-поранéньку гóрода достàли,
Всімъ церквáмъ Украінськимъ верхй позбивàли,
Полотняні образй підъ кульбàки клáли,
Дзвóнами спижóвими кòні напувáли,
Въ святйхъ церквáхъ кòні становйли.

. . . .

Примѣчаніе. Пѣсня эта записана Э. О. Руликовскимъ въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и помѣщена въ его прекрасной книгѣ »Opis Powiatu Wasylkowskiego« (стр. 181).

Онъ объясняетъ ее такъ:

»Думу эту надобно отнести ко времени нашествія хана Батыя на Русь и Кіевъ. Хотя въ ея складѣ замѣтно недавнее происхож-

деніе (1), однакожъ она выразительно проникнута этимъ воспоминаніемъ. — — О разореніи Кіева, и именно церквей его, Синопсисъ говоритъ такъ: »Крестъ съ главы церковныя золото»кованный сняша, а верхъ до полу-церкве по окна повелѣніемъ »проклятого Батыя испровергоша, такожде и верхъ олтаря ве»ликого по перси иконы Пресвятои Богородицы избиша«. Изъ этого ясно, что нынѣшняя пѣсня согласна съ историческимъ преданіемъ, ибо упоминаніе о Пилипѣ Орливѣ и его двоихъ товарищахъ ни сколько тому не противорѣчитъ, такъ какъ извѣстно, что народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми. Народъ не заботится о томъ, такъ, или иначе, назывался богатырь пѣсни: для него важенъ характеръ, выражаемый воспѣтою личностью, важны мысль и слово, которыми запечатлѣна эта личность. Поэтому Пилипомъ Орливомъ (Филиппъ Орликъ) можетъ быть у него здѣсь Батый, а два его товарища суть Манку и Пета.«

II.

СТИХИ НА КАРТИНѢ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗАПОРОЖЦА-КОБЗАРЯ.

Надъ бандурою:

Стру́ни моі, стру́ни золотіі! заграйте мні стіха,
Ачѐй (2) коза́къ нетя́жище позабу́де ліха!

Надъ ковшемъ:

Въ насъ у Січі то и но́ровъ, хто *Отче на́шъ* зна́е,
Якъ уми́вся, вста́вши вра́нці, то ча̀рки шука́е.

---

(1) Почтенный авторъ ошибается, думая, что народъ способенъ складывать пѣсни о временахъ давно прошедшихъ: это свойственно однимъ писателямъ. *Медведовка*, прославившаяся гайдамачествомъ, и *Пилипъ Орливъ* показываютъ только смѣсь пѣсенныхъ воспоминаній, происходящую отъ забвенія старины. Примѣръ нерѣдкій. — (2) *Ачѐй* — авось-либо.

Чи чàрка то, чи ківшъ бýде, не глядить переміни;
Глàдко пьють, якъ зъ лýка бьють до ночнóі тіні.

Внизу картины:

Дивися та гадáй, та ба, не вгадàешъ,
Відкіль рòдомъ и якъ зовýть, ні чичиркъ не взнáешъ.
Комý трàпилось хоть разъ у степý гуляти,
То мóже той и прізвище моé угадáти.
Въ мене имя не однò, а есть іхъ до кàта:
Такъ зовýть, якъ набіжишъ на якóго свáта.
Жидъ зъ біди за рідного бàтька почитáе,
Милостивимъ добрóдіемъ Ляхъ назиáе;
А ти якъ хòчъ назови, на всè позволяю,
Аби тілько не крàмаремъ, бо за те й полàю.
Відкіль я рóдомъ взявся на світі,
Всякий зъ васъ хóче знáти приміти.
Жінóкъ въ Січі немàе,
Всякъ те дòбре знáе.
Хибá скáжешъ — изъ риби рóдомъ,
Абó съ пýгача дідъ мій плодомъ.
Но въ томъ себé милишъ
И на-крùво цілишъ.
У насъ сугакóві тілько сліди,
А дикиі кòні намъ сусіди;
А Дніпрóве стрèмя —
Тò нáше плéмя.
Трóхи Ляхвá угадàла,
Що лошакà даровáла.
Глянь на гербъ сей знаменитый, —
Вінъ висить на дубý обвитий.
Прáвда, якъ кінь въ степовій вóлі,
То такъ козàкъ на безъ дóлі:
Куди схòче, туди скáче,
За козакóмъ ніхтò не заплáче.

Гай-гай! якъ я бувъ мòлодъ, щò въ мині булá за сила!

Ляхівъ нещадно бъючи, рука й разъ не зомліла.
А теперъ и вошъ дужча відъ Ляха здаетця:
Плечи и нігти болять, якъ день попобъеся.
Така-то, бачу, недовга літъ нашихъ година:
Скоро цвіте, скоро и вяне, якъ у полі билина,
Хоча мині й не страшно на степу вмирати,
Тілько жалко, що нікому буде поховати:
Татаринъ цураетця, а Ляхъ не приступить,
Хиба яка звірюка за ногу у байракъ поцупить.
Та вже жъ пристарівшись на Русь пійти мушу,
Ачей таки одпоминають попи мою душу.
Тілько жъ мині негоже на лаві вмирати,
Бо ще мене бере охота зъ Ляхами гуляти.
Хоча вже трохи й зледащівъ, да ще чують плечи —
Кажетця, поборовся бъ ще зъ Ляхами ґъ речи,
Ачей би що-небудь перекинули для смерті...
Або Жиду, або Ляху мушу носа втерти.
Ище бъ прогнавъ Ляхви хоругвъ за Вислу не трохи,
Розлетілись би вони всі, якъ одъ пожару блохи.
Лучалось мині на степу варити пиво:
Пивъ Турчинъ, пивъ Татаринъ, пивъ и Ляхъ на-диво.
Багато й теперъ лежить на степу съ похмілля
Мертвихъ голівъ и кістокъ одъ того весілля.
Надія въ мене певна — мушкетъ-сіромаха,
Ище не заржавіла и шабля, моя сваха.
Хоть уже не разъ пасокою вмилась,
Таки вона й теперъ якъ-би розозлилась,
То не одинъ кателикъ лобомъ догори стане,
Коли жъ поквапитця втікати, на спису застряне.
Та якъ и лукъ натягну, брязну тятивою,
То мусить утикати ханъ Кримський зъ ордою.

Эй нуте лишъ, степи, горіть пожарами,
Бо вже часъ кожухъ міняти на жупанъ зъ Ляхами.
Та якъ ярмарокъ добрий удача покаже,
То въ бариші Жидъ зъ Ляхомъ не одинъ поляже.

Цѐкъ імъ! якъ намо́жутця, то му́сишъ уступи́ти:
За шкату́лу червòнихъ и за рòндикъ (¹), зо́лотомъ ши́тий,
Кожу́хъ скрупі́лий ски́нешъ імъ до ка́та,
Абй якъ сцура́тися упря́мого сва́та.
Да вже біжи́ чимъ дужъ до Сі́чи могорі́чу пи́ти...
Цу́ръ імъ бода́й! якъ звикли насъ Ляхи́ дури́ти!

III.

МѢСТА ИЗЪ ДУМЫ РИГОРЕ́НКА О ФЕСЬКѢ́ ДЕНДЕБЕ́РѢ, НЕВОШЕДШІЯ ВЪ ДОПОЛНЕНІИ ДУМЫ АНДРІЯ ШУТА О ТОМЪ ЖЕ ГЕРОѢ.

»Гей На́сте Горова́я,
Шинка́рко молода́я,
Каба́шнице степо́вая!
Не велю я тобі сёго́ козака́ съ ха́ти виганя́ти,
Хочъ я свій осьма̀къ на пи́во викида̀ю,
А ти ёго́ съ ха́ти не вибивай.«

. . . .

Исъ-підъ полй позлоти́стий недолі́мокъ (²) виньма́е,
По столу́ три ра́зи затина́е,
Коза́цьку пісню співа́е:
»Ой ріко коза́цькая!
Тепе́ръ ме́не або́ зодяга́й,
Або́ до себѐ приньма́й.«

Тоді де взялися три джу́ри малі́хъ-невели́кихъ:
Що пе́рвий джу́ра идѐ,
Па́ру жупа̀нівъ ёму́ не́се;
Дру́гий джу́ра идѐ,
Жо́вті сапъя̀нці ёму́ несе́,
А тре́тій джу́ра идѐ,
Широ́кі, що й слідъ замі́та́ють черво́ні шарова̀ри несе́,

(¹) Конскій уборъ.
(²) Келепе́ць. *Пр. п.*

И оксамитну шапку на голову ёму несе.
Вони ёму приношали
И до ёго промовляли:
»Гей Феськò Дендебéре,
Бáтьку козáцький, славний лицаре!
Дóки тобі тýта пустовáти?
Часъ-пора йти на Вкраіну батькувáти.«
Тоді Феськó Дендебéря полáтану, подрáту, узловáту одéжу скидáе,
Пáру жупанівъ надівáе;
Постолй бобрóві,
Личані, вязóві,
Знімáе,
Жóвті сапъянці обувáе,
И на своіхъ джýръ покликáе:
»Гей, джýри ви мої малі-невеликі!
Дòбре ви дбайте,
Сихъ Ляхівъ,
Дýківъ-срібляниківъ,
По одинцю съ хáти вивождáйте,
Та середъ оболóння іхъ покладáйте,
Хорошéнько въ три берéзи по дýпахъ затинáйте.«

. . . .

Тоді ті Ляхи,
Дýки-срібляники,
Тée зачувáли,
Дòбре дбáли,
Зъ шинку утікáли;
А опісля до ёго прихождáли,
Соболёвими шýбами ёго дарувáли,
Словáми до ёго промовляли:
»Гей Феськó Дендебéря!
Колибъ ми тебé булй знáли,
Садили бъ булй тебé, не займáли.«
Тоді Феськó Дендебéря на шинкáрку покликáе:
»Гей, шинкáрко Горовáя,
Нáсте молодáя,

Кабáшнице степовàя!
Гей, кадукй бъ тобі въ м.....!
Тепéръ мені цéберъ мèду, а дрýгий горілки насипáй,
Велю тобі іхъ на скамъі становйти;
А я, якъ не могý тобі заплатйти,
То стáну до тебé на три гóди грỳби топйти.«
Шинкáрка Горовáя,
Нáстя молодáя,
Кабáшниця степовáя,
Тéе зачувáе,
Цéберъ мèду, дрýгий горілки насипáе,
На скамъі постановляе,
До ёгó словàми промовляе:
»Гей, Феськó Дендебéря,
Гетьмáнъ Запорòзький, Черкáський,
Товàришу нáський,
Якъ-бй я тебé булá знàла,
То я бъ тебé съ хáти въ потйлицю не вибивàла
А тепéръ, коли хòчъ ищé въ менé дóвше погулятн,
Я тобі могý ищé въ мáслі каплунівъ зготувàти.«

Якъ погулявъ Феськó Дендебéря тамъ ще чотйри неділі,
То оттáмъ усі ёгó бйті талярй засіли.

IV.

ПѢСНЯ О КОЗАКѢ ВАСЮРИНСКОМЪ.

Да вставь, бáтьку съ того світу, велйкий гетьмáне! (¹)
Якъ поідемъ до Царйці — по прèжнёму стáне.
»Ой Царйце, нáша мáти! змйлуйся надъ нáми,
Оддáй же намъ нáші зéмлі съ тéмними лугáми.«
»Не на тèе, мйле брáтте, я Січъ руйновáла,

(¹) Не помню, гдѣ-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ спустя много лѣтъ по разореніи Сѣчи, которое, по свойству народнаго вдохновенія, не могло быть воспѣто такъ поздо. Здѣсь разумѣется Богданъ Хмѣльницкій.

Ой щобъ я вамъ ва́ші зе́млі, клейно́ди верта́ла.«
Тече́ рі́чка невели́чка, підмива́е кру̀чи:
Запла̀кали Запоро́зці, одъ Цари́ці йду́чи.
Васюри́нський козарлю́га все пъе та гуля́е,
Ота́мана кошово́го ба́тькомъ назива́е:
»Позво́ль, ба́тьку ота́мане, намъ на ба́шті ста́ти:
Якъ не сти́дно а Цари́ці та Січъ руйнова́ти!
Не позво́лишъ съ шабелька̀ми, позво́ль съ кулака̀ми:
Неха̀й на́ша сла́ва́ не ги́не поміжъ козака́ми!«

V.

Отрывокъ изъ пѣсни, проклинающей Богдана Хмѣльницкаго за предательство Татарамъ украинскихъ поселянъ въ неволю.

Кондратъ Тарануха, разсказавъ легенду о Хмѣльницкомъ (см. выше, стр. 114), прибавилъ, что Хмѣльницкій продавалъ Татарамъ *на ясыръ*, т. е. въ неволю, цѣлыя села, и, въ доказательство, припомнилъ слѣдующій замѣчательный отрывокъ изъ забытой имъ пѣсни:

Ой бода́й Хме́ля Хмельни́цького
　　Пе́рва ку́ля не мину́ла,
Що велівъ бра́ти парубки́ й дівки́
　　И молоди́і молоди́ці.
Парубки́ йдуть співа̀ючи,
　　А дівча́та рида́ючи,
　　А молоди́і молоди́ці
Старо́го Хмѐля проклина́ючи:
»Ой бода́й Хмѐля Хмельни́цького
　　Пе́рва ку́ля не мину́ла.....
. . . .

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
XII	9	*съ войнати*	*съ войнами*
XIII	27	*пѣснь.*	*пѣсень.*
XVII	8	Вовчка́.	Вовчка́,
XVIII	5	Шérба.	Щéрба.
—	23	*Калiивщины.*	*Колiивщины.*
XXII	9	Стр.	Стр. 315
XXV	1	не *съ* зозаками,	не *съ* козаками,
—	19	Запрожцевъ	Запорожцевъ
—	23	къ спокойному	къ покойному
63	22	не я втéрплю	я не втéрплю
68	2	еказа̀въ	сказа̀въ
75	5	то́лпятця	то́плятця
88	4	Александръ и Казимiръ Ягеллонъ	Казимиръ Ягеллонъ и Александръ.
95	7	напи́вшлись	напи́вшись
116	9	iхатi	iхати
117	19	не давя́ть	не дава́ть
147	1	се́ме ро	се́меро
156	7	сказа̀ въ, той	сказа̀въ, то ïï
162	18	А вон якъй	А вони́, якъ
163	22	Запорожцевъ	Запорожецъ.
164	30—31	продолжнiжее	продолженiе.
244	32—33	людйи убра лись	людей и убрались
246	4	бесознательно	безсознательно
247	32	А я — говоритъ	А я — говоритъ —
250	9	й жупа̀нъ, добу̀въ.	й жупа̀нъ добу̀въ.
252	11	побiжи́мъ,	побiжи́мъ ,
253	10	ка́же:	ка́же:
258	21—22	*постолахъ* ([1]).	*постолахъ* ([2]).
261	30	въ Троицко	въ Троицкой
265	1	думавъ,	ду̀мавъ,
—	25—26	плотника	плотника
268	26	Смилянсокму	Смилянскому
272	17	поста́влять	поставлять
—	29	ко́закiвъ	козакiвъ
278	6	ганчара́	гончара́
280	4	каза̀къ,	каза̀нъ,
—	8	за́разь	за́разъ
281	17	и зъ	изъ
285	28	Жидинять	Жиденятъ
289	7	да́внiи	да́внiï
296	31	оттуда	откуда

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
300	32	бросинъ	бросилъ
303	15	крáщихъ-дітóкъ,	крáщихъ дітóкъ,
306	14	Лизь!	Лізь!
307	17	вивізъ!	вйвізъ!
—	28—29	папімáтко,	панімáтко,
308	32—33	пó говіло, а самъ навті-кача!	пó голові, а самъ нав-тікачá!
309	8	у холодкý,	у холодкý.
—	29	на іх	на іхъ
—	33	йв« рятовати	»вйрятовати
310	2	пакйне	накйне
—	13	по садѝ	посадѝ
316	28	просходящую	происходящую
317	31	на безъ долі:	не безъ дóлі:
318	29	покваипитця́	покваипитця

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

II.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 25 февраля 1857 года.

Ценсоръ *Н. фонъ-Крузе.*

Въ типографіи Александра Якобсона.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

При записываньи произведеній народной словестности, необходимо принимать въ соображеніе обстоятельства самого разсказщика, или пѣвца, и всю его обстановку. Стр. 4 — 5.

Какъ сильно дѣйствуетъ на простолюдина родная пѣсня. Стр. 8 — 9.

Различіе между Сѣверно- и Южно-Русскими сказками. Стр 12—13.

Сказка и пѣсня служатъ для народа истолкованіемъ его настоящаго положенія. Онъ разсказываетъ, въ своемъ кругу, тѣ сказки и поетъ тѣ пѣсни, которыя выражаютъ современный его взглядъ на вещи. Стр. 82 — 103.

Гайдамачество явилось, какъ противодѣйствіе нестерпимому злу въ Польскомъ гражданскомъ обществѣ. Стр. 107 — 108, 139 — 141.

Любовь къ родинѣ есть лучшее основаніе любви къ отечеству Любовь къ родной словестности утверждаетъ въ обществѣ нравственныя понятія и вводитъ ихъ въ дѣло жизни. Стр. 145 — 146.

Гетманщина не стремилась къ общему благу Малороссійскаго народа, и по тому самому не могла быть долговѣчна. Стр. 171 — 174.

При отсутсвіи правильнаго судопроизводства въ старинной Малороссіи, старшины козацкіе захватывали во владѣніе земли, безъ всякаго права, подъ видомъ *стараго займа*. Стр. 176.

Множество козаковъ обращено въ *подданныхъ* (крестьянъ) козацкими старшинами и другими чиновными и денежными людьми. Стр. 178.

Выборъ всѣми голосами полковниковъ и сотниковъ существовалъ только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ чиновная партія въ Малороссіи опредѣляла во всѣ должности — кто ей былъ нуженъ. Стр. 187.

Судопроизводство по Литовскому, Магдебургскому и Саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ несвѣдущаго въ законахъ населенія Малороссіи. Стр. 188.

Члены богатыхъ фамилій, получивъ званіе бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ, дѣлались подсудимыми только генеральной

канцеляріи и гетману, а это давало имъ возможность безнаказанно угнетать мелкопомѣстную свою братію и простолюдиновъ. Стр. 191.

Названіе *Русскій* принадлежитъ Южно-Русскому, или Малороссійскому народу и языку искони. Малороссійскій народъ и Малороссійскій языкъ суть Русскій народъ и Русскій языкъ по-преимуществу. Стр. 263.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымь, но и правительственнымъ. Этимъ языкомъ говорили при дворѣ великихъ князей Литовскихъ и въ знатнѣйшихъ Южно-Русскихъ домахъ. Стр. 264.

Южно-Русскій языкъ всегда отличался отъ Церковно-Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Стр. 267.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Малой и Червонной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи. Стр. 269.

Южно-Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго. Стр. 273.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою, богатствомъ и самимъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частью, Южно Русскому языку. Стр 274.

Поводомъ къ войнѣ козаковъ съ Поляками подъ предводительствомъ Остряницы, какъ и въ другихъ козацкихъ войнахъ, были злодѣйства со стороны частныхъ лицъ. Стр. 309.

Озлобленіе Украинскаго народа противъ Поляковъ не вытекало изъ владѣльческаго права. Стр. 311.

Систематическаго угнетенія страны со стороны Польскаго правительства не было. Стр. 311.

Польскому правительству и Польскимъ дворянамъ Малороссія обязана была своимъ вещественнымъ благосостояніемъ. Стр. 132.

Самымъ тяжкимъ бременемъ для Малороссіи были постои Польскихъ войскъ. Стр. 313.

Городовые козаки до временъ Хмѣльницкаго противодѣйствовали Запорожскимъ. Стр. 314.

Запорожцы озлоблялись на Поляковъ за запрещеніе дѣлать морскіе набѣги на Крымъ и Турцію, что было со стороны Поляковъ политическою необходимостью. Стр. 315.

Вмѣшательство Поляковъ во внутреннее управленіе козачества было вынуждаемо козацкими возстаніями. Стр. 315.

Изгнаніе Поляковъ изъ Украйны было вмѣстѣ и изгнаніемъ коренныхъ Южно-Русскихъ дворянъ, которые имѣли неопровержимое право на владѣніе землею. Стр. 317.

У Поляковъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ ихъ политическихъ представителей, не было посягательства на Малороссійскую національность. Стр. 318.

Высшее развитіе Украинской народной словесности совершилось во времена Польскаго владычества. Стр. 319.

Унія, въ своей идеѣ, была устройствомъ іерархіи, а не перемѣною вѣры. Стр. 319.

Всѣ эти, по видимому, счастливыя условія для обоихъ народовъ привели Рѣчь Посполитую къ несчастному концу потому, что въ ней господствовало право сильнаго, что собственно націю Польскую, по мнѣнію правительства, составляло дворянство, что это дворянство проникнуто было духомъ касты и не обращало вниманія на положеніе чернорабочаго класса въ государствѣ. Стр. 321.

Малороссіяне, по своей природѣ и по мѣстнымъ условіямъ, не могли иначе себя сознавать, какъ людьми, безъ всякихъ гражданскихъ пред-

разсудковъ. Пренебреженіе со стороны Поляковъ, аристократовъ по племенному началу, чувствовали они слишкомъ глубоко. Стр. 324.

Война между ними была, въ корнѣ своемъ, изъ-за оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства. Другія оскорбленія со стороны Поляковъ только раздули готовое пламя. Стр. 325.

До какой степени Южно-Русскій народъ созрѣлъ уже и тогда для высшей формы гражданской жизни, видно изъ того внутренняго устройства Малороссіи, въ какомъ она явилась при Хмѣльницкомъ. Стр. 326.

Неумышленныя и несознаваемыя Польскимъ дворянствомъ угнетенія народа Малороссійскаго со стороны его человѣческаго достоинства принесли ту пользу, что Русскій человѣкъ, въ освобожденіи отъ нихъ Малороссіи, сдѣлалъ первый шагъ къ истинному самосознанію и самодѣятельности. Стр. 328.

2.

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Сказка о красавицѣ и о злой бабѣ. (Царевичъ плѣняется красавицей. Царь не соглашается на женитьбу сына, но, увидѣвъ рушникъ, вышитый ею, согласился. Провожавшая молодыхъ баба подмѣнила красавицу своею дочкой. Дидъ принялъ къ себѣ покинутую красавицу, съ выколотыми глазами. Она научила его, какъ добыть у злой бабы глаза и вышила рушникъ. Увидѣвъ этотъ рушникъ, царевичъ отыскалъ по немъ свою красавицу жену.) Стр. 10.

Сказка объ ужѣ и царевичѣ. (Царевна соглашается быть женою ужа за то, что онъ позволилъ ей почерпнуть воды для отца. Кума свела ее со свѣта и обрѣзала у ней руки, съ золотыми кольцами. Но кольца не снимались. Кума ночью парила руки въ кипяткѣ, чтобы снять кольца, а царевна пришла къ ней за своими руками.) Стр. 14.

Сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. (Ивась ѣздилъ на рыбную ловлю. Вѣдьма приманила его къ себѣ и унесла въ свою хату. Тамъ она велѣла своей дочкѣ зажарить его, а сама отправилась звать гостей на пиръ. Ивась умудрился зажарить дочку вѣдьмы, а самъ взлѣзъ на высокій яворъ. Вѣдьмы начали грызть яворъ; но перелетныя гуси взяли на крылья Ивася и принесли къ родителямъ.) Стр. 17.

Сказка объ убитой сестрѣ и о калиновой дудкѣ. (Одна сестра изъ зависти убила другую. На могилѣ выросла калина. Чумаки сдѣлали изъ калины дудку. Заѣхавши случайно къ отцу убитой, начали играть. Дудка обличила убійцу.) Стр. 20.

Сказка о гоненьяхъ мачихи. (Мачиха обременяетъ неродную дочку пряжею. Корова помогаетъ гонимой. Корову за это велѣла мачиха зарѣзать. Въ ея внутренностяхъ нашли два яблока. Отъ тѣхъ яблоковъ выросла яблонь, съ золотыми и серебряными яблоками, а подъ нею открылась криница. Гонимая дочь подала изъ этой криницы пану воды и нарвала для него яблоковъ. Панъ за это на ней женился. У нихъ родился сынъ. Но мачиха подмѣнила пани своею дочкою, а пани превратила въ дикую козу. Коза приходила кормить сына и въ это время обращалась въ женщину. Панъ узналъ тайну отъ слуги, сжегъ ея козью шкуру, и она навсегда осталась женщиною.) Стр. 23.

Кирило Кожемяка, легенда. (Змѣй бралъ съ Кіева дань людьми. Дочка князя, очутясь у змѣя, вывѣдала отъ него, что въ Кіевѣ есть силачъ Кирило Кожемяка, который побѣдитъ змѣя. Князь трижды посылаетъ пословъ къ Кирилу съ просьбою сразиться съ змѣемъ. Кирило наконецъ соглашается, выходитъ на бой и убиваетъ змѣя.) Стр. 27.

Свирйдова могила, легенда. (Пахарь Свиридъ въ день Христова Воскресенія провалился сквозь землю. На томъ мѣстѣ выросла *могила* (т. е. курганъ), которую и прозвали Свиридовою.) Стр. 30.

Миѳъ о первомъ вѣкѣ творенія. (Мышь и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ, но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это получилъ яйцо, въ которомъ

заключалось цѣлое царство. Послѣ этого наступилъ другой вѣкъ творенія — человѣческій.) Стр. 31.

Соколъ и пчела, повѣрье. (Соколъ и пчела мѣрялись зрѣніемъ и чуткостью и потомъ подѣлились землею, кому гдѣ жить.) Стр. 32.

Разсказы о превращеніяхъ. (А. Близнецы превращаются въ кукушку. — Б. Переселеніе души въ разныхъ тварей. — В. Превращеніе въ вовкулаку. — Г. Превращеніе въ »пригйжковатого« волка — Д. Превращеніе въ кукушку и дятла. — Е. Превращеніе въ сиренъ. — Ж. Человѣческій языкъ у птицъ.) Стр. 33.

Разсказы о вѣдьмахъ. (А. Вѣдьма помогаетъ синовьямъ-охотникамъ. — Б. Способы узнавать вѣдьмъ. — В. О томъ, какъ »прирожденныя« вѣдьмы »заправляютъ« своихъ дѣтей. — Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка. — Д. О томъ, какъ знахарь управляетъ бурею. — Е. О томъ, какъ »видьма́чъ« управляетъ пчелами.) Стр. 36.

Разсказы о мертвецахъ. (А. О томъ, какъ мертвецъ приносилъ ужинать ткачихѣ. — Б. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца-сына. — В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать. — Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.) Стр. 42.

Разсказы о чертяхъ. (А О томъ, какъ черти выманили у одного человѣка сало. — Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ. — В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомянулъ чорта.) Стр. 44.

Сказка о Соловьѣ-разбойникѣ и о слѣпомъ царевичѣ. (Царь посадилъ сына, за буйство, въ темницу. Царица бѣжитъ съ сыномъ. Царевичъ убиваетъ Соловья-разбойника. Царица оживляетъ его. Въ одномъ царствѣ, на мѣсто умершаго царя, избираютъ странствующаго съ матерью царевича. Соловей-разбойникъ летаетъ къ царицѣ и вооружаетъ ее противъ сына. Сынъ исполняетъ разныя опасныя порученія; между прочимъ освобождаетъ отъ змѣевъ царевну и женится на ней. Когда возвратился онъ къ матери, она предала его Соловью-разбойнику; тотъ из-

рубилъ его въ куски, сложилъ тѣло въ мѣшокъ и привязалъ коню къ сѣдлу. Баба-Яга оживляетъ царевича; но онъ остался слѣпъ. Купцы, за пѣсни, взяли его съ собою и привезли въ городъ, въ которомъ жила его жена. Она узнала своего слѣпого мужа, и начали они жить вмѣстѣ счастливо) Стр. 48.

Сказка объ Иванѣ Голикѣ и его братѣ. (Иванъ Голикъ, за буйный нравъ, брошенъ былъ княземъ, своимъ отцомъ, въ море. Китъ-рыба проглотила его, но онъ нашелъ средство видти изъ великанской рыбы. Братъ его, сдѣлавшись послѣ смерти отца княземъ, ѣдетъ жениться; онъ дѣлается его слугою. Встрѣча съ войсками мышей, потомъ комаровъ; Иванъ Голикъ оказываетъ имъ услуги; потомъ выкупаютъ у рыбака двѣ щуки и пускаютъ въ море. Пріѣзжаютъ къ змѣю, у котораго двѣнадцать дочерей-красавицъ. Змѣй заказываетъ молодому князю разныя трудныя работы; но Голикъ, при помощи одолженныхъ имъ мышей, комаровъ и рыбъ, выручаетъ его изъ бѣды. Змѣй отдаетъ дочку за князя. Молодые ѣдутъ домой. Княгиня озлилась на Голика и отрубила ему ноги чародѣйскимъ рушникомъ. Голикъ, безъ ногъ, очутился въ лѣсу. Тамъ встрѣчаетъ его безрукій человѣкъ. Они вступаютъ въ дружбу и находятъ средство возстановить себя въ прежній видъ. Тогда Голикъ возвращается къ своему брату и находитъ его въ крайнемъ униженіи: онъ пасетъ свиней. Голикъ усмиряетъ его жену, и они живутъ счастливо). Стр. 59.

3.

ПѢСНИ.

I.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

Уже нѣсколько лѣтъ знакомъ я въ Малороссіи съ молодымъ Русскимъ художникомъ Л. М. Жемчужниковымъ. Онъ проводитъ у насъ на югѣ сплошь лѣто и зиму, изучая нашу природу и нашу жизнь во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Не довольствуясь тѣмъ, что̀ видитъ глазъ, онъ изучаетъ нравственный образъ Малороссійскаго народа въ произведеніяхъ его духа. Онъ убѣжденъ, что Малороссіянина не поймешь, не зная языка его и не ознакомясь на мѣстѣ съ его настоящимъ и прошедшимъ. Это убѣжденіе, покамѣсть мало примѣняемое къ дѣлу и между нами, людьми пишущими, тѣмъ замѣчательнѣе въ г. Жемчужниковѣ, что онъ родился въ глубинѣ Сѣверной Россіи, воспитывался въ С. Петербургѣ (въ пажескомъ корпусѣ) и до пріѣзда въ Малороссію не слыхалъ Малороссійской рѣчи. Не знаю, въ какой мѣрѣ будутъ полезны для его искусства пріобрѣтенныя имъ между нами свѣдѣнія; но этнографія Южно-Русская имѣетъ въ немъ несравненнаго дѣятеля. Не говоря уже о множествѣ этюдовъ съ натуры, выражающихъ бытъ народа со всѣми его принадлежностями, у г. Жемчужникова набралось около пятисотъ напѣвовъ пѣсень, положенныхъ на ноты имъ самимъ, или, по его просьбѣ, другими, съ голоса Малороссійскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ; а недавно онъ привезъ мнѣ изъ Пырятинскаго уѣзда большой свертокъ сказокъ, записанныхъ имъ слово въ слово изъ устъ народа: подвигъ, истинно трудный, особенно для г. Жемчужникова, иноземца въ Малороссіи, который притомъ занятъ

постоянно техникою живописи и набираніемъ въ свои альбомы живописныхъ впечатлѣній для будущихъ своихъ работъ. Но онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ и составляетъ свои нотные и рукописные сборники заурядъ съ коллекціями эскизовъ съ натуры, во время своихъ странствованій по обширнымъ равнинамъ Южной Руси и пребыванія въ мѣстахъ, гдѣ его знаютъ и любятъ... Какая противоположность съ большинствомъ нашихъ пановъ, которые живутъ посреди народа, пренебрегая его словесностью и не придавая никакой важности тому, что̀ составляетъ цвѣтъ его жизни!

Прочитывая мнѣ свою толстую тетрадь, онъ дополнялъ ее изустными разсказами о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ непривычную для художника работу перомъ, и эти разсказы много придавали жизни самимъ сказкамъ. Они показывали мнѣ, какъ сказки живутъ вмѣстѣ съ народомъ, падаютъ съ нимъ, или цвѣтутъ вѣчною прелестью съ несокрушимыми ничѣмъ нравственными его качествами. Тутъ же виденъ былъ и самъ собиратель: какъ онъ смотрѣлъ на личности, посредствомъ которыхъ передъ нимъ открывалась сокровищница духовной жизни народа; какъ его простая, чисто художническая любовь къ человѣку была угадываема тонкимъ чутьемъ сельскихъ *дівча́тъ*, парубковъ, стариковъ и старухъ, которые, при всей своей одичалости, скоро становились съ нимъ въ пріятельскія, свободныя отношенія и забывали различіе кастъ, которое всего больше препятствуетъ въ Малороссіи путешественнику видѣть народъ въ его искренней развязности. Разсказы г. Жемчужникова интересовали меня не меньше, какъ и записанныя имъ для меня сказки. Я думаю, что и въ глазахъ моихъ читателей они будутъ имѣть свое значеніе, и потому стану повторять слова его, сколько позволитъ мнѣ моя память, — точно какъ-бы это я самъ странствовалъ между народомъ и имѣлъ съ нимъ дѣло. Въ разсказѣ моемъ могутъ быть пропуски, или неточности въ послѣдовательности фактовъ, но не будетъ ошибокъ противъ натуры, потому что она была у меня передъ глазами въ то самое время, что̀ и у моего художника-этнографа.

Я думаю (говорилъ г. Жемчужниковъ), что сказки, которыя я записалъ, могутъ быть вполнѣ для васъ понятны только въ связи съ моими тогдашними впечатлѣніями. Какъ это выразить яснѣе? Еслибы напримѣръ я нашелъ на дорогѣ рукопись, которую вамъ передаю, я бы и въ половину не видѣлъ въ ней того интереса, какой она имѣетъ въ моихъ глазахъ теперь, когда въ моемъ воображеніи рисуется вся обстановка записанныхъ мною разсказовъ. Мало того: вы должны знать кое-что и изъ того, что̀ предшествовало моему труду, и въ какомъ я былъ настроеніи духа, бесѣдуя съ сказочниками и сказочницами.

Я провелъ за своей обычной работой нѣсколько прекрасныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ селѣ Л**** Пырятинскаго уѣзда. Я полюбилъ свою мастерскую во флигелѣ полуобитаемаго господскаго дома, полюбилъ людей, которые меня окружали, и все, что̀ представлялось глазамъ моимъ, до послѣдняго куста на дворѣ, передъ моими окнами. Каждая личность, каждый предметъ въ этомъ уединеніи сдѣлались мнѣ такъ извѣстны, какъ будто я здѣсь и родился. Я сжился съ селомъ Л**** въ теченіе лѣта, и вдругъ принужденъ былъ оставить его осенью, въ самое то время, когда особенно пріятно оставаться въ обогрѣтомъ уголкѣ, посреди привычныхъ занятій и, размышляя, какъ скучно тащиться въ слякоть отъ станціи до станціи, — работать подъ завыванье осенняго вѣтра, или читать что-нибудь хорошее съ добрыми пріятелями. Всѣ эти удовольствія скромной художнической жизни въ глубинѣ провинціи я долженъ былъ промѣнять на утомительную ѣзду по столбовой дорогѣ и скакать на перекладной въ Харьковскую губернію, для хлопотъ, вовсе не-артистическихъ.

Пробылъ я въ отсутствіи мѣсяца два и воротился въ Л**** уже зимою. Въѣхалъ я на дворъ господскаго дома въ морозное утро 18-го ноября. *Дівча́та* выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу, кто въ чемъ былъ, съ радостными криками. Весь домъ какъ-бы проснулся отъ своего сна. Собаки, завидѣвъ меня, подняли веселый лай и едва отъ радости не откусили мнѣ носа. Вотъ я опять подъ мирнымъ кровомъ гордо глядящихъ палатъ въ селѣ Л****.

Наши отцы и дѣды были очень вѣтрены. Мнѣ часто случалось бывать въ большихъ домахъ по деревнямъ, и всегда я говорилъ самъ себѣ: »Стоило ль столько кидать денегъ и тратить столько труда на выкладку этихъ страшныхъ хоромъ?« Такъ и въ селѣ Л****. Строитель дома былъ человѣкъ богатый; по дѣтямъ его досталось состояніе раздробленное, и нынѣшнему хозяину Л**** едва достаетъ средствъ на поддержаніе отцовскаго дворца въ приличномъ видѣ. Большая часть комнатъ не отапливается; снаружи карнизы опадаютъ; крыша гніетъ; штукатурка осыпается; дождевыхъ трубъ давно ужъ нѣтъ; въ домѣ сыро; вездѣ пропасть мышей; а въ подвалахъ живутъ побродяги–собаки и выводятъ щенковъ. Что̀ будутъ дѣлать съ нимъ наслѣдники, когда и нынѣшній достатокъ помѣщика уменьшится? Вся усадьба обнесена каменной оградой съ деревянной решеткой. Решетки уже нѣтъ: ее разрушило время и разнесли добрые люди. Ограда осыпалась и покрылась мхомъ. Все на дворѣ пришло въ ветхость и заросло желтой и бѣлой акаціей.

Возвратясь сюда изъ своей поѣздки, я не засталъ хозяевъ: они уѣхали въ Кіевъ на зиму. Въ домѣ оставались только двѣ близкія родственницы, которыя живутъ здѣсь безвыѣздно. Всѣ мои художническіе снаряды увезли такъ-же въ Кіевъ, и потому я не имѣлъ теперь съ собой ни красокъ, ни кистей, ни карандашей, а между тѣмъ долженъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прожить съ недѣлю, или болѣе въ селѣ Л****. Что̀ мнѣ было дѣлать? Отказавшись отъ живописи, я началъ жить праздною жизнью, какою живутъ, съ немногими исключеніями, всѣ помѣщичьи семейства въ Малороссіи. Утромъ мы пили чай, или кофе. Собаки и кошка дрались, или играли вокругъ насъ, а иногда, сытыя и мирныя между собой, располагались грѣться у огня. Одна только ручная курица вѣчно надоѣдала намъ, вскакивая на столъ, таская у насъ хлѣбъ и проливая чай. А послѣ завтрака я уходилъ въ дѣвичью, наполненную швеями по канвѣ, по кисеѣ, по бархату и по чему угодно, швеями всѣхъ возрастовъ, отъ десяти до двадцати-пяти лѣтъ, — и мнѣ пѣли пѣсню за пѣснею.

Я страстно люблю пѣсни, особенно Малороссійскія. Для меня что-нибудь одно слушать — или самыя высокія музыкальныя произведенія, или просто народную пѣсню. Народная пѣсня въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и притомъ необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ. Какъ часто случалось мнѣ слышать, въ музыкальныхъ композиціяхъ людей съ именемъ, какой-нибудь одинъ легкій и недурной мотивъ и въ-слѣдъ за нимъ ровно ничего новаго. Этотъ мотивъ вертятъ во всѣ стороны; то освѣтятъ его такъ, то такъ, займутъ всѣхъ слушателей, а въ-сущности это бездѣлица и только повтореніе и размазыванье того же впечатлѣнія. Народная поэтическая рѣчь всегда скупа, сжата, всегда выскажетъ только необходимое, и ни слова болѣе. Здѣсь нѣтъ поддѣлки, нѣтъ обмана для вашихъ чувствъ. Умѣйте только наслаждаться какъ природою.

Пѣнье народное бываетъ двухъ родовъ: иногда пѣсня *напѣвается*, иногда она *поется*. Пѣвецъ сидитъ за работой; онъ задумался; мысли его Богъ вѣсть гдѣ, и онъ едва внятно напѣваетъ легкую для голоса пѣсню. Отъ одной онъ переходитъ къ другой незамѣтно. Онъ напѣваетъ часъ, два, три и не устаетъ, какъ мы не устаемъ мыслить; но прервите его, и онъ потомъ не скажетъ вамъ, о чемъ онъ пѣлъ. Тотъ же самый пѣвецъ, возбужденный извнѣ какими-нибудь обстоятельствами жизни, дружескою бесѣдою, или вліяніемъ оживляющей личности, споетъ вамъ ту же самую пѣсню такъ, что вы ея не узнáете. Его умъ, чувства, все тутъ запоетъ до послѣдней жилки, и часто случается, что онъ прерываетъ свою пѣсню плачемъ.

Я разскажу по этому предмету о весьма замѣчательномъ явленіи въ селѣ Л****. Дивчáта помѣщичьяго дома, въ которомъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ-ряду, любятъ меня; я съ ними въ дружбѣ и пріучилъ ихъ къ себѣ до того, что уже пѣсня поется у нихъ при мнѣ непринужденно, уже при мнѣ говорятъ онѣ между собой деревенскія остроты и шутятъ со мной почти какъ

съ *пáрубкомъ*. Я уѣхалъ; хозяева дома себѣ уѣхали; остались только старушка лѣтъ восьмидесяти да сестра хозяйки, которыя смотрѣли за работой дивчáтъ, именно за шитьемъ въ пяльцахъ. Вотъ жизнь въ швейной сдѣлалась скучною. Сидятъ надъ узорами по большей части молча; шутки прекратились; каждая задумывается о себѣ. Сперва сдѣлается грустно одной, потомъ другой; а какъ душа душу чуетъ, то скоро грусть обнимаетъ все общество. И вотъ которая-нибудь одна запоетъ:

> Моя́ мáтінко, моя́ голу́бонько!
> Якъ мині жи́ти, якъ доживáти?...

Къ ней присоединится другая, третья, и пѣсня мало-помалу превращается въ настоящій плачъ. Всякая припоминаетъ въ душѣ свою потерю, свое горе, и всѣ поютъ и плачутъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ общее рыданіе не прерываетъ пѣсни. Ихъ унылые голоса несутся безъ словъ по опустѣлому дому и наводятъ на двухъ его жилицъ такую тоску, что бѣдныя не знаютъ куда дѣваться. Когда я пріѣхалъ, дивчáта развеселились; пѣсни приняли другой характеръ; пошли жáрты и хохотъ, и уже *Моя́ мáтінко* напѣвалась мнѣ со смѣхомъ, и ничего изъ нея не выходило: импровизація была потеряна. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ, я старался навести на нихъ грусть, въ чемъ и успѣлъ отъ-части, потому что мнѣ самому было грустно покидать этотъ милый и поэтическій уголокъ. Сначала дѣвушки смѣялись; потомъ пѣло только двое, другія слушали въ задумчивости и начали одна за другой плакать. Но вдругъ пѣвицы прервали свою пѣсню и расхохотались: имъ не хотѣлось еще поддаться грусти. Когда я вздумалъ было записать пѣсню, никто не могъ ее продиктовать мнѣ: слова раждались и складывались у пѣвицъ въ порывѣ грусти!

Приведу другой примѣръ сочувствія слушателей къ пѣснѣ. У меня былъ на натурѣ *хлóпчикъ* (мальчишка), а кобзарь по обыкновенію сидѣлъ въ моей рабочей комнатѣ и напѣвалъ всякую всячину подъ свою кóбзу. Пришли ко мнѣ двое изъ хозяйскихъ гостей (это было не въ Л****, а въ другомъ селѣ), именно Н. А.

Ригельманъ и И. С. Аксаковъ, и заставили кобзаря спѣть какую-то думу. Мальчикъ слушалъ его внимательно; потомъ лицо его начало дергать, и онъ при всѣхъ заплакалъ. А вѣдь извѣстно, что Малороссіяне очень неподатливы на слезы, особенно въ присутствіи пановъ, да еще чужихъ.

Кстати вспомню еще, какъ я былъ на ярмаркѣ въ селѣ Срибномъ, Прилуцкаго уѣзда. Я рисовалъ толпу, собравшуюся около лирника. Народу было множество, а въ томъ числѣ семейство Г. П. Г**** и другіе паны слушали думу. Лирникъ пѣлъ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, и всѣ мы видѣли, какъ одинъ парубокъ заплакалъ и утиралъ рукавомъ слезы.

Но возвратимся въ Л****. Итакъ я проводилъ свое время въ швейной. Мнѣ поютъ; я записываю; я распрашиваю о томъ, о семъ, что̀ относится къ пѣснямъ, или лучше сказать къ выражаемой пѣснями жизни народа; отвѣчаю на шутки и въ то же время обдумываю то, что̀ вижу и слышу. Такъ проходитъ время до второго часу. Въ этотъ часъ приходитъ изъ деревни прислуга (въ господскомъ домѣ лакеи не живутъ) и подаетъ намъ обѣдать. Тутъ начинается кормленіе звѣрей: надобно накормить большую лягавую собаку, маленькую левретку, собаченку со щенятами, двухъ кошекъ и курицу. Курица взъерошивается, кричитъ, загоняетъ лягавую собаку подъ диванъ. Та грызетъ подъ диваномъ кость и рычитъ на всю комнату. Кошка подкрадывается къ тарелкѣ, курица хватаетъ съ вилки кортофель, который только что хочешь положить себѣ въ ротъ. Визготня, лай, прыганье, ворчанье, мяуканье, все это для непривычнаго человѣка показалось бы Богъ знаетъ чѣмъ. Но намъ нравится такая суматоха; мы спокойно ведемъ свою простую бесѣду, смѣемся и миримъ животныхъ. Кончился обѣдъ. Дивча́та оставляютъ въ сумерки господскую работу; жартуютъ до свѣчей между собой; иногда поднимутъ пляску, отъ которой идетъ гулъ по всему дому; потомъ играютъ въ карты и бьютъ проигравшую жгутомъ по ладони. Наконецъ утихаютъ, шьютъ *на себя* разныя разности и поютъ пѣсню за пѣснею.

Я провелъ, слушая ихъ и записывая пѣсни, нѣсколько вече-

ровъ. Наконецъ запасъ пѣсень въ швейной истощился, и мнѣ пришло на мысль приняться тѣмъ же порядкомъ за сказки. Любопытство мое на этотъ разъ смутило дивчáтъ: онѣ считали свои сказки недостойными моего вниманія. Я долго убѣждалъ ихъ въ противномъ. Наконецъ, послѣ разныхъ отговорокъ, смѣху и жеманства, Химка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, начала такъ:

СКАЗКА О КРАСАВИЦѢ И О ЗЛОЙ БАБѢ.

У гаяхъ стоя́ла хáтка. Тамъ живъ чоловíкъ и жíнка, да въ íхъ не було́ дíтей. Отъ вони́ й пíшли́ на богомíлля просить Бо́га, щобъ давъ íмъ Богъ дитя́. Такъ Богъ и дáвъ íмъ дочку́. Отó вонá й ростѐ. А царéвичъ у той часъ приíхавъ на охо̀ту, да й посилáе свогó пáрубка: »Пійди́, будь лáскавъ, у ту хáту попроси́ води́.«

Прийшо́въ той пáрубокъ води́ просить, ажъ та дити́на плáче, а жéмчугъ такъ и си́плетця зъ очéй. Мáти забáвила; засміéтця — такъ усякі квітки́ цвіту́ть. Той пáрубокъ вийшовъ да й кáже: »Оттáмъ, царéвичу, я бáчивъ дитину! якъ плáче — жéмчугъ си́плетця, а якъ сміéтця — такъ усякі квітки́ цвіту́ть.«

Той царéвичъ пішо̀въ у хáту, да знаро́шне й дрáжнить ту́ю дити́ну, щобъ плáкала. Плáче, а жéмчугъ такъ и си́плетця. Вінъ и про́сить мáтери, щобъ забáвила. Якъ же засміѐтця, такъ и бáчить царéвичъ, що всякі квітки́ цвіту́ть.

Отó та дівчина ростé, а царéвичъ усé заíжджáе, якъ на охо́ту приíде. Отъ вонá й ви́росла. Царéвичъ и кáже, що »оддáй за менé, діду, дочку́.« А вонá вже вишивáе рушники́ орлáми.

А царь кáже: »Дѐ жъ таки́ тобі, си́ну, да мужи́чку брать!«

Тоді царéвичъ якъ узя́въ той рушни́къ, що вонá ви́шила, да повізъ до бáтька, такъ царь ажъ рукáми сплеснувъ. Чи нічого жъ? »Жени́сь«, кáже, »си́нку, жени́сь!«

Отъ вінъ и ожени́всь. Да везѐ додому, а зъ нимъ булá бáба, а въ бáби дочкá. Отъ, íдучи царéвичъ уставъ щось-то тамъ устрéлить, а бáба познимáла зъ еі все да й повиколювала íй о́чи, да й

упхнула ei въ яму, а дочку въ ei одежу й прибрала; такъ царевичъ и повізъ замісь ei, не пізнавъ.

А коло тиі ямки да пехворощі багато росло; такъ якийсь дідъ прийшовъ пехворощі рвать. Дивитця — дівка сидить у ямці, и передъ нею оттака купа жемчугу, що вона сидячи наплакала; а очей нема.

»Візьми«, каже, »мене, дідусю, и оце намистечко забери.«

Отъ дідъ ei взявъ и намистечко забравъ да й привівъ додому. У діда дітей не було, а баба е. Вона, та дівчина, каже: »Забери, дідусю, оце намистечко въ торбинку да понеси у городъ продай; да якъ зостріне тебе баба якась, то ти ій не продавай, а скажи: »Оддай те, що въ тебе е.«

Отъ вінъ понісъ и стрівъ ту бабу.

Баба каже: »Продай намисто!«

»Купи.«

»А що за його?«

»Дай те, що въ тебе е.«

Вона йому й дала одно око.

Тоді та дівка й почала вишивать, изъ однимъ окомъ, рушникъ.

Изновъ дідъ понісъ намисто.

Баба зновъ: »Продай намисто, діду!«

»Купи.«

»Що за його?«

»Дай те, що въ тебе е.«

Вона й друге око оддала.

Дівка тоді ще й краще почала вишивать.

Дідъ и каже: »Отъ у царя обідъ.«

А дівка йому: »Иди, дідусю, на обідъ, да візьми глечичокъ да й мині попросишъ юшки.«

Да й почепила свого шиття діду рушникъ на шию.

Якъ побачивъ царевичъ у діда на шиі рушникъ: »Відки ти, діду?«

»Я тамъ, царевичу, зъ хутора; да въ мене тамъ и дівчина проживае, такъ дай, будь ласкавъ, и ій чого-небудь у сей глечичокъ.«

»А рушни́къ, діду, де́ ти взявъ?«

»Да се я въ я́мці дівку найшо́въ, такъ оце́ вона́ й вишиває.«

А царе́вичъ уже́ пізна́въ по вишива́нню. Тоді сказа́въ за́разъ візъ запрягти́; поіхавъ да й пізна́въ ії: »Се жъ вона́, се жъ вона́!« А ту́ю ба́бину дочку́ ви́проводивъ свиней напова́ть.

Оце́ жъ и вся́. Живу́ть и хлібъ жуу́ть, и постоло́мъ добро́ во́зять.

Между Сѣверно-Русскими и Южно-Русскими сказками, въ которыя вводятся цари и царевичи, достойно замѣчанія то различіе, что первыя для изображенія царя и царевича ищутъ красокъ внѣ мужицкаго быта и избѣгаютъ сходства между сказочнымъ богатыремъ и тѣми людьми, которыхъ разскащикъ видитъ вокругъ себя; напротивъ Южно-Русскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточнымъ поселяниномъ, а царевича молодцоватымъ козакомъ. Иногда онѣ придаютъ царскому дворцу принадлежности помѣщичьей усадьбы; но такія сказки разсказываются только дворовыми людьми, которые не живутъ собственнымъ хозяйствомъ. Въ сказкѣ четырнадцатилѣтней Химки, которая провела дѣтство на селѣ, въ батьковской хатѣ, царь плѣняется рушникомъ, который вышила живущая въ лѣсу дѣвушка, и изъ-за рушника позволяетъ сыну на ней жениться. У царевича въ услуженіи парубокъ, и царевичъ проситъ его сходить въ хату за водой тѣмъ тономъ, которымъ обращается хорошій поселянинъ къ своему наймыту: между ними небольшое разстояніе, и наймытъ, обзаведясь женой и хатою, можетъ самъ сдѣлаться что̀ называется хозяиномъ. Обѣдъ у царя — совершенно въ простонародномъ вкусѣ. Такіе обѣды по праздникамъ очень часто давали зажиточные поселяне, и это велось издревле. Въ пѣснѣ о разореніи Кіева Батыемъ говорится:

Поможи́ намъ, Бо́же, го́родъ Кіевъ борони́ти;
Дождемо́ Пе́ршоі Пречи́стоі, бу́демъ обі́дъ станови́ти.

Это не »почестный пиръ« Сѣверно-Русскихъ сказокъ, на которомъ разыгриваетъ свою роль предъ князьями и боярами какой-

нибудь богатырь: это — угощеніе нищихъ, которые обыкновенно приходятъ съ кувшинами и запасаются пищею для другого дня. Дидъ съ разшитымъ узорами рушникомъ — самое видное лицо на этомъ обѣдѣ, и царевичъ естественно обращаетъ на него вниманіе.

Кстати замѣтить еще одну особенность Южно-Русской сказки. Если въ нее вводится чудесное, то оно происходитъ скорѣе отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ колдовства, нежели отъ свойственнаго героямъ Сѣверно-Русской сказки богатырства. Богатырство имѣетъ здѣсь свой отличительный характеръ: часто оно является не въ героѣ сказки, а въ его слугѣ, который довольствуется своимъ смиреннымъ положеніемъ и дѣлаетъ дивныя дѣла изподтишка; и настоящій героизмъ Малороссійской сказки заключается не въ торжествѣ физической силы, или удальства — непремѣнномъ условіи сказки Великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствій и въ выжиданіи счастливыхъ обстоятельствъ. Иногда сказка даже оканчивается горестнымъ положеніемъ главнаго дѣйствующаго лица, и мѣсто торжества заступаетъ тогда въ ней великодушное участіе къ судьбѣ несчастнаго со стороны другихъ дѣйствующихъ лицъ. Герой сказки, претерпѣвъ разныя несчастія и лишась напримѣръ такой драгоцѣнности, какъ зрѣніе, или самой жизни, покоряетъ себѣ не государство, какъ въ сказкѣ Великорусской, а сердца людей, и слушатель успокоивается на его счетъ совершенно. Ясно, что сказочная фантазія основывается здѣсь на высшихъ понятіяхъ народа о человѣкѣ, какъ о существѣ по преимуществу моральномъ, и что отъ этихъ сказокъ одинъ только шагъ до художественнаго изображенія дѣйствительности.

На мой взглядъ, особенно замѣчательны сказки съ стихотворными вставками, которыя напѣваются во время разсказа и повторяются нѣсколько разъ. Эти напѣвы, и по содержанію, и по голосу, отзываются глубокою древностью, и нѣкоторыя слова въ нихъ утратили уже для народа свой смыслъ; но, по пословицѣ: ***Изъ пісні сло́ва не викида́ть,*** народъ продолжаетъ повторять ихъ въ своихъ сказкахъ безъ перемѣны, если только не забываетъ вовсе.

Такихъ сказокъ разсказали г. Жемчужникову въ селѣ Л**** три, или четыре. Изъ нихъ слѣдующая представляетъ загадочный обломокъ народнаго воспоминанія о какомъ-то трагическомъ событіи отдаленной языческой старины.

СКАЗКА ОБЪ УЖѢ И ЦАРЕВНѢ.

Бувъ собі царь да царйця, и було́ въ іхъ три дочкй. Ось царь занедужавъ да й пославъ свою ста́ршу дочку́ по во́ду. Вона́ й пішла́ набра́ть, ажъ ужъ: »А куку́?« гово́рить, »Чи піидешъ за мене́ за́міжъ?«

А царівна: »Ні, не піиду́.«

»Ну, не дамъ же«, гово́рить, »и водй.«

Ось дру́га гово́рить: »Піиду́ я! вінъ мині дасть.« И пішла́.

Ужъ ій: »А куку́! Чи піидешъ за мене́ за́міжъ?«

»Ні«, гово́рить, »не піиду́.«

»Не дамъ же й водй.«

Вона́ верну́лась и гово́рить: »Не давъ водй.« Ка́же: »Якъ піидешъ за мене́ за́міжъ, то дамъ.«

А ме́нша гово́рить: »Я піиду́, вінъ мині дасть.«

Пішла́, — ужъ и до сіеі ка́же: »А куку́! Чи піидешъ за мене́ за́міжъ?«

»Піиду́«, гово́рить.

Отъ вінъ и набра́въ ій водй изъ са́мого дна, холо́дноі, свіжоі. Вона́ принесла́ додо́му, напоіла ба́тька, — ба́тько й оду́жавъ.

Колй въ неділю поіздъ іде и гово́рить:

»Ой одчиняй ворітечка,
Кацарівно!
На́ що люба любова́ла,
Зъ бро́ду во́ду вибира́ла,
Кацарівно!«

Вона́ злякалась, пла́че да йде, одчиняе воро́та.

Ось вони зновъ:

»Ой одчиняй сінечки,
Кацарівно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду вибирала,
Кацарівно!«

Отъ ввішли у хату, а ужа на столі на тарільці й поставили. А вінъ лежить — такий, ажъ золотий! Виходять съ хати й говорять:

»Ой сідай же у ридванець,
Кацарівно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду вибирала,
Кацарівно!«

И поіхали зъ нею ажъ у въ ужівъ будинокъ. Тамъ ось живуть вони и дитину нажили. И взяли собі куму, тілько недобра вона була. Дитина та скоро вмерла, и мати скоро вмерла за нею. А кума пішла въ-ночі, де еі сховали, да руки ій и пообрізовала. А прийшовши додому, окропу нагріла; парить тиі руки и золоті персні здиймае.

Ажъ тая царівна — такъ Богъ давъ — и прийшла до еі за руками, и говорить:

»И кури сплять, и гуси сплять,
Тілько моя кума не спить:
Білиі руки въ окропі парить,
Золотиі персні здиймае.«

А кума й сховалась підъ пічъ.
А вона зновъ говорить:

»И кури сплять, и гуси сплять,
Тілько моя кума не спить:

Білиі рýки въ окрóпі пáрить,
Золотиі пèрсні здиймáе.«

На дрýгий день прийшли, ажъ кумá підъ піччу и вмèрла. Такъ еі не запечатавши, такъ и вкинули въ яму.

Послѣ этой, была разсказана г. Жемчужникову извѣстная во всемъ Славянскомъ мірѣ сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ. Въ ней нѣтъ никакихъ особенностей, характеризующихъ собственно Южно-Русскую композицію, или обработку. Одно только слово остановило на себѣ мое вниманіе. Царица, обращаясь къ зеркалу, говоритъ: *Свічáдо, свічáдо*! Въ Великорусскомъ языкѣ нѣтъ этого слова; въ нашемъ оно то-же не употребляется; я не встрѣчалъ его и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, точно такъ же, какъ и словъ *дáха, чáйма*, занесенныхъ къ намъ въ стихахъ народной думы изъ временъ Владиміра Святославича; но оно — въ духѣ Южно-Русской рѣчи; оно понятно не только мнѣ, да и самой разскащицѣ, которая употребляла его, какъ синонимъ слова *зеркало*. Что же это? неужели еще наши полудикіе аргонавты, старые Русичи, воюя съ образованною Греціею, назвали такъ вещь, которая поразила ихъ своимъ отсвѣтомъ?....

Сказочный міръ нашъ былъ для г. Жемчужникова совершенно новъ. До сихъ поръ онъ гонялся въ Малороссіи всего больше за пѣснями. Его интересовала живѣйшимъ образомъ болтовня сельскихъ дивчатъ въ Л****, которыя не всегда однакожъ попадали на хорошо сохранившуюся сказку, не всегда помнили то, что въ ней есть лучшаго, и къ поэтическимъ фактамъ сказочной исторіи примѣшивали иногда множество безцвѣтныхъ и утомительныхъ небылицъ. Эти мѣста я выбрасываю, какъ мусоръ, засыпающій обломки нѣкогда полныхъ и гармоническихъ произведеній народной фантазіи. Но онъ записывалъ все въ-рядъ съ любовью антикварія, который не пренебрегаетъ ничѣмъ,, и въ самомъ прахѣ, накопленномъ на развалинѣ временемъ, ищетъ слѣдовъ прошедшаго. Онъ былъ правъ; ибо, дѣлая выборку на самомъ ходу сказки, легко въ отброшенномъ сору потерять такое драгоцѣнное слово,

какъ *свічáдо*, или какую-нибудь характеристическую мелочь. Изъ цѣлой тетради сказокъ, записанныхъ г. Жемчужниковымъ въ швейной, я помѣщу здѣсь еще только двѣ. Прочія могутъ быть напечатаны въ-послѣдствіи, по болѣе совершеннымъ варіантамъ.

СКАЗКА ОБЪ ИВАСѢ И ВѢДЬМѢ.

Бувъ собі чоловікъ да жінка, да въ іхъ синъ Ивáсь. Отъ Ивáсь той: »Тáту, тáту, зробú мині чóвникъ; поіду я рúби ловúть да бýду годувáти васъ.«

Вінъ и зробúвъ ёмý. Отъ Ивáсь поіде, рúбки налóвить да й годýе бáтька зъ мáтіръю. А якъ прúйде обідня годúна, такъ мáти донесè ёмý обідать да прúйде до бéрега да й клúче ёгó:

»Ивáсь синóкъ,
Золотúй човнóкъ,
А срібнее весéлечко,
Пливú до менé,
Моé сéрдечко!«

Ивáсь почýе: »Блúжче, блúжче, чóвнику, до бережкá! се моя мáтінка!«

Отъ приплúве да й оддáсть рúбку, а самъ попоість да й поплúве зновъ.

А відьма й позавúдувала, що въ тогó чоловіка да жінки такá дитúна, да й давáй імъ усяке лúхо кóіть. То оцé було зáкрутки поробля́тця въ іхъ на нúві, то двіръ переснуé щось нúтками, то кінську гóлову, костя́къ, на порóзі полóжить, то мукóю обсúпле, абó крóвъю ріжóкъ хáти помáже. А вонú мóлятця Бóгу да поминáють мéртвихъ, такъ імъ усé такъ и минáетця. Дáлі: »Постóйте жъ!« кáже, да прийшлá до бéрега да й клúче Ивáся: (¹)

»Ивáсь синóкъ,
Золотúй човнóкъ,
А срібнее весéлечко,

(¹) Тутъ разскащица перемѣнила голосъ и запѣла басомъ.

Пливи́ до мене́,
Мое́ се́рдечко!«

Чу́е Ива́сь, що таки́й товсти́й го́лосъ: »Да́льше, чо́внику, да́льше одъ бережка́! се не моя́ ма́тінка!«

Отъ відьма й пішла́ до коваля́: »Кова́лю, кова́лю! иску́й мині такий тоне́нький голосо́къ, якъ у Ива́севоі ма́тері.«

Вінъ и скова́въ. Вона́ тоді прийшла́ до бе́рега: (¹)

»Ива́сь сино́къ,
Золоти́й човно́къ,
А срібнее весе́лечко,
Пливи́ до мене́,
Мое́ се́рдечко!«

Вінъ и припли́въ; а вона́ ёго́ вхопи́ла да въ залізний мішо́къ да й понесла́ ажъ до себе́. Прийшла́ підъ две́ри: »Су́чко-Оле́нко, одчини́!«

Су́чка-Оле́нка одчини́ла. Вона́ взяла́, соро́чечку біле́ньку, штанці на Йва́ся наділа, товка́чечку дала́ й орішківъ. Вінъ бъе́ товка́чечкою й ість. Да й гово́рить змія́ поти́ху Су́чці-Оле́нці: »Нажа́ръ«, ка́же, »пічъ, да въ пічъ ёго́ всади́, да й зама́жъ, да поприбира́й тутъ усе́ чисте́нько, а я пійду́ по госте́й.«

И пішла́. Су́чка-Оле́нка нажа́рила пічъ и лопа́ту наготовила. »Сіда́й«, ка́же, »Ива́сику, на лопа́ту.«

Вінъ и положи́въ ніжку.

Вона́ гово́рить: »Не такъ.«

Вінъ положи́въ ру́чку.

»Не такъ!« ка́же.

»А сядь же«, ка́же, »сама́ да навчи́ й мене́, якъ сіда́ть.«

Тілько що вона́ сіла, а Йвась за лопа́ту да въ пічъ; такъ вона́ тамъ и заскварча́ла. Вінъ узя́въ, заслони́въ за́слонкою да й

(¹) Опять поется натуральнымъ голосомъ.

замáзавъ еі въ печі. Поприбирáвъ у хáті, самъ вийшовъ, хáту запèръ да й злізъ на превисочѐнного явора.

Колй відьма и йдѐ зъ гостьмй: »Сýчко-Олéнко, одчиний!«

Тйхо.

»Сýчко-Олéнко, одчиний! Оцѐ, немáе Сýчки-Олéнки! пішлá, мáбуть, на пóбридки.«

Взялá, самá и одчинйла. Гóсті посідáли за стілъ. Вонá вй-няла зъ пéчи да й ідять. Попоіли дóбре, повихóдили на двіръ да й качáютця: »Покочýся, повалюся, Ивáсевого мясця наівшись!«

А Йвась изъ явора: »Покотітця, повалітця, Олéнчиного мясця наівшися!«

А воній: »Дѐ се?« Дивйлись, дивйлись да й углéділи: Кйну-лись до явора да й почали грйзти тогó явора. Такъ ні, — и зý-би поламáли. Отъ вонй до ковалй: »Ковáлю, ковáлю! покýй намъ такі зýби, щобъ тогó явора підгрйзти!«

Вінъ імъ и поковáвъ. Отъ вонй пішлй и давáй грйзти. Колй летять гýси. Ивáсь іхъ и прóсить:

»Гýси, гýси, лебедята!
Візьміть менé на крилята,
Понесіть менé до бáтенька;
Бýде тамъ вамъ істи й пити,
Всёгó дóброго да й не трóхи.«

А гýси й говóрять: »Нехáй тебé серѐдні візьмуть.«
Ось летять серѐдні. Вінъ прóсить серѐдніхъ:

»Гýси, гýси, лебедята!
Візьміть менé на крилята,
Понесіть менé до бáтенька;
А въ бáтенька істи й пити,
Всёгó дóброго да й не трóхи.«

А гýси говóрять: »Нехáй тебé самé поганійше задне візьме.«

Отъ вонó й летить: зостáлося сердéшне ззáду. А відьми усé гризýть да гризýть. Отъ, отъ упаде затóго! Ивáсь и прóсить ёгó:

»Гуся, гуся, лебедятко!
Візьми мене на крилятко,
Понеси мене до батенька;
Буде намъ тамъ істи й пити,
Всёгó доброго да й не трохи.«

Отъ вонó й ухопило ёгó на крила. Да втомилось сердéшне, то такъ низько несé! А відьми за нимъ, чи не схóплять ёгó. Женýтця, женýтця, да такй не наздогнáли. Отъ вонó принеслó да й посадило Ивáся на кóмені, а самó хóдить по двору, пасéтця. А мáти повиймáла сáме пирожкй съ пéчи да й говóрить: »Се тобі, чоловіче, пирожóкъ, а се мині.«

А Йвась изъ кóмена: »А мині?«

Мáти кáже: »Хтó се тамъ?« Да зновъ: »Се тобі, діду, а се мині.«

А вінъ зновъ: »А мині, мáмо?«

Чоловікъ изъ жінкою повибігáли, дйвлятця и вглéділи Ивáся на кóмені. Зняли ёгó зъ кóмена да въ хáту и внеслй. Гусятко хóдить по двору, а мáти й побáчила: »Онъ гусятко хóдить! Пійдý я ёгó візьмý да заріжу.«

А Йвась кáже: »Ні, мáмо, не ріжте, а нагодýйте ёгó. Колйбъ не вонó, то я бъ у васъ и не бувъ.«

Отъ вонá нагодувáла ёгó й напоіла и підъ крйльця насипала пшонá. Такъ вонó й полетіло.

Отъ вамъ кáзочка и бýбликівъ вязочка!

СКАЗКА ОБЪ УБИТОЙ СЕСТРѢ И О КАЛИНОВОЙ ДУДКѢ.

Бувъ собі дідъ да бáба. У діда дочкá и въ бáби дочкá. Отъ и пішлй вонй въ гай по ягоди. Такъ дідова збирá да й збирá, да й назбирáла пóвну мйску; а бáбина, що візьме ягодку, то и ззість. Отъ и кáже дідова: »Ходімъ, сéстро, додóму, поділимось.«

Отъ идуть да йдуть шляхо́мъ; а ба́бина говори́ть: »Ля́жмо, се́стро, одпочи́ньмо.«

Поляга́ли; ді́дова, втоми́вшись, заснула, а ба́бина взяла́ ні́жъ да й устроми́ла іи́ у се́рце, да ви́копала я́мку да й похова́ла еі. А сама́ пішла́ додо́му да й ка́же: »Диві́тця, скілько я я́гідъ назбира́ла.«

А дідъ и пита́: »Де жъ ти мою́ дочку́ ді́ла?«

»Иде́ зза́ду.«

Колі́ жъ иду́ть чумакі́ да й ка́жуть: »Ста́ньмо, бра́тця, оттутъ одпочи́немъ.«

Да й ста́ли. Гля́нуть — надъ шля́хомъ моги́ла, а на моги́лі така́ га́рна кали́на ви́росла! Вони́ ви́різали зъ тиі кали́ни сопілку, да й ставъ оди́нъ чума́къ игра́ть; а сопілка гово́рить:

»Ой пома́лу-ма́лу, чума́ченьку, грай,
Да не врази́ мого́ се́рденька въ край.
Мене́ сестри́ця зъ сві́ту згуби́ла —
Ніжъ у се́рденько да й устроми́ла.«

А дру́гі ка́жуть: »Щось воно́, бра́тця, зна́чить, що кали́нова сопілка такъ промовля́е!«

Отъ прийшлі́ вони́ въ село́ да й натра́пили якъ разъ на того́ діда: »Пусти́ насъ, ді́ду, переночува́ть; ми тобі ска́жемо приго́ду.«

Вінъ іхъ и пусти́въ. Тілько вони́ увійшлі́ у ха́ту, за́разъ оди́нъ сівъ на ла́ві, а дру́гий ставъ біля его да й ка́же: »А ну, бра́те, ви́йми сопілку да зайгра́й!«

Той ви́нявъ. Сопілка й гово́рить:

»Ой пома́лу-ма́лу, чума́ченьку, грай,
Да не врази́ мого́ ти се́рденька въ край.
Мене́ сестри́ця зъ сві́ту згуби́ла —
Ніжъ у се́рденько да й устроми́ла.«

Тоді дідъ ка́же: »Що́ вона́ за сопілка, що вона́ такъ га́рно гра́е, що ажъ мині пла́кать хо́четця! А ке, я зайгра́ю.

Вінъ ёму́ й давъ. А та сопілка гово́рить:

»Ой помáлу-мáлу, мій тáточку, грай,
Да не врази могó ти сéрденька въ край.
Менé сестрúця зъ світу згубúла —
Ніжъ у сéрденько да й устромúла.«

А бáба, сидя на печі: »А ке лишъ сюдú, старúй, и я зайграю.«

Вінъ ій подáвъ; вонá стáла грать, — сопілка й говóрить:

»Ой помáлу-мáлу , матýсенько, грай,
Да не врази могó ти сéрденька въ край.
Менé сестрúця зъ світу згубúла —
Ніжъ у сéрденько да й устромúла.«

А бáбина дочкá сиділа на печі у самóму кутóчку. Излякáлась, що дознáютця. А дідъ и кáже: »А подáй ій, щобъ зайгрáла.«

Отъ вонá взялá, ажъ сопілка й ій одкáзуе:

»Ой помáлу-мáлу, душогýбко, грай,
Да не врази могó ти сéрденька въ край.
Ти жъ менé, сéстро, зъ світу згубúла —
Ніжъ у сéрденько да й устромúла!«

Тоді-то вже всі дознáлись, щó вонó е. По дідовій же дочці обідъ постáвили, а бáбину привязáли до кінського хвостá да й рознеслú пó полю.

Я провелъ нѣсколько дней и вечеровъ, записывая сказки (говорилъ г. Жемчужниковъ). Когда же наконецъ все было исчерпано, мнѣ указали на мою куму Кулúну и на ея мужа, какъ на отличныхъ сказочниковъ. Они жили на селѣ. Иду къ нимъ въ хату. Нахожу въ хатѣ корову съ теленкомъ. Въ ночь отелилась корова; теленокъ едва не замерзъ, и потому его взяли въ хату отогрѣвать. Грицькó, мой кумъ, качаетъ въ люлькѣ моего крестника; а сама Кулúна, красивая и живая молодица, возится съ топливомъ

въ *грýбѣ*. Я тотъ-часъ за дѣло: »Ну, кумá, кажи́ мині кáзку. Ти, — кáжуть дівчáта — знáешъ іхъ багáто.«

»Якý жъ мині сказáть вамъ кáзку?« говоритъ, безъ всякаго ломанья, Кули́на и, оставивъ грубу, занялась люлькою, а мужъ тогда озаботился отопленіемъ хаты. »'Иноді на дýмці бувáе й багáто, а тепéръ и не згадáю. Хибá вамъ сю сказáть?«

Сказка о гоненьяхъ мачихи.

Якъ бувъ собі дідъ да бáба, и булó въ іхъ по дочці. У діда й корóва есть. Отъ мáчуха й говóрить на дідову дочкý: »Жени́ корóву пáсти.«

И далá іи́ кýжелю прясти. Вонá й погнáла да й плáче дорóгою. А корівка питáе: »Чогó ти, дівонько, плáчешъ?«

»Якъ же мині не плáкать? дали́ кýжелю прясти.«

»Не журись«, кáже: »сажáй мині кýжель у прáве ýхо.«

Вонá всáдить, а зъ лівого ýха й виймáе, ужé попрядений. Да оцé, якъ стáне смеркáтьця, и поженé еі додóму.

Отъ мáчуха бáчить, що вонá такý гáрну пряжу нóсить, да й кáже на свою дочкý: »Гони́, дóню, ти́ пáсти корівку, и кýжелю бери́.«

Та й поженé да нá полі й кáже: »Сорóки, ворóни! летіть до менé кýжелю прясти!«

То сорóки й ворóни поназлітуютця и поросхáпують кýжель, да й порознóсять на гнізда. Увéчері вонá й поженè тýю корівку додóму. Додóму приженѐ, то мáти й питáе еі: »А щò, дóню? попряла кýжель?«

»Ні, мáмо, не попряла: сорóки да ворóни поросхáпували.«

То мáчуха на діда: »Заріжъ да й заріжъ, діду, корóву: вонá зъ еі багатіе.«

Отъ дідова дочкá погнáла корівку пáсти. Женé да й плáче. Такъ корівка й питáе: »Чогó се ти плáчешъ, дівонько?«

»Якъ же мині не плáкать, що тебé хóчуть зарізать?«

Отъ и говóрить тáя корівка: »Слýхай же, дівочко: якъ бýдуть

мене́ різать, такъ ти просися хляки мить, да якъ бу́дешъ мить, то тамъ знайдешъ дво́е я́блучокъ. Ти іхъ посади́, такъ повиростáють я́блуньки.«

Отъ ту корівку й зарізали. Дідова дочка́ й про́ситця хляківъ мить. Отъ пішла́ на річку да й мúе; ажъ тамъ дво́е я́блучокъ: одно́ золотѐньке, а дру́ге срібненьке. А бáбина дочка́ вглѐділа да й женѐтця за не́ю, — хо́че одня́ть. Такъ та въ крапи́ву іхъ и ки́нула. Колú жъ и ви́росла я́блунька: срібненьке я́блучко, золоте́ньке я́блучко; а підъ не́ю кринúчка.

Ажъ іде панъ да й гово́рить: »Хто мині те́е я́блучко ви́рве, тому́ я половúну пáнства оддáмъ.«

Отъ бáбина прискочила—хотіла ви́рвать я́блучко, такъ я́блунька вго́ру; хотіла водúчки зъ кринúчки набрáть, а кринúчка вни́зъ. Дідова жъ прийшлá, води́ці набрáла, я́блучко ви́рвала да й далá пáнові. Отъ вінъ ій и гово́рить: »Я тебе́ візьму́ за себе́ зáміжъ.« И взявъ еі зъ собо́ю.

Отъ воні́ собі й дити́ну нажилú. Послáли до бáтька узвáръ и про́сять того́ бáтька у го́сті до діте́й. А мáчухи й не про́сять. Такъ вона́ й гово́рить: »Якъ такú мо́жна, щобъ я не поіхала до своіхъ діте́й?« И поіхала зъ дідомъ, и взялá свою́ дочку́ на візъ, и вкри́ла шку́рою да й приіхала туди́. А вона́ булá відьма. Отъ и зроби́ла дідовій доцці такъ, щобъ вона́ козо́ю побігла, а свою́ дочку́ й положи́ла на місто тиі. Отъ тáя дити́на всѐ плáче. А въ того́ пáна бувъ пáрубокъ, да й гово́рить: »Пáне мій мúлий, пáне мій лю́бий! дáйте мині дити́ну, понесу́ я еі гуля́ть.«

А панъ кáже: »Не́си.«

Вінъ и понісъ дити́ну до боло́та да й клúче:

»Ой рись-коза́! твій синъ плáче,
Твій синъ плáче, істи хо́че.«

А вона́ й одкáзуе:

»Біжу́, лечу́, мій си́ночку!
Пісо́къ о́чи забивáе,

Очеретъ ніжки підкошуе,
Бистра вода не пускае.«

Отъ прибігла да зъ себе кожу скинула, а сама за дитину; сіла, годуе, да гірко, гірко плаче! Погодувала, оддала парубкові дитинку да знову и побігла.

На другий день изновъ дитина плаче. Вінъ изновъ проситця: »Пане мій милий, пане мій любий! дайте мині дитину, понесу я еі гулять.«

Понісъ да й кличе:

»Ой рись-коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, істи хоче.«

То вона й біжить:

»Біжу, лечу, мій синочку!
Пісокъ очи забивае,
Очеретъ ніжки підкошуе,
Бистра вода не пускае.«

Отъ прибігла да зъ себе шубу скинула и нагодувала дитинку.

Парубокъ одніс дитинку; вона до сутокъ изновъ и спить. Тоді панъ ёго й питае: »Що се значить«, каже, »що ти оце понесешъ дитину гулять да й не плаче?«

Такъ вінъ давай ёму признаватьця: »Що жъ?« говорить, »твоя, пане, жона побігла козою.«

Отъ вони й пішли у-двохъ. Парубокъ и кличе еі:

»Ой рись-коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, істи хоче.«

Вона й біжить:

»Біжу, лечу, мій синочку!
Пісокъ очи забивае,

Очерéтъ нóги підкóлюе,
Бистрá водá не пускáе.«

Прибігла, скйнула зъ себé шýбу, взялá дитйнку да тáкъ плáче! »Тепéръ«, кáже, »моя́ дитйнонько, у остáнній рáзъ побáчимось; атó далèко вже поженýть мене́; не почýю, якъ бýдуть звать.«

А панъ узя̀въ да й укйнувъ еі шýбу въ огóнь. Якъ затрещйть шерсть! а вонá й почýла да въ кущъ: немáе шýби! Тоді панъ плащéмъ еі накрйвъ, и пішлй додóму, да й живýть изъ нéю. А тихъ рознеслй кіньми.

Лишь только кончила Кулйна сказку, какъ пришла знáхарка осмотрѣть едва неоколѣвшаго на морозѣ теленка. Тутъ они принялись за него гуртомъ и составили вокругъ коровы интересную для художника сцену. Одна держала ее за морду, другая гладила приговаривая: »Телýшечка, телýшечка!« самъ хозяинъ поднялъ лежавшаго неподвижно теленка и подносилъ его нѣжную мордочку къ соскамъ; и всѣ обращались такъ дружелюбно съ матерью и ея дѣтищемъ, какъ-будто это были ихъ семьяне. Я видѣлъ, что имъ теперь не до сказокъ, да къ тому еще я почувствовалъ, что въ хатѣ угарно, — по крайней мѣрѣ для меня, и ушелъ съ головною болью, которая потомъ усилилась и мучила меня долго. Не смотря однакожъ на то, я получилъ такую жажду къ сказкамъ, что къ вечеру напыталъ себѣ новаго сказочника, человѣкà пожилыхъ лѣтъ, и призвалъ его изъ села къ себѣ въ комнату. Сказать правду, я гонялся не за поэтическими достоинствами этого рода произведеній фантазіи народной. Въ разсказанныхъ мнѣ сказкахъ поэтическихъ красотъ было мало, сравнительно съ массою утомительной болтовни. Но въ соединеніи разныхъ понятій и представленій, составляющихъ Малороссійскую сказку, я вижу, чѣмъ бываетъ занятъ въ праздное время умъ Малороссіянина, вижу, чему онъ сочувствуетъ, чего желаетъ, чему дивится, надъ чѣмъ смѣется; а это стóитъ того, чтобъ записывать все, чтò мнѣ баяли.

Когда пришелъ ко мнѣ изъ села старикъ сказочникъ, я усадилъ его въ Вольтеровскія кресла противъ камина, попотчивалъ

сорокалѣтней водкой изъ старинной серебряной чарки, и онъ, помѣшивая въ каминѣ своей палкой огонь, началъ мнѣ баять всякую всячину. Вмѣсто пролога къ своимъ разсказамъ, онъ проговорилъ нѣчто въ родѣ параболы изъ земледѣльческаго быта.

Ой купти́тця, купти́тця,
Ажъ ко̀ржикъ ко́титця.
Куди́ ти, бра́тіку ко́ржику, ко́тисся?
А до млинця́ на весілля.
Щѝ жъ тамъ за весілля?
Млинéць да ла̀дку посва́тавъ.
Що жъ тамъ за сва̀шка?
Пу́тря да ква̀шка.
Щó жъ тамъ за боя̀ре?
А кулики́ въ маку́.
Що жъ тамъ за дружки́?
Въ олії пампушки́.

И послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько легендъ и повѣрій, принадлежащихъ къ тѣмъ созданіямъ народной фантазіи, посредствомъ которыхъ народъ распространяетъ между собой нравственныя убѣжденія. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ преданія о змѣяхъ, занесены изъ глубокой древности, другія напоминаютъ Греческіе миѳы; всѣ же они — или почти всѣ — исполнены необыкновенной граціи вымысла и живописности выраженія, какъ въ этомъ убѣдится каждый знатокъ Южно-Русской рѣчи.

1.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА.

Коли́сь бувъ у Ки́еві якийся князь, ли́царъ, и бувъ колó Ки́ева змі́й, и ко́жного гóду посила́ли ёму́ дань: дава́ли абó молодо́го па̀рубка, абó дівчину. Отó пришла́ че́рга вже и до дочки́

самóго князя. Нічого робúть, колú давáли горожáне, трéба й ёмý давáть. Послáвъ князь свою дочку́ въ дань змiёвi. А дочкá булá такá хорóша, що й сказáти не мóжна. То змiй ii й полюбúвъ. Отъ вонá до ёгó прилестúлась та й питáетця разъ у ёгó: »Чи есть«, кáже, »на світі такúй чоловікъ, щобъ тебé подýжавъ?«

»Есть«, кáже, »такúй у Кúеві надъ Днiпрóмъ. Якъ затóпить хáту, то димъ ажъ підъ небесáми стéлецця; а якъ вúйде на Днiпръ мочúть кóжи (бо вінъ кожемя́ка), то не однý несé, а двaнáдцять рáзомъ, и якъ набря́кнуть вонú водóю въ Днiпрi, то я візьмý да й учеплюсь за iхъ, чи вúтягне-то вінъ iхъ? А ёмý й байдýже: якъ попýнить, то й менé зъ нúми трóхи на бéрегъ не вúтягне. Оттогó чоловіка тільки мині й стрáшно.«

Княжнá и взялá собі тéе на дýмку, и дýмае: якъ би ій вісточку додóму подáти и на вóлю до отця́ достáтись? А при ій не булó ні душі, — тільки одúнъ голубóкъ. Вонá згодавáла ёгó за щаслúвоі годúни, ще якъ у Кúеві булá. Дýмала-дýмала, а дáлі храпъ, и написáла до панотця́: »Оттáкъ и такъ«, кáже: »у васъ«, кáже, »панóче, есть у Кúеві чоловікъ, на ймéння Кирúло, на прізвище Кожемя́ка. Благáйте ви ёгó черезъ старúхъ людéй, чи не захóче вінъ изъ змiемъ побúтьця, чи не вúзволить менé бідну зъ невóлі! Благáйте ёгó, панóтченьку, й словáми, й подарýнками, щобъ не обідивсь вінъ за якé незвичáйне слóво. Я за ёгó и за васъ бýду до віку Бóгу молúтьця.«

Написáла такъ, привязáла підъ крилцéмъ гóлубові та й вúпустила въ віннó. Голубóкъ звúвся підъ нéбо да й прилетівъ додóму, на подвiръе до князя. А діти сáме бігали по надвiръю да й побáчили голубкá. »Татýсю, татýсю!« кáжуть, »чи бáчишъ — голубóкъ одъ сестрúці прилетівъ«?

Князь пéрше зрадівъ, а дáлі подýмавъ-подýмавъ да й засумовáвъ: »Се жъ ужé проклятий Ирóдъ згубúвъ, вúдно, мою дитúну!«

А дáлі примáнивъ до себé голубкá: глядь, ажъ підъ крильцéмъ кáрточка. Вінъ за кáрточку. Читáе, ажъ дочкá пúше: такъ

и такъ. Отó зáразъ призвáвъ до себé всю старши́ну: »Чи є такий чоловікъ, що прозиваєтця Кири́ломъ Кожемя́кою?«

»Есть, князю. Живé надъ Дніпрóмъ.«

»Якъ же бъ до ёгó приступи́тись, щобъ не обідився та послу́хавъ?«

Отó сякъ-такъ порáдились да й послáли до ёгó сами́хъ стари́хъ людей. Прихóдять вони́ до ёгó хáти, одчини́ли по мáлу двéри, зо стрáхомъ, да ії злякáлись. Ди́влятця, ажъ сиди́ть самъ кожемя́ка дóлі, до іхъ спи́ною, и мне рукáми дванáдцять кожъ; тілько ви́дно, якъ коливáє оттакóю білою бородóю! Отъ оди́нъ зъ тихъ послáнцівъ — »кахи́« !

Кожемя́ка жáхнувся, а дванáдцять кожъ тілько трісь, трісь! Оберну́всь до іхъ, а вони́ ёму́ въ пóясъ: »Оттáкъ и такъ: прислáвъ до тебé князь изъ прóзьбою...«

А вінъ и не ди́витця, и не слу́хає: розсѐрдився, що черезъ іхъ та дванáдцять кожъ порвáвъ.

Вони́ зновъ давáй ёгó проси́ть, давáй ёгó благáть. Стáли на колі́на... Шкодá! Проси́ли-проси́ли да й пішли́, пону́ривши гóлову.

Щò тутъ роби́тимешъ? Суму́є князь, суму́є и вся старши́на.

»Чи не послáть намъ іщé молóдшихъ?«

Послáли молóдшихъ — нічóго не вдіють и ті́і. Мовчи́ть та сопé, пáче не ёму́ й кáжуть. Такъ розобрáло ёгó за ти́і кóжи.

Дáлі схамену́вся князь и послáвъ до ёгó мали́хъ дітей. Ти́і якъ пришли́, якъ почали́ проси́ть, якъ стáли навкóлішки та якъ заплáкали, то й самъ Кожемя́ка не ви́терпівъ, заплáкавъ да й кáже: »Ну, се жъ ужé для вáсъ я роблю́.«

Пішóвъ до князя. »Давáйте жъ«, кáже, »мині дванáдцять бóчокъ смоли́ и дванáдцять візъ конопѐль.«

Обмотáвсь конóплями, обсмоли́вся смолóю дóбре, взявъ булаву́ таку́, що, мóже, въ ії пудóвъ дѐсять, да й пішóвъ до змія.

А змій ёму́ й кáже: А що, Кири́ло? пришóвъ би́тьця, чи ми́ритьця?«

»Дѐ вже мири́тьця? би́тьця зъ тобóю, зъ и́родомъ проклятимъ!«

Отъ и почали́ вони́ би́тьця — ажъ земля гудé. Що розбіжитця

змій да вхо́пить зуба́ми Кири́ла, то такъ кусо́къ смолі́ й ви́рве; що розбі́житця да вхо́пить, то такъ жму́токъ конопѐль и ви́рве. А вінъ ёго́ здоровѐнною булаво́ю якъ улу́пить, то такъ и вжене́ въ зѐмлю. А змій якъ ого́нь гори́ть, — та́къ ёму́ жа́рко; и по́ки збігае до Дніпра́, щобъ напи́тьця, да вско́чить у во́ду, щобъ прохолоди́тьця тро́хи, то Кожемя́ка вже й обмота́всь коно́плями и смоло́ю обсмоли́вся. Отто́ виска́кує зъ води́ проклятий и́родъ, и що рожженѐтця противъ Кожемя́ки, то вінъ ёго́ булаво́ю тілько лупъ! що рожженѐтця, то вінъ знай ёго́ булаво́ю тілько лупъ та лупъ! ажъ луна̀ йде. Би́лись-би́лись,—ажъ кури́ть, ажъ и́скри ска́чуть. Розогрі́въ Кири́ло змія ще лу́чче, якъ кова́ль лемі́шъ у го́рні: ажъ пи́рхае, ажъ захлипа́ется проклятий, а підъ нимъ земля̀ тілько сто́гне.

А тутъ у дзво́ни дзво́нять, молѐбні пра́влять, а по го́рахъ наро́дъ, стоіть якъ неживи́й, зціпи́вши ру́ки; жде, що̀ то бу́де! Коли́ жъ змію́ка бубу́хъ! ажъ земля̀ затрясла́сь. Наро́дъ, сто́ячи на го́рахъ, такъ и сплеснувъ рука́ми: »Сла̀ва тобі, Го́споди!«

Отъ Кири́ло, вби́вши змія, ви́зволивъ князі́вну и одда́въ князю. Князь уже́ не знавъ, якъ ёму́ й дя́ковать, чимъ ёго́ й награжда́ть. Та вже зъ того́-то ча́су и почало́ зва́тьця те уро́чище, де вінъ живъ, Кожемя́ками.

Отъ же Кири́ло зроби́въ тро́хи й нерозу́мно: взявъ ёго́, спали́въ да й пусти́въ по вітру по́пелъ; то зъ того́ по́пелу завела́сь вся та́я по́гань — мо́шки, комарі, му́хи. А якъ-би вінъ узя́въ да закопа́въ той по́пелъ у зѐмлю, то нічо́го бъ сѐго́ не було́ на світі.

2.

СВИРИДОВА МОГИЛА.

Бувъ, ка́жуть, коли́сь, чоловікъ Свири́дъ. То якъ дожда́вся Вели́кодня, то и ду́мае собі: »Ка́жуть лю́де *Вели́къ-день*; а побачу я, чи спра́вді великий день? чи бага́то я ви́ору? И отъ на са́мий пѐрвий день Світлого Пра́зника запрі́гъ до плу́га волі́въ да

зъ наймитомъ и пішо̀въ ора̀ть. Люде жъ у цѐркві Бо̀гу мо̀лятця, а вінъ оре̇. Тілько, що почали́, мо̀же, скибу деся́ту одкида̀ть, ажъ підъ землѐю щось загуло̀ стра̀шно, стра̀шно, такъ якъ ча̀сомъ дале́ко грімъ загуркоти́ть, и Свири́дъ ра̀зомъ такъ и провали́вся скрізь зѐмлю. А на тімъ місті ста̀ла моги̇ла. Вона̀ й до̀сі зове̇тця Свири̇дова Моги̇ла. То, ка̀жуть, якъ и̇нколи прийдешъ на ту моги̇лу да прило̀жишъ у̇хо до землі, то все нена̀че хто волівъ поганя̀е; такъ и чу̇тно: »Гей! гей!«

3.

МИѲЪ О ПЕРВОМЪ ВѢКѢ »ТВОРЕНІЯ«.

Коли̇сь-то ще за пе̇рвого віка, за стари̇хъ людѐй, ми̇ша да горобѐць да засіяли про̀со. Якъ пожа̀ли вони̇ про̀со, то почали̇ ділитьця да й не помири̇лись. Ось ста̀ли би̇тьця, и ста̀ла збиратьця усяка пти́ця и всякі звірі. Якъ ста̀ли би̇тьця, якъ ста̀ли би̇тьця, то пти̇ця и поду̇жала звірівъ. Да хочъ и поду̇жала, а таки̇ й сама̀ побилася. Тілько одна̀ пти̇ця ви̇нялась, що добила усіхъ звірівъ. Ужѐ й та пти̇ця вмори̇лась да й сіла на тако̀му висо̀кому дѐреві! (¹) Коли̇ жъ іде чоловікъ бовкуно̀мъ. Такъ вона̀ того̀ чоловіка й про̀сить: »Дай мині бика̀«, ка̀же, »я ёго̀ ззімъ. Я въ тебѐ ду̇рно не схо̀чу, я заплачу̇.«

Отъ вінъ и одда̀въ. Вона̀ того̀ бика̀ и ззіла, да тепѐръ про̀сить того̀ чоловіка: »Донеси̇ менѐ, будь-ла̀ско', до мого̀ до̇му!«

Отъ вінъ якъ узя̀въ нести̇, якъ узя̀въ нести̇ да й донісъ у такі пу̇щи страшниі! А вона̀ й говори̇ть: »Погуля̀й же ту̇течка, а я тобі пла̀ту ви̇несу.« И винесла̀ ёму̇ царствечко въ золото̀му яѐчку: »Ти жъ якъ увійдешъ у село̀, то не розчиня̀й ёго̀, а хиба̀ на яко̀му по̀лі розчи̇нишъ, або̀-що.«

А вінъ и розчини̇въ посередъ шляху: ажъ тутъ відтиль я̀рмарокъ таки̇й, що Бо̀же храни̇! А вінъ ужѐ хо̀дить поміжъ людь-

(¹) Далѣе начинается, очевидно, вставка изъ сказки.

ми́ да пла́че. Излякався, що не зберѐ не якъ. Ажъ на ёго́ ща́сте якийсь чоловікъ нагоди́вся, дакъ вінъ и про́сить ёго́: »Зділай ми́лость, чи не мо̀жешъ ти зобра́ть да зачини́ть!« Такъ у-дво́хъ зачини́ли. Отъ вінъ и пішо́въ зъ тимъ ца́рствечкомъ додо́му: пока́явсь уже́.

»Де жъ изно̀въ сі звірі́ понабира́лись, колі́ птиця усіхъ стреби́ла?« ([1])

Се жъ уже на дру́гий вікъ поверну́ло; то Богъ тогді и людѐй и вся́чину намно́живъ.

4.

СОКОЛЪ И ПЧЕЛА ([2]).

Сокілъ побрата́вcь изъ бжоло́ю; говѐрить: »Ходімъ угѐру. Ты дале́ко чу́ешъ, а я дале́ко ба́чу: я за сімъ миль ба́чу, а ти за сімъ миль чу́ешъ.«

Узялі́, изнялі́ чоловічу волоси́нку и понеслі́ вгѐру. И сказа́въ со́кілъ: »Летí за мно́ю, бжо́ло!«

Идѐ со́кілъ уго́ру, и бжола́ йде. »Ну«, гово́рить, »диви́сь, бжо́ло, униз̀ъ, чи вели́ка земля́?«

Ка́же: »Вже такъ якъ діжа́, що бабі́ хлібъ мíсять.«

Пото́му изно́въ иду́ть, иду́ть. Изно́ву ка́же: »А гиянь«, ка́же, »бжо́ло, чи вели́ка земля́?«

»Уже́«, ка́же, »такъ якъ жінка ви́бере изъ діжі тісто та мале́нький заса́дчичокъ поса́дить.«

»Ну, пуска́йся жъ униз̀ъ, бжо́ло, и пуска́й ту волоси́ну упере́дъ..... А чу́ешъ?« ка́же.

([1]) Вопросъ слушателя.

([2]) Это — безобразный обломокъ какого-то сказанія, замѣняющаго для народа естественную исторію животныхъ. Подобныя нескладицы надобно записывать со всею точностью, не обращая вниманія на ихъ искаженный видъ: въ-послѣдствіи изъ множества подобныхъ обломковъ можно возсоздать полную систему народныхъ знаній и вѣрованій по изустнымъ преданіямъ, перешедшимъ черезъ длинный рядъ столѣтій.

»Чу̀ю, ажъ ревѐ.«

»Ну, я«, ка̀же, »не чу̀ю. Ну, летѝ жъ«, каже, »да до землі припадѝ, якъ та волосѝна уда̀ритця..... А що, бжо̀ло, чи чу̀ла?«

»Чу̀ю: ажъ гу̀пнула, а вго̀ру піднялàсь на двана̀дцять са̀жнівъ.«

»Зостава̀йся жъ ти, бжо̀ло, у сімъ кра̀і, достава̀й за сімъ миль собі пропита̀ние: а я піду̀ у такі краі, де тебѐ не бу̀де. То я за сімъ миль бу̀ду птѝцю вибива̀ть и діти годова̀ть,...«

Бжола̀ просѝла у Бо̀га, щобъ брать изъ цвіту пропита̀ние. Такъ Богъ давъ іи̇ усі цвітѝ до мо̀ря, до воста̀ка: »Ходѝ по світу, изъ усіхъ рікъ, изъ усіхъ берегівъ избира̀й Бо̀гу хвіру; и людямъ дбай, и собі дбай.«

5.

РАЗСКАЗЫ О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ.

А. Близнецы превращаются въ соловья и кукушку.

Одна̀ дівка полюбѝлась у̀жеві и сама̀ злюбѝла ёго̀. Вінъ и повізъ іі въ господу. А въ ёго̀ бу̀динокъ бувъ са̀мий чистий скляний, увѐсь изъ кришта̀лю. Либо̀нь будѝнокъ той стоя̀въ підъ землѐю, въ якіись могѝлі, чи-що̀. Ну, звісно, стара̀ ма̀ти зпѐршу убива̀лась за нѐю. Якъ-то вже не вбива̀тьця? А та чи злягла̀сь, чи не злягла̀сь зъ ужа̀кою, вже іи̇ заваго̀піла, а якъ пришло̀ врѐмъя, то розсѝпалась близня̀тками: хло̀пець и дівчинка; обо̀йко — якъ зъ во̀ску ви̇лились у ма̀тіръ. А вона̀ собі була̀ така̀ хоро̀ша, якъ квітка. Отъ, якъ да̀въ Богъ діто̀къ, то іи̇ ка̀же вона̀: »Отъ же, ужѐ колѝ вони въ людѐй породѝлись, хай іхъ у людѐй и перехрѝстимо.« Сіла въ золоту̀ карѐту, покла̀ла діто̀къ на колінки да іи̇ поіхала въ село̀ до попа̀. Не докотѝлась карѐта до ца̀рини, а вже ма̀тері іи̇ ска̀зано. Стара̀ за-

репетовала на все село, ухопила косу да до царини. Бачить дочка видющу смерть, якъ заголосить до дітокъ, а дали: »Полинайте жъ, дітки, пташками по світу: ти, синку, соловейкомъ, а ти, доню, зозулею.« Випурхнувъ соловейко въ праве, а зозуля въ ліве віконце зъ карети. А карета, й коні, и все незнать де ділось. Не стало й панії; тілько надъ шляхомъ уродилась глуха кропива.

Б. Переселеніе души въ разныхъ тварей.

Зъ одноею жінкою булоось яке приведеніе. Що пійде въ поле жать, або брать конопді, да поставить у печі страву, дакъ хтось повиймае зъ печи горшки да й повидае все чисто. Думала-думала, що бъ воно таке значило? ні якъ не збагнула. Прийде — двери позамикани, а вхаті тілько й зоставалась що мала дитинка, може въ шівъ-года, у колисці. Отъ вона ударилась до знахорки; сякъ такъ упросила іі, ублагала; та й приходить. Подивилась, почмихала... сказано — знахорка: заразъ почула щось непевне. »Иди жъ«, каже, »ти въ поле, а я тутъ заховаюсь да й побачимо, що воно таке е?«

Пішла жінка въ поле, а знахорка притаілась у куточку да й дивитця. Коли жъ дитина скікъ изъ колиски! Гляне, ажъ то вже не дитина, а дідъ. Самъ низенький, а борода оттакелезна! Заразъ за вили, цупить изъ печи горшки, ажъ кректе, и почавъ уплітать страву. Якъ усе вправъ, тоді зновъ ставъ дитиною; да вже не влізе въ колиску, а тілько лежить доли да репетуе на всю хату. Тоді знахорка за єго; поставила на деркачъ и почала обрубувать деркачъ підъ ногами. Воно кричить, а вона рубае: воно кричить, а вона рубае. Далі бачить, що попавсь у добрі руки, зробивсь изновъ дідомъ да й каже: »Вже я, бабусю, перекидавсь не разъ да й не два: бувъ я спершу рибою, потімъ изробивсь птахомъ, мурашкою, звірукою, а се ще попробувавъ буть чоло-

вікомъ. Такъ нема́ лу́чче, якъ жить міжъ мура́шками; а міжъ людьми — нема́ гірше!«

В. Превращеніе въ вовкулаку.

Оди́нъ на́ймитъ підгле́дівъ разъ, що хазяінъ переки́нувсь черезъ пенёкъ, за гумно́мъ, изроби́всь вовкула́кою и побігъ у лісъ. »Посто́й же!« ду́мае, »переки́нусь и я; що зъ того́ бу́де?« Взявъ да й переки́нувся. Ставъ и вінъ вовкула́кою, и побігъ у лісъ. До́вго блука́въ вінъ по лісу зъ вовка́ми и івъ усяку па́даль; да́лі ста́ло ёму́ ску́чно безъ люде́й; да вже не зна́е, якъ переки́нутьця въ чоловіка. Отъ вінъ при́де до гумна́, поба́чить хазяіна и хо́че сказа́ть ёму́ по-людські, да й зави́е по-во́вчи. А собаки такъ и обсту́плять ёго́. Вінъ бідола́ха и бежи́ть у лісъ. Да вже наси́лу хазяінъ догада́вся, що се не вовкъ, да взявъ и переки́нувъ ёго́ навпаки́ черезъ пенёкъ. На́йми́тъ ёму́ въ но́ги. А хазяінъ подиви́всь, да ажъ жа́ль ёму́ ста́ло: худи́й, якъ скіпка, а видъ увесь подря́паний: то такъ собаки ёго́ погри́зли. »Отó жъ, небо́же«, ка́же, »не роби́, чого́ не зна́ешъ.«

Г. Превращеніе въ »пригижковатаго« волка.

Іхали два чоловіки да й заночова́ли на́ полі, у чагарняка́хъ. Лягли́ спать, ажъ чу́ють — за во́зомъ на́че що здиха́е. Спе́ршу імъ було́ стра́шно, а по́тімъ байду́же да й засну́ли. Просну́лись на дру́гий день: коли́ жъ то во́вкъ, худи́й якъ до́шка; тілько ко́жа да ко́сті. Сіли й поіхали. И вовкъ за іми йде; да́лі поло́живъ и го́лову на візъ, да такъ жа́лібно ди́витця, що й ру́ки не підняли́сь уда́рить ёго́. Ки́нули ёму́ шмато́къ мяса — не ість; ки́нули хліба — ухопи́въ и помча́въ у чагарняки́. Отъ пріхали въ село́ да й ста́ли роска́зувать про се чу́до. Такъ оди́нъ дідъ и ка́же: »То ви не во́вка ба́чили; а то коли́сь у насъ незна́ть куди́ діва́вся па́рубокъ да й хо́дить тепе́ръ пригижкуватимъ во́в-

комъ. Не займáе нічóго и живé тілько хлібомъ, що хто-нéбудь дасть.

Д. Превращеніе въ кукушку и дятла.

Зозýля й дя́телъ булú нéрше людьмú, а пóслі Богъ такъ давъ, що поробúлись птúцями. Прислýхайсь йнколи до дя́тлового гніздá — нáче чоловікъ. То стóгне дя́телъ: у ёгó головá болúть, що знай стýкае въ дéрево.

Е. Превращеніе въ сиренъ.

Пісні не нарóдъ склáдуе, а морськúі люде. Въ суботу грáе мóре; на мóре випливáють морськúі люде, що половúна чоловіка, а половúна рúби, випливáють и співáють усякихъ пісéнь; а чумакú стоять на бéрезі да ïi ýчатця.

Ж. Человѣческій языкъ у птицъ.

Колúсь булó такé врéмъя, що усі звіри й птúці говорúли чоловічимъ язикóмъ. Ключі одъ вúрея булú тогді у ворóни: да вонá прогнівúла якось Бóга, дакъ тепéръ ключі одъ вúрея вже въ сóі. Сóя летúть тудú напередъ усіхъ птиць, одчúнить вúрей и вертáетця назáдъ.

6.

РАЗСКАЗЫ О ВѢДЬМАХЪ.

А. Вѣдьма помогаетъ сыновьямъ-охотникамъ.

Булó собі три брáти и жилú полёваннемъ да риболóвствомъ, и такъ же то імъ щастúло, що тілько націлитця — зáець и è; закúне нéводъ — рúба такъ и лізе. Спéршу булú й рáді, а пó-

тімъ узялй іхъ ду́мки да га́дки. А про іхъ ма́тюръ гово́рено, що вона́ ві́дьма. Отъ вонй и ка́жуть: »Попро́буемъ же, чи пра́вда сё-му́.« Збира́ютця разъ на охо́ту, а вона́ ї питáе: »Кудй ви, син-кй, йдете́?«

»Пі́йдемъ, ма́мо, рй́би ловйть.«

Да забра́вши крадькома́ рушнйці, тене́та, соба́къ, и пішлй за за́йцями. Роскйнули тене́та, зага́вкали соба́ки, колй жъ и ле-тя́ть у тене́та карасі, окуні, щу́ки, — такъ изъ дубняка́ й сйп-лють. Вонй тоді, покидавши все, додо́му: »Ма́мо голу́бко, не помага́й намъ! неха́й тобі все до́бре.«

Такъ ма́ти вже й переста́ла імъ наворо́жувать.

Б. Способы узнавать вѣдьмъ.

Якъ до́іть ві́дьма коро́ву, то її поба́чишъ тілько скрізь таку́ бо́рону, щобъ поча́въ ура́нці робйть да до за́ходъ со́нця и зро-бйвъ. (¹)

Ще мо́жна пізна́ть ві́дьму потому́, що якъ топйть її, то не то́не. Разъ у якімсь-то селі, за Дніпромъ, неділь зо три не було́ дощу́. Отъ и почалй топйть бабъ, про которихъ гово́рено, що відьмй. Такъ тро́е не потону́ло, хочъ и ру́ки й но́ги булй позвя́-зувани. Ста́ли іхъ допро́шувать, такъ одна́ й призна́лась: »Що жъ«, ка́же, »поно́ве грома́до! ла́зила я догорй ногами на фигу́ру да на скілько заба́чила світу, стілько и вкйнула го́лоду.« А дру́га тожъ призна́лась, що ла́зила такъ якъ и ся, да скілько заба́чила світу, стілько одібра́ла молока́. А тре́йтя призна́лась, що сиділа въ боло́ті на ча пліних яйцяхъ, да вже що́ вона́ черезъ те запо-діяла миру, того́ не впа́ло мині въ па́мятку.

Ві́дьма не хо́дить тудй, де есть домовнйкъ; вінъ її за́разъ

(¹) Для Малороссійскаго *теслѝ* это — дѣло невозможное, и потому напрасно кто-нибудь сталъ бы искать такой бороны въ Малороссіи. А Русская, разумѣет-*ся*, не годится.

укладе. Ще вона боітця собакъ-ярчуківъ; тимъ-то якъ народятця ярчуки цуценята, такъ вона іхъ знайде да й позадавлюе волосомъ. Хиба накриешъ осиковою бороною, або осиковими трісками; то будуть живі, бо вона того дерева боітця.

Ще коли хочешъ познать відьму, то стережи купального попелу. Вони купальний попелъ варять у воді, якъ треба імъ летіть на Лису Гору, да якъ побризькае себе тею водою, то й полетить у коменъ.

Одинъ чоловікъ побачивъ скрізь борону, що відьма доіть корову да до іі зъ дубиною. А вона: »Сядь, Гордію!«

Вінъ и сівъ.

»Сидишъ, Гордію?«

»Сижу.«

»Ну, и сиди жъ.«

Сидить той Гордій до північи; сидить и за північъ. Уже и світъ, а вінъ сидить; уже й опівдні, а вінъ сидить. Йоти сидівъ на одному місті поки не пришла відьма да не звеліла ёму встать.

В. О томъ, какъ »прирожденныя« вѣдьмы заправляютъ своихъ дѣтей.

Одинъ чоловікъ женивсь и взявъ собі жінку изъ другого села. А въ ёго въ хаті живъ ище батько, мати и меншиі брати. Отъ якъ ёго жінка завагоніла, такъ теща й каже ёму: »Привези жъ іі до мене рожать, бо я сама собі живу въ хаті.« Вінъ и зробивъ такъ. Отъ якъ настало вже жіноче діло, вінъ вишовъ изъ хати да тілько дивитця въ вікно. Що жъ би ви думали? Теща взяла да й пересновала мотузочкою навхрестъ хату, изъ кутка въ кутокъ. А дитина вже лежить у запечку да кувакае. Вона якъ свисне, дитина якъ вискочить изъ запечка! да по тій мотузоцці побігло сюди-туди да знову у запечокъ. Чоловікъ бачить, що тутъ чортячі якісь химороди, увійшовъ у хату розсердившись: »А ну, жінко, одягайсь да поідемъ додому!«

Тéща вже тутъ и те, й се. Ні, поідемъ да й поідемъ. Поіхали.

А на дорóзі імъ річка. Вінъ зупинúвсь: »Уставáй, жінко зъ вóза!«

Жінка встáла.

»Росповúй да положú дитúну!«

Вонá не слýхае. Вінъ іі нагáйкою. Мýсила вонá положúть на зéмлю росповúту дитúну.

Вінъ тоді переіхавъ вóзомъ изъ жінкою черезъ річку.

»Тепéръ свищú!«

Вонá якъ свúсне! дитúна схопúлась да черезъ вóду! такъ и вродúлась колó вóза.

Чоловікъ тоді и рýки попустúвъ.

»Щó жъ се такè е?« почáвъ роспúтувать у жінки.

»А що жъ?« кáже; »оцé те, що я зъ мáтірью *прирождéнні* відьмú; такъ у насъ усé такъ заправляють дітéй. Тілько не бійся: прирождéнна відьма не такá злюща, якъ *учéна*. Вонá тілько одборонятця одъ нечúстоі сúли, а самá нікому зла не діе.«

Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка.

Якъ захóче відьма когó приклúкать до сéбе, то вáрить кóрень изъ зілля *тúрличъ* (¹). Отъ якъ почнé кипіть той кóрень, то все нáче булькотúть: »Грúцю« ! Грúцю!« чи якъ тамъ зовýть тогó чоловіка. А той знúметця да й полетúть якъ птахъ, и все тілько: »Пить! пить!« Якъ трáпитця дóбрий чоловікъ, то розстéле на землі хýстку. Вінъ спýститця, напъётця да й зновъ летúть. Що дýжче кипúть, зілля, то швúдче вінъ летúть. Дóбре жъ якъ ні за що не зачéпитця; а úноли вдáритця объ дéрево, абó-що да й капýтъ.

(¹) Volantia minor.

Д. О томъ, какъ знахорь управляетъ бурею.

Бувъ тутъ колись у нашому селі один Австриятъ, и такий бувъ знахоръ, що було направить, або одведе дощъ або градъ, якъ хоче. Було оце жнемъ у полі хлібъ; отъ и находить хмара. Ми давай скорій износить снопи, а ёму й байдуже, жне да жне собі, потягує люльку да й каже: »Не бійтесь, дощу не буде! То гляди — и нема дощу. Разъ — се вже я своіми очима бачивъ — жнемо ми жито; якъ ось небо почорніло; піднявся вітеръ; загуло спершу одалекі, а потімъ надъ самою у насъ головою. Грімъ, блискавіця, вихоръ... така піднялась хуртовина, що Боже твоя воля! Ми за снопи, а вінъ: »Не бійтесь, не буде дощу!« Де вже тобі не буде? Не слухаемъ ёго. А вінъ закуривъ люльку да й жне собі помалу.

Ажъ ось, де взявся чоловікъ на чорному коні и самъ увесь чорний; летить и прямо до Австриятa: »Эй, пусти!« каже.

А Австриятъ: »Ні, не пущу.«

»Пусти, сділай милость!«

»Не пущу: було такъ багато не набирать.«

Чорний іздець припавъ до гриви и помчавсь, помчався по полю.

Тимъ часомъ чорна хмара посизіла и побіліла. Стариі наши полякались, що буде градъ. А Австриятъ байдуже. Жне собі да курить люльку.

Ажъ ось изновъ де ні візмись іздець; мчитця по полю ще швидшъ одъ першого. Тілько сей уже ввесь у білому и на білому коні.

»Пусти!« кричить до Австриятa.

»Не пущу!«

»Пусти, Бога ради!«

»Не пущу: було не набирать такъ багато.«

»Эй, пусти, не видержу!«

Тоді тілько Австриятъ розогнувсь да й каже: »Ну, вже ступай, да тілько отъ у той байракъ, що за нивою.«

Тілько що вимовивъ, ужé іздця́ немá, а градъ такъ и сипнýвъ якъ изъ кóшика. Черезъ малý годѝнку, байрáкъ увéсь засѝпало, якъ есть тобі, рівно зъ краями.

Е. О томъ, какъ видмачъ управляетъ пчелами.

Бувъ собі пáсічникъ, и булá въ ёгó пáсіка пополáмъ изъ небóжемъ. Тілько небóжъ дѝвитця, що на дя́дьковій половѝні ýльні завсегдá понабѝвани мéдомъ, а въ ёгó такъ собі. Отъ дя́дько, помирковáвши, що небóжъ зáздритця на ёгó пчóли, да й кáже: »Слýхай, небóже: мóже ти дýмаешъ, що я одобрáвъ собі лýччі ýльні; то колѝ хочъ, берѝ на ту весну мою половѝну, а я візьмý твою.«

»Дóбре!« кáже небóжъ.

Отъ и помінялись. »Ну«, дýмае собі, »тепéръ же й я наберý мéду!« Тілько икъ Спáсу тамъ, чи що довідуетця до мéду, ажъ ёмý пчóли наносѝли ще мéнше, ніжъ у томý гóді. Щó за бідá такáя? Якъ ось разъ вінъ прохóдить увéчері поузъ дя́дькову пáсіку; слýхае, ажъ у одномý ýльні щось нáче розмовляе. Вінъ приложѝвъ ýхо, ажъ то мáтка говóрить изъ пчóлами.

»Де ви«, кáже, »попáли сю кобѝлу?«

»Да тамъ«, кажуть, »лежáла за байрáкомъ, да вже собáки половѝну ззіли, а намъ зостáвили тілько задъ.«

»Що жъ, ви увéсь ужé сюді втяглѝ?«

»Ні, хвістъ не помістѝвсь, такъ вѝсить изъ-надвóру.«

Небóжа нáче хто снігомъ по спѝні потéръ. Гляне, ажъ изъ очкá такъ и течé густá пáтока, такъ нáче кінський хвістъ. Вінъ тоді й догадáвсь, що ёгó дя́дько відьмáчъ да й гóді вже ёмý завѝдувать.

7.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

А. О томъ, какъ мертвецъ приносилъ ужинать ткачихъ.

Разъ отó ми дóвго седіли зъ вéчора, да й забýвъ, чогó: чи гарбузà дожидáлись, пóкуль испечéтця, чи, мóже, лйшень, чи не капýсту шаткувáли на сёмімъ дні. У насъ, бáчите, тáкая заведèнція, що колй хто хóче, щобъ удалáсь капýста, то трéба зачинáть шаткувáть на сёмімъ дні, якъ молодікъ настáне. Седимó ми да й седимó, що ажъ спàть ужé захотілось, а дáлі и стáли балáкать то про се, то про те. Толковáли тутъ и про капýсту, и про бурякй, и хто якъ прядé, и щò на тімъ світі бýде, хто празниківъ не глядйть, и які приведéния комý булй. Да якъ стáли про се вже роскáзувать, такъ хто попéреду вже спàть хотівъ лягáть, то вже боявся изъ місця зійти, щобъ перейтй тудй, де хто послáвся. А нікòму, здаéтця, не булó страшнійшъ, якъ мині, бо я такй и зъ-рóду боюсь сіхъ відёмъ да манякъ... Духъ Святйй при насъ и при дýшахъ нáшихъ! Мáрта нáша, поглядівши у вікнó, да й кáже: »Чи не принесé ій намъ вечéряти мертвéць, такъ якъ Одáрчиній мáтері?

А ми й стáли питáть, колй и якъ? Мáрта ажъ розсéрдилась, що ми не знàемъ, да й кáже:« Чи вамъ по три годкй, чи щò, що ви и сёгó не чýли?.... Седйть, кáже, вонá покійна да й тче плàхту. А вонá, бáчте, на всій околóтиці пéрва булá ткаля: ужé чи синятку, чи семирóгу, чи колéщату, або й закладáну шовкóву, такъ тàкъ, якъ на бомáзі вйпише. Отъ, якъ булá вонá такáя ткáля, дакъ одусюди несýть ій тйі плахтй, що й робйть не ввертáлась. День и нічъ, булó, сидйть да все тче, да все тче.

Оттáкъ вонá разъ седйть дóвго, що вже всі люде давнó й спать полягáли. Колй жъ хтось у двéри стукъ-стýкъ да, питáе: »Чи ти, кумá, ищé не вечéряла?«

А вонá кáже: »Ні«, да чогóсь и стáло ій такъ стрàшно! и дýмае собі: »Хто жъ би се такйй?«

»А да́лі, уста́вши зъ-за верста́ті, и дава́й христи́ть вікна й двéри. Ажъ тутъ якъ загудé щось на двóрі, ніби ви́хоръ ! а да́лі и хóдить колó ха́ти да й рóхае якъ свиня́; а да́лі вже одчиня́е й двéри. Двéри були́ за́мкнути, а вонó такъ и очини́ло. Увішлó въ сіни да, причини́вши ха́тні двéри, якъ пирхнé! а да́лі погляділо по ха́ті да й ка́же: »Ну, щасли́ва жъ ти! А я тобі принесла́ вечéрять.« Да якъ пока́же, дакъ зовсімъ іі покíйний чоловікъ. А Ода́рчина ма́ти якъ гля́нула, дакъ изъ ра́зу такъ и бу́хнула на зéмлю, да на трéтій, чи на четвéртий день и Бóгу ду́хъ оддала́.«

Б. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца сына.

Одна́ жінка дóвго пла́кала по своїму́ си́ну. »Коли́бъ мині ёгó поба́чить хочъ мéртвимъ!« Отъ лю́де й пора́яли ій пійти́ въ ночі у цéрку, якъ изійдутця усі мерцві, да взять, про случа́й, и півня. Пішла́ вона́ и ста́ла колó цéркви. Якъ опівночи ди́витця — идé зъ кладови́ща гурба́ мерцвівъ; а міжъ ними́ и іі синъ. Идé и несé відрó слізъ: отó, що ма́ти напла́кала. Якъ поба́чила ёгó міжъ мерцвя́ми, да зъ ля́ку якъ ки́нетця втіка́ть до дóму. А вінъ почу́въ ма́теринъ духъ да за нéю! Отъ вона́ да́вай скида́ть зъ себé одёжу. Що ски́не, то вінъ ухóпить и рози́рве; що ски́не, то вінъ ухóпить и рози́рве. Да вже якъ добігла до порóга, тоді півень какаріку! Мертвéць упа́въ, а вона́ черезъ день и вмéрла. Си́нові тя́жко, якъ ма́ти по ёму́ ту́жить; а ма́тері вéсело лежа́ть, якъ діти пла́чуть по ій.

В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать.

Одна́ дівка пришла́ до у́трені; тілько ди́витця — усé незнакóмиі ій лю́де. Коли́ жъ підошла́ до нéі іі хрищéна ма́ти покíйниця, взяла́ за ру́ку да й ка́же: »Утіка́й, якъ мóга утіка́й звідсі! атó якъ поба́чить тебé рідна ма́ти, то рози́рве на шматóчки.« Дівка чимъ-дужъ додóму. Прибіга́е вже до ха́ти, ажъ щось гудé

и вие ззаду. Оглянетця—ажъ за нею женетця рідна мати. Дівка скинула зъ себе свитку — мати вхопила й розорвала; скинула зъ голови хустку — мати розорвала й хустку. Убігла дівка въ хату да й упала безъ памяти. А мати зупинилась на порозі, завила страшно, повела по всій хаті очима та й зникла.

Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.

Якъ умре, то вже звісно, завяжуть ёму у сорочку шагъ, щобъ купивъ собі місто на тімъ світі. А бабі сповитусі кладуть у домовину палицю, а до пояса привяжуть хусточку зъ макомъ. Палицею вона буде одбиватьця одъ своіхъ внучківъ, бо тіі нападуть на іі, на що вона іхъ на світъ випустила! Якъ же вже придетця ій круто, тоді кине імъ жменю маку; поки позбирають, а вона и втече.

8.

РАЗСКАЗЫ О ЧЕРТЯХЪ.

А. О томъ, какъ черти выманили у одного человѣка сало.

У одного чоловіка висіло у сіняхъ на колесі сало. Отъ чортяка й провідавъ, — а й чорти, мабуть, знають у ёму смакъ. Провідавъ да до чоловіка: »Спусти да й спусти мині колесо: я тобі насиплю повну пашенну яму грошей.«

»Ну, коли насиплешъ«, каже чоловікъ, »то спущу«.

Отъ и спустивъ. Тоді чорти якъ почали возить ёму гроши, то підвода за підводою такъ и іде, да все сиплють у яму. Насипали повну яму да й питають: »Куди ще сипать?«

»Да сипте«, каже, »хоть у засіки, вибравши муку.«

Чорти вибрали муку и насипали ёму грошей повні засіки. »Теперъ прощай!« и поіхали собі.

Якъ поіхали чорти, то чоловікъ уже й не спить да все радуетця, що разомъ забагатівъ. Коли жъ огледитця на другий день уран-

ці, ажъ и сала нема, и въ ямі, и въ засікахъ повно уголля, тощо пополамъ изъ мукою.

Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ.

Одинъ чоловікъ повізъ у млинъ молоть жито. Іде полемъ, коли жъ стоять млини. То, було, й води тутъ невидно ні якоі, а то млини стоять. »Що за чортъ?« думае собі. Ажъ ось вискакують изъ усіхъ млинівъ мірошники... а то не мірошники, а куцаки. Той до себе тягне. »Ідь до мене! ідь до мене!»

»Чортъ изъ вами!« каже чоловікъ, да скорішъ и привернувъ до которого було ближче.

»Ну, чоловіче«, кажуть ему, » ми зъ тебе розміру не візьмемъ, тілько возьми за поясъ оціі саковки да одвези оце письмо у Красиловку до М****.«

»Добре«, каже чоловікъ, и радъ; бо до Красиловки було не далеко. Дали ему й коня. Не вспівъ сісти, гляне — уже и въ Красиловці. Подавъ письмо М****. А М**** якъ прочитавъ, то такъ ему й насипавъ повні саковки червінцівъ. »Вези жъ«, каже, »сі гроши туди, звідкі привізъ письмо.«

Изновъ, тілько що сівъ на коня, уже й коло млинівъ: »Э, да тутъ же, мабуть, не своя сила замішалась!«

Привозить гроши и оддае мірошникамъ.

»Візьми іхъ собі, добрий чоловіче«, кажуть куцаки.

»Не хочу«, каже той чоловікъ.

»Возьми, дурню; будешъ насъ споминать.«

»Не хочу« да й тілько.

Забравъ свою муку да й поіхавъ. Ажъ ось на дорозі наганяють его зновъ тиі мірошники: »Да возьми, землякъ, ато будешъ после жалковать.«

»Не треба мині вашихъ грошей, люде добри!«

И не взявъ. Отъ якъ приіхавъ додому, то й росказуе жінці. Жінка такъ и напустилась; трохи не била.

»Да якъ же булó мині брáть, колí я боявсь, щобъ пóслі нагнáвши и самóго не задушили?«

»Дýрню ти хóдишъ!« кáже ёмý жінка: »хто жъ би ставъ тебé душúть, дáвши тобі грóшей?«

Подýмавъ-подýмавъ той чоловікъ. Разъ же, що жінка лáе, а дрýге — и грóшей жаль. »Поіду!« кáже: »що бýде, то бýде!« И поіхавъ.

Приіхавъ на те сáме місто — хочъ би тобі слідъ якúй, що булú млинú!

В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомянулъ чорта.

Одúнъ такú нашъ чоловікъ поіхавъ до млинá. А млинъ бувъ недалéко. Приіздúть, гляне, ажъ седúть чоловікъ на пóлі.

»Чóго ти седишъ на пóлі?«

»Такъ мині Богъ давъ.«

»А де мірóшникъ?«

»Я сáмий старшúй надъ мірошникáми. Я змелю тобі жито дýрно, тілько возьмú оцéй кáмень, що лежúть передъ тобóю, да однесú до пáна Янкóвського. Пóки донесéшъ до пáна Янковського мукá твоя бýде й готóва.«

»Да я ёгó изъ міста не зворухнý!« кáже той чоловікъ.

А въ кáмені, здавáлось, такъ, бýде пудóвъ десятокъ.

»А ну жъ, попрóбуй.«

Попрóбовавъ — не бýде й пýда.

»Дóбре«, кáже, »понесý.«

И понісъ. Подаé пáну. Панъ хрúститця и не берé. А то не кáмень, а тóрба грóшей.

»Одъ кого се?«

»Одъ тогó, що седúть на пóлі«.

»Несú жъ ти ёмý назáдъ да скажú, що мині не трéба.«

Прихóдить чоловікъ икъ томý, що сидúть на пóлі, да й перекáзуе пáнови словá.

А той ёму́: »Иди́ жъ ти до Янкóвського ще разъ, да спитáй ёгó: колú вінъ менé згáдувавъ?«

Чоловікъ пішóвъ да й питáе: »А колú ви, пáне, згáдували тогó, що на пóлі седи́ть?«

А се булó скóро після великóднихъ святъ.

»Що жъ?« кáже, »згадáвъ я ёгó, грішний, на трéйтій день прáзника. Сівши зъ семъéю істи пáски, я за щось розсéрдивсь да й не вдéржавсь, щобъ не назвáть лукáвого.«

Вернýвсь чоловікъ: »Оттáкъ и такъ исказáвъ панъ.«

»Оттó-то!« кáже тоді куцáкъ. »Сімъ людямъ ні якúй гáспедъ не вгóдить! Згáдуе менé за пáскою: вже жъ, вúдно, ёмý менé трèба; а пославъ грóши, такъ и назáдъ!.... Бери́ жъ, чоловіче, свою́ мукý да ідь собі додóму.«

Чоловікъ забрáвъ и поіхавъ. Ажъ ось наганяе ёгó, вéрхи на коні, панъ такúй ýбраний, що ажъ сяе; а ззáду кúшки висять: »Ти въ насъ щось укрáвъ!

»Бóже менé сохрани́!« кáже чоловікъ: »я зъ рóду ні въ кóго не вкравъ и тютюнý на люльку,«

»Ні, вкравъ, да й гóді. А ну, хлóпці, пошукáйте!«

Тутъ де взялúсь и хлóпці, да якъ принялúсь шукáть у мішкáхъ, то всю мукý перемішáли зъ піскóмъ такъ, що чоловікъ покúнувъ на дорóзі; а самú на кóней да й поіхали.

Долго разсказывалъ мнѣ старикъ, сидя въ Вольтеровскихъ креслахъ и помѣшивая уголья въ каминѣ; наконецъ его умственный запасъ истощился, и мы разстались, довольные другъ другомъ. Между тѣмъ у меня былъ на примѣтѣ другой старикъ, который считался первымъ сказочникомъ во всемъ околоткѣ. Утромъ на другой день я посылаю звать его къ себѣ; но мнѣ объявляютъ, что этотъ *дідъ* ужъ очень дряхлъ и только лѣтомъ выходитъ изъ своей хаты, а всю зиму проводитъ на печи. По-этому я отправился къ нему самъ.

Меня повелъ хлопецъ. Шли мы глубокой тропинкой, точно оврагомъ. Съ обѣихъ сторонъ его края заросли лиціей, которая

висѣла, въ инеѣ и снѣгу, какъ бѣлые волосы. Крыши сосѣднихъ хатъ были покрыты свѣжимъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго чернѣли только низенькія, лѣтомъ вовсе не черныя стѣны съ маленькими оконцами. Пушистая, вся побѣлѣвшая земля рѣзко отдѣлялась отъ неба, особенно при горизонтѣ, гдѣ на небѣ темнѣли опустившіеся внизъ пары.

Хата *діда*, не слѣзающаго съ печи, стояла поодаль отъ другихъ хатъ, какъ-будто въ полѣ. Кругомъ ни кола, ни двора. Я насилу добрался за снѣжными сугробами ко входу и не безъ усилій отворилъ низенькую, обросшую мохнатымъ инеемъ дверь. Въ хатѣ не было никого, кромѣ сѣдого *діда* на печи, въ сорочкѣ и полотняныхъ, дыравыхъ шароварахъ, да его внучка въ грязной и оборванной кругомъ люлькѣ. Отъ люльки протянута была къ старику веревка, посредствомъ которой онъ колыхалъ своего внучка. На *прúпечкѣ*, у самаго жару, покрытаго пепломъ, сидитъ худой, пѣгій котенокъ. На лавкахъ мѣстами разсыпана крупа и разный съѣстной соръ, мѣстами валяется никуда негодное тряпье. Бѣдность безъ малѣйшаго покрова бросилась мнѣ въ глаза.

Я поздоровался съ дидомъ, перекинулся съ нимъ двумя, тремя словами и за дѣло. Онъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ.

»Де вамъ хто ні казáвъ, да такúхъ не казàвъ, якъ я́ знáю (такъ началъ онъ). Постóйте, надýмаюсь, котóрую бъ сказàти вамъ. Ну, вже жъ слóва изъ пісéнь да зъ казóкъ не викидàють. Я бýду вамъ казàть, да й не мішàть мині, не перебивàть.

СКАЗКА О СОЛОВЬѢ РАЗБОЙНИКѢ И О СЛѢПОМЪ ЦАРЕВИЧѢ.

Десь-недéсь, у якіись-то землі, бувъ собі цàрь, и мавъ вінъ собі жінку царúцю, и прижилú воні собі сúна, якъ сóкола. И не такъ-то хýтко діетця, якъ швúдко въ кàзці кàжетця, дойшóвъ вінъ собі рóзуму совершéнного. И бувъ у царя́ пéрвий совітникъ, и вінъ съ царéмъ покумàвсь. И въ пéрвого совітника то-

жъ синъ совершéнного ума̀. И вйіхали вони̂ въ чисте пóле вдвохъ на погуля̀ние, и въ іхъ увéсь припа̀съ: ша̀бля при іхъ, и рушни́ця при іхъ. Почали̂ вони̂ собі пустова̀ть, и трéба імъ посèрдитьця міжъ сéбе, и той царéнко тому̀ пéрвого совітника сй́нові изъ пустóти одтя̀въ рỳку по плечé.

И прихóдить пéрвий совітникъ до царя̀: »Ва̀ше царськé вели̂чество, мині шкóда зрóблена.«

»Яка̀ тобі шкóда?

»Такъ и такъ«, ка̀же: »вашъ синъ моéму сй́нові рỳку одрубáвъ.«

Царь же бо на свогó сй́на вели́ко сèрдився и велівъ ёгó въ тéмну темни́цю засади́ть, и не велівъ ёмỳ істи й пи́ти дать. И сиди́ть вінъ мóже яки́хъ днівъ пять, шість, не пи́вши, не івши. И ма̀ти ёгó почу̀ла сée да, щобъ ніхтó не знавъ, послáла ёмỳ істи зъ служéбкою. И сама̀ зъ своéі тỳги пішла̀ пó саду прохóжуватьця. Ну, иду̀ть вони̂ поузъ темни́цю и гомоня̀ть удвóхъ изъ служéбкою. Почу̀въ вінъ сі гласъ да й ка̀же: »Ой моя̀ ма̀тінко! бу̀дте милосéрдна, укра̀дьте въ ба̀тька ключі да й вйпустіть менé зъ тéмноі темни́ці.«

Отъ ма̀ти вкра̀ла въ-ночі ключі да й пішла̀ випуска̀ти. »Ну, щó жъ ти, мій сй́ну любий, що я тебé вйпустила? и мині на світі не буть.«

»Не бійсь, моя̀ ма̀ти рідна, сіда̀й на коня̀ зо мнóю; де я̀ бу̀ду, тамъ и ти.« [Вінъ такйй ли́царь вчини́вся, що насла̀въ на конюхівъ сóнъ, и вони̂ поснỳли смертéльно.]

Якъ поіхали вони̂ на и́ншую зèмлю, на тридеся̀те ца̀рство, въ и́нше госуда̀рство. Доіжджа̀ють вони̂ до зелéного здоровéнного га̀ю верстóвъ за пять. И въ тому̀ га̀ю живъ Соловéй, вели́кий розбóйникъ, си́льний, могу̀чий багатйрь. И убива̀е вінъ своімъ свистомъ за пять верстóвъ. Якъ свиснувъ, то кінь и впа̀въ на перéдні нóги. Отъ сей царéвичъ схопи́вcь. »Що ти«, ка̀же, »кóню мій, спотика̀ешся?«

»Па̀не мій ми́лий, па̀не мій любий! якъ мині не спотика̀ть-

ця, що я несу двохъ васъ сильнихъ, могучихъ багатирівъ, ще й третій свиснувъ?«

Уїжджае вінъ у ту дуброву да й шукае собі міста такого, щобъ спочить. Отъ и бачить, що три дуби у-купі стоіть. Мати каже: Одпочиньмо у тихъ дубівъ.«

И приіжджають вони до тихъ трохъ дубівъ, ажъ посередині колодязь, а тамъ вода ажъ ворона. Срібне да золоте цямриние. На версі дубівъ Соловъіне гніздо.

Царевичъ и каже? »Такъ се ти, Соловей, великий розбойникъ, зачавъ зо мною гратьця?« да якъ ударить ёго зъ оружжини, такъ вінъ такъ и впавъ на цямрину. Тоді за лучокъ. »Чи не вбъю я«, каже, »птиці якоі?« и пішовъ по пущі.

Лежить на цямрині той Соловей розбойникъ, а мати пожалкувала ёго да ії зачала воду брать, зачала поливать ёго, поки вінъ и оживъ.

И рече ій Соловей: »Ой, душа ти моя любая! якъ ти мене пожалкувала да й одъ смерті оборонила! Я тебе не забуду, а ти мене не забудь. Дасть Богъ, ми зійдемось до-купи.«

Вернувсь царевичъ, дивитця: »Де жъ«, каже, »мати моя, Соловей розбойникъ?«

»Що жъ«, каже, »сину любий? поливала я ёго водою, а вінъ знявсь да ії полетівъ.«

Спочили вони зъ матіръю, осідлали коня-винохода и поіхали собі. И знову поіхали на иншую землю, на тридесяте царство, въ инше государство. И тамъ у тому царстві царь умеръ. Уіздять вони въ городъ, уіздять у судъ, ажъ у суді сумують, що »въ насъ царя нема, нікому охраняти нашого царства.«

Вінъ и підлицяетця. »Я«, каже, »буду въ васъ царемъ и охранителемъ вашого царства.«

Отъ вони дали ёму будинокъ, — вінъ собі й живе — не такъ-то хутко діетця, якъ у казці кажетця — годъ, або два. И сідлае вінъ собі коня-винохода да й іде по всёму царству; іде, зъ якого краю, якая земля на ёго царство встае. Може, вінъ тамъ

який день, або другий іздить да вже зъ такими кралями да царями зазнаетця.

Отъ Соловей, великий розбойникъ, навідавсь до ёго матери и радятця вдвохъ, що якъ би ёго зъ світа згубить. И мати рече: »Соловъю! вінъ такий въ мене сильний и могучий багатирь, що намъ ёго ні якъ не можна зъ світу згубить.«

А Соловей, великий розбойникъ, каже: »Можна! Якъ приде вінъ додому, такъ ти занедужай. Стане вінъ тебе питать: »»Чо»го ви, мамо, занедужали!«« — »»Що жъ, синку? десь-недесь, »въ иншому царстві е Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и ко»либъ ти мині тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й »здорова була.««

И приздить еі синъ додому, и вона у недужихъ зробилась. »Що ви, мамо? чимъ занепали?«

»Оттимъ и тимъ, сину. Десь-недесь, въ иншому царстві е Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и колибъ ти мині тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й одужала.« [А то, бачте, така Баба-Яга, костяная нога, що на мідному току молотить, москалівъ робить.]

Вінъ сівъ на коня-винохода и поіхавъ. Якъ поіхавъ вінъ на иншую землю, на тридесяте царство, у инше государство, ажъ стоіть городъ, такъ обнесенний, якъ жаромъ. Уіжджае вінъ у той городъ, а тамъ будинки стоять такі, що й сказати не можна. И въіжджае вінъ до тиі баби въ двіръ, коли стовбъ, а до стовба кінь привязаний и жаръ ість. Вінъ уставъ зъ свого коня, дивитця, ажъ три кільця: одно мідне, друге срібне, трете золоте. Вінъ стоіть да й думае: »Привяжу я за мідне, скажуть, що якийнебудь пустякъ; привяжу до срібного — скажуть: »Да се що-небудь тутешне.« Ні, лучче привяжу до золотого; нехай знають, що приіхавъ не свій братъ, Руський царевичъ!«

Приходить вінъ до будинокъ, ажъ вийде три дочки тиеі баби на рундукъ: »А, здоровъ, здоровъ, Руський царевичъ, сильний, могучий багатирь! Що тебе сюди занесло? чи човникъ, чи весло?«

»Ні«, ка́же, »мене́ ні що̀ не занесло́; я са̀мъ, до́брий моло-де́ць, заіхавъ.«

»Який ти«, ка́жуть, »дру̀жбо, хоро̀ший, да убъе́ тебе́ на̀ша ма́ти!«

Він и питáе іхъ: »Дѐ жъ вáша мáти?«

»У саду̀, на мідному току̀ москалі ро́бить.«

И беру́ть ёго́ за білі ру́ки, веду́ть ёго́ у буди́нокъ и цілу́ють въ устá. Зáразъ посади́ли ёго́ за стілъ, дали́ ёму̀ попоісти, до́бре нагодувáли ёго́ й напоіли да й ка̀жуть! »Ну, иди́ жъ тепе́ръ, нашъ лю́бий го́стю, у садъ до мáтери.«

Провели́ ёго́ до ма̀тери, а сами́ повертáлись, не дали́сь у вічи мáтері. Отъ вінъ и прихо́дить: »Здоро̀ва, Ба́бо-Ягá, костянáя ногá! Що̀ ти ро́бишъ?«

»Здоро́въ«, ка́же, »Ру́ський царе́вичу,, си́льний, могу̀чий багати́рю! Що̀ тебе́ сюди́ занесло́, чи чо̀венъ, чи весло̀?«

»Ні«, ка́же, »мене́ ні що̀ не занесло́; я са̀мъ, до́брий моло-де́ць, заіхавъ.«

»Що̀ жъ?« ка́же, »чи бу́демъ би́тьця́, чи бу́демъ мири́тьця?«

»Ні«, ка́же, »бабу́сю, не того́ я заіхавъ, щобъ мири́тьця!«

Вонá за́разъ кри́кнула на своіхъ служѐбокъ: »Піднесíте залізного бо̀бу ре́шето!«

Піднесли́ ій, вонá й вúіла те́е ре́шето.

»Тепе́ръ же, Ру́ський царе́вичу, си́льний, могу̀чий багати́рю, коли́ тáкъ, такъ давáй би́тьця!«

Отъ, якъ ухо́пить Бáба-Ягá Ру́ського царе́вича да въ мідний тікъ, тáкъ по коліна и втисла. Вінъ бáбу якъ згрібъ, якъ удáрить, такъ вонá такъ підъ ру́ки и вбігла въ тікъ. Ну, вонá тоді давáй просúть Ру́ського царе́вича: »Сúне мій любе́зний, Ру́ський царе́вичу! положи́ зми́лованне таке́, не дай мині пропáсти!«

Отъ вінъ узя́въ еі, вúтягъ. »Ну«, ка́же, »врáжа бáбо, я ду́мавъ тебе́ тутъ и вбúть, да живи́ щѐ на світі.«

Отъ бáба бере́ ёго́ за білі ру́ки, цілу́е ёго́ въ устá и приво́дить

до дочокъ: »Дочки мої любиі! якийсь-то приятель до насъ наіхавъ.«

И гуляли вони собі день якъ золото, другий якъ срібло, третій якъ мідь, хочъ и додому ідь. И нарвала ёму вишень-черешень ягодъ хустку цілу, — оттó матері на гостинець. Вінъ подякувавъ бабі и дочкамъ да й іде собі зъ Богомъ.

А Соловей, великий розбойникъ живе зъ матірью. Вінъ, може, неділь зо дві проіздивъ, а Соловей прилітае да й живе зъ матірью. И думавъ вінъ ёго тамъ баба вбъе. Подивитця въ прозорную трубу, ажъ вінъ іде відтиля. »Ой, душа моя люба!« каже, »и ягодъ везе. Теперъ мині не жить съ тобою!«

И не такъ-то хутко діетця, якъ швидко въ казці кажетця. Приіжджае вінъ до матери да й кланяетця вінъ матері гостинцемъ. Отъ вона якъ наілась тихъ ягодъ, такъ то була хороша, а то ще краща стала.

Одпочивъ вінъ тамъ день, або другий, велівъ сідлать коня и поіхавъ знову по границі. Прилітае Соловей, великий розбойникъ, до ёго матери знову да й радятця: якъ би то ёго зъ світу згубить, щобъ на ёго місті здіятьця царемъ? Отъ и каже Соловей, великий розбойникъ: »Десь-недесь е на чистому полі, на роздоллі криниця води, а коло тиі криниці лежить дванадцять зміівъ, и тілько одинъ однимъ колодязь во всімъ царстві. Такъ забажай тиі води, щобъ доставъ. Якъ не вбъють ёго тиі дванадцять, такъ нігде въ світі вже не вбъють.«

Отъ вінъ вернувсь додому, а вона й кволитця вже, — нездужае, знаешъ.

»Що ви, мамо? чимъ занедужали?«

»Оттимъ и тимъ, сину. Десь-недесь е на чистому полі, на роздоллі колодязь води, и тілько одинъ колодязь у всімъ царстві. Колибъ ти мині привізъ тиі води, такъ я напилась би да й здорова була.«

»Добре«, каже, мамо.«

Осідлали ёму коня, вінъ и поіхавъ. И якъ поіхавъ вінъ на иншую землю, на тридесяте царство, у инше государство; коли жъ

іде навпро́ти ёго́ грома́да така́ вели́ка людéй до тиі криниці. Оттó зо всёго́ общества́ збира́ютця лю́де да й везу́ть тимъ зміямъ двана́дцять чоловікъ иззісти. И попéреду іде карèта: царь свою́ дочку́ везé. Одина́дцять душъ таки́хъ, мужи́цького по́лу, а двана́дцяту царівну везу́ть. Отъ вінъ порівнявся зъ ними́. Гра́ють музи́ки; дé-яке пла́че, дé-яке ска́че. Ти́і, зна́ешъ пла́чуть, котóрні везу́ть істи — якъ у насъ у нèкрути — а дру́гі ска́чуть. Отъ той царь да цари́ця ёго́ поба́чили; за́разъ оболо́ну одчини́ли и зачали́ здра́ствуватьця: »Здра́ствуй, здра́ствуй, Ру́ський царéвичу! куди́ Богъ несè? куди́ путь-доріженьку держи́шъ?«

»А, любéзнии! а ва́съ куди́ Богъ несé?«

»А ми веземо́ двана́дцать душъ на зъїдень, щобъ води́ набра́ть.«

Отъ царéвичъ: »Посто́йте жъ«, ка́же, »я поіду до змівъ, а ви підождіть.«

Царь и звелівъ зупини́тьця всёму́ обществу́–грома́ді середъ шля́ху.

Приізди́ть той царéвичъ, ажъ таки́й ди́кий степъ, роздо́лъ! и стоіть тамъ крини́ця, и іхъ двана́дцять лежи́ть. Вінъ якъ узявъ зъ ними би́тьця, якъ узя́въ би́тьця, — поби́въ усіхъ. Отъ одди́хавъ тамъ тро́хи, набра́въ води́ да й поіхавъ собі. Приіжджа́е до тиі грома́ди: »Ідіть«, ка́же, »до води́, набира́йте: тепéръ нема́ нічо́го; поби́въ усіхъ.«

Грома́да подя́кувала ёму́; а царівна берè ёго́ за білиі ру́ки, цілу́е ёго́ въ уста́, сажа́е въ карèту. Отъ приіжджа́ють вони́ додо́му и гуля́ють вони́ неділю, чи дру́гу. И вони́ ёго́ совіща́ють: »Не ідь вже ти, Ру́ський царéвичу, до ма́тери.« А царівна ка́же: »Не ідь, бу́ду тобі жінкою, а ти мині чоловікомъ. А якъ ба́тько помрé, такъ бу́демъ ми усімъ ца́рствомъ голдува́ть.«

А вінъ такі не соглаша́етця, и хо́че таки́ до своéі ма́тери доіхати и води́ повезти́. И попроща́лись вони́, и на проща́ннє дала́ ёму́ царівна срібний пéрстень.

Отъ Соловéй, вели́кий розбо́йникъ, ди́витця въ прозо́рну трубу́ да й говóрить: »Іде!... Ну, тепéръ ти не моя́, а я не твій!«

И не такъ-то хýтко діло рóбитця, якъ швйдко въ кáзці скáжетця. Приїздйть вінъ, водй привóзить: »Нáте, мáтінко!«

Такъ вонá тò хорóша булá, атó щè крáща стáла.

Отъ вінъ зновъ поживъ неділь зó дві, чи зó три, да знòву поїхавъ по грянйці. А Соловéй, велйкий розбóйникъ прилітáе: »Тепéръ не бýдемо вже ми жить у-кýпі, бо ёгó ніхтò не подýжае. Колй хóчешъ«, кáже, »такъ отъ ще спрóбуемъ ёгó конáтами вмотáть.«

Отъ вертáетця царéвичъ додòму, а вонá знòвъ занедýжала.

»Щò оцé ви, мáтінко, такъ чáсто болíете?«

»Я ще, сйну мій любий, такъ чáсто болію одъ тогó, що боюсь, якъ ти поідешъ по чужйхъ зèмляхъ. Колйбъ мині узнáть, щò ти за сйльний, могýчий багатйрь.«

»Якъ же ти менé, мáтінко, взнáешъ?«

»Дай, мій сйну любий, я тебé обматáю тимй конáтами.«

И вінъ ій удовóльствие даè. Звеліла вонá слýгамъ принестй конáти да й обматáть ёгó. И вматáли ёгó одъ шйі до самйхъ нігъ конáтомъ. А вінъ здвигнýвсь, такъ на малéсенькі шматóчки конáтъ и попáдавсь.

Ну, дóбре, сйну мій любий! Дай же ще дрòтомъ уматáю.«

И вінъ положйвсь на Бóга одногó, піддáвсь: »Що хóчешъ, мáтінко, те й робй.«

Отъ вонá зáразъ обматáла. Здвигнýвсь, да й шкýру опустйвъ коло себé до самйхъ нігъ.

»Отепéръ«, кáже, »мáмо, я знáю вáше вбрáнне!«

Вихóдить Соловéй, велйкий розбóйникъ, до ёгó зъ мечèмъ, и вінъ речè: »Солóвъю, велйкий розбóйнику! січй менé да рубáй на дрібнйі шматкй, да вложй менé въ торбйнку, да навяжй еі конéві да й вйжени въ гай.«

Вінъ ёгó зсікъ, изрубáвъ на шматкй, поскладáвъ у торокй да й вйгнавъ. Той кінь пішóвъ собі въ гай да й хóдить на вóлі. Колй де ні взялáсь Бáба-Ягá, костянáя ногá; зáразъ пригнáла коня до кринйць [у гаю дві кринйці въ еі на прикмéті булó: у одній сцілюща, а въ другій живýща водá]; узялá торбйнку, вйсипала кость

ту́ю, набра́ла води́ сцілющоі, попо̀рськала, — такъ лежи́ть зовсімъ такъ, якъ чоловікъ, тілько неживи́й. Набра́ла вона́ живу́щоі води́, дала́ ёму́ въ ротъ — вінъ и ожѝвъ. И ка́же: »Оце́, бабу́сю, я̀къто я до́вго спавъ!«

Такъ о̀тъ же превра́жий синъ Солове́й! усѐ ки́давъ, усѐ ки́давъ у тороки́, да тілько очей не вки́нувъ, очей нема́, сліпи́й.

Отъ и привела́ ёго́ Ба́ба-Яга́ до вели́коі річки, якъ отъ у Кременчуці, або́ тамъ дѐ, де судѝ прохо́дять, да й посади́ла ёго́ на бѐрезі. А тутъ очерѐтъ стоіть. Отъ вінъ зломи́въ собі очере́тинку да й зроби́въ ду̀дочку, и якъ заи́гра̀е у ту ду̀дочку, такъ луна́ такъ и йдѐ по всій річці.

Коли́ жъ идѐ купѐць изъ дороги́мъ това́ромъ судно̀мъ, и почу́е, що вінъ такъ гарно виграва́е и велівъ робо́тнику сісти на ду́ба да подиви́тьця, що̀ воно́ е. Приізди́ть робо́тникъ до ёго́: »Здра́ствуй!«

»Здра́ствуй!«

Хто̀ ти таки́й е?«

»Я«, ка́же, »таки́й и таки́й каліка.«

»Про́сить«, говорить, »нашъ хазяінъ-купе́ць, щобъ ти до насъ на суди́ну йшовъ.«

»До̀бре, возьміть.«

Отъ вони́ ёго́ взяли́; а вінъ — ска̀зано си́льний, могу́чий багати́рь — якъ устаѐ, такъ така́ фи́ля и встаѐ. Отъ вони́ й ра́ди ёму́. А вінъ и пита̀: »А кудѝ ви, господа́ купе́ць, приставля́тимете това́ръ?«

»До царя́ Дзензѐя приставля́тимемъ това́ръ.«

И того́ са́мого царя́ Дзензе́я дочка̀ за ёго́ зару́чена, якъ по во̀ду іздивъ. Тепе́ръ, мо́же, го̀дъ уже́ чи й більшъ, якъ вінъ блука́е; такъ вона́ на ёго́ надію не кладѐ: ду́ма, що ёго́ на світі нема́е. И зробила обідъ хоро̀ший — понахѝди звести́ по ёму́. Отъ и приіжджа́е купе́ць икъ тому́ го̀роду. Пристань собі взяли́. А вінъ и сиди́ть на у́лиці. Иду́ть Христия́не на обідъ до царівни да й гомоня́ть міжъ со́бою. Отъ вони́ собі й байду́же, бо вінъ у погане́нькій одѐжі; вони́ й не зна̀ють, що вінъ таки́й си́льний, могу́чий ба-

гатирь. Отъ вінъ и просить тихъ людей: »Возьміть и мене зъ собою; я хочъ ложку страви візьму на обіді.«

Такъ воні его взялі, привелі и посаділи поміжъ людьмі. Хліба доволі, страви доволі, горілки то жъ. Отъ після того посилае, знаешъ, царівна одну служебку зъ горілкою, а друга по гривні грошей дае. Отъ дойшлі до ёго, дають ему чарку горілки. Вінъ випивъ да й узявъ перстень заручений да въ чарку, да й питае: »Чи ти служебка?«

»Служебка.«

»На жъ оцю чарку да неси до царівни, да не дивись. Бачъ, якъ у мене очи повилазили? такъ и въ тебе повилазять, тілько подивисся.«

Отъ принесла вона царівні чарку; та зирнула да такъ объ поли и вдарилась. Заразъ веліла ёго служебкамъ узять и вестй у будинокъ. Увелі ёго въ будинокъ, а царівна Дружнівна брала ёго за білні руки, сажала и цілувала въ уста. Батько й мати возрѣдовались, що вінъ прийшовъ, хоть каліка; бо вінъ сильний, могучий багатирь, охранитель. Ну, теперъ уже зробили собі заручини и весілля одгуляли, дармо що вінъ каліка. Живуть и хлібъ жують, постоломъ добро возять и діти мішкомъ носять. Поіхали въ лісъ, вирубали на ківшъ и одтялі на корець, отъ и казці конець. А якъ-бй воні зробили ківшъ, то ще бъ казки було більшъ.

Записавъ сказку (продолжалъ г. Жемчужниковъ), я спросилъ у *діда*: гдѣ же мать этого ребенка, котораго онъ качаетъ:

»Атъ, ходить по селу. Дома сидіть не любить. Якъ заставила страву въ пічъ, то хиба въ обідню годину вернетця.

»Се твоя дочка?«

»Да дочка жъ.«

»А чоловікъ еі де?«

»Атъ!... чортъ знае де!«

Дідъ съ неудовольствіемъ кивнулъ головою. Я перемѣнилъ разговоръ.

»Якъ тебе́, діду, зову́ть?«

»По оте́честву я прозива́юсь Левчѐнко, а на имя́ Оноприй.«

»Ну, спаси́бі жъ тобі за ка́зку; пiйду́ тепе́ръ я обідать.«

»А хиба́ й ви ще не обідали?«

»Ні.«

»Отъ ба́чъ! такъ якъ и я. 'Инколи передъ вѐчоромъ попоісѝ, ждучи́ тиі гульвіси.«

»А пообідавши я знѝвъ до тебе́ прийду́.«

»Да й прихо́дьте жъ. Ми до́брого чоловіка не цура̀емось.«

Когда я послѣ обѣда шелъ опять къ діду, уже вечерѣло. Небо было свѣтло и окрасилось желтовато-краснымъ цвѣтомъ. Картина была вполнѣ зимняя и великолѣпная. Прихожу и въ сѣняхъ еще слышу оханье и тяжелые вздохи. Дідъ по-прежнему сидѣлъ на печи, по-прежнему колыхалъ внучка, который какъ-будто на то и существовалъ, чтобы спать въ своей оборванной люлькѣ. Посмотрѣлъ я на діда: глаза у него выпучились; онъ тяжело дышалъ и на мое привѣтствіе кивнулъ мнѣ только головою. Однакожъ замѣтилъ, что мой тулупъ былъ весь въ снѣгу и спросилъ прерывистымъ голосомъ: Хиба́ жъ на дво́рі хуртовйна?«

»Ні, діду«, отвѣчалъ я; »се, якъ я одчинявъ двѐри, такъ зама́завъ собі пле́чи въ снігъ. А що̀ се ти, діду, такъ ва́жко дишешъ? нездужаешъ, чи що̀?«

»Я, добро́дію, бу́въ коли́сь крѐмень, а тепе́ръ и гу́бки не сто́ю... Сла́ва Бо́гу, добродію... о̀тъ проклятий ка́шель!... дожива́ю тре́те поколіние... (и закашлялся). Я й ба́бці служи́въ, и ма̀тері па́новій служи́въ... кахи́! кахи́?... а тепе́ръ и імъ довело́сь... бгу! бгу!... служи́ти. Я усю́ди бува́въ, усю́ди мене́ посила́но. Я и у Ніженці (¹) бувъ, и у По́льщі бувъ, и у Кременчуці бувъ...«

Я зналъ, что онъ исправлялъ прежде должность прикащика и — надо прибавить — пользовался господскою довѣренностью

(¹) Въ Нѣжинѣ.

не совсѣмъ честно: но объ этомъ онъ умалчивалъ и, къ чести его сказать, не обвинялъ господъ ни въ чемъ, какъ обыкновенно водится у сверженныхъ за злоупотребленія прикащиковъ. Жаль мнѣ однакожъ было смотрѣть на его безпомощную старость, на которую онъ вовсе не разсчитывалъ, округляя свои доходы. Но это дѣло постороннее моему разсказу.

Дідъ снова началъ охать и тяжело стонать. Глаза его налились кровью. У него было удушье.

Внучекъ впервые при мнѣ повернулся въ люлькѣ и пробормоталъ сквозь зубы: »Чи мáти прийшлá?... дідýсь... дідýсь!«

Дідъ началъ колыхать его усерднѣе прежняго и сказалъ только: »Спи жъ, спи!«

Ребенокъ снова заснулъ, а дідъ кряхтѣлъ потихоньку на печи. Я ожидалъ минутъ пять, пока онъ заговоритъ со мной. Но онъ молчалъ.

»Діду!« сказалъ я наконецъ, »чи не прийти́ мині дрýгимъ рáзомъ, лýччимъ чáсомъ? Тобі тепéръ не въ моготý роскáзувать.«

»Тó-то и è, добрóдію. А тутъ зáразъ и тèмно бýде.«

Да по томý ще не бідá.«

»Хибá въ васъ світло е?«

»Е.«

Дідъ молчалъ.

»Такъ ти діду нездýжаешъ тепéръ роскáзувать?

»Чомý?« отвѣчалъ дідъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. »Чомý не роскáзувать? абй слýхали.«

Видно, ему сдѣлалось легче, и онъ позабылъ о томъ, какъ онъ себя чувствовалъ, назадъ минуту. Я зажегъ принесенную съ собой свѣчку, и онъ началъ новую сказку, возвысивши голосъ, такъ какъ-будто я былъ глухъ, или какъ-будто онъ обращался къ многолюдному собранію.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ ГОЛИКѢ И ЕГО БРАТѢ.

Десь-нéдесь въ тридесятому цáрстві, въ йншому государстві живъ царь зъ цари́цею, чи князь изъ княгинею и булó въ іхъ два

синй. Отъ князь и каже своімъ синамъ; що »ходімо зо мною до моря, послухаемъ, якъ морські люде пісні співатимуть.« Отъ вони и пішли. Идуть гаемъ. Князь и захотівъ вивідать у своіхъ синівъ правди: которий зъ нихъ на одшибі буде, а которий на ёго царстві хозяйствуватиме. Идуть гаемъ, коли жъ стоіть три дуби у-купі. Князь глянувъ да й питае свого старшого сина: Сину мій любий, що бъ изъ сіхъ трохъ дубівъ було?«

»А що жъ«, каже, »батюшко? була бъ изъ іхъ добра комора; а якъ-би попилять, то гарні дошки були бъ.«

»Ну«, каже, »синку, ти будешъ хороший хазяінъ.«

Тоді питае й меншого: »Ну, а ти, синку, що бъ изъ сіхъ дубівъ зробивъ?«

Вінъ и каже: »Батько мій любий! коли бъ мині була воля да сила, я бъ третёго дуба зрубавъ да переложивъ на тиі два, да скілько е князівъ и панівъ, я бъ іхъ усіхъ вивішавъ.«

Князь почухавъ голову и замовкъ.

Отъ прийшли до моря, стали усі глядіть, якъ риба грае; а князь узявъ да меншого сина й пхнувъ у море: »Пропадай же«, каже, »лучче самъ, ледащо!«

Тілько що батько сина у море пхнувъ, ёго китъ-риба заразъ и вхопила. Вінъ у іи и ходить. Давай та риба хватать возй зъ волами и кіньми. Ходить вінъ у рибі, перешукуе, що есть у возахъ, тимъ и харчуетця; да якось и знайшовъ у одному возі люльку, тютюнъ и кресало. Узявъ, у люльку тютюну наклавъ, викресавъ огню и давай курить. Одну люльку викуривъ; наклавъ другу, викуривъ; наклавъ и третю, викуривъ. Отъ та риба одъ диму и впилась, приплила до берега и заснула. А по березі ходили охотники. Ходили охотники, а одинъ побачивъ да й каже. »Отъ же, братця, по гаяхъ скілько ходили, да нічого не знайшли. Чи ви бачите, онъ, яка риба коло берега лежить? Давайте еі стрелять!«

Отъ стреляли еі, стреляли; потімъ познаходили тупорі и давай еі рубать. Рубали, рубали, коли жъ чують — кричить у іи у середині: »Эй, братця! рубайте рибу, да не зарубайте Християнськоі крові.«

Вони зъ ляку якъ кинутця! и повтікали. Отъ вінъ у дірку вилізъ, що охотники прорубали, вийшовъ на берегъ да й сидить. Сидить собі голий — бо на ёму що було убрання, погнило уже: може, вінъ цілий годъ бувъ у рибі — и думае собі: »Якъ мині теперъ у світі жить?«

А той старший братъ зробивсь уже самъ великимъ паномъ. Батько вмѐръ, такъ вінъ и зоставсь хазяіномъ на всій державі. Не казавъ би то и поміжъ нашимъ братомъ, якъ умрѐ хто, збираютця люде да й судятця: такъ и поміжъ князями. Позбирались судді, сенаторі, присудили ёму женитьця, тому молодому князеві, и іде вінъ шукать собі дружби, а за імъ великий поіздъ. Іде, коли жъ сидить голий чоловікъ. Отъ и посилае вінъ слугу: »Пійди спитай, щò то за чоловікъ?«

Той приходить: »Здорòвъ!«

»Здрастуй!«

»Щò«, каже, »ти такѐ?«

»Я«, каже, »Иванъ Голикъ. А ви хтò такиі?«

»Ми зъ такоі й такоі землі, ідемо шукати своему князеві дружби.«

»Пійди жъ ти своему князеві скажи, що іде вінъ свататься, да безъ мене не посватаетця.«

Той вернувсь до князя — такъ и такъ. Князь приказавъ заразъ слугамъ одімкнуть чимайданъ, вийнять ёму сорочку, понтолони, увесь струментъ. Той у воду вскочивъ, обполоскавсь, убравсь. Привели ёго до князя; вінъ и речѐ князеві: »Уже жъ коли мене взяли зъ собою, такъ усі мене й слухайте. Будете слухать, то будемъ на Русі, а не будете — пропадемо всі.«

Князь сказавъ, що »добре«, и звелівъ усімъ ёго слухать.

Ідуть собі, коли сѐ — мишаче військо. Князь хотівъ такъ по мишамъ и йти; а Йванъ Голикъ: »Ні«, каже, »підождіть, дайте мишамъ дорогу, щобъ не заняли ні одниі миши й шерстиною.«

Тутъ усі на бікъ извернули. Задня миша обернулась да й каже: »Ну, спасибі тобі, Иване Голику, не давъ ти моему війську пропасти, не дамъ я й твоему.«

Ідуть дáльше, колú сè — идè комáръ изъ своімъ вiйськомъ, що не мóжна іі очúма глянуть. Налiтáе комáрський девизённий генерáлъ: »Эй Ивáне Гóлику, дай моéму вiйську, крові напúтьця! Якъ дасú, то ми тобі у велúкій пригóді стáнемо; а не дасú, такъ не бýдешъ на Русі.«

Вінъ зáразъ сорóчку зъ себé спустúвъ и велівъ себé звязáть, щобъ не вбить ні одногó комарá. Комарі нассáлись и полетіли.

Ідуть по-надъ бéрегомъ, колú чоловікъ пiймáвъ дві щýки въ мóрі. Ивáнъ Гóликъ и кáже князеві: »Купімъ оті дві щýки въ чоловіка да пýстимъ у мóре назáдъ.«

»Нá що?«

»Не питáй, нá що, а купімъ.«

Купúли тíі щýки и назáдъ у мóре пустúли. Вонú обернýлись и кáжуть: »Спасúбі тобі, Ивáне Гóлику, що не давъ намъ пропáсти. Ми тобі у велúкій пригóді стáнемо.«

И не такъ-то хýтко діетця, якъ швúдко въ кáзці кáжетця. Ідуть вонú тамъ, мóже, тúждень, чи щò; приiжджáють на úншу зéмлю, на тридесяте цáрство, въ úнше госудáрство. А въ томý цáрстві царювáвъ змій. Будúнки вúдно велúкі, а двіръ кругóмъ обстáвлений залізними пáлями, и на кóжній пáлі усé понастрóмлювані рáзного вiйська гóлови, а коло самúхъ воріть на дванáдцяти пáляхъ немá голівъ. Стáли вонú дохòдить, стáла князеві тýга до сéрця приступáть, и речè князь: »А на сіхъ пáляхъ, Ивáне Гóлику, чи не доведéтця нáші гóлови настрóмлювать!«...

Дідъ началъ вечернюю свою сказку очень храбро, вскрикивая съ какимъ-то свирѣпымъ выраженіемъ на такихъ мѣстахъ, какъ »налітáе комáрський девизённий генерáлъ«; но удушье часто заставляло его прерывать свой разсказъ, и наконецъ онъ выбился изъ силъ. »Ні, вже сёгóдні не докажý!« сказалъ онъ наконецъ. »Нехáй зáвтра.«

Я собрался идти домой и только теперь разсмотрѣлъ дідову дочь, которая вошла потихоньку въ хату въ то время, когда дідъ былъ въ полномъ разгарѣ своего сказочнаго жару и, бросая во

всѣ стороны страшные взгляды, какъ-будто говорилъ, чтобъ ему не мѣшали. Это была молодая, очень красивая, но весьма убого одѣтая женщина, съ быстрыми черными глазами, которые не смущались, встрѣчаясь съ моими, какъ у другихъ Малороссійскихъ поселянокъ. Она молча грѣлась около печи и теперь заговорила со мною.

»Хиба́ жъ ви не боітѐсь самѝ йти у-ночі?«

»Ні, не боюсь.«

»Тѐмно; соба́ки.«

»Байдужѐ мині!«

И я вышелъ. А на дворѣ была уже ночь. На западѣ едва замѣтенъ былъ вечерній отсвѣтъ солнца. Молодой мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ. Небо было чисто; но землю покрывалъ густой мракъ. Только въ хатахъ сіяли огоньки. Кой-гдѣ уже собрались на вечерницы. Слышны были вдали пѣсни и говоръ, особенно, когда кто отворялъ дверь въ хату.

Утромъ 2-го декабря я опять отправился къ діду. Онъ уже не былъ такъ страшенъ, какъ наканунѣ вечеромъ.

»Щȯ, діду, дȯбре спавъ?«

»Якѝй мій сонъ! Ба́чте, якъ ѐ — на колінахъ; дакъ колѝ тро́хи задріма̀ю отта́къ, то й дȯбре.«

Дідъ почти не слѣзаетъ съ печи и все его развлеченіе состоитъ въ томъ, что онъ укачиваетъ своего внучка и ухаживаетъ за нимъ, какъ нянька. Такъ проходитъ у него вся зима. Лѣтомъ его всякой разъ зовутъ въ ту хату, въ которой случится покойникъ. Надъ покойникомъ обыкновенно сидятъ всю ночь и стараются всѣми мѣрами не уснуть. Для этого сходятся въ хату сосѣди, и дідъ нашъ всю ночь баетъ имъ сказки. Я распрашивалъ у него объ этихъ ночныхъ бдѣніяхъ. Они не имѣютъ въ себѣ ничего мрачнаго и унылаго. Покойникъ лежитъ на столѣ, а народъ, набившись въ хату, попиваетъ водочку, закусываетъ и болтаетъ всякую всячину. Когда истощатся толки о повседневныхъ случаяхъ сельской жизни, о смѣшныхъ, ужасныхъ, или соблазнительныхъ приключеніяхъ, о панахъ, о вѣдьмахъ, о становомъ,

о чортѣ, о Жидахъ и Цыганахъ, — бодрствующее надъ покойникомъ общество обращается къ діду; дідъ грозно требуетъ, чтобъ ему никто не перебивалъ, и уноситъ воображеніе слушателей въ сказочный міръ, захватывая туда и ихъ обычаи, ихъ хаты и хозяйство, ихъ чумацкій и земледѣльческій бытъ. Иногда дідъ заѣдетъ съ своими слушателями и въ Великорусскую сказку, къ Бовѣ Королевичу, но, благодаря родной обстановкѣ, они и тамъ чувствуютъ себя какъ дома; таютъ Московскіе снѣга отъ ихъ переселенія, и Южно-Русская рѣчь звучитъ во дворцѣ королевны Дружневны, какъ будто посреди чумацкаго табора... Дідъ съ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о посидѣлкахъ надъ покойникомъ; но потомъ призадумался и сказалъ:

»Иноді я лежу́ самъ собі въ ха́ті да й гада́ю: що чи нема́ у тому́ гріха, що я оце́ казки́ роска́зую? Усячину прихо́дитця перебира́ть у ка́зці, — на те вже вона́ ка́зка. Такъ мині отъ и тепѐръ прийшло́ на ду́мку, що, мо́же, я грішу́ передъ Бо́гомъ милосе́рдпимъ, що такі рѐчи кажу́. Мині тре́ба бъ уже́ тілько Бо́гу молі́тьця, а не таке́ роска́зувать.«

Я началъ убѣждать его, что въ этомъ ничего дурного нѣтъ, а въ самомъ дѣлѣ я чувствовалъ, что дідъ былъ правъ!

Онъ однакожъ успокоился моими увѣреніями и заговорилъ веселѣе:

»Разъ я хожу́ коло́ хліба сто́рожемъ у-ночі, ажъ иду́ть зго́нщики, табу́нщики. Ого́нь на́ полі запали́ли: сидя́ть: и я̀ до іхъ прийшо́въ да й бала́каемъ. Поси́дівъ да й иду́ до хліба, а вони́ ка́жуть: »»Повечѐрай, діду, зъ на́ми.«« — »»Добре.«« Гріемось собі коло́ огню́. А вони́: »»Ти, мо́же, казо̀къ зна́ешъ? а ми любимъ ду́же казки́. Колі́ бъ ти діду сказа̀въ намъ ка́зку, ми бъ залюбки́ послу́хали.«« — »»Зна̀ю««, кажу́, »»тро́хи««, да й поча̀въ імъ каза́ть, и каза̀въ усю ні̀чъ — ніхто́ и не спа̀въ. Такъ вони́ мині й гро́шей дали́...«

Я принялъ къ свѣдѣнію этотъ намекъ и напомнилъ діду, что пора продолжать вчерашнюю сказку. Дідъ возвысилъ голосъ и началъ:

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

... »А на сіхъ пáляхъ, Ивáне Гóлику, чи не стриміть«, кáже, »нáшимъ головáмъ!«

»Побáчимо!« кáже.

Приïхали туди, коли жъ змій зустрівъ ïхъ, наче й дóбрий; принявъ за гостéй; звелівъ увéсь пóïздъ нагодувáть, а князя узявъ изъ собóю и повівъ у будинокъ. Ну, тамъ собі пьють-гуляють, хорóші мислі мáють. И въ тогó змія дванáдцять дóчокъ, якъ однá. И вивівъ ïхъ змій до князя и росказáвъ, котóра стáрша, а котóра підстáрша, и до послідньої. Такъ самá мéнша більше всіхъ князеві підъ нарову пішлá. Гуляли вони до вèчора. У-вéчері давáй прощáтьця, йти спáть. Отъ змій князеві й кáже: »Ну, котóра дочкá крáща?«

Князь и кáже: »Мéнша мині найкрáща; мèншу бýду свáтать.«

Змій кáже: »Дóбре, тілько я дочки не оддáмъ, пóки не зрóбишъ усёгó тогó, щó я тобі бýду прикáзувать. Порóбишъ усé, такъ оддáмъ за тебé дочкý; а не порóбишъ, такъ загýбишъ свою гóлову, и пóïздъ твій тутъ увéсь поляже.«

И прикáзуе ёмý: »У менé есть на гумні триста скирдъ усякого хліба. Щобъ вінъ до світа бувъ увéсь перемолóчений и щобъ булó тáкъ: солóма къ солóмі, полóва къ полóві, зернó къ зернý.«

Отъ князь идè до своró пóïзду ночувáть да й плáче. А Иванъ Гóликъ побáчивъ, що вінъ плáче, да и питá: »Чогó ти, князю, плáчешъ!«

»Якъ же мині не плáкать? оттé и тè загадáвъ мині змій.«

»Не плáчъ«, кáже, »князю, лягáй спáть; до світу всè бýде зрóблене.«

Якъ вийде Ивáнъ Гóликъ на двіръ, якъ свисне на мишéй! де ті миши понабирáлись и кáжуть: »Нá що ти насъ, Ивáне Гóлику, кличешъ?«

»Якъ мині не кликать васъ? Загадáвъ змій, щобъ усі скирти, що въ ёгó на гумні, до світу перемолотить и щобъ солóма къ солóмі, полóва къ полóві, зернó къ зернý булó.«

Якъ запищять тиі миши, якъ шатнулись на гумно! зобралось іхъ стілько, що й ступить нігде. Якъ узяли робить — ищé й на світъ не поблагословилось, а вони вже й кончили. Пішли, Ивáна Гóлика збудили. Той прийшовъ — скирти якъ стояли, такъ и стоять; полóва осóбо лежить, а зерно тó-жъ осóбо. Иванъ Гóликъ и прóсить іхъ, щобъ подивились, чи немá ищé въ якому колоску зернá. Вони якъ шатнулись, такъ ні одніеі миши и не побачишъ у солóмі. Повилазили й кáжуть: »Ні, немá нігдé; не бійсь, ніхтó не знайде ні зернини. Ну, тепéръ же ми тобі, Иване Гóлику, одслужили. Прощáй!«

Вінъ ставъ и стережé, щобъ ищé хто й кабіжу не наробивъ. Коли сé — князь идé шукáть ёгó. Найшóвъ; дивуетця, що такъ изрóблено усé, якъ змій казáвъ; дякуе Ивáну Гóлику и пішóвъ до змія. И прихóдять у-двохъ изъ зміемъ. И дивуетця самъ змій. И поклúкавъ дóчокъ, щобъ пошукáли у солóмі зернá и чи не одирваний де колосóкъ. Отъ дóчки шукáли-шукáли — немá. И речé змій: »Ну дóбре, ходімъ; до вéчора бýдемъ пить и гулять, а въ вéчері упять робóту загадáю на зáвтра.«

Отъ догуляли до вéчора; вінъ и загáдуе: »Сёгóдні въ-ранці мéнша дочкá моя у мóрі купáлась...«..

Но тутъ ребенокъ проснулся и началъ плакать. Видно, ему было холодно. Дідъ приказалъ дочери, которая всё только грѣлась у печи, укрыть его потеплѣе и опять принялся колыхать люльку. Ребенокъ успокоился и уснулъ. Онъ чувствовалъ, что сонъ — лучшее благо въ его пасмурно начинающейся жизни.

»Да, у васъ сёгóдні хóлодно!« сказалъ я, ходя по хатѣ.

»А нá що жъ ви скинули кожýхъ?« отвѣчала дідова дочь.

Котенокъ жался очень печально около теплой золы на припечкѣ.

»Якé въ васъ кошенá худé!« сказалъ я.

»А чогó ёмý буть гладкóку, коли у насъ у самихъ нічого істи?« сказала молодица.

Дідъ молча ворочался на печи и потомъ обратился ко мнѣ: »Ну, яке́ ви мині дасте́ награжде̇ние, добро́дію?«

»А яке́ жъ! гро̇шей да̇мъ.«

»Отъ за те скажу̇ спасиібі!... гро̇шей... я бу̇ду дякувать за се... Мині о̇тъ що тре́ба: коли̇ бъ ви дали мині гро̇шей на ха́ту, я бъ вамъ дя̇кувавъ да и на тімъ би світі моли́вся Бо́гу, щобъ не оста́вивъ васъ.«

»А бага̇то тре́ба на ха́ту?« спросилъ я.

»Чоти́ри до̇шки!« отвѣчалъ дідъ, а его дочь прибавила: »Се вони́ гово́рять на труну̇, зна́чить.«

»Хиба́ жъ у васъ нема́е гро́шей и на труну̇?«

»Нема́е, па́не!«

Я молчалъ. Дідъ то-же молчалъ.

»Ми сёго́дні ви́топили для васъ до̇бре«, начала опять молодица; »ато́, ба́чте, ажъ черезъ два дні вари́ли. Імо́ сами́й хлібъ; нема́е й со́ли; нічого й варі́ть; а купи́ть ні за що.«

Я всё молчу. Дідъ потихоньку вздыхаетъ на печи.

»Нічъ не спишъ«, продолжала молодица, »а тутъ ице̇ й воно̇ мале́ незду̇жае, да такъ, що не дасть и одпочи́ть. Коли́бъ хоть ба̇тько...«

»А ба́тько жъ де̇?«

»У москалі оддали́.«

»Якъ зароби́въ, такъ неха́й и одвіча̇«, сказалъ вздохнувши дідъ. »Я ёму̇ гово́ри́въ: *Не ру̇шъ чужо́го!*... Отъ тепе́ръ черезъ ёго́ да й ми опобива̇емось.«

И опять замолчалъ вздохнувши. Теперь я понялъ всю исторію семейства, въ которомъ отъ бѣдности рождалось безпутство, а отъ безпутства бѣдность. И надобно сказать, что такихъ семействъ слишкомъ, слишкомъ много встрѣчалъ я въ такъ называемой *блаженной* Малороссіи!

Дідъ, какъ видно, въ старости покаялся и старался быть нравственнымъ, какъ только его научили въ молодости.

»Сёго́дні свята́ пятниця«, сказалъ онъ, »а я вірую въ Бо́га милосе́рдного (тутъ онъ началъ смотрѣть на образа и креститъ-

ся), піст держу́, по̀стую. Сёго́дні до самісінького вѐчора нічо́го не імъ.«

»Діду!« сказалъ я, »ско́ро пора́ мині итѝ обідать; такъ колибъ ти вже кончѝвъ ка́зку!«

»Эгѐ, добро́дію! не ско́нчимо до обідъ!«

»А ти жъ учо́ра ду́мавъ за вѐчіръ ско́нчить!«

»Ду́мавъ, а мо́же й ні. У мене́ такі казки́ е, що одниі за́ нічъ не переслу́хаешъ.«

»А все такѝ кажѝ; я бу́ду писа̀ть.«

»Да й пишіть же... Що̀ бакъ ми тамъ каза́ли?... Эге́, эге? зна́ю.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Сёго́дні въ-ра́нці ме́нша дочка́ моя́ у мо́рі купа̀лась и впустѝла пѐрстень у во́ду; шука̀ла-шука̀ла — не знайшла́. Якъ знайдешъ за́втра да принесѐшъ, по́ки сіда́ть обідать, такъ бу́дешъ живъ, а не зна́йдешъ, такъ тутъ вамъ и капу́тъ.«

Князь идѐ до своіхъ да й пла̀че. Ива́нъ Го́ликъ поба̀чивъ ёго́ да й пита̀е: »А чого́, князю, пла̀чешъ?«

»Оттака́ й така̀«, ка́же, »напа́сть.«

Ива́нъ Го́ликъ и говорить: »Брѐше змій: вінъ са̀мъ у дочкѝ пѐрстень узя́въ и сёго́дні ра́но по-надъ мо́ремъ літа́въ и пѐрстень укѝнувъ. Лягай спа̀ть. Я за́втра піиду́ до мо́ря, чи не доста́ну.«

Наза́втра въ-ра́нці прихо́дить Ива́нъ Го́ликъ до мо́ря, якъ крикне багатѝрськимъ го́лосомъ, молоде́цькимъ по̀свистомъ, дакъ такъ усе́ мо́ре й забушова̀ло. Тіі дві щу́ки приплилѝ до бе́рега, що вінъ укѝнувъ, и ка́жуть: »На́ що ти насъ, Ива́не Го́лику, клѝчешъ?«

»Якъ мині васъ не клѝкать? Змій сёго́дні ра́но по-надъ мо́ремъ літа̀въ и вкѝнувъ пѐрстень. Шука́йте всюди. Якъ зна́йдете, такъ бу́ду я живъ: а не зна́йдете, такъ змій изгу́бить мене́ зъ світу.«

Вонѝ й поплилѝ и дѐ вже не вѝплавали по́ морю, дѐ вже не шука̀ли? нема́! Поплилѝ до своеі ма̀тері и ка́жуть, що оттаке́ и

такѐ го́ре. Ма́ти й ка́же імъ: »Пе́рстень той у менѐ. Жаль мині ёго́, а васъ ищѐ жальнійше.« Да й ви́кинула зъ се́бе пе́рстень. Вони́ приплили́ до Іва́на Го́лика и ка́жуть: »Отъ же тобі й наша одслу́га. Наси́лу знайшли́.«

Іва́нъ Го́ликъ тимъ двомъ щу́камъ подя́кувавъ и пішо́въ. Прихо́дить, ажъ князь изно̀въ пла́че, бо змій ажъ двійчи присила̀въ за нимъ, а пе́рсня нема̀. Якъ поба́чивъ Іва́на Го́лика, дакъ такъ и підско̀чивъ: »Ащо̀, пе́рстень е̇?«

»Есть«, ка́же. »Отъ же змій и са̀мъ иде́.«

»Неха̀й тепе́ръ иде́!«

Змій на порігъ, а князь и собі, и вда́рились лоба̀ми. Змій серди́тий. »А що̀, пе́рстень е?«

»Отъ вінъ! тілько не одда̀мъ тобі, а одда́мъ тому̀, у кого́ ти взя̀въ.«

Змій осміхну̀всь и ка́же: »До́бре! ходімъ же обідать, бо въ менѐ есть го̀сті и давно̀ тебе́ дожида̀емось.«

Пішли́. Князь ухо́дить у буди̇нокъ, коли́ зміівъ сиди́ть одина̀дцать. Вінъ дава́й изъ ними здоро̀вкатьця. Тоді підійшо̀въ до до̀чокъ, ви́нявъ пѐрстень и ка́же: »Кото̀рої пе́рстень?«

Ме́нша покрасніла й ка́же: »Мій.«

»Коли́ твій, такъ возьми́, бо я все мо̀ре ви̇бродивъ, ёго́ шука́ючи.«

Всі засмія̀лись, а ме́нша подя̀кувала.

И пішли́ усі обідать. За обідомъ, при гостя̀хъ, змій и ка̇же: »Ну, князь, пообідавши спочи̇немъ, а тоді прихо̀дь. У менѐ есть лукъ у сто пудъ. Якъ ви̇стрелишъ при всіхъ оціхъ гостя̀хъ, такъ одда̀мъ дочку́.«

Пообідавши пішли́ усі оддиха̀ть; а князь скорій до Іва́на Го́лика и го̇во̀рить ёму̀: »Оттепѐръ пропа́ли: така̀ й така̀ річъ!«

»Дурни́ця!« ка́же Іва̀нъ Го́ликъ. »Якъ принесу́ть той лукъ, такъ ти подиви̇сь на ёго̀ и скажи̇ змію, що »я сімъ лу̇комъ не хо̀чу срами̇тьця и що въ менѐ всякий слуга̀ изъ ёго̀ ви̇стрелить«;

да звелй мене поклйкать. Я вйстрелю такъ, що вже більшъ нікому не загадають стрелять.«

Князь, поговорйвши зъ нимъ, пішовъ до змія. У будйнкахъ изъ дочками й гуляе. Колй се — нескоро змій виходить изъ гостьмй, и за нимъ несуть лукъ и стрілу у пятьдесятъ пудъ. Князь, якъ глянувъ, изъ разу злякався. Винесли той лукъ на двіръ, и всі повиходили. Князь кругомъ лука обійшовъ да й каже: »Я сімъ лукомъ не хочу й срамйтьця, а позову кого-небудь изъ своіхъ слугъ, то кожний зъ ёго вйстрелить.«

Тутъ зміі одйнъ на одного зглянулись и кажуть: »А ну, ну, нехай попробуе.«

Князь и закричавъ: »Пошліть мині Ивана Голика!«

Той приходить. Князь и каже: »Візьмй оцей лукъ да вйстрели.«

Иванъ Голикъ лукъ піднявъ, стрілу заложйвъ; якъ вйстреливъ, такъ шматокъ у двадцять пудъ и одломйвсь одъ лука. Князь тоді стоя й каже: »Отъ бачите? якъ-бй оце я вйстреливъ, такъ ви бъ мене й острамили.«

Иванъ Голикъ тоді пішовъ до своіхъ, застромйвши шматокъ лука за голянйщу; а князь изъ зміівнами у будйнокъ. Зміі жъ зостались на дворі и все радились, що бъ ёму ще загадать зробйть. Порадившись и пішлй у будйнокъ. Змій увійшовши щось шепнувъ меншій дочці на ухо. Вона пішла, а вінъ за нею. Тамъ довго говорили; потімъ виходять; змій и каже: »Сёгодні вже нерано; нехай завтра въ-ранці. У мене есть кінь за дванадцятьма дверйма; то якъ поіздишъ на ёму, такъ оддамъ дочку.«

Отъ погуляли до вечора, поросходились спать; князь приходить и роскязуе Голику. Той вйслухавши й каже князеві: »А ти думаешъ, на що я взявъ той шматокъ лука? я вже знавъ, що се буде. Якъ же підведуть тобі коня, то ти подивись на ёго да й скажй: »»Не хочу я на сёму коню іздить, щобъ не острамйтьця »такъ якъ лукомъ, а нехай поіде мій слуга.«« А то не кінь буде, а ёго менша дочка. Ти на еі й не сядешъ, а я еі добре провчу.«

Отъ устали въ-ранці. Приходить князь у будйнокъ, поздо-

рóвкався зо всіми, дйвитця — одинáдцятеро дóчокъ, а дванáдцятоі немá. Змій уставъ и говóрить: »Ну, князю, ходімо на двіръ, бо скóро вйведуть коня; бýдемъ дивйтьця, якъ вестймуть.«

Повихóдили усі, дйвлятця, ажъ ведýть коня двóе зміівъ, и то зъ велйкою сйлою дéржать, — такъ іхъ обóхъ на голові й нóсить. Привелй передъ рундýкъ; князь обійшóвъ кругóмъ, подививсь да й кáже: »Щó жъ ви говорйли, що коня приведетé? а тепéръ привелй кобилйцю. На сій кобилйці я іздить не хóчу, щобъ не острамйтьця, такъ якъ учóра лýкомъ; а позвý своró слугý, нехáй вінъ поіде.«

Змій кáже: »Дóбре! нехáй поіде.«

Князь позвáвъ Ивáна Гóлика и прикáзуе ёмý: »Сідáй на сю кобилйцю да прогуляйся.«

Ивáнъ Гóликъ якъ сівъ; зміі кобилйцю й пустйли. Якъ понеслá жъ вонá ёгó, то ажъ підъ хмáру; а відти спустйлась и вдáрилась объ зéмлю, такъ що ажъ земля застогнáла. А Йванъ Гóликъ тòді якъ вйньме зъ-за халяви двадцятипудóвий кусóкъ лýка и давáй ei чйстить. Вона схопйлась и понеслá ёгó всюди, а вінъ ei все бье проміжъ ýши. Отъ носйла ёгó, носйла, дáлі бáчить, що нічóго не зрóбить, давáй просйтьця: »Ивáне Гóлику, не бий менé; загáдуй мині, що хóчешъ; усé для тебé зроблю.«

»Мині«, кáже, »нічóго робйть не трéба, а тілько якъ приду я до князя, то щобъ ти колó ёгó впáла и нóги простяглá.«

Вонá дýмала-дýмала. »Ну, нічого«, кáже, »съ тобóю робйть.«

И понеслá ёгó по-надъ дéревомъ, колó князя спустйлась, на зéмлю впáла и нóги одкидала.

Князь и говóрить: »Бáчте, якйй сóромъ! А ви хотіли, щобъ я на сій кобилйці іхавъ.«

Змію стйдно стáло передъ імъ, да робйть було нічого. Походйли пó саду и пішлй обідать. Колй й мéнша дочкá іхъ зостріла, давáй здорòвкатьця. Князь дйвитця на ei, такъ тò хорóша булá, а тепéръ ищé лýчча стáла. Посідáли обідать, змій и кáже: »Ну, князю, ужé жъ після обідъ вйведу я своіхъ дó-

чокъ на двіръ. Якъ пізнáєшъ, де мéнша, такъ тоді и весілля бýдемъ гулять.«

Після обідъ змій повівъ своіхъ дóчокъ одягáть, а князь пішóвъ до Ивáна Гóлика на порáду, щó ёмý робить.

»А óтъ що«, кáже. Зáразъ засвистáвъ — комáръ и прилетівъ. Вінъ ёмý росказáвъ усю пригóду. Комáръ и кáже: »Тѝ намъ ставъ у пригóді, и я тобі стáну. Якъ вѝведе змій іхъ на двіръ, то нехáй князь дѝвитця — я бýду літáть надъ еі головóю. Нехáй обійде іхъ кругóмъ одѝнъ разъ — я бýду літать, и другий разъ обійде — я літáтиму, а трéтій разъ якъ бýде обіхóдить, то я сяду у еі на нóсі и вонá не втéрпить могó кусáння, махнé правóю рукóю.«

Се сказáвши, комáръ полетівъ у будѝнокъ. Колѝ присилáє змій за князéмъ. Князь прихóдить, колѝ тамъ стоять усі дванáдцять дóчокъ, и на іхъ усé однáкове, якъ лицé, якъ кóси, якъ плáття. Вінъ на іхъ дивѝвсь-дивѝвсь — ніякъ не пізнáє: зовсімъ не ті панночкѝ стáли, що булѝ. Отъ вінъ у пéрвий разъ обійшóвъ — не побáчивъ комарá; другий разъ почáвъ обхóдить, колѝ сè — літá надъ головóю. Вінъ ужé й очéй не спускá зъ тогó комарá. Якъ почáвъ трéтій разъ обхóдить, той комáръ на нóсі у еі сівъ и давáй кусáть. Вонá рукóю мáхъ! а князь за еі: »Оцè моя!« и привівъ еі до змія.

Змій — нікуди дітьця: »Колѝ пізнáвъ«, кáже, »свою молодý, такъ сёгóдні зáчнемо й весілля гулять.«

Почалóсь весілля. Повінчáли іхъ у-вéчері. Тутъ гуляли, изъ пýшокъ стреляли и чогó не робѝли? Ужé отъ скóро спáть вестѝ. Тоді Ивáнъ Гóликъ одозвáвъ князя да й кáже: »Ну, князю, глядѝ жъ, щобъ зáвтра намъ и додóму іхать, бо тутъ намъ добрá не мѝслять. Да ще слýхай: прошý я тебé, не доймáй жінці віри до семѝ гóдъ; хоть якъ вонá бýде до тебé лéститьця, а ти ій усії прáвди не кажѝ; а тó якъ роскáжешъ, то й ти, и я пропадемó.« ....

Дідъ говорилъ въ этотъ разъ слишкомъ долго и съ большимъ увлеченіемъ. Я то-же усталъ писать, да ужъ пора была и объ-

дать. Мы разстались до слѣдующаго утра, потому что вечеръ былъ опредѣленъ у меня для другого дѣла.

Идучи къ діду утромъ по узкой тропинкѣ, между пушистыхъ рядовъ лиціи, я встрѣтился съ человѣкомъ, который несъ деревянный крестъ, завернутый въ черную ризу. Я вообразилъ себѣ сцену убогихъ похоронъ на холодѣ. Грустно! зимою какъ-то особенно грустны похороны... Прихожу къ своему пріятелю, неслѣзающему съ печи: »Ну, що, діду? якъ тобі? лéгше?«

»Ужé мині, добрóдію, не полéгшае, ні пóгіршае. А ви, спаси́бі Бóгу, якъ спочивáли?«

Во время нашего размѣна учтивостями, маленькой внучекъ, лежа подлѣ діда на печи, шалилъ и кликалъ безпрестанно: »Діду! діду́!«

»Чогó?.. Мовчи́!« говорилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ дідъ. »Да сёгóдні, здаéтця, и на двóрі теплі́йше, благодари́ть лáски небéсноі. Я, добрóдію, казáвъ дочці, щобъ дóбре ви́топила, щобъ, якъ панъ при́де, то щобъ тéпло було́ писáть. И хліба напекли́ сёгóдні.«

»Діду!« лепеталъ внучекъ, »о діду! діду́! що дя́дя?«

»Дя́дя?. . да цить!«

Угомонить однакожъ ребенка было мудрено. Онъ чувствовалъ себя сегодня, какъ видно, лучше, или радовался, что дідъ взялъ его къ себѣ на печь, и потому безпрестанно проказничалъ и надоѣдалъ старику. Не обращая на него вниманія, мы снова принялись за сказку объ Иванѣ Гóликѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Не доймáй«, кáже, »жінці віри до семи́ гóдъ; хоть якъ вонá бу́де до тебé лéститьця, а ти ій усіі прáвди не кажи́; а якъ роскáжешъ, то й сáмъ пропадéшъ и я́ пропаду́ съ тобóю.«

Той кáже: »Дóбре, не бу́ду доймáть жінці віри.«

Отъ на дру́гий день поодігáлись молоді и повихóдили до змі-

івъ. Тутъ князь давáй просúть бáтька, щобъ íхать додóму. Змій и кáже: »Якъ мóжна такъ скóро іхать!«

»Ужé жъ якъ собі хóчете, а я поіду сёгóдні додóму.«

Отъ пообідавши узялú молодý, сіли й поіхали. Ну, приіхали у своé цáрство. Тоді вже князь дякувавъ Ивáну Гóлику за все рáзомъ и настановúвъ ёгó пéрвимъ своімъ совітникомъ. Якъ Ивáнъ Гóликъ скáже, такъ по всёму цáрству й діетця. А царь сидúть собі да й гáдки не мáе ні про щó.

Отъ живé молодúй князь изъ своéю жінкою годъ и дрýгий. На трéтій годъ прижилú вонú собі сúна. Молодúй князь утішáетця. Отъ одúнъ разъ узявъ сúна на рýки да й кáже. »Щò есть лýчче на світі, якъ мині оцé дитя?«

А княгúня, бáчивши, що князь такъ розніживсь, давáй ёгó цілувáть, да роспúтувать; згадáвши, якъ вінъ свáтався, що якъ вінъ усі еі бáтька прикáзи исполнявъ.

Князь и кáже: »Исполнявъ би я й дóсі твогó бáтька прикáзи на залізній пáлі, якъ-би не Ивáнъ Гóликъ. Се вінъ усé робúвъ, а не я.«

Тутъ вонá не показáла вúду, що розсéрдилась и зáразъ кудúсь вúйшла.

А Йванъ Гóликъ сидúть собі дóма да ні про що й не дбáе; колú й летúть до ёгó княгúня. Зáразъ вúйняла зъ-підъ полú рушнúкъ зъ золотúми кінцями да якъ махнè тимъ змíівськимъ рушникóмъ, такъ ёгó нá-двое й розрубáла: нóги остáлись тутъ, а тýловище зъ головóю изнеслó крúшу въ будúнку и впáло за сімъ вèрстъ одъ будúнка. Тоді упáвши и кáже: »Ахъ, ти проклятий синъ! не надіявсь я на тебé, щобъ ти признáвся! А ищé просúвъ, щобъ не доймáвъ жінці віри до семú годъ! Ну, тепéръ пропáвъ я, пропáвъ и ти!«

Піднявъ гóлову и сидúть у лісу. Колú сè — дúвитця: женé безрýкий чоловікъ зáйця...

»А щò, добрóдію?« вдругъ прервалъ свою сказку дідъ, »мóже бъ погрітьця трóхи!«

»Якъ погрітьця?«

»Бáчте, сёгóдні святá субóта...«

»Дóбре, нехáй збігае за горілкою.«

Дідова дочка не заставила просить себя объ этой услугѣ и въ одну минуту изчезла съ бутылкой подъ мышкой.

»Охъ, колú-бъ то я бувъ письмéнний!« говорилъ дідъ вздыхая. »А щò, пáне? отъ ви письмéнні: чи ви мòжете такъ росказáть на пáмять?«

»Ні, не росказáвъ би.«

»Эге!... Я, добрóдію, двáдцять-пять літъ прожúвъ на худóбі. Тілько гледівъ да прикáзувавъ, тó-що. Такъ я булó щò ні почýю, щò ні побáчу, усè на пáмять роблю. Э, тутъ булá колúсь *голóвушка!*« прибавилъ онъ, хлопнувъ себя ладонью по лбу.

»А щò, діду? мóже, знòвъ казáвъ би кáзку?«

»Да й казáвъ би, колú-бъ не оцé пискля! Бáчъ, якъ за мáтірью росплáкалось! нáче пáнська дитúна. Хтò съ тобòю бýде тутъ нянчитьця?«

И дідъ уложилъ внучка въ колыску и началъ его укачивать. Но ребенокъ продолжалъ свою докучливую пѣсню.

»Цить же! цить! кажý«, говорилъ сердито дідъ. »Онъ вòвкъ идè! Вòвче, вóвче, идú ззіжъ хлóпця!«

Ребенокъ вдругъ замолчалъ, и въ хатѣ раздавался только скрипъ колыски да моего пера по бумагѣ.

»Ну, діду!«

»Да й ну жъ! пишіть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

.... Жене́ безрýкий чоловікъ зáйця. Отъ, отъ, тілько що не нажене́! и жене́ якъ разъ на Йвáна Гóлика. Той зáець добігáе — Ивáнъ Гóликъ и вхопúвъ. Отъ и завелúсь бúтьця. Той кáже: »Мій зáець!« а той кáже: »Мій!« Бúлись-бúлись, такъ ні той томý, ні той томý нічóго не зрóбить. Безрýкий и кáже: Гóді намъ битьця, а вúвернімъ дýба, и хто дальшъ кúне, тогó бýде зáець.«

Безнóгий кáже: »Дóбре!«

Отъ безрýкий підкотѝвъ безнóгого до дýба; той вѝвернувъ и дâвъ безрýкому. Безрýкий лігъ да якъ кѝнувъ ногáми, такъ за три версті дубъ упâвъ. А безнóгий якъ кѝнувъ, такъ за сімъ вѐрстъ упавъ. Тоді безрýкий и кáже: »Берѝ зáйця и будь мині стáршимъ брâтомъ.«

Отъ побратáлись, изробѝли возóкъ, причепѝли вірóвку и, якъ кудѝ трѐба, то безрýкий запряжѐтця да безнóгого й вóзить. Отъ разъ и поіхали у якийсь гóродъ, де царь живé, до цѐркви, и постáвивъ безрýкий колó старцівъ безнóгого на возкý. Стоять и дожидáють. Колѝ сè — кáжуть, що царівна ідè. Доіждже до іхъ и кâже своій хрéлівні: »Подáй оцімъ калікамъ оці грóши.«

Вонá хотіла вихóдить подâть, а безнóгий и кáже: Якъ би то, вáше добродійство, ви намъ своіми рукâми мѝлостиню подалѝ.«

Отъ вонá узялà у хрéлівни грóши и дає безнóгому. А вінъ еі й питáе: »Скажіть мині«, кáже, »чогó ви, не во гнівъ вамъ, на видý такі жóвті?«

Вонá кáже: »Такъ мині Бóгъ давъ!« да и здихнýла.

»Ні«, кáже, »я знàю, чогó ви такі жóвті. Я«, кáже, »мóгъ би зробѝть, щобъ ви булѝ такі, якъ вамъ Богъ давъ.«

Колѝ на сю розмóву надъіждже царь. Зáразъ и вхопѝвсь за те слóво. Отъ тогó безнóгого да безрýкого изъ возкóмъ у будѝнокъ: »Робѝ, що знáешъ!«

А вінъ кáже: »Щó жъ, цáрю! нехáй царівна призна́етця по прâвді, чогó вонá такá погâна стáла.«

Тоді бáтько до дочкѝ. Вонá й признàлась. »Такъ и тâкъ«, кáже: »до менé літáе змій и зъ менé крòвъ тягне изъ грудéй.«

Братѝ й питáють: »А колѝ вінъ літáе?«

»Сáме перéдъ світомъ, якъ усі сторожі поснýть, такъ вінъ до менé черезъ кóмінъ и влетѝть. А якъ хто ввійде да не вспіе вѝлетіть, то підъ подушкáми й лежѝть.«

»Постóй же«, кáже безнóгий, »ми въ сінечкахъ притаімóсь, а ти, царівно, кахѝкни, якъ вінъ прилетѝть.«

Отъ притаілись вонѝ въ сінечкахъ. Колѝ жъ, тілько, що стóрожъ переставъ стýкать у стукáчку, щось нáче ѝскрами підъ стрі-

хою засвітило. Царівна тоді *кахѝ!* Вонѝ до еі; а зміяка й заховàвсь підъ подушкѝ. Отъ царівна схопѝлась изъ постéлі, а безрýкий лігъ на землі да безнóгого й кѝнувъ ногàми на подушкѝ. Безнóгий якъ піймàвъ у рýки тогó змія, давàй у-двóхъ душѝть. Той змій и прóситця: »Пустіть менé! не бýду нікóли літàть и десятому закажý.«

Безнóгий и кàже: »Ні, сёгó мàло, а понесѝ насъ тудѝ, де есть цілюща водà, щобъ у менé булѝ нóги, а у брáта рýки.«

Змій и кàже: »Берітця за менé, понесý, тілько не мýчте менé.«

Отъ и вхопѝлись за ёгó безрýкий ногàми, а безнóгий рукàми. Той змій якъ полетівъ изъ нѝми; прилітàе до кринѝці и кàже: »Оцé цілюща водá!«

Безрýкий такъ и хотівъ тудѝ вскóчить; а безнóгий кричѝть на ёгó: »Постóй, брáте. Ось подéржъ ногàми змія, а я встромлю въ кринѝцю сухý пàличку; тоді побáчимо, чи цілюща водá.«

Устромѝвъ, такъ пóки булó въ воді, пóти й одгоріло. Якъ узялѝсь же тоді за тогó змія! давàй ёгó душѝть. Бѝли ёгó, бѝли! Вінъ и давàй просѝтьця, що »не бийте: тутъ е недалéко и цілюща водá.« Повівъ до дрýгоі кринѝці. Вонѝ тамъ устромѝли сухý пàличку, такъ зàразъ и роспýкуватьця стáла. Тоді безрýкий ускóчивъ, и вѝскочивъ відти зъ рукàми. И безнóгий ускóчивъ, и вѝскочивъ зъ ногàми. Тоді змія пустѝли и звеліли, щобъ більшъ не літàвъ до царівни; а самѝ подякували одѝнъ одномý за те, що дрýжно жилѝ, и роспрощàлись.

Ивáнъ Гóликъ пішóвъ изнóвъ до своги брáта, до князя: щó зъ нимъ зробѝла княгѝня? Прихóдить підъ те цáрство, колѝ бáчить — недалéко одъ дорóги пасé свинáръ свѝні; свѝні пасé, а самъ сидѝть на могѝлі. Вінъ и подýмавъ: »А піидý оттогó свинаря роспитáю, якъ тутъ у іхъ діетця?«

Прихóдить до свинаря, дѝвитця ёмý въ вічи и пізнае своги брáта. А той дѝвитця, и пізнáвъ Ивáна Гóлика. Дóвго дивѝлись одѝнъ одномý въ вічи; ні той, ні дрýгий нічóго не кàжуть. Ивáнъ Гóликъ опамятовàвся да й кàже: »Се ти, князю, свѝні пасéшъ!... И стóішъ тогó!... А я жъ тобі казàвъ, що не доймàй жінці віри до семѝ годъ!«

Князь упа́въ ёму́ въ но́ги да й ка́же: »Іва́не Го́лику! прости́ мене́ и поми́луй!«

Отъ Іва́нъ Го́ликъ підня́въ ёго́ підъ ру́ки да й ка́же: »До́бре, що ти ще живи́й на світі оста́вся. Тепе́ръ щѐ поца́рствуешъ тро́хи.«

Князь ставъ пита́ть ві Йва́на Го́лика, якъ вінъ добу́въ собі но́ги, бо жі́нка ёму́ пока̀зувала, якъ перерубáла.

Отъ Іва́нъ Го́ликъ тоді вже й призна̀всь ёму́, що вінъ ёго́ ме́нший братъ и росказа́въ ёму́ усю́ свою́ жизнь. Ну, обняли́сь, поцілува̀лись. Князь тоді й ка́же: »Пора́ жъ, бра́те, свині гнать додо́му, бо княги́ня ско́ро ча́й пи́тиме.«

Іва́нъ Го́ликъ и ка́же: »Такъ поженімъ же въ-дво̀хъ.«

А князь ка́же: »Да тутъ, бра́те, біда̀! Отта́ проклята свиня́, що пе́редъ веде́, якъ тілько дійде до ворітъ, — на воро́тяхъ ста̀не, якъ уко́пана, и по́ки трічи.... не поцілу́ешъ, то не пі́йде зъ місця.«...

Трогательное повѣствованіе діда прервано было возвращеніемъ его дочери съ горілкою.

»Отъ мині у шинку́ щѧстя случи́лось!« сказала она намъ.

»Яке́?« спросилъ равнодушно дідъ.

»Яки́йсь ку́черъ чорня́вий даѐ мині бума́жку....«

»На́ що? яку́?«

»Хто ёго́ зна̀е, на́ що! Да въ шинку́ було́ людей багáто, такъ я не схотіла.«

Дідъ налилъ чарку: »Вамъ на здоро̀вья! Спаси́бі вамъ и Бо́гу милосе́рдному! Хай вамъ Богъ помага́! хай васъ Богъ не оста́вить и пресвята́ Богоро́диця на тому́ світі!«

Тутъ ударили въ колоколъ, и отъ церкви понесся глухой звонъ.

»Отта̀къ-то Мари́нчина сестра́!« сказала молодица.

»А що̀?« спросилъ дідъ.

»Уме́рла!«

»Го́споди спаси́ еі!« сказалъ дідъ и перекрестился, глядя на образа.

»Такъ прино́сили до Дома́хи дити́ну; каза́ли, щобъ годува́ла.«

»До якоі се Дома́хи?«

»А до Сидоре́нковоі. Тро́е діто́къ у ма́тери на рука́хъ зоста́лось; ме́ншенькому вісім̀ неділь. Не зна́ють, куди́ ёго́ й діва́ть. А въ ту зіму, ось якъ разъ рікъ, уме́рла еі сестра́ Мари́нка.«

Дідъ посмотрѣлъ на дочь и припоминалъ, какая это Маринка. Колокола печально гудѣли.

»Да та, що жила́ недале́ко одъ попа́, що була́ у дворі... Ну, що у це́ркві нечи́ста си́ла ззіла!«

»Э, э, э!... зна́ю!«

»Ну, то̀-то жъ.«

»Якъ же се еі нечи́ста си́ла ззіла?« вмѣшался я въ разговоръ.

»Да отъ ба́чте, добро́дію«, отвѣчалъ дідъ: »якъ положи́ли іі въ домови́ну, да такъ гарне́нько и одягли́; а управля́ющий, Німець, прийшо́въ... ба́чте, вінъ изъ не́ю живъ... да й ка́же: »На́ що еі одягли́ у мужи́цьке пла̀тте?« да й звелівъ еі зно́ву роздягти́; и почали́ еі зновъ одяга́ть уже́ въ тѐе... у па̀нське; да ніякъ не мо́жна: ру́ки якъ де́рево; вже захоло́ли, якъ поліно. Такъ вони́ оде́жу пороспо́рували да сякъ-такъ и одягли́. Однесли́ въ це́ркву и поста́вили. У-ра́нці прихо́дять у це́ркву люде, а въ еі нема́ ні но́са, ні губъ, и но́ги поіли ми́ши. Отъ люде и загомоніли на попа́. А піпъ и ка́же: »»Я сёму́ не причи́на, бо се ій такъ »Богъ давъ за тѐ, що вона́ да изъ недовіркомъ зна̀лась.«« Такъ отта́къ-то!.... На чому́ жъ ми тамъ застря́ли?.... Эге́! пишіть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

....»Тутъ«, ка́же, »бра́те, біда́! Отта́ проклята свиня́, що пе́редъ веде́, якъ тілько ді́йде до ворітъ, — на воро́тяхъ ста̀ла якъ уко́пана, и по́ки трічи ..... не поцілу̀ешъ, то не пі́йде зъ місця. А княги́ня изъ зміями ча̀й на рундуці пъе, на се ди́витця и сміе́тця.«

Ива́нъ Го́ликъ и ка́же: »Такъ тобі й трѐба! Ну, вже жъ сёго́дні цілу̀й, а за́втра не бу́дешъ.«

Пригна́ли сви́ні до ворітъ. Ива́нъ Го́ликъ ди́витця, ажъ та́къ: пъе княги́ня ча́й на рундуці и зъ не́ю сиди́ть шість зміївъ. Та прокля́та свиня́ на воро́тяхъ ста́ла, но́ги розста́вила и не йде въ двіръ. А княги́ня ди́витця да й ка́же: »Онъ, уже́ мій ду́рень сви́ні пригна́въ и бу́де свиню́..... цілува́ть.«

Той бідний нахили́вся, трічи поцілува́въ ....., тоді свиня́ и пішла́ въ двіръ ро́хкаючи. А княги́ня ка́же: »Ось подивітця, ищé десь и підпа́сича собі взявъ.«

Отъ князь зъ Ива́номъ Го́ликомъ сви́ні у хлівъ загна́ли. Тоді Йванъ Го́ликъ и ка́же: »Візьми́ жъ, бра́те, у клюшника конопе́ль два́дцять пудъ и смоли́ два́дцять пудъ да й принесе́шъ до ме́не въ садъ.«

А князь ка́же: »Такъ не донесу́.«

А Йванъ Го́ликъ: »Да йди проси́; мо́же, ще й не да́сть.«

Отъ князь пішо́въ до клюшника, ставъ проси́ть. Той до́вго на его́ диви́вся, а да́лі й ка́же: »Да робить нічого зъ ва́ми, тре́ба да́ть.«

Одимкну́въ вінба́ръ. Ива́нъ Го́ликъ одва́живъ два́дцять пудо́въ конопе́ль и два́дцять пудо́въ смоли́, въ одну́ ру́ку взявъ коно́плі, а въ дру́гу смо́лу и пішли́. А клюшнику сказа́ли, щобъ ніко́му не каза́въ.

Якъ узя́въ Ива́нъ Го́ликъ плести́ пу́гу: оди́нъ пудъ ви́плете конопе́ль, а пу́домъ смоли́ усмолить, и ви́плівъ до пів-но́чи у со́рокъ пудъ пу́гу. Тоді й лігъ спать. А князь давно́ вже спить на соло́мі, коло́ хліва́.

У-ра́нці ра́но повстава́ли и дава́й ему́ Ива́нъ Го́ликъ каза́ть: »Ну, до сёго́дняшнёго дня бувъ ти свинаре́мъ, а сёго́дні ти бу́дешъ изно́въ княземъ. А ходімъ поженемо́ сви́ні въ по́ле.«

Князь: »Ні, ще, ма́буть, княги́ня не ви́йшла на рунду́къ ча́ю пить; а мині тре́ба гнать тоді, якъ ви́йде на рунду́къ да ся́де изъ зміями ча́й пить, щобъ вона́ ба́чила, якъ я буду свиню́ ...... цілува́ть.« ......

Тутъ дідъ началъ ёрзаться и кряхтѣть на печи. Я испугался: не подѣйствовала ли на него вредно во́дка. Ммѣ очень хотѣлось

дописать сказку, которая видимо склонялась къ концу. Но кряхтѣнье діда выражало только его нежеланіе слѣзать съ печи. Это былъ для него подвигъ слишкомъ трудный. Скоро однакожъ онъ собрался съ силами, спустился съ печи, какъ-будто съ какого ужаснаго утеса, надѣлъ черевыки и вышелъ изъ хаты.

Дочь его укачивала ребенка, который стоналъ въ колыскѣ всё тише и тише, наконецъ смолкнулъ.

»Чи въ дворі нема́ въ васъ ніко́го зъ гостéй?« спросила меня она.

»Ні, нема́.«

»Мині якиíсь ку́черъ, чи Богъ ёго́ зна, ка́же: »»Що́ ти за молоди́ця? де твій чоловікъ?«« Хи, хи, хи! А я кажу́: »»Нема́ въ менé чоловіка: я моско́вка.««

Прошло съ минуту молчанія.

»Дідъ пішо́въ люльку тягну́ть«, продолжала она.

Я всё молчу.

Чéрезъ нѣсколько минутъ дідъ воротился: »Отъ не бага́то й доказа́ть, да не доказа́въ. Ну, пишіть же; за́разъ скóнчу.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

»....щобъ вона́«, ка́же, »ба́чила, якъ я бу́ду свиню́...... цілува́ть.«

Ива́нъ Го́ликъ и ка́же ёму́: »Ужé жъ, якъ бу́демъ гнать, то ти не цілу́й, а поцілу́ю я.«

А князь ка́же: »До́бре!«

Отъ прийшла́ пора́ гнать. Княги́ня вийшла, ча́й пье. Вони́ повиганя́ли изъ хліва́ свинéй и женýть у-двóхъ. Тілько що догна́ли до ворітъ, — свиня́ на воро́тяхъ ста́ла и стоіть. Княги́ня изъ зміями дивитця, а Йванъ Го́ликъ якъ роспу́стить пу́гу, якъ уда́рить ту́ю свиню́, такъ и кістки́ розсипались. Тиі зміі тоді куди́ хто втра́пивъ. А вона́, кля́та, й не злякáлась, да ёго́ за чу́ба. Такъ вінъ тоді еі за коси, да якъ узя́въ стіба́ть, да по́ти, по́ки вона́ не зду́жала й по́ світу ходить. Оттоді вже вона́ покинула своі змі-

івські норови́ да й почала́ хороше́ жить изъ чоловікомъ. Живу́ть да постоло́мъ добро̀ во́зять. Поіхали въ лісъ, ви́рубали на ківшъ и одтялѝ на коре́ць; отъ и ка́зці кіне́ць. А якъ-бй воні́ изробѝли ківшъ, то щѐ бъ ка́зки було́ більшъ.

Судя по этимъ двумъ сказкамъ (продолжалъ г. Жемчужниковъ), у діда моего̀ только что развязался языкъ, да и самъ онъ хвалился мнѣ, что знаетъ сказокъ безъ числа. Я видѣлъ впереди длинный рядъ нашихъ свиданій и, вѣроятно, набралъ бы у него сказокъ на цѣлый томъ; но вдругъ мнѣ нужно было уѣхать изъ Л****. Я имѣлъ только время проститься съ дідомъ до новой встрѣчи. На другой день я ужъ скакалъ глухимъ проселкомъ къ почтовой дорогѣ, гдѣ долженъ былъ пересѣсть на перекладную и спѣшить въ Кіевъ. Лошади то и дѣло тонули въ снѣгу, по которому только что проложенъ былъ зимній путь, и мятель едва позволяла кучеру видѣть, куда мы ѣдемъ. Мы однакожъ удачно попали въ 'Яблуновку, откуда пошла дорога, болѣе торная. Въ 'Яблуновкѣ случилась на то время ярмарка, но мнѣ было не до нея: я искалъ теплаго шинка, въ которомъ бы намъ можно было обогрѣться и покормить лошадей. На бѣду, всѣ шинки были холодные отъ множества входящихъ и выходящихъ людей. Мы проѣхали еще нѣсколько верстъ степью, чтобъ отдалиться отъ ярмарочнаго многолюдства. Холодъ усилился больше прежняго, и я, только благодаря своей бараньей шапкѣ да тулупу, ничего себѣ не отморозилъ. Наконецъ мы подъѣхали къ шинку. Мятель гуляла кругомъ въ степи; хата была занесена снѣгомъ; съ крыши мело; дверь видна была изъ-подъ снѣгу только до половины, и къ ней вели съ дороги глубокіе слѣды ногъ. Кто-то, подобно мнѣ, только что скрылся въ этотъ пріютъ отъ мятели.

Шинокъ оказался теплымъ, и слухъ мой, послѣ унылаго завыванья вьюги, пріятно поразили веселые голоса людей, которые собрались здѣсь на обратномъ пути изъ ярмарки. На лавкахъ и подъ лавками видны были свѣжія покупки: горшки, мыски, ведра и решета. Когда я взошелъ, всѣ помирали со смѣху отъ какой-

то шутки, или разсказа одного изъ собесѣдниковъ, котораго тутъ же похваливали: »Ну, Феськó! уже такій не вйгадае!« и опять хохотъ.

»Тепéръ твоя чергá, Остáне!« говорили поселяне. »Тепéръ тобі трéба щось компоновáть. Колй засміемóсь, пий нáшу горілку; а ні — такъ сáмъ постáвишъ квáрту.«

»Ні, вже сёгó не бýде, щобъ стáрець наповáвъ мирянъ горілкою; а ви мині постáвите квáрту, такъ се вже пéвне. Роскажý вамъ такé, що йнші засміютця, а розумнійші, то, мóже, й посумýють. Чи ви чýли про бідного Кйрика?... То-то, що не чýли. Якъ бувъ я въ Кйеві, такъ переняв́ъ про ёгó пісню, чи кáзку одъ стáрця зъ Дймера. Есть за Дніпрóмъ селó Дймеръ.«

Еще не взглянувъ на того, кто говорилъ эти слова, я уже зналъ, что это говоритъ слѣпой: у слѣпыхъ особая интонація рѣчи, такъ что ихъ тотъ-часъ узнáешь. Остапъ былъ странствующій пѣвецъ, который тоже возвращался съ ярмарки. Онъ началъ шарить вокругъ себя и досталъ изъ-подъ свитки бандуру. Можно судить, какова была моя радость! Я пріютился подальше отъ толпы, окружавшей Остапа, раскупорилъ свою провизію, а вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ и записную книжку и, отвернувшись въ сторону, старался казаться совершенно равнодушнымъ къ тому, что̀ дѣлалось въ шинкѣ. Остапъ попробовалъ струны, настроилъ бандуру и минуты двѣ-три бралъ заунывные аккорды, какъ-будто пробѣгая въ памяти то, что̀ хотѣлъ пѣть.

»Бýду жъ я вамъ співáти«, сказалъ онъ наконецъ, »да, глядіть, мовчáть мині, не перебивáть. А хто не знáе чéсти, тогó взять за чýба да на двіръ вивéсти.«

БАЛЛАДА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ УНІИ (¹).

Щось-то стáлось на Волйні,
Въ Бобрýйськімъ повіті;

(¹) Складъ этой баллады совершенно новъ для собирателя памятниковъ Южно-Русской народной поэзіи: до сихъ поръ не открыто въ этомъ родѣ ничего

Таке́ чу́до изробилось,
Що й не було̀ въ свити.
Послу́хайте, люде добрі,
Щось ма́ю каза́ти...
Моя мо́ва хочъ не гла́дка,
Да не ста́ну бреха́ти.

Въ однімъ селі міждо бо́ромъ
Тече́ би́стра рі́чка.
Ой тамъ стоя́въ хре̇́стъ висо́кий,
А підъ нимъ капли́чка.
Ой тамъ стоя́въ двоpе́ць кра́сний,
А въ ёму́ роско́ши:

подобнаго. Всего замѣчательнѣе въ ней искусственные, какъ-бы уже литературные пріемы, съ которыми обрисованы разныя дѣйствующія лица и вся ихъ обстановка. Судя по нѣкоторымъ явно искаженнымъ и отрывочнымъ мѣстамъ, надобно думать, что въ первоначальномъ своемъ видѣ она была гораздо совершеннѣе по формѣ и полнѣе по содержанію. Въ ней представлено бѣдственное состояніе Греко-Русской Церкви во времена уніи, когда духовенство въ Южной Руси назначалось, мимо воли православныхъ епископовъ, по усмотрѣнію властей, непренебрегавшихъ никакими мѣрами для объединенія двухъ вѣроисповѣданій. Церкви въ приходахъ, отвергавшихъ унію, были закрыты; въ другихъ же мѣста приходскихъ священниковъ (уніятовъ) не рѣдко доставались людямъ недостойнымъ, которые, будучи *наемниками,* а не *пастырями*, естественно унижали себя въ глазахъ собственной паствы. Народъ покорялся силѣ вещей, но въ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ выражалъ свое презрѣніе къ этимъ орудіямъ Іезуитской факціи, которые смотрѣли на свою должность, какъ на средство къ обогащенію, будучи равнодушны къ нуждамъ и страданіямъ ближняго. Помѣщаемая здѣсь баллада изображаетъ красками, очевидно взятыми съ натуры, попа-уніята, продающаго прихожанамъ церковныя требы тѣмъ дороже, что они просятъ его исполнить ихъ *съ благочестіемъ,* т. е. по обрядамъ православной церкви. Постигнувшее его бѣдствіе выражаетъ иносказательно, убѣжденіе народа, что завистливая жадность къ деньгамъ господствовала въ этихъ людяхъ надъ всѣми другими чувствами и что, поставленные учить добру прихожанъ, они не имѣли въ сердцѣ своемъ никакого добра. Это одинъ изъ историческихъ документовъ, которые не горятъ въ огнѣ и не истребляются временемъ и которые рано или поздо пригодятся историку для уразумѣнія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ извѣстной странѣ и въ извѣстный историческій моментъ, — на перекоръ, можетъ быть, архивнымъ свидѣтельствамъ и печатнымъ документамъ, въ которыхъ самъ народъ не подавалъ голоса на судѣ о немъ.

Тамъ живъ дідичъ ду́же до́брий —
Все роздае́ гро́ші.
Ка́жний день пъе, веселитця.
Ще й гра́ють музики;
А якъ прийде хто судітьця,
Такъ що̀ твій владика!
Тамъ и це́рковця стоя́ла,
Не знае́мъ, яка́я;
Коло не́і піпъ косма́тий,
Попадя́ гладка́я.
Тамъ живъ мужикъ, ду́же бідний,
Вінъ Кирикомъ зва́вся:
Що вінъ робивъ діло щиро,
Добра́ не сподіва́вся.

Са́ме въ жнива́, въ робо́чий часъ, —
Неща̀сна година!
Зробивсь Кирикові клопітъ —
Поме́рла дитина.
Пішо́въ Кирикъ по сусідахъ
По́мощей проха́ти;
Не схотівъ ніхто́ нічо́го
Кирикові да́ти.
Отъ и верну́всь вінъ додо́му,
Обливши́сь слёза́ми:
Зазна̀въ тепе́ръ бідолахъ,
Якъ жить зъ сусідами.

Пішо́въ Кирикъ до панотця
Да впавъ на коліна:
»Помилуй мя, честний о́тче,
Поме́рла дитина!
Са́ме въ жнива́, въ робо́чий ча̀съ
Превелика біда!
Що нема̀ въ мене́, пано́тче,
Ні со́ли, ні хліба.

Прошу я васъ, честний отче,
Дитину сховайте,
А що маю плати дати —
До весни чекайте.«

А згрізнувсь піпъ на Кирика,
Тупнувши ногою:
»А, ти«, каже, »плутъ, пъяниця!
Я въ тебе слугою?
Нема въ тебе чимъ платити,
А лінивъ робити.
Отъ хочъ-би пішовъ до мене
Днівъ на пять косити.
А жинка нехай би на ланъ
Ишла жита жати,
Ніжъ би я мавъ тобі плати.
До весни чекати!«

»Ні, панотче!« каже Кирикъ,
Сей часъ не надовго;
Чоловікъ я одинокий,
Немає въ дворі нікого.
Треба й хліба заробити,
Й панщину одбути,
Щобъ ище и передъ паномъ
Ледащомъ не бути.«

»Ахъ, ти«, каже, »плутъ, пъяниця!
Въ васъ нема й не буде!
Щобъ ви усі вигинули,
Ледачні люде!«
А на-решті піпъ Кирика
Кулакомъ у спину:
»Пішовъ геть зъ моеі хати,
Еретичий сину!« (¹)

(¹) Въ лѣтописи архіепископа Георгія Кониского, изданной Московскимъ

От̀ъ и пішо́въ бідний Ки́рикъ,
Иде́, пла́че, ту́жить:
Нема́ ёму́ щастя-до́лі,
Форту́на не слу́жить!
Иде́ село́мъ бідний Ки́рикъ,
Слёзи утира́е;
Ажъ ось ёго́ дідичъ до́брий
Якъ разъ зустріча́е:
»Чого̀ се ти пла́чешъ, Ки́рикъ,
Чого̀ засмути́вся?«
Росказа́въ Ки́рикъ свою біду,
Такъ панъ ажъ скриви́вся. (¹)
Да́лі й ка́же Ки́рикові
Про ёго́ причи́ну:
»Що̀ жъ роби́ть? Иди́ вже, Ки́рикъ,
Схова́й са́мъ дити́ну.«

Оттоді вже бідний Ки́рикъ,
Що̀ більше чини́ти?
Узя́въ за́ступъ да лопа́ту,
Пішо́въ я́мки значи́ти.
Прийшо́въ Ки́рикъ на могилки́,

Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, сохранено преданіе объ упадкѣ православной Церкви во времена уніи, дошедшее до насъ въ этой легендѣ. Онъ говоритъ (на стр. 38): «Гетманъ Наливайко.... старался всемѣрно.... очистить церкви и духовенство, уніею зараженныя. Нѣкоторые изъ духовенства прямо отстали отъ сея заразы, а другіе притворялись быть таковыми; но всѣ они сожалѣли о потеряніи власти надъ народомъ, отъ Поляковъ слишкомъ имъ наданной; ибо, сверхъ порабощенныхъ имъ по пятнадцати домовъ, владѣемыхъ ими какъ невольниками, повиненъ всякъ парафіянинъ договариваться съ попами о платежѣ имъ за главныя требы Христіянскія, каковы суть сорокоусты и суботники по умершихъ и вѣнчаніе новобрачныхъ. Въ таковыхъ случаяхъ бывали продолжительныя и убѣдительныя просьбы прихожанъ предъ попами, и называлось то *еднать попа;* и попы, исчисляя достатокъ просителя, вымогали какъ можно большей заплаты, а сіи о уменьшеніи ея просили съ поклонами до земли, а часто и со слезами.»

(¹) Скриви́вся, ба́чте, пла́кать. Да про те не да̀въ гро́шей, чо̀ртівъ си́ну! ***Примѣч. пѣвца.***

'Ямку зачинáє;
Ажъ ось идé старéнький дідъ,
Бородá сідáя.
»Здорóвъ«, кáже, »бідний Кирикъ!
Щò ти хóчешъ робити?«
»Хóчу«, кáже, »ямку копáть,
Дитя схоронити.«

»Не копáй же ти тутъ ямки:
Твéрдо копàть бýде.
Хай тутъ викопають ямку
Собі йнші люде.
Ось иди лишъ, я покажý,
Де тобі копáти:
Бýдешъ менé за се місто
Дòвго споминáти.«

Отъ и пішóвъ собі той дідъ,
Изъ нимъ роспрощáвся,
А нашъ Кирикъ до копáння
Дýже щиро взявся.
Небагáто вінъ прокопáвъ.
Докопáвсь до грóшей
Да й витягъ, якъ сили мóга,
Котелóкъ хорóший.
Оцé жъ не ставъ надъ котелкóмъ
Кирикъ розмовляти;
Узявъ изъ нимъ карбóванці
Да й помчáвъ до хáти.
Засýнувъ тиі карбóванці
Подáльщъ у комóру.
И радъ Кирикъ карбóванцямъ,
И боявсь поговóру.
Оцé жъ набрáвъ Кирикъ грóшей
Въ кишéню чимáло,
Щобъ испрáвить обідъ бýчний,

Щобъ для усіхъ стáло.
Тепе́ръ пішо́въ до оре́нди.
Да взявъ спустъ горілки; (1)
Покрепи́всь по гірки́хъ труда́хъ,
Не забу́въ и жінки.
А вона́ всю нічъ не спáла,
Пеклá да вари́ла,
Зави́сливихъ своіхъ сусідъ
До́бре угости́ла.

Тутъ ще Ки́рикъ до панотця́
Побігъ шви́дко й пру́дко,
Щобъ и тамъ не забари́тьця,
И зверну́тьця ху́тко.
»Помагáйбі, чести́й о́тче!
Зновъ до васъ у хáту:
Похова́йте съ *благоче́стиемъ*, (2)
Візьміть зъ мене́ плáту.«

»Що̀ ти, Ки́рикъ! чи ти зцапівъ,
Чи горілки впи́вся,
Чи, ле́жачи знай на боку́,
Одъ жи́ру скрути́вся?
Дáй пятнáдцать карбо́ванцівъ,
Якъ до́бриі люде, —
Похова́ю зъ благоче́стиемъ,
Усе́ гарáздъ бу́де.«

Бідний Ки́рикъ одъ поро́га
Приступа́въ пово́лі (3)

(1) Спустъ — три ведра.
(2) Благочестіемъ называлось тогда православіе, въ противоположность уніи, которую народъ считалъ нечестіемъ.
(3) Потихоньку. Полонизмъ.

Да й висипавъ карбо́ванці
Передъ попо́мъ на сто́лі.

Тутъ ще пішовъ и бра́тчиківъ
Ки́рикъ загоди́ти,
Щобъ бра́тчики звеліли
На бра́тство дзвони́ти. (¹)
Тутъ ще людей бідний Ки́рикъ
На обідъ зазиває,
И хто іде изъ копа́ми,
У двіръ завертає.
То всі сусіде у Ки́рика
Наілись и напили́ся
А наівшись и напи́вшись,
По дома́мъ розійшли́ся.

Да й ніхто́ жъ такъ, якъ напоте́ць
Не жере́, не пожира́е,
И яку́ ище́ вінъ ду́мку
Самъ собі гада́е!
»Отто́, Бо́же милости́вий,
Якъ у світі ди́вно!
Що який ще́ учо́ра
Бувъ сей Ки́рикъ бідний!
Вчо́ра ла́зивъ на колінахъ,
Пла́кавъ да проси́вся;
Тепе́ръ си́пле карбо́ванці. . .
Де вінъ такъ розжи́вся?«

'Алчущая попадя́ зъ обіду
Прийшла́, роздягла́ся,
Якъ зду́мала про Ки́рика,

(¹) Въ этихъ стихахъ заключается воспоминаніе о церковныхъ братствахъ, которыя устроялись повсюду въ Южной Руси для поддержанія *благочестія* противъ уніи.

Такъ ажъ схопилася.
»Ой ти«, каже, »честний отче!
Прийми наставлéние:
Нехай прийде Кирикъ на спóвідь
У се воскресéние,
Да випитай усю прáвду,
Нехай тобі скáже,
Дè вінъ узявъ стілько грóшей, —
Нехай всі покáже.«

Оттó жъ ужé воскресéние,
Святé наступáе,
А пінъ дякá по Кирика
Зáразъ посилáе.
Кирикъ прийшóвъ и вйсповідь
Въ цéркві вислухáе;
А пінъ про грóші у Кирика
Вже скорійшъ питáе.
»Оцé ти, Кирикъ, не признаéшъ,
А то грóші проклáті:
Трéба тобі іхъ посвятить,
Да на цèркву дáти.
Тенéръ«, кáже, »ти въ рóскошахъ
Все пъешъ да гуляешъ,
А я знáю, якъ ти за іхъ
Дýшу потеряешъ.«

Кирикъ вйслухавъ вйсповідь
Да й признáвсь про грóші,
Що викопавъ на могилкáхъ
Котелóкъ хорóший.
»Коли жъ я взявъ за ті грóші«
Гріхъ на свою дýшу,
То я той гріхъ то сякъ, то такъ
Спокутовáть мýшу.«

Одпрáвивъ пінъ служéние,

Додому вертáе,
А попадя́ áлчущая
Вже ёгó питáе:
»А щò« , кáже, »честний óтче,
Якъ Кирикъ признáвся?«

»Знайшовъ« , кáже, »вели́кий скарбъ,
Да гріхá не злякáвся.«

»Не знáешъ же« , кáже, »пóпе,
Якъ ті грóші взяти!
Трéба въ сіняхъ изъ бáнтини
Волóву шкýру зняти.«

Унесли́ шкýру, роспяли на столі,
Намочи́вши водóю:
Не булó въ хáті більшъ нікóго,
Тілько піпъ съ попадёю.
Оцé жъ попá попадя
Въ шкýру наряди́ла,
А щобъ шкýра держáлася,
Ще й дрàтвою зши́ла.
Наділа попóві шкýру
На рýки й на нóги,
А на гóлову постáвила
Волóвні рóги.
Такъ то пéрше бувъ той піпъ
Тілько бородáтий,
Ато вже ставъ тепéръ той піпъ
Нáче чòртъ рогáтий.

Якъ прийшóвъ же рогáтий піпъ
До Кирика хáти,
Да й ставъ чортъ бáтька знáе
По-якóму муркотáти.
Оцé жъ Кирикъ одсýнувъ кватирку,
На двіръ подиви́вся;

Бáчить чóрта изъ рогáми
Да й перехристився.
»Ой ти, чóрте«, кáже, »чóрте!
Чогó ти явився?
Чогó се ти такъ рогáми
На менé наставився?«

»Ти знайшóвъ«, кáже, »на могилкáхъ
Котелóкъ зъ рублями:
Оддáй мині, бо залізними
Обдерý пазурáми,
Да й укину въ пéкло на дно,
Гóлову зірвáвши:
Бýдешъ знать, якъ брáти грóши
Не загорювáвши!«

Кирикъ вийшовъ, ёмý грóши
За двéри висýнувъ;
Двéри скорійшъ зачинивши
Зáсовомъ засýнувъ.
Якъ вернýвся жъ вінъ у хáту —
Щò зъ біди робити?
Забрáвъ дяволъ усі грóши...
Почáвъ голосити.

А піпъ ужé надъ котелкóмъ
Не ставъ розмовляти,
Вхопивъ скорійшъ карбóванці
Да й помчáвъ до хáти.
А попадя вже въ кватирку
Давнó виглядáла:
»Бачишъ, пóпе, швидко спрáвивсь!
Я тобі казáла!«

Опé жъ хотівъ піпъ попаді
Котелóкъ оддáти,

Такъ ужé не хóчуть ёгó рýки
Одъ котелкá одстáти.
Оцé жъ хотіла попадя́ зъ ёгó
Волóву шкýру зня́ти:
Такъ чóрта зъ два! вже не мóжна
И ножéмъ одідрáти!
»Эхъ!« кричи́ть піпъ космáтий,
»Ви грóші проклятí!
Ой на щò булó мині васъ
У Кирика брáти!«

Назáвтра рáно до Кирика
Попадя́ прихóдить
И чуднéньку вже стóрію
Вонá зъ нимъ розвóдить:
»Добри́день«, кáже, »тобі, Кирику,
'Магáйбі діло робити.
Оттó піпъ хотівъ зъ тóбою
Шýтку пошутити;
А та ёмý изъ тобóю
Шýтка не далáся,
Да нещáсна годи́нонька
Въ рýки вчепилася.
Иди́, Кирику, будь лáскавъ
До нáшоі хáти,
Чи не дадýтця твоі грóші
Тобі въ рýки взя́ти.«

А Кирикъ не пішóвъ до попá
Своіхъ грóшей брáти,
А ще пішóвъ до дідича
Про ди́во сказáти.
А дідичъ извелівъ зáразъ
Громáду збирáти,
Да велівъ попý нести́ грóши
До Кирика хáти.

Оцé жъ ужé дóбрий дідичъ
Громáду збирáе,
Да вже про тогó попá листи
Писáть зачинáе.

. . . .

»Ну тепéръ же«, кáже, »хлóпці,
У моїй ви влáсті:
Ведіть попá до Почаéва,
Хочъ би мавъ вінъ и пропáсти.«

Залигáли тоді попá
За рýки й за рóги,
Зостáвили незвязані
Тілько одиі нóги.
Якъ повелй жъ, то по базáрахъ
Курйща (¹) куріли,
А по церквáхъ, кудй велй,
Скрізь на зборъ дзвонйли.
Збирáлися шевці, кравці
И малиі діти,
Усе на те велйке чýдо,
На дйво глядіти,
То якъ привелй вже въ Почáевъ,
Де стоіть Бóжа Мáти,
Такъ вінъ упáвъ на коліна
Да й давáй прохáти:
»Ой знимй зъ менé, Бóжа Мáти,
Волóвую шкýру!
Перестáну вже жінки слýхать,
Покажý натýру!

. . . .

Бандуристъ не ошибся: повѣсть его произвела на однихъ ве-

(¹) Сміттá. *Пр. п.*

селое, а на другихъ грустное впечатлѣніе. Мнѣ самому, сквозь ея саркастическій тонъ, послышалось что-то глубоко трагическое... Слушатели единодушно потребовали горилки и начали пить за здоровье Кирика.

»А щò жъ изъ тимъ ста̀лось попòмъ?« спрашивали нѣкоторые.

»Такъ и пропа̀въ у волòвій шкỳрі«, отвѣчалъ Остапъ. »Почаевська Бòжа Ма̀ти, ка̀жуть, одвернỳлась одъ ёгò, такъ вінъ такъ и скона̀въ окаянний.«

Пошли разные толки, шутки, хохотъ и круговая попойка. Бандуристъ едва наигривалъ на бандурѣ.

»Тепéръ же вже нехай кова̀ль Мирòнъ роска̀же якỳ стòрию«, сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

»А роскажѝ, роскажѝ, Мирòне!« отозвалось нѣсколько голосовъ. »Ти зда̀вна бувъ мистéць. Онъ, ика̀ хуртовѝна. Якъ ёгò й додòму добра̀тьця!«

»Да вже полòжимъ тутъ оста̀нні грòші, що вторгова̀ли на я̀рмарку«, сказалъ Миронъ коваль, »то й по глибòкому снігỳ добридемò: не заважа̀тимуть у кишéняхъ.«

»Ужé пòки ти надỳмаесся, то пéвно всі грòши пропъемò.«

»Да вже й ви пòки ча̀рку горілки піднесетé, то й гла̀су не ста̀не.«

Горілка была поднесена ковалю Мирону, онъ выпилъ, крякнулъ отъ удовольствія и началъ:

СЕЛЬСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Булò собі два волоцю̀ги и доволочѝлись до тогò, що вже істи нічого. Прийшлѝ вонѝ до мужика̀, такъ якъ-бѝ й до мéне. А въ мужика̀ са̀ме родѝлась дитѝна. Не каза̀въ би такий слỳчай; людéй съ ха̀ти не виганя̀ть, а трéба зъ нѝми познакòмитьця. Називаютъ вонѝ ёгò бра̀томъ: »Колѝ хòчъ, будь ти намъ бра̀томъ.«

»Які жъ ви люде?«

Одѝнъ ка̀же: »»Я салда̀тъ біглий««, а дрỳгий ка̀же: »»А я одъ па̀на втікъ««.

»Ну, до́бре.«

Оть переночува́ли въ его́ да й ка́жуть: »Пійдемо жъ ми, бра́те, въ лісъ погуля́емъ. Сподіва́йсь насъ черезъ три неділі.«

Отто́ ви́проводивши іхъ, пішо́въ на дру́гий день у по́ле. А воні́ й верта́ютця: »Здоро́ва була́, се́стро! Дѐ се нашъ братъ?«

»Дѐ жъ вашъ братъ? пішо́въ у по́ле ора́ть.«

Сиділи, сиділи. Оди́нъ одному́ й ка́же: »Нашъ братъ зарісъ ду́же.«

А дру́гий ка́же: »Тре́ба підголи́ти.« Да й пішли́ собі.

Оть прихо́дить вінъ съ по́ля. Жінка й хва́литця: »Якъ твої брати́ забари́лись, що на дру́гий дѐнь яви́лись.«

»Що̀ жъ воні́ каза́ли?«

»Каза́ли: »»Нашъ братъ зарісъ ду́же.«« А дру́гий ка́же: »»Підголи́ть тре́ба.««

»Эге! засвіти́ жъ, жінко, ого́нь, бо воні́ хо́чуть са́ло вкра́сти.«

И знявши са́ло, положи́въ підъ по́кутемъ.

Оть прихо́дять воні́ въ-ночі; продра́ли соло̀му: »Ну«, ка́же, »и ми́ хи́трі, а братъ нашъ ищѐ хитрі́йший.«

А дру́гий: »Якъ?«

»Нема̀ вже са́ла!«

»Даро́мъ. Не вбереже́ вінъ его́ и підъ по́кутемъ.«

Оть узяли́, повипуска́ли скотъ, да тоді підъ вікно́: »Добри́вечіръ вамъ! Що̀ оце́ ви пороспуска́ли скоти́ну, що по ви́гону хо́дить?«

Воні́ скорі́йше съ ха́ти за скоти́ною, а па́нський утіка́чъ у ха́ту, узя́въ са́ло підъ по́кутемъ да й пішли́.

Позаганя́вши скоти́ну: »А дѐ жъ, жінко, са́ло?«

»А тамъ же підъ по́кутемъ!«

»Оть засвіти́, колі́ брати́ тутъ не булі́!«

Засвіти́ли — нема̀ са́ла! Що̀ тоді роби́ть? Вінъ, узя́вши залізне пу́то, и пішо̀въ братівъ доганять... Переня́въ іхъ навпросте́ць да й хо̀дить по траві; такъ пу́то — бря́зь! а воні́ ду́мають,

що кобила спутана, да положивши сало: »Ходімъ, брате, кобилу піймаемъ!«

Приходять ближче, вінъ и переставъ бряжчать. Тілько що вони ёго минули, а вінъ за сало да й принісъ додому.

Общій смѣхъ наградилъ разскащика, и круговая пошла прежнимъ чередомъ; какъ тутъ дверь отворилась, и входятъ два человѣка, съ палками въ рукахъ: знакъ, что это сотскіе, или десятскіе. Поздоровались съ обществомъ, вынули по куску хлѣба изъ мѣшка, выпили поднесенной имъ горилки, и, на вопросъ потчивавшаго: гдѣ они были? одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

»Да ходили въ О**: тамъ исправникъ изъ становимъ.«

»Чого жъ се?«

»Да десь тамъ у яру зарізано вола, дакъ хто зарізавъ, допрошували. А Богъ ёго знае, хто. Якъ ище й чого другого не зарізано!... Зарізано вола!... Коли нічого ісги!«...

»А чие жъ то село?«

На этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ закричали: »А Тр***! Тр***! Тр***!«

Наступило молчаніе.

»Отъ колибъ такий панъ, якъ Г***!« отозвался кто-то. »Въ такого пана и люде будуть хороші, не тягатимутця по ярамъ; бо въ іхъ усёго доволі. Якъ родивсь у ёго синъ, такъ изозвавъ увесь миръ да нагодувавъ же то й напоівъ — уже спасибі ёму! И самъ пивъ изъ людьми горілку..... Каже: »Пийте, братця, скілько хто хоче!«

Тутъ отозвался одинъ дряхлый дідъ, который молчалъ во все время общей бесѣды и даже не смѣялся вмѣстѣ съ другими, а только машинально покачивалъ головою. Подносимую ему горилку онъ выпивалъ исправно, но приговаривалъ при этомъ тихимъ голосомъ не болѣе того, сколько требовало приличіе, и, выпивши, опять опускалъ голову и покачивалъ ею, какъ-бы въ какомъ-то раздумьи.

»Эге!« сказалъ онъ такъ, что всѣ его услышали, »да я знаю не то, що ёго батька, да й діда. Мині въ селі уже й товариша

нема́. Сла́ва Бо́гу, мині, мо́же, безъ дня, або́ безъ двохъ, лі́тъ сто́ вже есть. Якъ оглє́жусь, то все вже и́нші лю́де въ селі. Пога́но до́вго жить на світі! а лю́де ка́жуть, що гріхъ бажа́ти сме́рті; то й живе̇шъ уже́ собі мо́вчки. Да й зовсімъ такі пога́но ста́ло на світі.«

»А въ-старовину́ жъ хиба́ було́ лу́чче?« спросили его.

»Уся́къ було́: и до́бре й пога́но«, отвѣчалъ онъ равнодушно и замолчалъ.

»Що́ жъ, діду?« спросилъ кто-то, »и ті́і старосвітські пани́ Г**** були́ такі, якъ сей Грицько́?«

»Я зазна́ю пято́хъ«, отвѣчалъ онъ: »Пе́рвий Игна́тъ: про того́ тілько чу́въ, а самъ не ба́чивъ. Дру́гий Грицько́, — таки́й гру́бий, страшни́й, здоро́вий, зъ булаво́ю. Я ще мали́мъ бувъ тоді; то було́ ка́жуть: »Онъ то́ панъ!« то я й зна́ю. Тре́тій Іва́нъ, — плохи́й пано́къ, не та́къ-то страшни́й, тихе́нький. Четве́ртий Григо́рий, — пе́рвий синъ полко́вника зъ булаво́ю, на лице́ хоро́ший, чоловікъ недоку́чний; панъ бувъ га́рний. А въ его́ сини́ Петро́ и Павло́, а вже въ Павла́ тепе́ръ Григо́рий. При Грицьку́, оттому́ гру́бому, хлібъ бувъ хоро́ший; вода́, сіно, все хоро́ше. Тепе́ръ убавилось усе̇го́. Жи́то було́ таке́, що сніпъ на-си́лу здийме́шъ у-го́ру; а тепе́ръ де́сять сно́півъ на той оди́нъ.« ....

Дідъ замолчалъ и покачивалъ по прежнему головою. Всѣ тоже нѣсколько времени молчали призадумавшись. Наконецъ два урядника кивнули одинъ другому головой, давая знать, что пора идти, и, простясь съ собраніемъ, вышли. Бандуристъ началъ играть сперва тихо, потомъ громче, громче и запѣлъ высокимъ голосомъ:

Ой не шумі́те ви, зеле̇нні лу́ги!
Не завдава́йте мойму́ се̇рденьку ту́ги....

Но вдругъ прервалъ пѣсню и спросилъ своего поводыря: »А подиви́сь, хло́пче, чи не пора́ мині до вече́рні.«

Поводырь посмотрѣлъ въ окно: »Хто̇ е̇го́ зна́е!«

Бандуристъ по-видимому не очень безпокоился о томъ, чтобъ не опоздать, и запѣлъ уже старинную пѣсню:

Да не бу́де лу́чче,
Да не бу́де кра́ще,
Якъ у насъ на Вкраіні!

Но голосъ его выражалъ глубокую тоску, еще глубже, нежели въ первой пѣснѣ. Онъ какъ-будто для того только и запѣлъ этотъ странный куплетъ, который всегда поражалъ меня неожиданною грустью, чтобы поглубже опуститься въ свою душу и добыть оттуда, мрачныхъ, потрясающихъ звуковъ. Видъ его былъ очень печаленъ, и ему, видимо, хотѣлось высказаться....

Видно, его поняли, или почуяли, потому что, едва онъ замолчалъ, тотъ-часъ спросили: »А що́, Оста́пе? мо́же бъ ти схотівъ, щобъ у тебе́ були́ о̀чи?«

»Отта́къ!« отвѣчалъ Остапъ.

»То й ходи̇въ би на па́нщину, а тепе́ръ сиди̇ до́ма да й нега́дки.«

»И тобі, бра́тіку, здае́тця, що на́ша жизнь лу́чча! Ні, на́ша жизнь, те́мнихъ люде́й, гірка́! Доро́жше оче́й нема́ въ світі нічо̀го. Куди́ пройти̇, проси́, або́ найми́, щобъ провели̇ тебе́. У ха̇ті хо̀лодно, — видющі поідуть у лісъ, нарубаю́ть да й то̀плять, а нашъ братъ терпи̇. Тяга̇йся по̀ світу въ заверу́ху та въ моро́зи, зароби́ гро́шей да найми́ на̇ймита, щобъ нарубáвъ дро̀въ та привізъ, та запали̇въ у печі, якъ па̇ну; а тамъ зно̀въ роби́, щобъ було́, чимъ топи́ть.« Онъ снова началъ наигривать.

»Якъ ти, Оста́пе, осліпъ?« спросили его.

Остапъ остановился. »Якъ осліпъ? Э, Бо́гъ ёго́ зна́е... не мо́жна того́ знать. Ба́чте, якъ бувъ я хло̀пцемъ, то, ка́жуть, бувъ прово̀рний. Ба́тько молоти̇въ, а хтось увіи̇шо̀въ у ха́ту запали̇ть люльку да й питáе: »»Дѐ ба́тько зъ ма̇тіръю спить? на полу̇?«« — »»На полу̇««, кажу̇. А вінъ реrо́че. »»А мо̇же, на печі?«« Я кажу̇: »»На печі.«« А вінъ реrо̀че. Да якъ пішо̀въ вінъ, такъ я й

осліпъ. Тре́ба бъ було́ мене́ різкою сікти, то, мо́же бъ, я й не осліпъ. Мині було́ годъ чотйри тоді, то, ба́чте, мині роска́зують, якъ воно́ було́... Колйбъ я осліпъ великимъ, тоді бъ я знавъ, що́ таке́ со́нце та ого́нь та що̀ воно́ таке́: чи кра́сне, або́ жо́вте: ато́ я нічо̀го не зна́ю. Го́ре на́шому бра́ту на світі; ні до ко́го й ні до чо̀го. Отта́къ ходи́ по світу, поки снага̀, а по́тімъ ляжъ да и вмри́ мо́вчки.«

»Чому́ бъ тобі, Оста́пе, не жить у зя́тя въ Калю́жинцяхъ!« спросилъ одинъ изъ слушателей.

»Якѐ жъ тамъ мині добро́, щобъ я тамъ живъ?«

И Остапъ началъ играть. Чарка ходила медленнѣе. Бесѣда не вязалась. Многіе молчали, потупивъ головы съ обычною Малороссійскою манерою; другіе посматривали въ окошко и собирались уходить.

»Я ёго́ леда́чого принявъ у свою ха́ту въ при́йми«, сказалъ помолчавши Остапъ; »а вінъ поча́въ мене́ зневажа́ть, пога́ними слова̀ми ла́ять да сказа́въ дочці, щобъ вона́ мині не дава́ла істи, ато́ вінъ ій го̀лову одруба́е. Такъ я — Бо̀гъ імъ суддя́! — поки́нувъ іхъ да й пішо̀въ блуди́ть. Якъ-би́ я видющий та роботящий, то зять би мене́ й поважа̀въ....«

Послѣ этого онъ взялъ нѣсколько громкихъ аккордовъ, потомъ запѣлъ и заигралъ:

Нема̀ въ світі пра́вди, пра́вди не зиська́ти!
Що тепе́ръ непра̀вда ста́ла правдува́ти.

Уже́ тепе́ръ пра́вда стоіть у поро̀га,
А та́я непра́вда сиди́ть коне́ць сто̀ла.

Уже́ тепе́ръ пра́вду нога̀ми топта́ють,
А ту́ю непра́вду мѐдомъ напова́ють.

Уже́ тепе́ръ пра́вда сиди́ть у темниці,
А та́я непра́вда — съ пана̀ми въ світли́ці.

А вже тая правда слёзами ридае,
А тая неправда все пъè да гуляе.

Десь ти, правдо, вмèрла, чи ти заключèна,
Що теперъ неправда увесь світъ зажерла! (1)

Тілько въ світі правди, що рідная мати...
Дè бъ ми еі могли въ світі одиськати?

Ой орлице мати! дè жъ намъ тебе взяти?
Тебе не купити, а ні заслужити!

Колибъ тебе, правдо, въ світі увидіти,
Орловими крільми ради бъ ми летіти.

Охъ, якъ же тимъ діткамъ безъ матери бути?
Да що-дня заплачуть, не можуть забути!

Вже жъ бо конець віку оце приближився:
Хоть рідного брата теперъ стережися.

Изъ нимъ на судъ стати — правди не зиськати.
Тілько сріблом-злотомъ панівъ насищати.(2)

Хто по правді судить, то того карають,
А хто не по правді, того поважають.

Ой хто буде въ світі правду исполняти,
Тому зошлеть Господь що-дня благодаті;

Бо самъ Господь — правда и смирить гординю,
Сокрушить неправду, вознесè святиню!

---

(1) Этотъ стихъ онъ повторилъ, и притомъ съ особенною выразительностью, тогда какъ всѣ другіе пѣлъ по одному разу.

(2) Этотъ стихъ онъ такъ-же повторилъ.

Эта пѣсня была уже мнѣ извѣстна, но она произвела на меня теперь совершенно новое впечатлѣніе. Еще пѣвецъ не допѣлъ и до половины, какъ пришелъ ко мнѣ кучеръ съ докладомъ, что лошади готовы; но я дослушалъ до конца, и уже потомъ не былъ способенъ къ наблюденіямъ. Все во мнѣ перевернулось. Я поскорѣе опоясался, нахлобучилъ шапку и поѣхалъ далѣе.

Мятель гуляла въ степи по-прежнему, и въ завываньи вѣтра вокругъ моей кибитки мнѣ всё слышался высокій голосъ бандуриста, воспѣвающаго торжество неправды....

1855, декабря 25.
Кіевъ.

II.

Разсказъ современника-Поляка

О ПОХОДАХЪ ПРОТИВЪ ГАЙДАМАКЪ.

РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННИКА-ПОЛЯКА

О ПОХОДАХЪ ПРОТИВЪ ГАЙДАМАКЪ.

Нѣсколько словъ отъ издателя.

Изъ преданій, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ »Записокъ о Южной Руси«, мы видѣли, какъ нашъ народъ смотритъ на гайдамакъ. Сочувствія къ нимъ не обнаружилъ ни одинъ разскащикъ. Гайдамаки были ужасомъ всѣхъ мирныхъ жителей; ихъ не боялись только дѣти и бѣдняки, которымъ нечего было терять. Но, когда вспомнимъ, что первыя войны козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ были не что иное, какъ гайдамачество; что войны Хмѣльницкаго были только его продолженіемъ въ огромныхъ размѣрахъ, и что оно не прекращалось въ Западной Украйнѣ, на Волыни и на Подольи до послѣднихъ временъ существованія Запорожья: то непремѣнно придемъ къ заключенію, что это зло, при всей своей великости, должно было явиться не иначе, какъ по закону противодѣйствія какому-то другому, гораздо нестерпимѣйшему для гражданскаго общества злу, а можетъ быть и многимъ зламъ, которыя его породили и постоянно поддерживали. Еслибъ оно происходило только отъ дикаго побужденія извѣстнаго класса людей завладѣть чужимъ достаткомъ, то никогда не достигло бы такого страшнаго развитія, не образовало бы цѣлой

націи хищниковъ и убійцъ, какою является козачество, и не родило бы въ ней поэтическаго взгляда на свои кровавые подвиги. Какъ бы ни велика была наглость сборища злодѣевъ; но, если они не будутъ имѣть искренняго убѣжденія въ законности своихъ подвиговъ, то не станутъ ими хвалиться всенародно въ героическихъ пѣсняхъ, да и самъ народъ не будетъ помнить ихъ пѣсень въ-продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Чтò касается до мирныхъ жителей, то они, вѣроятно, терпѣли столько же, если не больше, и отъ козаковъ Наливайка, которые, какъ по необходимости, такъ и по недостатку правильнаго военнаго устройства, безъ сомнѣнія, захватывали, на пути своемъ, чтò могли, у зажиточныхъ людей; они не сочувствовали и козакамъ Хмѣльницкаго, какъ это мы знаемъ изъ »Лѣтописи Самовидца«; они всегда страдали такъ, или иначе не только отъ охочекомонныхъ, но и отъ реестровыхъ козаковъ, которые, въ массѣ своей, не отличались ни благородствомъ убѣжденій, ни рыцарскимъ великодушіемъ. Чтò же мудренаго, если ватаги Зализняка, Швачки и другихъ героевъ Коліивщины памятны народу только по нападеніямъ на дворы богатыхъ людей и по жестокостямъ? Это ближе касалось народа, нежели неясная и для самыхъ гайдамакъ цѣль, къ которой они стремились. Теперь, когда наши матеріальные и нравственные интересы такъ непохожи на тогдашніе и когда старыя симпатіи и антипатіи уступили мѣсто новымъ, мы смотримъ съ равнымъ участіемъ, какъ на тѣхъ, которые терпѣли безъ вины отъ неистовствъ разузданной толпы *затя́жцевъ*, такъ и на тѣхъ, которые, будучи дикими грабителями своихъ братій, въ то же самое время рисковали своею жизнью ради мечтательной независимости своего племени; и по этому для насъ равно интересны разсказы сѣдовласыхъ свидѣтелей гайдамацкаго варварства и героическія пѣсни самыхъ гайдамакъ, въ которыхъ они хвалятся своими подвигами передъ цѣлымъ свѣтомъ. Да и самъ народъ, проклиная ихъ неистовства, въ то же время усвоиваетъ себѣ ихъ пѣсни и передаетъ будущимъ поколѣніямъ ихъ кровавую славу. Напримѣръ, сегодня я записываю отъ него преданіе о низкомъ тиран-

ствѣ надъ какимъ-нибудь Дри́гою ([1]), а завтра въ томъ же самомъ кружкѣ поютъ мнѣ:

Максимъ, коза́къ Залізня́къ зъ сла́вного Запоро́жжа,
Процвіта́е на Вкраіні, якъ въ горо́ді ро̀жа.
Роспусти́въ військо коза́цьке въ сла́внімъ місті Жаботи́ні —
Гей розлила̀сь козацька сла́ва по всій Украіні!

. . . .

И гово́рить Макси́мъ коза́къ, си́дючи въ нево́лі:
»Не бу́дуть мать вра́жі Ляхи́ на Вкраіні во́лі!
Течу́ть річки́ зъ всего́ світу до Чо́рного мо́ря —
Мину́лася на Вкраіні Жидівськая во́ля!«

Впрочемъ, каковы бъ ни были предубѣжденія противъ, или въ пользу гайдамакъ у ихъ современниковъ, или ближайшаго къ нимъ поколѣнія, но если только съ этими предубѣжденіями до насъ доходятъ какія-нибудь черты, взятыя съ натуры, то наше дѣло — сперва все принять къ свѣдѣнію, а потомъ уже подвергать преданія критической разработкѣ. До сихъ поръ я представлялъ записанное мною отъ Малороссіянъ и говорилъ отъ себя о гайдамакахъ, какъ Малороссіянинъ. На сколько чистой истины въ собранныхъ мною народныхъ преданіяхъ и до какой степени былъ я безпристрастенъ въ своихъ замѣткахъ, это рѣшатъ будущія открытія и изысканія. Теперь посмотримъ, что̀ помнятъ о гайдамакахъ ихъ враги, Польскіе дворяне. Я не буду говорить о запискахъ Липпомана, Кребсовой и другихъ, извѣстныхъ намъ печатно. У меня въ рукахъ находится неизданная рукопись, составленная по разсказамъ стараго Польскаго пана, Симона Закревскаго (Zakrzewski), который въ молодости не одинъ разъ имѣлъ самъ дѣло съ гайдамаками. За доставленіе ея мнѣ я обязанъ благодарностью знаменитому Польскому писателю М. А. Грабовскому, неутомимому изыскателю Польско-Украинской старины. Я переведу ее здѣсь не всю, оставляя въ сторонѣ то, что̀ инте-

([1]) См. т. I, стр. 246 — 249.

ресно собственно для Поляковъ; но въ своихъ извлеченіяхъ не опущу ни одной черты, характеризующей Поляка по отношенію къ гайдамакамъ. Воспоминанія пана Закревскаго имѣютъ въ моихъ глазахъ тотъ особенный интересъ, что изображаютъ гайдамачество на Волыни и на Подольи, тогда какъ почти всѣ до сихъ поръ изданные памятники заключали его въ тѣсную рамку Западной Украйны. Они даютъ намъ новое понятіе объ обширности поприща, на которомъ подвизались предпріимчивые Запорожскіе витязи грабежа и убійства въ провинціяхъ Польскаго королевства, и о непрерывности ихъ набѣговъ. Съ другой стороны, здѣсь представлена картина домашняго и общественнаго быта Польскихъ пановъ въ пограничныхъ городахъ. Ихъ безконечныя увеселенія и попойки были отъ времени до времени прерываемы появленіемъ гайдамакъ, то въ видѣ осторожныхъ хищниковъ, то въ видѣ грозныхъ убійцъ и грабителей. Вѣчно праздное и безпечное Польское общество сталкивалось съ предпріимчивыми Запорожскими »молодцами« и едва находило у себя столько средствъ, чтобы прогнать, или истребить небольшую ватагу гайдамакъ... Но читатель увидитъ это изъ разсказа самого Закревскаго.

.... Находился я при дворѣ князей Любомирскихъ болѣе десяти лѣтъ, но не въ качествѣ дворянина, а въ качествѣ пріятеля дома. Шумно и весело жили тогда въ Ровномъ. Домашнихъ толпа, гостей каждый день биткомъ набито; пиры, музыка, танцы, открытые столы, кубки за кубками, осушаемые при громѣ мортиръ и ручного оружія; горящіе вензеля и фейерверки. Княгиня, урожденная Поцѣева (Pociejówna), принесла мужу богатое приданое. Чудная была пани: и прелестная и чрезвычайная охотница до увеселеній. Помню, какъ она бывало отброситъ въ сторону Нѣмецкіе ребронвы да помпадуры и явится въ старо-Польскомъ нарядѣ: въ бархатномъ кунтушѣ, въ *станикѣ* ([1]) изъ золотой парчи, въ

([1]) Родъ наружной шнуровки. *Примѣч. издат.*

собольей шапочкѣ, на которой сверкаетъ алмазное перо, и въ красныхъ сапожкахъ, унизанныхъ жемчугомъ и подкованныхъ золотомъ. Пустится бывало въ первой парѣ, въ польскомъ, или въ мазуркѣ, по огромной дворцовой залѣ, — ну просто лань; заглядѣнье да и только. А какъ на поворотѣ въ танцахъ звякнетъ подковками, сердце такъ бывало разыграется, что танцуешь — чуть изъ кожи не выскочишь.

Князь, коронный подстолій, съ своей стороны любилъ заохочивать собственнымъ примѣромъ къ частымъ кубкамъ [въ тѣ времена всѣ пили въ Польшѣ]. Былъ онъ горячій охотникъ и часто устраивалъ охоту для своихъ гостей въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Тучинѣ у него обыкновенно содержалась безчисленная псарня, на которую онъ опредѣлилъ всѣ доходы съ этого *ключа* ([1]). Обширные лѣса были полны крупныхъ звѣрей, на которыхъ мы охотились съ сѣтями и заборами, при помощи безчисленнаго множества мужиковъ. Настрѣлявши бездну сернъ, волковъ, дикихъ кабановъ, часто такъ-же убивши нѣсколько лосей, а иногда и медвѣдей, садились мы за охотничій обѣдъ. Сколько тамъ было разсказовъ объ охотничьихъ приключеніяхъ! сколько лжи, сколько самохвальства! Рога и волторны гремѣли между тѣмъ въ знакъ торжества, а мы трубили въ кубки, и я не помню, чтобъ когда-нибудь возвратились домой трезвыми.

Однажды случилось князю пожаловаться, что у него нѣтъ подъ Ровнымъ рощи, въ которой онъ могъ бы иногда охотиться хоть за зайцами. Что же? сосѣди и пріятели сговорились сдѣлать ему сюрпризъ въ день его имянинъ. Князь выѣхалъ, кстати, на нѣсколько дней въ Дубно къ князю ординату Сангушко и долженъ былъ воротиться только въ день святого Станислава. Наканунѣ этого дня »согнали« тысячу подводъ съ молодыми деревцами да тысячу рабочихъ изъ ближнихъ и дальнихъ околицъ, насадили самымъ старательнымъ образомъ довольно обширный звѣринецъ,

---

([1]) Ключомъ называется у Поляковъ извѣстное число селъ, принадлежащихъ къ одной экономіи. *Пр. изд.*

пересѣченный правильными просѣками, и пустили въ него множество разныхъ звѣрей. Какъ изумился и обрадовался князь, когда воротясь ночью въ Ровно и проснувшись утромъ, увидѣлъ передъ городомъ гору, покрытую лѣсомъ! Этотъ лѣсъ потомъ старательно поддерживали, и до сихъ поръ онъ существуетъ. Въ день святого Станислава мы, правда, не охотились, такъ какъ это былъ праздникъ патрона Польской короны; но всѣ мы, сколько насъ было гостей и домашнихъ, двинулись, подъ предводительствомъ князя и княгини, къ лѣсу, который какъ-будто какимъ волшебствомъ выросъ изъ земли. Дивное было явленіе — видѣть стада зайцевъ и сернъ, испуганныхъ пріѣздомъ экипажей и шумомъ всадниковъ. Они метались въ разныя стороны, но не могли никуда уйти, потому что лѣсъ былъ окруженъ сѣтьми. Только на третій день вечеромъ начали мы охотиться, при свѣтѣ фонарей и плошекъ. А въ день самыхъ имянинъ было шумное пиршество.

Помню, какъ послѣ обѣда показывали на замковомъ дворѣ коня изъ княжескихъ конюшень. Всѣ дамы вышли съ княгиней Гоноратой на огромную дворцовую галерею, которая идетъ вдоль залы, на второмъ этажѣ. Я приказалъ подвесть мнѣ моего сѣраго въ яблокахъ и давай выдѣлывать на немъ разныя штуки. Дамы хлопали мнѣ, а иногда приходили въ ужасъ. А князь, стоя на галереѣ съ полнымъ бокаломъ, закричалъ мнѣ сверху: »Пане Симоне! пью за ваше здоровье *въ ваши руки* (¹); но только возьмите бокамъ, не слѣзая съ коня!«

Не нужно было повторять мнѣ этого вызова; я пришпорилъ своего сѣраго и въ нѣсколько прыжковъ поднялся по ступенькамъ въ переднія сѣни, потомъ далѣе во внутреннія, а оттуда въѣхалъ по лѣстницѣ въ залу и явился на галереѣ, приведя дамъ въ немалый страхъ. Князь подалъ мнѣ большой бокалъ; я опорожнилъ залпомъ за его здоровье, повернулъ коня и той же самой дорогой, хоть ужъ нѣсколько осторожнѣе, воротился на замковой

(¹) Т. е. такъ, чтобы бокалъ перешелъ къ тому, чье здоровье пьютъ. *Пр. изд.*

дворъ. Такъ-то въ тѣ годы подвизались мы въ этомъ Ровномъ, которое теперь такъ отрезвилось! А въ Дубнѣ, въ за́мкѣ князя ордината, надворнаго маршала Литовскаго, текло вино рѣкою, потому что крутоусаго Сангушка не легко было побѣдить на попойкѣ. Лилъ онъ какъ въ бочку и любилъ видѣть вокругъ себя питковъ. Въ замковой залѣ зачастую поднимались пары надъ головами собесѣдниковъ, а на дворѣ клубился дымъ отъ стрѣльбы драгуновъ, которые гремѣли изъ ружей за каждымъ тостомъ.

Пировали мы беззаботно, и жилось намъ хорошо въ тѣ времена, по пословицѣ: Za króla Sobka nie było w polu snopka, a za króla Sasa człowiek jadł, pił i popuszczał pasa (¹). Пить было тогда у всѣхъ въ обычаѣ: у пановъ и у мелкаго дворянства [исключая молодыхъ людей, которымъ запрещалось прикасаться къ бутылкѣ], у духовныхъ и свѣтскихъ, у судей и адвокатовъ, у военныхъ и штатскихъ; а кто отказывался, того умѣли и принудить. Паны не нуждались въ средствахъ къ жизни, а мелкая шляхта живилась отъ пановъ...... Внѣшней войны мы не вели тогда, но что̀ касается до безопасности внутренней, особенно на пограничьи со стороны Запорожья, то трудно было имъ похвалиться. Даже и на Волыни не разъ смущали насъ, посреди нашихъ увеселеній въ панскихъ домахъ, преувеличенные слухи о гайдамацкихъ наѣздахъ. Мнѣ самому случилось два раза участвовать въ походѣ противъ этихъ бродягъ.

Гайдамацкія шайки, человѣкъ въ пятьдесять, во сто, а иногда и въ нѣсколько сотъ, выходили почти каждую весну изъ Запорожской Сѣчи (²) и только осенью возвращались въ свои ло-

(¹) При королѣ Собкѣ (Собѣскомъ) не было въ полѣ ни снопа, а при королѣ Сасѣ каждый ѣлъ, пилъ и распускалъ поясъ.

(²) Въ одномъ варіантѣ стиховъ подъ изображеніемъ Запорожца-кобзаря говорится:

Отже жъ весна̀ наступа́е, що̀ на умі, тре́ба оконча̀ти:
Якъ день, такъ нічъ, все на ду́мці Ляха̀ обідра́ти.
Або́ въ Жида мішокъ гро̀шей узя́ть на рострати.

Прим. Издат.

говица. Это скопище состояло изъ однихъ отъявленныхъ негодяевъ. Оно пополнялось разными бѣглецами изъ сосѣднихъ земель, но всего больше Украинскими мужиками, между которыми гайдамаки имѣли много доброжелателей и которые указывали имъ, куда безопаснѣе и вѣрнѣе пройти за добычею. Украинныя воеводства Кіевское и Брацлавское всего больше терпѣли отъ этихъ хищниковъ; но иногда они проникали на Подолье, на Волынь и даже къ Мозырю, потому что пограничнаго войска было очень мало, магнаты держали надворныя хоругви при себѣ, а городовые козаки были въ-тайнѣ расположены къ гайдамакамъ. Гайдамаки эти совершали свои походы иногда пѣшіе, но большею частью верхомъ, и увозили добычу на вьючныхъ лошадяхъ, что̀ у нихъ называлось *батовнéю*. Каждая шайка имѣла своего предводителя, котораго они называли *ватажкóмъ*. Ватажка́ выбирали обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ, которые сдѣлали уже нѣсколько разбойничьихъ походовъ и знали всѣ переходы и дорожки. Чтобы внушить своимъ къ нему увѣренность, а суевѣрному народу страхъ, разсказывали о немъ, что онъ *характéрникъ*, то есть чародѣй, что онъ умѣетъ заговаривать пули, такъ что его можно убить только серебрянною пулею [1], а въ случаѣ надобности — можетъ сдѣлаться и невидимымъ. Сколько они увозили изъ края богатой добычи! и сколько проливали невинной крови, когда ими управляло мщеніе! Ужасъ, овладѣвавшій жителями при извѣстіи, что идутъ гайдамаки, превосходитъ всякое описаніе: каждый прятался съ чѣмъ только могъ куда ни попало. Но очень часто вѣсть объ ихъ вторженіи приходила слишкомъ поздо, потому что они пробирались какъ волки и дѣлали свои отдыхѝ по уединеннымъ хуторамъ и пасикамъ.

Однажды гостили мы съ княземъ въ Полонномъ у его дяди, князя Антонія Любомирскаго, старосты Казимірскаго. Сидимъ мы за столомъ, какъ присказалъ гонецъ отъ генеральнаго регимента-

---

(1) Смотр. т. I, стр. 284, «Месть за имя Жида».

ря *Украинской и Подольской партіи*, Яна Тарлы, воеводы Любельскаго, съ приказомъ, чтобы гетманскій регименть *иноземнаго автораментa*, въ которомъ начальствовалъ князь Антоній, поспѣшилъ къ Ялтушкову на Подолье. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тарло просилъ его въ особомъ письмѣ выслать часть собственнаго гарнизона изъ Полонской крѣпости съ десятью пушками, — и все это для того, чтобы переловить нѣсколько десятковъ гайдамакъ, которые скрылись съ своей добычей въ Ялтушовскихъ лѣсахъ, когда имъ преградили путь къ границѣ, и обрубились тамъ засѣками.

Князь отвѣчалъ, что завтра же выступитъ съ войскомъ лично. Я попросилъ у него позволенія идти съ нимъ въ качествѣ волонтера, на чтò онъ съ удовольствіемъ согласился. И вотъ на третьи сутки около полудня подошли мы на четверть мили къ лѣсу, въ которомъ укрѣпились гайдамаки; ибо для большей поспѣшности, пѣхоту и пушкарей привезли на подводахъ. Войско наше построилось въ боевомъ порядкѣ, поставивъ пушки по крыльямъ. Региментарь сдѣлалъ намъ смотры; потомъ сломали шеренги, и отданъ былъ приказъ, чтобы *жолнѣры* (воины) подкрѣпились и выспались, потому что всю ночь будутъ бодрствовать.

Отдохнувъ немного, просилъ я у князя Антонія Любомирскаго позволенія объѣхать и осмотрѣть позиціи. Онъ далъ мнѣ для безопасности одного офицера и нѣсколько человѣкъ собственныхъ рейтаръ, и я пустился съ ними вокругъ лѣса. Мы ѣхали доброю рысью, а иногда и въ-скачь, однакожъ проѣздили нѣсколько часовъ. Лѣсъ былъ огромный. Кругомъ него, подъ самой опушкой, разставили въ разныхъ мѣстахъ мужиковъ, которыхъ согнали сюда тысячи три. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями, но большая часть копьями, косами, или просто цѣпами. Имъ было приказано крѣпко стеречь, а ночью жечь огни и часто кричать: Wer da? Позади мужиковъ, шагахъ во стѣ-пятидесяти, стояло войско, какъ то, которое прибыло изъ Полоннаго, такъ и то, которое региментарь привелъ еще прежде съ собою,

8*

всего тысячи двѣ человѣкъ, между которыми были компутовые гусары и *панцырные* въ полномъ вооруженіи, въ леопардовыхъ и волчьихъ шкурахъ, а такъ-же и пѣхота. Сверхъ того собрано было здѣсь безъ числа городовыхъ козаковъ. Все это разставлено было какимъ-то Нѣмцемъ-полковникомъ, который служилъ у региментаря адъютантомъ.

Увидѣвъ почтенные панцырные знаки, я присоединился къ нимъ, во-первыхъ, какъ старый товарищъ, а во-вторыхъ потому, что мнѣ эта Нѣмецкая команда въ Польскомъ войскѣ иностраннаго авторамента терзала нестерпимо уши. Какъ-будто у насъ нѣтъ своего языка. Къ чему намъ кричать: Halt! Raus! Wer da? Feuer! когда мы такъ же хорошо могли бы говорить по своему: *Стой! Выходи! Кто идетъ? Пали?*.... Ужъ истинно справедлива пословица: Чтò Нѣмецъ выдумаетъ, то Полякъ купитъ. Какъ бы то ни было, но я на эту ночь примкнулъ къ панцырнымъ. Начальствовалъ ими намѣстникъ князя подстолія Литовскаго, титуловавшійся чѐсникомъ Нурскимъ. Мы тотъ-часъ съ нимъ познакомились, потому что оба принадлежали къ партіи Любомирскихъ, и какъ онъ былъ человѣкъ откровенный и общительный, то я легко къ нему привязался. Приказано было наблюдать осторожность и тишину, и потому мы, усѣвшись съ нимъ въ-сторонѣ на разостланной буркѣ, прошептали цѣлую ночь, изрѣдка только, въ противодѣйствіе ночной росѣ, подкрѣпляясь умѣренно напиткомъ изъ дорожной фляжки. Недостатка въ предметахъ для бесѣды у насъ не было. Когда я выразилъ ему удивленіе, что столько войска соединилось противъ какихъ-нибудь полторы сотни бродягъ, онъ отвѣчалъ, что для поимки гайдамакъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть слишкомъ много рукъ, потому что эти злодѣи защищаются отчаянно и гибнутъ до послѣдняго. зная, что имъ пощады не будетъ. »Ихъ ожидаетъ (прододжалъ онъ) собачья смерть на вѣтви дерева, или страшное сидѣнье на колу, и потому они брасаются какъ бѣшенные одинъ на десятерыхъ, и часто пробиваются сквозь засаду не только сами, но и съ добычею. Вотъ увидите завтра, въ какихъ они богатыхъ нарядахъ. Это они у насъ такъ пріодѣлись,

потому что изъ Сѣчи выходятъ только въ напоенныхъ саломъ рубашкахъ и *кажанкахъ* изъ телячьей кожи« ([1]).

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что ватажко, котораго мы теперь окружили, былъ знаменитый между гайдамаками Запорожецъ Иванъ Чуприна, который уже пятнадцать разъ вторгался въ Польшу и возвращался съ богатою добычею безнаказанно, потому что всегда удачно раздѣлывался съ высыланными противъ него отрядами войска. Три года тому назадъ, онъ напалъ съ шестьюдесятью »молодцами« на Шаргородъ, замучилъ отца чѐсника Нурскаго, ограбилъ домъ и захватилъ въ немъ 40,000 злотыхъ наличныхъ денегъ. Когда же проникнулъ въ самую Волынь и его съ навьюченною *батовнѐю* окружило въ этомъ самомъ мѣстѣ триста драгунъ изъ регимента королевы, Чуприна ударилъ на нихъ ночью, убилъ полковника, увелъ нѣсколько драгунскихъ лошадей и ушелъ безъ всякой потери. И потому панъ чѐсникъ Нурскій жаждалъ отмстить ему теперь за пролитую имъ кровь отца.

»Грѣшно [говорилъ онъ] роптать на опредѣленія Всевышняго: да будетъ Его святая воля! но человѣческія погрѣшности осуждать надобно. До чего дошелъ теперь прекрасный край нашъ, имѣя столько источниковъ могущества! Нѣтъ намъ ни уваженія у сосѣдей, ни безопасности внутри государства. И всему этому причиною гордость нашихъ магнатовъ. Они не хотѣли повиноваться королямъ своимъ и всячески старались ослабить въ народѣ уваженіе къ престолу. Отравили жизнь Вѣнскаго героя; Августу Второму поднесли горькую чашу, хотя, можетъ быть, и по заслугамъ; а что̀ всего хуже — на сеймѣ, который прозванъ нѣмымъ, отняли у отечества послѣднія силы, распустивъ народное войско и уменьшивъ его до нѣсколькихъ тысячъ. Самъ нынѣшній король нашъ не былъ бы такъ намъ постылъ, еслибъ они не связали ему рукъ. Пожалуй у нихъ довольно на жалованьи надворнаго войска, но они его держатъ только для собственныхъ надобно-

---

([1]) См. т. 1, стр. 132 — 133, »Похожденія Гайдамакъ въ Смилой«.

стей. Жалкую жизнь ведутъ наши пограничные обыватели, находясь въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ. Года три назадъ гайдамаки замучили моего отца, въ прошломъ году ограбили мой домъ и едва не захватили жены и дѣтей. Я владѣю за долгъ селомъ Забоклицкихъ, Сельни́цею, но по службѣ долженъ находиться при хоругви, потому что безъ меня некому ею командовать. Мой ротмистръ, князь подстолій Литовскій, живетъ въ своихъ имѣніяхъ, или въ столицѣ; мой поручикъ, Вороничъ, хозяйничаетъ въ своихъ селахъ, въ Кіевскомъ воеводствѣ; мой хорунжій, Бѣлинскій, уже старикъ преклонныхъ лѣтъ, живетъ, ради спасенія души, во Львовѣ въ Бернардинскомъ монастырѣ. Вотъ почему все и обрушилось на голову бѣднаго намѣстника. Такъ вотъ бродяги напали, какъ я сказалъ, на мой домъ въ Сельни́цѣ и забрали все, что̀ могли. Къ счастью, жена моя предчувствовала ихъ посѣщеніе, а предчувствовала потому, что одинъ изъ нашихъ парубковъ, негодяй и пьяница, ушелъ было къ гайдамакамъ. Она нѣсколько недѣль не ночевала съ дѣтьми подъ собственнымъ кровомъ, а ночевала въ оврагахъ, въ коноплѣ и въ лозѣ, перемѣняя мѣсто ночлега каждую ночь, и только на день возвращаясь домой. Эта осторожность спасла ее. Разбойники, вломясь въ мой домъ, застали только при мамкѣ самую меньшую дочь мою и хотѣли разбить ее о стѣну; но мамка пала имъ къ ногамъ и слезами своими и просьбами обезоружила злодѣевъ. Вскорѣ потомъ шайка разбойниковъ напала на мѣстечко Красное, гдѣ мой семилѣтній сынокъ воспитывался въ парафіяльной школѣ у *директора*. Школьники спрятались въ небольшомъ острожкѣ, но наставникъ ихъ попалъ въ руки гайдамакъ. Разграбивъ мѣстечко, они приступили къ острожку и требовали сдачи. Но управляющій имѣніемъ (gubernator kluczowy) не отворилъ имъ воротъ своего Гибралтара. Тогда они рѣшились поджечь дубовый частоколъ, который составлялъ главную защиту этого жалкаго укрѣпленія, и начали подкладывать подъ него солому; а чтобы не изнурять перевозкой лошадей своихъ, запрягали въ возъ школьнаго директора вмѣстѣ съ Жидомъ. Этимъ

способомъ подвезено было уже нѣсколько возовъ соломы, за что̀ досталось обоимъ не мало жестокихъ ударовъ. Но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета за мѣстечкомъ, гдѣ разбойники поставили свою сторожу. Узнавъ по этому сигналу, что приближаются драгуны, они собрали торопливо свой багажъ и поскакали во весь духъ къ Кичманю [такъ называется большой лѣсъ въ окрестностяхъ Краснаго]. Драгуны правда перерѣзали имъ дорогу, но разбойники ударили на-проломъ, застрѣлили изъ ружей двухъ драгунъ и одного коня и ушли съ добычею. Этотъ наѣздъ доставилъ большое удовольствіе моему маленькому Марцисю, тѣмъ, что гайдамаки возвратили сторицею бѣдному Шишкѣ (такъ назывался директоръ) удары, которые онъ имѣлъ обычай разсыпать своимъ школьникамъ.«

Въ такихъ и тому подобныхъ бесѣдахъ провели мы цѣлую ночь. Начинало ужъ свѣтать. Вдругъ по ту сторону лѣса, гдѣ стояла наша пѣхота, раздались выстрѣлы изъ ружей, сперва рѣдкіе, потомъ чаще, чаще, наконецъ загремѣли и пушки. Гулъ, крикъ, громъ стрѣльбы и трескъ валящихся деревьевъ широко разлегались по лѣсу въ утреннемъ росистомъ воздухѣ. Мы ужъ были на лошадяхъ. Испуганные мужики начали бѣжать; панцырные бросились ихъ останавливать. Въ это время сорокъ человѣкъ гайдамакъ, съ двумя десятками вьючныхъ лошадей, выскочили неожиданно изъ лѣсу и дружно ударили на три Волошскія хоругви, стоявшія напереди. Волохи не устояли противъ удара и, не сдѣлавъ даже выстрѣла, опрокинулись въ безпорядкѣ на *компутовыхъ* и, вмѣстѣ съ бѣгущею чернью, произвели такое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, что мы не могли придти въ себя и построиться. Пользуясь этимъ, разбойники выстрѣлили изъ ружей и, убивши нѣсколько рядовыхъ, повернули въскачь къ селу. Намѣстникъ и я настигали ихъ близко; онъ положилъ даже одного негодяя изъ пистолета; но оглянувшись и видя, что мы гонимся за ними только вдвоемъ, мы остановились. Гайдамаки между тѣмъ, пройдя черезъ село и зажегши его за собой, достигли сосѣдняго лѣса. Правда, за ними послана была по-

гоня, которую региментарь, занятый въ другомъ пунктѣ, едва черезъ часъ могъ нарядить, но безъ всякаго успѣха; ибо эти бродяги, сидя на быстрыхъ лошадяхъ, не дали себя настигнуть и ушли въ Сѣчь, оставляя вездѣ за собой пожары.

Не такъ удачно подвизались тѣ гайдамаки, на которыхъ наступила въ лѣсу наша пѣхота. Защищались правда отчаянно эти разбойники, убили нашего подполковника, двухъ, или трехъ офицеровъ и около пятидесяти рядовыхъ; нѣсколькихъ такъ-же ранили, и въ томъ числѣ маіора; но трудно было имъ стоять противъ нашихъ ружей и пушекъ, которыя ломали деревья и пришибали ихъ стволами и сучьями; къ тому жъ они лишились своего ватажка и, смущенные этимъ событіемъ, почти всѣ были перебиты; остальные недобитки и раненые захвачены въ плѣнъ. Погибло ихъ около весьмидесяти, а изувѣченныхъ и здоровыхъ схвачено около сорока. Ватажко ихъ, Иванъ Чуприна, палъ отъ руки молодого князя Мартина Любомирскаго, который при самомъ вступленіи въ лѣсъ, на челѣ своихъ гренадеровъ, замѣтилъ его и убилъ его изъ ружья въ ту самую минуту, когда онъ, стоя на колѣняхъ подъ дубомъ, прицѣливался въ него. Найдено было при Чупринѣ богатое Турецкое вооруженіе въ серебрѣ, нѣсколько брильянтовыхъ перстней на пальцахъ, пять золотыхъ часовъ и полторы тысячи червонцевъ въ поясѣ. У другихъ гайдамакъ такъ-же нашли множество денегъ въ поясахъ и сѣдельныхъ подушкахъ, часовъ и дорогого оружія, а въ батовнѣ ихъ — безчисленное количество серебра, дорогихъ матерій, золотыхъ поясовъ, женскихъ нарядовъ и мѣховъ, церковныхъ *орнатъ, капъ*, рясъ, чашъ и другихъ принадлежностей богослуженія (католическаго), а такъ-же и Жидовскихъ одеждъ, жемчугу, серегъ и тому подобныхъ вещей. Все это было награблено ими въ этомъ несчастномъ пограничномъ краю. Взято такъ-же нѣсколько десятковъ лошадей, между которыми много было отличной породы. Прочія валялись въ лѣсу убитыя, или тяжело раненныя.

Послѣ этого мы расположились обозомъ на возвышеніи и отдыхали трое сутокъ. Въ теченіе этого времени составлена опись

добычѣ и сдѣланъ дѣлежъ между офицерами и рядовыми. Не забыли и вдовъ, оставшихся послѣ павшихъ въ бою. Каждому капитану досталось, кажется, по 50, поручику по 30, унтеръ-офицеру по 10, а рядовому по 4 дуката. Церковныя же вещи и украшенія потомъ разослано по костеламъ и церквамъ (уніятскимъ).

Въ это время прибылъ такъ-же изъ Каменца-Подольскаго войсковой судья съ инстигаторомъ и палачъ съ своими прислужниками. Начался допросъ пойманныхъ гайдамакъ; ихъ пытали, и изъ ихъ показаній оказалось, что ихъ было 160 »молодцовъ« и что ватажко ихъ Иванъ Чуприна остановился и обрубился въ этомъ лѣсу, поджидая своего отряда изъ пятнадцати »молодцовъ«, который онъ выслалъ на грабежъ въ другую сторону, съ своимъ братомъ; что при батовнѣ ихъ находилось двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которыхъ они поименовали, но объявили, что они невинны, ибо служили у нихъ по принужденію; и что въ эту ночь ватажко ихъ, который былъ большой характéрникъ, усомнился въ своемъ счастьи, замѣтивши зловѣщій признакъ, а именно: когда онъ грѣлся у огня, вся *нýжа* сползлась у него къ воротнику. Тогда онъ и сказалъ: *Оттепéръ намъ бýде лúхо зъ врáжими Ляхáми!* Раздѣлившись на четыре отряда, гайдамаки намѣрены были ударить на разсвѣтѣ всѣ вдругъ, по данному знаку, на проломъ въ разныя стороны. Знакомъ этимъ долженъ былъ служить выстрѣлъ ватажка изъ пистолета, на который каждый отрядъ отвѣтилъ бы двумя ружейными выстрѣлами. Но этотъ планъ былъ разстроенъ непредвидѣннымъ случаемъ. Когда начало разсвѣтать, ватажко поползъ на четверенькахъ къ опушкѣ лѣса, чтобъ высмотрѣть, что̀ дѣлаютъ Ляхи. За нимъ поползло нѣсколько »молодцовъ«, и вдругъ у одного изъ нихъ ружье, зацѣпясь за вѣтку, выстрѣлило. На этотъ фальшивый сигналъ отвѣтили другіе выстрѣлы, и прежде нежели гайдамаки сѣли на коней и построились въ боевой порядокъ, Польская пѣхота двинулась въ лѣсъ и произвела между ними замѣшательство, тѣмъ болѣе что ватажко ихъ палъ отъ первой пули. Судья записалъ всѣ эти показанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ длинный списокъ убитыхъ и живыхъ

гайдамакъ и произнесъ послѣднимъ приговоръ. Однихъ осудилъ онъ на висѣлицу, другихъ на колъ, третьихъ на четвертованье. Живыхъ отослали подъ сильной стражей въ Каменецъ-Подольскую крѣпость для исполненія этого приговора; а мертвыхъ четвертовали на мѣстѣ и разослали головы, руки и ноги по городамъ и мѣстечкамъ для всенародной выставки на кольяхъ. Остальныхъ зарыли въ Ялтушовскомъ лѣсу надъ большой дорогой и насыпали надъ ними, для вѣчной памяти, курганъ.

Чтó касается до пятнадцати разбойниковъ, которыхъ поджидала здѣсь главная шайка, то они то же не ушли отъ бѣды. Двое изъ нихъ, высланные *на чáты* (на развѣдыванье), были схвачены. Старый гайдамака не высказалъ ничего и вытерпѣлъ до конца всѣ муки, которыми пытали; но молодой, вовсе не разбойничьей наружности парень, допрошенный особо, объявилъ, что товарищи его засѣли уже нѣсколько дней тому назадъ въ оврагѣ посреди степей между скирдъ, миляхъ въ десяти отъ того мѣста по направленію къ Константинову. Его поколебали увѣренія, что ему не только будетъ дарована жизнь, но что будетъ онъ даже принятъ въ особенную панскую милость и поступитъ въ число надворныхъ козаковъ, потому что онъ понравился молодому князю Любомирскому. Онъ объявилъ такъ-же, что число хищниковъ увеличилось до тридцати новобранцами изъ поселянъ; что они высылаютъ на *Черный шляхъ* сторожу для поимки прохожихъ, которыхъ она уводитъ въ свой притонъ, и что у нихъ ужъ множество лошадей, добычи и плѣнныхъ. Въ заключеніе, онъ обѣщалъ проводить къ тому мѣсту Поляковъ.

Рейментарь тотъ-часъ выслалъ противъ нихъ триста человѣкъ пѣхоты, посадивъ ихъ на коней, взятыхъ въ Волошскихъ хоругвяхъ, и столько же городовыхъ козаковъ, съ двумя пушками, подъ начальствомъ молодого князя Мартина Любомирскаго, который за успѣшное дѣло въ лѣсу произведенъ былъ въ полковники. При немъ находился еще гуверперъ Французъ, какой-то баронъ, старый, какъ видно, служака, который потихоньку давалъ ему со-

вѣты. Старый маіоръ такъ-же отправился въ этомъ отрядѣ. Они двинулись быстрымъ маршемъ, а предводители съ остальнымъ войскомъ выступили въ-слѣдъ за ними. Молодой Любомирскій и здѣсь извернулся молодцомъ. Онъ такъ искусно подступилъ къ гайдамакамъ, и такъ хорошо воспользовался указаніями помилованнаго разбойника, что окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а высланныхъ на Черный шляхъ козаки нашли спящими за курганомъ. Но тѣ, что сидѣли въ оврагѣ, не хотѣли сдаться, хотя, для устрашенія, по нимъ выстрѣлили изъ пушекъ; напротивъ, принялись рѣзать своихъ плѣнниковъ, запертыхъ въ одной хаткѣ [потому что потомъ нашли тамъ зарѣзанныхъ восемнадцать Жидовъ, нѣсколькихъ Жидовокъ, одного уніята и одного ксенза; остальные были спасены приспѣвшею пѣхотою]. Гренадеры приняли гайдамакъ въ штыки и кололи, какъ дикихъ кабановъ. Трое были убиты, остальные перевязаны; но всѣ были такъ изранены, что большая часть ихъ перемерла до трехъ дней. Съ нашей стороны убитъ былъ только одинъ барабанщикъ и ранено ножами нѣсколько рядовыхъ. Выручено было изъ плѣна шестеро уніятовъ съ женами, пятеро ксензовъ, два Іезуита, болѣе двадцати женщинъ и дѣвицъ шляхтянокъ и болѣе дюжины шляхтичей. Всѣ они были набиты какъ сельди въ этой лачужкѣ и раздѣты почти до-нага. Но потомъ было открыто еще въ сосѣднихъ оврагахъ человѣкъ пятнадцать замученныхъ шляхтичей. Найдено около полутораста лошадей, какъ въ батовнѣ, такъ подъ сѣдлами и безъ сѣделъ. Между скирдъ нагромождено было великое множество колясокъ, брикъ, повозокъ, дорожнихъ возковъ, разнаго рода сундуковъ, чемодановъ, шкатулокъ и погребцовъ, награбленныхъ на большой дорогѣ. Региментарь и князь Антоній Любомирскій только на третій день прибыли съ войскомъ на то мѣсто. Освобожденные изъ разбойничьихъ рукъ плѣнники вышли имъ навстрѣчу съ непритворною радостью и благодарностью. Добыча, найденная при самихъ гайдамакахъ и въ повозкахъ, была очень значительна. Всему сдѣлана обстоятельная опись, и оставшіеся въ живыхъ владѣльцы показывали, что̀ у нихъ заграблено, обозначая разныя вещи, платья и мѣшки; потомъ ихъ отвели подъ особен-

ный навѣсъ, гдѣ разложено было все это имущество, и каждый получилъ то, что̀ было признано ему принадлежащимъ.

И здѣсь войско отдыхало трое сутокъ. По распоряженію начальствующихъ, отслужена была печальная панихида въ долинѣ смерти, и тѣла замученныхъ Христіянъ погребены были приличнымъ образомъ на кладбищѣ сосѣдняго села, а Жидамъ позволено было забрать трупы своихъ единовѣрцевъ для погребенія ихъ по своимъ обрядамъ. Остальная добыча опять была раздѣлена между войскомъ, а молодой князь Мартинъ Любомирскій наименованъ генераломъ, и тотъ-часъ отправленъ былъ гонецъ къ королю съ просьбою объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ. Для войсковаго судьи и палача открылось новое поприще допросовъ и пытокъ. Нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ гайдамакъ четвертовали они на мѣстѣ, или посадили на колъ, а одному переломали руки и голени и потомъ повѣсили, зацѣпивъ желѣзнымъ крюкомъ за ребро, такъ какъ онъ признался въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. То былъ какой-то плутъ поповичъ изъ Волыни; приглянулся онъ какой-то уже немолодой госпожѣ, отравилъ ея мужа и на ней женился. Она записала ему свое имѣніе, и онъ началъ было уже называться дворяниномъ и даже паномъ мѐчникомъ. Потомъ, когда баба ему надоѣла, онъ такъ-же отравилъ и ее, а имущество ея присвоилъ себѣ. Наконецъ началъ дѣлать сосѣдямъ насилія, наѣзжая на ихъ дома. Его судили и приговорили къ смерти; но онъ ушелъ изъ Волыни и присталъ къ гайдамакамъ, которыхъ изумилъ изысканною жестокостью, съ какою онъ забавлялся муками несчастныхъ жертвъ, допрашивая ихъ, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, и заслужилъ отъ разбойниковъ имя *Исповѣдника*. Трупы падшихъ злодѣевъ погребены тѣмъ же самымъ порядкомъ, что̀ и первыхъ; руки и ноги казненныхъ развезены по городамъ и большимъ дорогамъ. Войско разошлось по старымъ становищамъ, а рейментарь и воевода Тарло отправился съ княземъ Антоніемъ Любомирскимъ въ Полонное. Въѣздъ нашъ въ этотъ городъ былъ тріумфальный. Насъ встрѣтили пушечною и ружейною пальбою съ крѣпостныхъ валовъ; а у самаго въѣзда въ Полонное комендантъ крѣ-

пости, старый Французъ Шамбонъ, поднесъ князю на бархатной подушкѣ ключи отъ воротъ, а тотъ передалъ ихъ генеральному региментарю. Мѣщанскіе цѣхи и Жидовскіе кагалы ожидали насъ у Кривыхъ воротъ, а у замковыхъ ректоръ Іезуитовъ на челѣ своего духовенства встрѣтилъ вождей и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой сравнивалъ ихъ съ какимъ-то Римскимъ великимъ Помпеемъ, который такъ-же нѣкогда воеволъ съ разбойниками, а молодого князя Мартина Любомирскаго, за его смѣлое вступленіе въ лѣсъ, уподобилъ какому-то рыцарю Курцію, который бросился въ открытую бездну. Во дворцѣ княгиня Любомирская, окруженная многочисленными гостьми, привѣтствовала на крыльцѣ побѣдителей. Между пріѣзжими находилась супруга короннаго подстолія, княгиня Гонората, и семейство князя Яблоновскаго, воеводы Познанскаго. Великолѣпный обѣдъ, частые бокалы, пальба съ валовъ, а вечеромъ фейерверкъ и танцы завершили этотъ веселый день. И надобно сказать, что никто не былъ лѣнивъ въ этой работѣ и не заставлялъ себя упрашивать къ очереднымъ бокаламъ, или тянуть за ухо къ танцамъ. Молодой князь Любомирскій и его дядя, князь Францискъ Любомирскій, только что прибывшій изъ-за границы, и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ въ короткіе Французскіе кафтаны, танцовали менуэтъ, экоссесъ, страсбургскій и штрайеръ; мы, въ кунтушахъ, отплясывали съ почетными паннами княгини (1) мазурку, краковякъ и польскій; а всѣ вмѣстѣ окончили балъ быстрымъ драбантомъ.

Но этимъ днемъ не кончились пиршества и танцы въ Полонскомъ за́мкѣ; ибо въ-старину съѣзжались рѣдко, но за-то надолго. На третьи сутки устроенъ былъ для дамъ спектакль, представляющій пораженіе гайдамакъ въ долинѣ скирдъ. Не вдалекѣ отъ одного изъ предмѣстій пріискана была мѣстность, напоминающая отъ-части тотъ оврагъ. Были тамъ и скирды, сложили и хатку въ

---

(1) Respectowe panny — родъ горничныхъ изъ шляхетскихъ фамилій. *Прим. издат.*

оврагѣ. Нѣсколько рядовыхъ было одѣто въ гайдамацкіе костюмы; другіе переодѣлись схваченными на дорогѣ проѣзжими; не было недостатка и въ переодѣтыхъ женщинахъ. Навели туда множество лошадей, навезли повозокъ, сундуковъ, словомъ — всего, что̀ было нужно для подражанія дѣйствительному происшествію. Все общество двинулось изъ за̀мка къ этому мѣсту — дамы и пожилые мужчины въ многочисленныхъ и блестящихъ экипажахъ, а молодежь вся верхами. Когда зрители усѣлись на приготовленныхъ для того лавкахъ, расположенныхъ уступами и покрытыхъ коврами, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и спектакль начался тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ происходилъ онъ на самомъ дѣлѣ. Пѣхота и городовые козаки, разставленные въ отдаленіи, начали приближаться и окружать разбойничій притонъ. Молодой Любомирскій взобрался на стогъ сѣна и наблюдалъ все въ зрительную трубу, а Французъ-гувернеръ, какъ свидѣтель происшествія, объяснялъ княгинѣ и другимъ дамамъ разныя обстоятельства этой стычки съ гайдамаками. Молодой Любомирскій выслалъ одного изъ пойманныхъ шпіоновъ къ разбойникамъ, требуя сдачи, потому что они уже окружены со всѣхъ сторонъ. Вмѣсто отвѣта, двѣнадцать разбойниковъ выѣхали верхомъ на возвышенность и принялись ругать и раззадоривать Ляховъ. Выстрѣлили по нимъ изъ двухъ пушекъ; двое повалилось съ лошадей; остальные поскакали къ хаткѣ и бросились терзать плѣнниковъ. Тутъ гренадеры прибѣжали и выломали дверь, съ крикомъ: »Бей ихъ! руби ихъ! въ штыки!« Началась схватка на штыкахъ и ножахъ; начали таскать раненныхъ и убитыхъ гайдамакъ и плѣнныхъ. Искусственная кровь лилась потоками, обагряя побѣдителей и побѣжденныхъ. Княгиня мать и присутствовавшія дамы осыпали ласками молодого Любомирскаго, который былъ героемъ дня. Жаль только, что полдень и закатъ его жизни не оправдали надеждъ, которыя подавало утро....

На другой день играли на театрѣ, недавно устроенномъ въ за̀мкѣ, французскую комедію. Мнѣ кой-какъ объясняли ее; но я всего только и помню, что въ ней много шуму дѣлала какая-то

Турчанка, любовница султана, очень похожая названіемъ на нашу попадью изъ Рогатина, на эту Роксолану, которая, говорятъ, то же была женой какого-то Турецкаго султана (1). Я сидѣлъ, какъ на Нѣмецкой проповѣди. Роли мужчинъ играли молодой Любомирскій, его гувенеръ и полковой лѣкарь, такъ-же Французъ; а женскія — сестра княгини Любомирской, Француженка, гувернантка маленькой княжны, и дочь старика коменданта, Шамбона; и такъ какъ между паннами-прислужницами не было ни одной, которая бы умѣла parler français [въ тѣ времена не всѣ, такъ какъ теперь, говорили на этомъ *бонжурномъ* языкѣ], то танцору Итальянцу дана была четвертая женская роль, и молодой, тщедушный Итальянчикъ довольно искусно представлялъ бусурманку. Должно было быть въ той комедіи что-то очень трогательное, потому что супруга пана старосты и другія дамы часто отирали глаза платками и кричали: Bravo! charmant! sublime! А меня, такъ больше всего забавляло то, что Турки говорили по-Французски и что актеры въ чалмахъ подъѣзжали къ женщинамъ съ такими ужимками, какъ наши пряничные франты, воротившіеся изъ Парижа.

За два часа скуки, которые провелъ я, глазѣя на сцену и ничего не понимая, я вознаградилъ себя на другой день на большой охотѣ, которою угостилъ насъ князь: убилъ я двухъ козловъ и одного вепря. Но какимъ образомъ воротился я съ охоты — не помню, потому что за охотничьимъ обѣдомъ, который данъ былъ подъ навѣсомъ въ лѣсу, князь всѣхъ насъ такъ употчивалъ, а особливо, когда къ концу обѣда начали пить, вмѣсто кубковъ, изъ охотничьихъ роговъ, что всѣ мы повалились тамъ же безъ памяти, и ужъ потомъ гайдуки уложили насъ въ экипажи и перевезли въ зáмокъ.

Такъ проводили мы въ Полонномъ нѣсколько дней въ пирахъ и танцахъ, а потомъ князь Яблоновскій пригласилъ все общество къ себѣ въ Лабунъ. Остался въ Полонномъ только молодой

(1) Это, какъ видно, была трагедія Расина «Bajazet». *Пр. Изд.*

Любомирскій, которому отецъ поручилъ охраненіе крѣпости въ его отсутствіе......

Разскажу теперь о другомъ походѣ противъ гайдамакъ, въ которомъ я то-же участвовалъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ялтушовскаго дѣла, какъ начали ходить по нашей сторонѣ слухи, что сильная гайдамацкая шайка вышла изъ-за рѣки Синюхи, ограбила разныя помѣстья панскія въ Кіевскомъ воеводствѣ, углубилась далеко въ Полѣсье и будетъ возвращаться черезъ Волынь; но гдѣ она появится изъ лѣсовъ и зарослей на поляхъ и какимъ именно путемъ будетъ идти, никто не зналъ. Всеобщій ужасъ распротранился между жителями отъ этихъ слуховъ; съ каждой милей они становились страшнѣе и страшнѣе. Только и рѣчей было всюду, что о гайдамакахъ. Тамъ видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей, то нищихъ, то бродягъ, вѣроятно, шпіоновъ гайдамацкихъ; въ другомъ мѣстѣ разсказывали, какъ разбойники сожгли домъ съ хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Въ Овручскомъ повѣтѣ они, по словамъ разскащиковъ, обратили въ пепелъ цѣлое мѣстечко, а Жидовъ вырѣзали до одного; въ Мозырскомъ якобы ограбили костёлъ и нѣсколько (уніятскихъ) церквей; а еще гдѣ-нибудь вторгнулись въ монастырь, жгли монаховъ на огнѣ и пороли имъ жилы; и съ каждымъ днемъ силы гайдамакъ, въ этихъ разсказахъ, увеличивались, такъ что ужъ ихъ насчитали, можетъ быть, въ десять разъ больше, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. На дорогахъ безпрестанно встрѣчались шляхта и Жиды, перевозившіе женъ, дѣтей и лучшее изъ движимости въ города и небольшія укрѣпленія въ магнатскихъ имѣніяхъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь защиту.

Княгиня Любомирская въ то время была беременна. Въ Ровномъ довольно было надворнаго войска; но какъ этотъ городъ не былъ укрѣпленъ, то мужъ, для большей безопасности и спокойствія, рѣшился перевезть ее въ Полонскій зáмокъ, гдѣ бы она разрѣшилась отъ бремени. Антоній Любомирскій находился въ то время съ женой въ своихъ Сандомирскихъ имѣніяхъ, откуда намѣренъ былъ переѣхать, по судебнымъ дѣламъ, въ Люблинъ, и

сынъ ихъ, молодой князь Мартинъ, остававшійся для охраненія крѣпости, предложилъ къ услугамъ своего дяди весь свой дворецъ. Итакъ мы двинулись изъ Ровнаго, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя рейтаръ и козаковъ, а пѣхота послана была впередъ. Въ Славутскихъ лѣсахъ встрѣтилъ князя и княгиню молодой Любомирскій, съ сильнымъ отрядомъ войска и четырьмя пушками, изъ которыхъ, во время отдыха въ лѣсу, приказалъ, для забавы княгини, раздробить нѣсколько сосенъ. Достигши благополучно Полоннаго, застали мы всѣ постоялые и мѣщанскіе дома наполненными шляхтою, которая собралась сюда изъ близкихъ и далекихъ окрестностей, ища убѣжища подъ защитой крѣпости. До сихъ поръ не было навѣрное извѣстно, куда повернули гайдамаки. Посылали развѣдывать Жидовъ, но они возвращались ни съ чѣмъ, потому что, хоть ихъ и соблазняла богатая награда, которую имъ обѣщали, но опасеніе попасться въ руки гайдамакъ подавляло въ нихъ и самую жадность къ деньгамъ.

Наконецъ князь Мартинъ Любомирскій выслалъ восемь вѣрныхъ и расторопныхъ козаковъ, давши каждому по десяти червонцевъ на дорогу и обѣщавъ дать въ десять разъ больше тому изъ нихъ, кто привезетъ вѣрныя вѣсти о направленіи пути и силѣ гайдамакъ. Козаки отправились каждый въ свою сторону, и долго не было о нихъ никакого слуху; наконецъ четверо воротились ни съ чѣмъ. Собравшаяся въ Полонномъ шляхта, будучи принуждена дорогою цѣною платить за неудобное помѣщеніе и негодные съѣстные припасы, начала ужъ роптать, что ихъ обманываютъ баснями, что, если гайдамаки и были гдѣ-нибудь, то ужъ должны воротиться въ свои притоны, и стала разъѣзжаться по домамъ. Въ это время двое изъ высланныхъ козаковъ, Гла́дкій и Лобода́ [я помню очень хорошо имена каждаго изъ нихъ] воротились изъ соглядатайства. Тотъ-часъ представили ихъ князю Мартину. Оба они пришли пѣшкомъ, въ мужичьей одеждѣ, и принесли такое донесеніе:

»Милостивый князь и батько! долго мы съ трудомъ пробирались въ-одиночку по лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ; нако-

нецъ случайно встрѣтились у одного хутора въ глухомъ бору надъ ручьемъ и только тамъ получили вѣрныя извѣстія о гайдамацкомъ становищѣ, отъ стараго пасичника. Бородачъ этотъ знается съ ними, а мы прикинулись, что тоже хотимъ пристать къ »молодцамъ«. Онъ и наставилъ насъ, какъ къ нимъ пробраться; и какъ онъ намъ сказалъ, что они покупаютъ лошадей, то мы воротились въ мѣстечко Звяхло и, промѣнявъ тамъ свою козацкую одежу на мужичью, купили за деньги, пожалованныя намъ отъ васъ, милостивый князь, по другой еще лошади и уже знакомыми *мановца́ми* (дорогами напрямикъ) пустились къ гайдамацкому притону, подъ видомъ парубковъ, которые привели лошадей на продажу. Они стоятъ, отсюда въ добрыхъ десяти миляхъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, въ урочищѣ *Обозови́ще*. Мы ужъ застали тамъ двоихъ нашихъ товарищей-козаковъ, Кирила Ласуна и Ивана Ворону. Тѣ прикинулись, какъ-будто пристали къ гайдамакамъ и показываютъ видъ, что другъ съ другомъ незнакомы. Особенно Ласунъ имъ полюбился и живетъ съ старшиною за панибрата. Теперь онъ ходитъ въ золотѣ и серебрѣ, точно какой вельможа. Да и всѣ они носятъ золотые пояса, красные суконные ку́нтуши, шелковые жупа́ны и собольи шапки, а оружіе у нихъ такое дорогое, что и Турецкій паша не постыдился бы носить при боку. Продали мы имъ своихъ купленныхъ лошадей съ сѣдлами; заплатили они намъ щедро, и вотъ мы принесли вамъ, милостивый князь, въ калиткахъ червонцы. Ворона старался держаться отъ насъ подальше, чтобъ не дать подозрѣнія, посматривалъ только сбоку, поглаживая усъ, и изрѣдка подмигивалъ намъ, нахмуривши брови. Но Ласунъ былъ при продажѣ лошадей, помогалъ торговаться, *могори́чъ* пилъ и просилъ насъ привести еще лошадей съ сѣдлами, а между тѣмъ украдкою шепнулъ намъ, что ватажко, Семенъ Чортоусъ, до сихъ поръ не собралъ еще всѣхъ молодцовъ, разосланныхъ за добычею, которыхъ всего у него человѣкъ триста слишкомъ; что до сихъ поръ соединилось только два отряда, а другихъ двухъ поджидаютъ; что они послѣ завтра выступятъ оттуда, двѣ мили далѣе, въ урочище *Мазе́пина Моги́ла*, гдѣ на-

значенъ сборъ всѣмъ шайкамъ; а оттуда пустятся дальше искать счастья. Онъ велѣлъ намъ летѣть птицею и увѣдомить васъ, милостивый князь, по секрету, чтобы вы были готовы и держали ногу въ стремени, а съ другими не пускаться въ раздобары, потому что у гайдамакъ вездѣ есть свои шпіоны. Когда же перейдутъ къ Мазепиной Могилѣ, то онъ останется, чтобъ ихъ морóчить, а Ворона дастъ драла и приведетъ васъ, милостивый князь, прямехонько къ гайдамакамъ.«

Князь далъ этимъ козакамъ по пятидесяти рублей, обѣщавъ выдать остальные, когда донесеніе ихъ оправдается, и велѣлъ имъ до времени гдѣ-нибудь скрыться. Начали готовиться къ походу, никому не объявляя цѣли своихъ приготовленій и дожидаясь прибытія Вороны. Какъ вотъ на третьи сутки въ полночь явился у воротъ, называвшихся Кіевскими, гонецъ на усталомъ и задыхающемся конѣ и требовалъ, чтобъ его тотъ-часъ впустили въ зáмокъ. То былъ Ворона. Но его никто бы не узналъ: онъ былъ въ богатомъ кунтушѣ съ рубиновыми пуговицами и въ гайдамацкомъ вооруженіи. Сторожевой офицеръ, по сдѣланному напередъ распоряженію, тотъ-часъ отвелъ его въ караульню, куда вскорѣ пришелъ и князь Мартинъ Любомирскій. Поклонившись князю въ колѣни, Ворона началъ разсказывать, что, когда, на другой ден по прибытіи къ Мазепиной Могилѣ, пришла въ таборъ другая шайка, онъ, воспользовавшись общимъ говоромъ и суматохою, ушелъ отъ гайдамакъ, не будучи никѣмъ замѣченъ и преслѣдуемъ. »Надобно намъ спѣшить, милостивый князь«, продолжалъ онъ, »потому что завтра и остальные гайдамаки соединятся съ ватажкою, а черезъ нѣсколько дней они выступятъ въ степи, къ Константинову, на который намѣрены напасть среди бѣла дня, разграбить и зажечь, потому что чувствуютъ себя довольно для того сильными. Теперешнее ихъ становище заросло молодымъ боромъ и довольно просторное; но окружить ихъ можно, потому что оно расположено на острову, окруженномъ рѣкою и топкимъ болотомъ, черезъ которое не пройдетъ ни человѣкъ, ни конь, ни собака. Только три плотины ведутъ на островъ. Надобно намъ взять

съ собой хлѣба и кушаньевъ дня на четыре, потому что я васъ, милостивый князь, буду вести лѣсами и зарослями, и только одно село будемъ переходить, чтобъ переправиться тамъ черезъ Случъ; а пѣхоту и пушкарей надобно бы везти на подводахъ. Гайдамаки ободрились своею удачею и не очень усторожливы, потому что до сихъ поръ никто и въ глаза имъ не заглянулъ; а шпіоны ихъ, которые были здѣсь въ Полонномъ, донесли имъ, что укрѣпляютъ зáмокъ, что ихъ боятся, и потому имъ не приходитъ и въ голову, чтобы кто вздумалъ искать ихъ. Безпечныхъ легко можно застать въ-расплохъ, лишь бы не терять времени.«

Встрепенулся молодой полководецъ. Уже пришли къ нему, два дня тому назадъ, изъ Бара одинъ козацкій и одинъ пѣшій полкъ, которые вмѣстѣ заключали въ себѣ до шести-сотъ человѣкъ. Прибавивъ сюда первый региментъ старосты Казимірскаго, Антонія Любомирскаго, отрядъ пѣхоты изъ Ровнаго, часть гарнизона, надворныхъ рейтаръ, да козаковъ Полонскихъ и Ровенскихъ, насчитали 600 человѣкъ конницы, 750 пѣхоты и 18 пушекъ. Надобно замѣтить, что въ Полонномъ уменьшилось войска по случаю отъѣзда въ Польшу князя Антонія, котораго сопровождали 24 рейтара и 50 козаковъ; да сверхъ того 50 человѣкъ пѣхоты съ тремя офицерами отправлено въ Варшаву при обозѣ съ поташемъ, саломъ и масломъ для продажи.

Я просилъ позволенія участвовать и въ этомъ походѣ, потому что княгиня Гонората и князь подстолій коронный поручили мнѣ ѣхать и беречь жизнь князя Мартина. Въ полъ-день мы выступили изъ Кіевскихъ воротъ. За городомъ, около Дертки, стояло на-готовѣ нѣсколько сотъ подводъ. На каждой изъ нихъ помѣстилось по три пѣхотинца, и войско двинулось въ путь; а впереди козакъ Ворона указывалъ дорогу. Это была охота на крупнаго звѣря, у котораго и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе очень остры, а когти еще острѣе, и потому, подъ строжайшею карою, запрещено было не только разговаривать, кашлять, но даже высѣкать огонь и курить табакъ. Ворона повернулъ съ большой дороги на тропинку вправо. Мы ѣхали лѣсомъ молча, тихо, такъ что только

развѣ изрѣдка пушечное колесо стучало, наскочивъ на древесный корень, или трещали сухіе сучья на дорогѣ. Останавливались на самое короткое время для отдыха, а потомъ опять шли день и ночь. До Случи переправы были еще сносны, но потомъ забрались мы въ такія трущобы, зàросли, вертепы и выбои, что съ трудомъ вытаскивали возы и пушки изъ этого истинно Полѣсскаго колтуна. Къ счастью нашему, эту часть пути случилось намъ проходить при дневномъ свѣтѣ. Когда мы выбрались изъ этой пущи и достигли болѣе жидкаго бора, Ворона соскочилъ съ коня и отъ радости поцѣловалъ землю, благодаря Бога, что помогъ намъ выдти безъ всякаго несчастья изъ этой трущобы: ночью намъ удалось бы это развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Рѣдкіе люди эти козаки Русины! чтò за проворство, чтò за смѣтливость! а проводниковъ не найдете вы нигдѣ подобныхъ; въ бѣдѣ всегда придумаютъ, какъ извернуться, и если который изъ нихъ привяжется душою къ пану, то и Швейцарца не нужно.

Невдалекѣ отъ этихъ зарослей находился хуторъ того пасичника, о которомъ говорили первые вѣстники. Мы тотъ-часъ его окружили и схватили стараго негодяя. Нѣсколько рядовыхъ было оставлено въ его хатѣ для стражи, чтобы кто-нибудь изъ его семьи не увѣдомилъ о насъ гайдамакъ, а самого его взяли мы съ собой и велѣли ему вести себя къ притону разбойниковъ. Ворона предупредилъ насъ, что версты черезъ двѣ по нашей дорогѣ стоитъ небольшая лѣсная деревушка, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ, и совѣтовалъ такъ-же окружить ее неожиданно, чтобы и оттуда гайдамакамъ не передалъ никто вѣсти, а между тѣмъ, можетъ быть, удастся — говорилъ онъ — схватить кого-нибудь изъ ихъ шайки. Для этого отправленъ впередъ полковникъ Мурзенко съ его козаками и Вороною, а мы слѣдовали за ними поотдаль, по указаніямъ пасичника и Лободы. Мурзенку посчастливилось не только окружить деревушку, но поймать и двоихъ гайдамакъ, которые пріѣхали туда покупать сала и хлѣба. И здѣсь красивый и ловкій молодецъ оказался менѣе закоренѣлымъ злодѣемъ, нежели его пожилой товарищъ. На особомъ допросѣ, онъ признался кня-

зю Мартину со слезами, что его гайдамаки похитили еще ребенкомъ на Подольи изъ шляхетскаго дома, что онъ взросъ на Сѣчи, какъ воспитанникъ и слуга реестрового козака, что теперь вышелъ впервые въ походъ подъ надзоромъ этого старшаго гайдамаки, котораго приказано ему называть *дя́дькомъ*, и что на него еще не полагаются и ни на шагъ отъ себя не отпускаютъ. Когда же князь обѣщалъ не только простить его, но еще принять въ число надворныхъ козаковъ, если искренно во всемъ сознается и проводитъ къ табору ватажка, тогда онъ обѣщалъ и поклялся не только провести, но указать мѣста, по которымъ всего удобнѣе обложить находящійся среди болотъ островъ, и заградить на трехъ плотинахъ изъ него выходъ. Онъ сообщилъ, что уже всѣ шайки соединились вчера у Мазепиной Могилы, а послѣ завтра намѣрены двинуться въ степи, къ Константинову. Что касается до описанья мѣстности гайдамацкаго притона, то показанья его согласовались съ разсказомъ Вороны. Но старый разбойникъ не сознался ни въ чемъ. Ни обѣщанія и увѣщанія войскового судьи, ни пытка, въ которой палачъ работалъ отъ всего сердца, не въ силахъ были прервать упорнаго молчанія закаленнаго въ терпѣливости разбойника. Мы провели ночь въ этой деревушкѣ, а между тѣмъ пришли толпы мужиковъ, согнанныхъ изъ ближайшихъ селъ, съ заступами и топорами, — всего человѣкъ тысяча. Рано утромъ пустились мы въ дальнѣйшій путь. Мурзенко съ козаками служилъ намъ авангардомъ. Послѣ дневного похода, достигли мы одного урочища, гдѣ въ-старину должно́ было существовать какое-то поселеніе; потому что въ лѣсу замѣтны были на большомъ пространствѣ слѣды садовъ и загоновъ; остатки хатъ и колодези такъ же указывали на пребываніе жителей въ этомъ мѣстѣ. Здѣсь новообращенный гайдамака сказалъ намъ, что до Мазепиной Могилы остается только полъ-мили, и совѣтовалъ, чтобы обождать здѣсь до двухъ часовъ по полуночи, или, какъ выразился онъ, указавъ на искрящееся звѣздами небо, *по́ки не за́йдуть Коза́ре*. А когда молодой князь Любомирскій высказалъ опасеніе, чтобы гайдамаки не замѣтили насъ въ этихъ

мѣстахъ, онъ отвѣчалъ: »Не бойтесь, ни одинъ изъ нихъ ночью не осмѣлится заглянуть сюда, потому что урочище считается заклятымъ, то есть такимъ, на которомъ упыри и вѣдьмы дѣлаютъ разныя пакости и пугаютъ прохожихъ: поэтому-то и называютъ его *Кýцого Чóрта Слободá*. Но, видно, та ночь была не по вкусу чертямъ, потому что ни одно страшилище не пришло пригласить на танецъ вѣдьму, которую мы привезли съ собой въ особѣ обозной маркитантки, жены одного капрала, очень способной летать на кочергѣ.

По мѣрѣ того, какъ потухали звѣзды, на небѣ становилось замѣтнѣе зарево отъ разбойничьихъ огней. Основываясь на показаніяхъ Вороны и молодого гайдамаки, составленъ былъ планъ обложенья разбойниковъ. При началѣ каждой изъ трехъ плотинъ рѣшено было поставить по шести пушекъ, обезопасивъ ихъ отрядами пѣхоты и рвомъ; мужиковъ же разставить вокругъ острова, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другого, съ тѣмъ чтобы они, лишь только начнется пушечная пальба, рубили деревья и кустарники для устройства засѣки; Мурзенко и Бериславскій съ козаками и рейтарами должны были присматривать за древосѣками и понуждать ихъ къ работѣ; остальную пѣхоту предположено было разставить, въ качествѣ стрѣльцовъ, надъ болотомъ вокругъ острова.

Послѣ этого, въ порядкѣ и молчаніи, двинулись мы изъ Куцаго Чорта Слободы, въ два часа по полуночи, оставивъ тамъ брики, подводы и мужичьихъ лошадей. Все пошло у насъ какъ по маслу. Слабый свѣтъ только что начинающагося утра позволялъ намъ расположить какъ слѣдовало пушки, войско, мужиковъ надъ болотомъ, и спящимъ послѣ попойки гайдамакамъ даже и не грезилось, что ужъ попали въ западню, тѣмъ болѣе, что они полагались на недоступность зарослей и топей и не считали даже нужнымъ поставить на плотинахъ сторожу.

Князь Мартинъ, объѣхавши всѣ пункты и удостовѣрившись, что уже всѣ на своихъ мѣстахъ, подалъ условный знакъ. Первыя шесть пушекъ, поставленныхъ противъ самой большей плотины, грянули, раздробляя въ щепья деревья. Имъ отвѣчали другія двѣ

батареи, и тысяча сѣкиръ вдругъ застучали объ сосны. Не весело было проснуться разбойникамъ среди подобнаго гула и треска. Сдѣлавъ по два выстрѣла, пушки умолкнули, остановились и топоры; Ворона закричалъ разбойникамъ въ жестяную корабельную трубу, чтобы сдались, потому что окружены со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько минутъ не было слышно никакого отвѣта. Вдругъ на главной плотинѣ раздался топотъ десяти или пятнадцати лошадей и крики: *Гонй! ловй! Постóй, Кирйло!* и прежде нежели пѣхота выстрѣлила изъ ружей, прискакалъ, на распущенномъ, какъ вихорь, конѣ, ѣздокъ и бросился между пушекъ. Тогда только узнали въ немъ Кирила Ласуна. Преслѣдовавшіе его гайдамаки отбиты были густой пальбой изъ карабиновъ, и нѣсколько человѣкъ повалилось съ лошадей. Между тѣмъ разсвѣло. На троекратно, повторенное воззваніе сдаться, гайдамаки наконецъ отвѣчали грубіянскимъ и оскорбительнымъ крикомъ, въ которомъ они не щадили ни насъ, ни нашихъ матерей; и потому опять загремѣли пушки и застучали по лѣсу топоры. Въ нѣсколько часовъ крѣпкая засѣка окружила притонъ разбойниковъ, а пушечные ядра наваляли на острову множество сосенъ, которыя давили людей и лошадей. Гайдамаки пробовали отстрѣливаться изъ ружей, взобравшись на деревья, и наша пѣхота по нимъ стрѣляла; но болото было слишкомъ широко для ручной перестрѣлки. Съ нашей стороны было убито только нѣсколько человѣкъ, да человѣкъ пятнадцать ранено.

Такъ прошелъ цѣлый день. Кирило Ласунъ присовѣтовалъ подѣлать на плотинахъ высокіе завалы изъ сучьевъ, пней, стволовъ древесныхъ и хворосту, на которыхъ бы лошади спотыкались и падали, ибо ватажко непремѣнно рѣшится идти на проломъ. Хорошо мы сдѣлали, что его послушались, потому что, какъ потомъ оказалось, Чортоусъ, раздѣливъ своихъ молодцовъ на три отряда, предпринялъ въ эту ночь ударить разомъ въ три стороны на пушки и проложить себѣ дорогу. Мы сторожили его въ полномъ вооруженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На плотины наведены были пушки, заряженныя картечью. И вотъ, въ глу-

бокую ночь, вдругъ послышался тихій лошадиный топотъ, который, по мѣрѣ приближенія къ плотинамъ, становился яснѣе; наконецъ загудѣли плотины отъ стуку копытъ: гайдамаки громко закричали: *Нýте, брáття, абó добýти, абó дóма не бýти!* и поскакали во весь духъ. Мы дали имъ приблизиться, чтобъ они всѣ взъѣхали на плотину, такъ какъ мы разчитывали, что они увязнутъ на переднихъ завалахъ. Наконецъ грянули пушки. Наступилъ Страшный Судъ! Черезъ каждыя двѣ-три минуты баттареи отвѣчали одна другой, стоны умирающихъ и раненныхъ, топотъ лошадей, трескъ раздробленныхъ картечью деревъ раздавались по лѣсу, и все это происходило въ ночной темнотѣ, которая только отъ времени до времени озарялась пушечными выстрѣлами и увеличивала еще болѣе ужасъ этой сцены. До самого разсвѣта продолжался громъ пушекъ. Это былъ новый родъ игры въ кровавыя жмýрки, въ которой пушкари, съ завязанными чернымъ платкомъ ночи глазами, поражали всякаго, кто подвернется подъ выстрѣлъ. Только при утреннемъ свѣтѣ увидѣли мы, какое бѣдствіе постигло гайдамакъ. На каждой изъ трехъ плотинъ лежало по нѣскольку десятковъ убитыхъ людей и лошадей, а въ болотѣ видно было нѣсколько утопшихъ. На большой плотинѣ, посреди вѣтвей и кольевъ, которыми она была загромождена, лежалъ завязнувшій и уже мертвый ватáжко Семенъ Чортоусъ; подлѣ него издыхалъ конь чудной красоты. Узнали ватажка Ворона и Ласунъ. Богатая сбруя и рѣдкаго достоинства сабля, которую нашли при немъ, сдѣлались добычею князя Мартина Любомирскаго. Должно быть, опасно носить оружіе, добытое отъ чародѣя! [а Чортоуса называли *характéрникомъ*.] Можетъ быть, въ этой саблѣ заключена была тайная сила, тянувшая владѣтеля къ насиліямъ и грабежу, которыми, къ несчастью, запятналъ себя въ-послѣдствіи побѣдитель гайдамакъ у Мазепиной Могилы!

По приказанію князя, Ласунъ закричалъ въ жестяную трубу, чтобы оставшіеся въ живыхъ сдались, если не хотятъ погибнуть. Черезъ нѣсколько времени показалось на плотинѣ 36 разбойниковъ здоровыхъ и 8 раненныхъ; только всего и уцѣлѣло ихъ изъ

трехъ-сотъ отборныхъ »молодцовъ«, да еще вытащено нѣсколько человѣкъ изъ болотныхъ зарослей. Къ нимъ приставили караулъ и велѣли ихъ переодѣть въ мужичье платье, а изъ каждаго ихъ жупана выпороли по нѣскольку сотъ червонцевъ. Потомъ приступлено къ вытаскиванью изъ болота труповъ и перебитыхъ лошадей; съ однихъ снимали одежду и вооруженіе, а съ другихъ сѣдла и чепраки; потому что у гайдамакъ вездѣ были зашиты золото, серебро и драгоцѣнности, награбленныя въ нѣсколькихъ десяткахъ домовъ, (католическихъ и уніятскихъ) церквей и мѣстечекъ. Наконецъ гренадеры вступили въ гайдамацкій станъ, чтобъ разорить его. Тамъ нашли въ батовнѣ 80 лошадей живыхъ и около 15 убитыхъ; вытащили изъ лѣсу трупы; оружіе и сбрую снесли къ мѣсту дѣлежа, и тотъ-часъ приступлено къ описи добычи. Между тѣмъ прибылъ войсковой судья съ слѣдователями и палачъ съ своими прислужниками, — одни для изреченія приговора трупамъ, другіе для глумленія надъ ними; ибо живыхъ плѣнниковъ, для подробнѣйшаго допроса, тотъ-часъ отправлено, въ оковахъ и подъ сильною стражею, въ подземелья Полонскаго за̀мка, которыя назывались *Индіею*. Войско оставалось здѣсь до слѣдующаго дня, и въ это время раздѣлена добыча между офицерами и рядовыми; даже и мужикамъ дали по нѣскольку мѣдныхъ монетъ. Не забыли такъ-же ни блюстителя правосудія, ни исполнителей его приговора. Послѣдніе увеличили свою награду, найдя въ желудкѣ одного четвертованнаго гайдамаки сто червонцевъ, которые онъ проглотилъ, свернувши въ трубочки. Наконецъ наступила обычная въ такихъ случаяхъ разсылка по мѣстечкамъ и большимъ дорогамъ головъ, рукъ и ногъ разбойничьихъ, что̀, правду сказать, производило больше отвращенія въ прохожихъ, нежели спасительнаго страха въ продавшихъ себя чорту злодѣяхъ.

Войско выступило въ обратный путь, пробираясь мѣстами, ближайшими къ большой дорогѣ. Жолнѣры шли весело, бесѣдуя о недавнихъ приключеніяхъ и радуясь добычѣ, которую получили, неокровавивъ рукъ, ибо все сдѣлали однѣ пушки. Проѣзжая

мимо пѣхоты, я услышалъ пѣсню, которой одинъ куплетъ до сихъ поръ помню:

Cóż będziemy robili,
Gdyśmy wartę odbyli?
Weźmiem flinte, patrontas,
Pójdziem na wieś kury kraść. (¹)

»О-го!« подумалъ я, »не даромъ зовутъ васъ курохватами! А отъ лычка и до ремешка. При удобномъ для грабежа случаѣ, вы бывали не лучше этихъ гайдамакъ.« (²)

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Послѣднія слова престарѣлаго Польскаго пана приводятъ насъ къ причинѣ происхожденія и развитія гайдамачества въ Польскомъ королевствѣ. Первоначальными гайдамаками были въ немъ его собственные *жолнѣры* (военные люди), отъ которыхъ страдали всѣ провинціи и которые, состоя почти изъ одной шляхты, вкоренили въ ея духѣ всеподавляющій деспотизмъ личнаго произвола. Общественный порядокъ въ этомъ несчастномъ государствѣ основанъ былъ на правѣ сильнаго, которое отъ Рад-

(¹) Что же намъ дѣлать, отбывъ свою службу? Возьмемъ ружье и патронташъ и пойдемъ на деревню красть куръ.

(²) Слѣдуетъ замѣтить, что оба похода на гайдамакъ, описанные паномъ Закревскимъ, происходили за нѣсколько лѣтъ до 1768 года, то есть до Колівщины. Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, или лучше — воспоминаніяхъ, что, еще до этихъ походовъ, онъ видѣлъ однажды Гонту, »который натворилъ столько бѣдъ въ-послѣдствіи«. Далѣе, онъ разсказываетъ, въ числѣ воспоминаній о позднѣйшемъ періодѣ своей жизни, интересныя подробности о казни Гонты, которыя будутъ приведены мною въ другомъ мѣстѣ. *Издат.*

зивилловъ, Потоцкихъ и имъ подобныхъ магнатовъ нисходило до послѣдняго человѣка въ королевствѣ, носившаго оружіе, и чѣмъ ниже спускалось, тѣмъ было нестерпимѣе для народа, который рѣзко былъ отличенъ въ »правахъ и вольностяхъ« отъ шляхетства. Поляки не шутя вѣрили, что мужики произошли отъ Хама и созданы именно для того, чтобы работать на пановъ (¹), и ни одному государственному человѣку не приходило у нихъ въ голову позаботиться объ улучшеніи участи этой отверженной касты, которая составляетъ плодотворную почву каждаго государства. Во внутреннихъ областяхъ все молчало и творило панскую волю отъ поколѣнія къ поколѣнію; но на пограничьи духъ личной независимости былъ развитъ въ высшей степени, и неистовства шляхетныхъ деспотовъ не могли быть долго терпимы Украинскимъ простонародьемъ. Сосѣдство съ хищными Татарами создало здѣсь въ народѣ потребность противодѣйствія ихъ набѣгамъ. Человѣкъ на Украйнѣ зависѣлъ отъ личной храбрости болѣе, нежели гдѣ-либо, и только смѣлый, только рѣшившійся на все могъ пользоваться правомъ займа пастьбищъ и рыбныхъ ловель въ виду степей, по которымъ рыскали, какъ голодные волки, Татары. Не земляной валъ, которымъ окружала себя въ тѣ времена самая ничтожная усадьба въ Украйнѣ, защищалъ здѣсь человѣка, а такой же лукъ, такое же ружье и сабля, какими вооружены были хищники; и если Украинцы умѣли отсиживаться отъ Орды въ своихъ редутахъ, то мало-помалу должны были научиться и нападать на нее. Можетъ быть, они начали учиться этому искусству съ такихъ естественныхъ попытокъ, какую, послѣ *руины* и *сгону*, сдѣлалъ одинъ изъ ея поселянъ, Кузубъ съ товарищами (²), но мало-помалу выдвинулись въ степи смѣлѣе и начали мѣряться съ Татарами наѣздничествомъ не на шутку; наконецъ составили изъ своихъ смѣльчаковъ безженное общество среди недоступныхъ камышей въ низовьяхъ Днѣпра и въ свою очередь сдѣла-

---

(¹) См. т. I, стр. 101, »Базиліяне«.
(²) Тамъ-же, стр. 102 — 103, »Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга«.

лись ужасомъ Крыма и Турціи. Сами Поляки способствовали устройству этого полурыцарскаго, полу-разбойничьяго братства; но какъ оно составлялось большею частію изъ Украинцевъ, недовольныхъ притѣсненіями жолнѣровъ, пановъ и Жидовъ-арендаторей, то, постепенно развивая въ себѣ къ нимъ ненависть, проникнулось наконецъ такою же враждою ко всему католическому и жидовскому, какъ и ко всему мусульманскому. Отсюда-то пошли войны Косинскаго, Наливайка и т. д. до Чортоуса и Зализняка. Запорожцы выступали изъ Сѣчи на Украйну, дѣлали воззванія къ народу, собирали въ большемъ, или меньшемъ объемѣ ватаги, подобныя ватагамъ Чуприны, Чортоуса и Зализняка, и истребляли все не-Русское и не-»благочестивое«, сопровождая, разумѣется, свою рѣзню грабежемъ и пожарами.

III.

НАЙМИЧКА,

ПОЭМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, въ числѣ бумагъ, доставшихся ему отъ кого-то по наслѣдству, передалъ мнѣ тетрадь разныхъ пѣсень и стиховъ, писанную женскимъ почеркомъ, и всё на Малороссійскомъ языкѣ. Это былъ одинъ изъ альбомовъ, которыхъ множество ходитъ по рукамъ между нашими Малороссійскими барышнями, и въ особенности между тѣми изъ нихъ, которыя не были въ пансіонахъ и не учились по-Французски. Я люблю эти альбомы и не пропускаю ни одного изъ нихъ не перелиставши. Въ нихъ обыкновенно бываютъ набраны стихи безъ особенной разборчивости, но всегда по внушенію сильнаго чувства. Прочитывая пѣсню за пѣснею, стихи за стихами, въ нихъ читаешь тайную исторію свѣжей души, любящей, или готовой любить съ самоотверженіемъ. Какъ бы эти альбомы, или тетради ни были плохо написаны, затасканы и иногда изчерчены дѣтскими перьями и карандашами, — они всегда для меня интересны; и особенно пріятно мнѣ встрѣчать въ нихъ проявленіе вкуса къ мѣстнымъ красотамъ природы и человѣка. Здѣсь самопознаніе важно въ томъ смыслѣ, что оно примиряетъ молодыя души съ окружающими ихъ предметами, заставляетъ ихъ цѣнить и любить то, что̀ представляется глазамъ ежедневно, и удерживаетъ отъ безплоднаго стремленія къ какимъ-то лучшимъ странамъ и лучшимъ людямъ, — тогда какъ для души, согрѣтой истинной поэзіей, нѣтъ страны лучше той, въ которой мы почувствовали впервые наслаж-

деніе смотрѣть на лица человѣческія. Любовь къ родинѣ и ея поэзіи ведетъ человѣка къ тому высокому разуму сердца, который дѣлаетъ всѣ племена земныя намъ родственными, но обращаетъ наши силы на пользу тѣхъ, кто по-преимуществу называется нашими ближними. Не полюбивъ матери, отца, или по крайней мѣрѣ кормилицы, няньки и товарищей дѣтства, мы не полюбимъ, въ позднѣйшемъ возрастѣ, людей, намъ постороннихъ: и если наше сердце не будетъ трепетать отъ звуковъ той поэзіи, которая создала наши колыбельныя пѣсни, — нѣмы будутъ для него всѣ высокіе звуки, устремляющіе насъ къ благому и великому. Поэтому я всего больше радуюсь пробудившейся въ нашихъ грамотныхъ Малороссіянкахъ любви къ роднымъ пѣснямъ и родной словесности. Это вѣрный залогъ распространенія нравственныхъ понятій въ нашемъ обществѣ и примѣненія ихъ къ жизни; ибо, какъ я сказалъ, нельзя любить и чужого, не любя своего; а безъ любви ничто живое, плодотворное не можетъ быть привито человѣку; и дѣти, воспитывающіяся безъ высокихъ нравственныхъ вліяній, не принесутъ истинной пользы ни своему родному, ни другому племени. Національная поэзія, поднимая въ молодой душѣ будущей матери все чисто человѣческое надъ матеріальнымъ, готовитъ въ ней апостола добродѣтели не на одно, а на нѣсколько грядущихъ поколѣній. Женщина, проникнутая поэзіею своего народа, проникается его нравственными убѣжденіями, выраженными въ гармоническихъ формахъ; а народъ, въ своей совокупности, есть самое нравственное существо, у котораго лучше всего учиться дѣятельному благочестію. И за добро, принятое отъ него въ душу, каждый возвратитъ ему добромъ, внушаемымъ благодарною любовію: въ чемъ собственно и состоитъ цѣль воспитанія.

Итакъ альбомы нашихъ уѣздныхъ и хуторскихъ барышень, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, получили опредѣленный характеръ — начали наполняться, если не сплошь, то большею частью, произведеніями Малороссійской простонародной и образованной музы. Высказанныя выше причины, а не насмѣшливое любопытство

человѣка, знакомаго съ литературами иноплеменными — какъ водилось во времена Пушкина (¹) — заставляетъ меня прочитывать ихъ, и часто я бывалъ награжденъ за свой трудъ находками красоты поразительной. Не говоря уже о томъ, что ихъ владѣтельницы, слушая ежедневно народныя пѣсни, имѣютъ больше нашего случаевъ записать особенно счастливыя пьесы, къ нимъ — Богъ знаетъ, какими путями — заходятъ произведенія литературныя на Малороссійскомъ языкѣ, о которыхъ иной любитель только слышалъ и изъ которыхъ едва нѣсколько стиховъ содержитъ въ памяти. Но никогда мои поиски не были такъ удачны, какъ на этотъ разъ. Въ затасканномъ и весьма неправильно исписанномъ альбомѣ какой-то уединенной мечтательницы, а можетъ быть и веселой подруги цѣлаго общества сельскихъ красавицъ, я нашелъ поэму, о которой до сихъ поръ не слышалъ ни отъ кого ни слова. Имя автора на ней не означено, и я даже не знаю, кто бы могъ быть ея авторомъ. Содержаніе ея очень просто и не похоже на вымыселъ; но изящество формы обнаруживаетъ въ ней творчество высшаго разряда. Живопись природы и нравовъ Малороссійскихъ возведена здѣсь до изумительной точности и вмѣстѣ съ тѣмъ свободы, въ которой искусство замѣтно только для опытнаго

(¹) «Евгеній Онѣгинъ», гл. IV:

Конечно вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи, безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣчной, внесены,
Уменьшены, продолжены.
. . . .
Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки,
Тутъ, вѣрно, клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски.
Какой нибудь піитъ армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской, и проч.

глаза. Наивное и трогательное положено авторомъ въ основу поэмы, и въ этомъ отношеніи я не знаю ничего совершеннѣе ни въ одной Европейской литературѣ. Что̀ касается до языка, то призываю въ свидѣтели людей, изучавшихъ народныя Украинскія пѣсни: здѣсь онъ блещетъ всею свѣжестію и горитъ всѣми красками, какія только мы встрѣчаемъ въ нашихъ лучшихъ пѣсняхъ, изображающихъ семейный бытъ, материнскія чувства и умилительное благочестіе народа. И такое произведеніе скрывается, можетъ быть, въ единственномъ спискѣ, въ тетради какой-то хуторской барышни! и самъ его авторъ, можетъ быть, уже не существуетъ; можетъ быть, мы уже не услышимъ другихъ его звуковъ, другихъ его задушевныхъ мотивовъ! Помѣщая въ своемъ сборникѣ его поэму, я далекъ отъ посягательства на чужую собственность; напротивъ, думаю, что оказываю услугу, какъ ему самому, такъ и его землякамъ, для которыхъ писалъ онъ и которыхъ сердца, созвукнувшіяся между собой, волшебной силою его стиха, будутъ для него лучшей наградою.

НАЙМИЧКА.

ПРОЛОГЪ.

У неділю въ-ранці рано
Поле крилося туманомъ;
У тумані, на могилі,
Якъ тополя, похилилась
Молодиця молодая.
Щось до лоня пригортае
Та съ туманомъ розмовляе:

»Ой тумане, тумане —
Мій латаний талане!
Чому мене не сховаешъ
Оттутъ середъ лану?
Чому мене не задавишъ,
У землю не вдавишъ?
Чому мині злоі доли,
Чомъ віку не збавишъ?

Ні, не давй, тума́ночку!
Сховай тілько въ пóлі,
Щобъ піхтó не зна́въ, не ба́чивъ
Моéі недóлі!...
Я не одна́, — есть у мéне
И ба́тько, и ма́ти...
Есть у мéне... тума́ночку,
Тума́ночку, бра́те!...
Дитя́ моé, мій си́ночку,
Нехрйщений си́ну!
Не я́ тебé христи́тиму
На лиху́ годи́ну;
Чужі люде христи́тимуть,
Я не бу́ду зна́ти,
Якъ и зову́ть.....Дитя́ моé!
Я була́ бага́та....
Не ла́й менé; моли́тимусь,
Изъ са́мого нѐба
Дóлю ви́плачу слёза́ми
И пішлю́ до тéбе.«

Пішла́ пóлемъ рида́ючи,
Въ тума́ні хова́лась
Та крізь слёзи тихéсенько
Про вдову́ співа́ла,
Якъ удова́ въ Дуна́еві
Синівъ схова́ла:

»Ой у пóлі моги́ла;
Тамъ удова́ ходи́ла,
Тамъ ходи́ла-гуля́ла,
Тру́ти-зілля шука́ла.
Тру́ти-зілля не найшла́,
Та синівъ двохъ привела́,

Въ китáечку повилá
И на Дунáй однеслá:
»Тúхий, тúхий Дунáй!
»Моíхъ дітóкъ забавляй.
»Ти, жовтéнький пісóкъ!
»Нагодýй моíхъ дітóкъ,
»Искупáй, исповий,
»И собóю укрий!«

I.

Бувъ собі дідъ та ба̀ба.
Зъ да́внёго да́вна у га̀і надъ ста́вомъ
У-дво́хъ собі на ху̀торі жили́,
Якъ діточо̀къ двое, —
Усюди обо́е.
Ще зъ-мале́чку у-двохъ ягня̀та пасли́,
А по̀тімъ побра̀лися,
Худо̀би діжда́лися, —
Придба̀ли ху̀тіръ, ста̀въ и млинъ,
Садо̀къ у га̀і розвели́
И па̀сіку чима́лу, —
Всёго̀ надба́ли.
Та діточо̀къ у іхъ Бігъ-ма,
А смерть съ косо́ю за плечѝма.

Хто жъ іхъ ста̀рість привіта̀е,
За дитѝну ста́не?
Хто запла̀че, похова̀е?
Хто ду̀шу спомя̀не?
Хто поживе́ добро̀ че́стно,

Въ дóбрую годи́ну,
И згадáе дя́куючи,
Якъ своя дити́на?....
Тя́жко дітéй годувáти
У безвéрхій хáті,
А щè гірше стáрітися
У білихъ палàтахъ, —
Стáрітися, умирáти,
Добрò покидáти
Чужи́мъ людямъ, чужи́мъ дітямъ
На сміхъ, на рострàту!

II.

И дідъ, и бáба у неділю
На при́спі въ-двохъ собі сиділи
Гарнéнько, въ білихъ сорочкáхъ.
Сия́ло сòнце въ небесáхъ;
А ні хмари́ночки, та ти́хо,
Та любо якъ у рàі.
Сховàлося у сéрці ли́хо,
Якъ звірь у тéмнімъ гáі.

Въ такімъ рáі чогò бъ, бáчця,
Стари́мъ сумовáти?
Чи то дàвне якé ли́хо
Прокинулось въ хáті?
Чи вчорáшне, задáвлене
Знòвъ заворуши́лось,
Чи ще тілько заклюнулось —
И рáй запали́ло?

Не знáю, щò и після чого
Старі сумýють. Мòже, вже

Отсé збірáютця до Бóга,
Та хто въ далéкую дорóгу
Імъ дóбре кóней запряжé?

»А хто насъ, Нáсте, поховáе,
Якъ помремó?«
— »Бóгъ знáе!
Я все отсé міркувáла,
Та ажъ сýмно стáло:
Одинóкі зостáрілись....
Комý понадбáли
Добрá сёгó?....«
— »Стривáй лишéнь!
Чи чýешъ? щось плáче
За ворітьмú... мовъ дитúна!
Побіжімъ лишъ!... Бáчишъ?
Я вгáдувавъ, що щось бýде!«

И рáзомъ схопúлись
Та до ворітъ... Прибігáють —
Мóвчки зупинúлись.
Передъ сáмимъ перелáзомъ
Дитúна сповúта —
Та й не тýго, й новéнькою
Свитúною вкрúта;
Бо то мáти сповивáла
И літомъ укрúла
Остáннёю свитúною!....
Дивúлись, молúлись
Старі мої. А сердéшне
Непáче благáе:
Вúпручало ручепята
Й до іхъ простягáе
Манюсіпькі... и замóвкло,

Непа́че не пла́че,
Тілько пхи́ка.
»А щò, На́сте?
Я й каза́въ! Отъ, ба́чишъ?
Отъ и тала̀нъ, отъ и дòля,
И не одинòкі!
Бери́ жъ лише́нь та сповива́й…
'Ачъ яке́, не вро́ку!
Неси́ жъ въ ха̀ту, а я ве́рхи
Ки́нусь за кума̀ми
Въ Городи́ще.«

Чу́дно я́кось
Діетця міжъ на́ми!
Оди́нъ си́на проклина́е,
Съ ха̀ти виганя́е,
Дру́гий свічечку серде́шний
Пòтомъ заробля́е
Та рида́ючи стано́вить
Передъ образа́ми —
Нема̀ діте́й!… Чу́дно я́кось
Діетця міжъ на́ми!

III.

Ажъ три па̀ри на ра́дощахъ
Кумівъ назбіра́ли,
Та въ-ве́чері й охристи́ли
И Ма̀ркомъ назва́ли.
Ростѐ Ма́рко. Старі мої
Не зна́ють, де діти,
Де посади́ть, де положи́ть
И щò зъ нимъ роби́ти.
Мина́е рікъ. Ростѐ Ма́рко —

И дíйна корóва
У рóскоші купáетця.
Ажъ ось чорнобрóва
Та молодá, білолúця
Прийшлá молодúця
На той хýтіръ благодáтний
У наймы просúтьця.

»А щò жъ?« кáже, »візьмимъ, Нáсте.«
— »Візьмімо, Трохúме,
Бо ми старі, нездýжаемъ,
Та такú й дитúна,
Хочá вонó вже й підрослò,
Та всè жъ такú трéба
Коло ёго піклувáтись.«
— »Та вонó-то трèба,
Бо й я свою вже чáсточку
Прожúвъ, слáва Бóгу, —
Підтоптáвся. Такъ щò жъ, тепéръ,
Щò візьмешъ, небóго?
За рікъ, чи якъ?«
— »А що дастè.«
— »Э, ні! трéба знàти,
Трéба, дóчко, лічúть плáту,
Зароблену плáту;
Бо скáзано: хто не лічить,
То той и не мàе.
Такъ оттàкъ хибá, небóго?
Ні ти нàсъ не знáешъ,
Ні ми тебè. А поживèшъ,
Роздúвисся въ хàті,
Та й ми тебè побáчимо, —
Оттоді й за плàту.
Чи тàкъ, дóчко?«

— »Добре, дядьку.«
— »Просимо жъ у хату.«

Поєднались. Молодиця
Рада та весела,
Ніби съ паномъ повінчалась,
Закупила села.
И у хаті, и на дворі,
И коло скотини,
У-вечері и въ-досвіта;
А коло дитини
Такъ и пада, ніби мати;
Въ будень и въ неділю
Головоньку ёму зміе,
Й сорочечку білу
Що день Божій надіває,
Граетця, співає,
Робить возики, а въ свято,
То й зъ рукъ не спускає.
Дивуютця старі мої
Та молятця Богу.
А наймичка невсипуща
Що вечіръ, небога,
Свою долю проклинае,
Тяжко-важко плаче;
И ніхто того не чуе,
Не знае й не бачить,
Опрічъ Марка маленького.
Такъ воно не знае,
Чого наймичка слёзами
Ёго умивае.
Не зна Марко, чого вона
Такъ ёго цілуе, —
Сама не ззість и не допъе,

Його нагодує.
Не зна Марко, якъ въ колисці
Часомъ середъ ночи
Прокинетця, ворухнетця, —
То вона вже скочить
И укрие, й перехристить,
Тихо заколише:
Вона чуе зъ тиі хати,
Якъ дитина дише.
Въ-ранці Марко до наймички
Ручки простягае
И мамою невсипущу
Ганну величае....
Не зна Марко, росте собі,
Росте, виростае.

IV.

Чимало літъ перевернулось,
Води чимало утекло;
И въ хутіръ лихо завернуло,
И слізъ чимало принесло.
Бабусю Настю поховали
И ледве, ледве одволали
Трохима діда. Прогуло
Прокляте лихо та й заснуло.
На хутіръ знову благодать
Зъ-за гаю темного вернулась
До діда въ хату спочивать.

Уже Марко чумакуе
И въ-осени не ночуе
Ні підъ хатою, ні въ хаті....
Кого-небудь треба свататъ.

»Кого жъ би тугъ?« старий дýма
И прóсить порáди
У наймички. А наймичка
До царівни бъ рáда
Слать старостú: »Трéба Мáрка
Самого спитáти«.
— »Дóбре, дóчко, спитáемо,
Та й бýдемо свáтать.«

Роспитáли, порáдились,
Та й за старостами
Пішóвъ Мáрко. Вернýлися
Люде зъ рушниками,
Зъ святúмъ хлібомъ обміненимъ.
Пáпну у жупáні,
Такý крáлю вúсватали,
Що хоть за гетьмáна,
То не сóромъ. Оттаке-то
Дúво запопáли!

»Спасúбі вамъ!« старий кáже.
»Тепéръ, щобъ ви знáли,
Трéба краю довóдити,
Колú й де вінчати,
Та й весілля. Та ще ось що:
Хто въ насъ бýде мати?
Не дожила моя Нáстя!...«
Та й залúвсь слёзáми.
А наймичка, у порóгу,
Вхопúлась рукáми
За одвірокъ та й зомліла.
Тúхо стáло въ хáті;
Тілько наймичка шептáла:
»Мáти .. мáти... мáти!«

V.

Черезъ тйждень молодйці
Коровай місйли
На хýторі. Старйй бáтько
За усіéі сйли
Зъ молодйцями танцюе
Та двіръ вимітáе,
Та прохóжихъ, проіжжáчихъ
У двіръ закликáе,
Та варѐною частýе,
На весілля прóсить;
Знай бігае, а самóго
Лéдві нóги нóсять.
Скрізь гармйдеръ та реготня
Въ хáті и на двóрі.
И жолобй вйкотили
Зъ нóвоі комóри.
Скрізь пóрання: печýть, вáрять,
Вимітáють, мйють....
Та все чужі. Де жъ наймичка?
На прóщу у Кйівъ
Пішлá Гáнна. Благáвъ старйй,
А Мáрко ажъ плáкавъ,
Щобъ булá вонá за мáтіръ.
»Ні, Мáрку, ні яко
Мині мáтіръю сидіти:
То багáті люде,
А я нáймичка.... ще й съ тѐбе
Сміятися бýдуть.
Нехáй Бóгъ вамъ помагáе!
Пійдý помолюся
Усімъ святймъ у Кйёві
Та й знóву вернýся

Въ ва́шу ха́ту, якъ прийме́те.
По́ки ма́ю си́ли,
Труди́тимусь....«
Чи́стимъ се̇рцемъ
Поблагослови́ла
Свого́ Ма́рка... запла́кала
Й пішла́ за воро́та.

Розверну̇лося весілля.
Музи́камъ робо́та
И підко̇вамъ. Варе́ною
Столи́ й ла̇вки ми́ють.
А на́ймичка шкандиба́е,
Поспіша́е въ Ки́ївъ.
Прийшла́ въ Ки́ївъ — не спочи́ла,
У міща́нки ста́ла,
Наняла́ся носи́ть во̇ду,
Бо гро́шей не ста́ло
На ака̇фистъ у Варва́ри.
Носи́ла-носи́ла,
Кіпъ изъ вісімъ зароби́ла
Й Ма́ркові купи́ла
Святу́ ша̇почку въ пеще́рахъ
У Ива́на свято́го,
Щобъ голова̇ не боліла
Въ Ма́рка молодо́го;
И пе̇рстеникъ у Варва́ри
Невістці доста́ла,
И всімъ святи́мъ поклони́вшись,
Додо̇му верта́лась.

Верну́лася. Катери́на
И Ма́рко зостріли
За ворітьми́, ввели́ въ ха́ту

Й за стілъ посадили;
Наповáли й годувáли,
Про Кйівъ питáли,
И въ кімнáті Катерúна
Одпочйть послáла.

»Зá що вонй менé любять?
Зá що поважàють?
О Бóже мій милосéрдний!
Мóже, вонй знàють...
Мóже, вонй догадàлись...
Ні, не догадàлись;
Вонй дòбрі....«
И нàймичка
Тяжко заридáла.

VI.

Трічи крúга замерзàла,
Трічи роставàла,
Трічи нáймичку у Кйівъ
Кàтря провожáла,
Такъ якъ мàтіръ; и въ четвèртий
Провелá небóгу
Ажъ у пòле, до могйли,
И мòлúла Бòга,
Щобъ швидéнько вертàлася,
Бо безъ нéі въ хáті
'Якось сўмно, ніби мàти
Покйнула хáту.

Після Пречйстоі въ неділю,
Та після Пèршоі, Трохймъ
Старйй сидівъ въ сорóчці білій,

Въ брилі на прйспі. Передъ імъ
Зъ собáкою унýчокъ грáвся,
А внýчка въ юпку одяглáсь
У Кáтрину и ніби йшла
До діда въ гóсті. Засміявсь
Старйй и внýчку привітáвъ,
Ненáче спрàвді молодйцю.
»А де жъ ти діла палянйцю?
Чи, мóже, въ лісі хто однявъ?
Чи пó-просту — забýла взяти?...
Чи, мóже, ще й нé напеклá?
Э, сóромъ, сóромъ, лéпська мàти!«
Ажъ зиркъ, — и наймичка ввійшлá
На двіръ. Побігъ старйй стрічáти
Зъ онýками свою Гáнну.
»А Мáрко въ дорóзі?«
Гáнна діда питáлася.
— »Въ дорóзі ще й дóсі.«
— »А я лéдве доплелáся
До вáшоі хáти.
Не хотілось на чужйні
Одній умирáти!
Колйбъ Мàрка діждáтися...
Тàкъ щось тяжко стáло!«
И унýчатамъ изъ клýнка
Гостйнці виймáла:
И хрéстики, й дукáчики,
Й намйста разóчокъ
Орйночці, и червóний
Зъ фóльги образóчокъ,
А Кáрпові соловèйка
Та кóниківъ пáру,
И четвéртий ужé пéрстень
Святóі Варвáри

Катери́ні, а ді́дові
Изъ вóску святóго
Три свічечки; а Мáркові
И собі нічóго
Не принеслá. Не купи́ла,
Бо грóшей не стáло,
А зароби́ть нездýжала.
»А ось ще остáлось
Півъ-бýбличка!«
Й по шматóчку
Ді́тямъ розділи́ла.

VII.

Ввійшлá въ хáту. Катери́на
Ій нóги уми́ла
Й полýдновать посади́ла.
Не пилá й не іла
Моя́ Гáнна.
»Катери́но!
Коли́ въ насъ неділя?«
— »Після́ зáвтра.«
— »Трéба бýде
Акáфистъ наняти
Миколáеві святóму
Й на чáсточку дáти;
Бо щось Мáрко забари́вся....
Мóже, де въ дорóзі
Занедýжавъ, сохрáнь Бóже!«
Й покáпали слёзи
Зъ стари́хъ очéй замýченихъ.
Лéдве, лѐдве встáла
Изъ-за столá.

»Катери́но!
Не та́ вже я ста́ла:
Зледащіла, нездýжаю
И на но́ги вста́ти.
Тя́жко, Ка́тре, умира́ти
Въ чужі́й те́плій ха́ті!«

Занедýжала небо́га.
Ужé й причаща́ли,
Й маслосвя́тие служи́ли, —
Ні, не помага́ло.
Стари́й Трохи́мъ по надвіръю
Мовъ убитий хо́дить.
Катери́на зъ боля́щоі
И очѐй не зво́дить;
Катери́на коло́ не́і
И дню́е, й ночýе.
А тимъ ча́сомъ сичі въ-ночі
Не до́бре віщýють
На комо́рі. Боля́щая
Що день, що годи́на,
Ле́дві чýти, пита́етця:
»До́ню Катери́но!
Чи́ ще Ма́рко не приіхавъ?
Охъ, якъ-бі́ я зна́ла,
Що діждýся, що поба́чу,
То щѐ бъ підожда́ла!«

VIII.

Идé Ма́рко съ чумака́ми,
Идучи́ співа́е,
Не поспіша́ до госпо́ди —

Волй попасáе.
Везé Мáрко Катерйні
Суквà дорогóго,
А бáтькові шйтий пòясъ
Шóвку червонóго,
А нáймичці на очіпокъ
Парчі золотóі
И червóну дóбру хўстку
Зъ білою габóю,
А діточкáмъ черевйчки,
Фйгъ та виногрàду,
А всімъ въ-купі червóного
Винà зъ Царігрáду
Відеръ съ трóе у барйлі
И кавяру зъ Дóну, —
Всёгò везé, та не знáе,
Щò діетця дóма!

Идè Мáрко, не жўритця.
Прийшóвъ — слàва Бóгу!
И ворòта одчиняе,
И мóлитця Бòгу.
»Чи чўешъ ти, Катерйно?
Біжй зустрічáти!
Ужé прийшòвъ! біжй швйдче!
Швйдче ведй въ хáту!...
Слàва тобі, Спасйтелю!
Насйлу діждáла!«
И *Отче нашъ* тйхо, тйхо
Мовъ крізь сòнъ читáла.

Старйй волй випрягáе,
Занòзи ховáе
Мерéжані, а Катрўся

Márка оглядáе.
»А де жъ Гáнна, Катерино?
Я пакъ и байдýже!
Чи не вмèрла?«
— »Нi, не вмéрла,
А дýже нездýжа.
Ходiмъ лишéнь въ малý хàту,
Пóки випрягáе
Бáтько волй: вонá тебé,
Márку, дожидáе.«

Ввiйшóвъ Márко въ малý хàту
И ставъ у порóгу...
Ажъ злякáвся. Гáнна шéпче:
»Слáва... слàва Бóгу!
Ходй сюдй, не лякáйся....
Вйиди, Кáтре, съ хáти:
Я щось мáю роспитàти,
Дé-що росказàти.«

Вйишла съ хáти Катерйна,
А Márко схилйвся
До нáймички у гòлови.
»Márку! подивйся,
Подивйся ти на мéне:
Бàчъ, якъ я змарнiла?
Я не Гáнна, не нáймичка,
Я...«
Та й занiмiла.
Márко плàкавъ, дивувàвся.
Зновъ óчи одкрйла,
Пйлно, пйлно подивйлась —
Слёзи покотйлись.
»Простй менé! Я карáлась

Весь вікъ въ чужій хаті....
Прости мене́, мій си́ночку!
Я... я твоя́ ма́ти.«
Та й замо́вкла...
Зомлівъ Ма́рко,
Й земля́ задрижа́ла.
Прокинувся... до матери —
А ма́ти вже спала!

IV.

ЗАПИСКА

члена Малороссійской Коллегіи, Григорія Николаевича Теплова,

составленная въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны:

»О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.«

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Знаменитый Георгій Конискій, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе писатели Малороссійскіе обвинили Теплова въ злобномъ расположеніи къ Малороссіи. Но въ предлагаемой запискѣ его не видно никакой злобы. Тепловъ, напротивъ, любилъ Малороссію: иначе — онъ не старался бы выставить передъ Государыней Елисаветой Петровной злоупотребленій Малороссійскихъ старшинъ и вообще пановъ, отъ которыхъ страдало большинство населенія края. Записка его дышетъ желаніемъ общей пользы, въ томъ смыслѣ, какъ онъ, по своему времени, понималъ общую пользу. Но для насъ она гораздо интереснѣе въ другомъ отношеніи. Намъ дороги замѣчанія современника объ общественномъ устройствѣ Малороссіи въ гетманство Разумовскаго, о взаимныхъ отношеніяхъ ея сословій, о неограниченномъ господствѣ права сильнаго между ея жителями, о хищности старшинъ и пановъ и о причинахъ матеріальнаго упадка низшихъ сословій.

Записка Теплова обнаруживаетъ передъ нами внутреннюю испорченность административныхъ формъ, извѣстныхъ намъ подъ именемъ *Гетма́нщины,* и естественную необходимость ихъ измѣненія. Еслибъ Гетманщина держалась на общемъ благѣ Малороссійскаго населенія, она была бы гораздо долговѣчнѣе; ибо

крѣпко стоитъ гражданское общество, котораго всѣ представители живутъ равно сознанными, равно дорогими для каждаго интересами. Тутъ, напротивъ, стремленія старшинъ совершенно расходились съ пользами народа, и какъ каждый изъ высшихъ дѣйствовалъ для себя и никто для общества, то Малороссіяне естественно угнетали другъ друга, угнетали кто кого могъ, и довели наконецъ край до совершенной безурядицы. Блюстители старыхъ формъ гражданственности сами на каждомъ шагу разрушали ихъ своими неправдами и потеряли наконецъ самую идею общихъ интересовъ. Всѣ интересы ихъ ограничивались личными выгодами и преимуществами; идея націи изчезла; образовались только дома и связи. Пользуясь знатнымъ родствомъ и опираясь на богатство, паны Малороссійскіе сдѣлались, въ отношеніи къ мелкимъ владѣльцамъ и простолюдинамъ, чѣмъ-то въ родѣ феодальныхъ бароновъ; и не только знатный человѣкъ съ простымъ поселяниномъ, но даже панъ съ паномъ позволялъ себѣ и имѣлъ возможность сдѣлать самое вопіющее насиліе.

Эти слова могутъ показаться преувеличенными, но Малороссійскіе архивы XVIII вѣка подтверждаютъ ихъ самыми грустными примѣрами. Напримѣръ, сохранилась *ревокація* пана Коржевскаго, въ которой онъ смиренно разсказываетъ, что онъ, бывши на пиру въ *поважномъ домѣ* Андрея Горленка, осмѣлился напомнить хозяйкѣ о старомъ долгѣ, что панъ Горленко подалъ на него въ полковой судъ жалобу и что судъ заставилъ его отречься отъ своего требованія и сознаться, что онъ въ домѣ Горленка *якъ песъ своéю губóю брехáвъ*. Этого мало: изъ дѣла видно, какъ эта ревокація вынуждена была у подсудимаго: ибо панъ Коржевскій »за опороченіе чести такъ поважной персоны, былъ наказанъ публично на рынку.«

Такихъ случаевъ было множество, и приведенный мною представляетъ явленіе, въ тотъ вѣкъ весьма обыкновенное. Что касается до злоупотребленій старшинъ въ отношеніи къ козакамъ, мѣщанамъ и поселянамъ, то вотъ одно изъ множества архивныхъ свидѣтельствъ. Новгородъ-Сѣверскій сотникъ Лисовскій до та-

кой степени всѣхъ ихъ угнеталъ, что гетманъ Скоропадскій призвалъ его къ себѣ и взялъ съ него письменную *ассекурацію* прекратить угнетенія. Но едва сотникъ вступилъ снова въ должность, какъ началъ опять »людей своей сотни ганити (позорить), озлобляти и утѣсняти, грунта (земли) ихъ власные (собственныя) отнимати, боемъ грозити, а иншихъ и окрывати (колотить), урядниковъ городовыхъ, цеховыхъ и сельскихъ по своей хоти перемѣняти, міськими (городскими) людьми и подводами отбувати въ себе роботизну« и пр.

Разсказъ Теплова о томъ, какъ Малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ Гетманщинѣ, присвоивали себѣ обманомъ и насиліемъ козачьи земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ »Матеріаловъ для Отечественной Исторіи«, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ, гетманы наши, пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ-старшинъ, набрали себѣ »на булаву« земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой-то сотнѣ владѣетъ онъ многочисленными хуторами, въ такихъ-то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасики, »верхолазныя бортни«, лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества. Не упускали гетманы и старшины Малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣетъ пополамъ съ простымъ козакомъ. Этотъ мелкій наборъ по всей Гетманщинѣ самъ за себя говоритъ, изъ какихъ рукъ и какими путями перешла недвижимая собственность во владѣніе всемогущихъ пановъ XVIII вѣка (¹). Въ тѣ времена понятіе о честности въ пріобрѣтеніяхъ до такой степени утратилось, что

(¹) Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали »неспокойными и ненавидящими добра людьми«. (»Матеріалы для От. Ист.«, т. I, стр. 24.)

гетманша Скоропадская, по смерти своего мужа, присвоила себѣ даже войсковую казну и тѣ пожитки, которыми гетманы пользовались другъ послѣ друга преемственно [1]. Гетмáнщина съ одной стороны представляла безпрепятственное поприще для всякаго рода злоупотребленій власти и силы, съ другой—была школою ябедниковъ и сутягъ, которыхъ расплодилось въ ней множество. Записка Теплова доказываетъ это фактами, которымъ нельзя не вѣрить, потому что они не разногласятъ ни съ документальными преданіями, ни съ воспоминаніями Малороссійскихъ старожиловъ. О народѣ, о его благосостояніи и о его человѣческихъ правахъ не было никакого помышленія у самыхъ образованныхъ людей того вѣка. Все, чтò стояло выше простолюдиновъ, смотрѣло на нихъ, какъ на источникъ своего обогащенія, и чтò только допускалось хитроизвитыми юридическими формами, или могло пройти безнаказанно, все считалось законнымъ во мнѣніи тогдашняго общества. Въ нашъ вѣкъ, когда понятія о честности поступковъ прояснились и когда каждый членъ гражданскаго общества получилъ равное право на вниманіе и участіе къ судьбѣ своей, взглядъ на тогдашнее состояніе Малороссіи приводитъ наблюдателя въ горестное изумленіе. Видишь повсемѣстное отсутствіе идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія; видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное и какъ бы узаконенное обычаемъ грабительство надъ беззащитною массою простолюдиновъ; народъ бѣднѣетъ, подпадаетъ матеріальной зависимости отъ пройдохъ и богачей, падаетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи, и никто о немъ не жалѣетъ. Только одинъ человѣкъ возвысилъ свой голосъ въ пользу большинства Малороссійскаго населенія и старался, по мѣрѣ своего разумѣнія, раскрыть причины его матеріальнаго упадка, но и того слѣпая исторія нашего края записала въ число враговъ его.

---

(1) «Матеріалы для Отечественной Исторіи», т. I, стр. 23.

О НЕПОРЯДКАХЪ,

которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.

1.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе къ Польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ для лучшаго приведенія въ единство своей области въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей Малороссійскій народъ и особливыя вольности и обыкновенія. А притомъ заключеніе статей, Богдану Хмѣльницкому въ 1654 году, по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашнихъ военныхъ подвиговъ обстоятельствамъ, послѣдовало въ подтвержденіе тѣхъ Польскихъ, т. е. Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большой части безграмотный, управлялся паче по натуральному праву: два третьяго судили. То справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось у нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакого тогда попеченія, ниже свѣдѣнія не имѣлъ. Сіе доказывается явственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было: ибо и самую Гетманскую канцелярію, слу-

чайнымъ образомъ гетману Скоропадскому, въ 1720 году, ноября 19 дня [по причинѣ нѣкоторыхъ при гетманѣ канцеляристовъ, подписывавшихся подъ руку гетманскую, а именно: Григорія Михайлова и Василія Дорошенка] особливою грамотою велено учредить; въ протчихъ же мѣстахъ, яко то: въ сотняхъ и полкахъ, ни сотенныхъ, ниже полковыхъ канцелярій и суда генеральнаго [хотя судьи и были] съ такими прерогативами, каковыя онъ на себя теперь изъ правъ Литовскихъ наводитъ, отнюдь не было, хотя при томъ нѣкоторыя дѣла и письменно производилися; а все тогда въ самоволіе превращенное, не правомъ и законами управлялось, но силою и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать — обманомъ грамотныхъ людей. Почему и всѣ тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленныя свои земли и грунты и на разныя поселенія никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати, или сорока лѣтъ не имѣютъ: ибо прежде тридцати лѣтъ, ежели кто безъ крѣпости владѣетъ, то они *старымъ займомъ* то называютъ, потому что ни лѣтъ, ни примѣтъ его владѣнію, и почему онъ помѣщикъ, нѣтъ; а которые владѣютъ правильно, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ Посольскаго приказа грамоты: ибо съ 1656 года уже все по статьямъ Хмѣльницкаго и Государя было, и *старые займы* тѣ только назывался дикихъ полей, которыми кто завладѣлъ до поступленія подъ державу Россійскую, но и то во время продолжающейся войны съ Поляками, то есть: чрезъ 1653, 1654, 1655 и 1656 годы, а не тѣ, кто отъ времени Хмѣльницкаго безъ грамоты чѣмъ владѣетъ. Сіе самое причиною, что множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно партикулярными, а въ утвержденіе своего владѣнія почти все прежде бывшее время передъ 1720 годомъ, яко никакихъ урядовъ неимѣющее, служитъ имъ въ очистку, изъ чего же поводъ берутъ называть свое самовольное владѣніе *стариннымъ займомъ*. Но все сіе есть противно статьямъ

Хмѣльницкаго и указамъ Государевымъ, въ тѣхъ же статьяхъ изображеннымъ.

2.

Изъ многихъ обстоятельствъ доказать можно, что Малороссія во время приступленія ея подъ державу Всероссійскую ни въ половину столько многолюдна не была, какъ въ нынѣшнее время; но и тогда видѣть можно по статьямъ, Богдану Хмѣльницкому даннымъ, что крестьянскихъ дворовъ, которые нынѣ въ Малороссіи называются посполитыми, то есть Государевыми, гораздо большее число было, нежели нынѣ по ревизіямъ находится на лицо. Что народа въ Малороссіи было тогда гораздо меньше, а земли больше, то доказывается, кромѣ подлинныхъ справокъ, которыми легко дойти до познанія можно, — и тѣмъ, что прежде поля тамъ, на десять работныхъ дней, можно было купить за десять копъ, или за пять полтинъ на двѣ версты, какъ изъ многихъ урядовыхъ недавняго времени купчихъ видно; потому что у владѣльцевъ, за неимѣніемъ крестьянъ рабочихъ, земля, яко излишняя, впустѣ лежала; нынѣ же того и за двѣстѣ рублей купить не можно, а въ Стародубскомъ, Черниговскомъ и большей части Нѣженскаго полку и Гадячскаго и того дороже; понеже жителямъ довольно уже земли къ поселенію недостаетъ. Однакожъ, ежели справиться, сколько нынѣ на лицо находится дворовъ свободныхъ посполитыхъ, то есть крестьянскихъ, надлежащихъ въ казну Вашего Императорскаго Величества, и сколько козаковъ списковыхъ, то есть служащихъ и вооруженныхъ; то не уповательно, чтобъ и десятая доля дворовъ посполитыхъ была, да и козаковъ великаго числа недостаетъ, а людей нынѣ гораздо больше; слѣдовательно, какъ козаковъ въ службу Вашего Императорскаго Величества, такъ и дворовъ посполитыхъ въ казну весьма прибыло бы; но по ревизіямъ явственно, что число обоихъ весьма противу прежняго умалилося.

3.

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными, такожде и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены; по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бываютъ, которыя ежели одну съ другою свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ являлося, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда происходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному своему интересу непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ посполитыхъ и ихъ подсусѣдниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася, потому только, что вторая немного построже учинена; а именно: въ первой явилося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ; итакъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрашіи дѣло производилось.

4.

Сіе примѣчается только къ тому, что ревизіямъ Малороссійскимъ, которыя Малороссійскими людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отправлялися, вѣрить не надобно; ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать; а какъ утаить, на то способы весьма наглые и нетрудные употребляютъ. Въ сихъ случаяхъ они не много пекутся о томъ, чтобы дѣлать закрыто, но все то отправляютъ явственно, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судные порядки ихъ укрываютъ; не мало же и взаимная другъ ко другу

помощь чрезъ то между ими наблюдается. При блаженныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, когда, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, Коллегія Малороссійская учреждалася, и при гетманѣ Апостолѣ, тогда было учреждено, что офицеры Великороссійскіе во всѣ полки Малороссійскіе были отправлены, для учиненія ревизіи. Хотя еще тогда народу гораздо было меньше нынѣшняго, однакоже число по ихъ ревизіи состоитъ весьма больше, нежели когда-либо въ Малороссіи оказалося. Сію ревизію они и понынѣ *офицерскою* называютъ, съ удивленіемъ сказывая сами, что никогда де въ Малороссіи числа двороваго столько не бывало, какъ тогда; но сіе только то было, что въ тотъ годъ меньше утаено, нежели во всѣ другіе годы.

5.

Что же касается до посполитыхъ дворовъ, слывущихъ такъ называемыми войсковыми маетностями, которыя принадлежатъ въ казну Государеву по силѣ 13 статьи, данной гетману Богдану Хмѣльницкому, то коликое число было прежде гетмана Скоропадскаго, о томъ не по чему справиться; но послѣ смерти Скоропадскаго, то есть по ревизіи офицерской, на лицо состояло 44,961 дворъ. Изъ онаго числа по 1750 годъ роздано не больше трехъ тысячь дворовъ, что, уповательно, малую самую разность дѣлаетъ. Сверхъ того, какъ выше объявлено, число народу противу прежняго весьма прибыло. За всѣмъ тѣмъ нынѣшній гетманъ, графъ Разумовскій, и четырехъ тысячь дворовъ Государевыхъ не засталъ, а о прочихъ ему донесено, яко бы всѣ въ Польшу побѣжали разными годами, гдѣ однакоже по достовѣрнымъ извѣстіямъ мужикамъ весьма труднѣе Малороссійскаго жить въ подданствѣ у господъ Польскихъ, потому что помѣщики все имѣніе крестьянъ своихъ собственнымъ своимъ почитаютъ и берутъ подати не окладомъ съ нихъ годовымъ, но кому когда и сколько вздумается. Въ самомъ же дѣлѣ нашлося, что всѣ Государевы дворы и съ землями раскупила старшина и другіе достаточные

промышленники у самихъ мужиковъ, называя ихъ собственными войсковыми, которые будтобы по сему имени свободные и могутъ сами себя и съ землями продавать. Сіе ихъ истолкованіе хотя вымышлено, однакожъ они по сему вымыслу не меньше, какъ по закону поступаютъ, и никто имъ въ томъ не воспящалъ до 1739 года, доколѣ указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, подъ крѣпкимъ запрещеніемъ и штрафомъ послѣдовалъ — того не чинить. Но они, не взирая на тотъ строгій указъ, скупили войсковыя Государевы деревни, даже до 1750 года, то есть до пріѣзду нынѣшняго гетмана въ Малороссію, и писали купчія иногда задними годами. А понеже то необходимо, чтобъ купчая всякая ствержена была на урядѣ, и сотникъ, по силѣ права, тотъ, гдѣ продаваемая земля положеніе свое имѣетъ, долженъ подписать; то многія фальшивыя купчія и тѣмъ обличаются, что сотникъ въ сотники пожалованъ, напримѣръ, въ 1745 году, а купчая его сотничею рукою на урядѣ скрѣплена въ 1737 году. Сіе всегда старшины видѣли, но потому что стараются всѣми образами, дабы всѣ Государевы земли переходили въ партикулярныя владѣльческія руки, какимъ бы то образомъ ни было, то никакого воспященія въ томъ не чинили. Свободныя же войсковыя деревни потому называются, что никакому помѣщику за службу не отданы, а состоятъ Государевыми, такъ какъ въ 13 статьѣ именно Богдану Хмѣльницкому изображено: »И кто будетъ крестьянинъ, тотъ будетъ обыклую крестьян»скую повинность тебѣ, Государю, отдавать«. Таковымъ же образомъ и козаковъ число весьма умалилося; ибо о семъ заподлинно можно удостовѣрить, что нынѣ Малороссія прямо вооруженныхъ списковыхъ едва ли пятнадцать, а по краней мѣрѣ двадцать тысячь выставить можетъ, а выборныхъ и николи толикаго числа не выставитъ; по статьямъ же должно списковыхъ имъ имѣть 60,000 козаковъ, кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую сторону, а всѣхъ козаковъ около 150,000 имѣть бы должно. Всѣ Молороссійскіе козаки правомъ шляхетскимъ судятся; но потому что они служатъ съ своихъ грунтовъ, то сіе кажется право натуральное,

что козакъ не долженъ своего грунта продать, дабы чрезъ то служба Государева не умалилася; а когда и продать нужду имѣетъ, то не инако, какъ козаку, а не старшинѣ и не посполитому, о чемъ и указъ есть. Но они истолковали козакамъ право: *якобы козакъ*, по силѣ Статута, разд. 3, арт. 47, *все продать можетъ, кому хочетъ;* то потому и всѣ почти грунты козацкіе скупили. Къ сему способствовалъ имянной указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны на докладъ, въ которомъ въ 10 пунктѣ изображено: »Въ войсковыхъ свободныхъ селахъ и во владѣльческихъ маетностяхъ, ежели козакъ »грунтъ свой кому продастъ и самъ паки на немъ будетъ жить, тотъ »всякія, по пропорціи имѣній своихъ, посполитыя [т. е. крестьянскія] повинности отдавать и чинить долженъ; а которые под»данные [т. е. крестьяне], продавъ свои грунта, съ нихъ сойдутъ, »а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть, »тѣ такожде отдаютъ, по пропорціи своихъ имѣній, повинности, »какъ и другіе владѣльческіе подданные.«

Сей имянной безъ выправки изданный указъ есть наилучшая привиллегія къ искорененію всѣхъ козаковъ и поверстанію ихъ помѣщикамъ въ крестьяне; ибо достаточный козакъ всегда отъ службы откупался, а недостаточный, бѣгая отъ оной, лучше желаетъ подъ имянемъ крестьянина жить, нежели выдти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ по имѣнію своему, долженъ, яко грунтовый, платить иногда на консистентовъ цѣлую рацію и порцію, что̀ ему учинитъ рубль, или и больше; а взявши на себя имя мужика безгрунтоваго, службы не дѣлаетъ и, вмѣсто платы на Государя рублевой, плотитъ, яко безгрунтовой, въ годъ алтынъ, или иногда двѣ копейки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими подсусѣдками или нищетными. Но о сихъ сборахъ, разорительныхъ народу, а казнѣ третьей доли неприносящихъ, особливое примѣчаніе сдѣлать надлежитъ, по которому окажется великое воровство народныхъ сборовъ, чрезъ многія лѣта уже продолжающееся. Такое указомъ вышепомянутымъ вспоможеніе почти всѣхъ козаковъ истребило и перевело ихъ старшинамъ, яко по-

мѣщикамъ, въ крестьяне; а въ военное время, или во время какой-либо службы, сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ. Но понеже, по тому же Статуту, разд. 9-го, арт. 27, опредѣлено точно: у чужого человѣка никто земли закупить безъ воли господина его не имѣетъ, ниже нанимать на лѣто, подъ лишеніемъ данныхъ денегъ и всего того, что на ней посѣялъ; тоже опредѣлено и о самихъ людяхъ владѣльческихъ, дабы ихъ не покупать и не нанимать безъ соизволенія помѣщика, или его управителя: то изъ сихъ положеній ясно видно, что всѣ Малороссійскія вотчины Государевы, которыхъ около пятидесяти тысячь дворовъ, по худой ревизіи, быть должно на лицо, старшинами и чиновниками, не въ силу ихъ же правъ скупленныхъ [о чемъ показано будетъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ], и большая часть почти службы козацкой, которая бы по умноженію нынѣшнему народа должна умножиться, изчезла.

7.

Хотя же были о семъ отъ многихъ временъ козачьи на чиновниковъ доносы, при блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, и строгія слѣдствія; но то всегда было долговременными многими ябедами заплетено и никогда добраго конца не воспринимало; почему, какъ по причинѣ другихъ самовольствъ, такъ и въ пресѣченіе сихъ непорядковъ и народныхъ разореній, всѣ почти главнѣйшіе старшины въ 1724 году въ С. Петербургскую крѣпость были забраты, но милостивымъ указомъ, послѣ кончины сего Государя, Императрицею Екатериною Алексѣевною Первою, въ 1725 году, были отпущены, въ ожиданіи отъ нихъ исправленія. Были также и въ нынѣшнія времена многіе доносы о расхищеніи козаковъ, свободныхъ деревень и многихъ въ уплату данныхъ суммъ народу старшинами, но тѣ доносы не происходили отъ таковыхъ

людей, которые бы то изъ усердія къ сохраненію интереса Государева доносили; а доносили по злобѣ, въ отмщеніе своихъ партикулярныхъ обидъ, и потому заплетали доносы свои справедливые многими клеветами на своихъ соперниковъ, а соперники чрезъ то сыскивали способы ябедническихъ доносителей опровергать долголѣтнею волокитою и напослѣдокъ всеконечнымъ разореніемъ жизни ихъ.

8.

Причислить надобно къ симъ непорядкамъ, яко главный непорядокъ въ нынѣшнихъ временахъ, право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому княжеству отъ короля Стефапа, бывшаго прежде князя Трансильванскаго, изъ фамиліи Батори, въ 1576 году, какъ то видно въ томъ же правѣ изъ разд. 4, арт. 1, пунк. 1, и Сигизмундомъ Третьимъ, въ 1588 году, подтвержденный. Оное состоитъ въ 14 раздѣлахъ. Права и законы въ народахъ учреждаются на двойственномъ основаніи: первое состоитъ на натурѣ, врожденной роду человѣческому вообще и всякому безъ изъятія, которое называется *право натуральное;* другое на свойствѣ всякаго народа, особенно его правленія, и оное есть *право гражданское.* Что касается до права натуральнаго, то законы Статута Литовскаго, введенные въ Малороссійскій народъ, суть тѣ же самые, что̀ и Великороссійскіе, только инымъ порядкомъ и иными словами изображенные, и потому отмѣны и исправленія никакого почти не требуютъ. Но права гражданскія, касающіяся до свойства народа, управляемаго самодержавнымъ Государемъ, яко въ Статутѣ Литовскомъ для республиканскаго правленія учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны Малороссійскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему. Ежели сіе разнообразіе законовъ отъ республиканскаго Государя и того же Самодержца происходить должно, то какимъ образомъ можно согласить многіе указы

съ Литовскимъ Закономъ, который приличенъ только Рѣчи Посполитой? Хотя въ грамотахъ Государскихъ, и особливо въ Высочайшей 1750 года, на урядъ нынѣшнему гетману, и изображено, чтобъ гетману поступать *по правамъ Малороссійскимъ и по указамъ Государевымъ, присланнымъ и впредъ присылаемымъ;* но тутъ же приполнено, чтобъ чинено сіе было по указамъ и безъ нарушенія правъ и вольностей Малороссійскихъ. Сей темности, ежели оставить въ своей силѣ право Малороссійское, ни по какой мѣрѣ правительству Малороссійскому согласить не возможно, взявъ въ примѣръ нѣкоторые только артикулы права Литовскаго, то есть Малороссійскаго. Указы Вашего Императорскаго Величества осуждаютъ преступниковъ имянныхъ указовъ къ смерти, а право Малороссійское, разд. 1, арт. 11, опредѣляетъ ему только сидѣніе въ тюрмѣ на шесть недѣль. Первое осужденіе уравнено преступленію противу самодержавной власти, а послѣднее противу короля въ республикѣ. Указы Вашего Императорскаго Величества о рудныхъ и горныхъ мѣстахъ повелѣваютъ отдавать всякаго минерала десятину въ казну и уступать первую продажу Государю; а право Малороссійское, разд. 9, арт. 30, пунк. 3, опредѣляетъ и послѣднему козаку, ежели онъ на своей земли орющейся руду золотую найдетъ, или какое-либо иное сокровище, или окна соляныя и проч., тѣмъ всѣмъ одному ему и пользоваться, а Государь обѣщаетъ клятвою ему въ томъ имѣніи отнюдь не препятствовать. Напослѣдокъ, то же право Малороссійское, въ разд. 1, арт. 1, пунк. 2, опредѣляетъ всѣмъ иноземцамъ [изъ которыхъ числа Малороссійцевъ и Великороссійскихъ не исключаетъ] судимымъ быть тѣмъ же Литовскимъ правомъ и на тѣхъ урядахъ, гдѣ кто преступитъ; почему, ежелибы случилось Великороссійскому, знатному и по имени и по чину, человѣку быть обижену въ Лубенскомъ, или какомъ-либо полку, въ сотнѣ Пырятинской, отъ какого-либо козака, то по силѣ сего права, яко подтвержденнаго грамотами, надлежитъ по порядку у сотника Пырятинскаго быть обоимъ судимымъ, и по силѣ Статута, разд. 3, арт. 27, имѣетъ за того

безчестіе, какого знатнаго бы чина и достоинства ни былъ козакъ — шесть недѣль въ тюрмѣ высидѣть и 25 рублей, а не больше заплатить; и сіе уровненіе Рѣчи Посполитой только прилично. А того же разд., арт. 27, пукт. 4, заочно бранить, кого бы кто ни захотѣлъ, дозволятся, и просить о томъ суду не велѣно, какое бы кто ни могъ показать свидѣтельство. Въ разд. 3-мъ, арт. 12-мъ, Государь себя обязываетъ присягою, что въ великомъ княженіи Литовскомъ и во всѣхъ оному подлежащихъ, достоинствъ духовныхъ и мірскихъ, городовъ, дворовъ, грунтовъ, староствъ, владѣній чиновъ земскихъ и придворныхъ владѣній въ употребленіе, содержаніе и въ вѣчность никакимъ иноземцамъ и заграничнымъ людямъ, ниже сосѣдямъ сего государства давать не будетъ, а давать самъ и наслѣдники обѣщаетъ тутечнимъ уроженцамъ. Сіе право есть совсѣмъ республиканское; но примѣчено довольно, что Малороссійскіе судьи, гдѣ случай есть, оное навести въ свою пользу противо Великороссійскихъ тамо владѣльцевъ, яко, по ихъ мнѣнію, иноземцевъ и граничныхъ Малороссіи, тутъ не оставляютъ объ ономъ представленія свои дѣлать, а у безсильныхъ, по силѣ сего права, и отнимаютъ. Такъ равномѣрно правы Россійскимъ несогласныя и многія находятся, а именно: разд. 1, арт. 33, пунк. 1: Ежели кому какую маетность Государь пожаловалъ, а онъ за какою-либо отлучкою тѣмъ не владѣлъ десять лѣтъ; то хотябы и грамоту Государеву на то владѣніе имѣлъ, тогда онъ владѣть не можетъ, и грамота силы ни какой не имѣетъ; или, когда сильный у безсильнаго деревни отнялъ и обиженный случая, за отсутствіемъ, болѣзнію, или другимъ какимъ, хотя и законнымъ, препятствіемъ, на судѣ того искать не могъ, чрезъ десять лѣтъ; тогда молчать вѣчно имѣетъ, по разд. 4, арт. 91, пунк. 1, и сіе право въ Малороссіи сильно наблюдается, понеже изстари сильные безсильныхъ нападеніями грабятъ и обижаютъ, а обиженные десятилѣтнему промолчанію подвержены бываютъ и тѣмъ имѣній отеческихъ и дѣдовскихъ лишаютея. Таковыхъ опредѣленій великое множество въ Малороссійскихъ судахъ находится; но изъ права выступить невозможно. Разд. 1-го

арт. 24-й опредѣляетъ: Ежели кто посланнаго отъ лица Государева, хотя съ именнымъ указомъ, побилъ, указы отнялъ и изодралъ, тому не болѣе штрафа, какъ тюрма на полгода; такожде: ежели шляхтичъ убьетъ въ смерть простолюдина, и указнаго числа, то есть семи человѣкъ шляхтичевъ свидѣтелей истецъ не представитъ, тогда шляхтичъ, хотя и разбойникъ, отприсягнуться можетъ; буде же отъ присяги отказываться будетъ, тогда, по разд. 12, арт. 1, платитъ только малыя деньги за голову. Такожде, по разд. 11, арт. 16, пунк. 1: Ежели шляхтичъ шляхтича съ сердца ножемъ зарѣжетъ — четвертовать, ежели простой шляхтича — тоже, а ежели шляхтичъ зарѣжетъ по злосердію простаго, или какимъ-либо оружіемъ съ гнѣва убьетъ, тогда шляхтичу только руку отсѣчь. Таковыхъ примѣровъ въ Статутѣ Литовскомъ великое множество можно бы показать, изъ коихъ одни противны самодержавному государству, другіе, яко по угожденію вольному республиканскому народу постановлены, натуральному праву противны; но для показанія неудобствъ довольно и сего. Въ заключеніе самой только важности сего дѣла, надлежитъ взять еще въ разсужденіе разд. 4, арт. 1, пунк. 1, гдѣ опредѣляется и установляется, что естьлибы который изъ чиновниковъ земскихъ, то есть: судья, подсудій и писарь умеръ, тогда другіе чиновники оставшіеся извѣстить имѣютъ короля, а въ отсутствіи короля высшему правительству, и тогда указано будетъ на срокъ съѣхаться для избранія новыхъ изъ природныхъ Литовскихъ четырехъ кандидатовъ, которыхъ на письмѣ представить за печатьми своими королю, а король того, кто угоденъ ему явится, на мѣсто умершаго поставитъ. Изъ сего права Малороссіанцы въ обыкновенный ввели законъ, что не токмо гетманъ и старшины генеральные, то есть: обозный, два судьи, подскарбій, писарь, два асаула, хорунжій и бунчужный, избираются вольными голосами, но и полковникъ и полковые обозный, судья, писарь, хорунжій и атаманъ выборомъ поставляются; и таковые избранные не токмо многимъ безпорядкамъ причиною бываютъ, но и приводятъ иногда злыя намѣренія въ единомысліе; ибо стар-

шина генеральная имѣетъ способъ полковниковъ опредѣлять, а полковники и старшины сотниковъ, потому что выборъ въ сотники славятъ только выборомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть точное опредѣленіе персоны отъ старшинъ. Происходящее по сіе время избраніе въ сотники слѣдующимъ образомъ происходитъ. Когда только репортъ изъ сотни въ полкъ, а изъ полку въ войсковую канцелярію придетъ, что сотникъ въ сотнѣ умеръ; то старшины поспѣшаютъ, прежде нежели о томъ увѣдано гетманомъ будетъ, отправить изъ полковой канцеляріи извѣстную и надобную имъ персону на правленіе, до опредѣленія новаго, и сіе, яко маловажное дѣло, происходитъ безъ вѣдома ихъ шефа, но именемъ только командующаго въ полку полковника. То извѣстная персона уже не сомнѣвается, что ему сотничество предано, и для того, пріѣхавъ на правленіе, нѣсколько бочекъ вина горячаго безграмоннымъ козакамъ выставитъ, священника и дьячка церковнаго подкупитъ и уговоритъ къ подписанію рукъ ихъ, и такимъ образомъ отъ пьяныхъ отобравъ голосъ, выборъ самъ себѣ пишетъ, прежде нежели о томъ изъ войсковой канцеляріи приказано; а къ тому припишетъ, въ силѣ мнимаго права, два или три человѣка негодныхъ, которые сами о томъ сотничествѣ не думаютъ. И такимъ образомъ, по полученіи ордера изъ войсковой канцеляріи о выборѣ новаго сотника, онъ уже съ готовымъ выборомъ поспѣшаетъ, опредѣливъ на то червонныхъ нѣсколько для подарку; почему въ чинѣ и конфирмуется. Сіе есть обыкновенное по правамъ производство въ выборахъ, а въ самомъ дѣлѣ старшины опредѣляютъ во всѣ чины тѣхъ, кто имъ надобенъ. Такимъ образомъ почти во всей Малороссіи сотники и старшины полковые опредѣляются одолженные своимъ протекторомъ; и хотя право Малороссійское гласитъ о выборахъ только на главныя судейскія генеральныя мѣста, да и то разумѣется изъ таковыхъ, которые близко подъ тѣмъ чиномъ стоятъ своимъ достоинствомъ, на которое дѣлается избраніе новаго чиновника; однакожъ нѣкоторые интересъ свой въ томъ находятъ, чтобъ отъ малаго до великаго выборомъ начальства всѣ чины происходили,

вѣдая, что таковымъ порядкомъ милость къ народу изъ ихъ собственно рукъ истекаетъ; и то самое обыкновеніе утверждаютъ они правомъ, чего въ правѣ отнюдь не находится; ибо разд. 4, арт. 1, пунк. 1-й гласитъ дѣйствительно только о судьи, подсудіи и писарѣ генеральныхъ, которые чины въ воеводствѣ Литовскомъ суть главнѣйшіе и уравняются развѣ только старшинамъ генеральнымъ, которыхъ девять персонъ въ цѣломъ народѣ Малороссійскомъ, а не о всѣхъ малочиновныхъ, которыхъ около тысячи во всѣхъ полкахъ находится, ежели взять въ число всѣ полковые и сотенные чины.

9.

Права Малороссійскаго разд. 4, арт. 54, пунк. 4-й: »А буде бы »чего въ семъ Статутѣ не доставало, то судъ, склоняяся къ ближайшей справедливости по совѣсти своей и по примѣру другихъ »правъ Христіанскихъ, отправлять и судить имѣетъ.« Малороссійскій народъ, по нынѣшнему состоянію, раздѣляется на три классы людей: на шляхту, козаковъ и посполитыхъ. Сіе раздѣленіе точно то же, чтò и въ республикѣ Польской; но потому что въ княжествѣ Литовскомъ и Жмудскомъ отъ короля Сигизмунда магистратамъ многихъ городовъ съ мѣщанами особливое право Магдебургское дано, то, по примѣру тому, и городамъ Кіеву, Нѣжину, Остру, Погару и другимъ, пребывавшимъ тогда подъ владѣніемъ Польскимъ, по ихъ исканіямъ, для уравненія тѣже, Магдебургскія права отъ Сигизмунда и другихъ его наслѣдниковъ опредѣлены; и понеже вышепомянутый Статута Литовскаго разд. 4, арт. 54, пунк. 4-й, въ случаѣ какому-либо дѣлу недостатка въ правѣ Статута, повелѣваетъ примѣняться къ другимъ Христіанскимъ сосѣднимъ правамъ; то Литовцы занимаютъ, въ помочь къ Статуту своему, Саксонское, которое называется *Порядокъ;* слѣдовательно Малороссія управляется уже не двумя, но тремя правами, а именно: Литовскимъ, Магдебургскимъ и Саксонскимъ; и

почему Малороссія, будучи подъ державою Россійскою, дополняетъ свои законы Саксонскими, въ томъ, кажется, она никакого основанія не имѣетъ; ибо кто изъ сосѣднихъ Христіанскихъ народовъ имъ ближе [какъ выше сего показано уже] и въ родѣ и въ законѣ Христіанскомъ, какъ не Россія? Но изъ сего явственно оказывается, что то по единому только развѣ тогдашнихъ старшинъ неусердію къ Россіи въ обыкновеніе введено, а закона къ тому ни въ какихъ ихъ правахъ не находится; польза же ихъ собственная есть та, что они, имѣя многоразличные и намъ мало вѣдомые законы, многоразличные способы имѣютъ пристрастіямъ своимъ угождать и чрезъ то сохранять, яко грамотные надъ неграмотными простыми людьми, власть полномочную; ибо простой народъ только льститъ себя многими мнимыми вольностями, которыхъ онъ отъ времени Богдана Хмѣльницкаго дѣйствительно не имѣетъ; а старшины, напротивъ того, опредѣляя имъ командировъ, яко-бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинами, которые у нихъ называются генеральные, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и нижнихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное. Чрезъ сіе бываетъ, что и изъ права Россійскаго судьи иногда берутъ, но то въ крайности, когда вредъ кому умножить хотятъ. Итакъ судіи Малороссійскіе, вмѣсто точнаго и опредѣленнаго права, имѣютъ удовольствія обременять или уменьшать казни и штрафы многоразличными законами, а именно: когда судья видитъ, что Статутъ истцу, или отвѣтчику строгое рѣшеніе, а не полезное, опредѣляетъ, тогда онъ ищетъ въ *Порядкѣ Саксонскомъ*, тогда прибѣгаетъ и къ Магдебургскому праву, ежели мѣщанину съ шляхтичемъ дѣло, и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сыщетъ намѣре-

нію своему полезное; а простой, или иначе неграмотной, человѣкъ, будучи въ томъ несвѣдущъ, пріемлетъ все за несумнительный законъ. Временемъ для облегченія пріятелю казни, или для умноженія ненавистному вреда, мечутся и въ законы Великороссійскіе, какъ то по дѣламъ примѣчено; но то случается рѣдко. Сіе есть поводомъ, что всѣ тѣ, которые слывутъ въ Малороссіи приказными и знающими людьми, суть великіе ябедники, и про нихъ говорятъ, что они *съ оборотомъ*; да и подлинно, что таковая юриспруденція требуетъ не того знанія, чтобы право натуральное и гражданское было судіи извѣстно, но чтобы была только память острая, которая, бывъ соединена съ практикою, дѣлаетъ у нихъ человѣка съ оборотомъ, то есть судію проницательнаго и скоропоспѣшнаго на всѣ ухватки ябедническія. Отъ того у нихъ истцы никогда недовольны первымъ судомъ, и ни единаго дѣла нѣтъ, которое бы не чрезъ всѣ апелляціи прошло: изъ сотенной въ полковую, изъ полковой въ судъ генеральный, а изъ суда въ войсковую канцелярію къ гетману, оттуда въ коллегію, въ правительствующій сенатъ, а напослѣдокъ трудятъ Высочайшую Особу Государеву; почему и въ маловажныхъ искахъ процессы у нихъ ведутся чрезъ многіе годы. Такъ какъ козакъ у козака плеть или кнутовище отнялъ, процессъ продолжался болѣе восьми лѣтъ; бунчуковой товарищъ одинъ у другого восемь гусей отогналъ, съ шестнадцать лѣтъ процессъ былъ; и много тому подобнаго въ архивахъ суда генеральнаго сыскать можно.

10.

Сія ябеда въ такомъ у нихъ кредитѣ и почтеніи, что по большей части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ: научивъ его читать и писать по-Русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславъ, или Черниговъ для обученія Латинскаго языка, котораго не успѣютъ только нѣсколько обучить, спѣшатъ возвратить и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по дол-

говременномъ обращеніи, происходятъ они въ сотники, хотя козаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слыхали. Но съ чиномъ канцеляриста есть еще другіе авантажи соединены. Надобно знать, что чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію [преимущество] имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы то полку не было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ; а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. Итакъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ, что̀ при нынѣшнемъ гетманѣ нѣсколько уже и отмѣнено. При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человѣкъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ; но въ междугетманство больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привиллегія надобна, что они нигдѣ кромѣ гетмана не судимы. Такъ и канцеляристы войсковые, которыхъ въ одной войсковой канцеляріи гораздо болѣе трехъ сотъ числится, а въ канцеляріи сидящихъ не бывало никогда на лицо болѣе сорока, прочіе же всѣ грабятъ и иногда разбиваютъ во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Малороссіи, о чемъ многія и жалобы были. Итакъ право Малороссійское почитать надлежитъ, яко главный непорядокъ въ Малороссіи: оно имъ вливаетъ мнимую вольность и отличіе отъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ Вашему Императорскому Величеству; оно судію дѣлаетъ лихоимцемъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными; оно бѣдныхъ простыхъ Малороссіянъ въ утѣсненіе приводитъ; оно, напослѣдокъ, и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.

11.

Значительное помѣшательство и непорядокъ въ народѣ и отъ

того происходитъ, что козаки, которые особыя привиллегіи имѣютъ отъ мужиковъ и особливой трудъ несутъ, а именно: отправляютъ Государеву службу съ своихъ грунтовъ въ походахъ, а поселеніе свое имѣютъ по всей Малороссіи въ посполитыхъ деревняхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, помѣщикамъ принадлежащихъ. Всѣ Малороссійскіе города, мѣстечка, села, деревни, слободы и хуторы съ пахатными и сѣнокосными землями, какъ въ лѣсныхъ, такъ и въ степныхъ полкахъ, не имѣютъ никакого обмежеванія; а понеже живутъ старинными будто займами и фальшивыми по большой части крѣпостьми, а иные ни займомъ стариннымъ, ни крѣпостью, но грабежомъ и наѣздомъ сильный на безсильнаго; къ тому же козаки во всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ перемѣшаны съ мужиками: то изъ того послѣдовалъ различный вредъ, какъ собственно самому народу, такъ и въ интересѣ Вашего Императорскаго Величества превеликій ущербъ: 1.) Помѣщики Малороссійскіе, живущіе по большой части ни у какихъ дѣлъ, по своимъ хуторамъ, или деревнямъ, праздно, въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что, за лѣса, за тростники, за степи, за мельницы, за подтопы плотинъ, другъ на друга наѣзды дѣлаютъ вооруженною рукою, и изъ того рождаются многія смертоубійства. 2.) Вступивши въ процессъ, волочатся лѣтъ по десяти и двадцати въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказанную корысть, а главному суду по апелляціямъ въ безконечное обремененіе ябедническими процессами, и сіе есть собственное ихъ разореніе. 3.) Ущербъ Вашего Императорскаго Величества интереса есть главный тотъ, что козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалося прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ воз-

можно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякой сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ. 4.) Первый промыслъ козачій, которымъ они себѣ малые деньги въ годъ промышляютъ, есть тотъ, что козаки, по снятіи съ поля хлѣба, перецѣживаютъ его на горячее вино, и то продаютъ у себя по домамъ, чего ради всякой козачій домъ не что̀ иное, какъ шинокъ. Послѣдовательно то самое причиною и бѣдности ихъ; ибо козакъ, запившися, не много уже помышляетъ о хозяйствѣ, и сѣетъ, и жнетъ хлѣба не болѣе, какъ лишь бы стало ему на зиму съ дѣтьми; а хотябы земля плодородная и принесла свыше трудовъ его что̀ излишнее, но онъ, пріобыкши къ плодородію земли, не чувствуетъ, и хлѣба съ поля не больше снимаетъ, какъ сколько ему про всю его хату надобно до новаго, а временемъ за лѣностію и того не умѣряетъ; и гетманъ временемъ принужденнымъ себя находитъ особливые ордеры о снятіи хлѣба, безъ успѣха въ томъ, посылать; чего ради иногда малый народъ, или саранча, то есть мужики, остаются безъ пропитанія и мрутъ съ голоду, или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые на таковые случаи, не рѣдко бывающіе, съ запасомъ живутъ; а это наибольше дѣлаютъ старшины и ихъ свойственники. 5.) Живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, изчезаютъ и перерождаются на мужиковъ, слѣдующимъ образомъ. Помѣщикъ столько у себя выцѣживаетъ вина, что всегда вышинковать въ своихъ маетностяхъ не можетъ, чего ради большую часть раздаетъ изъ извѣстной части вышинковать козаку въ своей деревнѣ, а ищетъ къ таковому дѣлу изъ такихъ козаковъ, которые бы удобнѣе у него забраться и замотаться могли; напослѣдокъ, когда столько козаку задастъ, что уже козакъ не въ состояніи все вино прошинкованное выплатить помѣщику того же села, то помѣщикъ, вымучивъ у него обликъ, то есть правнымъ обязатель-

ствомъ удостовѣреніе, бьетъ челомъ на козака о уплатѣ долгу. Козакъ, будучи не въ состояніи уплатить по облику, то есть по обязательству, судимъ бываетъ разд. 4, арт. 28, пунк. 1, въ которомъ опредѣлено *»награждать имѣніемъ недвижимымъ по оцѣнкѣ«;* а обыкновенно дворъ съ пашенною землею, которая въ Статутѣ *»волокою осаженою«* названа, предписано отдавать за десять рублей и по пропорціи, ежели меньше, то оную дѣлить, а *моргъ земли*, то есть двадцать саженъ въ ширину и шестьдесятъ саженъ въ длину, ежели унавоженъ, оцѣненъ въ полтину, а безъ навозу въ пятьдесятъ шаговъ, или грошей [1] Польской монеты. Въ томъ же мѣстѣ цѣна предписывается сѣнокоснымъ землямъ, лѣснымъ удобнымъ къ сѣву, озерамъ, рѣкамъ и проч.; и такимъ образомъ козакъ, грунта̀ свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли не достаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу, по силѣ права. Сіе есть слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, и отъ сего-то большая часть козаковъ претворалися уже въ мужики помѣщикамъ, а государственный интересъ чрезъ многіе годы терпитъ чувствительный отъ того уронъ, къ пресѣченію котораго хотя мѣры и принимаемы были, а особливо по челобитью козаковъ еще въ 1723 году, но указами, которые тогда послѣдовали, довольно не предусмотрѣно.

12.

Къ внутреннему и собственному разоренію, есть вредъ наиближайшій Малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаюся пьяницами,

---

[1] Т. е. правную копу, что̀ равнялось 1 руб. 20 коп., когда рубль серебра ходилъ въ рубль, а теперь, по указу 1724 года, взыскивается 4 руб. 80 коп. грошей; значитъ, полтина болѣе чѣмъ 50 шаговъ.

лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ. Ничто столько не вредительно крестьянину, какъ праздность. Она не только его нищимъ, но и впередъ къ работѣ по отвычкѣ неспособнымъ дѣлаетъ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего какъ бы ему найти удобности свой хлѣбъ жевать безъ труда; сего ради не допускаетъ обременять себя никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщики землями, или грабленными Государевыми, или за долгъ шинковой себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнивцовъ впустѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ: сперва опредѣлитъ слугу, наряженнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, чтò весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный больше заставляетъ мужика своего роботать, нежели богатые, ежели кредита инаго къ тому въ націи не имѣетъ; потомъ выставитъ на пустой своей землѣ большой деревянной крестъ, на которомъ для грамотныхъ надпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означитъ, на сколько онъ лѣтъ новопоселившимся обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики празднодѣльные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ навѣдываться, гдѣ и сколько временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживаетъ мужикъ урочные годы въ крайнемъ лѣнивствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко-бы мужикъ все, чтò ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе,

на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики, безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ въ изобиліи и плодородіи земли Малороссійской, земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ; между тѣмъ государственная польза изъ Малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часъ отъ часу въ упадокъ приходитъ.

Сіи суть токмо генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежелибы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія Его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то, хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему начатки премудраго Государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что̀ исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

V.

ОРИСЯ,

ИДИЛЛІЯ.

ОРИСЯ.

I.

Співають у пісні, що нема найкращого на вроду, якъ ясная зоря въ погоду. Отъ же, хто бачивъ дочку покойного сотника Таволги, той би сказавъ, може, що вона краща й надъ ясную зорю въ погоду, краща й надъ повний місяць середъ ночі, краща й надъ саме сонце, що звеселяе й рибу въ морі, и звіря въ дуброві, и макъ у городі.

Може й гріхъ таке казати: де такі видано, щобъ дівча було краще одъ святого сонця й місяця? Да вже, мабуть, такъ насъ грішнихъ мати на світъ породила, що якъ споглянешъ на дівоцьку вроду, то здастця тобі, що вже ні на землі, ні на небі нема нічого кращого.

Гарна, дуже була гарна сотниківна! знали іі по всій Украіні; бо въ насъ на Вкраіні, скоро було въ кого виросте дочка хороша, то вже й знають усюди. Було чи треба кому зъ молодого козацтва, чи не треба чого у Війтовці, іде за сто верстъ, аби тілько побачить, що тамъ за дочка въ сотника Таволги, що тамъ за Орися, що всюди про неі мовъ у труби трублять! Да не багато съ того виходило користи. 'Якось не було козацтву приступу до неі зъ залицяннємъ. Чи батько бувъ дуже гордий, чи дочка дуже пишна, того не знаю; а знаю, що було вернетця инший кру-

тиусъ изъ Війтовéць да й хóдить, мовъ неприкáянний. Спитáе ёгó про Орúсю товáришъ...

»Шкодá«, кáже, »брáте, нáшого повáбу й залицяння! Не для нáсъ зацвілá ся квітка! Мóже, хто й застрóмить іі собі за висóку шáпку, тільки той бýде не зъ нáшого десятка.«

А товáришъ похитáе мóвчки головóю, да й подýмае: »Отъ же занапастúла козакá!«

II.

А Орúся булá вже не дитúна, вúрівнялась и вúкохалась, якъ біла топóля въ левáді. Подúвитця булó на іі старúй сóтникъ, подúвитця на іі пúшний зрóстъ и хорóшу врóду, порáдуетця бáтьківськимъ сéрцемъ, що дождáвъ на стáрість собі такóі дочкú, а чáсомъ и посумýе: »Доспіла есú, моя ясочко, якъ пóвний кóлосъ на нúві! Да чи знáтиме жéнчикъ, якý благодáть берé собі одъ Гóспода милосéрдного? Есть багáто людéй, и статéчнихъ, и знáчнихъ, що залицяютця на тéбе, да не хотілось би мині оддавáть тебé въ рýки сúвому дідові: звялúть тебé ревнýючи, якъ вітеръ билúну въ пóлі. Ой, не хотілось би оддавáть тебé й за молодóго шибáй-гóлову, що не поживé дóвго безъ стéпу да конй, поляже въ пóлі буйнóю головóю, а тебé зостáвить горювáть зъ дітонькáми!«

Такъ собі дýмаючи да гадáючи, старúй Тáволга чáсомъ тяжко, тяжко засýмуе, ажъ слёзá покóтитця ёмý зъ óка.

А Орúся рослá собі якъ та квітка въ горóді. Пóвна да хорóша на видý, мáяла то сямъ, то тамъ по госпóді въ старóго сóтника, похожáла якъ по медý бжілка и всю госпóду звеселяла.

III.

Приснúвся разъ Орúсі предúвний сóнъ. Здалóсь, пришлá до нéі съ тогó світу покóйна панімáтка, стáла, надъ нéю въ голо-

вàхъ, да й кáже: »Дитúно моя, Орúсю! не дòвго вже тобі дівувáти: що дèнь благáю Гóспода милосéрдного, щобъ послáвъ тобі вірну дружúну.«

Встáла Орúся ні смутнá, ні весèла, идé до панотця въ світлúцю, зачервонілась, якъ та квіточка, да й кáже: »Панóченьку! позолúли мої дівчáта плáтте. Нехáй запряжýть намъ кòней; поідемо ми до Трубáйла, підъ Тýрову Крýчу: тамъ водá, чúста, якъ скло̀, рúне по камінням.«

А панотéць речé: »Чогò жъ тобі, Орúсю, такъ далéко іздити?«

»Хибá жъ то вже, панóченьку, й далèко?... на півъ-годúни ходú; да тудú жъ усè іхати лýгомъ да левàдами, що й не счýесся, якъ водá заблищúть и зашумúть підъ горòю.

А панотéць: »О, я вже знáю, що абú чогó забажàла, то вмієшъ вúпросить. Поклúчъ же мині старóго Грúву!«

Поскóчила Орúся до дверéй, не дòвго шукáла Грúви, зàразъ привелá ёгó передъ панотця.

А той Грúва бувъ старúй, дідúзний чоловікъ. Знавъ вінъ пáна сóтника ще змàлечку; вúпестивъ ёгó на рукàхъ; вúвчивъ и на коні іздить. Пóтімъ вúходивъ зъ сóтникомъ у похóдахъ лéдьви не всю Пóльщу, бувъ зъ нимъ и въ Кримý, бувъ и на Чóрному мòрі; да вже на стáрість не схотівъ би й пáнства, абú тілько при ёмý дожúти віку. Старúй ужé бувъ дýже дідугáнъ той Грúва; брóви на òчи ёмý понасóвувались, и бородá сúва, до пóяса.

Увійшòвъ у світлúцю, вклонúвся пáну сòтнику, да й кáже: »Добрúдень, добрóдію!«

А сóтникъ ёмý: »Здорòвъ, добрóдію!« Бо вонú одúнъ одногó звúкли добрòдіями величáти.

»Запряжú«, кáже, »добрóдію, пáру кòней, візьмú хочъ той візъ, що булó сухарі въ похòді вòзимъ, да повезú нáшихъ прачòкъ до Трубáйла.«

А той ёмý: »Дòбре, добрóдію, запряжемò. Чомý не запрягтú?«

И отó зàразъ идé, берé двохъ хлòпцівъ, викóчуе зъ-підъ повітки візъ, дòвгий и широ́кій, дòбре ёмý знакóмий, що не рáзъ

у лихій годи́ні, засівши за ёго, одбива́всь одъ Ляхівъ, або́ одъ Татарви́, не разъ приня́въ черезъ ёго й ну́жди не ма́ло, ча́сомъ якъ тра́питця було́ утіка́ть изъ нимъ по корча́хъ, по болота́хъ, по ба́гнахъ, щобъ ви́хопитьця мановце́мъ изъ зало́ги. Вико́чуе стари́й Гри́ва той візъ тепе́ръ на и́ншую потре́бу; запряга́е па́ру ко́ней, що вже літа́ погаси́ли давно́ въ нихъ той ого́нь, що кипи́ть у се́рці, па́ше зъ оче́й и зъ ніздеръ, и ки́дае коня́ сюди́ й туди́, на страхъ жінка́мъ и дітямъ, а до́брому козако́ві на втіху. Сми́рниі тепе́ръ тиі два біли́ ко́ники ходи́ли підъ руко́ю си́вого Гри́ви, що вже давно́ одви́къ одъ коза́цького ге́рця.

Отъ же дівча́та Ори́сини несу́ть сорочки́, ши́тиі рушники́, настілники и вся́ке добро́; накла́ли по́венъ візъ, и самі́ посіда́ли: усі въ стёнжка́хъ да въ квітка́хъ, — Ори́ся поміжъ ни́ми, — и якъ ма́къ у горо́ді всі квітки́ закраша́е, такъ вона́ сиділа поміжъ своіми дівча́тами. Си́вий Гри́ва сівъ спе́реду; хлопъя́та ки́нулись одчиня́ть воро́та. Ви́глянувъ у вікно́ панъ со́тникъ:

»Не бари́ся жъ тамъ, Ори́сю!«

А вона́: »Ні, пано́ченьку!«

Ля́снувъ пого́ничъ пу́гою; ко́ні заржа́ли, почу́вши лугову́ па́шу; потю́пали и зни́кли зъ оче́й и зъ во́зомъ, и зъ пого́ничемъ, и зъ дівча́тами.

IV.

Отъ уже́ й лу́гъ передъ ни́ми. И сюди́ зе́лено, и туди́ зе́лено. Було́ бо се са́ме на весні, якъ ще трава́, свіжа да молода́, тілько що вкри́е зе́млю. Скілько въ-горі си́нёго не́ба, стілько въ-низу́ зеле́ного лу́гу. И такъ якъ ясна́ зоря́ въ-ночі поко́титця, пала́ючи по небу, такъ та́я Ори́ся проіжжа́ла широ́кимъ лу́гомъ зъ своіми дівча́тами.

Ажъ ось — шуми́ть, реве́ Труба́йло за лева́дами. Якъ розсту́питця де́рево, а со́нце якъ заблищи́ть са́ме въ тімъ місці, де

водá рúне черезъ камiння, то ти бъ сказáвъ, що то не водá, а самé чúсте склó, самúй дорогúй криштáль рúне зъ горú и бъéтця на дрібнúі склянкú объ камiння.

Надъ рiчкою Трубáйломъ стоiть висóка крýча. Вся оброслá кучерявимъ вязомъ, а корiння повúсло надъ самóю рiчкою. Дúкий хмiль почiплявсь за те корiння и колúшетця кудлáтими жмýтками. А въ-низý водá рúне, да рúне! Оцé жъ тáя й Тýрова Крýча.

Дúвлятця на нéі дiвчáта, да й питáютця въ старóго Грúви, чогó воná прозвáлась Тýровою?

»Нá що вамъ знáть?« кáже Грúва.

»Ажéжъ ти нá щось знáешъ? Такъ и нáмъ скажú!«

»Ой, моі голубъята! Сказáвъ би вамъ, да тiлько бiльшъ не поiдете сюдú на рiчку.«

»Щó жъ тамъ такé? Скажú бо такú намъ, дiдýсю!«

Якъ узялú просúть, не вúдержавъ старúй, сiвъ на кáменi надъ рiчкою, да й почáвъ глагóлати:

»Колúсь-то давнó, ищé до Татáрського лихолiття, прáвивъ Переяславомъ якúйсь князь. Да й бувъ собi той князь стрiлéць такúй, що абú зýздрiвъ на óко, то вже й ёгó; и кохáвсь вiнъ у полёвáннi. Отó жъ разъ поiхавъ той князь на полёвáнне, да й одбúвсь у пýщi одъ своéі чéлядi. Іде да iде пýщею, колú жъ дúвитця, ажъ на лóщинi пасéтця стáдо тýрiвъ.«

»А щó жъ то, дiдýсю, за тýри?« спитáлася Орúся.

»То, моя крúшко, булú дúкi бикú зъ золотúми рогáми; тепéръ ужé iхъ нiгдé не зýздришъ. Бáчить князь тихъ тýрiвъ; тiлько не дивýетця на iхъ золотúі рóги, а дивýетця, що при нихъ стоiть дiвчúна, такá, що усю пýщу красóю освiтúла. Поскóчивъ вiнъ до нéі; а одъ нéі такъ сяе, що й приступúть не мóжна. Забýвъ князь и про свою чéлядь, и про те, що заблудúвъ у пýщi: вхопúла ёгó за сéрце тáя чудóвная красá.

»Дiвчúно!« речé, »будь моéю жонóю!« А воná речé: »Тодi я бýду тобi жонóю, якъ Трубáйло назáдъ вéрнетця.« А князь iй знóву: »Якъ не згóдисся на моé прохáнне, то я твоі тýри постреляю.« — »Якъ постреляешъ моі тýри, то вже бiльшъ нiчóго

не стрелятимешъ.« Розсéрдився князь, взявъ лýкъ съ плечá и почáвъ стріля́ть золоторóгиі тýри. Сунýлись тиі тýри въ пýщу, такъ и виваляли дéрево; а князь за ни́ми знáй пускáе стрілку за стрілкою. Прибігли надъ Трубáйло... а Трубáйло тоді бувъ не такий узéнький якъ тепéръ, — прибігли надъ висóку крýчу и всі шубóвсть у вóду! да й ні оди́нъ не перепли́въ, усі кáменемъ лягли́ по дну, ажъ річку загати́ли. Сплеснýла тоді дівчи́на рукáми: »Потопи́въ еси́ моіхъ золоторóгихъ тýрівъ, блукáй же тепéръ по пýщі по всі вічниі рóки!«... Отъ же й блукáе, кáжуть, той князь до сёгó чáсу по пýщі, и ніякъ не знáйде своґó Переяслава. А Переяславъ бувъ ужé и въ Татáрськихъ рукáхъ, бувъ и въ Ля́дськихъ,—чогó вже не булó зъ тимъ Переяславомъ? а вінъ не знáйде ёгó, та й не знáйде. А дівчи́нині тýри лежáть и дóсі камінням и въ воді, и отъ прислýхайсь: то не водá ревé, а ревýть тýри глýхо зъ-підъ води́. Отъ же, кáжуть, бýде такé врéмя, що князь приде на Тýрову Крýчу, повстають тýри и пійдуть шукáти собі ди́кихъ пýщъ по Вкраіні.

V.

Слýхають дівчáта, да ажъ сýмно імъ стáло; слýхае Ори́ся, да вже боітця й глянуть на каміння, що простяглóсь кýпою черезъ річку. Вже ій здаéтця, що то спрáвді не каміння; и водá шуми́ть якось не тáкъ, якъ водá...

Засмути́въ зовсімъ дівчáтъ стари́й Гри́ва. Не знáють ужé, чи прать би то імъ, чи додóму вбірáтись; сóромъ тілько старóго Гри́ви; поглядáе бо на нихъ, да тілько всміхáетця. То булó люблять прать на самій бистрині, положи́вши клáдку съ кáмня на кáмінь; а тепéръ одійшли́ дáльше одъ крýчи, де водá ще не дійшлá до каміння и пливé ти́ха да чи́ста, хочъ ви́глянься якъ у зéркало. И, спрáвді мовъ у зéркалі, ви́дно въ воді и нéбо, и крýчу съ ти́ми кудлáтими корінням и, що переплýтались изъ хмéлемъ, и кучеря-

вні вязі, що повибігáли на самúй край и попростягáли зелéні лáпи надъ рíчкою.

Дúвитця Орúся въ вóду, ажъ у воді на крýчі щось зачервоніло; хтось ніби вúіхавъ изъ пýщи на сúвому коні и стоіть поміжъ вязáми. Боітця глянуть у-гóру, щобъ спрáвді не буліо тамъ когóсь; боітця глянуть и на камíння: вже ій здаéтця, що ось, óсь заревýть и сунýтця зъ рíчки зачарóвані тýри. Смикнýла за рукáвъ однý дівчину и показáла въ вóду: дúвлятця дівчáта, ажъ на Тýровій Крýчі князь на сúвому коні. Такъ и обомліли. Бо хтó жъ би сказáвъ, що то й не князь? Увéсь у кармáзині, а зъ пóяса золóто ажъ кáпае.

Не мáло жъ, вúдно, здивовáвсь и козáкъ: стоіть на коні нерухóмий. Бо хто жъ би й не здивовáвсь, опинúвшись надъ такóю крýчею? У-низý рúне водá черезъ камінне, а надъ водóю сидúть нерухóмо сúвий дідъ на кáмені, а тамъ стоять нерухóмі дівчáта, зъ прачáми, зъ мóкрими полóтницами въ рукáхъ. Чи дівчáта, чи, мóже, русáлки повихóдили прать сорочкú підвóдному царèві, що живé въ кришталéвому будúнку підъ водóю. Оцé жъ, мáбуть, и сáмъ вінъ вúйшовъ зъ водú погріть старíі кóсті на сóнці. Щè разъ погляне козáкъ на сúвого діда, ще разъ погляне на дівчáтъ: позасýкували по лóкоть рукáва, попідтикáли плахтú й мерéжані зáполоччу подóли... Зóлото не сяе такъ на дорогúхъ пèрстняхъ, якъ сяють у воді й надъ водóю іхъ білиі нóги. Задивúвсь козáкъ, и собі стоіть нерухóмо; колú жъ гукнé на ёго старúй Грúва: »Гей, гéй! козáче! Чогó се тебé занеслó на крýчу? Хибá хóчешъ пополоскáть своі кармáзини въ Трубáйлі?«

И скóро промóвивъ, — зáразъ нáче розбúвъ які чáрі. Засорóмились дівчáта и давáй бóвтать полóтницами.

А козáкъ одвітýе дідові: »Да й за тè слáва Бóгу, що хоть на крýчу вúбрався. Скажú, будь лáскавъ, дідýсю, якъ мині вúіхать икъ Вíйтовцямъ?«

»А чогó тобі трéба въ Вíйтовцяхъ?«

»Черезъ Вíйтовці«, кáже, »лежúть моя дорóга.«

»А кудú жъ лежúть твоя дорóга?«

»Моя дорóга — до чиëгось порóга, моя стéжечка — до чиëгось сèрдечка.«

»Эге«, кáже старий Грива: — »нехáй же тобі Госпóдь у дóброму ділі помагáе! Отъ же кудй тобі виіхать. Берись у-низъ, понадъ бèрегомъ; то тамъ трóхи нйзче бýде тобі доріжка; тиéю доріжкою виідешъ ти на річку. Есть черезъ річку й кладочки; вóзомъ не проідешъ, а конéмъ дóбрий козáкъ перехóпитця.

Подякувавъ козáкъ за порáду, повернýвъ коня и сховáвсь по-за дèревомъ.

Якъ сховáвсь, тоді-то вже розгулялись нáші дівчáта: росписáли козакá якъ на папèрі: які й óчи, які й брóви, якъ и говóрить, якъ и всміхáетця. Та кáже: »Се твій сýжений!« а та: »Се твій.« А однá додалá: »Не змагáйтесь дýрно, дівчáта: чи рівня жъ такй вамъ пишний князь! Се нáшій пáнночці сýжений!

Почервоніла Орися. »Збожевóліла«, кáже, »ти, Парáско! Хибá не чýла, щó вінъ сказáвъ дідові?«

И жаль ій булó, самá не знáе чóмъ, що вінъ іде свáтатьця. Мякше одъ вóску дівóче сéрце. Тáне вонó одъ козáцькихъ очéй, якъ одъ сóнця....

»Що жъ«, кáже Парáска, »що іде свáтатьця! Сýженоі й конèмъ не объідешъ!«

VI.

Попрáли дівчáта сорочки, зложили на візъ, зелéною пахýчою травóю прикрили, посідáли й поіхали додóму, свіжі да весéлі; щебéчуть якъ лáстівки. Ищé далèко не доіхавъ візъ до сóтницького двора, а въ дворі вже чутнó булó, що вертáютця.

»Орисю, нáша пáнночко!« крикнули дівчáта, скóро росчинились ворóта. »Чий же то сивий кінь у дворі стоіть? Се жъ тогó козакá, що ми бáчили, се жъ твогó князя, се жъ твогó сýженого!«

Гляне Орися, а въ серці наче жаромъ запекло. Чи вона злякалась, чи вона зраділа, сама того не знала.

Виглянувъ у вікно изъ світлиці молодий козакъ: іде въ двіръ візъ старими кіньми, изъ старимъ сивимъ погоничемъ; зелена трава волочетця по бокахъ и бъетця по колёсахъ; а изъ-за сивоі бороди старого Гриви, изъ-за білоі зіми, червоніе літо — повенъ візъ дівчатъ у квіткахъ да въ намисті, — Орися якъ сонце поміжъ ними! Виглянувъ, да ажъ руками сплеснувъ: »Се жъ вона, се жъ вона!« И ото вже тоді почавъ на прямоту викладувать свою мову пану сотникові, и хто вінъ такий, и чого приіхавъ. Хто жъ вінъ такий, то се вже панъ сотникъ знавъ давно: Миргородський осауленко, отаманъ у своій сотні, хорошого й багатого роду дитина. А чого приіхавъ? приіхавъ подивитьця, що тамъ за Орися така, що тамъ за дочка въ сотника Таволги на всю Гетьманщину; а побачивши та й себе показавши, довідатьця, чи вже надбала шитихъ рушниківъ у скриню... Про що журивсь, чого бажавъ панъ сотникъ, те ёму якъ изъ неба впало. Не довго думавши, позвавъ Орисю. Ввійшла въ світлицю, червона, якъ калина.

»Отъ, Орисю, тобі женихъ! Чи любъ вінъ тобі, чи може підождешъ кращого?«

Хоть-би тобі слово промовила, хоть-би тобі очима зглянула. Стоіть, сердешненька, и головку схилила.

Бачить панотець, що не дождетця одъ неі одвіту, — бо де жъ таки, щобъ дівчина сказала, що въ іі на мислі. Очиці хиба скажуть, а сама ні. Пораховавъ се панотець, да й каже: »Де вже такий козакъ да любъ не буде! Обнімітця жъ да поцілуйтесь, да й Боже васъ благослови!«

Обнявъ козакъ Орисю, поцілувавъ у тиі губоньки, що наче зъ самого меду зліплені, и вклонились обое низько, до самого долу, панотцеві.

Чи багато жъ наіхало дружини на весілля, чи бучно одбули гостей, чи довго гуляли, се вже не наше діло росказувати.

Бачивъ я Орисю саме передъ весіллемъ; хороша була, якъ квіточка. Бачивъ я зновъ іі черезъ рікъ у Миргороді, — ще ста-

ла краща зáмужемъ, и дитúна въ нéі, якъ Бóжа зірочка. Вже я не рáзъ дýмавъ собі, на нéі дúвлячись: »Се Бóжа слàва, а не молодúця! Щò, якъ-бú хто дотéпний змалëвáвъ ii такъ, якъ вонá есть, изъ малéнькою дитùнкою на рукáхъ! Щобъ то за картùна булá!«

П. Кулішъ.

Пúсано 1844, сентябрú 7,
у Ходоркóві, въ Свідзінського,
прочитáвши шéсту пісню Одиссéі.

VI.

Малороссійскія народныя пѣсни,

положенныя на ноты для пѣнія и фортепьяно

Андреемъ Маркевичемъ.

Тетрадь первая.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Издавая нѣсколько голосовъ Малороссійскихъ народныхъ пѣсень, я старался выразить ихъ возможно точнѣе, безъ всякихъ прикрасъ и измѣненій. Акомпаниментъ прибранъ мною соотвѣтственно тому, какъ я понималъ своеобразный характеръ Украинской мелодіи, а не на основаніи общихъ правилъ ученой музыки. Изъ этихъ немногихъ голосовъ увидитъ каждый, что Малороссійская пѣсня представляетъ нѣчто самостоятельное въ области музыки, что она часто противорѣчитъ общепринятымъ законамъ гармоніи, но, нарушая ихъ, даетъ намъ какіе-то новые законы, которые будутъ опредѣлены искусствомъ, когда приведется въ извѣстность богатый запасъ народныхъ мотивовъ.

При исполненіи Малороссійскихъ пѣсень, должно помнить, что въ пѣсняхъ, оканчивающихся двумя одинакими нотами (какъ, напримѣръ, въ пѣснѣ: *И се селó, и то селó*), послѣдняя нота выговаривается почти шопотомъ и коротко, а предпослѣдняя тянется долѣе. То же самое встрѣчается иногда и въ срединѣ пѣсни (напримѣръ, въ пѣснѣ: *А въ ли́пині та въ оси́чині*).

Андрей Маркевичъ.

Не швидко.

№ 1.

1й разъ: Ой вий_ду я на шпи_ле_ _чокъ
2й разъ: Да гля_ну я на до_ли_ _ну:

1й р. До_ли_на гли_бо_ка, ка_ _ли_на ви_
2й р. А въ ти_ і дів_чи_ни, а въ ти_ і мо_ло_

со_ка, Ажъ до до_лу ві_ти гнут_ _ця.
до_і Ажъ на зем_лю слё_зи ллют_ _ця.

Не швидко.

№ 2.

Ой по_ма_гай Бі_гъ, Да ти, не_су_

же_ний дру_же! Да здо_ро_ва, сер_

день_ко! То_жъ лю_би_ли_ся ду_же!

Не швидко.

№ 3.

Чи се жъ та_я да ді_вчи_

нонь_ка жи_ _ _ ве, Що хо_ _ _ ро_ші

да ши_ри_ _ _ ноч_ки ші_ _ _ е?

Не швидко.

№ 4.

Ой пій_ _ду я, пі_ _й_ду не бе_

ре_го_мъ, лу _ гомъ, Чи не зо стрі_

ну_ _ _ ся зъ не_су _ же_ _ ни_мъ другомъ.

Не швидко.

№ 6.

Ой мі - ся - цю, мі - ся - чень - ку!
Не сві - ти ні - ко - му, Тіль - ко мой - му
ми - лень - ко - му, Якъ и - де до - до - му.

№ 6.

Не ду́же шви́дко.

Швидко.

№ 7.

А вже ве _ сна, а вже кра _ сна, Изъ стріхъ во _ да кап _ ле,

А изъ стріхъ во _ да кап _ _ ле.

Щедрівка. Не ду́же швидко.

№ 8.

Ой сівъ Хри_стосъ та ве_че _ _ ря_ти,

Щед _ рий ве _ чірь, Доб _ рий ве _ чіръ!

Тихе́нько.

№ 9.

Чи я въ лу _ зі не ка_ли _ на бу_ла?

Голоснійше.

Чи я въ лу - зі не чер-во - - на бу-ла?

Взя-ли ме-не, по-ла-ма-ли И въ пу-чеч-ки

по-вя-за-ли: Та-ка до - - ля мо - я!

Не ду́же шви́дко.

№ 10.

Хо_дить со_ро_ка ко_ло по_то_ка Тай

кря_че, тай кря_че, Тай кря_че, сер_день_ко, Тай

кря_че, ри_бонь_ко, Тай кря_че, тай кря_че.

Не ду́же шви́дко.

№ 11.

Ой Мо-ро-зе та Мо-ро-зен-ко, Ой ти славний ко-

за - - че! О - ой за то-бо - - - ю, та Мо-

ро - - зен-ко, У-ся У-кра - ї - на пла - че.

Швиденько.

№ 12.

Ле _ да_ча не_віст_ка, ле_да_ _ча,

Та й до ро_бо_ _ти не вда _ ча.

Не швидко.

№ 13.

Ой и_зій_ди, зій _ _ ди, Ти, зі_ронько

та ве_чір _ ня _ я! О_й ви_йди, ви_ _ йди,

Дів_чи_нонько мо_я вір_ _ на_ я! О_й ви_йди,

ви_ _ йди, Ді_вчи_нонько мо_я вір_ _ на_ я!

Не швидко.

№ 14.
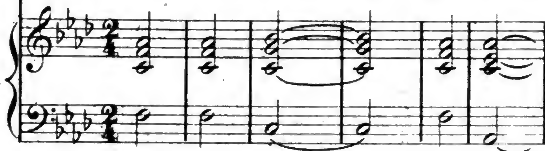
Въ чи_стімъ по_лі кри_ни_че_ _нь_ка
На чо_ти _ ри зво_ _ ди; Лю_бивъ козакъ дівчи_
но _ нь_ку Не чо _ ти_ри го _ _ ди.

Швиденько.

№ 15.
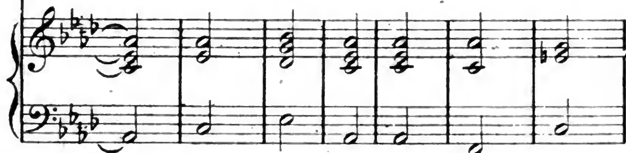

Скажи, скажи, сер - це, прав - - ду, Не-хай
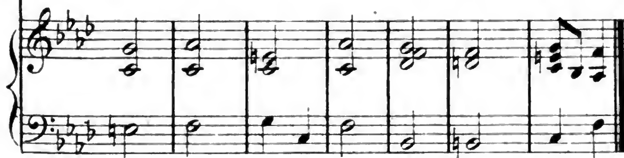

же я бу - ду зна - ти, Чи зъ ве-ли - ко - ю

ми-ні ра - - до-стю А до те-бе при-бу - ва - ти!

Не швидко.

№ 16.

А въ ли_пи_ні та въ о_си_чи_ні, а въ ли_пи_ні та въ о_си_чи_ні, Тамъ ста_ро_ста да тра_ву ко́_сить.

Не ду́же шви́дко.

№ 17.

Швиденько.

№ 18.

Ой по_гу_би_ _ _ла гор_ли_ця ді_ _

тей, Объ до_рі жень_ку бьет _ _ ця:

Зна_ти ко _ за _ ка, пре_вра_жо_го си_на,

Що зъдів - чи - ни смі - - - ет - ця.

Не швидко.

№ 19.

Да не бу-де луч - че, Да не бу - де

кра - ще, Якъ у насъ да на У-кра-ї - ні!

Не швидко.

№ 20.

Ой ви_йду я за во_ро_та, Не бе_ре ме_не о_хо_ _та: Десь у мо_ _го ми_лень_ко_ _го Да не_гай_на ро_бо_ _та.

Не швидко.

№ 21.

Не ди-вуй-те- -ся, доб-ри-і лю-де,

Усі акорди треба брать якъ на бандурі або на гитарі.

Що на Вкра-і-ні повста-ло: Ой за Да-ше-вомъ

підъ Со-ро-ко- -ю Множе-ство Ля-хівъ про-па-ло.

Не швидко.

№ 22.

По са_доч_ку по _ хо _ жа _ ю, Са_ма

се_бе роз_ва_жа _ ю: Ко_го люб_лю тай не_ма_е!

Не швидко.

№ 23.

Ой не гараздъ, Запорозці, Не гараздъ вчи_ни _ ли,

Степъ широкий, край ве_се_лийТай за_на_ _ па_сти_ли

Не швидко.

№ 24.

Да ту_манъ по_лемъ, да ту_ма_нъ по_ _лемъ,

Да ту_манъ ту _ ма_нит _ ця, Да ту _ манъ ту_ ма _ нит_ця.

Не дуже швидко.

№ 25.

Ой и_шли на_ши слав_ні За_по_ро_з_ці

Та по_надъ Бу_гомъ рі_ _ко_ю, Ой ши_ро_ко_ю

та гли_бо_ко_ю, Ге_й та по_надъ ли_ма_ _на_ми.

1.

Ой вийду я на шпилёчокъ,
Да гляну я на долину:
Долина глибока, калина висока,
Ажъ додолу віття гнутця.
А въ тиі дівчини, а въ тиі молодоі
Ажъ на землю слёзи ллютця.

Підъ тією калиною
Стоіть козакъ зъ дівчиною;
Дівчинонька плаче, сильненько ридає.
Свою долю проклинає:

»Колибъ же я да все знала
И съ тобою не стояла...
Гуляла бъ у батька, гуляла бъ до віку
Дівчиною молодою!«

Ой зійду я на шпилёчокъ,
Да гляну я на світочокъ:
Ой світе мій ясний, світе мій прекрасний!
Який мій таланъ нещасний!

Охъ и жалю ти мій, жалю,
Охъ и жалю не по-малу!
Упустила долю, упустила щасте
Да уже й не піймаю.

2.

Ой помагай Бігъ,
Да ти, несужений друже! —
»Да здорова, серденько!
То жъ любилися дуже!«

Любилися, кохалися,
А матуся и не знала,
А тепера розійшлися,
Якъ чорненькая хмара.

Я жъ тебе любила,
Въ вишневий садъ водила,
Ягідоньки ирвала,
Я жъ тебе годувала.

Я жъ тебе любила,
Білу постілоньку слала,
Одну ручку въ голівоньку,
А другою обіймала.

Лучче було колодяземъ,
Аніжъ теперъ криницею:
Лучче було дівчиною,
Аніжъ теперъ молодицею.

Пийте, люде, горілочку,
А я буду пити воду:

Тя́жко жи́ти на чужи́ні
А безъ мого́ ро́ду!

3.

Чи се та́я да дівчи́нонька живе́,
Що хоро́ші да шири́ночки ши́е?

Ши́е да ши́е, да все шо̀вкомъ вишива́е,
Для козака̀, що вірне́нько коха́е.

Пішла́ вона́ да до бро̀ду по во́ду,
Заба́чила да козака̀ на вро́ду:

»Бли́жче да бли́жче ти, коза́че, до ме̣не.
Візьми́ мене́ да й у чо̀венъ до се́бе.«

Тілько дівчи́на да й у чо̀венъ уступи́ла,
Де́ся взяла́ся да изъ мо́ря чо́рна фи́ля.

Ве́рне да ве́рне вся́ку ри́бу изо́ дна,
Ви́вернула да дівчи́ноньку съ чо́вна.

»Рятӯй, рятӯй ти, коза́ченьку, ме́не,
Бӯде вели́ка тобі пла̀та одъ ме́не.«—

»Ой не хо̀чу я одъ те́бе пла́ти бра́ти,
Ми́слю я й хо̀чу за се́бе тебе́ взя́ти.«

4.

Ой піи́дӯ я, пійдӯ не бе́регомъ, лӯгомъ,
Чи не зострі̀нуся зъ несӯженимъ дрӯгомъ.

Здоро̀въ, здоро́въ, лӯже, несӯжений дрӯже!
»Здоро̀ва, дівчи́но! люби́лися дӯже!«

Ой любилися жъ ми чотири годочки,
А не бачилися чотири неділі,

А не бачилися чотири неділі;
Якъ побачилися, разомъ заболіли.

Лежить козаченько въ зеленій диброві,
Молода дівчина въ матусі въ коморі.

Ой по дівчиноньці дзвони задзвонили,
А по козакові вовченьки завили.

Ой по дівчиноньці отець-мати плаче.
А по козакові чорний воронъ кряче

Ой викопай, мати, глибокую яму,
Та поховай, мати, сю славную пару.

Та й положи, мати, поручъ головами,
Щобъ була розмова тихая міжъ нами!

5.

Ой місяцю, місяченьку!
Не світи нікому,
Тілько моиму миленькому,
Якъ иде додому.

Світи ёму въ день и въ ночі
И розганяй мари,
А якъ прийде мій миленький,
То зайди за хмари.

Ой місяцю, місяченьку!
Зайди за комору, —

Нехай же я зъ своімъ милимъ
Трошки поговорю.

Ой місяцю, місяченьку
И ти, зоре ясна!
Ой світіть тамъ по подвіръю,
Де дівчина красна!

Стала слава, стала слава,
Стали й поговори
Да на тую дівчиноньку,
Що чорниі брови.

Ой зацвіла маківочка,
Почала бриніти, —
Иде козакъ одъ дівчини,
Починае дніти.

Два лебеді да на воді
И днюе й ночуе,
Ой будемо, серце, въ парі —
Душа моя чуе.

Співають и такъ:

Вийди, вийди, дівчинонько,
Підъ вербу густую.
Нехай же я надивлюся,
На плахту дрібную!

Ой плахотка-дрібниченька,
По тросточці червцю, —
Біда жъ мини молодому —
Прийшла туга къ серцю!

Нехай тая туга-печаль
Пливе за водою;
Вийди, вийди, поговоримъ,
У-двохъ изъ тобою!

6.

Веснянка.

И се село, и то село:
Чомусь мині не весело!
Ой тамъ мині веселенько,
Де мое серденько.

Я жъ думала — чужий иде,
Та вже мала заховатьця,

Ажъ то мое́ серденя̀тко
Иде́ ціло̀ватьця.

Я жъ ду́мала — чужи́й иде́,
Та вже ма́ла утіка̀ти,
Ажъ то мое́ серденя̀тко
Мене́ ціло̀вати.

7.

А вже весна̀, а вже красна̀,
Изъ стріхъ вода̀ ка́пле, 3

Молодо́му коза́ченьку
Мандрівочка па́хне. 3

Помандрова̀въ коза́ченько
Зъ Лубе́нь до Прилу́ки, 3

Ой пла̀кала дівчи̇́нонька,
Здийма́ючи ру̇ки. 3

8.

Щедрівка.

Ой сівъ Христо́съ та вечѐряти,
Ще́дрий ве́чіръ!
До́брий ве́чіръ!

Прийшла́ до Его та Бо́жая Ма̀ти:
Ще́дрий ве́чіръ!
До́брий ве́чіръ!

»Оддай, Сину, райськиі ключи —
Щедрий вечіръ!
Добрий вечіръ!

»Одимкнути рай и пекло,
Щедрий вечіръ!
Добрий вечіръ!

»Випустити грішниі души;
Щедрий вечіръ!
Добрий вечіръ!

»Тілько не випустить одніеі души:
Щедрий вечіръ!
Добрий вечіръ!

»Що отця й матіръ та налаяла, —
Щедрий вечіръ!
Добрий вечіръ!

»Не налаяла, а подумала.«
Щедрий вечіръ!
Добрий вечіръ!

9.

Чи я въ лузі не калина була?
Чи я въ лузі не червона була?
Взяли мене, поламали
И въ пучечки повязали:
Така доля моя!

Чи я въ батька не дитина була?
Чи я въ батька не кохана була?

Взяли́ мене́, повінча́ли
И світъ мині завяза́ли:
Така́ до̂ля моя́!

Чи не було́ річеньки утопи́тись мині?
Чи не було́ кра́щого полюби́тись мині?
Були́ річки́ — позсиха̀ли;
Були́ кра́щі — повмира̀ли:
Така́ до̂ля моя́!

10.

Хо́дить соро́ка коло пото́ка
Та й кря́че, та й кря́че, —
Та й кря́че, се́рденько,
Та й кря́че, ри́бонько,
Та й кря́че.

Хо́дить Андрійко коло віко̂нця
Та й пла́че, та й пла́че, —
Та й пла́че, се́рденько,
Та й пла́че, ри́бонько,
Та́ й пла́че.

»Ви́йди, Мару́сю, ви́йди, серде́нько,
Та й ви́йди, та й ви́йди, —
Та й ви́йди, се́рденько,
Та й ви́йди, ри́бонько,
Та й ви́йди!« —

»Свічечка гори́ть, ба́тенько не спить,
Не ви́йду, не ви́йду, —
Не ви́йду, се́рденько,
Не ви́йду, ри́бонько,
Не ви́йду.

»Свічечка згасне, бáтенько зáсне,
То й вийду, то й вийду, —
То й вийду, сéрденько,
То й вийду, рибонько,
То й вийду.«

11.

Ой Морóзе да Морóзенку,
Ой ти, слáвний козáче!
Ой за тобóю, да Морóзенку,
Усá Украіна плáче.

Не такъ тáя та й Украіна,
А якъ тéе гóрде військo...
Ой заплáкала да Морóзиха,
Идучи врáнці на місто.

»Не плáчъ, не плáчъ, да Морóзихо,
Объ сиру зéмлю не бийся;
Ой ходімъ зъ нáми, зъ нáми, козакáми,
Да мéду-винá напийся!« —

»Чомусь мині, да мúле брáтте,
Да и медъ-винó не пъéтця:
Охъ и десь же мій сúнъ Морóзенко
Да изъ Тýрчиномъ бъéтця!«

12.

Ледáча невістка, ледáча
Та й до робóти не вдáча!

Якъ приíхавъ милéнький съ пóля,
Стоіть милéнька въ порóга.

»Ой що жъ ти, миле́нька, така́я,
Якъ водиченка мутна́я?« —

»Підожди, миле́нький, роскажу:
Я твоій матусі не вгожу́:

»Помию ніженьки у лузі —
Вона́ пома́же въ калюжі;

»Помию ніженьки у милі —
Вона́ пома́же у глині.

»Пома́жу чобітки — не вбує:
Вона́ до ме́не гордує.

»Постелю постільку — не ляже,
Ще моиму серденьку дока́же:

»Ледача невістка, ледача,
»Та й до роботи не вдача,

»Не вміе ділечка робити,
»Мині старе́нькій годити!«

13.

Ой изійди, зійди,
Ти, зіронько та вечірняя!
Ой вийди, вийди,
Дівчинонько моя вірная!

Рада бъ зірка зійти, —
Чорна хмара та й наступае:
Рада бъ дівка вийти,
Такъ матуся ой не пускае.

Ой зірочка зійшла́ —
Усе́ по̀ле та й освіти́ла:
А дівчи́на ви́йшла —
Коза̀ченька та й звесели́ла

»Ой ти, коза́че,
Ти, хреща́тий та барвіночку!
Хто жъ тобі посте́ле
У доро́зі постілоньку?« —

»Ой сте́летця мині
Широ́кий листъ да бурковина,
А підъ го́лови
Голуба́я та жупанйна.«

Ой що черезъ ме́жу,
Зеле́ний горо̀шокъ сла́вся:
Коза́къ до дівчи́ни
Черезъ лю̀де та й поклоня́вся:

»Охъ и поклонітця,
Ой ви, до́брні лю̀де,
Неха́й моій ми́лий
Тамъ легѐсенько бу́де!«

14.

Въ чи́стімъ по́лі крини́ченька
На чоти́ри зво̀ди;
Люби́въ коза́къ дівчи́ноньку
Не чоти́ри го̀ди.

Люби́лися, коха́лися,
Та й не побра̀лися,

Тілько нáши ворóженьки
Та й навтішáлися.

Рýту сію, рýту сажý,
Рýту поливáю:
Ой я тебé, козáченьку,
Що-днй споминáю.

Будь щаслйвий изъ тіéю,
Котóру кохáешъ!
А надъ мéне вірнійшоі
До віку не знáйдешъ.

15.

»Скажй, скажй, сéрце, прáвду,
Нехáй же я бýду знáти,
Чи зъ велйкою мині рáдостю
А до тéбе прибувáти?« —

»Прибýдь, прибýдь, мій милéнький,
Ой я тобі рáда бýду:
Я жъ безъ тéбе усю ніченьку
Якъ сйва голýбка гýду.« —

»Ой десь же ти, моя мйла,
Да изъ шóвку извйта,
Що ти менé да додéржала
А до білого світа.« —

»Ой извйта, мій милéнький, звйта
А изъ білого білйла;
Тймъ я тебé да додéржала,
Що я вірно полюбйла.

»Ой десь же ти, мій миле́нький,
У барвінку купа́вся:
Булй лу́ччі, булй кра́щиі,
А ти мині сподоба́вся.

16.

Весільня.

А въ ли́пині да въ оси́чині,
Тамъ ста́роста да траву̀ ко́сить,
А ко́сючи да коню̀ но́сить:
»Ой іжъ, ко́ню, да сю́ю траву̀,
Да поідемъ у доріженьку,
Въ доріженьку да далѐкую
По Ва̀рочку молоде́нькую,
Въ доріженьку да ще й щаснуую
По Ва́рочку да й прекра̀сную.«

17.

Да вже тре́тій вѐчіръ, якъ я дівчи́ну ба́чивъ;
Хожу̀ коло ха́ти, — іі не вида̀ти.
»Ви́йди, ви́йди, дівчи́но,
Пора́дь мое́ сѐрце, рибчи́но!
Ви́йди, ви́йди, серденя́,
Дівчѝнонько ми́ла, ти моя́!« —

»Не ви́йду, коза́че, не ви́йду, собо́лю,
Не бу́ду стоя́ти сей ве́чіръ съ тобо́ю.
Ой ра̀да бъ я стоя́ти —
Не пуска́е ма̀ти изъ ха́ти.

»Коло вікна́ стою̀, дрі́бні слёзи роню̀,
Дрі́бні слёзи роню̀, сло̀ва не промо́влю.
Промо̀въ, сѐрце, слове́чко,
Якъ ми любй́лися двое́чко!

»Якъ ми любйлися, якъ ми кохалися,
Слави-поговору понабіралися.
Була слава-поговіръ:
Ти жъ не моя, серце, я не твій!

»Да поможи, Боже, на рушничку стати,
Тогді не розлучить ні батько, ні мати,
Ні чужая чужина,
Коли судилася дружина!«

18.

Ой погубила горлиця дітей,
Объ доріженьку бъетця:
Знати козака, превражого сина,
Що зъ дівчини сміетця!

»Чи ти багатий, чи гордоватий,
Чи високо несесся?
Ой чи ти жъ мене та вірненько любишъ,
Чи ти зъ мене сміесся?« —

»Я не багатий, не гордоватий,
И високо не несуся;
Я жъ тебе люблю и любить буду.
Я съ тебе не сміюся.«

Ой скриплять-риплять нові ворітечка,
Не можу іхъ заперти:
Кого вірно люблю, и любить буду,
Не забуду й до смерти.

Ти, василечку, широкий листочку,
Часъ тебе сривати:

Ти, козаченьку, моé сѐрденько,
Чàсъ тебé забувáти!

Ой поплúвъ, поплúвъ сéрденько Дніпрòмъ,
Тúхою водòю;
Шáпочки не знявъ, рýченьки не дàвъ,
Не прощàвся зо мнóю.

Ой пливé щýка изъ Кременчýка,
Да пливé вонá стúха:
Ой хто не знàе жениханнечка,
Той не знáе лúха.

19.

Да не бýде лýчче,
Да не бýде крáще,
Якъ у насъ да на Украіні:
Що немáе Жúда,
Що немáе Ляха,
Не бýде уніі!
. . . .

20.

Ой вийду я за ворòта,
Не берè мене охòта:
Десь у могó милéнького
Да негáйна робòта.

Ой хоть гáйна, негáйна,
А такú не гуляе:
Крій тúхого Дунáечку
Вінъ коня наповаe.

Ой кінь иржè, води не пъè,
Вінъ доріженьку чýе;
Ой Бігъ знáе, Бігъ відае,
Дè мій милий почýе.

Ой ночýе мій милéнький
Да у степý край дорòги,
Прихилúвши голівоньку
Икъ зелéному облòзі

21.

Не дивýйтеся, дóбриі люде,
Що на Вкраіні повстáло:
Ой за Дáшевомъ підъ Сорóкою
Мнóжество Ляхівъ пропáло.

Перебийнісъ прóсить немнòго
Сімъ-сотъ козаківъ зъ собóю;
Рубáе мечéмъ гòлови съ плечéй,
А рéшту тóпить водòю:

»Ой пíйте, Ляхú, водú калюжи,
Водú калюжи болотяніі:
А що пивáли по тій Вкраіні
Медú да вúна ситніі.«

Завúсли Ляшкú, завúсли,
Якъ чòрна хмáра на Вúслі...
Лядськую слáву загнáвъ підъ лáву,
Самъ брáвий козáкъ гуляе.

Нýте, козакú, у скòки,
Заберімося въ бòки:

Заженімъ Ляшка́, вра́жого си́на.
Ажъ за той Дуна́й глибо́кий!

Диву́ють Ляхи́, вра́жиі сини́,
Що́ ті козаки́ вжива́ють:
Вжива́ють вони́ щу́ку-риба́ху,
Ще й солома́ху зъ водо́ю.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, я́къ коза́къ пля́ше
На си́вімъ ко́ню горо́ю?
Мушке́томъ бере́, ажъ се́рце вя́не,
А Ляхъ одъ стра́ху вмира́е.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, що по Слу́чъ на́ше,
По Костяну́ю моги́лу?
Якъ не схотіли, забунтова́ли
Да й утеря́ли Вкраіну.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, я́къ панъ Хмельни́цький
На Жо́втімъ Піску́ підби́вся?
Одъ насъ, козаки́, одъ насъ, юнаки́,
Ні оди́нъ Ляшо́къ не скри́вся!

Ну́те жъ, козаки́, у ско́ки!
Забері́мося въ бо́ки:
Загна́ли Ляхівъ за річку Ви́слу,
Що не ве́рнутця й въ три ро́ки! (¹)

22.

По садо́чку похожа́ю,
Сама́ себе́ розважа́ю, —
Кого́ люблю́, та й нема́е!

(¹) Этотъ драгоцѣнный варіантъ извѣстной уже намъ пѣсни о Хмѣльницкомъ (см. т. I, стр. 271) записанъ Аѳ. В. Марковичемъ, въ Немировѣ, Подольской губерніи.

И немáе, и не бýде:
Розрáяли лихі люде,

Розрáяли, розсудили,
Щобъ ми въ пáрі не ходили.

Ой зійдý я на горбóчокъ,
Да гляну я на ставóчокъ,

Да гляну я на ставóчокъ —
Пливé утятъ табунóчокъ.

Однó 'днoгó доганяе —
Кóжне собі пáру мáе.

А я живý въ Бóжій вóлі —
Не дáвъ мині Госпóдь дóлі!

А я живý въ Бóжій кáрі —
Не дáвъ мині Госпóдь пáри.

23.

Ой не гарáздъ Запорóзці,
Не гарáздъ вчинили:
Степъ ширóкий, край весéлий
Та й занапастили!

Наступáе чóрна хмáра
И дóщикъ изъ нéба:
Зруйновáли Запорóжже —
Бýде колись трéба!

Ой чи гарáздъ, чи не гарáздъ,
Нічого робити!
Бýде дóбре Запорóзцямъ
И підъ Тýркомъ жити!

24.

Да туманъ полемъ, да туманъ полемъ,
Да туманъ туманитця;

А въ дівчини да чорнні брови,
А любо й подивитьця.

Ой на тімъ боці да на толоці,
Тамъ Цигане стояли.

Охъ и міжъ тими да Циганами
Да Циганка Волошка.

Ой туди жъ бігла да дівчинонька
До Циганочки боса.

»Ой Циганочко да воріженько,
Уволи мою волю:

»Ой причаруй да козаченька,
Що стоявъ изо мною!«

Ой Циганочка да воріженька
Іі волю вволила —

Ой одрізала да русоі коси,
Козака підкурила.

Ой біжить, біжить да дівчинонька,
А якъ рибонька въєцтя;

Ой оглянетця да дівка назадъ —
Уся челядь сміетця. . . .

25.

Ой ишлй наши слáвні Запорóзці
Та по-надъ Бýгомъ-рікóю
Ой широкою та глибóкою,
Гей та по-надъ лиманáми.

Ой ужé жъ наши слáвні Запорóзці
Та й невèсели стáли:
Ой облягли іхъ, облягли Москàлі
Та всімá сторонáми.

Ой кругóмъ цéркви, цéркви Січовóі
Ой караýли стáли,
Ой священнику, отцю Владимеру
А служйти не дáли.

Ой летить бóмба зъ Москóвського пóля
Та посерéдъ Січи впáла;
Ой хоть пропàли слáвні Запорóзці,
Такъ не пропáла іхъ слáва!

VII.

О древности и самобытности

южно-русскаго языка.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Часто случается, что въ воспитаніи юношей забываютъ приводить на память и связывать въ общую систему познаній то, что̀ было узнано юношами прежде. Мудрое изреченіе старыхъ педагоговъ: Repetitio est mater studiorum не всегда примѣняется къ дѣлу, потому что и учителю и ученику хочется идти впередъ. Между тѣмъ забвеніе доказанныхъ и усвоенныхъ положеній рано или поздо оказываетъ свое дѣйствіе и производитъ замѣшательство и остановку тамъ, гдѣ, повидимому, слѣдовало бы дѣлать только новыя завоеванія. То же самое бываетъ и въ литературѣ, которая служитъ школою для каждаго. Въ наше время не рѣдко случается читать самыя произвольныя толкованія о предметахъ, изслѣдованныхъ со всею основательностію задолго до насъ, — потому что мы не всегда хранимъ преданія нашихъ предшественниковъ и охотнѣе внимаемъ разсужденіямъ свѣжимъ.

Предлагаемая здѣсь статья напечатана, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ »Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія«, который издавался тогда какъ-будто для однѣхъ библіотекъ и очень мало имѣлъ ходу въ читающей публикѣ. Да и публика, двадцать лѣтъ назадъ, была не то, что̀ теперь. Наука и жизнь шли въ ней какъ-то порознь, мало принадлежа одна другой. Теперь вопросы науки сдѣлались вопросами жизни; теперь убѣжденія историческія и этнографическія уже замѣтно даютъ направленіе общественной дѣятельности большихъ массъ населенія, ибо оказываютъ вліяніе даже на воспитаніе дѣтей, какъ будущихъ гражданъ разноплеменнаго Русскаго царства. Слѣдовательно истина и заблужденіе въ наукѣ переходятъ непосредственно въ самую жизнь и сѣютъ

сѣмена будущихъ великихъ общественныхъ и гражданскихъ событій. Этимъ-то объясняется успѣхъ учено-литературныхъ сочиненій, которыя рѣшительно перевѣшиваютъ беллетристическую часть Русской словесности. Счастливъ тотъ, кто своими трудами способствуетъ къ распространенію убѣжденій, имѣющихъ оправдаться самою жизнью и силою вещей! Онъ подобенъ садовнику, который улучшаетъ дикую почву и способствуетъ къ плодотворности деревъ и растеній. Природа вещей сдѣлаетъ свое дѣло и безъ предусмотрительныхъ усилій человѣка; но хвала уму, который вступилъ въ дружественное соревнованіе съ природою! Истины останутся истинами, и ни одна іота изъ нихъ не прейдетъ, пока существуетъ человѣчество; но воплощеніе истины въ самую жизнь есть прямое призваніе всякой дѣятельной души человѣческой. Это-то движеніе заставляетъ молодыхъ людей читать старыя книги, отрывать затерянное, повторять забытое, истолковывать невѣрно понятое, или понимаемое. Оно внушаетъ намъ признательность къ дѣятелямъ, сошедшимъ со сцены дѣйствія, и связываетъ все мыслящее общество въ единую семью, работающую для будущихъ поколѣній.

Упомянутое мною сочиненіе было погребено въ складѣ книгъ и какъ-бы предано забвенію. Но умъ, который произвелъ его, одушевленъ былъ горячею любовью къ истинѣ, и не напрасно же онъ сознавалъ то, что̀ проповѣдывалъ! Современники мало обратили вниманія на его доводы, ибо не видно у насъ ни основательныхъ опроверженій, ни ученаго развитія ихъ. Но вопросъ былъ поднятъ; мнѣніе о немъ занесено въ печатную книгу. Повторяя его новою печатью, я повторяю полузабытое преданіе. Пускай же кто-нибудь изъ людей, обнявшихъ науку народоописанія всецѣло, по живымъ источникамъ, скрѣпитъ это мнѣніе своимъ авторитетомъ, или представитъ, на его мѣсто, мнѣніе новое, которое было бы очевидно вѣрнѣе. Дѣло сто̀итъ возобновленія: отъ рѣшенія его зависитъ многое въ будущемъ.

О ДРЕВНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ

ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

I.

О значеніи словъ: Русскій языкъ и Русское нарѣчіе.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣляется на разныя вѣтви. Между ними всѣхъ менѣе извѣстно Южно-Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ образомъ весьма трудно дать собственное значеніе словамъ: *народъ* и *языкъ Русскій*. Богумилъ Линде, въ предисловіи къ своему Словарю (¹), и Іосифъ Добровскій, въ Грамматикѣ Языка Славянскаго (²), совершенно позабыли считать отдѣльною его вѣтвію Южный Русскій языкъ. Одни сливаютъ его съ Церковно-Славянскимъ (³), либо съ простонароднымъ Русскимъ языкомъ (⁴); другіе же считаютъ его смѣсью языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго (⁵) и, какъ дикой и необработанный, исключаютъ его изъ числа образован-

---

(¹) «Słownik Języka Polsk.» S. B. Linde. T. I, ч. 1, Предислов., стр. XIV.

(²) «Institutiones Linguae Slavicae», etc. Jos. Dobrowski. 17 стр. IV.

(³) «O prawach Lit. i Polsk.» T. I, стр. 53. Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie, von Rohrer. Ч. II, стр. 16.

(⁴) «Lehrgebäude der bömischen Sprache.» Іос. Добровскій. Предислов., стр. XIII.

(⁵) «O Statucie Litewskim», С. Б. Линде, стр. III. «Pamientnik Warszawski», 1815, № 9, стр. 29. Lehrgebäude etc. «Опытъ Исторіи Литер. Русск.», Н. Греча.

ныхъ языковъ ([1]). Многіе писатели утверждаютъ, что нарѣчіе Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, происходятъ отъ одной вѣтви — Русской ([2]). А есть и такіе, которые признаютъ его просто областнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (provincialismus) ([3]), или называютъ Малороссійскимъ ([4]); и рѣдко случается, чтобы этотъ Русскій языкъ назывался Русскимъ, такъ какъ его называли въ-старину, безъ всякаго измѣненія и прибавки ([5]).

Нѣкоторые Нѣмецкіе писатели стали было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дотолѣ неизвѣстныя и отнюдь имъ несвойственныя имена, напр. Rusniaken, rusniakische Nation, rusniakische Sprache, вмѣсто: Ruthener, ruthenische Nation, ruthenische Sprache и т. п. ([6]).

Передѣлывать самовольно названія народовъ и ихъ языковъ есть конечно важное заблужденіе и всегда рождаетъ новыя. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копитара, что прямое знаніе языка должно быть слѣдствіемъ постепеннаго раскрытія его исторіи ([7]), гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы то же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская только такое, которое сообразно съ исторіею и на ней основывано. Русь, эта главная отрасль Славянскаго племени, искони составляла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можетъ приличествовать другое названіе, кромѣ *Русскаго*, по-Латыни lingua ruthenica, по-Нѣмецки ruthenische Sprache. Раздѣленіе его на *Бѣлорусскій* и *Малороссійскій* языкъ ошибочно и не согласно съ существомъ дѣла: что поста-

---

([1]) «Исторія Госуд. Россійск.», Н. Карамзина. Т. IX, прим. 561.

([2]) «Prawda Ruska», Раковецкаго, Т. II.

([3]) «Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы», Н. Греча. Предисловіе Польскаго переводчика Линде.

([4]) «Pamiętnik Warsz.»,1815. Кн. 1, стр. 124. «Dzieje Król. Polsk.» Bandtkie. Т. I, стр. 24.

([5]) «Опытъ краткой Исторіи Русск. Литер.», Н. Греча. Стр. XX и 56 — 60 «O Statucie Lit.», Линде.

([6]) Сюда принадлежатъ: Крамеръ, Роредъ, Чапловичъ, Гоппенъ и другіе.

([7]) «Grammatik der slavischen Sprache, in Krain.» Пред., стр. XLVI.

раемся ясно доказать. Имя *Россіи* создано только въ XVIII вѣкѣ, названіе же *Россійскаго* языка должно быть, безъ сомнѣнія, еще новѣе, и ему собственно отвѣчаетъ Латинское слово russicus и Нѣмецкое russisch; тѣмъ же прилагательнымъ и Французы означаютъ Русскій и Россійскій языкъ: la langue russe.

Какъ Русскій языкъ, такъ и Русскій народъ есть главный представитель всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ потерять свою самостоятельность, но характеръ и языкъ его всегда остаются его достояніемъ. Слава и совершенство языка не зависятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго (политическаго) могущества Римлянъ и Грековъ, а знаменитые ихъ языки до сихъ поръ существуютъ. Между тѣмъ возникло много новыхъ государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности, по мѣрѣ своего усовершенствованія. Равнымъ образомъ нерѣдко и скипетръ не измѣняетъ народности подвластныхъ ему племенъ. Чехи, Кроаты, Венгерцы и т. п., хотя и подлежатъ Австрійской имперіи, но при всемъ томъ не перестаютъ быть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами. Та же судьба и Южной Руси. Протекло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Русское княжество, основанное Владиміромъ Великимъ, пало (¹). Но Южно-Русскій языкъ отъ того не истребился и не перестанетъ существовать въ устахъ (туземнаго) Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія!

Русскій народъ составлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго королевства Польскаго, которое вмѣщало въ себѣ четыре главные народа: Польскій, Литовскій, Русскій и Прусскій. Страна, лежащая по Днѣпру и имѣвшая столицею своею Кіевъ, была древнѣйшею страною *Руси;* она неизмѣримо простиралась къ сѣверу, гдѣ возникла держава, которая получила названіе *Великой Руси,* а потомъ, гораздо позднѣе, *Россіи*. Оставшаяся въ пре-

---

(¹) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, отошедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлѣ Польскаго королевства, къ Австрійской имперіи, подъ названіемъ Галиціи и Лодомиріи, не считая возвращенныхъ Россіи. *Примѣч. Пер.*

дѣлахъ Польши Русь стала называться *Малою;* часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ, именовалась Русью *Червоною* (красною); а та, которая была однажды пріобрѣтена Литовскимъ оружіемъ, названа *Бѣлою* и *Черною* Русью. Три части Польской Руси отличались особыми именами: *Подоліи, Волыни* и *Украйны*.

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ королевствомъ *не силою оружія, но правами равенства*, доказательствомъ тому служитъ грамота короля Сигизмунда Августа, 1569 года. Въ ней сказано: »Русская земля съ давнихъ временъ предками нашими, королями Польскими, присоединена къ коронѣ Польской, въ числѣ прочихъ главнѣйшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея жителей вообще и каждаго порознь, *какъ равныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ,* какъ собственные и дѣйствительные члены къ собственному тѣлу и главѣ, къ королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими коронными жителями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимуществахъ и судьбѣ Польской короны«, и проч.

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при дворѣ великихъ князей Литовскихъ, и въ знатнѣйшихъ Русскихъ домахъ.

1. Доказательствомъ тому служитъ, во-первыхъ, »Литовскій Статутъ«, первоначально писанный на Южно-Русскомъ языкѣ (¹) и служившій закономъ не только для Литвы, но и для Русскихъ

(¹) Онъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, особыми, подходящими къ скорописи буквами, въ типографіи Мамоничей, въ 1588 году, и потомъ переложенъ на Польскій языкъ. *Прим. пер.*

земель, какъ-то: для Волынской, Подольской и Украинской. По сему закону, всѣ судебныя дѣла производились и были писаны не иначе, какъ только на Южно-Русскомъ языкѣ. Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статуту, говоритъ: »Если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ законы, писанные не на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, т. е. на Южно-Русскомъ«, и т. д.

То же утверждаетъ и Чацкій, говоря, что, какъ большая часть народа въ Литвѣ ([1]) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слушала Славянскую литургію, то Южно-Русскій языкъ, по обращеніи Литвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На семъ языкѣ подавались просьбы въ судебныя мѣста и къ прочимъ властямъ; на немъ же отвѣчали и давали свои рѣшенія король, судьи и другіе чиновники. Въ царствованіе сыновей Казимира Ягайлы, воспитанныхъ и жившихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польскій вошелъ въ употребленіе при дворѣ и заступилъ мѣсто Южно-Русскаго.

2. Судопроизводство въ Южно-Русскихъ земляхъ всегда происходило на Южно-Русскомъ языкѣ; на немъ излагались позывы, или требованія къ суду, приговоры и всѣ оффиціальныя бумаги въ *грóдскихъ* (уголовныхъ), *земскихъ* и *трибунальныхъ* (верховныхъ) судахъ ([2]).

3. Сигизмундъ III, въ 1589 г., учреждая верховный судъ (трибуналъ) для Русскихъ воеводствъ, обязалъ оный употреблять (Южно-)Русскій языкъ и (Южно-)Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непремѣнно присутствовали и за-

---

([1]) Здѣсь должно разумѣть Кіевскую митрополію, существовавшую нѣкоторое время отдѣльно отъ Московской, но сохранявшую постоянно Грековосточное исповѣданіе, до отпаденія нѣсколькихъ епископовъ къ уніи. См. »Исторію Росс. Іерарх.«, Т. 1. *Прим. перев.*

([2]) Судебные и правительственные акты изъ архивовъ Русскихъ земель, составляющихъ нынѣ королевство Галицкое, собранные вмѣстѣ и хранящіеся нынѣ въ Львовскомъ Бернардинскомъ монастырѣ, всѣ писаны на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста томовъ.

сѣдали Русскіе писаря (секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на (Южно-) Русскомъ языкѣ и на немъ же выдавали копіи съ судебныхъ приговоровъ.

4. Привиллегіи, приговоры, постановленія, которыя выдаваемы были Польскими королями для Русскихъ земель и для жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Южно-Русскомъ языкѣ (¹).

Знатнѣйшія, наконецъ, фамиліи Южно-Русскаго и Литовскаго происхожденія, имѣвшія своими родственниками Южно-Русскихъ и Литовскихъ князей, исповѣдуя вѣру Грековосточную, говорили и писали по-Южно-Русски до тѣхъ поръ, пока Латинскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (²).

(¹) Таковы: привиллегія Сигизмунда Августа, 1558 г:, пріостановленіе дѣйствій коронпаго суда Стефаномъ Баторіемъ, 1585 г.; привиллегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же, 1592 г. и т. д.

(²) Сюда принадлежатъ фамиліи: князей Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Сангушковъ, Острожскихъ, Збаражскихъ, Прунскихъ, Друцкихъ, Соломерецкихъ, Горскихъ, Массальскихъ, Глинскихъ, Рожинскихъ, Слуцкихъ, Копыльскихъ, Радзивилловъ, и знатные домы: Огинскихъ, Пузыновъ, Даниловичей, Сапѣговъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тишкевичей, Хребтовичей, Пацовъ, Балабановъ, Струсей, Киселей, Тризновъ, Музыловъ, Кирдеевъ, Жолкѣвскихъ, Дрогоевскихъ, Баворовскихъ, Шумлянскихъ, Шептицкихъ, Винницкихъ, Комарницкихъ, Желиборскихъ, Дѣдошицкихъ, Броневскихъ, Дуниковскихъ, Дверницкихъ, Литынскихъ, Бугацкихъ, и тысяча иныхъ, которыхъ, если строго считать въ одной части Галицкаго королевства, нѣкогда называвшейся Русскимъ и Подольскимъ воеводствомъ, то и въ ней число Русскаго дворянства Греческаго обряда значительно превосходитъ число дворянства обряда Римскаго. Сколько же ихъ находится въ Березницѣ, Чайловицахъ, Городищѣ, Яворѣ, Кульчицахъ, Созонѣ, Ступницѣ, Сѣльцѣ, Винникахъ, Добрѣ, и т. п.! Когда же исповѣданіе ни мало не измѣняетъ рода и первобытнаго происхожденія, то *всѣ поимянованныя фамиліи, хотя и исповѣдуютъ нынѣ Римскую Вѣру, но отнюдь чрезъ то не перестали быть Русскими.* Правда, мы привыкли обыкновенно называть Русскими только тѣхъ, кто принадлежитъ къ Греческому обряду, а тѣхъ, кто исповѣдуетъ Латинскій, именовать Поляками; но этотъ обычай несправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, потому что исповѣдуетъ ученіе Лютера, Кальвина, или другихъ, перестаетъ по этому быть Англичаниномъ, Французомъ, Нѣмцемъ? Венгерецъ, Далматъ, Кроатъ дѣлается ли Русиномъ отъ того, что славитъ Бога по Греческому обряду? Откуда же могло произойти, чтобы природный Русинъ, перемѣнивъ обрядъ своихъ предковъ на Латинскій (не на Польскій, ибо такого и нѣтъ, и не было), перестаёлъ быть, относительно проис-

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ князей, кромѣ князей Русскаго исповѣданія, употреблявшихъ Южно-Русскій языкъ; всѣ они происходили изъ владѣтельныхъ домовъ въ Литвѣ и на Руси.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простого народа Южно-Русскаго, мелкопомѣстнаго дворянства и духовенства Греческаго обряда? Почему въ такомъ пренебреженіи у насъ Южно-Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для отечественной исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можетъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угнетеніе Руси дошло до такой степени, что, дабы избѣгнуть онаго, жители стали отрекаться отъ своего происхожденія и стыдиться языка своихъ предковъ.

III.

Южный Русскій языкъ всегда различествовалъ отъ прочихъ вѣтвей Славянскаго языка, въ особенности же отъ Церковно-Славянскаго, отъ Польскаго и Великороссійскаго.

Выраженіе (Южный) *Русскій* языкъ то же самое значитъ, что̀ языкъ *Малороссійскій*, или *Бѣлорусскій*. Въ грамотахъ Польскихъ королей, ими самими изданныхъ, или по ихъ повелѣнію переведенныхъ съ Южно-Русскаго на Польскій языкъ, гдѣ языкъ и письмо Южно-Русское именуются: idioma ruthenicum, character, etc., lingua ruthenica: что̀ ихъ совершенно отличаетъ отъ Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Въ подтвер-

---

хожденія, Русскимъ. Никто не можетъ рода и племяни ни дать, ни отнять, ни измѣнить. Слѣдовательно, хотя исчисленныя фамиліи и перемѣнили свое исповѣданіе, но при всемъ томъ они не измѣнили своего Русскаго происхожденія, и измѣнить его не могли:

«Fortuna non mutat naturam!»

жденіи привиллегіи Сташка (Станислава) изъ Давидова, Старосты Самборскаго, дарованной, въ 1549 году, королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому владыкѣ Антонію Радиловскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена съ (Южно-) Русскаго языка на Польскій. Другое, того же короля и въ томъ же году, содержитъ въ себѣ всю грамоту князя Льва, сына короля Даніила, на Южно-Русскомъ языкѣ. Въ третьемъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота князя Льва. Надобно ли, впрочемъ, приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. Но онъ отличался и отъ Великороссійскаго: Екатерина I, какъ пишетъ Шереръ (¹), повелѣла въ 1729 году всѣ писанныя на Южномъ Русскомъ языкѣ постановленія переложить на Великороссійскій. Извѣстно же, что всѣ они были писаны по-Русски въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того разнится Южный Русскій языкъ и отъ Церковнаго; ибо, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, церковныхъ книгахъ, какъ-то: въ Евхологіяхъ, Требникахъ, Тріодяхъ и т. п., заключающихъ въ себѣ правила совершенія церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе отличалось отъ народнаго Русскаго.

То же самое подтверждаютъ и ученые писатели. Гваньини (²) говоритъ: »Москвитяне не многимъ чѣмъ (это было около 1560) отличаются отъ Русиновъ; но Русины отъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. столько различествуютъ, что съ трудомъ могутъ другъ друга понимать.« Копитаръ, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ библіотекѣ Лубянскаго алюмната (родъ учебнаго заведенія), явственно отдѣляетъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. Смотрицкій, первый Славянскій грамматикъ, въ написанной имъ для Южно-

---

(¹) »Annales de la Petite Russie«. T. II, стр. 375: »Elle ordonne pour le salut des peuples de la Petite Russie, de traduire ces loix en langue de la Grande Russie.«

(²) »Moscowitae a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Polonis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croatae ab invicem differunt, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc. См. »Sarmatiae Europeae Descriptio«. T. I, стр. 24.

Русскаго народа учебной книгѣ, помѣстилъ предисловіе на Южно-Русскомъ языкѣ; въ переводахъ же своихъ со Славянскаго языка на Южно-Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги »Sowita Wina«, изданной въ 1621 году, отвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, такъ говоритъ: »Чтò касается до Славянскаго языка, то мы никогда его не презирали; напротивъ того, мы изъ книгъ же Славянскихъ вамъ доказываемъ и тщательно ихъ бережемъ. Южно-Русскій языкъ употребляемъ и въ проповѣдяхъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.« То же самое свидѣтельствуетъ и Скарга, въ книгѣ своей: »O Jedności Koscioza Bożego« (о единствѣ Церкви Божіей) изд. въ Вильнѣ 1577 года. Ст. Клечевскій, въ сочиненіи о началѣ и древности Польскаго языка (O Początkach i Dawności Języka Polskięgo. Lwów, 1767), опредѣлительнѣе объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречь и др., и было бы совершенно излишне доказывать столь несомнѣнную истину!

IV.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ нѣкогда подъ именемъ Малой и Червоной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ находился въ общемъ употребленіи.

Ежели и нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвести подъ правила одной и той же грамматики, то, хотябы нѣкоторыя слова и произносились различно, имѣли разныя значенія и проч., отнюдь не слѣдуетъ почитать ихъ за отдѣльныя нарѣчія. Всѣ древнія вѣтви Славянскаго языка, въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что, чѣмъ болѣе мы станемъ углубляться въ древность, тѣмъ меньшую должны

встрѣчать между ними разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжный*, или, собственнѣе, *церковный* языкъ; ибо на немъ излагались съ самаго начала одни только церковныя творенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ употребляемъ языкъ *народный*; да и вообще языкъ всегда бываетъ иной въ употребленіи у простого сельскаго народа, составляя собственно отечественный языкъ, нежели тотъ, которымъ говорятъ люди образованные въ высшемъ свѣтскомъ кругу; ибо сей послѣдній имѣетъ по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на устное и книжное. ***Книжное*** въ Малой, Бѣлой и Червоной Руси, ни сколько, съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языкѣ происходятъ нѣкоторыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смѣло и утвердительно можно признать и Бѣлорусское, и Малороссійское нарѣчіе за одно и то же. Кто только хорошо вслушался въ разговоръ Кіевлянина, Черниговца, Брацлавца, Львовца, Перемышльца, Брестъ-Литовца, Смольянина и Полочанина, тотъ конечно согласится съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *е* и *ѣ*, нѣкоторыя выраженія, занятыя у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Южно-Русскаго и не могутъ родить отдѣльныхъ нарѣчій. Когда изъ Поляковъ одинъ говоритъ słysys (слысысъ), а другой słyszysz (слышишъ); одинъ tsyma (тсыма), а другой trzyma (тршыма); одинъ pon, другой pun, а третій pan, и т. п., слѣдуетъ ли изъ этого необходимость дѣлить нарѣчіе Польское на ***Мазовское, Краковское*** и ***Горское?*** Въ томъ же убѣждаютъ насъ и самыя сочиненія Русскія, въ разныхъ мѣстахъ печатанныя, какъ-то: въ Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Заблудовѣ, Стратинѣ, Почаевѣ, Уніовѣ, Супраслѣ, и т. д. Тамъ, кромѣ молитвенныхъ книгъ на церковномъ языкѣ, напечатано было много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкѣ народномъ, который писанъ безъ всякой примѣси, чистымъ Южно-Русскимъ нарѣчіемъ. Если срав-

нить эти книги между собою, то, не смотря на разность мѣста и времени, языкъ ихъ вездѣ почти одинъ и тотъ же. Итакъ въ Русскихъ земляхъ, Малой, Червоной, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употребленіи; а посему, даже до XVIII столѣтія, называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ*, lingua ruthena, idioma ruthenum, а о Бѣлорусскомъ, или Малороссійскомъ и не упоминалось ([1]).

V.

Если рѣчь идетъ о нарѣчіи книжномъ, то Малороссійское и Бѣлорусское нарѣчія должны означать не что̀ иное, какъ просто Русское.

Я показалъ уже тожество раздѣляемыхъ безъ нужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени, какъ значительная часть Малой и Бѣлой Руси соединилась съ Великою Россіею, Россійскіе писатели, въ царствованіе Императора Петра Великаго, стали отдѣлять Малороссійскій и Бѣлорусскій языкъ, замѣчая нѣкоторую разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или такъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, которымъ говорятъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Грамматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была, повидимому, списана съ Грамматики Смотрицкаго, хотя переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Смотрицкій упоминаетъ о Южно-Русскомъ нарѣчіи, не сохранилъ въ точности этого имени, а называетъ его *Малороссійскимъ*.

([1]) По вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго рода Романовыхъ и по возвращеніи къ Россіи отторгнутыхъ нѣкогда отъ нея областей, въ царскомъ титулѣ начали писать: *всея Великія и Бѣлыя и Малыя Русіи;* а въ слѣдъ за тѣмъ измѣнена буква *у* на *о* въ словѣ *Россія*. Но иностранцы и теперь по большей части сохраняютъ прежній звукъ, называя наше государство *Russia*, *Russland*, Russie и т. д., въ древности Норманами называемое *Gardarick* и *Riseland*. *Прим. пер.*

Но Смотрицкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ писателей зналъ Русскій языкъ. Примѣру этому послѣдовали и Польскіе, и иноземные писатели; и нарѣчіе, просто называвшееся *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссійское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусскаго. *Линде* простой Южно-Русскій языкъ, которымъ былъ написанъ Литовскій Статутъ, потому только именуетъ *Бѣлорусскимъ*, что такъ назвалъ его *Сопиковъ* (въ своемъ »Опытѣ Россійской Библіографіи«). Авторитетъ Сопикова показался г-ну Линде достаточнымъ для наименованія языка, которымъ писанъ Статутъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ этотъ языкъ былъ просто *Южный Русскій языкъ*.

Языкъ Литовскаго Статута есть тотъ самый, на которомъ Смотрицкій написалъ къ своей грамматикѣ предисловіе. Смотрицкій же называетъ этотъ языкъ не иначе, какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда вовсе не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именую языкъ Литовскаго Статута не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Южнымъ Русскимъ*. Г. Гречь называетъ языкъ книги, подъ заглавіемъ »Вѣнецъ Христовъ«, языкомъ собственно Русскимъ; но это тотъ же языкъ, чтò и въ Литовскомъ Статутѣ: почему же называться ему Бѣлорусскимъ? и почему отличать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не разнятся (1)?

---

(1) Однакожъ старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска и пр., и нынѣ Бѣлорусское нарѣчіе есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ замѣтить всякъ, переѣзжая изъ губерніи Могилевской въ Черниговскую, или изъ Минской въ Волынскую. Ежели авторъ сей статьи не допускаетъ названій *Бѣлорусское*, *Малороссійское*, какъ позднѣйшихъ, то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе естественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а Великороссійское назвать *Восточнымъ Русскимъ*, или *Сѣверовосточнымъ Русскимъ*, но все же должно какими-нибудь именами означить такія нарѣчія, между которыми существуетъ разница дѣйствительная и которыя между тѣмъ всѣ имѣютъ неоспоримое право именоваться *Русскими*.

Прим. перев.

VI.

Южный Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго.

Нѣкоторые Россіяне, Чешскіе и Польскіе писатели утверждаютъ, будто Южный Русскій языкъ, какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и словесности Польской, или, другими словами, что Русскій языкъ есть смѣшеніе Польскаго языка съ какимъ-то грубымъ нарѣчіемъ, т. е. первобытнымъ Русскимъ. Мнѣніе это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего иного не желаемъ отъ безпристрастнаго читателя, какъ только, чтобы онъ насъ выслушалъ и разсудилъ послѣ, правы ли мы, или нѣтъ.

Южный-Русскій языкъ подвергался одной участи съ Южнымъ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Южный Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напротивъ того, несравненно ранѣе Польскаго цвѣлъ и развивася, по образцу Славянсаго и Греческаго (¹). Хотя же народъ Южно-Русскій, по стеченію обстоятельствъ, и зависѣлъ отъ короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими королями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Южно-Русскій но и Латинскій языкъ ничего не потерялъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершеніи отечественнаго языка учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ грамматикъ, не только Славянской, но и Русской. Неотрицаемъ, что Южно-Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаться, и совершенствоваться на-подобіе Греческаго, Сла-

---

(¹) Извѣстный ученый Грекъ *Экономосъ* издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 част. для доказательства почти тожества Славянскаго языка съ Греческимъ, и особенно съ однимъ изъ древнѣйшихъ его діалектовъ, Эолійскимъ. См. его «Опытъ о ближайшемъ Сродствѣ Языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ». Ч. I, Предисловіе. *Примѣч. Перев.*

вянскаго, а въ-послѣдствіи и Латинскаго; но никакъ изъ исторіи нельзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образованіе единственно отъ Польскаго. Отдѣльныя слова, хотя-бы даже и въ большомъ количествѣ, находящіяся въ томъ и другомъ Славянскомъ нарѣчіи, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что всѣ Славянскія нарѣчія происходятъ отъ одного корня, что они соединены между собою родствомъ и долженствовали быть нѣкогда еще ближе одно къ другому.

VII.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою и богатствомъ, и самымъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частію, Южно-Русскому языку.

Древній Польскій языкъ, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно разнится отъ нынѣшняго (1).

(1) Вотъ образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Лелевелева изданія Польскихъ и Мазовскихъ Законовъ и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis vmovi myedzi dvchownymi a swyeczskymy o czlonki w nyem pop'sane. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swanthey Gneznenskey cirekwe arcibiskvb w Krakowskem byskvbstwye na urzåndze pogesdzania bandåncz wsystkym ad kthorich nynyesze lysti przydą chczem bycz yawno kako gdysz myedzy nayaszneyszym ksandzem panem Kaszymyrem Polskym z bozey myloszczy Krolem etc., patronem naszym s yeney a myedzy ksandzem Bodzanthą brathem naszym namyleyszym byskupem Crakowskym stroni z drvghey nyekthore wyanthpyenye o dzeszanczynach i o gynsych czlonkoch nyszey popyszanych bilo szą sthanth y sowąnth porvszylo pothem etc. См. Księgi Ustaw Polskich i Mazowieckich. Wilno, 1824, стр. 10. Statuta Wiślickie.

Переводъ:

«Договорная запись между духовною и свѣтскою властію о нижепоименованныхъ статьяхъ. Мы, Ярославъ, Божіимъ промысломъ архіепископъ святой Гнѣзненской Церкви, имѣя смотрѣніе надъ Краковскимъ епископтствомъ и объѣздомъ, даемъ симъ знать всѣмъ вообще, что между найяснѣйшимъ ксендзомъ паномъ Казиміромъ, Божіею милостію королемъ и пр., покровителемъ нашимъ, съ одной стороны, а съ другой между ксендзомъ Бодзантою, любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, епископомъ Краковскимъ, встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія касательно десятины и нѣкоторыхъ другихъ статей, ниже сего прописанныхъ», и проч.

Замѣтимъ въ этомъ древнемъ Польскомъ языкѣ Русскій характеръ нѣкоторыхъ словъ и самыя слова Русскія: *Swanthey*, а не *Swięley* (Святой), *Cirekwe*, а не *Kościola* (церкви), *kako*, а не *jako* (какъ). Такихъ найдется и еще очень много.

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: »Piszałem then list ku W. M., raduiąc szie dobzemu zdorowiu, zem poszłał do Lazarza ku druku Politią Królestwa pol. na trzy *knihi* rozdzieloną. Proszę chcziec yą W. M. widziec i poprawić, ieśli żeby w czym pobłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiey i wielkiego nieszpania«, и т. д. т. е. »Я писалъ это письмо къ вашей милости, радуясь, что вы здоровы, и увѣдомляя, что я послалъ къ Лазарю (типографщику) для изданія »Политику Королевства Польскаго«, раздѣленную на три книги. Прошу васъ разсмотрѣть и исправить, еслибы нашлись въ ней какія погрѣшности. По истинѣ мнѣ стоила она много труда и безсонныхъ ночей«, и проч.

Мартинъ Бѣльскій, дерзнувъ писать исторію на Польскомъ языкѣ, едва находилъ возможнымъ свое предпріятіе ([1]).

Еслибы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивъ и эти примѣры, пусть каждый разсудитъ: Южно-Русскій ли языкъ усовершался по образцу Польскаго, или Польскій по образцу Южно-Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ отнюдь не былъ *провинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать г-ну Линде на стр. 2 предисловія къ »Опыту Краткой Исторіи Русской Литературы«, г. Греча.

Южно-Русскія земли, принадлежащія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областью, или провинціею.

([1]) А за пять вѣковъ до того Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несторъ, инокъ Кіевопечерскій, велъ на немъ Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не находитъ его столько непонятнымъ или столько отличнымъ отъ употребляемаго ею нынѣ, сколько Поляки свой нынѣшній языкъ отъ языка XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь имѣла уже переложенную на свой языкъ Библію, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣе. Французскій авторъ книги о Евреяхъ, изд. 1818 г., упоминаетъ, что въ спискѣ Библій, хранящихся въ Ватиканѣ, подъ № 300, на стр. 288 находится славное сочиненіе Alf. Halhory, заключающее въ себѣ истолкованіе Моисеевыхъ книгъ, 1094 года, на *Русскомъ* языкѣ.

Южно-Русскій народъ составлялъ часть королевства Польскаго, точно такъ, какъ и теперь Венгрія, Богемія суть части имперіи Австрійской. Если же и положимъ, что Южно-Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже этотъ долгъ съ лихвою заплаченъ ему доставленіемъ множества словъ и выраженій, что̀ доказываютъ Клечевскій, Копчинскій и другіе, и подтверждаетъ самъ Линде въ твореніи своемъ о Литовскомъ Статутѣ, говоря: »Сей-то чистотѣ Русскаго нарѣчія должно приписать то, что Польскій слогъ Литовскаго Статута почитался образцовымъ.« Почему же послѣ всего этого выпустилъ онъ Южный Русскій языкъ въ своемъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій?

Впрочемъ и теперь даже, при недостаточности правилъ Польской грамматики и правописанія, до тѣхъ поръ нельзя будетъ ничего опредѣлить въ нихъ точнаго, постояннаго, пока не вникнемъ въ духъ и построеніе Южно-Русскаго и Славянскаго языка и, въ случаяхъ нужды, не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

Нынѣшнее отношеніе Южнаго Русскаго языка къ Великороссійскому.

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: »Опытъ Исторіи Русской Литературы«, послѣдуя мнѣнію г. Греча, раздѣляетъ Россійскій языкъ и литературу на три періода. Первый называетъ онъ Греческимъ, второй Татарскимъ, третій Польскимъ. Не оспориваемъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, обенно книжный, потому что Священное Писаніе и всѣ почти церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ этихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что̀ касается періода Татарскаго, то я не согласенъ съ г. Линде. Владычество Татаръ въ Россіи не имѣло такого вліянія ни на языкъ, ни на народные обычаи Рус-

скіе, чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина, который явственно доказалъ [1], что владычество Татаръ въ Россіи не оставило важныхъ слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ, ни въ законодательствѣ, ни въ домашнемъ быту, ни въ языкѣ. Едва какихъ-нибудь сорокъ или пятьдесятъ Татарскихъ словъ находится во всемъ Россійскомъ словарѣ; а хотябы даже ихъ находилось и вдвое противъ того: все же это не даетъ еще настоящаго повода допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языкѣ и литературѣ. Чтó касается Польскаго періода, т. е. вліянія Польскаго языка на Русскій, то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить. Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польскаго; то же самое должно сказать и о языкѣ и литературѣ Россійской. Нигдѣ не находимъ слѣдовъ, ни въ старинныхъ, ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси, чтобы Русскій языкъ созидался по образцу Польскаго. Кто утверждаетъ это, долженъ бы привести намъ примѣры. Мы не допускаемъ даже, чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный-Русскій: какимъ же образомъ онъ могъ бы дѣйствовать на Великороссійскій? Иное дѣло языкъ Южный Русскій. Онъ содѣйствовалъ конечно, нѣкоторымъ образомъ, успѣхамъ, красотѣ и богатству Російскаго языка, чего сами Великороссіяне не оспариваютъ и оспорить не могутъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить существованіе *періода Польскаго*.

Когда рѣчь идетъ о языкѣ Россійскомъ, необходимо нужно отличать древній церковный языкъ отъ древняго Россійскаго разговорнаго, или такъ называемаго *гражданскаго* языка, чтó видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою. Но то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что разговорный и книжный Россійскій языкъ не былъ уже тотъ самый при Петрѣ Великомъ, какой встрѣчается въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ. Доказываютъ это Каченовскій въ »Картинѣ Россійской Литературы« и Карамзинъ въ »Исторіи Государства Россійскаго«. Когда въ новѣй-

[1] »Исторія Госуд. Росс.«, Т. V, стр. 854.

шія времена нѣкоторые Россійскіе писатели, подражая Французскому языку, начали портить свой народный, тогда возсталъ противъ нихъ Шишковъ въ разсужденіи о *старомъ и новомъ слогѣ*, указалъ прямые источники Русскаго языка и ревностно совѣтовалъ держаться ихъ, какъ въ разговоромъ, такъ и въ письменномъ слогѣ.

IX.

Языкъ Южно-Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе писатели ошибочно и несправедливо называютъ Русняками.

Что Русь составляетъ совершенно отдѣльный народъ отъ Поляковъ, такъ что ни пріобщеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и составу Польскаго государства не могло отнять у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ иноземцевъ не могло ее измѣнить — на то не требуется доказательствъ. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой понынѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ. Посему справедливо Бандтке сказалъ [1]: »Нѣтъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣтъ и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и т. д.«

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателтй стали называть Галицкую Русь *Русняками* (Rusniaken), а языкъ ея *Русняцкимъ* (Rusniakische Sprache). Такого названія, вовсе неизвѣстнаго въ-старину, ни Польскіе, ни Латинскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея названіе есть *Русь* или *Русскій народъ*, по-Латыни natio Ruthena, по-Нѣмецки Ruthener, а Русскій языкъ Ruthenische Sprache. Кто зналъ бы этотъ народъ только изъ подобныхъ книгъ, тотъ могъ бы подумать, что

(1) »Hist. Król. Pols«. T. I, стр. 26.

кромѣ *Руси* есть особое племя Русняковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рорера названіе *Мазураковъ*, можно бы заключить, что въ Мазовіи существуетъ какая-то особая отрасль тамошняго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Русняковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣтъ. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслѣ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благоразуміе и достоинство писателя не должно бы дозволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе г. Краттеръ въ своемъ сочиненіи: »Письма о Галиціи« (¹); ему послѣдовали Рореръ, Крибель, Чапловичъ и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе писатели, какъ-то: Шлецеръ, Гебгардъ, Гоппе, Энгель и др., упоминая о Галицкой Руси, никогда ея такъ не называли. Долгъ и обязанность каждаго писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ и не искажать собственныхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ точностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣтать. Прозваніе же Руси Русняками погрѣшаетъ противъ всѣхъ этихъ условій! Кажется всѣ сіи писатели могли изъ оффиціальныхъ актовъ и постановленій узнать достаточно, какое собственно имя приличествуетъ Южно-Русскому народу.

(¹) »Briefe über Galizien«, стр. 147.

Примѣчаніе издателя. Статья эта написана была первоначально на Русскомъ языкѣ, потомъ переведена на Польскій и напечатана въ Львовскомъ журналѣ: »Czasopism Naukowy« 1829 года, съ Польскаго же переведена опять на Русскій В. Р. и напечатана въ »Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія« 1837 года.

VIII.

ПОХОРОНЫ,

списанныя со словъ поселянина, въ Харьковской губерніи.

— Роскажіте мині, будьте ласкові, Пріхоровичу, якъ у васъ діетця при похоронахъ старихъ и малихъ, и які у васъ водятця примхи? бо я чувъ, що е, та ні відъ кого правди не добъюсь.

— А що жъ я вамъ скажу? про другихъ, далебі, нічого не знаю, та й діло намъ до того не доходитъ. А у насъ ось якъ було:

Ще годівъ за десять до смерти, покійний папотець [царство іхъ душі] зробили собі домовину; горбатоі не схотіли, а таку — зъ дошкою, зъ лісковими колками, та й латку вкинуки на ріжку, [щобъ душі полегкість була виходити на страшний судъ], дубову, та простору, та й лягли въ ню, та й попробовали, чи не буде коротка, або узька. »Гарна«, кажуть, »намъ хата буде вічня.« Потімъ поставили іі у коморі, та й насипали повну самоі кращоі пшениці, та ту пшеницю жоденъ годъ старцямъ и роздавали; а новою насипали упять. Такъ те діло велось, ажъ поки живі були.

Ось коло другоі Причистоі и занедужай; та все не подаютця, та ходять, то до клуні, то до обжілокъ навідоватьця, а далі — »Ні, вже«, кажуть, »хлопці: мабуть, годі рястъ топтати«, та й звалились на пілъ. Оце ми заразъ до отця Ивана [и вони вже на тімъ світі, царство імъ небесне], пособоровали, посповідали и запричастили; усе стало-буть, якъ довгъ Християнський слідуеть, зробили. А імъ гірша та й гірша. Якъ теперъ знаю, въ пъятницю надъ вечіръ, мати [легенько імъ згадайся] и кликнули насъ, та якъ заплачуть! та сіі речи и промовили: »Идіть, діти, кланяйтесь батькові, бо недалеко ёго кончина! Усе на долівку проситця, відъ себе важко дише, и духъ холодний, ноги якъ лідъ, нігті посиніли, очи мутніі, усе повертаетця, руками коло

сéбе, нáче чогó шукá, все оббірáетця; а якъ задрімá, усé ёмý ёгó бáтько покійний убачáетця, що кличе до сéбе; та й бáтюшка, посповідáвши, сказáли: »»Доглядáйте!«« Ужé жъ вони щось помітили. Мóже, по тій свічці, що не дýже ясно горіла. Идіть, діти-голубъята, просіте благословèння.« Ми зібрáлись усі; мáти взялá іхъ підъ плèчи и підвелá, вони й сіли, и на дзиглйкъ нóги постáвили, а ми імъ у нóги. Вони стáли благословляти: насъ, братівъ, образáми, а молодиць и унýківъ христили, а ми всі іхъ рýки цілувáли; та тілько й вимовили: »Бóже, васъ благослови усіхъ, усіхъ! Глядіть же, Бóга не забувáйте, до цèркви ходіть, празники почитáйте, мáтери доглядáйте, повинности не тікáйте, въ-кýпці живіть, одинъ дрýгого поражáйте. Ти, стáрший, [мині кáжуть] на мість бáтька будь усімъ. Менé сховáйте и відпоминáйте, якъ мáтері велівъ. А що попèреду вамъ казáвъ, пáмятуйте, коли кістóкъ моіхъ не хóчете ворушити.« Та съ тимъ и злягли.

Жінóта та дітворá кой-куди розійшлись, а я зъ мáтеръю біля іхъ зостáвся. Про те вже я вамъ и не балáкаю, що рóдичи и сусіди всі прихóдили що-дня прощáтьця на сімъ світі. Отъ ми зъ мáтеръю воскову свічку засвітили, въ черепьянці ладанцю роспустили, водиці для душі постáвили стаканéць на вікні, та й доглядáемъ смèрти. Сáме такъ, якъ пèрві півні заспівáли, вікóниця якъ грякне! ми ажъ жахнýлись, та до нихъ, ажъ вони вже кончáютця. Тутъ, якъ на те, и молодиці вбігли. А мáти: »Цитьте, мовчіть! не плáчте! дáйте мерщій свічку ёмý въ руки: янгели прилетіли за душéю! Молітця Бóгу!« Ми й стáли поклóни бити. А вони разівъ трічи тількі зіхнýли, легèнько-легéнько, та й дýшечка вийшла. Мáти тілько-тілько що вспіла іхъ перехристити та проказáти: »Прощáй, дружино, и менè дожидáй!«

Я мерщій до цèркви. Удáрили трічи въ стáрший звінъ на східъ душі; узявъ ставникъ, молитву и вінèць; пóки вернувся, а іхъ зрядили: обмили, причесáли, сорóчку білу наділи, нóги полотнóмъ новимъ обгорнýли, положили на свиті, на лáві, підъ образáми, а въ-гóлови сіна гáрного, степового підъ ряднó підмостили, обіклáли васильками, дали хрèстъ у рýки, мáти вінèць на гóлову

положи́ла, парче́ю накри́ли; а я въ голова́хъ поста́вивъ у гле́чику ставни́къ и засвіти́въ. Отъ прийшо́въ псалти́рщикъ, уда́ривъ три покло́ни, нача́въ: »Моли́твами святи́хъ«, и ставъ чита́ти та прика́зувати: »Упоко́й, Го́споди ду́шу раба́ твоего́ Про́хора«.

У субо́ту, такъ са́ме якъ въ сніда́ння, ста́ли по душі дзвони́ти во всі дзво́ни, та пова́гомъ, та жа́лібно; пе́рше бо́вкне въ склика́нчикъ, а да́лі въ дру́гий, по́тімъ у підста́рший, та въ ста́рший, та й во всі ра́зомъ. Я дзвонаре́ві півко́пи давъ, щобъ по́ти дзвони́въ, поки трі́чи *Ві́рую* прока́же, бо на *Поми́луй мя* и бідний дае́. Уся́кий хреще́ний, якъ почу́е такий дзвінъ, ста́не на східъ со́нця, перехри́стится трі́чи и прогово́ре: »Ца́рство небе́сне, ві́чний покій перста́вшійся душі!«

Отъ почу́ли и въ слободі, и ста́ли збіра́тьця и свати́, и свахи́, всі ро́дичи, и вся́кі лю́де. Бо, ба́чите, ба́тька всі зна́ли по тімъ: позича́ли лю́дямъ гро́ши, и ро́сту не бра́ли, роздава́ли пшени́цю на насіння, съ тимъ — відда́сть, спаси́бі, а ні, Богъ зъ нимъ! на Спа́са ме́домъ годува́ли, волівъ спосужа́ли перево́зити біднимъ пашню́, та й такъ тихе́нько де́-кому роздава́ли вся́чину; а ми хоть и ба́чили, то й відверта́лись, инаˊче не ба́чимо. Вдови́цямъ и сиротамъ на своіхъ пле́чахъ ночно́і доби́ по мішку́ муки́ носили, кла́ли на при́спі, щобъ вони́ й не чу́ли, хто положи́въ [ма́ти тільки тимъ підміча́ли, що мішківъ не става́ло]; ска́зано, вся́кого заря́то́вували, чимъ хто побідкаетця. У це́ркву було́ наку́плять ставниківъ, та ни́шкомъ на Вели́кдень, або́ на Рі́здво́ у цви́нтарі й покладу́ть біля́ вівтаря, и сторожі не вполо́пають, де́ взяло́сь; або́ корогву́ спра́влять, та й віднесу́ть... такъ роби́ли, щобъ ніхто́ й не підміча́въ. Тимъ-то цілий день у субо́ту мира-ми́ра все до іхъ прихо́дило проща́тьця та тілові кла́нятьця. А такъ, якъ пізній по́лудень, уда́рили на збіръ въ оди́нъ; ста́ло буть, тіло до це́ркви випо́сили. Оттýтъ-то було́ плачу́, якъ о́христи та ма́ри принесли́! Паньма́тка хотіли самі о́христи рушника́ми перевя́зувати, та слёзи такъ и вда́рили. Уже́ тітка Ода́рка помогла́. А ма́ти пла́кали, поки ба́тюшка приі́хавъ, а тоді вже го́ді. Проспіва́ли *со̀ духи;* а на *ві́чную* якъ заголо́сить уве́сь миръ, такъ ажъ

отéць Ивáнъ [цáрство іхъ душі] не втéрпіли, та мерщій за кропи́ло, покропи́ли святóю водóю грібъ, та й съ хáти. Приятелі тіло въ грібъ положи́ли, грібъ же мáти серпáнкомъ ви́слали, и васи́льківъ, и клечáльноі травы́, и стружечóкъ у гóлови підмости́ли. Та й понеслы́ до хрáму Бóжого. Шість разъ Евáнгелію станови́лись читáти, а въ нáшій и въ Слободській, и въ Украінській церквáхъ усé дзвóнять. Пісія вечéрні ставни́къ у головáхъ засвіти́ли на всю ніченьку, а ми поклони́лись, та й додóму, робóчихъ годувáти. Въ неділю, після́ слу́жби, пóхоронъ відпрáвили и понеслы́ на кладови́ще. Хотіли въ саду́ біля́ дідуся́ поховáти, такъ не мóжна. Мáти [легéнько імъ згадáйся] самóго ляного полотнá два сувіі далы́, дубови́ну спускáти. И тепéръ отó видніетця хрестъ чóрний та висóкий : тамъ лежя́ть панотéць и бабу́ся, и дядькы́— усі вмісті.

Съ кладови́ща панотéць и ввесь миръ пришлы́ до отцівського куреня́ поминáти. А найбільше ни́щу брáтію покíйний панотéць велівъ годувáти. Спаси́бі жіночкáмъ, на горóді розиклáли óгнище, и всякоі стрáви понаготовля́ли. Ми я́ловицю вбы́ли, ягня́тъ съ пя́теро зарізали, а про дру́ге — мáти то знáли. Якъ проспівáли *сó духи* и *вічную,* стáли за стілъ сідáти: панотéць на пóкуті, старі жінки́ на лáві, а чоловіки на ослóні. Оцé зáразъ куті зъ мéдомъ за цáрство покуштовáли, та все приговóрюють: »Цáрство небéсне Прóхору Семéновичу! перóмъ земля́ надъ нимъ! нехáй со святи́ми почивáе, та й нáсъ дожидáе!« Я ставъ піднóсити, кому́ по чáрці, кому́ си́ти; а тітка Олéна постáвила пампушки́, книші́, паляни́ці; а пироги́, то зъ си́ромъ, то зъ нáчинкою, передъ жóднимъ на столі расклáдені булы́; сметáни постáвили въ мисочкáхъ скрізь-скрізь по столóві. Бабу́ся Мовчáнка стоя́ла на полу́, та все съ пéчи подаé, кому́ чогó трéба; а пічъ, скáзано, вся пирогáми та паляни́цями булá заклáдена И на дру́гий стілъ, котóрий біля порóга, [посідáли ті люде, що копáли я́му, и грібъ неслы́, — імъ и полотнó роздалы́, на котóрому упускáли дубови́ну]... такъ и на тóй стілъ пісія сёго пироги́ и стрáву все таки́ тітка [дай Бóже імъ здорóвъя] почалы́ давáти галушки́, пéрцемъ присипані,

бо́рщъ, ку́рятину, а на пе́ршій передъ панотцемъ — гу́ску пече́ну, а до поро́га — бара́нину свининну усе́ такі тітка подають, та кла́няютця, та про́сять: »Году́йтесь такі, кормітесь такі, поминайте бра́тіка« [а ма́ти зъ журби у хи́жці вже звалились]. Післи сёго ка́шу моло́шну съ пе́рцемъ, усімъ одну́, така́ вже, що ма́сло зве́рху такъ и пла́ва, я́блокъ изъ свого́ садка́ и ме́ду сцільникивъ зъ десятокъ, покійного ба́тька — трудово́го, білого та хоро́шого, зъ самихъ роівъ. При конча́нні я поста́вивъ на стілъ ко́ливо, поклонивсь низенько и мо́вивъ: »Не погнівайтесь на більше, звиніте ра́ди Христа́, не посудіть; чимъ бага́ті, тимъ и ра́ді.« Отъ щё разъ проспівали *со́ духи* и *вічню*, ко́ливомъ помяну́ли та й ста́ли росхо́дитися.

На сей случа́й и паніма́тка, якъ хво́рі ні булі, а вийшли и ста́ли обділя́ти ко́жному, кому́ книшъ, кому́ паляницю; а я старця́мъ сімъ кіпъ самими копійка́ми роздавъ [бо й вони, пообідавши на-дво́рі на примістках, рахува́лись росхо́дитьця]; а гро́ши тиі придба́въ покійний панотець. Випровадивши, спе́ршу ста́ли ла́годити столи и сажа́ти, які не обідали, та до самісінького смерку́ до́брихъ людей годува́ли; а самі почитай о півно́чи попоіли, та су́мно, су́мно въ ха́ті ста́ло! Усю ніченьку ні на во́лосъ не заснули, — такий о́страхъ узявъ.

На другий день сорокоу́стъ напялй, десятини спра́вили. На сороковинахъ та́къ було́, якъ и на по́хоронахъ, тільки панахиду ще й на гробу́ пра́вили. Псалтирщикъ шість неділь псалтирь у ха́ті чита́въ; за те ёму́ покійного ба́тька свиту відмінили, и ху́стку, и малаха́й, що колись, якъ молоді булй ба́тько, та все ёго́ по сіно іхавши наклада́ли. Ма́ти на зорі що-дня ходили на кладовище навідуватьця та голосити, а відтіля въ це́ркву; а після сороковинъ го́ді се робити. »Тепе́ръ«, ка́жуть, »не піду́ вже до го́ду, бо гріхъ«; та такі не вте́рпіли: у Дмитрову субо́ту ище́ ходили.

— Та більше й нічо́го?

— Тільки жъ. Бачъ, чувъ я ще й се: якъ дідуся хова́ли, такъ люде не несли́ домовини, а везли́ вола́ми на са́няхъ, хоть то и въ літку було́. Воли самі добріші запрягали підъ те діло, и віддавали

іхъ ужé на пóминки панотцямъ: такъ прямо съ кладовища и відганяли съ саньми до іхъ у двіръ. А після обіда [казáвъ такй покійний бáтько] вонй такй самй достáли капшýкъ карбóванцівъ изъ скрйні дідусéвоі, та й вйсипали на підніс, на столі, та скілько хто хотівъ, стілько за пóхороннє й брáвъ; бо то грóши булй на те обрѐчені; а всіхъ не булó зáбрано, остáлось довóлі ще й на піднóсі.

— Скажіть же, спасйбі вамъ, Прóхоровичу, нá що той стакáнчикъ зъ водóю на вікні стоявъ?

— Тогó вже до-ладý не докажý. Кáжуть старі люде, що душá покійника до шестй неділь на сімъ світі ще побивáетця и прилітá водйці пити до старóго куріня, бо іи дýже трýдно и тяжко по митáрствахъ; та Бóгъ ёгó зна, чи тáкъ вонó! Люде, бачъ, ищé й сѐ рóблять: ворóта зачиняють, якъ вйнесуть трунý зъ дворá, щобъ смѐрть не вертáлась; у хáті и лавкй житомъ посипáють, щобъ ужé всі жйві та здорóві булй; постѐлю съ-підъ покійника у хлівъ викидáють до трохъ день, щобъ усé лихѐ відстáло. Та се вже, мáбуть, не зовсімъ по-Бóжому, а люде самй вйтіяли. Ще й тѐ гомонять: есть такі временьщикй, котрі піддалйсь лукáвому; після смéрти встають и хóдять на свій двіръ, угáму не дають живймъ; такъ іхъ нáче бъ то осйковою колякою гріб прибивáють, та мині сёгó не лучáлось бáчити. А оцé й тепѐръ вóдитця: е похóвані надъ дорóгами, то чумакй, то тáкъ дé-які прохожáлі; такъ на іхъ могйли жáденъ, хто йдѐ абó іде, полінце, скіпку, травý, абó грýдку землі кйдають; а нá що вонó, Бóгъ ёгó зна, — бýцімъ би то й самй помагáли ховáти.

— Чомъ же ви мині про малйхъ дітóкъ нічóго не росказáли?

— Про іхъ óсь що: не підперѐзаного не трéба ховáти; бо на тімъ світі хтось-то дасть ёмý яблучко червóне грáтьця, а вонó мáе въ пáзуху сховáти; а яблучко до-дóлу, а вонó впъять дастаé, та все въ пáзушку; а вонó впъять до-дóлу; та такъ біднéньке й бýде мýчитьця зъ яблучкомъ. А якъ підперéзане пояскóмъ, то сховá, а вонó й не вйпаде съ пáзушки. Ще й нóгтівъ не зрізують малóму, атó на якýсь-то гóру не здерéтця, — чи на святý, чи щó:

бачишъ, нічимъ би то буде ухопитьця. Мати за першою дитиною малою, котра умре, на кладовище не ходить, бо гріхъ відъ Бога заразъ за первимъ та й жалкувати и ёго провожати. Оттимъ-то и приказка е така:

»Якъ умре мала дитина,
То добра година:
А якъ умре дружина,
Лихая година!«

Воно янгеля за батька та за матіръ відмолюватиме.

А оце своіми очима бачивъ, и самъ бувъ при сёму. У Назарёвича Недогона, якъ дочку ёго ховали, — молоду та хорошу, та чепурну, та звичайну... тількі шістьнадцять годівъ ій було... що то за дівчина була люба та мила, та до людей привітна! та й смерть ій Богъ главъ швиденько. Захворала, Бо' зна що балакала и жахалась. Кажуть, зъ річки прийшла, сорочки прала, та щось ій и поділось: або підвіяло, або на ополонці стріло, а може и зъ очей, бо всякі лихі люде есть. Уже й молебінь правили, и ладаномъ херувимськимъ підкурювали, и васильки брали съ-підъ хреста, вичірнёю водою умивали; ти-мовъ и получча, та внъять; отъ и до баби возили, и Солодкий приходивъ, —чого не робили! та вже коли наречено вмирати, и знахурі не відшепчуть. Та підъ самоі Варвари, якъ ударили до вечерні, Богу й душу віддала. Отъ тамъ я надививсь, що тамъ робилось! Мати та побивалась, насилу підъ плечі відвели геть; а батько такъ и вхопитця за голову: »Де жъ моя Парася, де жъ моя дитина? хто жъ мене розуватиме? хто на вулиці стрічатиме? хто мене роздягне? Де бъ я не бувъ, хоть о північі прийду, а вона, моя голубка, сіни відсуне, шапку візьме, поясъ повісе и ліжко перетрусе... лучче бъ я іі на світъ не родивъ!...« Позбірались усі сусіде та розважають, щобъ взялись за товкъ та що слідуе робили. Ось, якъ прибігла Ѳедоровна-бабуся, та якъ загомонить: »Що ви робите, дурні діти? годі вамъ голосити, Бога прогнівляти!« та й ну порядки давати; тоді всі

тількі дивлятця. Отъ и стали знаряжати наче заміжъ: сорочку лянну наділи, картату плахту, червоною окравкою підперезали, кипарисовий хрестъ, що дідусь изъ Киева принісъ, на чорній бархатці почепили на шию, коси розпустили, стрічку синю на голову повязали, вінки съ червоних скіндячокъ пришпилили, сапъянові черевички на ноги обули, та й на стілъ, — уже на лавку не клали, — серпанкомъ руки прикрили, квітками сухими то съ крокосу, то зъ рожі обквічали; такъ уже зрядили, що хоть неживе, то заплаче. Тутъ и дружки почали збіратьця. А якъ прийшла пора ховати, стали дружокъ стёжками повязувати, усімъ хустки давати, — крий-Боже, якъ-то жалібно! Сами дружки въ домовину клали и до ями несли. А мати побивалась, побивались... потімъ уже тілько стогне; якъ-би не кумъ Панько, десь би такъ и ввірвалась у яму, ато той, спасибі, державъ підъ плечи та все розваживъ. А якъ опустили та стали землёю закидати, такъ у-трёхъ насилу вдержали; такъ и лізе сама, не баче куди. Не дай, Господи, таке у-друге бачити!...

Лісовикъ.

IX.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ и МАЛОРОССІЯНЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

ДВѢ СТАТЬИ, М. ГРАБОВСКАГО и П. КУЛИША, ПО ПОВОДУ НЕДАВНО ОТКРЫТАГО УНИВЕРСАЛА ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

Переводъ.

СТЕФАНЪ-ХРИСТОФОРЪ ИЗЪ ОСТРОГА И ОСТРА ОСТРЯНИНЪ, БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ НОВОИЗБРАННЫЙ ГЕТМАНЪ, СО ВСѢМЪ ВОЙСКОМЪ ЗАПОРОЖСКИМЪ.

Объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ всѣмъ вамъ, благородно рожденнымъ козакамъ, нашей братіи, прославившимся съ давнихъ лѣтъ во всей подсолнечной многими рыцарскими дѣлами

Подлинникъ.

СТЕФАНЪ КРИШТОФЪ ЗЪ ОСТРОГА И ОСТРА ОСТРАНИНЪ, ПО ЛАСЦІ БОЖОЙ НОВОУЧИНЕНИЙ ГЕТМАНЪ, ЗО ВСІМЪ ВОЙСКОМЪ ЗАПОРОЖСКИМЪ (¹).

Ознаймуемъ сімъ універсаломъ нашимъ вамъ, всімъ шляхéтне урожóнимъ, братті нашій, отъ многихъ літъ премногими рицарскими дѣлами

(¹) Открытіемъ этого драгоцѣннаго документа обязаны мы М. О. Судіенку, который помѣстилъ его въ третьемъ томѣ изданной имъ Лѣтописи Величка. Правописаніе универсала Остряницы принадлежитъ началу XVIII столѣтія, ибо онъ открытъ не въ подлинникѣ. Такъ какъ нѣкоторыя гласныя буквы произносились грамотными Малороссіянами того времени иначе, нежели стали бы ихъ

и подвигами, и живущимъ, съ отдаленныхъ временъ предковъ своихъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему простому народу Малороссійскому: что, какъ въ прежнія времена, такъ и въ этомъ году, не могли мы, съ сердечною горестью и болью, переслушать и исчислить приносимыхъ вами жалобъ и слезныхъ просьбъ намъ, войску Низовому Запорожскому, касательно чинимыхъ вамъ притѣсненій, разореній и несносныхъ налоговъ отъ Ляховъ, квартирующихъ во всей Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

и отвагами во всей подсолнечной прославившимся, по обоіхъ сторонахъ ріки Дніпра, въ Малой Россіи, отчизні своей, зъ предковъ своихъ, отъ давніхъ временъ мешка́ючимъ, тутъ же и всему посполитому народу Малороссійскому: ижъ яко прошлихъ временъ, такъ и сего літа, зъ великимъ сердечнимъ жалемъ и болізнию не моглйсьмо переслу́хати и изреестровати безпрестанно доно́сячихся намъ, войску Низовому Запорожскому, отъ васъ скаргъ и плачливихъ суплікацій о дѣючихся вамъ обидахъ, утйскахъ, разореніяхъ и незноснихъ налогахъ отъ Ляховъ, во всей Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Днiпра, консисту́ючихъ. Не спецификуемъ

читать теперь въ Сѣверной и въ Южной Россіи, да притомъ въ спискѣ, напечатанномъ г-мъ Судіенкомъ, не вездѣ соблюдено однообразное употребленіе извѣстныхъ буквъ для выраженія извѣстныхъ звуковъ: то языкъ универсала для самихъ Малороссіянъ нашего времени кажется какъ-бы чужимъ. Чтобы сообщить ему тотъ видъ, въ какомъ онъ представлялся слуху, а не глазамъ, старинныхъ людей, позволяю себѣ приноровить его правописаніе къ произношенію, принявъ для выраженія мягкаго и остраго звука *и* двѣ буквы — *и* и *і* — и отвергнувъ Великорусскій звукъ *ы*, Малороссійскому произношенію несвойственный. Замѣчу впрочемъ, что универсалъ Остраницы писанъ оффиціальнымъ языкомъ своего времени, и потому въ немъ много словъ и оборотовъ Польскихъ. Видно, козацкій гетманъ нашелъ необходимымъ подражать обычному языку судебныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій въ Украйнѣ, чтобы явиться въ глазахъ народа мужемъ государственнымъ. Но рѣчь его не была отъ того темна для слушателей, ибо Польскій языкъ въ то время распространенъ былъ въ Малороссіи, какъ рѣчь людей образованныхъ, какъ рѣчь утонченная и усвоенная высшимъ сословіемъ Южно-Русскимъ, не говоря уже о множествѣ природныхъ Поляковъ, находившихся въ Малороссіи и заставлявшихъ народъ понимать свой языкъ волею и неволею.

Не исчисляемъ подробно здѣсь того, что они, Ляхи, начавъ съ недавняго времени, лѣтъ пять, или шесть назадъ |ибо давнишнія ихъ злодѣйства предали мы забвенію|, какъ не-Христіяне, вамъ, православнымъ Христіянамъ, сдѣлали, а именно въ городахъ и повѣтахъ: Козельскомъ, Баришпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Остерскомъ, въ Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, Прилуцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коропскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лохвицкомъ, Пырятинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переяславскомъ, въ Гадячскомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иныхъ, гдѣ только были и есть ихъ безразсудные и безжалостные къ Христіянскому народу постои.

Вы сами, наша братія, живущіе въ исчисленныхъ городахъ и

рѐтельне тутъ того, что они, Ляхи, сіхъ недавніхъ временъ почавши, отъ літъ пяти, или шести [давнійшиі бо іхъ всі зброднi и злиі учинки занехáвши], аки не-Христіяне вамъ, православнимъ Христіянамъ, виброіли и учинили, а именно въ городахъ и повітахъ: Козельскомъ, Барйшпольскомъ, Басáнскомъ, Березáнскомъ, Гóголевскомъ, Яготйнскомъ, Острйцкомъ, въ Ніжинскомъ, Борзéнскомъ, Прилýцкомъ, Вáрвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Берéзинскомъ, Менскóмъ, Сóсницкомъ, Коропскóмъ и Кролевéцкомъ, въ Лубéнскомъ, Лýкомскомъ, Лóхвицкомъ, Пирятинскомъ, Чигринъ–Дубрóвскомъ и Ромéнскомъ, Переясловскомъ, въ Гáдяцкомъ, Миргорóдскомъ и во всіхъ иныхъ (¹), где тілько іхъ небáчная и милости (на) народъ Християнский неимущая зоставала и зостаетъ консистенція.

Самй ви, въ пречéнихъ городахъ мешкáючиі, браття наше, донóсили

(¹) Величко говоритъ, что Остряница разослалъ шесть списковъ своего универсала въ Украйну Малороссійскую, лежащую по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, именно въ повѣты Черкаскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій, а на другую сторону Днѣпра — въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій. Такъ какъ въ этомъ спискѣ не упомянуто ни одного города за-Днѣпровскаго, то надобно думать, что въ спискахъ, назначенныхъ для Заднѣпрія, тамошніе повѣты исчислены такъ точно, какъ здѣсь повѣты Восточной Малороссіи.

повѣтахъ, доносили о томъ, вы сами о томъ знаете, яко самовидцы и жалобливые намъ доносители. Но мы съ своей стороны вамъ это представляемъ и къ вашимъ горестямъ присовокупляемъ нашу горесть, которую причинила намъ вѣсть, дошедшая до насъ изъ Остра, изъ дома отца нашего. А принесъ ее намъ родной братъ нашъ, который прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, съ вышибеннымъ тирански отъ Ляховъ глазомъ. Онъ, съ горячими и неизсякаемыми слезами, объявилъ намъ и всему войску Низовому Запорожскому, на радѣ, о своемъ и всего дома нашего отъ Ляховъ бѣдствіи и разореніи, и именно: что нѣкоторый Геродовскій, квартирующій въ Острѣ, въ настоящую истекающую зиму, передъ радостными святками Рождества Господня, не довольствуясь тѣмъ, что ему и другимъ постояльцамъ козаки и мѣщане Остерскіе [сверхъ правъ и законности] доставляютъ, возымѣлъ какую-то особенную ненависть и злобу къ отцу моему, гордящемуся со временъ предковъ своихъ благороднымъ (шляхетскимъ) козацкимъ правомъ, и грозно приказалъ ему, отцу моему, доставлять еже-

о томъ, знаете, яко самовидці и намъ о всемъ томъ жалобливі доносителі. Виражаемъ еднакъ и ко болізнямъ вашимъ печаль и болізнь нашу прилагаемъ, которая дойшла намъ (1) на сіхъ часехъ відати зъ Остра, зъ дома отца нашего. чрезъ родного брата нашего, зъ вибитимъ тиранско отъ Ляхохъ окомъ тутъ до Січи Запорожской къ намъ прибилого, котриий, зъ ревними и неутолимими слезами, такое намъ и всему войску Низовому Запорожскому, въ раді, учинилъ донесенне о своемъ и всего дому нашего бідствиі отъ Ляховъ и разоренні, сказавши виразне тое: ижъ ніякийсь Геродовский, консистуючий въ Острі, сеі сходячоі зими, предъ радостними святками Рождества Господня, при иншихъ всякихъ довольствахъ ему зъ иншимъ товариствомъ отъ козаковъ [надъ права и слушность] и отъ міщанъ Острицкихъ вистатчаемихъ, яковуюсь особную къ отцу моему, шляхетскимъ козацкимъ правомъ зъ продковъ своихъ

(1) Въ изданіи г-на Судіенка это слово напечатано: *насъ*. Я поправилъ потому, что это выраженіе часто встрѣчается въ старинныхъ бумагахъ. См. ниже, стр. 341, *универсалъ Мазепы*.

мѣсячно — не для себя, но для собакъ, своихъ братьевъ, по три ведра творогу и по ведру масла. Когда же мой отецъ не исполнилъ этого — и не по чему иному, какъ по домашнимъ недостаткамъ; то Геродовскій, озлясь на это, — въ самый тотъ день радостнаго праздника Рождества Господня, горемъ и плачемъ наполнилъ домъ нашъ; ибо приказалъ палачамъ, своимъ слугамъ и братьямъ, взять отца моего, семидесятилѣтняго, совершенно сѣдого старца, и ущемить его шею въ частоколъ церковной ограды, — а былъ въ то время сильный холодъ съ мятелью, — и не велѣлъ выпустить его изъ этого нестерпимаго и позорнаго заключенія, пока весь народъ не вышелъ изъ Божіей службы (отъ обѣдни) и пока всѣ люди, бывшіе въ церкви, тому [при всемъ ихъ сожалѣніи] не посмѣялись.

Послѣ этого тяжкаго и нестерпимаго безчестія, сдѣланнаго престарѣлому отцу моему, тотъ же Геродовскій, или лучше Христоненавистный Иродъ, спустя дня два, или три, вторгнулся, въ пья-

щитящемуся, завзявши ненависть и ранкоръ, приказалъ сурово ему, отцу моему, на каждий місяцъ, не для себе, но для хортовъ, своіхъ братовъ, вистачати по три ведрі сиру, а по четвертому масла; чого гди отецъ мой не исполнилъ, не для чого иного, тілько для власнихъ недостатковъ домашніхъ, теди онъ за тое узлившись, жалостію и плачемъ наполнилъ домъ нашъ, гди отца моего, семдесятное время въ совершеннихъ сідинахъ жизнь свою провождающого, приказалъ катамъ, слугамъ и братамъ своімъ, вложити въ тинъ шиею на цвинтарі церковномъ, въ самую морозную и сніжную тогда заверуху, и потоль зъ того незносного и ругательного вязення не повелѣлъ отпустити, поколь зъ служби Божой не вийшли и поколь всі люди, въ церкві бившіе, тому [хочай то било зъ іхъ жалемъ] не посміялися.

Послі того такъ тяжкого и нестерпимого безчестія, отцу моему престарілому учиненого, тотъ же Геродовскій, альбо власній Христоненавистний Иродъ [1], третого, чили четвертого дня, набігши пьяний и без-

[1] *Иродъ* по-Польски *Геродъ*: слѣдовательно *Геродовскій* звучало въ слухѣ тогдашняго Малороссіянина такъ, какъ бы сказать *Иродовскій*. *Пр. изд.*

номъ и безумномъ видѣ, въ домъ отца моего и требовалъ, чтобъ его потчевали венгерскимъ виномъ. Когда же отецъ мой не могъ исполнить этого требованія такъ какъ въ Острѣ венгерскаго вина не было, то онъ, на зло, началъ потчевать моего отца оковитою (высшей крѣпости) водкою и, наливъ серебрянную чарку, почти въ кварту мѣрою, велѣлъ выпить ее престарѣлому отцу моему за здоровье короля и Рѣчи Посполитой Но, какъ отецъ мой не въ силахъ былъ этого сдѣлать, то онъ, будучи пьянъ, озлился и, для окончательнаго поруганія отца моего, отрѣзалъ ему цвѣтущую сѣдинами бороду, захвативъ и тѣла, а потомъ тяжелымъ и смертоноснымъ чеканомъ своимъ, безъ всякаго уваженія и жалости, далъ ему по плечамъ и по груди болѣе десяти ударовъ, отъ которыхъ отецъ мой, проживъ только шесть дней, переселился отъ сей жизни въ жизнь вѣчную, оставивъ насъ, дѣтей своихъ, въ горести и слезахъ, на всегдашнее сиротство.

Но Геродовскій, этотъ проклятый потомокъ Иродова Христо-

розумний зъ подобною собі компанією въ домъ отца моего. потребовалъ, абй его частóвано виномъ венгерскимъ; а гди того отецъ мой не моглъ исполнити за небитностью въ Острі вина венгерского, тéди онъ на печю началъ частовати отца моего горілкою своею оковитою ([1]) и, наливши оной чарку срібную, мало не въ кварту будучую, велілъ випити всю старýшкові отцу моему за здоровье королевское и Річи Посполитой. Того, гди отецъ мой не моглъ учинити, тéди онъ, пьяний, за тое узлившись, не тілько, на всеконечное поруганіе, отцу моему сідинами цвітущую, займаючи и тіла, урізалъ браду, мало къ тому зачепивши и горла, алé и тяжкимъ нáдто и смертоносимъ своімъ обухомъ, безъ жáдного респекту и лйтости, по плéчахъ и грýдяхъ кількопáдесять сотворилъ ударовъ, отъ которихъ отецъ мой большъ надъ шесть дней не поживши, мусилъ преселитися во вічную жизнь отъ жизни сея, насъ, дітей своіхъ, печальнихъ и плачевнихъ, всегдашнему а непрестаемому вручивши сиротству.

Но и тимъ отца нашего убийствомъ онъ, Геродовский, Иродового

([1]) Высшей крѣпости водка.

ненавистнаго племени, не удовлетворился такимъ злодѣйствомъ. На четвертый или на пятый день по погребеніи отца нашего, онъ взялъ изъ нашего дому насильно брата нашего на порошу, въ трескучіе и несносные морозы, и, посадивъ его безъ сѣдла на свою водовозную клячу, далъ ему пару собакъ на сворѣ. Когда же выѣхали въ поле и началась охота, и когда поднято было нѣсколько зайцевъ, — подскочилъ къ моему брату одинъ служка и велѣлъ ему спустить со своры собакъ, которыхъ онъ держалъ, что, очевидно, сдѣлалъ по приказу своего господина. Геродовскій же, этотъ тиранъ и мучитель человѣческій, увидя моего брата безъ собакъ, наскочилъ на него и, спросивъ: гдѣ собаки? ударилъ безъ милосердія арапникомъ брата моего по головѣ, и въ это время арапникъ концомъ своимъ вышибъ ему глазъ.

Отъ этого тиранскаго и безчеловѣчнаго удара братъ мой, полумертвый, упалъ съ клячи Геродовскаго, который приказалъ еще служкамъ своимъ избить его немилосердно арапниками по всему тѣлу. Наконецъ, видя его мертвымъ и бездыханнымъ, взвалили

Христоненавистного племени проклятий потомокъ, не вконтентовавшися, — по погребеніи отца нашего, четвертого, чили пятого дня взялъ гвалтомъ зъ дому брата моего на порошу, въ часъ тріскучихъ и незносныхъ тогда морозовъ, и, всадивши его бхляпъ на свою водовозную бербігу, далъ ему на смичі хортовъ пару. Виіхавши зась въ поле, гди роспустилъ мислівство и гди спужено пісколько зайцовъ, въ тотъ часъ еденъ служка его, Геродовского, прибігши велілъ пустити брату моему зъ смича хортовъ, якиі били въ него: знатно, учинилъ тое по приказу пана своего А Геродовскій, тиранъ и мордерца людский, не увидівши хортовъ на смичі въ брата моего, наскочилъ на него конемъ и испитавши: где хорти? ударилъ, тиранскимъ замахомъ, канчукомъ по голові того брата моего, въ який часъ канчукъ концемъ своімъ и око вилупилъ оному.

Отъ которого тиранского и безчеловічного удару гди братъ мой полумертвий зъ бербіги Геродовского упалъ на землю, теди онъ, Геродовский, еще довольно служкамъ своімъ велілъ его канчуками по всімъ тілі немилостивне зранити, а наконецъ вмісто мертвого и бездушното чело-

его брюхомъ на ту же клячу, какъ-будто мѣшокъ съ какой-нибудь пашнею, и Геродовскій велѣлъ одному изъ своихъ служекъ отвезти его къ нашему дому и бросить у воротъ, какъ негодный мертвый трупъ.

Увидѣла это многопечальная моя мать-старушка и, объятая невыразимою болью сердечною, велѣла другимъ братьямъ и сестрамъ моимъ внести въ хату нашего брата, тирански избитаго, изуродованнаго и почти бездыханнаго, и съ трудомъ могли оттереть и привести въ прежнее состояніе замороженныя руки и лицо его.

Послѣ этой тиранской чаши, изуродованный братъ мой едва черезъ нѣсколько недѣль началъ выздоравливать; но тутъ опять услышалъ отъ того жъ мучителя Геродовскаго разныя на себя похвальбы. Спасаясь отъ новыхъ бѣдствій и унося послѣднія свои силы, онъ прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, еще больной, съ тиранскими знаками на своемъ тѣлѣ [кромѣ вышибеннаго глаза], и обо всемъ, что̀ съ нимъ самимъ и съ покойнымъ отцомъ моимъ произошло и что̀ тутъ описано, принесъ всему войску Запорожскому

віка, яко міхъ съ пашне́ю якою, зрі̂нувши че́ревомъ на тую жъ бербігу свою, велілъ едному служкі своему отпрова́дити до дому нашого и предъ воро́тами яко непотребного и мертвого изринути трупа.

Що̀ многопечальная и неисказанною болізнию объятая старушка матка моя увидівши, другимъ брата́мъ и се́страмъ моімъ веліла внести до хати того тиранско убитого и скаліченого и мало въ собі духа иміючого брата нашего и зале́дво отмороженние руки и тваръ возмогли ему отвілжити и до першой приспособити битности. По якой тиранской честі, зале́дво въ кілько недель тотъ окаліченый братъ мой гди почалъ прихо̀дити до здоровья, знову почулъ на себе отъ того жъ мордэ́рці Геродовского происходячие по̀хвалки, которихъ уходячи и остатную частку здоровья своего уносячи, прибилъ тутъ до Січи Запорожской, еще хорий и знаки тиранские [кромі вибитого ока] на тілі своемъ имію́щий, и о всемъ томъ, що ся зъ нимъ и небо́жчикомъ отцемъ моімъ діяло и тутъ виражено, словесную, жалости и неутомимихъ слезъ полную, всему Войску Запорож-

словестную, жалости и неутолимыхъ слезъ полную реляцію. Узнавъ обо всемъ этомъ, не только мы, новоизбранный гетманъ, но и все войско Запорожское, подвинулись великою горестью и рѣшили единодушнымъ совѣтомъ выступить изъ коша (стану) Запорожскаго съ войскомъ на Украйну Малороссійскую, для освобожденія, при помощи Божіей, васъ, народа нашего православнаго, отъ ярма, порабощенія и тиранскаго Ляшскаго мучительства и для отмщенія нанесенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ поруганій вамъ, нашей благородно рожденной братіи и всему простому народу Русскаго племени, живущему въ Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

Поэтому вы, братія наши, прочитавъ этотъ открытый листъ нашъ, взгляните на дѣло глазами вашего разума и разсудите: не законно ли мы съ войскомъ Запорожскимъ затѣваемъ войну противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ нашихъ, и еще ли не вывели васъ изъ терпѣнія ихъ непомѣрныя на постояхъ у васъ выдумки, »окóрмы и напитки«? И неужели вамъ пріятно видѣть, какъ вашихъ отцовъ и матерей постоянно предаютъ поруганію и безче-

---

скому учинилъ реляцію, которую не тілько ми, новоóбраний гетманъ, лечъ и все Войско Запорожское жалостію великою взрýшені будучи, постановилисмо згóдною порадою и совітомъ рýшити зъ коша Запорожского зъ войскомъ на Украіну Малороссійскую для видвигнення, при помощи Божой, васъ, народа нáшого православного, отъ ярма, порабощенія и мучительства тиранского Ляховского и для отмщенія починенихъ обидъ, разореній и мучительскихъ ругательствъ вамъ, братті нашой шляхетне урожóной, и всему посполству рода Руского, въ Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Дніпра, мешкáючому.

Ви прéто, браття наше, вичитавши сей отвóристий листъ нашъ, обачте разума своего очима и уважте: если ми зъ войскомъ Запорожскимъ не слýшне затіваемъ діло военное противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ вашихъ, и если еще вамъ не допекли іхъ збиточнії на консістенціяхъ вашихъ вимисли, окóрми и напитки, и если вамъ мило видіти отцовъ и матерей своіхъ, всегда ругаемихъ и безчестимихъ, такъ-же бра-

стію, какъ вашихъ братьевъ, сестеръ и женъ тирански убиваютъ, окровавливаютъ и мучатъ, какъ ихъ на льдяныхъ ломкахъ, въ трескучіе морозы, погоняютъ и обливаютъ водою, какъ ихъ [чего не слыхано подъ солнцемъ] запрягаютъ въ плугъ, будто воловъ, и какъ ихъ Христоненавистные Жиды, по Ляшскому приказанію, бичуютъ и погоняютъ, чтобъ они хорошо тащили плугъ и голый ледъ, безъ всякой пользы, для одного смѣха и ругательства, орали и чертили! Все это и многое другое [что̀ и письмомъ выразить стыдно и неприлично] происходило и нынѣ происходитъ въ городахъ и повѣтахъ вашихъ, кратко исчисленныхъ въ началѣ этого нашего универсала.

А что̀ всего важнѣе, такъ это то, что эти непріятели наши, отступники и еретики Ляхи, стараются перемѣнить, привести къ Римскому заблужденію, обратить и насильно преклонить къ Уніи и самую хвалу Божію, которая совершается отъ начала крещенія Руси и, какъ солнце, сіяетъ въ Европѣ незыблемымъ благочестіемъ; и уже въ нѣкоторыхъ Украинскихъ городахъ есть знаки и свидѣтельства этого ихъ посягательства.

то̀въ, сѐстеръ и женъ, тиранско забиваемихъ, роскрівавляемихъ и мордуемихъ, по ломкахъ ледовихъ въ трескучі морози понуряемихъ и обливаемихъ, въ плугъ, аки воловъ [чого подъ слонцемъ не слихано] запрягаемихъ, а чрезъ Жидовъ Христоненавистнихъ, по приказу іхъ Ляховскомъ, бичуемихъ и поганяемихъ, аби добре тягли и голий ледъ безпотребне, на едно посмівиско и руганне, орали и рисовали. Що̀ все и множайшое [чого и виразити письмомъ встидно и неприлично] діялося и теперъ діется въ городахъ и повітахъ вашихъ, въ початку сего листа нашого коротко намененнихъ.

А що̀ пайбольша, же и хвала Божия, въ церквахъ православнихъ нашихъ Греко-Рускихъ отъ начала крещенія Руского отправуемая и, аки слонце, непозиблемимъ въ часті світа Европійского благочестиемъ сияющая, отъ тихъ же неприятелей нашихъ, отщепѐнцовъ и еретиковъ Ляховъ, хощетъ и усиловуется премінити и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалто̀вне преклонити; чого уже и пѐвние по нікоторихъ городахъ Украінскихъ суть знаки и документа.

Итакъ вы, братія наши, благородно рожденные козаки, живущіе въ Малороссійской Украйнѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, со всѣмъ мѣщанскимъ и сельскимъ простымъ народомъ, уразумѣвъ и обсудивъ все то, что здѣсь кратко изображено, склонитесь вашими сердцами къ нашимъ сердцамъ и желаніями вашими къ нашимъ желаніямъ и, соединясь съ нами [когда мы прибудемъ въ Украйну съ войскомъ Запорожскимъ], извольте начинать, въ полномъ вооруженіи, при всесильной помощи Божіей, со всѣмъ усердіемъ, военное дѣло противъ Ляховъ, своихъ непріятелей. И для того, покамѣсть мы прибудемъ въ Украйну, извольте готовить и кормить коней своихъ, такъ-же добывать и устроивать доброе, исправное оружіе съ надлежащимъ къ нему запасомъ, то есть порохомъ и пулями, а такъ-же заготовляйте себѣ и съѣстные походные запасы. Ляшскихъ же льстивыхъ и лживыхъ писемъ и универсаловъ никакихъ не слушайте и имъ не вѣрьте, на ложные распускаемые ими въ народѣ слухи не обращайте вниманія, и плутовства ихъ не бойтеся. И пускай васъ не устрашаетъ Кумейская война войска Запорожскаго съ Ляхами въ прошломъ году;

А такъ ви, браття наша, шляхетне урожонні козаки, по обоіхъ сторонахъ ріки Днінра, на Украіні Малороссійской жиючні, со всімъ мещанскимъ и сільскимъ посполитимъ народомъ, все тое, щò тутъ вократці написалося, зрозумівши и уваживши, преклоніте серца ваша до сердецъ нашихъ и желанія ваша до желаній нашихъ и, совокупившися зъ нами [гди зъ Войскомъ Запорожскимъ на Украіну прибудемъ], съ полнимъ оружиемъ, при всесильной помощи Божой, извольте усердно противъ Ляховъ, непріятелей своіхъ, военное зачинати діло и промислъ. Для чого, німъ ми зъ войскомъ прибудемъ на Украіну, извольте готовáти и кормити коні своі, такъ-же иміти и приспособляти доброе, исправное оружие зъ належитимъ до него припасомъ, то есть порохомъ и кулями, и харчъ собі походную потребную приспособляйте жъ. Жаднихъ тежъ Леховскихъ прелестнихъ и омáнчливихъ письмъ и універсаловъ не слухайте и імъ не вірте, и відомостéмъ іхъ лживимъ, въ народъ на устрашеніе его розсіваемимъ, ні мало не вірте, и плутовства іхъ не бойтеся. А ні Кумéйская тогорочная войска Запорожскáго зъ Ляхами война нехай васъ не устра-

ибо они ложно и несправедливо разглашаютъ, что [дѣло невозможное] будто бы они подъ Кумейками поразили на голову войско Запорожское и устлали козацкими тѣлами дорогу на полъ-мили. Еслибы это было такъ въ самомъ дѣлѣ, то съ кѣмъ бы послѣ этого Ляхи дѣлали договоръ и заключали миръ? развѣ съ мертвыми козацкими трупами? Или они то называютъ пораженіемъ войска Запорожскаго, что [да и то произошло отъ неисправности тогдашняго обознаго] отрѣзали часть козацкаго обоза съ тремя пушками? но въ людяхъ, благодаря Бога, мало нанесли вреда войску Запорожскому, ибо, по повѣркѣ того войска, оказалось убитыхъ товарищей семь-сотъ-девяносто-пять, а раненныхъ восемь-сотъ-пятнадцать. А что Ляхи говорятъ о дорогѣ, устланной на полъ-мили козацкими тѣлами, то, видно, они — или хорошо не досмотрѣлись, будучи въ воинскомъ запалѣ, чьими тѣлами покрыта наиболѣе та дорога, или лгутъ умышленно и ту свою ложь повторяютъ и разсѣваютъ въ городахъ и селахъ, для устрашенія всего народа. А мы вамъ истинно объявляемъ, что ихъ,

---

шаетъ; бо они фальшиве и неправедно розголошаютъ тое [що́ річъ есть неподобна], що будто тамъ, подъ Кумейками, на голову войско Запорожское поразили и на полъ-милі шляхъ трупомъ козацкимъ устлали. Гди жъ еслибы такъ било, то съ кимъ би они, Ляхи, тогді трактъ чинили и покой завирали? разві зъ мертвими козацкими трупами? И хиба они, Ляхи, тое описуютъ за поражку на голову войска Запорожскаго, же [и то сталося за несправностю обозного тогдашного] часть обозу козацкого зъ трома штуками арматъ урвали? а въ людехъ войска Запорожскаго мало зашкодили, благодареніе Богу; бо, по ревизіи того войска Запорожского, явилося забитихъ товариства сімъ-сотъ-девять-десятъ-пять, а раннихъ осмъ-сотъ-пятнацать. Що́ тежъ трупомъ козацкимъ Ляхи на полъ-милі у́сланій именуютъ шляхъ, то, подобно, альбо не досмотрѣлися добре, будучи въ военномъ тогда опалі, чимъ найбольшей тотъ шляхъ усланъ билъ трупомъ, альбо нарочно лгутъ и тую ложъ свою въ городахъ и селахъ, для всенародного устрашенія, произносятъ и розсіваютъ. А ми вамъ истотне ознайму́емъ, же іхъ, Ляховъ, въ-десятеро больше отъ

Ляховъ, на томъ Кумейскомъ побоищѣ пало въ десять разъ больше противъ нашего, — какъ знатныхъ родовыхъ товарищей, такъ и ихъ служекъ. Ибо, черезъ пять, или черезъ шесть недѣль послѣ той войны, два знатныхъ товарища, а третій близкій служка гетманскаго писаря, Снѣжинскій, спасаясь отъ должнаго наказанія за нѣкоторое преступленіе, прибыли въ Сѣчь Запорожскую и не только принесли всему войску словесное извѣстіе, но и на бумагѣ подали исчисленіе павшаго Ляшскаго товарищества и служекъ. Тутъ-то и обнаружилось, что съ ихъ стороны было убито двѣнадцать-тысячь-двадцать человѣкъ, кромѣ немалаго числа раненныхъ.

Поэтому, какъ выше сказано, не вѣрьте, ваша милость, братія наши, никакимъ таковымъ Ляшскимъ плевеламъ и страцаньямъ, и безъ всякаго сомнѣнія готовьтесь и снаряжайтесь къ соединенію съ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ нихъ. Однакожъ дѣлайте свои приготовленія тайно и невѣдомо, и читайте эти наши листы между собою подъ присягою, втайнѣ, среди людей добрыхъ, надежныхъ и желающихъ всякаго блага сво-

---

нашихъ на той Кумейской войнї пало трупомъ, зна́чного рядового товариства и служокъ іхъ; понéважъ въ пять, чили въ шесть неділь по войні оной два товариші зна́чнихъ, а третій близкий служка писара гетманского, Сніжинский, уходячи за свое певное проступство належитого карання, прибили до Січи Запорожской и не тілько словесную всему войску учинили реляцію, але и на письмі подали изчисленіе побитого Ляховского товариства зъ служками, где показалося число палихъ труповъ дванадцать тисячъ и двадцать человіковъ, кромі раннихъ, тожъ числа немалого.

Пре́то, яко више наменилося, не вірте ваша милость, браття наша, жаднимъ таковимъ Ляхо́вскимъ плевелемъ и пострахамъ и безъ жадної вонтпли́вости готуйтеся и прибірайтеся въ совокупленіе зъ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ іхъ. Однакъ тотъ приборъ свой чиніте скрито и невідомо, и сії листи наші между собою вичитуйте подъ присягою, тайно, межъ людьми своіми добрими, поуфа́лими и всего до-

ему упадающему Малороссійскому отечеству. Козаковъ же реестровыхъ, выродковъ и отступниковъ нашихъ, незаботящихся, ради собственной прибыли и частныхъ выгодъ, объ упадкѣ отечества, берегитесь и опасайтесь, какъ ядовитой ехидны; ибо, какъ только они объ этихъ листахъ и о намѣреніи войска Запорожскаго провѣдаютъ и извѣстятъ о томъ Ляховъ, лживыхъ пановъ своихъ, то наши военные интересы тотъ-часъ пострадаютъ въ своихъ успѣхахъ и придутъ [чего не дай Боже] къ вредному концу, а васъ постигнутъ жестокія мученія отъ Ляховъ, на допросахъ объ этихъ листахъ. Ибо и Кумейская война съ Ляхами, не по чему иному, какъ только по простотѣ и неосторожности братьи нашей, живущей въ своихъ домахъ, навлекла, хотя и не великое, безчестіе и безславіе войску Запорожскому; такъ какъ подобные симъ нашимъ листы тогдашняго гетмана Запорожскаго, пущенные въ Малороссійскій народъ, вскорѣ попали, мимо своего назначенія, въ руки реестровымъ козакамъ, а отъ нихъ Ляхамъ, и они, узнавъ ихъ содержаніе, постигли вполнѣ, какъ предупредить угрожаю-

---

бра упадаючой отчизні своей Малороссійской желаючими. А козаковъ реестровихъ, отродковъ и отщепенцовъ нашихъ, для власнихъ іхъ користей и приватъ своіхъ, о упадокъ отчизни недбаючихъ, яко ядовитой ехидни стережітеся и крийтеся: бо, скоро би тілько они о сіхъ листахъ и о намірении Войска Запорожского провідали и Лехамъ, обманчливимъ панамъ своімъ, о томъ извістили, то заразъ би интереса наши военние мýсили въ своіхъ прогресахъ шванковати и до непомисльнихъ [чого не дай Боже] скýтковъ прихóдити; а вамъ би окрýтние нанеслися мордéрства отъ Ляховъ, о сіхъ листахъ нашихъ допитуючихся. Гди жъ и Кумейская война зъ ними, Ляхами, отправленная не для чого иного, только для простоти и неосторожності братті нашой, въ домахъ своіхъ жиючой, наволокла, хочай не великое, войску Запорожскому безчестіе и неславу, же листи тогдашного гетмана Запорожского, въ народъ Малороссійский посланние, сімъ листамъ нашимъ подобние, вскорі неналéжне досталися рукамъ козаковъ реестровихъ, а отъ іхъ Ляхамъ, которихъ они силу зрозумівши, научилися совершенно, якъ запобігти наступаючому злу свое-

щую имъ бѣду и какъ сдѣлать отпоръ предпріятію войска Запорожскаго. И потому мы убѣдительно и горячо просимъ и совѣтуемъ вамъ приготовляться къ наступающей войнѣ, а отъ козаковъ реестровыхъ, враговъ своихъ и истинныхъ губителей нашего отечества, все то, что̀ тутъ изложено, какъ отъ злой искры, беречься. Уповайте на милость Божію, покаравшую и помиловать насъ, грѣшныхъ, готовую. Чего всеусердно желая, надѣемся васъ, братій нашихъ, вскорѣ видѣть и привѣтствовать на Украйнѣ, здоровыхъ и радостныхъ.

Данъ изъ стана войска Низового Запорожскаго отъ Базавлука, отъ Рождества Господня 1638 года, марта 20.

Остря́нинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою.

му и який учинити встрентъ импре́зі войска Запорожского. И повто́ре те́ди пильно и горячо жадаемъ и совітуемъ до войни наступаючой прибіратися, а козаковъ реестровихъ, недруговъ своіхъ и згубцовъ отчизни нашой власнихъ, зъ тимъ всімъ, що̀ ся тутъ виразило, яко искри злой, стерегтися И уповайте несумінно на милость Божію, покаравшую и помиловати насъ, грішнихъ, готовую; чого всеусердно жи́чачи, желаемъ васъ, братью нашу, здоровихъ и радостнихъ, въ совокупленні зъ собою вскорі на Украіні оглядати и вита́ти.

Данъ зъ табору войска Низового Запорожского, отъ Базувлука, року отъ Рождества Христова 1638, марта 20.

Остра́нинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою. (M. B. Z.)

ЗАМѢЧАНІЯ М. А. ГРАБОВСКАГО.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя эти замѣчанія на судъ Русской публики, считаю нужнымъ сказать, что они были высказаны мнѣ г-мъ Грабовскимъ сперва изустно, послѣ совмѣстнаго нашего чтенія приложеннаго здѣсь универсала гетмана Остряницы. Взглядъ на него Поляка и католика заинтересовалъ живѣйшимъ образомъ потомка козацкаго. Между понятіями XVII и XIX вѣка большая разница; тѣмъ не менѣе, однакожъ, каждый изъ насъ ведетъ преемство мысли и чувства отъ своихъ предшественниковъ. Вражда между двумя племенами кончилась; самыя причины вражды, въ глазахъ истинно просвѣщенныхъ людей, давно не существуютъ. Мы бесѣдуемъ теперь мирно о кровавыхъ дѣлахъ нашихъ предковъ, и единственное побужденіе нашихъ споровъ (если они иногда возникаютъ) есть желаніе уразумѣть истину. Чтобъ уразумѣть ее, мы должны терпѣливо и съ глубокимъ вниманіемъ выслушивать чужія мнѣнія, какъ бы они ни были противоположны нашимъ. Съ этой цѣлью помѣщаю, безъ всякихъ исключеній, сужденія Польскаго критика нашей старины, изложенныя имъ, по моей просьбѣ, на бумагѣ и переведенныя мною для Русскихъ читателей. Въ чемъ я съ нимъ не согласенъ, о томъ сказано ниже, въ особой статьѣ; а судить, кто изъ насъ ближе къ истинѣ, предоставляется просвѣщеннымъ людямъ обѣихъ націй.

Документъ этотъ (говоритъ г. Грабовскій объ универсалѣ гетмана Остряницы) до сихъ поръ оставался вовсе неизвѣстнымъ. Онъ написанъ за десять лѣтъ до знаменитаго универсала Хмѣльницкаго, которому послужилъ образцомъ, будучи, въ свою очередь, составленъ по образцу прежнихъ прокламацій. Изъ него мы видимъ, что причиною народнаго возстанія въ Украйнѣ, подъ предводительствомъ Остряницы, или лучше сказать — искрою вспышки козацкаго возмущенія, послужила частная обида, такъ точно какъ и въ великомъ возстаніи, которое подпялъ потомъ Хмѣльницкій. Тиранство, претерпѣнное отцомъ и братомъ гетмана Остряницы, изложено въ этомъ универсалѣ очень подробно и характеризуетъ тогдашнихъ Поляковъ и Малороссіянъ. Дѣйствительно ли было поступлено съ Остряницами такъ безчеловѣчно? въ этомъ удостовѣряютъ насъ языкъ и подробности изложенія: все въ нихъ показываетъ, что лица и произшествія списаны съ натуры; не возможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки. Но еслибы мы и усомнились въ его подлинности, то самый порядокъ вещей во времена Остряницы, извѣстный намъ изъ разнородныхъ источниковъ, заставилъ бы насъ признать его несомнѣннымъ. Буйство и безурядица военнаго сословія въ старой Польшѣ, къ несчастью, слишкомъ хорошо намъ памятны. Постои Польскихъ *жолнѣровъ* въ городахъ и селахъ сопровождались всегда величайшимъ самоуправствомъ, драками и угнетеніемъ жителей. Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ и въ памятникахъ литературныхъ, а всего болѣе въ постоянныхъ взываніяхъ войсковыхъ и гражданскихъ проповѣдниковъ, которые гремѣли противъ преступленій, увѣщевали жолнѣровъ образумиться, грозили Божескою карою, которая именно за то можетъ поразить все королевство, и изображали ее съ такой опредѣленностью, въ такихъ вѣрныхъ послѣдовавшимъ событіямъ чертахъ, какъбудто исполнены были пророческаго духа. Подобныя обиды и притѣсненія военные люди дѣлали мирнымъ жителямъ по всей Польшѣ, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на Украйнѣ они распоряжались точно такъ же, а можетъ быть, еще и хуже того.

Въ провинціи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной, населенной народомъ иноплеменнымъ и иновѣрнымъ, Польскій жолнѣръ, безъ сомнѣнія, становился еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ, а его насилія здѣсь тѣмъ сильнѣе ожесточали жителей, что сравнительно богатый, вольный и почетный въ своемъ обществѣ Украинецъ переносилъ ихъ съ меньшимъ терпѣніемъ, нежели совершенно подавленый *пахо́локъ* Польскій. Русинъ, поселившійся на *крулевщинѣ* (землѣ королевской, казенной), или живущій въ собственномъ хуторѣ, имѣвшій сына, или брата въ реестровомъ козацкомъ, или Запорожскомъ войскѣ и потому самому считавшій себя уже не простымъ человѣкомъ, но родовымъ козакомъ, *шляхетно* (благородно) *урожденнымъ*, или *хоро́шого ро́ду*, какъ до сихъ поръ величаютъ себя иные изъ Малороссійскихъ простолюдиновъ, — смотрѣлъ на всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ отъ жолнѣра, или даже отъ начальника жолнѣровъ, какъ на оскорбленія отъ равнаго равному, какъ на вопіющую несправедливость, и сопротивлялся всякому насилію до тѣхъ поръ, пока видѣлъ какую-нибудь къ тому возможность. Съ своей стороны Польскій жолнѣръ, не признавая въ самомъ почетномъ и заслуженомъ козакѣ шляхетскаго достоинства, которымъ самъ онъ гордился, упорно стоялъ на томъ, что всякой козакъ есть *хлопъ* (мужикъ), называлъ предъявленіе съ его стороны правъ своихъ наглостью, оскорблялся, сердился и, если былъ въ душѣ негодяй, или, какъ случалось чаще всего, пьяница и буянъ, то позволялъ себѣ съ нимъ самыя низкія жестокости. Такъ именно поступилъ Геродовскій съ семействомъ Остряницы, и я тѣмъ менѣе расположенъ оспаривать возможность подобныхъ насилій и сумасбродствъ жолнѣрскихъ, что они всего болѣе объясняютъ мнѣ роковую вспышку вражды между Украйной и Польшей при Хмѣльницкомъ.

Въ универсалѣ своемъ, Остряница всего больше распространился о тяжести *консистенціи* Ляховъ, то есть постоевъ коронныхъ войскъ въ Украйнѣ. То же самое выражается въ оргинальныхъ современныхъ лѣтописяхъ, въ разныхъ другихъ памятни-

кахъ тогдашняго времени и въ народныхъ преданіяхъ. Но позднѣйшія, такъ называемыя ученыя исторіи Польско-козацкихъ войнъ, не только Великорусскія и Малороссійскія, но и Польскія [которыя въ нелѣпостяхъ и поверхностности не уступаютъ никакимъ другимъ], изображаютъ этотъ фактъ въ неясныхъ, сбивчивыхъ чертахъ и, разсказывая даже дѣйствительныя событія, придаютъ имъ иное значеніе. Говоря въ общихъ выраженіяхъ о Польскомъ игѣ, о гнетущемъ господствѣ Поляковъ на Украйнѣ, они наводятъ на мысль, что будто-бы Украйну угнетало Польское правительство, или по крайней мѣрѣ владѣльцы Украинскихъ имѣній. Что̀ касается до правительства, то смѣло можно сказать, что преднамѣренной идеи угнетенія Украйны оно никогда не имѣло и имѣть не могло. Оставляя въ сторонѣ вопросъ: какъ надобно понимать самыя слова *Польское правительство*, когда говорится о политическомъ тѣлѣ, называвшемся Рѣчью Посполитою Польскою? скажу только, что — чѣмъ бы его ни воображали — оно смотрѣло на Украйну, какъ на другія свои провинціи, и, не дѣлая никакой между ними разницы, поступало, относительно ея, на основаніи общаго всему королевству законоположенія. Что̀ же касается до угнетенія народа отъ владѣльцевъ имѣній, то этого никакъ не слѣдуетъ представлять себѣ по современнымъ нашимъ понятіямъ объ угнетеніи. Все въ тѣ времена было иначе, нежели теперь въ Малороссіи. Украинскія деревушки находились тогда совершенно въ иныхъ гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, нежели нынѣшнія села къ помѣщикамъ. Сельское хозяйство, въ смыслѣ извлеченія разнообразныхъ доходовъ, далеко не достигло еще тогда современнаго намъ развитія; да и не для чего было тогда панамъ принуждать народъ къ тяжкимъ трудамъ, такъ какъ потребности ихъ — говоря вообще — ограничивались домашнимъ избыткомъ, а вкусъ въ одеждѣ и въ устройствѣ домовъ былъ очень постояненъ. Если кому угодно удостовѣриться въ этомъ изъ документовъ, то достаточно указать на инвентари XV и XVI столѣтій. Не утверждаю, чтобы и въ тѣ времена не было поводовъ къ жалобамъ, и къ жалобамъ справедли-

вымъ. Попадался конечно въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ строгій *дѣдичъ*; попадался любитель иноземной роскоши, обременявшій своихъ »подданныхъ« непомѣрными налогами за предоставленную имъ землю ([1]); попадался управитель, обиравшій и притѣснявшій поселянъ; въ-слѣдъ за шляхтой, вторгались въ Украйну Жиды, обманывавшіе мужика, указывавшіе шляхтичу источникъ доходовъ неправый, или для народа обременительный. Но все это не составляло еще того, что́ можно было бы назвать систематическимъ повсемѣстнымъ *угнетеніемъ*. Смѣю сказать утвердительно, что ни административнаго гнета, ни гнета, проистекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, быть не могло. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать добра, которое сдѣлали Украйнѣ Поляки. Литвины прогнали изъ этой страны Татаръ; Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили. Изъ несомнѣнныхъ мѣстныхъ документовъ можно удостовѣриться каждому, до какой степени онѣ были безлюдны въ близкое къ Гедимину время. Король Александръ, король Казимиръ Ягеллонъ жаловали иногда какому-нибудь князю, или рыцарю, здѣшнія земли въ границахъ отъ Синюхи до Ты́кича и отъ Роси до устья Тя́смина, и на нихъ всего только двоихъ, троихъ подданныхъ. Прошло сто, или полтораста лѣтъ, и Украйна дѣлается страною многолюдною. Самыя войны Хмѣльницкаго свидѣтельствуютъ о чрезвычайной ея населенности. Очевидно, что эти войны могли вспыхивать только въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ богатъ, можно даже сказать свободенъ, и раздраженъ только такими единичными, или мѣстными обидами, о какихъ мы только-что говорили.

([1]) Къ этому факту относится воспоминаніе козацкаго проповѣдника XVII вѣка, который говоритъ: »... що рокъ, що и́нші (подати) змисляли и видирали, не пораховавшися зъ сумніниемъ: если его посадилъ на та́ковимъ грунті и жеби мілъ чимъ виплачовати таковие пода́тки? А хочай-би грунтъ бувъ и найлі́пший, хто наспори́тъ на фу́хи его Влоские? которий ба́рзій приправляетъ потра́ви, ніже́ли князь Гданский; которий ліпше хочетъ цорку (дочь) свою упстри́ти (изпестрить) и устроіти (нарядить), ніже́ли видівъ ве Вло́шехъ!« См. ***Южнорусскія Лѣтописи,*** изд. Н. Бѣлозерскимъ, стр. 154.

Обиды эти всего больше происходили отъ жолнѣрскаго сумасбродства и самоуправства. Современные письменные памятники указываютъ на это самымъ выразительнымъ образомъ, и я ужъ сказалъ, что, въ моихъ глазахъ, ничтò тому не противорѣчитъ. Необузданность жолнѣровъ, буйство шляхты и всеобщая страсть къ попойкамъ должны были дѣлать постои войскъ на Украйнѣ очень тягостными; но, кромѣ наглости и грабительства, важную роль должнò было играть здѣсь еще распутство постояльцевъ. Вспомнимъ думу о Бѣлоцерковскомъ мирѣ ([1]), въ которой *Ляхъ, мостúвий панъ,* овладѣваетъ козацкою женою. Это вѣрная живопись съ натуры; и такихъ продѣлокъ, такихъ соблазновъ и насилій въ этомъ смыслѣ было, безъ сомнѣнія, слишкомъ много; а чтò могло больше этого раздражать Украинцевъ? Въ другихъ частяхъ королевства подобныя оскорбленія со стороны военныхъ людей, наносимыя безоружному обывателю, сносились терпѣливо, или по крайней мѣрѣ оставались безъ кровавыхъ послѣдствій. Но Украйна не была страною безоружною, и виновные неизбѣжно подвергались здѣсь скорому и вѣрному мщенію. Украинскій народъ имѣлъ свое родное войско — на Запорожьи. Каждая претерпѣнная имъ обида отзывалась въ сердцахъ Запорожскихъ *брáтчиковъ;* каждая справедливая, или преувеличенная жалоба, достигнувъ Низовыхъ степей и луговъ, принималась тамъ съ вѣрою и возбуждала негодованіе. Всѣ мы давно ужъ знаемъ, что Запорожье поднялось по случаю частныхъ обидъ, нанесенныхъ Хмѣльницкому Польскими урядниками. Теперь универсалъ Остряницы представляетъ намъ новый и убѣдительный примѣръ, какъ частное тиранство какого-то буяна Геродовскаго навлекло мщеніе степныхъ рыцарей на всю Рѣчь Посполитую. Умы были раздражены жолнѣрами и другими буйными лицами. Украинцамъ казалось, что и подъ солнцемъ не было другой страны, въ которой бы совершались подобныя жестокости. Не доставало только отважныхъ предводителей для возстанія, и лишь только являлся

([1]) См. т. I, стр. 51, «Записокъ о Южн. Руси».

между ними человѣкъ надежный и рѣшительный, возстаніе вспыхивало, какъ порохъ отъ искры.

Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ дѣйствительныхъ поводовъ къ разрыву между Южною Русью и Рѣчью Посполитою. Кромѣ Запорожцевъ, въ Украйнѣ существовало другое народное, почти регулярное войско: *козаки реестровые,* или иначе—*городовые козаки*. Вспомнимъ, что Остряница говоритъ о нихъ, какъ объ отступникахъ родины, которые, ради частныхъ корыстныхъ видовъ своихъ, потакаютъ Ляхамъ въ притѣсненіи соотечественниковъ. Возбуждая Украйну къ возстанію, онъ не дѣлаетъ и попытки къ возмущенію реестровыхъ козаковъ. Они стояли еще крѣпко за Поляковъ. Хмѣльницкій съумѣлъ поколебать ихъ убѣжденія, и этимъ объясняется неудача одного и торжество другого; но изъ этого такъ-же видно, что реестровые козаки не могли долго оставаться на сторонѣ Поляковъ: поворотъ ихъ противъ Поляковъ былъ, можно сказать, неизбѣженъ. Стефанъ Баторій создалъ, или по крайней мѣрѣ организовалъ козацкое войско. Всѣ его за то хвалили, и справедливо; ибо велика была мысль—защитить боевымъ народомъ восточныя границы государства; но исполненіе этой мысли, вмѣстѣ съ пользою, вело и къ великой опасности. Въ наше время гражданскаго порядка и спокойствія можно устроивать, не опасаясь вредныхъ послѣдствій, военныя поселенія, какъ въ Россіи, и пограничные полки, какъ въ Австріи; но въ тѣ времена порядокъ вещей былъ иной. Всюду, и особливо у козаковъ, духъ былъ еще неукрощенъ и бурливъ. Козаки образовались изъ самовольныхъ наѣздниковъ на бусурманскія земли и, будучи призваны правительствомъ къ отраженію невѣрныхъ отъ Польскихъ границъ, считали себя посвященными на вѣчную войну съ Татарами и Турками, на войну вездѣ и во всякое время. Поэтому, въ случаѣ войны, ничего не было для Поляковъ полезнѣе этого ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею. А надобно помнить, что тогдашняя Турція была не то, что̀ она теперь, и великимъ было безразсудствомъ задѣвать ее

Польшѣ безъ причины, или въ неблагопріятную пору. Вспомнимъ, что все Христіянство трепетало тогда предъ полумѣсяцемъ и что онъ держалъ въ постоянномъ страхѣ не только Вѣну, но едва ли и не всю Италію. Польша, передовое укрѣпленіе Христіянства, должна была стоять на своемъ постѣ съ сердцемъ безстрашнымъ, но и съ напряженнымъ вниманіемъ; и потому козацкое *лицáрство* не одинъ разъ приводило Рѣчь Посполитую въ большое затрудненіе. Отважное *отамáнье* и беззаботное *товарúство* помышляло только о томъ, чтобы разгуливать въ степи и разносить по всему свѣту козацкую славу, а весь Польскій народъ долженъ былъ отвѣчать за это. Козацкіе набѣги сухимъ путемъ, или водою доставлявшіе козакамъ добычу и потѣху, а бандуристамъ новые предметы для думъ, вызывали взаимное вторженіе въ Польскія земли Татарскихъ ордъ, или влекли за собой настоящую войну съ Оттоманскою Портою. Правительство принуждено было, поэтому, умѣрять военный жаръ козаковъ и принимать мѣры, чтобы корпорація, созданная Баторіемъ для обороны государства, не обратилась на его пагубу; а эти мѣры казались козакамъ произвольнымъ гоненіемъ. Степные рыцари не вдавались въ политическія разсужденія и не понимали, или не хотѣли понимать, поступковъ Польскаго правительства. Они не обинуясь называли эти поступки нарушеніемъ своихъ правъ, обидами и угнетеніемъ. Весьма естественно, что назначаемые Поляками гетманы и полковники изъ шляхты обращались съ козаками черезъ-чуръ строго, самовластно, надменно [на это есть жалобы въ современныхъ памятникахъ]; но то были уже случайности, отъ правительства независѣвшія. Люди во всякое, самое святое дѣло вносятъ свои страсти и недостатки. Лишь только начались столкновенія между собой противоположныхъ стремленій и намѣреній, лишь только дошло до необходимости обуздывать и ограничивать свободу козаковъ, что̀ они объясняли себѣ только правомъ сильнаго; то и взаимныя между обѣими сторонами отношенія естественно дѣлались всё болѣе и болѣе непріязненными; а дѣйствующія лица съ обѣихъ сторонъ, пустивъ въ ходъ свои личныя по-

бужденія и чувства, довели ту и другую сторону до послѣдняго ожесточенія.

Итакъ, во времена Остряницы, козацкое войско было недовольно правительствомъ, а народъ сносилъ съ величайшимъ негодованіемъ постои Польскихъ хоругвей въ городахъ и селахъ Украинскихъ. Вообразивъ себя въ положеніи тогдашняго козачества и народа, мы вполнѣ поймемъ, что они легко могли возстать противъ Польши; но мы обязаны имѣть такое же сочувствіе и къ другой сторонѣ, мы обязаны уразумѣть побужденія Польскаго правительства и не взводить на него преступленій, которыхъ оно не дѣлало. Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду: почему знаменитые Южно-Русскіе патріоты, какъ Острожскій, Вишневецкій, Кисѣль, и вообще все дворянство Южной Руси, дворянство большею частью родовое Русское и православное, или »благочестивое«, держали сторону Поляковъ? Что̀ ни говори, а Украинскія смуты были не что̀ иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война. Неужели между Украйной и Польшей не было никакой разумной внутренной связи? Провидѣніе не отдѣлило родовъ другъ отъ друга опредѣленными границами, и гдѣ та земля, на которую кто-нибудь предъявитъ въ наше время *право перваго займа?* Видно, для самого счастья людей, необходимо имъ существовать въ связяхъ политическихъ и въ связяхъ одного рода съ другимъ; и, такъ какъ мы признаемъ за другими политическими системами право держать въ соединеніи разноплеменныя части государства, то надобно признать и право господства Польши надъ Украйной. Это господство не было ни у кого похищено, ни отнято силою — развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны Польши не завоеваніемъ, не порабощеніемъ, а, напротивъ, *освобожденіемъ* этой земли. Отнятыя у Азіятскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни Поляки мало-помалу населили, упрочивъ безопасность Русичей, остававшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байра̀кахъ, и заохотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину. Да-

же первоначальный раздѣлъ поземельной собственности, сопровождаемый въ другихъ странахъ (напримѣръ въ Англіи) вопіющею несправедливостью, здѣсь не былъ запечатлѣнъ ничьей потерею; ибо кто владѣлъ имѣніями въ Украйнѣ? князья *Южно-Русскіе*, дворянсто *Южно-Русское*, возвратившіеся изъ скрытныхъ и отдаленныхъ мѣстъ, куда загнали ихъ Татары. Если же владѣли Поляки, то имъ доставались отъ Литовскихъ князей и Польскихъ королей, естественныхъ господъ безлюдныхъ пустынь, земли *незаселенныя*, и доставались не иначе, какъ съ опредѣлительно выраженною [и въ-послѣдствіи выполненною] обязанностію *заселить* ихъ. Противъ этого сказать нечего, ибо доказательства на лицо, хотя Великорусскіе, Малороссійскіе и вѣчно наравнѣ съ ними Польскіе историки, въ своихъ сочиненіяхъ, представляютъ Польскую шляхту какими-то бродягами. Всѣ они описываютъ съ какимъ-то восхищеніемъ изгнаніе Ляховъ изъ Украйны, какъ-будто Украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что̀ еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что поднятая козаками къ возстанію чернь, въ-слѣдъ за ненавистными ей жолнѣрами, прогнала и своихъ родовыхъ пановъ, и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ, *Ляхами*, *Недоляшками* и *ополячившимися панами* были не только военные люди Рѣчи Посполитой, не только необузданные своевольники и буяны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что̀ заграбить. Естественно послѣ этого, что вся Польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ собратій изъ Южно-Русскихъ провинцій и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмѣльницкаго взбунтовавшимися мужиками. Я не вступаюсь ни сколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія, но, изъ уваженія къ исторической истинѣ, желалъ бы установить какія-нибудь общія оправданія и обвиненія, какъ одной, такъ и другой стороны. При тогдашнемъ порядкѣ вещей, разрывъ между Польшей и Южной Русью былъ неизбѣженъ: понесенныя, или, лучше сказать, почувствованныя козаками обиды, вмѣстѣ съ дру-

гими, возбужденными въ нихъ до энтузіазма, страстями, должны были произвести возстаніе; но какъ козаки не обличили Поляковъ въ посягательствѣ на дѣйствительныя права свои, такъ точно не признавали за ними никакихъ правъ и заслугъ относительно своей родины. Мы должны стоять выше козацкой логики и видѣть въ представителяхъ Польско-Русскаго дворянства людей, по крайней мѣрѣ съ такою же долею врожденной правдивости и здраваго смысла, какую приписывали себѣ козаки.

Къ сожалѣнію, Польско-Украинская исторія до сихъ поръ не отличается ни безпристрастіемъ, ни точнымъ знаніемъ трактуемаго предмета. Я ужъ сказалъ, что господство Польши надъ Украйной было справедливымъ; теперь прибавлю — чего никто до меня не произносилъ — что оно было *благотворнымъ*. Это новое мнѣніе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состояніе Украйны до Хмѣльницкаго, ея населенность и богатство говорятъ о томъ слишкомъ убѣдительно. Политическое господство всегда чѣмъ-нибудь оправдывается, но чего ничтó и никогда не оправдываетъ, такъ это посягательство на какую бы то ни было народность, на какія бы то ни было обычаи, языкъ и внутреннюю жизнь народа. Смѣло можно сказать, что Поляки не дали никакого повода обвинять себя въ такомъ посягательствѣ. Польскіе законы извѣстны и доступны каждому : никто не найдетъ въ нихъ никакого, даже и отдаленнаго намѣренія подавить Южно-Русскую народность. Духъ подавленія другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ, единственную силу политической системы соединенія разноплеменныхъ провинцій составлялъ у нихъ духъ терпимости и какой-то великодушной гордости, которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь чтó-нибудь, но заставляла еще придавать что-нибудь отъ себя, и это всего яснѣе выражается въ добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшею. Вліяніе Поляковъ на первоначальное образованіе Запорожскаго братства [на чтó есть много указаній] и устройство потомъ козацкаго ополченія [фактъ, давно ужъ признанный исторіею] доказываютъ, что Поляки даже слишкомъ неблагоразумно были спокойны на счетъ развитія самостоя-

тельной Украинской народности. А Малороссійскіе этнографы могли бы представить и другія доказательства. Они безпрестанно открываютъ прекраснѣйшія проявленія Южно-Русскаго духа въ народныхъ понятіяхъ, въ пѣсняхъ и обычаяхъ, хотя и смѣшанныя съ *Польщизною,* но такъ мирно, такъ гармонически, что эти проявленія почти столь же дороги для Поляка, какъ и для Малороссіянина. Такое развитіе духовной жизни въ Южной Руси не иначе могло совершиться, какъ подъ вліяніемъ любви и свободы.

Итакъ не правительство Польское виновато въ ожесточеніи Украинцевъ противъ Поляковъ и въ разрывѣ между двумя народами. Первымъ поводомъ къ тому было безчинство жолнѣровъ; но уничтожить этого безчинства не было въ то время никакой возможности: оно было такимъ же бѣдствіемъ во внутреннихъ провинціяхъ королевства, какъ и на пограничьяхъ. Вторымъ — были строгія мѣры къ обузданію козаковъ; но правительство было вынуждено къ нимъ политическою необходимостью. Раздраженный тѣмъ и другимъ, Украинскій народъ видѣлъ со стороны правительства притѣненіе и насиліе во всемъ, что̀ отъ него ни исходило. Такое именно значеніе придалъ онъ и его желанію соединить Южно-Русскую Церковь съ Римскою. Эту несчастную *унію* предали проклятію и Малороссіяне, и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго и разсмотрѣнія. Я не могу здѣсь о ней распространиться, ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачею уніи было *устройство іерархіи,* а не *перемѣна вѣроисповѣданія*. Но, принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа, и какъ она появилась въ самую пору несогласія убѣжденій и раздраженія страстей, то естественно доставила новое, сильное побужденіе къ разрыву между Поляками и Русинами. Она служила знаменемъ, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятіяхъ предпринимаемое возстаніе. Самъ Остряница, въ возмутительномъ своемъ универсалѣ, упоминаетъ о ней въ общихъ выраженіяхъ, не приводя никакихъ фактовъ, ко-

торые бы, въ глазахъ народа, были такими вопіющими событіями, какъ тиранство Городовскаго, или ему подобныхъ пьяницъ и негодяевъ надъ козацкимъ семействомъ; а между тѣтъ говоритъ, что это самое нестерпимое притѣсненіе со стороны отступниковъ, еретиковъ и непріятелей народныхъ, Ляховъ. (¹)

Вотъ нѣсколько мыслей о Польско-Украинской старинѣ нашей, возникнувшихъ у меня по прочтеніи универсала Остряницы. Онѣ давно уже образовались въ умѣ моемъ изъ другихъ историческихъ источниковъ; открытіе этого новаго для всѣхъ насъ документа только ихъ подтвердило.

(¹) «А що *найбольша* (а что всего важнѣе), же и хвала Божія въ церквахъ православнихъ нашихъ.... отъ сіхъ же неприятелей нашихъ, отщепéнцовъ и еретиковъ Ляховъ, хощетъ и усилóвуется премінити и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалтовне преклонити; чого уже и певние по нѣкоторихъ городахъ Украінскихъ суть знаки и документа.»

ЗАМѢЧАНІЯ ИЗДАТЕЛЯ.

Польскій критикъ нашего прошедшаго имѣетъ, въ моихъ глазахъ, особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ внѣ нашего круга понятій и дошелъ до уразумѣнія исторической истины путемъ, противоположнымъ нашему. Все, что онъ говоритъ о Польско-Украинской старинѣ, освѣщаетъ для насъ — или по крайней мѣрѣ для пишущаго эти строки — давно исчезнувшую жизнь съ новой стороны и чрезъ то даетъ намъ возможность взглянуть на нее съ свѣжимъ, оживленнымъ вниманіемъ. Но. вглядѣвшись въ совокупность явленій Польско-Украинской исторіи, мы увидимъ, что, излагая свои мысли, почтенный авторъ содержалъ въ умѣ своемъ не всѣ условія общественной жизни Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Отъ-того раздраженіе умовъ Украинскаго простонародья противъ всего шляхетскаго, при богатствѣ края, при сравнительной незначительности работъ на помѣщика, не вполнѣ еще для насъ понятно. Отъ-того и самъ г. Грабовскій впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе, говоря, что »для Украинцевъ *Ляхами, Недоляшками* и *ополячившимися панами* были всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить.«

Въ концѣ второй статьи этого тома »Записокъ о Южной Руси« (стр. 139—141) я высказалъ мысль о правѣ сильнаго, господствовавшемъ въ Польшѣ повсемѣстно, принятомъ и какъ-бы узаконенномъ повсемѣстно, и о равнодушномъ презрѣніи, съ которымъ смотрѣли Поляки на положеніе чернорабочаго сословія въ государствѣ и на его будущность. Порицая жолнѣрское самоуправ-

ство и безнаказанность шляхетскаго буйства, г. Грабовскій этимъ самымъ соглашается съ моимъ мнѣніемъ о внутреннемъ порядкѣ дѣлъ въ старой Польшѣ. Онъ можетъ возразить, что шляхта была слишкомъ горда въ своей массѣ и не позволяла проявляться въ отношеніи къ себѣ праву сильнаго. Такъ, оно было сдерживаемо общественнымъ мнѣніемъ и готовностью каждаго обнажить саблю за нарушеніе шляхетскихъ правъ; но сама же шляхта, служа, по заведенному искони обычаю, при дворахъ богатыхъ и знатныхъ собратій своихъ, помогала имъ приводить въ исполненіе самыя вопіющія посягательства на имущество сосѣдей, на мѣста, заслуженныя другими, и на самыя опредѣленія сеймовъ и сеймиковъ. Гордясь своимъ шляхетскимъ равенствомъ съ могущественнѣйшими магнатами въ государствѣ, она допускала ихъ захватывать въ свои руки обширнѣйшія помѣстья, на правахъ наслѣдственныхъ старо́ствъ и потомственныхъ пожалованій со стороны управляемаго ими короля. Духъ магнатской гордости сообщался тѣмъ, которые, будучи сами важными сановниками, служили у нихъ *при дворахъ* марша́лками, кравчими и т. п. Каждый въ своемъ домѣ и въ своемъ кругу былъ тотъ же магнатъ въ отношеніи къ своимъ кліентамъ, презрительно-великодушный и повелительно-благосклонный; каждый держалъ открытый столъ для званныхъ и незванныхъ гостей, давалъ средства къ обогащенію болѣе мелкой шляхтѣ и готовъ былъ поднять домашнюю войну съ сосѣдомъ изъ-за малѣйшей неуступчивости въ дѣлѣ, или словѣ. Такая іерархія слугъ, которые преклонялись передъ надменными своими покровителями, льстили имъ и объѣдали ихъ, іерархія враговъ каждаго, кто осмѣлился посмотрѣть косо на *пана*, не имѣя на то іерархическаго права, нисходила до послѣдняго прислужника, носившаго при боку шляхетскую саблю (¹), и наконецъ упиралась въ народъ, чуждый шляхетскихъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе

(¹) Въ «Pamiętnikach Domowych», изданныхъ М. Грабовскимъ, старосвѣтскій шляхтичъ Боре́йко говоритъ: «Надобно отдать справедливость панамъ, что они окружали себя только шляхтою, отъ самой высшей до самой низшей комнатной прислуги.» (Стр. 50.)

гордый сознаніемъ человѣческихъ правъ своихъ, именно — въ народъ Украинскій. Что ни говори, но если Поляки и Южно-Русскіе родовые паны, при всей своей благонамѣренности относительно Малороссіи, довели ее до непримиримой къ себѣ ненависти и возбудили въ главной массѣ ея населенія самую дикую злость, продолжавшуюся до временъ Чуприны и Чортоуса ([1]); то виноваты въ этомъ не столько жолнѣры съ своими постоями, не столько козаки, раздраженные стѣсненіемъ своей свободы, сколько господствовавшія въ Польскомъ обществѣ понятія и, въ слѣдствіе понятій, правила поступковъ, которыми сознательно и безсознательно руководствовалась, относительно козаковъ и Украинскихъ поселянъ, каждая шляхетская личность въ Польской Рѣчи Посполитой. Мы соглашаемся съ г. Грабовскимъ, что правительство Польское (котораго почти неограниченно произвольными представителями были всё таки паны и шляхта, съ гордымъ сознаніемъ своего государственнаго значенія и съ презрѣніемъ ко всему нешляхетскому) не имѣло умысла угнетать Малороссію, то есть систематически довести ее до матеріальнаго и нравственнаго упадка. Такъ, паны желали ей благоденствія; они довели ее до цвѣтущаго состоянія, поощряя сельское хозяйство, ремесла и промыслы; но они смотрѣли на нее не иначе, какъ на помѣстье, которое вѣчно будетъ доставлять средства для великодушнаго ихъ хлѣбосольства. Надобно отдать имъ справедливость, что они не были низкіе корыстолюбцы: они дѣлились своимъ достаткомъ, подъ разными условными формами, съ убогими своими собратіями, и признано было даже за правило общежитія, что каждый, кто входилъ при саблѣ въ общество пирующихъ, имѣлъ право на его гостепріемство. Но дѣло въ томъ, что эта щедрость, эта общительность, эта, какъ они называли, *людскость* существовала у нихъ, только для одного, сравнительно малочисленнаго сословія. Остальное населеніе Украйны, котораго часть (городовые козаки) то-же была вооружена саблями, но только въ качествѣ служилыхъ лю-

---

([1]) См. выше, стр. 121 — 138.

дей, буквально оставалось *безъ мѣста на пиру земномъ* у старосвѣтскихъ пановъ Украинскихъ. Козакъ, по духу Польскихъ обычаевъ, усвоенныхъ и родовыми нашими панами того времени, не могъ быть посаженъ за столъ у гербового шляхтича, съ которымъ онъ былъ равенъ по образованности, по достатку, по военнымъ подвигамъ, или даже во всемъ этомъ превосходилъ его. Надобно знать характеръ *нынѣшняго* свободнаго Малороссійскаго поселянина и его понятія о своей человѣческой личности ([1]), чтобы судить, до какой степени нестерпимо было для него въ тѣ времена *неукротимости* и *бурливости* (о которыхъ упоминаетъ и г. Грабовскій) ежедневное и повсемѣстное униженіе, которое давали ему чувствовать надменные жолнѣры и бренчавшіе саблями шляхтичи, легкомысленно дѣлавшіе изъ себя что-то въ родѣ полубоговъ и обрекавшіе многолюдную касту простолюдиновъ на вѣчную покорность и униженное смиреніе передъ ними. Замѣтимъ притомъ, что происхожденіе Польской шляхты остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ, по отсутствію письменныхъ дукументовъ, — что, судя по аналогіи общественныхъ явленій, шляхта, въ своемъ началѣ, должна была произойти тѣмъ же путемъ, какимъ изъ чернорабочаго класса происходятъ джентельмены въ Англіи и какъ происходили изъ *посполи́тыхъ* козаки въ Малороссіи, и что только сама она дѣлала великое различіе между своимъ и козацкимъ сословіемъ. Мнѣніе шляхты о своей

([1]) Приведу одинъ примѣръ, поразительный для наблюдавшаго нравы простонародья у разныхъ племенъ. Ѣдучи однажды съ пріятелемъ въ Кіевъ по столбовой дорогѣ, въ знойный лѣтній день, и обгоняя усталыхъ богомольцевъ, мы бросали имъ яблоки, которыхъ множество набрали съ собой изъ дому. Ни одно Малороссійское существо, какого бы оно ни было возраста и пола, не удостоило вниманія нашу любезность. Мы остоновились и спросили у одного мальчика о причинѣ такого равнодушія. Отвѣтъ его былъ замѣчателенъ: *Хиба́ ми соба́ки, що ви намъ ки́даете?* По мнѣнію этихъ усталыхъ путешественниковъ, если мы хотѣли подѣлиться съ ними яблоками, которыхъ они, идучи пѣшкомъ, набрать съ собою не могли, то намъ слѣдовало остановить свою коляску, поздороваться съ ними и потомъ уже сказать: *Мо́же бъ, ви, лю́де до́брі, схотіли смагу прогнати? Ось у насъ есть кисличкй; іжте на здоро́вье.* Иначе честному Хохлу не пойдетъ въ горло никакое съѣстное.

исключительной знатности принадлежало собственно ей, основывалось на правѣ сильнаго и освящено было только временемъ. Доказательсгвомъ этому служитъ то, что Острянпца, основываясь то-же на одной давности общественнаго мнѣнія между своими земляками, говоритъ, что отецъ его, »*шляхетскимъ козацкимъ* правомъ съ предковъ своихъ щитится«. Нося оружіе и служа отечеству наравнѣ со шляхтою, козаки создали себѣ тѣмъ же путемъ, что̀ и она, понятіе о своемъ благородствѣ, и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой, или Польской шляхты; а будучи двигателями народныхъ возстаній, они и самому народу Украинскому дали почувствовать всю нелѣпость шляхетскаго права, которое уполномочиваетъ одно сословіе глумиться надъ другимъ безнаказанно. Вотъ откуда, по-моему, родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и, въ этомъ смыслѣ, Малороссія и Польша представляютъ едва ли не единственный примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства,* къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ горючихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя.

Каждый, кому извѣстны нравы Польской шляхты и то, что̀ у ней называлось *гойностью* (чувство собственнаго достоинства), согласится, что Геродовскій не осмѣлился бы, счелъ бы для себя стыдомъ и униженіемъ поступить такъ съ послѣднимъ изъ своихъ собратій-шляхтичей, какъ поступилъ онъ съ семействомъ Острянпцы. Возьмемъ и другой примѣръ. Ни одному штяхтичу не сказалъ бы староста, какъ Хмѣльницкому, что онъ не имѣетъ права владѣть землею, которая дана была его отцу за военныя заслуги для населенія и потомственнаго владѣнія. Но положимъ, что тутъ вышло недоразумѣніе, положимъ, что на Украинской почвѣ могъ заводить поселенія и пользоваться ими только нобилитованный правительствомъ, или природный шляхтичъ, а не выслужившійся въ козацкомъ войскѣ старшина (¹); всё же подстаро̀стій Чаплин-

(¹) Впрочемъ съ Паліемъ произошло та же самая исторія. См. т. I, стр. 129.

скій не засѣкъ бы публично шляхетнаго ребенка, какъ онъ сдѣлалъ съ сыномъ Хмѣльницкаго, и навлекъ бы на себя вѣчный позоръ въ глазахъ своихъ товарищей такими поступками, какіе онъ себѣ съ нимъ самимъ позволилъ. Эти два разглашенные исторіею случая произошли не отъ чего другого, какъ только отъ нелѣпаго, глубоко вкоренившагося въ Польскомъ обществѣ понятія о шляхтѣ и не-шляхтѣ; и по нимъ можно судить, сколько происходило отъ этого понятія другихъ случаевъ, о которыхъ мы такъ точно ничего не знаемъ, какъ до сихъ поръ не знали о наглости и тиранствѣ Геродовскаго. Можно себѣ представить, какъ должны были они отзываться въ сердцѣ каждаго, кто сознавалъ, что онъ, будучи не-шляхтичемъ, долженъ быть готовъ къ терпѣливому перенесенію всякаго нахальства со стороны шляхтича, или къ неравной борьбѣ съ сословіемъ богатымъ, дерзкимъ отъ привычки повелѣвать, закаленнымъ въ дракахъ и битвахъ и которое притомъ тѣсно связано между собою общими матеріяльными и *гонорóвыми* интересами. Но мы не дивимся тому, что въ Украинской черни, къ которой по всему принадлежали и Запорожцы, достало смѣлости, или лучше отваги, объявить открытую войну противной сторонѣ, которую поддерживали ея же собратія, городовые козаки. Мы дивимся тому, что, не смотря на неоднократное пораженіе ея ополченій, не смотря на казни *бунтовщиковъ,* взятыхъ Поляками въ плѣнъ, не смотря на крутыя мѣры, принятыя правительствомъ къ обузданію *бунтливаго и вѣроломнаго хлопства,* не смотря на сидѣвшихъ у этого хлопства на шеѣ жолнѣровъ-притѣснителей и Жидовъ, заѣдавшихъ его, какъ кровожадные насѣкомые, оно не было подавлено и доведено до нравственнаго ничтожества, подобно Мазурамъ, Литовцамъ, Жмуди и другимъ худороднымъ аборигенамъ въ Рѣчи Посполитой! Разверните Боплана, описавшаго Украйну передъ самимъ возстаніемъ Хмѣльницкаго: какая жалкая картина порабощенія, хотя, положимъ, и вынужденнаго у пановъ и правительства частыми бунтами! »Одни«, говоритъ онъ, »наслаждаются, какъ въ раю, другіе мучатся, какъ въ аду.« И этотъ народъ, выйдя, подъ предводительствомъ

Хмѣльницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, отдѣлясь отъ собственнаго дворянства, то есть лишась сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой, въ тотъ же самый моментъ образовалъ у себя своеобразное правительство, съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южно-Русской, съ почтовымъ сообщеніемъ для разсылки административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословій для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ. Какъ бы мы ни объясняли себѣ это необыкновенное перерожденіе бунтливыхъ рабовъ въ единомысленное гражданское общество, но оно показываетъ присутствіе въ Малороссійскомъ народѣ высшихъ гражданскихъ понятій. И такой народъ отдѣленъ былъ въ Рѣчи Посполитой отъ шляхетской касты непреоборимою преградою общественнаго убѣжденія, названъ мужиками, обреченъ на услуги праздному, пьяному и драчливому сословію! Конечно, въ тотъ вѣкъ мудрено было понимать вещи, объяснившіяся для насъ многими событіями вѣковъ послѣдовавшихъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, причина великаго историческаго явленія существовала, и наконецъ обнаруживается для нашего разумѣнія. Итакъ, соглашаясь во многомъ съ почтеннымъ авторомъ замѣчаній на универсалъ Остряницы, прибавляю къ нимъ отъ себя: что въ Украинскомъ простонародьи, откуда бы ни воротилось оно въ опустошенную Татарами Южную Русь, изъ какихъ бы остатковъ стараго населенія и при какихъ бы благопріятныхъ вліяніяхъ оно ни размножилось, — въ необыкновенной степени было развито сознаніе своей человѣчности, — что шляхетное устройство Рѣчи Посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанію, и что тѣ причины возстанія, которыя такъ осязательно выставлены г. Грабовскимъ въ его статьѣ, были только случайными побужденіями къ проявленію этого сознанія. Двѣ совершенно противоположныя національности столкнулись на почвѣ, занятой Польскою полити-

ческою системою, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу человѣчества, доказали наконецъ другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несовмѣстность. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у Поляковъ прослыли *Русскими патріотами* и о которыхъ современныя лѣтописи наши говорятъ, что они *плакали по своимъ имѣньямъ на Украйнѣ!* Они принесли свою пользу въ обшей дѣятельности Рѣчи Посполитой Польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ Татарщины и — какъ мы вѣруемъ — не напрасному шагу Русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ статьѣ: »О взаимномъ ожесточеніи Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ«.

Примѣчаніе. За составленіе этихъ оправдательныхъ статей обязанъ я благодарностью извѣстному Польскому археологу Э. О. Руликовскому.

Къ стр. 309. *Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ*, и проч.

Дѣйствительно въ судебныхъ жалобахъ, въ современныхъ литературныхъ памятникахъ и въ рѣчахъ войсковыхъ проповѣдниковъ встрѣчается безконечное множество случаевъ, изъ которыхъ видно, какія притѣсненія, насилія и самоуправства терпѣли Украинцы отъ своихъ военныхъ постояльцевъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ юридическихъ документовъ. Передъ возстаніемъ Хмѣльницкаго, послѣ только-что подавленныхъ возмущеній Павлюка, Скидана и Остряницы, кварцяное войско расположилось квартирами по Украйнѣ, съ цѣлью обуздывать своевольство козаковъ. Въ судебныхъ актахъ сохранились слѣды неоднократныхъ буйствъ и обременительныхъ для народа требованій, которыя позволяли себѣ эти постояльцы въ окрестностяхъ Черкасъ и Звенигородки. Но кромѣ кварцянаго войска, въ Кіевскомъ воеводствѣ квартировали наемныя роты (zaciężne roty) Самуила Лаща, стражника короннаго, которыя дѣлали еще несравненно больше самоуправствъ и насилій. Роты эти составлялись изъ разноообразнаго сброду Нѣмцевъ, Волоховъ, Татаръ и даже Волошскихъ Цыганъ и извѣстны были подъ общимъ названіемъ *Лащовчиковъ*. Они такъ-же производили неслыханныя безчинства и драки по

всему краю. Отряды этого нестройнаго войска безпрестанно разъѣзжали по Украйнѣ, и каждый порознь грабилъ вездѣ, гдѣ могъ. Села, въ которыя являлись эти разбойники, дѣлались жертвою самыхъ возмутительныхъ притѣсненій, и судебные акты того времени наполнены жалобами на ихъ самовластіе. Чтò касается до самого Самуила Лаща, то онъ не только не обуздывалъ этихъ злодѣевъ, напротивъ, явно потакалъ имъ и подавалъ примѣръ собою. Это былъ извѣстный бандитъ своего времени, который кутилъ и разбойничалъ на-пропалую, пренебрегши всѣ гражданскія права и подавивъ въ себѣ всякій стыдъ передъ людьми. Онъ наѣзжалъ съ своей толпою на помѣщичьи села, прогонялъ владѣльцевъ и присвоивалъ себѣ ихъ имущество. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ большею частью мелкихъ имѣній въ Кіевскомъ повѣтѣ, а съ управителями людей сильныхъ, какъ-то: князей Вишневецкихъ, Корецкаго и Кіевскаго воеводы Тишкевича, велъ постоянную войну, насылая наѣзды на ихъ имѣнія, грабя и разоряя все, чтò попадало подъ руку его шайкамъ. Мало того: онъ не щадилъ даже личности своихъ жертвъ: кто ему противился, того онъ всячески мучилъ, обрѣзывалъ уши и носы, а женъ и дочерей шляхетскихъ похищалъ насильно и выдавалъ замужъ за своихъ подручниковъ. 236 разъ былъ онъ провозглашенъ бандитомъ и 37 разъ осужденъ на лишеніе правъ состоянія; но, не смотря на то, титуловался стражникомъ короннымъ и удерживалъ за собой болѣе десяти лѣтъ старóства Каневское и Звенигородское, единственно потому, что его любилъ и покровительствовалъ гетманъ коронный Конецпольскій. Можно послѣ этого судить, какъ беззащитны были поселяне противъ насилій Лащовчиковъ. Современникъ Ерличъ, въ своей лѣтописи (Latopisiec, albo Kroniczka, str. 50), говоритъ, что народъ пересталъ ѣздить по дорогѣ въ Кіевъ, изъ страха нападеній и грабежа со стороны этихъ злодѣевъ и что она заросла травою и исчезла въ пустыхъ поляхъ. Изъ судебныхъ документовъ того времени мы видимъ такъ-же, что Самуилъ Лащъ въ 1644 году высылалъ наемныя роты изъ своего Звенигородскаго староства въ Бѣлоцерковщину, на грабежъ тамошнихъ мѣщанъ. Въ 1646 году какой-то Шиндеравскій, ротмистръ Самуила Лаща, идучи съ его хоругвью въ Звенигородское старóство и остановясь ночевать въ Бѣлоцерковскомъ селѣ Шкаравкѣ, ограбилъ тамошняго попа и велѣлъ обрить ему бороду. Одно это злодѣйство частнаго лица, совершенное, безъ сомнѣнія, въ пьяномъ видѣ, недостойнѣйшимъ представителемъ правительственной власти

въ Украйнѣ, за годъ до возстанія Хмѣльницкаго, способно было возмутить противъ Поляковъ цѣлый околотокъ, который видѣлъ въ немъ посягательство на вѣру благочестивую и непростительное святотатство со стороны католиковъ, тогда какъ обиды, претерпѣнныя католическою шляхтою отъ Лаща, оставались незамѣченными народомъ, да и самими лѣтописцами Малороссійскими. Возьмемъ бумаги нѣсколько старѣе. Въ 1633 году мѣщане Сквирскіе жаловались на хоругвь Лаща, которая выбрала рыбу изъ ихъ прудовъ. Въ 1630 году панъ Немиричъ жаловался на пана Лаща, что его хоругвь брала съ мужиковъ въ Ивницѣ, безъ всякаго права, поборъ хлѣбомъ и фуражемъ. До какой степени раздраженъ былъ народъ Украинскій подобными насиліями, можно видѣть изъ одного того уже, что Хмѣльницкій не могъ забыть Лаща и въ 1649 году, послѣ своихъ блистательныхъ побѣдъ надъ коронными войсками. Онъ выговаривалъ съ запальчивостью Польскимъ посламъ въ Переяславѣ за то, что Конецпольскій отдалъ Украйну во власть Лащовчикамъ, »которые военныхъ людей обращали въ мужиковъ, грабили, вырывали имъ бороды и запрягали въ плуги.«

Но своевольство жолнѣровъ терзало не одну Украйну, а цѣлое королевство Польское. Въ современныхъ брошюрахъ и въ проповѣдяхъ войсковыхъ священниковъ католическихъ выражается такъ же, какъ и въ судебныхъ актахъ, безсиліе правительства надъ необузданностью военнаго сословія Рѣчи Посполитой. Въ старой брошюркѣ подъ заглавіемъ: »Zwrócenie Matyasza z Podola« (передъ 1620 годомъ) живыми красками изображены солдаты того времени, а именно:

Bardziéi my tam patrzyli, gdzie zawarte wrota,
Choćby to w mili było, to my przecież po nie.
Nie masz li w polu co wziąść, to my przecie do chałupy,
Wezmie się mięso, masło, grosz, kapusta, krupy,
Gęsi — to nasza własność, i kaczki, i kury,
Tylko co jedno chłopa nie odrzemy z skóry.
Nie ciężko pobanłować po chałupce wszędzie.
Najdą li się pieniążki — nasze szęście będzie,
Jesli gdzie dziewka gładka, ta się nie wyscidzi..... (¹)

(¹) Приложенія эти напечатаны для спеціалистовъ въ изученіи Польско-Украинской исторіи, которые безъ знанія Польскаго языка не могли бы сдѣ-

Славный войсковой проповѣдникъ Бирковскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, упрекая воиновъ въ развратѣ и необузданности страстей, и грозя гнѣвомъ Божіимъ, который долженъ поразить за то всю Рѣчь Посполитую, представляетъ намъ такое изображеніе тогдашняго жолнѣра: »Dziś służy żołnierz wojnę: idzie na wojnę — drze, łupi ubogie ludzie; z wojny wraca — pieniądze bierze, ani wie, jak mu one talary z garsci wyleciały; ledwie przyszły, a już ich niemasz. Idzie tedy jako zmyty ad pisarstwu skarbowych, i że niema nic w trzosie, patrzy kędyby szablą znowu chleba dostawał. Nie śmie do Tatar, ani do Turek, więc się puści do swoich; ci u niego się miasto pogańskich synów; miasto Tatar, nad tymy się pastwi, te zabija, gwałci, zdziera, plondruje«, etc.

Надобно здѣсь замѣтить, что войско такъ называемое *чужеземное* было самое необузданное въ Польшѣ. Эти наемные солдаты, эти *мохнатые кнехты* (knechty kudłate), какъ называетъ ихъ Старовольскій, эти драгуны на краденныхъ кобылахъ, были самыми страшными притѣснителями народа; а они-то всего больше и квартировали въ Украйнѣ.

Жалобы на самоуправства жолнѣровъ слышались отовсюду, такъ что на сеймѣ 1685 года постановленъ законъ, въ силу котораго учреждена была коммиссія для удовлетворенія просьбъ Волынскаго воеводства и Кіевскаго Полѣсья, гдѣ жолнѣры надѣлали множество грабежей, наѣздовъ и разнаго рода уголовныхъ преступленій. (Vol. Leg. 5-tum.)

Но эта необузданность Польскаго войска представляетъ слишкомъ близкое сходство съ безчинствами войскъ въ среднихъ вѣкахъ, на Западѣ. Во Франціи и въ Нѣмецкихъ земляхъ происходило то же самое. Такъ намъ извѣстно, что во Франціи въ 1356 — 1360 годахъ образовались было изъ иноземныхъ войскъ славныя Grandes Compagnes, которыя долго терзали Французскія провинціи своими наѣздами и грабежами. Вспомнимъ также о страшныхъ Routièrs, Brabançons, Coutereaux. Tardvenus, которые прославились не менѣе первыхъ своими грабежами, зажигательствами и разбоями, и о знаменитыхъ своими злодѣйствами Нѣмецкихъ солдатахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Vogelfreye Menschen.

Къ стр. 312. *Но все это не составляло еще того, что мож-*

лать ни шагу въ своей наукѣ; и потому переводить Польскія выписки изъ старинныхъ книгъ и бумагъ считаю дѣломъ излишнимъ. *Изд.*

но было бы назвать систематическимъ, повсемѣстнымъ угнетеніемъ.

Систематическаго угнетенія подданныхъ въ Рѣчи Посполитой Польской не было, и, если Грондскій, въ своей исторіи войнъ козацкихъ, писалъ о нихъ, то на его слова не слѣдуетъ вполнѣ полагаться. Извѣстна жизнь этого человѣка. Сперва онъ передался на сторону Шведовъ, потомъ присталъ къ Ракочію, и когда Ракочій не успѣлъ въ своемъ походѣ противъ Поляковъ, онъ, какъ измѣнникъ, бѣжалъ въ Седмиградію и тамъ написалъ исторію войнъ козацкихъ, наполнивъ ее множествомъ выдумокъ. Что не было въ тѣ времена угнетенія, происходящаго изъ владѣльческаго права, доказательствомъ тому служатъ хозяйственные инвентари, изъ которыхъ видно, что подданные платили всего только небольшой чиншъ землевладѣльцу. Приведемъ здѣсь извлеченіе изъ *люстраціи* города Гуляникъ (нынѣ село Мотовиловка, въ Кіевскомъ уѣздѣ) и другихъ владѣній, 1616 года: она дастъ намъ точное понятіе о повинностяхъ крестьянскихъ того времени на Украйнѣ.

»To miasto nowoosadzone na pustym gruncie i nowym korzeniu.... W tym mieście jest osiadłych domów więcej niż 300; było i dobrze więcej, ale na swawolę się rozeszło... Nie wysiedzieli jeszcze słobody wedle listu, ale do lat 7 siedzieć i wolności zażywać mają. A powinność ich będzie taka: możniejsi konno wsiadać z dobrym orężem pko nieprzyjacielowi przy swym dzierżawcy abo jego namiestniku, a ubożsi do parkanu z orężem. Czynszu po stałemu na on czas, gdy wysiedzą słobodę i będą bogatsi, powinni dawać. Puszkarze tylko do posługi i strzelby, a jeszcze im koszuły dawać. Do folwarku niemasz roboty żadnej, tylko co swemi pługami i swym kosztem zrobi się. Summa prowentu całego 160 zp.«

Вотъ еще люстрація мѣстечка Романовки, того же 1616 года:

»Miasteczko to roku przeszłego przez Tatary spustoszone. Jest w niem osiadłych ludzi numero 52. Czynsze przed spustoszeniem Tatarskim różne płacili. Tych, co dawali po groszy 10, jest 30; tych, co po groszy sześć, a niektórzy po groszy 4, ostatek. Ale teraz, dla spustoszenia przez Tatary, nie dają. Innych podatków nie dawali. Summa proventu 150 zp.«

»Wieś Czarnawka, do tegoż stwa należąca. W tej wsi osiadłych jest 30. Robią dzień jeden zimie, a lecie dwa w tydzień. Czynszu dają po groszy sześć — czyni złotych sześć. Owsa po cwierci valoris grossos quatuor czyli zł. 4. Summa prowentu wsi tej zp. 10.«

Къ стр. 312. *Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили.*

Послѣ того, какъ Татары вышли изъ Украйны, она представляла страшное безлюдье. Жители частію были истреблены, частію разбѣжались въ мѣста болѣе безопасныя. Плано Карпини, проѣзжавшій въ 1246 году черезъ Кіевъ и его окрестности, выражается такъ: »Вездѣ мало жителей; Монголы ихъ истребили, или увели въ неволю.« Но, по изгнаніи Татаръ, Польскіе короли начали дѣятельно заботиться о заселеніи этого края и довели бы его до цвѣтущаго состоянія, еслибы не столь частые Татарскіе набѣги, которые не позволяли Украинцамъ спокойно сидѣть на своихъ земляхъ. Татары нападали на нихъ безпрестанно, полонили народъ, жгли села, и все это дѣлалось по внушенію Порты, которая постоянно держалась той политики, чтобы окружать себя со всѣхъ сторонъ пустынями. Уже со временъ Витольда начались пожалованія Кіевскимъ обывателямъ на этомъ пограничьи *пустынь, пустошей, пустовщины,* урочищъ *пустыхъ* и селищъ. Въ правленіе князя Александра (Олелька) населеніе края начало особенно увеличиваться, потому что въ это время Татары были заняты войною въ Малой Азіи съ султаномъ Баязетомъ и перестали безпокоить Русскія области. Сохранилась интересная ревизія Житомирскаго зáмка, произведенная въ 1545 году Юріемъ Фальчевскимъ, епископомъ Луцкимъ, и Львомъ Поцѣемъ, въ царствованіе Сигизмунда Августа. Изъ нея видно, что городъ Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе короля Казимира, были довольно многолюдны, что *сéла седили на своихъ сéлищахъ;* но Татары сдѣлали набѣгъ подъ предводительствомъ Менглигирея, и послѣ набѣга въ этомъ краю почти совсѣмъ не осталось жителей. Во время упомянутой ревизіи, по селамъ жителей не было, деревни оставались пустыми, поля лежали облогами, а всѣ поселяне, уцѣлѣвшіе отъ набѣга, укрылись въ укрѣпленномъ Житомирѣ и жили въ немъ, построивши себѣ *городни.* Приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ той ревизіи, чтобы дать понятіе о ничтожной населенности края, который заключалъ въ себѣ нынѣшніе уѣзды Житомирскій, Бердичевскій, часть Сквирскаго и Радомысльскаго.

»....Иншіе сéлища держалъ въ головахъ наипервѣй именя материзные пана Ивана Горностая Дворного, подскарбія земского, и брата его милости пана Оникія Юлины.... *Людей ихъ милости въ мѣстѣ мѣшкаютъ десять человиковъ.* Панъ Василій Тишкевичъ, имене его Сло-

бодище, Бердичовъ, Рудники, Селцо, двои Чартолесы, Бернавка отчизна, а купленые имения Кодня и Озеране. Людей его, которые тутъ мешкали, пошли всѣ до слободищъ. — Панъ Кмитичъ Криштофъ, имене его выслужоное Коростышовъ за Александра короля отець его выслужилъ. *Людей его осмь человиковъ.* — Князь Дмитрій Любецкій держить имене пасынковъ своихъ, князей Сенскихъ, на имя Ставокъ. Выслужилъ дидъ его, панъ Полозъ на короли Александрѣ, *одинъ человикъ.* — Панъ Олизаръ Волчкевичъ; имения его Топорище а Волынци а Волосовъ: *людей его девять человиковъ.* — Панъ Герасимъ Андріевичъ; имения его Хотиничи, Колодіево, Ивановичи а Вильско отчизна и дедизна; *людей его пятнадцать человиковъ.* — Иванъ Стрибиль зъ братаничомъ Стецькомъ; имения ихъ Пилиповичи, отчизна, и купление Студена Вода у Корчовскихъ, а закупное Старосельци у продка Корчовского, а другое закупленое зъ Теберинци: *Людей ихъ десять человиковъ.* — Грицько а Стецько Вороничъ; имения ихъ Трояновци, Мократичи отчизна, а купленое Грицково.... у Макаровича, также повѣдаютъ отчизна, а выслужоное имене Грицьково жъ на Александре королю, на имя Крошня, отець его Ивашко Ворона выслужилъ, а другое имения Ловковъ, отець Стецьковъ Гневошъ выслужилъ на королю Александрѣ; *людей ихъ двадцать чотири человики.* — Есифъ Немиричъ, имене его Чернеховъ материзна по Скобейку; *людей его одинадцать человиковъ.* — Богданъ а Жданъ, Семенъ а Васько Презовскіе; имения ихъ отчизное Презовъ, а особливо имене выслужоное Богданово, што отець его Андрей выслужилъ, на имя Трибѣсовъ, а закупное имене матки Скоморохи; *людей ихъ два человики.* — Богданъ а Васько Корчевскіе и братаничъ ихъ Васько; имения ихъ Селцо а Корчовъ а Минийковичи, дядьковщина ихъ, держить въ застави Стрибиль; *людей ихъ четири человики.* — Нефедко Мошковичъ держить имене по жони, на имя Зезиловъ а Хамутовъ на Пяту, отчизна жоны его нижъ ты повидитъ, ижъ ти сéлища панъ Василій Тишкевичъ въ него одимаетъ. — Сенко а Жданъ Шереніевскіе; сéлища ихъ на имя Шереніево, отчизна; *Въ тихъ людей нитъ.* — Всихъ тихъ головъ пановъ и земянъ Житомирскихъ двадцать и два, а *сéлищъ тридцать и девять, а людей ихъ всихъ сто и чотири человики, а кромѣ тихъ выжей мененихъ, инишихъ никого нитъ. И тие люде ихъ въ местѣ Житомирскомъ мешкають, а на сéлищахъ не смиють передъ Татары жити....«*

Изъ всего этого видно, что въ 39 деревушкахъ считалось тогда только сто четыре жителя и что самыя деревушки были слишкомъ малочисленны, принимая во вниманіе огромное пространство, на которомъ онѣ были расположены. Отсюда такъ-же можно заключить, какъ ничтожна была первоначальная населенность этого края. Что же сказать о болѣе украинныхъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Уманя? Онѣ были тогда въ полномъ смыслѣ слова *дикою степью* и *пустынею*.

Чтобъ показать безлюдность Украйны въ старыя времена и вмѣстѣ съ тѣмъ ея постепенное заселеніе, приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ Триполь Дыдку Трипольскому, и въ пожалованной грамотѣ сказано, что въ Триполѣ есть только »*7 человиковъ, и то недавнихъ.*« — Въ 1522 году Овручскій обыватель Федько Омеляновичъ Вешнякъ получилъ отъ короля Сигизмунда Перваго *пустовскую* землю въ Овручскомъ повѣтѣ и *пустое* дворище въ Овручѣ (fol. 185, § 15 Metr. Lit.) — Въ 1550 году король пожаловалъ Козаровичи Ельцу. Въ Козаровичахъ было тогда только двое подданныхъ, Бачило и Комина, которые платили медовую дань. — Въ 1554 году король Сигизмундъ Августъ далъ Ѳедору Тишѣ *пустовскія* земли, подъ названіемъ Ходорковъ и Крыве, Маликова и Таніевцы, и землю Козіевку, и при этой послѣдней *одного человика,* Остапка Котовича, съ братьями его Иваномъ и Ждановъ. (Изъ грамоты.) — Въ 1590, предоставлена королю свободная раздача *пустынь* за Бѣлою Церковью, а именно: монастырь Черехчинаровскій надъ Днѣпромъ, Барышполь съ селищемъ Иванковскимъ, городище Влодерецкое и къ тому сéлищу въ Зволозѣ Прузвицкомъ большая слобода надъ рѣкою Росью, Рокитня надъ рѣкою Рокитнею особамъ тремъ, такъ-же Гороше и Слѣпородъ надъ рѣкою Неущею на границѣ Московской. (Vol Leg. Konstytucya, fol. 588.) — 1609, пожалованіе *пустыни* Умани Валентію Александру Конецпольскому »за знатныя и кровавыя послуги« (Vol. Leg. 2-dum).

Къ стр. 314... *въ случаъ войны, ничего не было для Поляковъ полезнье этого* (козацкаго) *ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосьдями, и именно съ Турціею.*

Походы Запорожцевъ по Черному морю, безпокоившіе и раздражавшіе Турцію, давали ей поводъ къ безпрестанному нарушенію мира съ

Рѣчью Посполитою и къ мстительнымъ вторженіямъ въ ея предѣлы. Страдала отъ этого Украйна, страдалъ и весь Польскій народъ. Правительствовавшія лица въ королевствѣ пытались отвратить эти бѣдствія — одни совершеннымъ уничтоженіемъ козаковъ, другія преобразованіемъ ихъ корпораціи, и на сеймахъ безпрестанно поднимались огромныя массы голосовъ съ предложеніемъ или уничтожить козаковъ, или удержать ихъ отъ произвольныхъ морскихъ походовъ. Конституціонныя книги наполнены повтореніемъ постановленій противъ ихъ дѣйствій, вредныхъ для общаго блага Рѣчи Посполитой Польской. Выписываемъ цѣлый рядъ такихъ постановленій:

»O swawoli Ukrainnej kozackiej, r. 1611. — O kozakach i ludziech swawolnych, r. 1615 (Vol. Leg. 3-um.) — O kozakach i zmniejszeniu ich, r. 1619. — Kommissja kozacka na zatrzymanie w porządku wojska Zaporozkiego, 1623. — Aprobacja ordynarji kozaków Zaporowskich, r. 1624. — Pohamowanie inkursij morskich od wojska Zaporozkiego, r. 1635. — Ordynacja wojska Zaparozkiego i rejestrowego, r. 1638 (Vol. Leg. 3-um.)

Уже Гурницкій, въ rozmowie o elekcji, сказалъ о козакахъ пророчески: »Ten Niż wielki kiedyś upadek Koronie przyniesie« , и, видно, изъ этого-то опасенія часто на сеймахъ поднимали вопросъ о козакахъ. Велико было бы большинство голосовъ противъ ихъ совершеннаго уничтоженія, еслибы въ тѣ времена всѣ не имѣли въ виду войны съ Турціею, войны въ большихъ размѣрахъ, которая должна была положить конецъ могуществу Османовъ. Къ ней готовились, какъ къ крестовому походу, называя ее sacrum bellum, и намѣревались поднять на Турокъ все населеніе Польской Рѣчи Посполитой. Не смотря на трудность и, можетъ быть, даже невозможность осуществить такую мысль, всѣ тогдашніе политики Польскіе были горячо ей преданы; а предвидя близкое начало войны, начали щадить козаковъ, которыхъ дознанное мужество могло играть въ ней не послѣднюю роль. Поэтому то Криштофъ Пальчевскій первый подалъ въ пользу козаковъ голосъ въ своей небольшой книжкѣ, подъ заглавіемъ: »O kozakach, jesli ich znieść, lub nie, discurs.« Kraków, 1618. Въ ней онъ доказываетъ, что козаки, будучи переднею стѣною Рѣчи Посполитой, нужны ей для отпора Турецкихъ силъ; но всё таки говоритъ, что надобно ихъ преобразовать коренным образомъ, давая имъ гетмановъ и ротмистровъ по назначенію короля. То

же самое мнѣніе о козакахъ высказалъ и Симонъ Старовольскій, въ сочиненіи своемъ: »Pobudka albo rada na zniesienie Tatarów Pererops-kich«, г. 1671.

Къ стр. 317... *Кто владѣлъ имѣніями въ Украйнѣ? князья Южно-Русскіе, дворянство Южно-Русское.*

Изъ ревизіи Житомира въ 1545 году мы уже видѣли, кто владѣлъ землями въ этомъ краю. Горностаи, Тишкевичи, Олизары, Трипольскіе, Проскуры, потомки Вороны и другіе дворяне Южно-Русскаго имени и Греко-Русскаго исповѣданія. Они-то заселили Украйну, по грамотамъ королей Польскихъ, жалованнымъ имъ за заслуги общему отечеству ихъ, Польшѣ, подъ которою разумѣлось все, что не принадлежало державамъ сосѣднимъ. Были между Украинскими колонизаторами и родовые Поляки, то есть Поляки по фамильнымъ именамъ и по Римскому вѣроисповѣданію; но естественно, что на опустошенныя земли старой Руси выходили изъ Польши (если не укрывались тутъ же въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ) всего больше потомки уроженцевъ Русской земли, заселяемой заботами Польскаго правительства; и такимъ образомъ Украинская почва, подъ владычествомъ Польши, принадлежала не иноземному племени, господствовавшему надъ простолюдинами, а самимъ туземцамъ.

Что касается до заботъ правительства заселить безлюдныя пустыни Южной Руси, то онѣ видны не изъ однихъ земскихъ юридическихъ актовъ, но такъ-же изъ современныхъ брошюръ и книгъ. Назовемъ нѣкоторыя: 1) »Droga pewna do prędszego i snadniejszego osadzenia w Ruskich krainach pustyú rycerswem królewstwa Polskiego«, 1590 г.; 2) Juzefa Wereszczyńskiego, biscupa Kijowskiego, »Sposob osady nowego Kijowa«, 1595 г; 3) Piotra Grabowskiego, »Polska Niżna, albo Osada Polska«, 1596 г; 4) Szymona Starowolskiego, »Votum o naprawie Rzplitej«, 1625 г.

КЪ ЗАПИСКѢ ТЕПЛОВА.

Примѣчаніе. Не имѣя подъ рукой Малороссійскихъ архивовъ для потвержденія выписками изъ подлинныхъ бумагъ того, что̀ сказано мною въ предисловіи къ »Запискѣ« Теплова и что̀ пишетъ самъ Тепловъ, я обратился съ просьбою къ молодому этнографу и археологу Южно-Русскому, Н. М. Бѣлозерскому, и онъ доставилъ мнѣ прилагаемыя здѣсь выписки, за которыя приношу ему искреннюю благодарность. Выписки, включенныя мною сюда изъ каталога архива Н. А. Маркевича, означены словами: *Арх. Марк.*

Универсалъ гетмана Мазепы, 1701. »Вамъ, пану полковникови наказному Лубенскому, сотникамъ и атаманѣ городовой и сѣлской полку того жъ симъ писанемъ нашимъ ознаймуемъ: ижъ дойшло намъ вѣдати, же многое число легкомыслного и непостоянного полку вашого Лубенского товариства, не чинячи своей повинности досить, и не хотячи на нинѣшной монаршой его царского пресвѣтлого величества службѣ зъ паномъ полковникомъ своимъ попрацовати и указы наши гетманскіе легце собѣ важачи, самоволне въ домахъ своихъ пооставалися. На которихъ легкомыслнковъ и повеленія властителей своихъ преслушателей, яко не малую имѣемъ уразу и гнѣвъ нашъ, такъ посылаемъ отъ боку нашого умыслного посланного нашого пана Тимофѣя Радича, товариша войскового, зълецивши ему и приказавши, жебы тыхъ осталцовъ зревидовалъ и кождого именно въ реестръ написавши, вѣдати намъ донеслъ; а мы знатимемъ якое имъ за тое преслушаніе и самоволство наказаніе учинити. Зачимъ, приказуемъ вамъ, старшинѣ, подъ неласкою нашею и срокгимъ вой-

сковымъ каранемъ, абысте тыхъ осталцовъ, бынамнѣй не кріючи, нашимъ посланнымъ для учиненія скутечной ревизіи, обявляли. О тое и повторе пилно вамъ приказуемъ, и поручаемъ ихъ же въ сохраненіе Господу Богу.«

Изъ »Вѣчистой Книги« Стародубовского магистрата, 1712. Жители слободы Чубковичъ (въ полку Стародуб.), ставши на урядъ, объявили: »Іжъ що покойныкъ блаженной памяти, подъ часъ уряду своего полковничого, панъ Михайло Миклашевский привлащилъ былъ и до своего окопу прівернулъ кгрунту ихъ ...... пахотныи до хуторца и речки Істровкы. Теды теперъ, яко поссесоровѣ покойного, его милости пану Андрею Миклашевскому, респектуючому нашоя кривдѣ, той крунтъ въ окопѣ пахатномъ найдуючийся..... отвели, продали и поступили въ моцъ и вечистое держание его мил. пану Андрею Миклашевскому, малжонце и потомкомъ его на вѣчность, за сумму исполне до рукъ нашихъ одобранную, то есть за золотыхъ чотыриста грошей, личбы Литовской, монети доброй...«

Изъ протеста сотника Антипа Соколовскаго, 1712. »Будучи мни, Антипу Соколовському за певнимъ интересомъ у двори рейментарскомъ Бакла́ньськомъ, за староства Соболевського, первая мене споткала укоризна отъ Соболевського: »Щò ты таке и одкуль узявся, що »для тебе панъ гетьманъ Гудовича, зацного чоловика и заслуженого, зъ »сотницва вдаливъ и чести ёму на-вики справднивъ для тебе самого! А »ти бъ знавъ, що ти кушнирський синъ. Да хиба для того, що въ герцювъ »служивъ, а въ виську бакъ нигде не бувъ; такъ соби у гетьмана лона»тою сотництва заробивъ, що бувало кони пидгрибуешъ« ...*Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральнаго асаула Бутовича (1718) товариству сотни Новомлинской, которое жаловалось на своего сотника Тишкевича за »утеменжене (угнетеніе), озлобленіе и безчестіе, що яко есть вельце праву давнему и волностямъ козацкимъ противно и погрнзительно.« *Арх. Марк.*

Изъ универсала Скоропадскаго Ивану Бороздинѣ, 1718. Іосифъ Шидловскій, бывшій инспекторомъ сына вашего, котораго при-

дано исъ школъ Латинскихъ съ коллегіумъ Оршанскаго, плачливе намъ ускаржился (жаловался) на васъ, що вы.... за цилорочную працю около науки сына вашого и добрыхъ процедеровъ належной контрактомъ отъ васъ вымовленной платы, именно рублей десять грошей, Французского тонкого сукна локтій 5 на кунтушъ и лудану локтій 12 на жупанъ, не тилько ему не заплатилисте, але, хотячи забрати у его шаблю, фузію... безъ боязни Божой крвавымъ его немилостиво окрилисте боемъ прилюдне и намировалисте забитого въ колодки на згинене заслати въ гуту« (стеклянный заводъ)... *Арх. Марк.* (Это напоминаетъ поступокъ графа Савойскаго въ балладѣ Шиллера: Der Gang nach dem Eisenhammer.)

Изъ донесенія Кіевскаго полковника Антона Танскаго гетману Скоропадскому, 1719. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда полковники навязывали козакамъ сотниковъ противъ права свободнаго выбора. Танскій посылалъ въ Ирсовку Ханенка для врученія сотенной хоругви Былинѣ. Когда Ханенко, прибывъ туда и взявъ церковныя хоругви, приказалъ читать универсалъ гетманскій, козаки взбунтовались, вырвали у Ханенка универсалъ и не только самого его »безчестно конфундовали«, но чуть не убили; универсалъ истоптали, сотенную хоругвь изломали и »вздумали« избрать вольными голосами въ сотники Шаулу-Ворошила; а Былину безчестили и хотѣли убить. *Арх. Марк*

Изъ письма Павла Полуботка къ гетману, 1719. Семенъ Лизогубъ выслалъ нѣсколько сотъ душъ на его земли и забралъ всю траву; »грунта« его вспахалъ и засѣялъ; положилъ свои рубежи владѣніямъ Полуботка; изранилъ саблею его слугу, и пр. *Арх. Марк.*

Изъ письма Гадячскаго полковника Михаила Милорадовича къ гетману Скоропадскому, 1720. Сотникъ Опошнянскій жаловался на Милорадовича, что онъ вписываетъ его подданныхъ въ козаки, не допускаетъ свободно владѣть селомъ; слугъ его полковничьи слуги »обдираютъ«; полковникъ Милорадовичъ запрудилъ рѣку и подтопилъ земли его крестьянъ. *Арх. Марк.*

Изъ универсала Ивана Чарныша, 1721. Карпо Власенко, производя слѣдствіе надъ Ѳедоромъ Проскурненкомъ, »первій яко злочинцю

на верби зависивъ и черезъ дви години мордовавъ, а потомъ знявши зъ верби, кіями бивъ безъ пощады, а зверхъ того гонячи попидъ лавами, веливъ ему яко псу щекати (лаять), що онъ, оринужденъ будучи его зъ розыщиками мордерствомъ (тиранствомъ), мусивъ чинити.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Пахома Семака генеральному асаулу, 1723. »Село Семаки еще за Жигимонта по-правдѣ служили войску.« Послѣ Чигиринской войны, когда »мало-помалу власть пановъ Лизогубовъ расширилать, тогда подгорнули (они) село Семаки себѣ въ подданство.« Поселяне уговорились единодушно доказать свои права на козачество. Семенъ Лизогубъ узналъ о томъ и хотѣлъ поколотить Семака. »Сохранившужеся мнѣ отъ таковаго гвалту«, убили Лизогубы 50 ульевъ пчелъ, взяли пшеницу, ржаную муку, овса три осмачки, »кабана годованого и одно сало.« *Арх. Марк.*

Изъ акта начала, или первой четверти XVIII вѣка. Сердюки полка Бурляя возили по Деснѣ набайдакѣ ванну въ Черниговъ, для гетмана. Подпивши, они говорили между собою: »Лѣпше бы намъ, друзи, въ походъ военный ходити, нежели теперъ ванну возити!«....

Изъ прошенія бунчуковаго товарища Стефана Тарновскаго, 1725 — 1727. Въ 1716 г. онъ купилъ въ Городницкой сотнѣ (Черниговскаго полка, часть дубровы и, найдя тамъ свободную землю, упросилъ гетм. Скоропадскаго дать позволеніе »осадить загреничныхъ человѣка десять и большъ«. Гетм. приказалъ Черниговскому полковнику Павлу Полуботку »ограничить« тотъ грунтъ и ввести Тарновскаго во владѣніе. Полуботокъ же, гнѣваясь на тестя Тарновскаго, не велѣлъ »граничить«; а послѣ, съ позволенія жителей тамошнихъ, занялъ ту дуброву, къ ней прикупилъ земли и началъ самъ »садить слободку«. Тарновскій жаловался гетману; исполненіе прошенія всё было отсрочиваемо. По смерти Скоропадскаго, Тарновскій сталъ просить самого П. Полуботка; тотъ обѣщалъ возвратить земли; но былъ взятъ въ Петербургъ. Земли Полуботка были отобраны въ казну; а послѣ — часть возвращена его дѣтямъ, а часть, какъ »собственно на власть полковничую належачихъ«, по приказу бригадира Румянцева, отдана во владѣніе Черниговскаго полковника Михаила Богданова. Дѣти Полубоутка отдали захвачен-

ныя ихъ отцомъ земли Тарновскому. Вмѣстѣ съ Полуботкомъ былъ схваченъ и Тарновскій и посаженъ подъ арестъ. По освобожденіи, былъ посылаемъ въ Гилянскій походъ и, нуждаясь въ деньгахъ, отдалъ ту слободу во владѣніе на три года генералу Роппу, за 300 рублей. »Теперь же Черниг. полковникъ Богдановъ привлащаетъ ее себѣ«, говоря что она належитъ »на полковничую власть«. Отобралъ воловъ; схватилъ стастаросту. По жалобѣ Тарновскаго, изъ войсковой генеральной канцеляріи были посланы разыщики; но Богдановъ ихъ обругалъ, и указъ имъ данный отобралъ.

Это дѣло тянулось еще и въ 1732 г., какъ видно изъ письма къ гетм. Данилу Апостолу вдовы того Тарновскаго, 1732 іюля 2.

Изъ донесенія слѣдователей, 1727: дѣйствительно ли села: Полу́ботки, Пивци, Выхвастовъ, Буровка и Дроздовица́ принадлежали дѣду жены Семена Лизогуба, Каленику, т. е. тестю гетмана Ско́ропадскаго по первой женѣ. »Селомъ Полу́ботками владѣлъ прадѣдъ Ирины Ильинишны, Каленикъ, и сынъ его Никифоръ Калениковичъ, и внука его Пелагея Никифоровна, которая вышла за Ивана Ильича Скоропадскаго (въ послѣдствіи гетмана). А пріѣхалъ и женился, то имѣлъ при себѣ только одного челядника, коней четверо и палубецъ (крытый возъ) одинъ.« *Арх. Марк.*

Изъ доноса на старшинъ, производившихъ въ Почепѣ слѣдствіе, 1727. »Начали пити за здоровье его свитлости генералиссимуса (Меньшикова), а онъ. Ладинскій, за здоровье е. св. пити не схотивъ, которому троекратно говорилъ, чтобъ онъ за такое высокое здоровье выпилъ; но онъ, Ладинскій, того учинити не хотивъ; и я ему на то еще сказавъ: что »и бабушка твоя такого высокого чину не слыхивала, а »ты нынѣ слышишъ и пити за такую высокую особу не хочешъ; а будучи ты у Нарковской у-ночи́ и до оной комплементу́ючи, сивуху не помалу тягнулъ.... она одъ тебе принуждена была кочергою одбиватися.« ...»И приходятъ къ Ладинскому по ночамъ дивки й бабы, зъ которыми онъ, Ладинскій пьетъ, а ихъ, козаковъ, заставляетъ имъ, бабамъ, кланяться въ землю и просить, чтобъ онѣ пили, и за то ихъ, козаковъ, бьетъ смертнымъ боемъ, которая не выпьетъ.« *Арх. Марк.*

Изъ письма Якова Лизогуба къ гетману Апостолу, 1728. Жалоба на Якова Полуботка, который отнимаетъ у него Рудню Гунковскую, принадлежащую ему «съ отца и дѣда». Проситъ защиты въ Руднѣ отъ Полуботковъ, а въ Чумгакѣ отъ Лукаша. *Арх. Марк.*

Изъ другого письма, безъ числа. Проѣзжіе Великороссіяне и *Малороссіяне* беззаконно требуютъ отъ жителей села Бѣгача живности, провіанта, лошадей; водятъ войта «за шію» и вяжутъ его; насильно берутъ все у обывателей и грабятъ такъ, что народъ обнищалъ и разбѣжался. *Арх. Марк.*

Изъ перваго тома »Матеріаловъ для Отечественной Исторіи«, изданныхъ М. Судіенкомъ.

Въ 1728 году, »9 марта писана грамота въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, что на бившую гетманову Скоропадскую многіе являются челобитчики, а она въ Малой Россіи [сказуетъ] несудима, понеже имѣетъ грамоту протекціальную; тако жъ о прежнемъ скарбѣ войсковомъ, что оного мало по смерти гетмана Скоропадского осталося, а оний скарбъ необикновенно содержали его гетмана Скоропадского дворовие люди. (Стр. 16.)

»18 марта, туда же... писана (грамота) о скарбѣ войсковомъ и о пожиткахъ гетманскихъ, которіе она жъ, гетманова Скоропадская, завладѣла, а прежде того было обыкновеніе такое, что всѣ бывшіе гетмани, принимая гетманскій урялъ, принимали и всѣ остающіеся по гетману скарбы и пожитки. (Стр. 23.)

»По донесеню ся ясневелможному вѣдати, что въ сотняхъ Ирклѣевской и Золотоношской, такожъ и Кропивянской, козакамъ и протчіимъ обивателямъ отъ сотниковъ ихъ починени немаліе отнятемъ грунтовъ, взятками, незносними работизнами, побоями и протчіими налогами обиди. (Стр. 26.)

»Старшина полку Гадяцкого пишутъ къ его велможности, въ подтвержденіе прежнихъ своихъ жалобъ, доносячи на полковника своего Милорадовича, же онъ, Милорадовичъ, заѣхавши въ полковіе маетности, жадного полкового дѣла не правитъ, но свои домовие прихоти и новое свое господарство разширяючи, козакамъ и посполитимъ безмѣрне и необичайне барзѣй, накидаемъ горѣлокъ по тридцати и по сороку рублей куфу, чинитъ здирство и налоги, такожъ, мимо волю и указъ ясневельмож-

ного, зъ доходовъ войсковыхъ денги и хлѣбъ на свой домъ самовольно позабиралъ и беретъ... (Стр. 39.)

»По поданной суплѣцѣ отъ полчанъ Стародубовскихъ... что въ помянутомъ сими недавними роками со всего народа разними дачами стягненную сумму урядники тамошніе, самовластне позабиравши, удержують напрасно, виданъ универсалъ... (Стр. 69.)

»По словесной жалобѣ пана Василія Журековскаго, асаула енерального, что старшина сотенная Глуховская излишними податми подданныхъ его непропорціонално обтяжають и людей его и старостъ къ суду своему, а особливе курѣнчиковъ его до сотенихъ повинностой, которіе прежде до того не належали, притягають, занесенной, писанъ листовній указъ... (Стр. 70.)

»По супплѣцѣ войта Никифора Бруевича на сотника Бакланского Леонтія Кгалецкого, что якобы онъ супплекуючого домъ незносними обидами обтяжилъ, жену его жъ подъ караулъ взялъ, худобу заграбилъ, такожъ и въ полю, якое въ его, Бруевича, въ заставѣ за денги, чинить перешкоду къ отбиранню пожитковъ, поданной, писанъ листовный указъ... (Стр. 75.)

»Писани универсали во всѣ Малороссійскіи полки... даби... запретить накрѣпко старшинѣ и протчіимъ, дабы козакамъ и посполству налогъ, обидъ и тягостей отнюдъ не чинили, при судахъ зъ козаковъ и посполства накладовъ и взятковъ на себе и ни на кого отнюдъ не брали и нѣякого пиття и протчего своего и ничіего на нихъ не накидивали, и ни на якіе свои приватніе работи ихъ не посилали, и зверхъ того, что указами повелено, ничего не брали, такожъ у козаковъ кгрунтовъ, земель и протчего недвижного не отнимали, и тимъ ихъ въ подданство себѣ не привлекали, и до раззоренія не приводили... (Стр. 87.)

»По жалобѣ Ивана Бабича, жителя села Погребокъ съ товарищи, прибувшого въ Москву, на пана Андрѣя Лизогуба занесенной, что якобы онъ ихъ, въ козацство опредѣленихъ, притягаетъ до подданства и чинитъ имъ грабителства позабиранемъ воловъ и коней, писанъ универсалъ...« (Стр. 105.)

Потверждая Козелецкому магистрату Магдебургекое право, гетманъ Данило Апостолъ, въ универсалѣ 1729 года, говоритъ: »... жеби панъ полковникъ Кіевскій и старшина полковая тамошняя, отъ ратуша Козелецкого, о святкахъ, ралціовъ и другихъ нѣякихъ датковъ не вимагали, и под-

данпихъ ихъ ратушнихъ на приватніе свои работи не употребляли...« (Стр. 58, второй нумераціи.)

Изъ жалобы генеральнаго хорунжаго Забѣлы гетману Апостолу (безъ числа). Староста Полтавскаго полковника поколотилъ крестьянина Забѣлы, вышибъ зубъ, рвалъ за волосы и топталъ, другому крестьянину разшибъ голову, прикащика забилъ въ колодки, набѣжалъ на господскій дворъ, угналъ 16 штукъ рогатаго скота, 20 штукъ овецъ, приколотилъ слугу палками, приговаривая: »Щò то за Забѣла? черный, или бѣлый? чортъ его знае!« *Арх. Марк.*

Извлеченіе изъ жалобы Дейнекъ на хищничество Павла Полубка, 1730. Дейнеки, занимаясь торговлею за границею Малороссіи, ѣхали съ табакомъ черезъ имѣніе маршáлка великаго княжества Литовскаго, Поцѣя. Староста Поцѣевъ арестовалъ ихъ товары и отправилъ къ своему господину въ Вильно. Когда Дейнеки явились къ самому Поцѣю, онъ сказалъ, что они ограблены за Полуботка, который долженъ ему 40,000 злотыхъ. Поцѣй объяснилъ свою претензію въ писмѣ къ гетману Скоропадскому, которое и было вручено Дейнекамъ. Гетманъ по этому письму, велѣлъ Полуботку удовлетворить ихъ. Но Полуботокъ медлилъ. Между тѣмъ Скоропадскій умеръ. Началась тяжба Полуботка съ Поцѣемъ и съ Дейнеками. Поцѣй утверждалъ, что Полуботокъ бралъ у его арендатора деньги и товары, чрезъ шляхтича Цыбульскаго; Полуботокъ запирался. Дейнеки приводили въ доказательство письма Поцѣя; Полуботокъ доказывалъ, что эти письма — вздоръ. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Полуботокъ потребованъ былъ въ Петербургъ и вскорѣ умеръ. — Но не одинъ Поцѣй обвинялъ Полуботка въ хищничествѣ. Шляхтичъ Цыбульскій купилъ у Полуботка нѣсколько сотъ пудовъ табаку, по 4 злотыхъ за пудъ, а »звонникамъ« (колокольнымъ мастерамъ) продалъ 200 пудовъ мѣди. Полуботокъ объявилъ ему, что онъ охотно заплатитъ по 6 рублей за пудъ мѣди, принявъ ее въ счетъ за табакъ, и, на этомъ основаніи, во время провоза ее изъ Слуцка въ Кіевъ, арестовалъ ее въ Черниговѣ, а недочетъ доплатилъ наличными деньгами. Цыбульскій предлагалъ ему, вмѣсто мѣди, 80 воловъ, которыхъ онъ купилъ для него, по его словесной просьбѣ; но Полуботокъ воловъ не принялъ, и Цыбульскій по-

казалъ въ своей жалобѣ 1437 злотыхъ убытку. — Тотъ же Цыбульскій, въ 1716 году, купилъ у Борковскаго хлѣбъ, »осмачку по два талера«, и послалъ за нимъ подводы. Но Полуботокъ, въ качествѣ Черниговскаго полковника, не позволилъ ему вывезть хлѣбъ за границу; потомъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ ему купить у него, Полуботка, »100 куфъ (бочекъ) горилки« съ тѣмъ, что если онъ купитъ горилку, то позволено будетъ ему вывезть и хлѣбъ. У Мокріевича Цыбульскій купилъ по 10 битыхъ талеровъ куфу; Полуботокъ содралъ съ него по 18. Но этимъ не кончилось: когда Цыбульскій уѣхалъ за границу, оставивъ у своихъ факторовъ, для перевозки хлѣба и горилки, 74 червонца и 150 золотыхъ, Полуботокъ тотъ-часъ арестовалъ и перековалъ всѣхъ ихъ, »за дукатъ, найденный между червонцами«. *Арх. Марк.*

Изъ инструкціи гетмана Апостола обозному Ивану Носу, 1731. Ѣхать туда-то. На пути »никакихъ обидъ обывателямъ не чинить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Коропского мѣщанина Семена Литуша гетману Апостолу, 1731. Сотникъ, войтъ, бурмистры и двое мѣщанъ, по жалобѣ священниковъ о святотатствѣ, безъ доказательствъ и свидѣтелей, вытащили его жену изъ дому въ Коропскую ратушу, три раза сѣкли плетьми и посадили въ тюрму. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ жаловаться митрополиту. Узнавъ о томъ, эти старшины три раза высѣкли ее голую розгами и опять посадили въ тюрму, гдѣ просидѣла она восемь недѣль. Къ ней пришла дочь повидаться; они и ее два раза клали и сѣкли. *Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральной войсковой канцеляріи, 1734. Подтверждаются всѣ прежнія права, дарованныя Черниговскому магистрату; въ заключеніе сказано: ».... позволяется тими всѣми вишше показанними маетностми, млинами и другими угодіами владѣть ему, войту, зъ маистратомъ безпрепятственно, такъ: даби полковникъ Черниговскій съ старшиною полковою и сотниками во владѣніи тихъ селъ, грунтовъ и протчихъ угодій и въ отбиранію съ оныхъ всякихъ пожитковъ, а зъ млина розмѣровихъ приходовъ, ему, войну, зъ маистратомъ нихто ни малѣй-

шей не важился чинити трудности и перешкоды, — пилно предлагается...«

Изъ универсала той же канцеляріи, 1746. Говорится объ универсалѣ генеральной канцеляріи, отъ 1741 г., іюня 24, данномъ по челобитью войта Черниг. магистрата, въ которомъ сказано: »что многия грунта зъ жалованнихъ на оную ратушъ Чернѣговскую и старшину маистратовую селъ и другихъ угодій въ разние владѣнія невѣдомо почему поотходили; такожъ полковникъ нинѣшній всякихъ ремесвихъ людей къ работѣ въ домъ свой привлекаеть и за работу ничего имъ не платить; онъ же, полковникъ, и полковая канцелярия тамошняя въ протекцѣи своей мѣщанъ знатнихъ содержить, отъ податей общенароднихъ уволяють, въ козачое звание мѣщанъ притягають, и мимо ратушній судъ къ своему суду мѣщанъ и приежжихъ людей привлекають, торговимъ людемъ приежжимъ товари ихъ въ розиь ѳартою продавать позволяють, и перекупней, живущихъ при городѣ Черніговѣ въ дворахъ приежжихъ, разного звания людей зъ ратушного вѣдомства отняли и помоществовать въ общенароднихъ нуждахъ мѣщанамъ тѣмъ людемъ запрещають; его жъ, войта, бурмистровъ и другихъ маистратовихъ чиновниковъ къ своему суду извлекають, и тѣмъ многие чинять обиди. И просили о таковыхъ, отшедшихъ съ подъ владѣния ихъ грунтахъ и угодияхъ о учиненіи надлежащого слѣдствия и разсмотрения... отъ войковой генералной канцеляріи конфирмаціи...«

Изъ жалобы Черниговскаго магистрата гетману Разумовскому, 1753. Магистратъ жалуется на полковника и коменданта Черниговскаго, Божича, который, злобствуя на магистратъ за то, что послѣдній »подсудственними своими въ командѣ его, г-на полковника, не состоить«, причиняетъ магистрату разныя обиды, и публично побилъ одного война; »райцу магистрату Черниговского, Никиту Инспекторенка, безъ всякой оного винности, снскавъ въ домъ свой, билъ его, Инспекторенка, нещадно плетми; а минувшого мая 14 д. 1750 г. магистратового слугу, Лукяна Симонтовского, зъ другимъ магистратовимъ служителемъ, не по командѣ его полковничей, взявъ и осадивъ между колодники, содержалъ чрезъ многое время въ секвестри весма напрасно. Тому же служителю Лукяну Симонтовскому такъ домъ магистратовій, яко и служителѣ

магистратовие всѣ поручени били въ смотрение; о которомъ хотя и требовано зъ магистрату, точію, неведомо для чего, не отпущено. Съ чего магистрату всепокорнѣйшая послѣдовала обида; ибо когда минувшого мая, зъ 19 противъ 20 числа того жъ 1750 году, въ городѣ Черніговѣ учинился пожаръ, то тотъ би слуга магистратовий зъ другими служителями и съ тѣмъ служителемъ, съ коимъ онъ въ секвестри полковомъ содержался, сначала такова пожара [какъ уповательно] оному пожару распространитись не допустилъ, или дѣла, въ магистратѣ имѣвшиесь, виратовать моглъ би, — которой, хотя въ то время, когда тотъ пожаръ распространятись начиналъ, плачучись просился, точію и въ самой тотъ самонужнѣйшій случай не отпущенъ; почему такъ магистратъ ввесь съ письменними дѣлами, яко и все того слуги убожеское имущество, до остатку згорѣло. При послѣдовавшемъ же пожару мая 20 оной госп. полковникъ Божичъ, браня и грозя магистратовую старшину, произносилъ похвалки: »Ежели би, де, »войтъ вашъ былъ зде, я би, де, его, войта, нинѣ велѣлъ вбросить въ »сей огонь!« При взятіи же на томъ пожарѣ шинкаря магистратового и десятниковъ двохъ подъ свой караулъ, припародно жъ браня. сказивалъ бурмистрамъ и писарю магистратовому, кои были на томъ пожарѣ: »Е»жели, де, ви что ни-на-есть объ етомъ пожарѣ будете въ войсковую »енеральную канцелярию писать, то, де, я вашему этому писарю пере»ламаю руки и ноги!« И таковими своими угрожениями такъ тогда магістратъ Черніговскій привелъ въ страхъ, что не точию въ другихъ отъ его г-на полковника, обидахъ подсудственнимъ магистратовимъ причиненнихъ по вишшей командѣ бить челомъ невозможно, но й по указнимъ дѣламъ магистрату правление имѣть было опасно....« и. т. д.

Изъ листа полковой Лубенской канцеляріи, за подписью полковника Лубенскаго, Ивана Кулябки, ко всѣмъ сотникамъ того полка, 1758. »Во время недавно бившого въ Лубняхъ въ полковой канцелярии всѣхъ господъ полковой старшини і сотниковъ собрания, съ представления нѣкоторихъ господъ полковой старшини на пановъ сотниковъ и сотеннихъ старшинъ, отъ коихъ надлежащого имъ, полковимъ старшинамъ, почтения никогда не чинится, обявлено отъ нижеподписавшагося полковника всѣмъ въобщѣ командирски, даби чинъ чина почиталъ всегда и вездѣ, какъ должно и запристойно есть и вездѣ водится По какъ нинѣ самимъ нижеподписавшимся полковникомъ усмотрѣвается зъ обхож-

деній здешнихъ полковихъ сотниковъ, какъ могуть полковие старшини отъ сотниковъ и сотеннихъ старшинъ имѣть почтеніе, когда оного нижеподписавшомуся полковнику, настоящему и первому въ полку командиру, въ началѣ того почтения нѣтъ? ибо, чего нѣгдѣ не водится, зъ онихъ сотниковъ мало когда которого, а инного и никогда і въ глаза видимо не биваетъ, и что въ городѣ дѣлается — невѣдомо, кромѣ развѣ кто случайно и сторонно обявитъ. Состоящие же при полковихъ резиденциахъ старшини повсядено должни приходя полковимъ командирамъ являться и, что̀ происходитъ, репортовать....«

Изъ жалобы Крестоваго намѣстника Θедора Савицкаго на сотника Второсенчанскаго Θедора Слюза, въ судъ полковый Лубенскій, 1762. Въ 1761 году человѣкъ Савицкаго, Антонъ Чехъ, вмѣстѣ съ козакомъ Запорожскимъ пили горѣлку у священника въ с. Скоробогаткахъ. По какому-то подозрѣнію, сотникъ Слюзъ, жившій въ томъ же селѣ, схватилъ Запорожца и отправилъ въ сотенное правленіе; но Запорожецъ бѣжалъ. Тогда сотникъ ни съ того, ни съ сего, схватилъ и Чеха, отобравъ у него и коня, »и, заковавъ въ желѣза, содержалъ въ земляномъ погребѣ, подъ арестомъ«, не давая знать о случившемся, какъ слѣдовало по закону, Савицкому. Чеха »батожжемъ немилосердно билъ, домагаясь, чтобъ говорилъ, кто таковъ есть съ людей его, Савицкого, воръ. И при томъ онъ, Слюзъ, и самого его, Савицкого, воромъ порицалъ и другими многими пашквильними словами ругалъ и упослѣждалъ«. Настрашенный Чехъ говорилъ то, чего не бывало, а наконтцъ бѣжалъ. Въ то время сотникъ, »чрезъ многочисленную козачую команду, гвалтовно взялъ« изъ двора Чехова коня. Вслѣдъ за тѣмъ, по приказанію сотника, сотенный писарь Товстоногъ, съ такою же »командою«, напалъ на шникъ Савицкаго въ с. Жданахъ (гдѣ жилъ Савицкий); »тамо шинкаря Оврама Яценка (онъ же и Сербинъ) възялъ и, связавъ назадъ руки, отвезлъ въ село Скоробогатки«; во̀ время пути, Товстоногъ, безъ всякой вины, »билъ (шинкаря) где ни попавъ плетью немилосердно; а и бившие при немъ козаки, смотря на его, Товстонога, потому же нещадно плетьми били«. Потомъ сотникъ опять послалъ Товстонога съ сотеннымъ хоружимъ Паламаренкомъ и съ такою же командою, и они схватили третьяго человѣка Савицкаго, отобрали у него лошадь и привезли въ с. Скоробогатки, гдѣ эти люди были »содержани подъ арестомъ при сотен-

номъ правленіи, въ ручнихъ и ножнихъ колодкахъ, въ земляпихъ погребахъ, чрезъ шесть недѣль«. Послѣ люди были забраны въ Лубенскую полковую канцелярію. Лошади же остались у сотника и были употребляемы имъ въ работу. На этихъ людей Сотникъ доносилъ въ Лубенскую полковую канцелярію, что они схвачены за то, что, будто, воровали заодно »съ домашними« Савицкаго. Эти люди даже не были подвѣдомственны Слюзу.

При допросахъ людей, сотникъ называлъ Савицкаго воромъ и пр.; еще прежде замоталъ у послѣдняго деньги; писалъ въ Лубенскую полковую канцелярію, »попрекая ему, Савицкому, нѣякимись непорядками, привичкою къ тяжбамъ, отъ начала живота его, Савицкого, уфундаментованною, самоволствомъ, безстрашиемъ и високимъ о себѣ мнѣниемъ, и что будто онъ, Савицкий, въ тяжбахъ жизнь свою провесть желаеть. Тако его, Савицкого, опашквилевалъ и опотварилъ предъ полковою канцелярнею, национальнимъ правительствомъ.« Когда отъ Слюза изъ полковой Лубенской канцеляріи былъ потребованъ отвѣтъ о дерзостяхъ, говоренныхъ при человѣкѣ Савицкаго на полковую канцелярію и особливо на полковника, то Слюзъ »и въ томъ отвѣтѣ опашквилевалъ его, Савицкого, неякоюсь природою къ тяжбамъ, а особливо нѣякимсь злодѣемъ его, Савицкого...« Въ домѣ полковника Лубенскаго »поносилъ его, Савицкого, воромъ, злодѣемъ и смертоубийцею.«

Судъ Лубенскій велѣлъ сотнику Слюзу возвратить Савицкому коней и съ козакомъ послалъ къ нему указъ, съ требованіемъ въ 4-мѣсячный срокъ или самому явиться въ судъ, или прислать отъ себя повѣреннаго. Слюзъ въ полученіи этого указа, не смотря на требованіе, не далъ росписки, и въ судъ ни самъ не явился, ни повѣреннаго не прислалъ, и не далъ никакого отвѣта. Прежде же этого, »всѣ тѣ указы... презрѣлъ и преслушалъ, и еще доношениемъ полковую канцелярию обругалъ, а людей (Савицкаго) съ подъ караула не освободилъ.«

Изъ прошенія жителей Кролевца, гетману Разумовскому, 1764. Съ согласія гетмана, маіоръ Яковъ Скоропадскій и бунчуковый товаришъ Григорій Долинскій взяли на откупъ право »продавать собственные іхъ напитки въ имѣючихся въ Малой Россіи свободнихъ войсковихъ маетностехъ — мѣстечкахъ, селахъ і деревняхъ« и обязались платить въ скарбъ войсковый вдвое противъ получавшагося прежде. Назначенный,

для надзора въ городѣ Кролевцѣ »свободнихъ мѣщанъ« значковый товаришъ Ѳедоровскій, по требованію повѣренныхъ откупщиковъ — войсковыхъ товарищей Павловскаго и Михайловскаго — отвелъ послѣднимъ на шинки »уѣздныхъ дворовъ« (т. е. заѣзжихъ) 4 и цеховихъ церковныхъ столько же, тогда какъ цеховые дворы были всегда свободны отъ постоевъ и т. п., и устроены собственнымъ коштомъ — козаками и мѣщанами, »товариствомъ города Кролевца«; изъ доходовъ же съ этихъ дворовъ »къ церквамъ, въ силѣ закона Божія, разнія потребности и въ церквахъ узаконенія свѣчы всегда по православію Хрыстіянскому единственно исправляются і нѣкогда не угашаютъ въ молебномъ пѣніи..« Изъ мѣщанъ же назначены въ его дворы »ліодовники — ліодъ бить и возить«; что »нынѣ въ отведеннихъ прописаннимъ Федоровскимъ цеховихъ церковныхъ дворахъ шинковать Скоропадскаго і Долѣнского напитками весма будетъ намъ обидно«, потому что иные изъ нихъ, не имѣя собственныхъ домовъ, живуть въ тѣхъ дворахъ; въ »уѣздныхъ« же дворахъ, всегда, отъ ратуши отводились квартири для знатныхъ проѣзжихъ, »і по требованію техъ проежаючыхъ персонъ всегда дается імъ разная провизія. Егда жъ будеть шинкъ, то уже въ случае проезду изъ знатныхъ персонъ квартерою стать не пожелаеть ныкто и хозяе лышатся чрезъ то вовся своего препитанія«, церкви же лишатся свѣчъ. И въ шинкари некого назначить, потому что большая часть ихъ — негрунтовые ремесленники. Для битья и возки льду въ 7 ледниковъ, необходимо болѣе 20 пѣшихъ и болѣе 30 конныхъ людей, »коныхъ людей намъ, нижайшимъ, коннихъ за ежеденно неусипними подводами і переходами разнихъ командъ, а пѣшихъ за подчинкою во все весняное і лѣтное время вездѣ по находячимся около Кролевця трактамъ мостовъ і гатей — вистачать крайне несносно.« По всему этому просятъ: »освободить насъ, беднихъ, отъ одкупу Скоропадского і Долѣнского, а імѣть імъ оной въ техъ мѣстахъ толко, гдѣ въ 1762 году содержанъ билъ.«

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Въ первомъ томѣ «Записокъ о Южной Руси» есть недосмотръ. На стр. 116, вмѣсто словъ: *Новой Басани, Переяславскаго уѣзда,* слѣдовало бы напечатать: *Новой Ба́сани, Козелецкаго уѣзда.*

Опечатки. Въ нотахъ напечатано нѣсколько разъ *швиденько,* а слѣдовало бы *швиде́нько.* — На стр. 283 напечатано *Пріхоровичу,* а слѣдовало бы: *Про́хоровичу.* — На стр. 300 напеч. *честі,* а слѣдовало бы *чаші.* — На стр. 322 напеч. *сеймковъ,* а слѣдовало бы *сеймиковъ.*